

БЕК МАХАНОВ

Медеу
Сарсеке

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Медеу Сарсеке — видный казахский писатель, известен российским читателям как автор биографических книг «Сатпаев» и «Букетов», романов «Взрыв» и «Клад», а также научно-фантастических повестей. Его новая книга посвящена талантливому казахскому историку Ермухану Бекмаханову. Воссоздавая трагический жизненный путь ученого, приводя большое количество свидетельств и документов (в том числе из архивов Комитета национальной безопасности Казахстана), автор показывает, как сталинская идеологическая система искалечила судьбу человека, посвятившего свою жизнь духовному возрождению своего народа.

За выдающийся вклад в литературу Медеу Сарсеке награжден орденом «Курмет» Республики Казахстан. Он также является академиком Международной информационной академии, почетным профессором Восточно-Казахстанского технического государственного университета и почетным гражданином города Семей и Баянаульского района.

[Адаптировано для AIReader]

-
- [Медеу Сарсеке](#)
    -
    -

- [Глава первая](#)
- [Глава вторая](#)
- [Глава третья](#)
- [Глава четвертая](#)
- [Глава пятая](#)
- [Глава шестая](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
- [Глава девятая](#)
- [Глава десятая](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)

○ [124](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1495

(1295)

Медеу Сарсеке

БЕКМАХАНОВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
АСТАНА
ФОЛИАНТ
2010

---

*

Автор выражает глубокую признательность вдове Ермухана Бекмаханова Халиме Адамбеккызы Бекмухамедовой и его дочери доктору исторических наук Найле Ермухаккызы Бекмахановой за помощь в создании этой книги.

Издательство «Молодая гвардия» выражает благодарность издательству «Фолиант» (г. Астана, Казахстан) и его главному редактору Р. К. Турлыновой за помощь в подготовке издания этой книги.

© Сарсеге М., 2010

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

Кто искажает историю, тех надо судить так же строго, как фальшивомонетчиков.

Мигель де СЕРВАНТЕС,

автор романа «Дон Кихот», XVII век

История казахов до колонизации русскими до сих пор остается не совсем ясной. Соответствует она истине или ошибочна — трудно что-либо сказать...

Халел ДОСМУХАМЕДОВ,

1924 год

*За годом год хромали годы,
Прошло их много с той поры.
Как вольный сын степной свободы
Казнен батыр Кенесары.
Но дух его бунтарской воли,
Его борьбы кровавый след
Был маяком казахской голи
До дней свободы, дней побед!*

Алихан БУКЕЙХАНОВ.

*Материалы к истории султана
Кенесары Касымова, 1923 год*

«Не ценили всех достоинств, когда он был жив, — скажут с покаянием горе-

*казахи обо мне». Позднее приписано:
«Эти слова я посвящал Канышу, Мухтару.
Брат мой, Ермухан, их теперь посвящаю
тебе. Пусть земля тебе будет пухом. Пока
жив, буду помнить тебя».*

Бауыржан МОМЫШУЛЫ,

6 мая 1966 года

Глава первая

МАЛЬЧИК ИЗ КАРАГАША

*«Гав-гав» — мне навстречу гавкает
Наш пятнистый щенок-пострел.
Во дворе — корова-красавка,
На ее молочке я взрослел...*

*Из ранних стихов
Е. Б. БЕКМАХАНОВА*

1

Не слышно звонких трелей птиц, заливистого многоголосия лягушек. Не шелохнется даже камыш. Тишь, безлюдье вокруг. Спит природа, чтобы до рассвета набраться сил, а с восходом солнца начать новый день.

В старой зимовке, сложенной из камней, в дальней комнате, на постели, устроенной прямо на земляном полу, спят двое мальчишек. Один из них вдруг сбросил с себя латаное-перелатаное одеяло, на корточках пробрался к маленькому окну, затянутому бараньим пузырем, долго смотрел в сторону высокой горы, что нависла над зимовкой. Вглядываясь в небо, он искал, видимо, Венеру, которая ярко сияет в лучах утренней зари. Лишь после того, как нашел ее, мальчишка вернулся на место и стал тормошить крепко спавшего друга за плечи — предутренний сон так сладок. Пришлось пощекотать засною, но Бакир лишь перевернулся на другой бок. Кое-как удалось поднять его и заставить одеться. Стараясь не шуметь, мальчишки на цыпочках пробрались к выходу. Осталось потихоньку

откинуть щеколду, толкнуть тяжелую дверь, сбитую из досок, но тут их выдал предательский скрип ржавых петель.

— Эй, сорванцы, куда вы в такую рань подались? — слышался недовольный голос матери. Но мальчишки уже успели прошмыгнуть за порог.

— Так, точно опоздали! Похоже, что глухарей уже на том месте не месте не застанем, — прошептал спутник Бакира. — Двигавай живее!

Бакир, шмыгая носом, едва поспевает за товарищем, а тот хотя и невысок был ростом, но шагал довольно широко. Быстро миновали поляну, где обычно пасся мелкий скот, преодолели, изрядно исцарапавшись, густую лесную чащу.

Понемногу рассеивалась густая тьма. Бакир с удивлением заметил, что друг напрямик привел его на заветное место, где вчера они поставили силки. С восхищением глядя на друга, он поражался его умению ориентироваться в такой чаше. И это неудивительно — ведь старший его на год предводитель мечтал стать настоящим охотником. «Сколько я силками выловил тетеревов и перепелок — не счесть, — рассказывал он слушавшим его с завистью друзьям. — А вы знаете, как выпархивает из-под снега куропатка? Видишь белый бугорок, вдруг он рассыпается, и оттуда, как в сказке, хлопая крыльями, вылетает птица...» Над ним подтрунивали: «Ври, да не завирайся, охотник-хвастун с Карагаша, мужичок с ноготок». Он обижался, понимая, что над ним смеются. И вот вчера неожиданно на уроке решительным тоном сказал: «Бакир, давай ко мне домой рванем. Завтра на рассвете ты увидишь такое, что ахнешь. Я покажу тебе место, где токуют глухари. Вот тогда и оценишь меня как охотника».

Как только прозвенел звонок с последнего урока, только их и видели. Они пешком отправились в Жасыбай. К озеру примыкала ложбина, местные жители

называли ее Казаннуыз, здесь располагался аул Торе, сюда они вскоре и прибыли. Дома наспех подкрепились тем, что припасла мать. У ворог сарай висели волосы от конского хвоста. Вырвали два клок, спрятали за пазухи. Под предлогом присмотра за скотиной помчались за Карагаш, чтобы поставить силки на птиц вблизи берез, любимых деревьев глухарей, молодыми почками которых они питаются.

— Хорошо, что успели. Глухари еще не спустились с горных ущелий. Иди ко мне ближе, укроемся пол деревом, Главное, чтобы птицы не заметили нас, не услышали наши голоса. Сиди тихо и не высовывайся.

Вскоре, как только поляну осветили первые лучи солнца, на нее, шумно взмахивая крыльями, опустились глухари. Зрелище захватило юных птицеловов. Раздались призывные крики и свист косачей. В их необыкновенных, причудливых танцах, звонких, неповторимых песнях было что-то таинственное, загадочное. И птицы все прибывали и прибывали. От удивления глаза у Бакира полезли на лоб. Безоблачное голубое небо вдруг усеяли черные пятна, прямо над головами появились тучки, казалось, сейчас хлынет дождь или ударит град. Однако влагой не потянуло. Тучки постепенно превращались в птиц. Глухари распускали роскошные, переливающиеся всеми цветами радуги хвосты и начинали важно выхаживать взад и вперед.

Бакир, увидев первых глухарей, забыл о предостережении друга и неожиданно захолопал в ладоши: «Есть, уже попался!», но мгновенно получил сильный тычок в бок, от которого захватило дыхание. Обычно в схватках он запросто побеждал своего спутника, считал себя более ловким борцом. Но сейчас тот застал его врасплох. Бакир хотел было вскочить, чтобы ответить обидчику, но друг предупредительно указал на пеструю собаку, лежавшую на расстоянии

вытянутой руки, шерсть у нее на загривке стала дыбом, клыки оскалились.

Бакир скрепя сердце сдержал обиду, намек напарника был ему понятен. Прилетела новая стая черных глухарей, следом — вторая, третья. Птицы пока не замечали притаившихся под деревом охотников. Порезвившись немного, птицы стали сбиваться на поляне в кучу.

Ребята завороженно смотрели, как пела и плясала птичья свадьба. Бакир прекрасно знал, что друга интересует буквально все, что его окружает. Но сегодня он также понял, как находчив, сообразителен и смел его товарищ. Недаром на другом склоне Найзашоки, где находятся зимовки Боштая и Чокы, о нем говорят: «Этот мальчонка из аула Торе — необычный ребенок. Он с малых лет показывает настоящий норов волчонка». И сегодняшнее его поведение на охоте — тому подтверждение. У него особое чутье, иначе откуда он мог знать, куда опустятся птицы. В его возрасте в эту пору дети видят сладкие сны, а он пересилил себя и поднялся в такую рань. Не каждому взрослому, а тем более ребенку, такое под силу.

Между тем страсти на поляне разгорались. Самки глухарей волей-неволей поддались ухаживаниям самцов. Оказалось, что беспорядочные перебежки, взлеты и кружения — только прелюдия любовной игры. Как только наступил день, пары начали носиться друг за другом. В какой-то миг вдруг исчезали в густых зарослях, трепыхались там некоторое время и выныривали наружу. Немало птиц парило и в бездонном небе. Казалось, и там кружатся брачные хороводы. Это был гимн весне, настоящий праздник жизни, ее вечного возрождения и обновления. Глухари праздновали его всего один раз в году вдалеке от людских глаз, среди густых лесных зарослей. Как и люди, опьяненные любовью, бедные птицы совсем забыли об опасности.

Потеряв голову в порыве страсти, некоторые из них попали в силки.

Бакир не мог спокойно за ними наблюдать, переживал, как бы они не порвали ловушки. Но хотя птицы изо всех сил стремились на волю, бедняжки никак не могли освободиться от конских волос, скрученных в несколько рядов. Видно, что его друг в совершенстве постиг секреты такой охоты. Только одному косачу, похоже, самцу, все же удалось освободиться от силков. Он уже было поднялся вверх, но опять попал в петлю из конских волос и камнем упал на землю. Терпение у Бакира лопнуло, он кубарем скатился к добыче.

— Ай-ай! Насмерть разбился! — закричал он и испуганно взглянул на напарника.

Выстрелом прогремел его крик, и все птицы разом вспорхнули, разлетаясь в разные стороны.

Напарник сердито упрекнул друга:

— Опять испортил. В первый и последний раз хожу с тобой на охоту. Теперь уж они ни за что не прилетят сюда... Ну, ладно. Что поспело, то и в рот залетело. Идем собирать добычу, что в силки попала.

Пойманных глухарей они закинули в мешки и скорым шагом вернулись в аул.

— Что вам не сидится дома, сорванцы? Не жалко бедных птиц, которые собрались высиживать птенцов? Их надо ловить не в брачную пору, а когда птенцы подрастут, осенью, — упрекнула их Бапиш-апа, хозяйка дома. — Что с вами будешь делать? Попейте айрана и идите отдыхать. — И принялась ощипывать птиц, которых хватило на обед не на один, а на несколько дней.

Мальчика, который, как бывалый охотник, приготовив все нужное снаряжение, встал спозаранку и вернулся домой с богатой добычей, звали Ермуханом, он

был третьим сыном Бекмахана, безотказного труженика аула Торе.

* * *

Известно, что торинцы^[1] (корень торе) прибыли сюда по повелению российского царя. Согласно Уставу, принятому в 1822 году, власть ханов была ликвидирована, и править «сибирскими кыргызами»^[2] в новых диванах (казахи переименовали их в дуаны), иначе говоря, в округах, отныне должны были старшие султаны, которые избирались только из рода торе. В созданном Баянаульском округе на должность старшего султана претендовал внук Аблай-хана от его сына Касыма, то есть младший брат Кенесары — Бопы. Однако предводитель тортуальцев^[3], уже достигший восьмидесятилетнего возраста, Чон би Едигеулы открыто выступил против избрания потомка хана из рода торе и демонстративно увел своих подчиненных с выборов.

Неожиданный протест баянаульцев насторожил генерал-губернатора Западной Сибири. В итоге на вновь назначенных выборах Чон би Едигеулы был избран старшим султаном. На этой должности он находился до 1835 года, вплоть до смерти. На следующих выборах Баянаульский округ возглавил потомок торе Мамам Аблаев. Однако его власть оказалась недолговечной. В 1837 году в окрестностях Акмолинской крепости вспыхнуло восстание казахов, вскоре охватившее почти все степные волости и Баянаульский округ. Активное участие всей черни этого края в вооруженном восстании под предводительством султана Кенесары Касымова российские правители восприняли как стихийный протест тортуальцев против

правления потомков торе, поэтому чиновники царской администрации стали искать взамен им авторитетных людей среди местного населения. Кстати, по этому поводу другой потомок торе, получивший блестящее русское образование, Чокан Валиханов в 1857 году в своих заметках «О Баян-Аульском округе» отмечал: «В родах кыргызов Баян-Аульского округа султаны имели менее значения, нежели в других родах, а роды эти управлялись сильными родоначальниками — биями. Особенно известны в народе бии: в айдабульском роде — Чон, а в каржасском — Нормам, по прозвищу Шешен (мудрый остролов), знаменитый умом и хитростью...»

Далее мы не будем подробно описывать политические события XIX века. Наша цель — используя эти сведения местного значения, воссоздать историю заселения берегов Жасыбая предками главного героя нашей книги. В целях закрепления плодородных земель в окрестностях живописного Баянаула за собой в те же годы несколько близких людей правителя округа перебрались в здешние места. В частности, близкие родичи торе Бопы и Маман. Среди них был один из четырнадцати сыновей хана УВАЛИЯ — ТАУКЕ (позднее их потомки получили фамилию ТАУКЕХАНОВЫ). Один из них ЖАНПЕИС. Его сын — ЖАНБОБЕК в 1837–1840 годах завладел небольшим клочком земли в ложбине Казанауыз на берегу озера Жасыбай, окруженного густыми лесами. Живописные, благодатные места вокруг озера доставались не каждому. Например, восточную часть в самом начале перекочевки в эти края аулов тортуульцев занял их предводитель Олжабай-батыр Толыбайулы. Это произошло в 1730–1740-х годах. (В настоящее время на месте родового имени Олжабая, на берегах широких заливов озера находятся дома отдыха и коттеджи туристических фирм.) А напротив зимовья Карагаш, в противоположной, восточной части склона Найзашоки, обосновались

потомки младшего брата Едигебия Ечамана — его детей Боштая и Чоки. Как копье, воткнутое в землю, возвышается гора Найзашоки (найза — пика, шоки — остроконечная возвышенность). Расстояние между аулом Торе и зимовьем детей Турсынбая Боштаева составляло всего полторы версты.

От Жанбобека идут три потомственные линии — БЕГЕН, Бегелай и Жошы. От Бегена — БЕКМАХАН и Жармухан (Жармухамед). От Бскмахана — три ветви — Токаш, Динше и ЕРМУХАН... Токаш умер в младенческом возрасте. После Ермухана в семье родилась еще девочка Камия.

Сведений о Бекмахане Бегенулы до наших дней дошло очень мало. И те противоречивы. Отец Ермухана, всю жизнь страдая от безысходной, беспросветной нужды, постоянно нанимался батрачить в богатые аулы и еле сводил концы с концами. Известно, что целых пятнадцать лет он зимой и летом пас лошадей у внука Чорман-бия — Зинлы. В начале прошлого века Зинда Чорманов на берегу озера Жасыбай в июле ставил несколько юрт. Его многочисленное семейство плескалось в озере, грелось на солнце. А жена Бекмахана Бапиш обслуживала его избалованных вниманием домочадцев. Бедняга Бекмахан до конца жизни так и не увидел достатка. И после себя оставил в наследство захудалую зимовку из двух комнатушек, сложенную из камней, одну корову с телянком да десяток коз (у него никогда не было своего коня).

В статистическом сборнике «Материалы по обследованию хозяйств и землепользования кыргызы Семипалатинской области* (Павлодарский уезд, 2-е издание, Семипалатинск, 1912 год) приведены сведения о переписи 1910 года, где указано, что в ауле аксакала Бегедая Жанбобекова числились 11 дворов, 39 мужчин, 33 женщины. В их собственности находилось 5 саней,

48 арб, 85 лошадей, 193 коровы, 212 коз, 3 верблюда; из-за нехватки сенокосных пастбищ 8 дворов вынуждены были закупать сено на зиму у других хозяйственников; а посевных земель вовсе не оказалось.

Из официальных сведений начала XIX века следует, что в ауле Горе на каждую душу приходилось по одной лошади, по три коровы и столько же мелкого скота. Из-за отсутствия тягловой силы семьи торинцев не могли кочевать на летние пастбища, имевшееся поголовье скота позволяло им лишь как-то выжить. Как и у многих, мало радости было и в семейном очаге Бекмахана.

Женой Бекмахаиа была Бапиш Конырбайкызы, правнучка известного всей Сары-Арке борца Балуана Шолака (нареченное имя Нурмаганбет) Баймырзаулы (1864–1919). Ее отца звали Конырбай, он, в свою очередь, приходился сыном Макажану Нурмаганбетулы. Мы не знаем, каким образом и благодаря стечению каких обстоятельств выросшие в далеких кокшетауских горах потомки Балуана Шолака оказались сватами выходцев из аула Торе. Но нам известно, что их потомки Наскен, Видай и Бапиш родились в Баянауле. Они приходились Срмухану Бекмаханову родственниками по материнской линии. Долгие годы вместе делили хлеб-соль, росли бок о бок. Нам также известно, что если силача Балуана Шолака никому не удавалось положить на лопатки, то его правнучку Бапиш невозможно было превзойти в пении и поэтической импровизации. Ее изумительный голос передался по наследству всем последующим поколениям родственников. Например, племянник Бапиш — Иген Баязитов, его дети и внуки все до единого славились в Баянаульском округе песнями-стихами. Также и ее собственные дети.

Бапиш была женщиной представительной, видной, с мягкой улыбкой и лучистым взглядом больших карих глаз. В ауле Бапиш слыла мастерицей по шитью одежды и умелой хозяйкой. Она была настоящей хранительницей своего очага, а Бекмахану, которому редко удавалось навещать дом, оставалось лишь примириться с ее верховенством в семье. Где бы он ни был, надолго ли покидал семью, Бекмахан никогда не беспокоился о том, как живут без него домашние.

Жизнь текла как стремительная река. Историки, исследовавшие жизненный путь Ермухана, сообщают, что когда мальчику исполнилось шесть лет, скончался его отец. Это случилось в 1921 году. Бапиш осталась вдовой с тремя детьми на руках. Старшему Динше было четырнадцать, младшую дочь Камию мать только перестала кормить грудью. Судьба уготовила семье тяжелую участь. Пяти-шести коз, которые были единственным источником пропитания для детей, едва хватило, чтобы покрыть расходы на похороны. Жизнь семьи Бекмахана отныне зависела от четырех сосков единственной коровы...

2

В начале XX века молодежь из Баянаула устремилась на учебу в города, расположенные вдоль Иртыша. Тяга к знаниям даже породила дух соперничества.

Токен Оразов, учившийся в Семипалатинске (ныне — Семей), в 1967 году в своих воспоминаниях писал: «В 1926 году, после окончания партийной школы в Павлодаре, я с братом Ермухана Динше, учившимся в Семее, приехал в аул Торе. Конечно, нам были оказаны соответствующие почести... Однажды мы пошли прогуляться к скале Найзатас. Ермухан увязался за

нами. Когда поднялись на гору, он вдруг вспомнил что-то и во весь дух помчался в сторону своего дома. Не успели мы и моргнуть глазом, как он вернулся с двухрядной гармонью за спиной. Динше прекрасно играл на гармони, на домбре и мандолине. Мальчишка вручил гармонь брату, сам же взобрался на край скалы и начал петь. Его звонкий голос далеко разносился во все стороны, достигая аулов, расположенных внизу. И с ближайших зимовок Боштдя, Торе, Чокы и Уак потихонечку потянулись на гору Найзатас девушки, молодые женщины, подростки. Словом, собралось немало любителей песни. Все мы до самого заката солнца поочередно состязались в пении. Ермухан не отставал от взрослых...»

«После окончания Гражданской войны в ауле Торе заметно больше стало учащейся молодежи. Многие учились в Семее, Павлодаре, Славгороде. Среди них — Шамхан (Шаммухан), Каскатай Таукехановы, Паскен, Бидай Конырбасвы, а также Рамазан Бегедаев, Динше Бекмаханов», — писал в своих воспоминаниях действительный член Академии наук Казахской ССР Серикбай Бейсембаев. Следует отметить, что Серикбай-аксакал с малых лет хорошо знал аул Торе, так как Бегедай Бегенулы Таукеханов был его отчимом. Таким образом, в качестве приемного внука Бегена он рос вместе с детьми Бекмахана. В ту пору им было пять-шесть лет, они играли в асыки и резвились, как жеребята. Шаммухан Жумаханулы Таукеханов, 1904 года рождения, член ВКП(б) с 1924 года, в 1937-1938 годах работал генеральным прокурором Казахской ССР. Его младший брат Ештай Таукеханов служил в Военно-морском флоте СССР, получил звание капитана первого ранга, участвовал в Великой Отечественной войне, в 1950 году вышел в отставку и до конца своих дней жил в Алма-Ате.

К сожалению, не у всех способных молодых людей этого аула, которые жадно стремились к знаниям, судьба сложилась так счастливо. «Некоторые из них погибли на полях Великой Отечественной войны, другие тоже рано ушли из жизни, и сейчас их осталось не так уж много...» — с горечью вспоминал провизор, баянаулец Салкен Суханбердин, не рассказывая подробно, почему эти грамотные люди не оставили о себе памяти. Причина в том» что воспоминания он написал в 1967 году, когда в обществе еще пресекались всякие вольные мысли. Суровая же правда, которая была скрыта между строк, такова: в 1920—1930-х годах бдительные органы ОГПУ активно охотились за учащейся молодежью, и, естественно, многие молодые, подающие надежды люди попали в жернова политических репрессий; были среди них и торинцы.

В неоднократно опубликованных «Воспоминаниях о Ермухане Бекмахавове» очевидцы живо рисуют картины его детства, когда они вместе играли в асыки, присматривали за домашним скотом, казались верхом на телятах, без прикрас описывают тяжелые будни казахского аула, в котором в старом каменном зимовье на берегу озера Жасыбай в 1916 году появился на свет будущий историк. Но, на наш взгляд, в ряде мест они допускают досадные неточности и даже несуразности, в подтексте которых явно чувствуются попытки примазаться к славе ученого... Например, друг детства Салкен Суханбердин пишет, что когда в его родном ауле Абдир открылась казахская школа, Ермухан три года вместе с ним посещал е, обучаясь там арабской письменности. Преподавал в школе Суханбсрды Хасенулы, выходец из рабочих Экибастуза, отец Салкена. «Рядом со мной сидел тонкий, как жердь, но с виду крепкий мальчик. Вместе с ним мы принялись за букварь. Впоследствии этот мальчик стал известным ученым, это был талантливый историк Ермухан

Бекмаханов», — утверждает С. Суханбердин. Но позвольте, как этот «тонкий, как жердь, мальчик» мог на протяжении трех лет метельной зимой и жарким летом пешком добираться от озера Жасыбай до далекого аула? Это просто немыслимо! Известно же, что Бекмахановы никогда не имели коня, да и жить в чужом ауле мальчику не позволяла острая нужда. К тому же подходящая и лучшая школа находилась гораздо ближе от его дома, всего в семи-восьми верстах, в станице Баянаульской.

А вот воспоминания еще одного очевидца, учителя Бакира Казыханова, много лет проработавшего директором Баянаульской казахской средней школы имени Султанмахмута Торайгырова: «Конец августа 1926 года... Аульные ребята по двое, четверо поселились в ломах станицы Баянаульской, по договоренности с хозяевами их семьи ежемесячно вносили плату за проживание, за питание детей. Мы с Ермуханом не только земляки, но и родственники, наши родители — сваты. Короче говоря, они, дав нам разные наставления, как жить и как вести себя в школе, поселили нас вместе в доме Пасенкова... До этого Ермухан и я ходили всего один год в аульную начальную школу, но оттуда мы с ним часто сбегали домой. Так и мечась между аулами, сами научились читать, даже освоили письмо по «Облегченному учению»^[4], между прочим, неплохо решали задачи в двух действиях. Однако у нас на руках не было справки о том, что мы учились в такой-то школе. Поэтому нас посадили в первый класс. Через месяц обоих перевели во второй класс. Наверное, оценили наши знания. Словом, до окончания 7-го класса мы сидели за одной партой, были первыми учениками в своем классе. Почерк у Ермухана был красивый, его тетрадь учителя показывали всем в качестве образца...»

Кстати, Серикбай Бейсембаев в своих воспоминаниях, озаглавленных «Братишка мой», косвенно подтверждает сведения Бакира Казыханова: «Ермухан был младше меня на 4-5 лет... И горел желанием учиться. Однажды он привел меня к себе домой, показал «Букварь», достал чистую бумагу и карандаш и попросил научить его писать. Добавлю, тогда он уже умел по слогам читать... Так, благодаря домашней подготовке и сильному желанию все знать, он был принят сразу во второй класс Баянаульской школы, между прочим, быстро догнал учившихся там одногодков Салкена, Жумабека, Имаша, Толеша, а после перегнал всех их...»

Приведенные нами воспоминания полувековой давности не совсем согласуются между собой. Тем не менее очевидцы юных лет историка сходятся в одном: младший сын Бекмахана пришел в Баянаульскую школу, наизусть зная «Букварь», он значительно опережал своих однокашников по всем предметам. Подгонять способного мальчика не приходилось, он жадно припадал к чистому роднику знаний.

Приведем запись, сделанную самим ученым в анкете от 20 мая 1960 года: «В период с 1928 по 1932 (?) год я учился в средней школе в Баянауле». Несоответствие с вышеизложенными свидетельствами налицо, однако несоответствие дат объясняется тем, что историк вовсе не ссылается на годы самостоятельной учебы или кратковременных посещений аульной «школы». Он включил в автобиографию лишь годы обучения в государственном учебном заведении. Этот момент требует объяснения: дело в том, что в 1928 году он вступил в Союз коммунистической молодежи; по возрасту он не подходил, для вступления в комсомол не хватало целого года; и он, недолго думая, прибавил себе этот год. Кстати, это подтверждает историк Тотай Тажигулов, его ученик, в книге «Жизнь, опаленная

огнем», который однажды услышав об этом из уст самого Е. Бекмаханова. На вопрос Тажигулова: «Зачем вы так поступили?» — Ермухан Бекмаханулы ответил: «Не забывай, что в 30-х годах молодежь отправляли на учебу по путевкам комсомольских организаций. А у меня было страстное желание учиться...» В общем, в анкете Ермухана Бекмаханова записано, что он родился в 1915 году, а сам он говорил друзьям, что в действительности появился на свет в начале 1916 года.

Живописуя юношеские годы будущего ученого, все его сверстники подчеркивали, что он был вдумчивым, старательным учеником. Ему жилось несладко, он часто недоедал, не было сносной одежды, обуви. Летом и осенью всегда ходил босиком. В станице Баянаульской он снимал угол то у казака Пасенкова, то у другого русского по фамилии Жарков. С нетерпением Ермухан ждал каждой субботы, чтобы скорее вернуться домой. Как только заканчивались занятия в школе, он пешком отправлялся из районного центра к озеру Жасыбай, напрямую, через Тикасу^[5]. Л за ним до дома оставалось три-четыре километра, было уже легче.

«Мать Ермухана встречала нас всегда тепло, поцеловав, сразу выставляла на стол домашние запасы еды. Радужный прием заботливой матери трогал наши сердца. Немного отдохнув, по мере сил мы помогали ей по хозяйству: нарубим целую кучу дров, вычистим сарай, — вспоминал Бакир Казыханов. — Обрато же мать провожала нас с нележкой поклажей почти до середины нуги. Пока мы отсыпались, трудолюбивая мать, не отдыхая, всю ночь стряпала для нас. Сгибаясь под тяжестью сумок, мы с трудом добирались к себе на квартиру».

Бывало и так: оседлав трехлетнюю телку, что было признаком крайней нищеты, привязав с одного боку курджун со съестными припасами, с другого — бурдюк

с айраном, мать Ермухана сама заявлялась в районный центр. В ожидании, когда закончатся занятия, она дремала в тени деревьев у школы. Бедная мать иногда привозила сыну лишь айран или иримчик. Но и это была поддержка, так как в доме, где он снимал угол, кроме чая, ничего не давали.

Впрочем, в те годы все дети садились за парты полуголодными. Чуть-чуть стало легче парнишке лишь в 1930 году. По словам известного писателя-поэта, выходца из Баянаула, Дихана Абилсва, его одноклассник Динше, родной брат Ермухана, сразу после окончания Семипалатинского техникума сельского хозяйства был назначен военкомом Баянаульского района. Теперь домочадцы Бекмахана не бедствовали так, как раньше.

Да и в школе дела Ермухана пошли в гору. Особая тяга у него была к обществоведению и точным наукам. От природы сообразительный, он на лету схватывал все, что рассказывали учителя (следует напомнить: в то время не хватало учебников). Ермухан читал все подряд, что попадало под руку. А книги и журналы в станице днем с огнем надо было искать. Именно в те годы у него развились способности по-своему воспринимать окружающий мир. Самостоятельно научился играть на домбре, мандолине. Низким приятным голосом пел баянаульские песни, вкладывая в них всю душу. Самоучка-певец с задором, даже залихватски выступал перед слушателями.

Известно, что баянаульцы всегда отличались песнетворчеством, они любовно на протяжении веков передавали из поколения в поколение старинные песни. Ермухан всегда участвовал в школьных музыкальных и литературных вечерах, постепенно оттачивая мастерство певца. Друзья детства с теплотой вспоминают, что Ермухан быстрее всех подхватывал

новые мотивы, и как бы ни была сложна песня, он шутя, без всякого напряжения, исполнял ее.

Участие в этих вечерах со временем изменило жизненный выбор Ермухана. Заводила веселых проказ и игр потянулся к истории, литературе, стихам. Вдвоем с Бакиром Казыхановым они состязались в стихосложении и оба были признанными в школе акынами. Вдвоем они даже выпускали школьную стенгазету.

За шесть лет учебы в Баянаульской школе Ермухан получил основы знаний, даже сносно освоил арабское письмо, что пригодилось ему в будущем, а с переходом в 1930 году на латиницу быстро освоил и ее, а затем без всякого труда овладел русским языком, читал и грамотно писал.

В Баянаульской школе в то время вели предметы талантливые учителя с широким кругозором. К сожалению, время не сохранило ни их фамилий, ни имен. До наших дней дошло лишь имя одного учителя — Анатолия Ивановича Жаркова. Этот человек преподавал русскую литературу. По словам учеников, он свободно разговаривал и на казахском языке, метко употребляя пословицы и поговорки. Долгие годы он работал директором этой школы.

3

Уроженец этих мест, знаток казахской истории Машхур Жусуп, сын Копея, в своих записях, сохраненных в «Карамесе»^[6], отмечает: «Все наши степные горы поднялись из морских глубин, из них — Баянаульские горы^[7] — самые младшие из всех гор. Это истинно так. Мы уверены в этом, потому что знаем эти

места, обследовали их вдоль и поперек. Если обойти все наши горы, то выйдет по кругу двадцать пять верст, в поперечнике — пятнадцать с гаком. И на этом пятачке плетутся волны семи озер. В двенадцати верстах от Баянаульской станицы, если глядеть в сторону Полярной звезды, особняком высится скала Найзатас. Издалека она похожа на казахский борик^[8]. На вершине Найзатаса бьют девять прозрачных и чистых, как слеза, ключей. Склоны густо поросли — соснами, березами, карагачем, кругом сочные травы, раздолье для косарей...»

Мальчик, родившийся в таком живописном уголке степи, не переставал изумляться этим чудом природы, напоминающим сказку. Каждый раз, проходя по берегу озера, глядя на окружающие его гранитные скалы самых фантастических форм, он рисовал в своем воображении необыкновенные картины. Величавые гряды гор вокруг родного аула напоминали ему медленно идущее кочевье, а стройные, могучие сосны — грозные ряды воинов из героических былин-дастанов о батырах, ставших на защиту этих замечательных земель. В давние времена озеро Жасыбай называлось «Хан шарасы»^[9], на его зеркальной поверхности отражались высокие горы, скалы, остроконечные пики сосен. Все вокруг было напоено ароматом цветов и одурманивающим медовым запахом трав. Летом пели птицы и стрекотали кузнечики. Трепетал и дрожал горячий воздух. Доходя до седловины Ершик^[10], Ермухан всегда сбрасывал с себя одежду и бросался в озеро. Усталое тело приятно обволакивало прохладой. Он плыл, и поднятые брызги горели в лучах солнца, как драгоценные камни. Вокруг озера цепочкой вытянулись горы Жамбаки, Атсалган, Киикчи, пик Куюкбет, а над ними возвышается величественный Акбет. У самой зимовки устремилась в небо гора Найзатас, похожая на

верблюда, который лежит, подогнув колени. А если шагать Дальше, огибая узкую лощину, встретишь необыкновенные камни, с виду похожие на фигуры старушек с обвисшими плечами, силуэты архаров-самцов, высеченные в граните величайшим скульптором — самой природой. И везде, на всем пути следования — журчащие ручьи, озера с зеркальной гладью. Невольно думаешь о всемогуществе небесного создателя этой неповторимой красоты. Но, увы, картина скоро меняется, как только отойдешь от этой горной гряды на расстояние забега молодой, еще необъезженной лошади. Будто сказочный Змей Горыныч в один миг слизнул все языком, вокруг, насколько хватает глаз — простирается голая степь, покрытая белыми пятнами солончаков...

Почему так создан мир? Где начало и конец его? Эти извечные вопросы начинали волновать мальчика. Неокрепший его ум еще не мог их осмыслить. Возраст и детская непоседливость брали свое. Отрезав ветку березы маленьким ножиком, который всегда носил с собой, размахивая ею направо и налево, он шагал по тропинке все дальше и дальше.

По преданию, в те времена, когда озеро Жасыбай называлось «Чашей хана», легендарный путешественник Асан-Кайгы (Асан-Печальник), вечно искавший для своего народа Жеруюк, землю обетованную, куда он мог поселить постоянно бедствующих соплеменников, прибыл в эти места на быстроногом верблюде. На берегу этого озера он отдыхал три дня, наслаждаясь покоем. Кстати, в те давние времена, говорят, в этих местах обитала последняя пара тигров. Лакомой пищей для них были многочисленные стада архаров. За тиграми охотились местные жители, вооруженные луками и стрелами с металлическими наконечниками. Испокон веков размеренно здесь текла жизнь. Но однажды этот край

захватили ойраты, воинственное племя джунгаров, которых казахи называли калмыками. Говорят, что озеро «Хан шарасы» досталось их батыру Шоин, и озеро стали называть по его имени. Шоин был метким стрелком, он-то и убил, засев на узкой тропе между скалами, последних тигров, не дававших спокойно пастись скоту и лошадям. С тех пор исчезла тигриная тропа в этих местах. Тигров, говорят, сменили рыси. И настоящие батыры с сердцами тигров позднее тоже исчезли, их заменили смиренные пастухи, которым под силу лишь сторожить отары овец...

Ермухан с жаром слушал предания глубокой старины, исторические дастаны. Их было множество. Некоторые заучил наизусть, и когда оставался один, с удовольствием декламировал, веря, что все они являются подлинной историей этих мест. Ведь в основе народных сказаний были действительные события, а это он знал из рассказов своих учителей...

Ему было известно, что с давних времен казахи противостояли постоянным набегам воинственных джунгаре востока. В 1635 году они объединились в общее государство, чтобы отразить натиск опасного соседа — империи Цин. В то время население Казахской степи жило разобщенно, их правитель не мог выставить достаточное количество ополченцев против нашествия джунгар. Поэтому вероломные соседи на протяжении нескольких десятилетий почти каждую весну совершали набеги на земли казахов, они не только угоняли скот с пастбищ, но и забирали в неволю людей, особенно молодых. Так они проникли в центральную часть современного Казахстана, завладели почти всеми восточными и северными территориями вдоль Иртыша, Есиля, Нуры, равнинными и пастбищными угодьями. Захватили предгорья Алтая и Тарбагатая, добрались до середины Сары-Арки — Чингистау, Абыралы, Каркаралы, Баянаула, Кокшетау и других благодатных земель.

(Именно в это время Шоин-батыр завладел Баянаулом.) На протяжении веков шло кровавое противоборство (историки подсчитали, что оно растянулось более чем на 140 лет между 1609 и 1752 годами). Наиболее тяжелым для казахов было лето 1723 года, оно вошло в историю нашего народа как «Время великих бедствий». Весной того года войско джунгар вторглось в Семиречье и через горы Каратау двинулось в Таласскую долину. Казахи не ожидали вторжения. Внезапность нападения решила исход: весь народ без скота, повозок покидал родные места, торопясь скорее уйти подальше от безжалостного врага, устроившего неслыханный погром в аулах. Однако многих настигли вражеские стрелы... В ту весну около миллиона казахов лишились жизни, это была почти половина всего народа. Спасаясь от захватчиков, беглецы оставляли на произвол судьбы зимовки, скот, табуны. Нищета и страдания стали уделом казахов. Многие умирали от голода, другие бросали своих жен и детей. Новые места, где они оказались, были бесплодными и непригодными для кочевья. Но не зря говорят: «Всевышний всегда за справедливость». Внезапно настигшее Великое бедствие заставило казахов сплотиться, забыть взаимные обиды и межродовые распри. Ведь они были только на руку захватчикам их земель. Как во времена правления славного Тауке-хана, казахи выставили объединенное войско против внешнего врага под общим знаменем. В разбежавшихся во все стороны родах и разрозненных аулах нашлись мудрецы, которые стояли за единство, защиту родных земель. Выбрали временного предводителя всего войска, им стал Абулхаир, хан Младшего жуза. Нашелся и полководец, готовый повести за собой в сражение казахских ополченцев. Этим человеком был знаменитый Богенбай-батыр из канжыгалинского рода.

Решающая битва произошла на берегу реки Буланты (степная речка, несколько западнее среднего течения Сарысу) летом 1726 года. Казахи одержали верх, наголову разбив противника. Следом произошли и другие сражения. Как мы знаем из истории, после их победоносного завершения суюндиковцы вернулись в отроги Баянаула...

Ясно, что и Шоин, воин жестокий и самонадеянный, не мог так просто смириться с потерей такого прекрасного уголка степи, как Баянаул, который он уже обживал много лет. Как передает народная молва, он тайно вернулся на берег озера, увидел безмятежно спавшего на перевале Тикасу молодого воина Жасыбая и его верного друга, меткого стрелка Киика, и, подкравшись лунной ночью к ним, сразил стрелами обоих. Неожиданная смерть отважных джигитов потрясла батыра-предводителя суюндиковцев Олжабая, сына знатного бия Толыбая. Пустился он со своими сарбазами по пятам врага и, догнав, снес в поединке голову Шоину, многих его людей умертвил, а оставшихся ойратов (джунгар) разогнал и отбросил на другую сторону Иртыша. Возвратившись из этого похода, отважный Олжабай-батыр произнес фразу, впоследствии ставшую крылатой: «Если не родится настоящий мужчина, то это несчастье для народа. Если же народ не будет прославлять этого героя, то это уже несчастье для той земли». И по обычаю предков он назвал прежнее Шоин-озеро Жасыбасм, а перевал Тикасу, где погиб отважный Жасыбай, с тех пор носит имя батыра. Кстати, его тело предали земле на самой середине перевала. Место, где происходило последнее сражение с калмыками, это почти на расстоянии дневного конного перехода от станицы Баянаульской, с тех пор носит название «Калмаккырылган», что означает «Место гибели калмыков».

Об этих легендарных событиях в ауле Торс знали все, от мала до велика, хотя с тех пор прошло почти два столетия, сменилось семь-восемь поколений. «Всезнающие аксакалы, проходя тот перевал, говорили нам, молодым: «Вот это и есть могила отважного Жасыбая. Все может на свете исчезнуть, но только не могила. Всякий путник обязательно заметит ее»...» — так завершил свои заметки о родном крае неутомимый исследователь этих мест Машхур Жусуп Колсйулы.

Неоднократно слышал эту печальную повесть и Ермухан, два раза в неделю пешком преодолевавший перевал Тикасу над Жасыбай-озером. Когда он возвращался домой из районного центра, то обязательно останавливался возле одинокой могилы, заросшей колючим кустарником. Опускался на колени и нараспев читал молитву из Корана. При этом он замечал в себе необычный прилив сил, усталости как не бывало, как будто до этого он и не преодолел пять-шесть верст пути. Он относил это поразительное явление к воздействию святой могилы. Однажды с другом Бакиром он поднялся на перевал и вдруг вместо молитвы стал чуть слышно читать сами собой сложившиеся собственные стихи:

*«Привет тебе, доблестный Батыр-ага,
Сразила здесь тебя стрела коварного врага.
Мы головы свои склоняем вред тобой,
За край родной идти готовы в бой».*

Мудрый Абай говорил: «Увидев ученого, никогда не говори: куда мне до него?» В юности все готовы зажигать звезды. Выслушав акына, прочитавшего свои стихи, друзья тут же сами брались за перо, даже ночью, во сне бредили рифмами. Услышав впервые о сражениях, которые вели Олжабай-батыр и его

бесстрашные воины, Ермухан тоже захотел стать таким же героем, чтобы люди и о нем слагали стихи и песни. Но, увы, в окрестностях Баянаула не осталось ни одного калмыка, все они были уничтожены или ушли в небытие два века тому назад. Наверное, по этой причине исчезли могучие батыры и отважные джигиты, готовые взяться за чоклары и по первому боевому кличу вскочить на коней. Наши далекие предки постоянно жили начеку, их копья всегда стояли у входа в юрты, рядом на привязи держались выносливые скакуны на всякий случай... То время уже не вернешь, горюют старики, теперь другие времена и иные заботы: как прокормить себя и свою семью. Люди живут одним днем.

Все же баянаульцы не совсем утратили интерес к возвышенному, искусству, стихотворчеству. Как встарь, и поныне многие из них тешат душу, распевая старинные и новые песни. А было время, когда вся Сары-Арка заслушивалась их пением. Баянаульская школа авторов песен и их исполнителей была вне конкуренции, не шла ни в какое сравнение с другими. И сегодня еще остались талантливые продолжатели этой школы. Например, всему Прииртышью известно имя певца Кали Байжанулы. В ауле Торе рассказывают, что он в поисках невесты однажды забрел в аул, находившийся в ущелье, где родник Айман вливается в озеро Торайгыр. И там нашел свою суженую. Вместо принятого по обычаю калыма — плату за невесту — он будто бы рассчитывался песнями. Пел целую неделю. Певец Кали иной раз приезжал в аул потомков Турсынбая, останавливаясь на зимовке Чокы, что рядом с аулом Торс. Торинцы, услышав его высокий, звеневший, как серебряный колокольчик, голос, бросали все свои домашние дела и бежали на зимовку Чокы. Во весь дух туда мчался и Ермухан. Очевидцы говорили, что как только Кали начинал петь, — а голос

его был сильным, слышен за несколько верст в ясную погоду, — тут же ветер переставал дуть, стихали волны Жасыбая. Все окрестности — вереницы гор и озер и даже лесные чащи замирали, зачарованные его чудным пением. Когда Кали Байжанулы исполнял известные в народе песни «Ардак» и «Буркутбай», люди затаивали дыхание, чтобы случайным вздохом не помешать ему. Все, от стариков до малышей, сидели молча, не шелохнувшись. А Ермухан был вовсе покорен мастерством певца. Иной раз ему удавалось сесть поближе к нему. Это были счастливые дни его жизни. Он сидел бы так до сумерек, забыв, что ему надо пригнать единственную корову во двор на ночь, иначе ее бы украли. Да и коз надо было разыскать. Приходилось вставать и идти в горы, лазить по ущельям, спускаться к родникам. В летние месяцы его ноги были в ссадинах и порезах. Они заживали лишь к зиме. В этих повседневных, серых буднях приезды певца были самым радостным событием. Все дневные заботы, вечная, злая, неумолимая нужда, школьные уроки — все забывалось, Ермухан был во власти всепоглощающей музыки. Чудный голос Кали-ага притягивал людей, и мальчик летел туда, как на крыльях песни...

Летом 1930 года Ермухан попал в неожиданный переплет. Ему уже было четырнадцать лет. Возраст, когда начинают понимать, что слово — не воробей, вылетит — не поймаешь, и прежде чем что-то сказать, надо подумать. В степи наступило смутное время. Прежде богатые аулы разорились в одно лето. Это был результат насильственно проведенной конфискации скота и имущества. Мало того, прежние старейшины родов, состоятельные владельцы скота и обширных земель уже были куда-то сосланы. Торинцы не подверглись раскулачиванию, так как их бедственное положение было у всех на виду, это спасло их от

разорения. Соседние аулы, находившиеся в тисках нужды, тоже благополучно пережили кампанию раскулачивания богатеев. Бесцеремонная, циничная экспроприация всего нажитого в первую очередь больно ударила по зажиточным семьям потомков Турсынбая, а жатаки аулов Чоки и Уак, жившие по принципу «что бог даст», имевшие пару коров да десяток коз на выпасах, остались нетронутыми. И этим были довольны...

В один из погожих августовских дней, когда щедрое лето одарило высокими, тучными травами на покосах, и все, кто оставался на берегах Жасыбая, заготовливали сено на зиму, аул Торе вдруг взбудоражился. Причиной переполоха стало то, что в родные места неожиданно приехал в отпуск всеобщий любимец Шаммухан Таукеханов. Он со своей семьей жил в Семее, был более образован, чем все торинцы, и поэтому его выдвинули на руководящую работу в области. Как не оказать почет такому важному гостю? К тому же Шаммухан нынешним летом, как разнеслась весть — «узун кулак», поступил в один из институтов Москвы, чтобы стать инженером-гидротехником и в последующем заняться орошением полей и водоснабжением аулов. Такое теперь время. Как не пожелать доброго пути джигиту?

К нему потянулись все знакомые, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Таких ходок набралось много, не дали ему даже день-два передохнуть после дальней дороги. Одним из первых пришел к нему Шаймардан Торайгыров, его курдас ^[11], известный как поэт-импровизатор. Когда-то он учился вместе с Шаммуханом в станичной школе. Он не стал утруждать себя долгой и скучной учебой, как Шаммухан, а выбрал поэтическую стезю. Причина вполне понятная: его одаренный двоюродный брат

Султанмахмут слишком рано сгорел, кем же его заменить встал вопрос...

— Правильно, что так поступил, курдас... Если к тебе перешел дар незабвенного прапрадеда бия Торайгыра, и ты так же, как он, владеешь поэтическим словом, кто же тебя осудит... — то ли с иронией, толи с похвалой произнес Шаммухан, похлопав Шаймардана по плечу. — Ты, вижу, далеко не профан, я горжусь тобою. Ведь и ты, как Султан-ага, в четвергом колене носишь фамилию Торайгыров. Эта большая честь, поэтому с тебя много спросится. Хорошо, если станешь, как Султаке, известным поэтом, а если вдруг не получится, то будешь бродить по аулам, как акын-попрошайка. Не знаю, друг мой...

— Ой, Шамхан, не надо меня так подначивать, — завелся Шаймардан. — Я сейчас замахнулся на большую дастан-поэму под названием «Легенды Баянтау». По-своему перерабатываю то, что передавалось веками из уст в уста нашими земляками. Как закончу, повезу поэму в нашу новую столицу.

— Твои задумки, даже и название, друг Шаймардан, мне понравились. Давай-ка прямо сейчас послушаем твой дастан, — загорелся Шаммухан и попросил принести излома покойного брата Бскмахана домбру.

Ермухан, услышав, что к его родственнику приехал подающий надежды акын из Баянаула, конечно, не мог усидеть дома. Пойти к ним не решался, тем более и мать не отпускала, урезонивая, что там и без него полно народу. Теперь повод нашелся. Подхватив под мышку домбру, он помчался к родичу.

Новоиспеченный акын, взяв домбру, пробежал тонкими пальцами по струнам, настраивая их на свой лад. Зычным голосом несколько раз выкрикнул привычный зачин — «Ау!», забирая все выше и выше. За каждым восклицанием его следовало другое — более громкое и протяжное. Настроившись на мелодию, он,

наконец, начал речитативом свой дастан, повествуя о знатных предках, родной земле и ее народе; не забыл упомянуть и о себе, о том, что он не простой акын и стихотворец, а потомственный поэт-наследник великого баянаульца... Шаймардан понимал, что слушатели знают толк в пении и поэзии, поэтому вовсю старался, тем не менее его хрипловатый голос произвел на слушателей не очень-то приятное впечатление, да и непокорная домбра не хотела слушаться исполнителя, струны временами дребезжали не в такт. И слова, произнесенные им, никак не вязались между собой. Однако вскоре голос его окреп, и домбра зазвучала в унисон со стихами.

*...Еще до меня Борибай, Котеш, Жапар
Слагали свои стихи с думой о народе.
Стихи-песни Жамишбая и Коблана
Стали богатством народа, духовной силой,
Жажду души утолял, как родник,
Творен песни Искакбай легендарный,
Пятьдесят песен сложил он,
Играл еще тридцать семь кюев,
Горы звучно отзывались на них эхом,
Пели гуси под эти звуки
Над зеркальной гладью озера,
Клекотал горный орел, ввысь поднимаясь,
Звенел, колыхаясь, темный лес.
Он достойно занял место Мустафы-виртуоза,
За день распевая двадцать дастанов.
Шоже с Мустафой состязались с ним,
Истинно — дар поэзии с детства ему дан...*

— Молодец, Шаймардан! — слышались одобрительные возгласы.

— Выходит, наш Искакбай мог десятки дастанов за один вечер без передышки рассказать? Неужели это правда? Не погибает ли слишком наш акын?

— Ну какой же он акын, если от себя не добавит лишнего. Но забег его неплох, — рассуждали присутствующие.

— Да, начало сильное! Разъезжая по аулам, ты, похоже, не за козами присматривал, засиживаясь за дастарханом, не только угощения принимал, но и собрал немалый поэтический урожай, — признал Шаммухан. — Итак, продолжай, я уже заинтересовался твоими «Легендами Баянтау».

Но тут окрыленный похвалой акын вдруг смутился.

— Шамхан, прости меня, но ведь я дошел лишь до этого места. Буду дальше писать. Я ведь не акын-импровизатор, как некоторые выскочки, а как брат Султан, приучен вначале стихи наносить на бумагу, — робко произнес Шаймардан. — На следующий год, летом, услышишь полный текст моего дастана.

— Эх ты, — сокрушенно вздохнул Шаммухан, — только вкусную еду в рот положил — и сразу на попятную. Еще акыном называешься, стыдно мне за тебя...

— Что я могу поделаться, если больше ничего не написал? Есть ли на свете такой быстроногий, который догнал бы свою тень?..

— Он прочитал дастан, у которого нет ни середины, ни конца... — взялись теперь ругать все наперебой незадачливого сочинителя.

Но Шаймардан прервал их, ударив ладонью по коленке:

— Друзья, будьте милостивы, успокойтесь, я расскажу вам другой занимательный дастан. Он вас устроит! Пусть это будет сюрпризом-подарком моему другу Шамхану... Эй, Ермухан, сорвиголова, кажется, ты особенный любитель таких сказаний, так наостри свои

уши, ведь этот дастан, черт побери, о ваших с братом Шамханом предках. Записал я его в городе Семее, куда был нынче направлен на краткосрочные учительские курсы. На учебу я там очень-то не налегал. Больше проявлял интерес к песням и дастанам, неизвестным мне. Много нового для себя я услышал на берегах Иртыша, в Семее, в этой Мекке знаний Прииртышья. У учителей Чингистауского района я перенял восхитительный дастан под названием «Сабалак» (дословно: «Лохматый». — М. С.), его и хочу вам прочитать.

— А почему «Сабалак»? Не совсем благозвучное название... — заметил кто-то.

— Стоит ли тратить зря время?

— Да вы вначале спросите: кто автор этого «Сабалака»? Его создатель — близкий по духу воспитанник мудрого Абая, Кок-бай акын Жанатайулы, к тому же ученый мулла. Пять лет тому назад, достигнув возраста пророка, он неожиданно скончался, пусть земля будет ему пухом!.. Говорят, в предгорьях Чингисских гор, в своем ауле, как наш Машеке-Жусуп, сын Копея покойный открыл мечеть-медресе, где много лет учил ребятишек грамоте. А в молодые годы он вместе с Абаем сочинял стихи, даже состязаясь с ним. Словом, он прошел его поэтическую школу, в конце жизни стал наставником для многих. Между прочим, о событиях, воспетых в этом великолепном дастане, рассказал ему сам Абай. Кокбай акын закончил «Сабалака» еще тогда, когда великий акын был жив. Прослушав дастан, Абай остался доволен. Я заучил лишь первую часть этого дастана, а вторую, где речь идет о печальной судьбе детей Касым-хана — Есенгельды и Саржана, и последующие пока не запомнил. Однако если вы горите желанием услышать весь сказ, то тетрадь с записью у меня за голенищем сапога. Подглядывая в нес, могу спеть. Но,

предупреждаю, весь дастан очень длинный, сегодня вечером прочесть до конца вряд ли успею. Ну как, хотите узнать историю батыра Сабалака или вначале насытим свои желудки сдой?

— Он, кажется, уже возгордился. Начинает одно дело, а потом перескакивает на другое, мастер мутить воду... — раздались недовольные реплики.

— Выпей кумыса и начинай! Понравится — до утра будем слушать, — за всех ответил акыну Шаммухан.

Карие глаза Шаймардана возбужденно забегали, вспыхнули огоньком. Ударив по струнам, он начал петь:

*Великим ханом был Аблай у казахов в прошлом,
Такой, как он, уж не родится никогда...*

Далее перечислялись выдающиеся способности воинственного Аблая^[12], прозванного в народе Канышсром (дословно: кровопийцей, очевидно, за жестокость). Его законному наследнику Вали не достался ханский трон, и он, чтобы остаться в живых, уехал к близкому по крови родственнику Каюпу, который правил в Ургенче, но и там ему не повезло: он подвергся внезапному нападению калмыков; чтобы не допустить чингизидов к наследованию трона, весь ханский род был уничтожен; только один из потомков Канышера Аблая — Абильтмансур, благодаря преданности и ловкости своего раба, остался жив. Прошло несколько лет, и мальчик-сирота, уже подросший, на свой страх и риск в поисках своих близких родичей отправился в тяжелый, долгий и полный опасностей путь...

Как видим, с самого начала завязался драматический сюжет. Судьба мальчика уже начинала волновать слушателей; что же будет с ним дальше?

Он пришел к правителю Старшего жуза Толе,
Его привели сюда тоска по родной земле
И тяга к своим славным предкам.
В рваном, заплатанном чапане
Мальчик-бродяга пошел в юрту
И с достоинством приветствовал бия.
...Был он почерневшим от ветра и степного
солнца,
На глаза нависли грязные волосы, но голову
держал
гордо, как птенец сокола.
Тем и тронул душу мудрого Толе.
Расспросил славный бий: «Кто ты, откуда
родом?
Есть ли мать, отец, братья родные?
Кажется мне, не простой ты сын степи?»
...
«Нету меня имени, и нет рода — ответил юноша,
Среди людей — я брожу, бедный сирота.
Почтенный бий, назовите меня, как будет
угодно,
Я буду доволен и благодарен вам,
Буду служить вам преданно и вечно».
...Пристально взглянув на бродягу,
На его взлохмаченную, давно нечесанную
голову,
Лохматый, черный тымак, закрывавший глаза,
Бий решил: пусть имя ему будет «Сабалак».

Шаймардан акын дошел до самого захватывающего места дастана, с удовольствием выпил чашку кумыса, поданную хозяевами, потом грубовато поманил к себе Ермухана, сидевшего подле него с подогнутыми по-взрослому под себя ногами:

— Ну, торинец, теперь дошло до тебя, почему Кокбай акын называет этого бедного сироту Сабалаком?

— Кем бы он ни был, акын-ага, вел он себя благородно даже перед белобородым Толе-бием, он не раскрылся — это тоже признак его знатного происхождения, — ответил Ермухан и, подняв тетрадь, лежавшую на земле, начал ее листать.

Мальчик Сабалак остался у Толе-бия, стал пастухом его овечьих отар. Из месяца в месяц, из года в год он быстро рос, мужал, набирался ума-разума, порою удивляя всех своими поступками. Со временем он стал сторожить верблюдов, что было признаком доверия. Однажды Толе-бий, возвращаясь из дальней поездки к себе в аул, увидел в безлюдной степи своего спящего пастуха, вокруг которого паслись верблюды. Аксакал подумал: «Ох, неспроста так распростерся этот джигит, это знак того, что Всевышним ему предназначено властвовать нал всеми четырьмя сторонами света, куда ступит его нога...» С того дня набожный бий освободил Сабалака от присмотра за верблюдами и поставил старшим табунщиком, стеречь дикие косяки его бесчисленных, не знавших седла лошадей. В ту пору его уже перестали называть мальчиком-пастухом, теперь он был крепким, плечистым джигитом, сильным и ловким.

Как-то встретились ему трое вооруженных всадников. Одним из них был предводитель казахского войска Богенбай-батыр. Они разведывали пути-дороги к калмыцким землям, чтобы отомстить им за барымту^[13]. Закаленный в боях воин специально повернул в аул Толе-бия, чтобы посоветоваться с ним. И тут Сабалак обратился с горячей мольбой взять его в этот поход. Богенбай благосклонно согласился. В том походе табунщик Толе-бия показал себя стойким и

бесстрашным воином и заслужил личную благодарность Богенбай-батыра.

*Быстрее всех мчится скакун Наркызыл,
Он вперед, как стрела, летит.
Пыль облаками за ним клубится
И искры летят из-под копыт.
Его вручаю тебе, Сабалак, мой брат.
Мой Наркызыл будет тебе под стать.
Ты молод, отвага в твоих глазах,
С ним ты — настоящий стеной казах!*

Повествование подошло к кульминации. Как видим, Сабалак уже твердо стал на ноги. В это время в степи вспыхнула очередная война, к которой привели вековая вражда и долгое противостояние между казахами и калмыками. На берегу реки Уленты, что берет начало в Баянаульских горах, сошлись лицом к лицу тысячи воинов. Все рвались в бой. Было ясно: кто победит в нем, тот будет владеть обширной территорией, раскинувшейся на сотни верст вдоль левого берега Иртыша, исконными землями казахов — Ерейментау и Баянаулом. Вопрос решался острием копья, лезвием сабли.

*Вызывая храбрецов на поединок.
Выехал из вражеских рядов силач-калмык.
На коне с белой отметиной на лбу
Уже многим джигитам срубил он головы.
Смятенье охватило старого Богенбая,
Не чувствовал он в себе прежней силы.
Замирало сердце Боке в дряхлой груди...
Но не дрогнул тут воин Сабалак,
Смело принял вызов хвастливого супостата.
Сойдя с коня, пошел гуда тихим шагом,*

*«Ай-ай! Совсем уж молодой». — удивился люд.
«О, Всемогущий Аллах! Доверюсь я Тебе и
предкам.
Благословите меня!?» — вознес он к небу
ладони.
Того тымака и подвязанного серого чекменя
Нет у меня, и я не тот, что верблюдов пас.
Глаза его налились кровью, волком
Взглянул он в сторону пришельца.
Сжав в руке остроконечное копье.
Так и возник он перед ханом казахов.
Благословил его на сражение хан Абилямбет.
Джигиты воскликнули: «Аминь! Помоги, Аллах!»
С криком «Аблай!» обрушился он на врага.*

Кокбай акын, не жалея красок, живо описал жестокую схватку двух батыров. Грозным противником оказался калмык, этот великан был весь покрыт густыми волосами и повергал в дрожь одним своим видом. Сойдясь в поединке, противники сломали свои копья, но не одолели друг друга. Лишь в какое-то мгновение молодому и более ловкому Сабалаку удалось с размаху вонзить свой кинжал в горло калмыка.

Воодушевленные успехом Сабалака казахские воины с криками: «Победа, победа за нами!» дружно вклинились в ряды калмыков. Наголову разбили они неприятельское войско, разогнали его, как стадо баранов, за Иртышом. Пример Сабалака вселил в них воинственный дух. Отныне весь аргынекий род вновь и навечно возвратился в отчие места

*Позвал Сабалака к себе хан Абилямбет,
Посадил героя рядом с собой.
И спросил: «Почему с кличем «Аблай!»
Вступил ты в тот смертельный бой?*

Тем самым растрогал ты меня, вспомнил я брата

Ты откуда родом, кто у тебя мать и отец?

Все расскажи, чтобы не оставалось загадок...»

Сабалак вынужден был признаться хану: «Воинственный Аблай — мой дед, а я — его родной внук». В таких случаях казахи всегда говорят, что, наконец-то, белая верблюдица разродилась долгожданным верблюжонком. Ведь победили-таки заклятого врага, и еще радость у Абильмамбета — нашелся отпрыск его родного брата — Абильмансур, считавшийся погибшим при неизвестных обстоятельствах, прямой наследник Вали, к которому по праву от Канышера Аблая должен был перейти ханский трон. И хан Абильмамбет своим повелением тут же провозгласил наследником престола простого батрака Сабалака, надев на голову джигита свой ханский головной убор.

— Апыр-ай! Ставший наследником хана батыр Сабалак — это Абильмансур. Вот только я что-то не припомню, чтобы у нас был такой хан-правитель? — засомневался вдруг кто-то из взрослых.

Шаймардан акын прыснул от смеха, укоризненно покачав головой и всем своим видом будто бы говоря: что это за глупец, который не знает хронологию своих правителей? А потом все же раскрыл подноготную этой давно разгаданной тайны.

— У тебя, наверное, слова в одно ухо влетают, а в другое вылетают. Ведь речь в дастане шла об одном и том же человеке. о нашем самом могущественном правителе казахов — хане Аблае, он же и является, друзья мои, седьмым предком моего друга Шамхая. А Аблай был на самом деле прозорливым, дальновидным политиком, стратегом-военачальником, сумевшим

отстоять на долгие годы независимость казахов. При его правлении наш народ безраздельно владел своими обширными угодьями: ведь ни русские, ни шуршуты^[14] не могли вторгнуться в казахские степи. Молодой Аблай с того дня сидел в юрте своего старшего родственника, хана Абилямбета, как говорят, по правую руку и мудро правил от его имени.

Первая часть дастана завершается такими стихами:

*Взойдя на трон, всемогущий и отважный Аблай
Отомстил всем недругам — внешним и
внутренним.*

*Ни в прошлом, ни в настоящем лучше его не
было и нет.*

*За заслуги был признан народом справедливым
и мудрым.*

*Исполнились все его мечты, нет на его совести
греха.*

*Умер он в тысяча семьсот восемьдесят первом
году,*

*Прожив ровно семьдесят один год, ушел на
покой...*

Шаймардан Торайгыров степенно раскланялся со слушателями и заключил:

— Так заканчивается первая часть дастана. Продолжение будет, постараюсь его также выучить по записям в тетради до отъезда моего друга Шаммухана.

Наверное, впечатления вечера так взбудоражили Ермухана, что в ту ночь он долго не мог заснуть, вновь и вновь перебирая в памяти эпизоды героической поэмы. Его не покидала непонятная тревога. Мысли уносили на живописные берега реки Утенты, где он представлял себя то Сабалак-батыром, мчащимся впереди

казахского ополчения, то вдруг — сиротой, пасшим верблюдов. Больше всего его поражало то, как мог Сабалак, молодой, безусый джигит, выйти на поединок с заматеревшим в злодеяниях и убийствах чудовищем, великаном-калмыком и снести ему голову величиной с большой казан. Какое надо иметь львиное сердце, чтобы не струсить, зная, что до этого всемогущий калмык десятерых джигитов сразил насмерть. Сабалак же спокойно вышел на неравный бой с ним и поверг его к своим ногам. Больше всего вызывало восхищение мальчишки то, что Сабалак взял не силой и хваткой, а, скорее, смекалкой и удалью. Проворство и хитрость решили исход боя, и, конечно, смелость. Недаром говорится: «Смелого и нечистый боится, смелого и смерть не берет». «Если бы все казахи были, как Сабалак, им не было бы равных. Были бы все ловкие и бесстрашные, как он, мой предок в седьмом колене, давно защитили бы свою землю от посягательств, поругания, обрели свободу на вечные времена, — рассуждал Ермухан. — Выхолит, что я, Шаммухан-ага и Динше — мой родной брат — прямые наследники этого славного батыра, значит, он — мой дед в седьмом колене. Ведь я — потомок торе, ветви, идущей от самого великого Чингисхана и его первенца — могущественного Жочи. Однако до сегодняшнего дня мне и в голову не приходило, что известный всему казахскому народу Аблам-хан, как и я, рос сиротой, он даже пас верблюдов Толе-бия. И своим трудом, мужеством добился того, что его признали ханом. Но почему об этом никогда не говорили старшие в нашем ауле, ведь все они — образованные люди? Я рано лишился отца, он не мог все это разъяснить. А мать моя по этому поводу вообще рот держала на замке, хотя молчаливой ее не назовешь. И старший брат Динше ни разу не обмолвился об этом. Непонятные странности... На самом деле, почему я должен скрывать от людей

своего предка, батыра, защитника всего казахского народа? Конечно, мне не суждено повторить подвиги, которые совершил мой дед Аблай, но надо все же постараться быть похожим на него, чтобы оставить добрый след в народной памяти...»

Мальчишеские грезы далеко его унесли, и уснул он лишь пол утро. Солнце давно поднялось на плоскими крышами зимовок аула Торс, когда он проснулся. Ермухан продолжал бы лежать в постели, если бы его не подняла мать. Оказывается, с утра за ним два раза присылал гонцов Шаммухан-ага — почему-то он захотел увидаться. Быстро одевшись, Ермухан выпил чашку айрана и побежал к родовому имению Таукс.

Почтенный гость пригласил мальчика пойти вместе с ним купаться на озеро. Это было проявлением уважения к младшему сыну Бекмахана. Они направились не на пологий берег Жасыбая, куда вела из их аула узкая тропинка, а выбрали место на западной стороне, у скал. Ледяная вода обжигала, как кипятки. Поплавав, они растянулись на белом, бархатистом песке, Ермухана распирала гордость от того, что высоко вознесшийся по служебной лестнице брат взял в спутники именно его. Однако он не задумывался, почему ему оказана такая честь. После того как они во второй раз окунулись в озеро, Шаммухан, лежа на боку, негромко произнес:

— Ермухан, я слышал, что ты хорошо учишься. Я рад этому. Нынешнее время совершенно не похоже на прежнее. Сейчас все решает хорошее образование. Знания — это путевка в жизнь. Вчера я заметил, что ты проявляешь интерес к песням-сказаниям. Когда все твои сверстники убежали играть, ты остался возле чтеца. Кажется, тебя очень захватила история твоих предков?..

— Эх, агатай, я совсем несведущ в своей родословной. Знаю своих предков только до седьмого колена. Дальше Аблай-хана никого не могу назвать, — вздохнул Ермухан. — Вот вы до какого колена можете назвать наших предков?

— По нашей казахской традиции полагается знать своих предков до седьмого колена. Этого достаточно. Кстати, на этой традиции основывается история аулов, родов, вообще всех казахов. Наступит время, и ты узнаешь больше. Быть может, станешь одним из исследователей истории зарождения казахской нации... Однако я пригласил тебя на этот разговор, чтобы ты внимательно выслушал меня и сделал надлежащие выводы!.. — насупил брови старший брат. — Во-первых, забудь, что ты потомок турс. И в своей биографии никогда не пиши, что родился в ауле Торе. Вот я, твой близкий родственник, в анкете указываю, что родился в ауле Карагаш. И никому нет дела до того, что ты — прямой потомок знаменитого Аблай-хана. Знай своих предков, но не надо о них говорить, дорогой мой. Понял, о чем я толкую?

— Но в Баянауле все мои друзья меня на смех поднимут. Ведь я предстану перед ними недоумком, не знающим своих предков, — ответил Ермухан.

— Ты ошибаешься, советская власть не признает ни рода, ни племени, ни твоего султанского происхождения, ведь она провозглашает равенство всех, независимо от происхождения. Предпочтение же отдается самой бедноте, перед ней открываются все двери. Если ты, братишка, будешь бравировать своей знатностью, тебя не только в партию, даже в комсомол не примут, хотя ты и учишься на одни пятерки...

— Получается, что я должен скрывать правду и писать в автобиографии, что я сын бедняка, родился в десятом ауле.

— Но это же на самом деле так. Ермухан. Бекмахан-ага всю свою убогую, многострадальную жизнь ходил за табуном богатого волостного Зинлы Чорманова, По шесть месяцев он жил в косе-зимовке табунщиков, много раз ночевал в степи на снегу и однажды простудил легкие и умер, не дожив даже до пятидесяти лет. Ты пиши об этом. От этого твоя родословная не рассыплется в прах, и от того, что твой отец был бедняком-голяком — тебе не станет хуже, чем есть. Наоборот, выиграешь. Главное, идти в ногу со временем, получить высшее образование.

— Понял, ага. А что делать все-таки с историей наших предков?

Шаммухан погладил по голове младшего брата и громко расхохотался:

— Ну и упрямый же ты, как бычок. Видать, от воинственных предков тебе это по крови передалось. Всему — свое время. А все, о чем мы сегодня говорили, оставим здесь, на берегу Жасыбая. Главное, хорошо учись!

В начале 1931 года в казахской степи во всю ширь развернулась кампания по коллективизации личных хозяйств. Это был невиданный доселе эксперимент новой власти. Первый секретарь Казкрайкома партии Ф. И. Голощеким в целях скорейшего выполнения указаний генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина по организации колхозов бросил на борьбу с единоличниками весь партийный и советский аппарат. Перед ним он поставил грандиозную задачу: трехлетний план по коллективизации выполнить за один год! Этот лозунг был подхвачен всеми областями республики. Конечно, и Баянаульский район не остался в стороне. Кстати, в этом районе оказались самые ретивые активисты. Словом, к осени 1931 года районное начальство рапортовало наверх о том, что все

население вступило в колхозы. С чувством исполненного долга организаторы беспримерного грабежа докладывали: «В районе не осталось ни одного единоличного хозяйства, во всех дворах нет ни одного ягненка и даже телят». В итоге вчера еще благополучно избежавшие всеобщей конфискации не только середняки, но и бедняки, такие, как семья Бекмахана, у которого во дворе мычала единственная корова да бродило несколько коз, отвели всю живность на общий колхозный двор. Все аульчане поголовно стали членами колхоза и питались из общего котла, хотя по-прежнему жили в своих старых зимовках. Например, жители бывшего аула Торе три раза в день вынуждены были ходить в аул Чокы, где было организовано общественное питание.

С таким хождением туда-сюда можно было примириться, раз уж всем выпала такая доля. Но семью Бекмахана весной того же года постигло еще одно несчастье. От двустороннего воспаления легких в возрасте двадцати трех лет скончался Динше. С прошлого года он стал опорой бедствующей семьи и заветной его мечтой было: вызволить своих родных из беспросветной нищеты, поставить на ноги младших; джигит неплохо устроился на службе, был одним из чиновников районного звена; мало того, минувшей зимой женился, стал обзаводиться домашним хозяйством... И вот такая трагедия: не успел даже увидеть своего первенца...

В феврале этого же года Ермухану исполнилось шестнадцать лет. У казахов — это возраст зрелости юноши (ведь некоторых женили в тринадцать лет), к лету он закончил семилетнюю школу — ШКМ. Что делать дальше? Этот вопрос не давал ему покоя ни днем ни ночью. Семилетка не давала возможности поступить в высшее учебное заведение. А вот пойти в техникум, где получают профессию, можно. Но бедная

мать, недавно потерявшая взрослого сына, с утра до вечера талдычила одно и то же:

— Долгая учеба нашему очагу пошла не впрок. Динше, брат твой, столько лет прозябал в городе, сидения за книгами его погубили. Ни в какой город ты не поедешь, не отпущу, пока я жива. Ты там тоже зачахнешь от этой учебы. В городе тебя ждет такая же участь, как и твоего покойного брата! Останешься здесь. Целых шесть лет уч млея, хватит... Я все жилы из себя тяну, стараясь справиться с проклятой нуждой. а ты? Пожалей хоть сестренку Камию. Освободи меня от этого общего казана, устройся на работу в районном центре, перевези нас туда, в Баянаул...

Смерть старшего сына потрясла мать. Она была на грани нервного срыва.

— В чем вина несчастной снохи моей — Сании? — причитала она. — Даже года не прожила с нареченным своим, в один день потеряла его навсегда. На следующий год отметим годовщину смерти Динше и, как велит обычай, ты женишься на вдове брата, она мне по душе, такая милая, характер у нее покладистый, мягкий, как шелк...

Ермухан в таких случаях старался сбежать из дома, но по возвращении его вновь встречали упреки обиженной матери; «Не увиливай от моего наставления, ты думаешь, что еще слишком молод. А твой отец женился, когда мне было всего шестнадцать лет. В общем, будет так, как я скажу!» — и так с утра, до вечера.

Что делать? Неопределенность не давала ему покоя, а обычных повседневных, житейских забот стало меньше — уже не было ни красной короны, ни юрких коз. Однажды он не выдержал мучительных терзаний и поделился с другом Бакиром своими печальями.

— Знаю, отчего ты маешься, друг мой. Мне кажется, не следует на этот раз слушать мать, она просто

растерялась после потерн Динше. По-моему, тебе лучше податься в город. Давай поедем вместе. Если считаешь, что Семей далековато от нас, то поедем поближе, меня устраивает и Кереку (Павлодар. — М. С.), как-никак уездный центр, — предложил друг.

В конце концов решили так и поступить.

Все это автором не выдуманно. Подтверждением может служить следующий отрывок из книги «Воспоминания о Ермухане Бекмаханове».

Зейтин АКЫШОВ «Замечательный человек», 1970 год:

«Кажется, это был конец августа 1931 года. В конторе района я сидел один, когда ко мне в кабинет вошли трое джигитов. Впереди — невысокий, коренастый парень, запомнились мне его большие глаза, губы трубочкой, сам чернявый. Возраста примерно моего... Оказалось, что он уже учится в городе Семей. За ним — смущенный парень. Одет в покошенный серый пиджак. Я догадался — не свое носит, великоват для него, пиджак висит на нем, как на вешалке. Тем не менее воротник белой рубашки с шиком выпущен наружу... Последний выглядел так, будто из больницы вышел — кожа да кости. Рыжеволосый, зеленые глаза бегают. Отметил — часто вытирает нос.

Высокий парень подошел к моему столу:

— Вот этим двоим ребятам нужны направления на учебу в Семей, товарищ.

Я немного замешкался. До этого никогда никому не выдавал направлений на учебу, не знал даже, что их может выдавать района.

— Я такого порядка не знаю...

— Ну что тебе стоит выдать направления, бумаги, что ли, жалко? Или считаешь нас детьми кулаков? —

грубовато бросил мне в лицо тот юнец, что стоял посередине.

Рыжий виновато посмотрел на меня, видимо, опасаясь, как бы резкие слова товарища не разозлили, не вывели меня из терпения, потом заискивающе улыбнулся.

— Мы все трое — из одного района. Я закончил ШКМ в прошлом году. Учусь в Семее. Эти двое подростков только что окончили ту же шкалу. Я хочу увезти их туда, где сам учусь. Если в них будут направления из районе, то им легче будет устроиться... — убеждая меня старший из них.

Его слова подействовали на меня.

— Как ваши имена, фамилии?

— Я Кылыш Бабаев^[15]. Это — Ермухан Бекмаханов. А этот... (Кылыш назвал и рыжего, однако имя и фамилию третьего я запомнил).

О Кылыше я был слышан. «Он сын Бабая-ходжи, — говорили люди, — Кылыш талантлив, успешно учится в Семее, будто бы сизмальства у него были такие устремления, и еще, он резок, остер на язык и не каждый взрослый найдет как ему возразить».

«Ладно», — сказал я и выписал направления обоим. Поскольку впервые мне пришлось это делать, составить документы помог мне тот же Кылыш»^[16].

Таким образом, выход из тупика, в котором оказался Ермухан, был найден. И в начале сентября он и Бакир Казыханов под присмотром более старшего земляка Кылыша Бабаева отправились в Семей. Запрет матери Ермухан проигнорировал, но дальнейшая жизнь показала, что материнское сердце-вещун не ошиблось: добром это не кончится.

Глава вторая **«ЗНАНИЯ – СИЛА»,** **СТАРАЙСЯ ИХ ДОСТИЧЬ**

*Потерял я близких моих, двоих сразу:
мать Бапиш и сестричку Камияш
черноглазую.*

*В буранной степи, без огня и ночлега
Вечным сном уснули они, занесенные
снегом...*

*Из ранних записей
Е. Б. БЕКМАХАНОВА*

1

Кылыш Бабаев неплохо знал все пути-дороги в этом городе, расположенном на угрюмом берегу Иртыша. Приехав в Семей, он сразу же начал водить земляков по разным школам и курсам, куда принимали желающих учиться. Однако его подопечные были еще «недорослями», хотя и считались в Баянаульской школе первыми учениками. Они хотели поступить в самое лучшее учебное заведение. А их покровитель, как городской житель, считал, что им в первую очередь нужно иметь крышу над головой и поступить туда, где дают стипендию. Исходя из этих житейских соображений, Кылыш вынудил своих «птенцов» подать документы на рабфак^[17], где готовили к поступлению в высшие учебные заведения. Срок обучения — два года. Молодым баянаульцам пришлось согласиться, это был для них лучший вариант.

Седой Иртыш, с крутыми берегами, рассекал юрод пополам. Вольный ветер гулял по улицам днем и ночью, поднимая тучи песка и мусора. Ермухан и Бакир до этого никогда не видели города, поэтому Семей с двух-трехэтажными домами, широкими и длинными улицами им показался необыкновенным творением человеческих рук. Странно только, почему строители нагромодили дома и здания учреждений друг на друга, разве им мало места вдоль реки. Жилые дома в основном деревянные и из красного кирпича, окна и ворота резные. Крыши сплошь из железных листов, выкрашены в синие и зеленые цвета. Еще удивило их, что дома не разбросаны, как в Баянауле, где попало, а выстроены будто по линейке, ровными рядами. Большею частью добротные — глаз не оторвать, хотя попадались и саманные землянки, как в ауле.

По словам их предводителя Кылыша, Семей в эти годы уже не славился торговлей. Не стало купцов из сибирских городов и китайских Урумчи, Кульджи. Все переходило в ведение государства. Предприятий в городе мало, и не всем удавалось устроиться там на работу. Но в разных местах, особенно на левом берегу Иртыша, возводились новые производства — фабрики и заводы. В строй вот-вот должен был войти гигантский мясокомбинат. Говорили, что это будет самое большое предприятие мясной промышленности во всем Советском Союзе. Однако где взять миллионы голов скота, которые этот гигант будет превращать в консервы и колбасы? По проекту рассчитывается ежедневно перерабатывать до двадцати пяти тысяч овец и до пяти тысяч коров. Уму непостижимо! Ведь казахская степь не готова насытить это чудовище... Как бы там ни было, баян аульские юноши, впервые попав в город, воочию увидели, что он растет и развивается. Он стал центром области^[18], куда входило несколько

больших уездов, простиравшихся вдоль Иртыша на тысячу верст — от хребтов Алтая и Тарбагатайских гор на востоке до Каркаралинска и Баянаула, Кулундинской степи и Омска на севере. Главное, из далекой Сибири сюда приходила по рельсам известная им из учебников, пышущая огнем, дымом и паром громоздкая «отарба». Незадолго до их приезда через Иртыш был перекинут железнодорожный мост, значит, «отарба» скоро пойдет на юг, в новую столицу Казахстана — Алма-Ату.

Рабфак, куда они попали, находился недалеко от центра города, в так называемой Татарской слободке. Здесь же, на правом берегу Иртыша, где раньше были песчаные пустыри, татарские купцы и зажиточные казахи еще в XIX веке заложили несколько улиц, вдоль которых выстроили кирпичные дома. Они отличались друг от друга оригинальной архитектурой, многие были двухэтажными и обязательно с резными, по-восточному украшенными воротами. В одном из таких домов располагался рабфак. Здание учебного заведения с улицы выглядело неказистым, но внутри было удобно и просторно. На верхнем этаже располагались шесть учебных классов, а внизу — столовая и комнаты-спальни. Учащиеся спали по двое на широких кроватях, как говорили, «в обнимку». Те, кому не хватало коек, ночевали на матрасах в классных комнатах, а утром относили свои постели вниз. В классах не было ничего похожего на школьное оборудование. Посередине стоял длинный стол, сбитый из досок, вокруг него — скамейки. В каждой комнате на стенах были прибиты фанерные доски. Учителя писали на них условия задач по алгебре, выстраивали длинную вереницу формул по химии и физике. Так ежедневно проходили уроки.

Питались учащиеся в этом же помещении. Завтрак подавали в семь часов утра, он состоял из пиалы чая без молока и тонкого ломтика хлеба. Обедали в час дня — жиденький суп и два куска хлеба. На ужин плюхнут в

миску две-три ложки непонятной бурды... Часто и этого не бываю, тогда ужин и обед выдавали вместе. Тем не менее их положение было куда лучше, чем у попрошаек, которые бродили на базаре, отирались возле церквей и мечетей, рылись в куче отбросов в поисках объедков и готовы были облизывать посуду в столовой. Поэтому слушатели были благодарны судьбе и Всевышнему. Бакир втайне молился, чтобы не оказаться за воротами рабфака, со старанием и упорством учился. А способный от природы Ермухан, жадно тянувшийся к знаниям, считал себя счастливым, попав именно на этот рабфак. Подготовка в Баянаульской школе пошла ему впрок, он не растерялся от обилия свалившихся на его голову новых предметов и сведений. Кроме того, ему повезло с учителями. Они старались как можно доходчивее и проще объяснять основы фундаментальных наук — математики, физики и химии, увлеченно рассказывали о колхозах и совхозах, о выведении новых сортов растений и пород животных, о преобразователях природы, всячески помогая своим питомцам в выборе будущей профессии по окончании рабфака.

Это были замечательные наставники, добрые и умные, с щедрой, открытой душой. Занятия велись на русском языке. А учителями были казахи, русские и татары.

Наступил 1932 год. Трескучие январские и февральские морозы цепко держали в своих объятиях всех горожан. И вдруг в эти жуткие холодные дни все жилые кварталы областного центра запрудили вереницы голодных степняков, закутанных в тряпье. Они еле брели по улицам, а завидев прохожего, жалобно просили подать чего-нибудь съестного. Страшно было смотреть на их изможденные, высохшие лица с пустыми глазами. От истощения многие не могли

даже передвигаться. Больно было видеть детей, едва поспевавших за взрослыми. Их вид вызывал содрогание. Чтобы не упасть, бедные скитальцы опирались о стены домов, а некоторые падали на снег и уже больше не поднимались.

В конце марта, когда снег на улицах начат таять, голодающих стало еще больше. В грязи и лужах, скрючившись, лежали обессиленные люди. Некоторые из них, преодолевая себя, поднимались и еле слышным голосом просили хлеба, но на этих несчастных почти никто не обращал внимания.

Однажды, когда слушатели курсов грелись на солнышке во дворе, они увидели очередную толпу голодных людей. Среди них был щуплый парнишка, который вдруг остановился, ухватившись за дерево.

— Смотрите, он сейчас упадет, — сказав кто-то из рабфаковцев.

— Ждет, что мы ему подадим...

Ермухан кинулся к обессиленному пареньку и протянул ему кусок хлеба — весь свой сбереженный на вечер дневной паек. Тот с жадностью стал запихивать хлеб в рот, а потом глаза его выкатились из орбит и он упал как подкошенный. Потрясенный Ермухан замер на месте. На помощь несчастному бросились другие рабфаковцы. Один из них, приподняв веки несчастного, покачал головой: «Все, конец бедняге. Похоже, что твой хлебушек застрял у него в горле, и он задохнулся. Зря подал. Теперь до завтрашнего дня сам будешь ходить голодным...»

Трупы умерших от голода лежали на улицах до самого вечера, пока за ними не приезжала повозка с запряженной в нее старой клячей. Горожане безучастно лицезрели горы трупов, и среди них не нашелся ни один человек, который осмелился бы спросить с власть имущих за этот голодомор. А те даже не пытались его остановить. Словом, вышло, как в поговорке: «Человек

через три дня привыкает и к гробу». Оцепенение и равнодушие охватили не только жителей Семей, но и степняков. Будто кто-то заткнул всем рты, будто люди уподобились бессловесным животным... Говорят, что если бы Ф. И. Голощекин (образованные казахи его за глаза называли Кужак, что означает — голые щеки, голое рыло) еще год управлял Казахстаном, казахов бы вовсе не осталось...

На слушателей рабфака все это действовало удручающе. Они перестали выходить на улицу даже о свободное от занятий время. Видимо, остерегаясь назойливых попрошайек и боясь встретить среди них земляков. А по юроду ходили кошмарные слухи: «Того-то прямо на улице зарезали», «Вчера толпа голодных людей ограбила извозчика», «Оказывается, в аулах уже едят человечье мясо». А из степи, будто подхваченные ужасным смерчем, бежали и бежали люди. Тысячи их подались в соседний Алтайский край и в Китай. Старая городская площадь Семей, где по праздникам собирались горожане на цирковые представления, состязания акынов-импровизаторов или борцов-палуанов, на народные гулянья, где плясали местные красавицы, лились задорные звуки гармоней и домбр, в общем, где постоянно собирался и веселился народ, будто вымерла, там царила гробовая тишина. Пустовала кумысхана, где обычно встречались городские и аульные казахи, чтобы отвести душу за чашкой бодрящего, пенистого напитка и доброй беседой.

Большинство слушателей рабфака приехали из аулов. Они очень переживали за своих близких и родных, которые остались в степи в бедственном положении после того, как местные начальники и ярые белсенды-активисты отобрали у населения все подчистую. Обобществленный скот перегнали в город и пустили под нож. Заготовленное мясо отправили в центральные города России, где велись промышленные

стройки. А как степнякам жить без скота, который их кормил и одевал? Тех, кто задавал такие крамольные вопросы, сразу же забирали в каталажку, откуда никто уже не возвращался...

Провозгласив равенство и братство всех степняков под лозунгом скорейшего построения социализма, насильно изъяв у них весь скот, «аткаминеры-активисты» камчой и маузером загнали соотечественников в колхозы и коммуны. Финал этой политической авантюры оказался печальным: на казахской земле разразился страшный голод, еще более опустошительный, чем в 1921-1922 годах, когда погибло полтора миллиона казахов. Спасаясь от голода, все степное население кинулось куда глаза глядят, тысячи страдальцев полегли в пути, стали добычей хищных зверей и птиц.

В начале марта в Семее появились первые пешие бедолаги из Баянаульского района. Не найдя здесь приюта, они двинулись дальше — в глубину Сибири. Кто-то принес на рабфак печальную весть: Баянаульский округ, где счастливо, безмятежно, привольно и благополучно жили последние два века суюндиковцы, а также люди из родов козган, орманшы и других, где в богатых лесах, разнотравьем и водой землях паслись тысячные табуны лошадей, стада коров, верблюдов, овец, где было видимо-невидимо птиц и зверья, теперь совсем оскудел. В бывшем ауле Торе не осталось ни одной живой души. Вместе со всеми жителями района торинцы, спасаясь от голода, еще в начале марта подались кто в Караганду, где добывали уголь, кто на северо-восток, на берега Иртыша, и далее в Славгород, минуя Павлодар. Часть горемык надеялась осесть в далеком Семее.

Это известие потрясло Ермухана и Бакира. Страдая за своих близких, они стали плохо спать: вскакивали с постелей и кричали по ночам, во сне звали своих

родных. Это было похоже на помешательство. Теперь и учеба не шла в головы. Поразмыслив, они обратились за советом к старшему другу-земляку Салкену Суханбердину, который учился в медицинском училище на фармацевтическом отделении.

— Пропади опа пропадом эта учеба. Мы же взрослые джигиты, поедem домой, убедимся, живы ли наши близкие. Если живы, заберем их в город.

— Я от горя места не нахожу, готов утопиться в Иртыше. Зачем мне жить без матери и сестренки?!.. — бушевал Ермухан.

— Джигиты, не рвите себе сердце раньше времени, — отвечал Салкен. — В Семее живет наш земляк, человек с опытом, он еще до Февральской революции окончил лечебный факультет Томского университета. Был врачом в станицах Баянаульской и Каркаралинской. Сейчас этот человек возглавляет отдел здравоохранения нашей области. Я говорю об Асылбеке Жуманулы Сеитове. Я его знаю с тех пор, когда Асылбек-ага работал в больнице в нишей станице, он приятель моего отца, и в этот техникум я поступил по его совету. Давайте пойдem к нему.

В воскресный день четверо друзей во главе с Кылышем Бабаевым заявили к Сеитову и наперебой приветствовали его с порога: «Ассалаумагалеюкum, ага!» Пожилой врач выглядел интеллигентом, очки с толстыми линзами на большом носу придавали его лицу суровый вид. Весь облик хозяина дома свидетельствовал о его учености и неприступности. Недаром в Баянауле его завистники говорили, что он человек высокомерный. нелюдимый, с кем попало не разговаривает. К тому же он был женат на единственной дочери известного в Прииртышском крае Садуакаса Мусаулы Чорманова, первенца полковника Чорманова, бывшего старшего султана Баянаульского округа. Жена его, красавица Нафига, закончившая до

революции Омскую гимназию, также отличалась вроде бы нелюдимым, несносным характером. Впрочем, такая спесь была присуща всем потомкам Чорманбия, безраздельно правившего сундииковцами в начале прошлого века... Но Салкен был прав, когда предупредил своих друзей, что разговоры о заносчивости чормановского зятя — пустая болтовня. И действительно, хозяин дома приветливо принял молодых людей, пригласил их в гостиную комнату своей квартиры, поинтересовался их житьем-бытьем. Когда разговор зашел о положении баянаульцев, лицо Асылбека потемнело:

— Джигиты, я об этом знаю не больше вашей. Однако скажу другое, нынешняя ситуация сравнима лишь с «годами великих бедствий», с временами калмыцкого нашествия на нашу землю, когда наш народ потерял половину своей численности — около одного миллиона человек. Точную цифру теперь никто и не назовет... Все же эту потерю мы вроде бы восполнили в конце XIX века. У меня есть данные переписи населения 1897 года: к тому моменту численность нашего народа достигла пяти миллионов. Ныне же, кроме самого Всевышнего, никто не знает, сколько останется нас в живых... — Вздохнув, Асылбек Жуманулы перешел к тому вопросу ради которого пришли к нему земляки. — Дорогие мои, я разделяю и понимаю вашу тревогу. Но, скажу честно, нельзя вам покидать Семей. У вас нет транспорта, вы собрались идти туда пешком. Но пользы от этого разбредшимся по всей степи голодным людям не будет никакой. Сами сгинете вместе с ними...

— Это так, агатай^[19], но надо же что-то предпринимать. Может быть, надо написать письмо в правительство, попросить помощи? Соберем сотни,

даже тысячи подписей, отправим прямо в Москву! — разгорячились Кылыш и Ермухан.

Асылбек Жуманулы покачал головой. Юноши поняли, что он испугался.

— Нет, нельзя так! — жестко ответил Асылбек.

— Что же нам делать? Надо же спасти горемычных.

— Главная задача сейчас, молодые люди, самим уцелеть в этой заварухе. Если вы останетесь в живых, то, создав семью, непременно восполните потерю близких людей. Наши предки по этому поводу еще издревле изрекли: «Сидя на месте, можно далеко пойти»...

Чувствовалось, что слова эти ему давались с трудом и, часто запинаясь, он медленно продолжал:

— Каждый, кто считает себя истинным казахом, будь он служащим, как я, или учащимся, как вы, обязан выжить, сохранить себя в этой тяжелой ситуации. И, конечно, по возможности помочь нуждающимся... Лично я и моя семья не стоим в стороне. Всех, кто сумел добраться до города» я стараюсь разместить в больницах, одновременно открываю столовые, пункты питания. Повсеместно оказываю медицинскую помощь... В общем, делаю все возможное... Разумеется, этого недостаточно. Однако, если я из тысячи голодных людей хотя бы сотню накормлю, обогрею и подлечу, то, считаю, мои усилия не напрасны. Хозяйка этой дома, ваша землячка Нафига Садвакасовна со мной заодно, у нее тоже не каменное сердце. Все свое состояние, оставленное ей покойным отцом: дорогие украшения редчайшей ручной работы старых мастеров — золотые браслеты, кольца, серьги, часы, она сдает в лавку Торгсина, есть здесь такая торговая государственная точка, взамен на продукты питания. И все, что может взять оттуда, до последнего зернышка раздает голодающим. Правда, не всем подряд, а по выбору, это уж ее исключительное право, поскольку тратит свое

наследство. Каждого добравшегося до порога нашего дома она наделяет чем только может, стоит бедняге назвать имя отца. Как только у нее заканчиваются продуктовые карточки, она снова несет что-нибудь в лавку Торгсина... Я думаю, джигиты, так и надо поступать. У нас в семье растет единственная дочь Роза, но ни я, ни мать нисколько не жалеем, что по сути лишили ее фамильных драгоценностей, самых дорогих украшений. Самос главное, мы поделились, чем могли, с обездоленными людьми. И вам, молодые люди, даю такой совет: будьте душой и сердцем со своим народом!..

Юноши согласились с доводами авторитетного человека, к тому же истинною интеллектуала^[20], но от этого им не стало легче. Выйдя из дома Асылбека Сеитова, они снова погрузились в тяжелые раздумья, болея за судьбу близких, оставшихся в далекой степи. Они понимали, что запоздавшие меры по спасению голодающих, предпринимаемые властью, не помогут.

Ермухан стал часто ходить на базар, надеясь там услышать хоть что-нибудь о родных местах. И однажды встретил знакомого из Баянаула. Тот передал ему дурные новости. После разговора с ним Ермухан в потерянном состоянии, ничего вокруг себя не замечая, еле добрался до общежития и рухнул на свою кровать. Бакир пытался расспросить его:

— На тебе лица нет. Что с тобой случилось?..

Но Ермухан отвернулся и не произнес ни слова. Всю ночь он тяжело вздыхал, ворочался в постели, во сне звал кого-то, с кем-то громко разговаривал. Утром не поднялся, чтобы пойти на занятия. Лежал, уткнувшись лицом в подушку.

Так он провел несколько дней. Не ел, не пил, ни с кем не разговаривал. Такое поведение показалось многим вызывающим, проявлением неуважения к

коллективу, комсомольской организации, наконец, к советской власти, предоставившей ему все возможности для учебы. Выходило, что это скрытый протест. Если не хочет ничего объяснять, не считается ни с кем, надо исключить из комсомола, отчислить с рабфака!

— Ермухан, дорогой, ты ведь дело ведешь к скандалу. Что с тобой? Хотя бы мне объясни, — умолял его Бакир. Но друг не реагировал на его уговоры. Он мотал головой, будто злился на кого-то, скрежетал зубами. Иной раз глаза его наполнялись слезами. Однако по-прежнему он не произносил ни звука.

Бакир, в конце концов, решил, что друг его тронулся умом. Он поделился своими подозрениями с начальником курса. А тот, недолго думая, вызвал «скорую помощь». «Карета» появилась через пару часов с санитарями в серых халатах. Не церемонясь, они быстро одели почти бесчувственного Ермухана и вынесли из помещения на носилках.

Бакир клял себя за то, что отдал друга чужим людям. Поэтому увязался за повозкой «скорой», запряженной доходягой-лошадью и двигавшейся по городу, как черепаха. Карета миновала железнодорожный мост и через некоторое время подкатила к одноэтажному каменному зданию. Бакир, прочитав название размещенного в нем учреждения, пришел в ужас: «Областная психиатрическая больница». Он замер, как столб, не зная, что делать. А вся территория больницы была окружена высокой кирпичной стеной...

Юноша поплелся в другую часть города. Через час подошел к общежитию медучилища, расположенному на берегу Иртыша, рядом с учебным корпусом. Там нашел Салкена Суханбердина. Всегда собранный, энергичный земляк и на этот раз не впал в панику, он сразу же повел Бакира в отдел здравоохранения.

Асылбек Жуманулы, оказывается, уже знал подробности о трагедии, постигшей аул Торе. По его словам, все жители аула погибли от голода.

— В тех местах теперь вроде бродят только одичавшие собаки, кошки и волчьи стаи, А людей, как говорят, в окрестностях озера Жасыбай вообще не осталось. В числе погибших — мать и маленькая сестра Ермухана. Весть об этом страшном горе, видимо, дошла и до вашего друга. Думаете, легко потерять близких и остаться одному на свете? Не каждый в силах перенести такое потрясение, — хмуро глядя на молодых людей, произнес врач. — Однако не переживайте, что-нибудь придумаем. Той больницей, название которой так вас напугало, ведает опытный психиатр. Он назначит парню уколы и витамины. Молодой организм нашего джигита выдержит все напасти, и с помощью Всевышнего и наших врачей он скоро поправится...

В конце концов так и произошло. Помутившийся после внезапного тяжелого удара рассудок Ермухана постепенно прояснился. К нему вернулись сон и аппетит. Но после анализов, взятых в другой больнице, которую горожане почему-то называли Физинститутом, обнаружилось, что у парня развилась опасная болезнь легких.

Нелегко было еще не вставшему на ноги джигиту осознать, что всего за два года он остался один на белом свете из всех Бекмахановых. По ночам, дико ощущая свое одиночество, закутав голову в одеяло, он долго и горько плакал. Стараясь не всхлипывать, не выдавать себя, он заливался слезами, проклиная все на свете, особенно тех, кто обрек на смерть его родных. Беспощадно казнил и себя: «Черт меня дернул покинуть родной аул из за этой учебы! Если бы я оставался там, то рыбачил бы на Жасыбае, охотился на глухарей в Карагаче, кое-как прокормил бы свою мать и маленькую сестренку. Мало ли испытала моя мать горя, всю

сознательную жизнь она провела в труде, чтобы прокормить нас, с утра до ночи работала в зажиточных домах. По ночам спала не более пяти-шести часов. Чем же она заслужила такую кару — умереть в степи и остаться непогребенной? В чем вина моей маленькой сестрички? Чем жить на этом снеге одному, лучше умереть вместе с ними!..»

В солнечные весенние дни, когда все пациенты выходили во двор больницы, чтобы погреться и подышать свежим воздухом, Ермухан вдруг падал и терял сознание от головокружения. Сразу поднималась температура. Все вокруг становилось безразличным. По заключению фтизиатра, болезнь легких перешла в более тяжелую форму. Чтобы излечиться, нужны были чистый воздух, усиленное питание и, естественно, целебный кумыс.

В один из летних дней медсестра повела его на второй этаж, к главному врачу Физинститута. Ермухан уже чувствовал себя лучше, пошел на поправку благодаря неусыпному вниманию к себе со стороны медперсонала. Разгадку этой бескорыстной заботы он узнал, когда зашел в кабинет главного врача. Здесь его ждал Асылбек-ага Сеитов. Вот, оказывается, кто беспокоился о нем.

— Ну, как твои дела, джигит? — улыбнулся Асылбек Жуманулы, взглянув на порозовевшие щеки Ермухана. — Скажи спасибо своим друзьям. Когда ты заболел, они вовремя сообщили мне об этом... А вытащил тебя фактически с того света доктор Елизарьев. Мы вместе учились в Томске. Валерий Николаевич — прекрасный терапевт, кроме того, он хорошо разбирается в легочных заболеваниях, так что тебе очень повезло...

— Спасибо за заботу, агатай. Я не пожелаю так болеть не то что друзьям, но и врагам своим. Если

выздоровлю, останусь вашим должником на всю жизнь, Асылбек-ага...

— Я всего лишь выполнил свой врачебный долг, поэтому ты мне ничего не должен... — отмахнулся Асылбек Жуманулы. — А наперед запомни две вещи: первое, полностью доверься своему лечащему врачу, серьезно относись ко всем назначениям и процедурам, соблюдай режим.

— Считайте, что я принял эти условия, ага.

— Второе, никогда не впадай в уныние. Верь в себя! В своей беде ты не одинок. То, что ты пережил, сейчас переживает весь народ. Опускать руки, разочаровываться в жизни тебе еще рано. Ты должен жить теперь за себя и за своего брата Динше, и за мать, и за сестренку! И должен выдержать тяжелое испытание, ты же мужчина. Запомни: человек сам творен своей судьбы. Звезды правят дураками, а мудрый — своими звездами, — учили древние философы. Бери пример со своих предков, которыегнулись, но не ломались.

— Я не собираюсь сдаваться, агатай, — бодро ответил Ермухан.

И Асылбек Жуманулы, с одобрением посмотрев на него, подумал: «Он настоящий степной волчонок, все торинцы такие клыкастые».

— Дай руку, это слова настоящего джигита! Я уже поговорил с заведующим рабфаком, можешь снова возвращаться туда и продолжать учебу... Он, кстати, похвалил тебя, оказывается, ты силен в математике, у тебя есть, по его словам, все задатки, чтобы стать настоящим ученым... Разумеется, для этого нужно крепкое здоровье. Послезавтра мой конюх с утра заедет за тобой в общежитие. Собери свои вещи и книги, он довезет тебя до нашего курорта «Аул»... Там на кумысе, парном молоке и калорийной, питательной еде ты окончательно поправишься. Побольше гуляй в сосновом

бору, особенно ранним утром. Это тоже поможет тебе. Словом, поживешь там месяца два, и, думаю, от твоих хворей не останется и следа.

— Ой, агатай, как это замечательно!.. Пусть единственная ваша дочь Роза не знает таких бед и принесет вам счастье! Не могу найти других слов благодарности... — У Ермухана от волнения на глазах выступили слезы. — Я так рад, так рад, вы теперь мне как брат родной!..

— Хватит, хватит. Вот вылечишься и приступишь снова к учебе, наверстаешь пропущенные занятия. Я нисколько не сомневаюсь, что ты закончишь рабфак, Ермухан, а затем получишь и высшее образование и посильным трудом поможешь своему многострадальному народу. Это и будет твоя плата мне!

— Постараюсь, агатай, по крайней мере, буду стараться оправдать ваше доверие!.. — ответил Ермухан, приложив руку к сердцу.

«Всевышний поддерживает того, кто стремится к посеву для будущей жизни», — говорится в Коране. Осенью, когда Ермухан вернулся к занятиям в Семее, он за каких-то два месяца без особого труда догнал своих сокурсников. Его полугодовое отсутствие на занятиях нисколько не отразилось на учебе, наоборот, у него еще больше возрос интерес к ней. Только одно обстоятельство сильно огорчало: во время его отсутствия верный дружок Бакир, видимо, от одиночества, в середине лета забрал свои документы и подался в Павлодар. По слухам, он там поступил на краткосрочные курсы учителей.

Ермухан не хотел бросать рабфак. Вернувшись с курорта, он первым делом навестил Асылбека Жуманулы и сообщил ему о поступке Бакира.

— Краткосрочные курсы не дадут глубоких знаний. Там галопом пробежишься по всем предметам и ничего в голове путного не останется. Надо готовиться к поступлению в институт или университет, именно там кууют кадры настоящих специалистов по всем отраслям науки и культуры... — сказал Сентов.

Ермухан так и поступил. Не пропуская ни одного занятия, всю зиму он упорно учился и в июле 1933 года с хорошими оценками закончил рабфак. Получил свидетельство о его окончании, дававшее право на поступление в высшее учебное заведение.

2

Этим же летом он отправился в Алма-Ату; с трудом достав билет в старый пассажирский вагон, который следовал по Туркестано-Сибирской железной дороге, магистрали социализма, соединившей Сибирь с Казахстаном и республиками Средней Азии. Приехав в новую столицу республики, он в первой же попавшейся чайхане сытно пообедал, благо у него были кое-какие деньги, собранные земляками еще в Семее. Чтобы сэкономить их, Ермухан не стал устраиваться в гостинице, а вернулся на железнодорожный вокзал. Нашел свободное место в зале ожидания и, положив под голову ручную кладь, попытался уснуть. Однако с непривычки он не сомкнул глаз и промучился всю ночь.

Как только рассвело, собрал свои пожитки. В привокзальном буфете выпил чашку горячего чая и направился пешком в Казахский педагогический институт, адрес которого выяснил еще вчера. Через полчаса дошел до улицы Пролетарской и, зайдя во двор института, устроился под густой тенью дерева, поняв, что пришел рановато. Ермухан еще в Семее выбрал для себя этот институт. Он знал, что КазПИ, основанный в

1928 году, готовил учителей для средних школ республики. Институт уже выпустил несколько сотен педагогов — специалистов с высшим образованием, о которых хорошие отзывы распространились по всему Казахстану. Правда, в столице был еще и университет, который открылся на год позже КазПИ. По статусу он был выше, чем институт. Окончившие КазГУ могли работать не только в школах, но и в педагогических институтах и техникумах. Так что преимущество университета было налицо. Однако в КазГУ пришлось бы учиться целых пять лет. Одинокому парню с пустым карманом, у которого не было никого на всем белом свете, выходит, путь туда был отрезан. Поэтому он решил испытать свое счастье в пединституте. Ему хотелось поступить на физико-математический факультет, как как он слышал, что там нет конкурса. Тем более по этим дисциплинам у него были неплохие оценки. Ермухан с нетерпением ждал начала рабочего дня, чтобы скорее сдать документы. Если удастся, то сразу же получить место в общежитии.

К восьми часам утра в институт потянулись преподаватели и студенты. В этом потоке он замечал своих сверстников парней и девушек. Ермухан любовался яркой, нарядной одеждой молодежи и приходил в восхищение от кожаных портфелей, которые важно несли в руках взрослые. Вдруг среди них Ермухан заметил светлого худощавого человека, который тоже с удивлением взглянул на него, проходя мимо. Пройдя еще пять-шесть шагов, он, видимо, что-то вспомнив, оглянулся. В тот же миг Ермухан радостно закричал:

— Дихан-ага, вы не узнаете меня? Я же брат Динше — Ермухан! — И более не сдерживаясь, кинулся к нему.

Но тот не торопился принимать его в свои объятия. Лишь когда Ермухан вплотную приблизился, будто бы испугавшись, произнес:

— Сгинь, сгинь! Я знаю, что весь род торинцев, в том числе и родные Бекмахана-ага погибли от прошлогоднего мора. А ты называешь себя братом Динше?..

— Агатай, что вы говорите? Если вы на самом деле Дихан-ага Абилев, то я и есть Бскмаханов Ермухан. Вас кто-то ввел в заблуждение, сообщив о гибели всей нашей семьи, я-то Ермухан — живой, вот стою перед вами...

— Ой, айналайын, Ермухаш, теперь я узнал тебя. Ты, оказывается, жив? Дай я тебя обниму! — И Дихан-ага крепко прижал джигита к себе.

Ермухан тут же сообщил ему о своем желании поступить в КазПИ.

— Ну, что же, если желаешь, обязательно поступишь. Раз приехал за тридевять земель, конечно, тебя примут... Ты, Ермуханчик, подожди меня здесь. Я вернусь через полчаса. Только никуда не уходи! — произнес Дихан-ага и устремился вперед.

Через некоторое время он вернулся. Наверное, счел святым долгом помочь родному брату своего покойного друга Динше. Тем более что он так похож на Динше, с которым Дихан вместе рос и целых два года учился в сельскохозяйственном техникуме в Семее. Дихан Абилев взял под руку Ермухана и, не слушая его возражений, повел его в сторону зеленого базара, находившегося неподалеку. Они выбрали чайхану получше, сели за стол. За обедом Дихан-ага внимательно выслушал печальную историю своего земляка, а затем сказал:

— Ладно, Ермухаш. Хорошо, что ты встретил меня. Надеюсь, теперь под моим приглядом тебе будет легче. Сам я окончательно бросил якорь в Алма-Ате. Навсегда отошел от сельскохозяйственных занятий и теперь кручусь в литературном мире. Сочиняю стихи, но пока похвастаться нечем. Главная проблема в городе —

жилье. В этом ты скоро сам убедишься. Я снимаю курятник у одного алма-атинского прохиндея...

— Выбор профессии, — поучал он, — не покупка обуви, даже дорогого костюма. Их можно поменять, когда износишь, а специальность приобретаешь навсегда, это по своему значению равно выбору невесты...

Между тем терпение джигита уже начало иссякать. К тому же ему надоели недоброжелательные взгляды хозяина дома, который косился на него с того самого момента, когда он впервые появился во дворе, а потом каждый день, открывая ему всегда запертую изнутри калитку, без зазрения совести спрашивал: «Ты, басурман, когда собираешься уезжать?» Это очень задевало самолюбие Ермухана, но идти было некуда. Единственный выход из создавшегося положения — поступление в институт и получение места в общежитии. Только когда это будет?

В один из вечеров, когда Ермухан решил завтра без провожатых пойти в институт, Дихан-ага, догадавшись о его мыслях, осторожно начал разговор:

— Ермухаш, я тяну этот вопрос неспроста. Считаю необходимым предупредить тебя об одной вещи: ты неплохо окончил семилетнюю школу, а также рабфак, так что без особого труда поступишь на любой факультет КазПИ. Я верю, что ты будешь успешно учиться и в институте. Но боюсь другого, о чем ты из-за неопытности и по простоте своей вовсе не догадываешься: в Алма-Ате сейчас проживает немало наших баянаульцев, из зависти они могут наболтать что-нибудь о твоей родословной, особенно увидев, что ты выбиваешься в люди. У меня такое предчувствие, дорогой мой Ермухан...

— Да, это возможно, Дихан-ага, — согласился Ермухан. — В Семее тоже проживает большая группа наших земляков, которые также не могут ужиться друг

с другом. Абмкею Сатпаеву, наиболее образованному нашему земляку, из-за их подлых доносов и козней пришлось даже хлебнуть тюремной баланды. А потом бежать из Казахстана. Я также знаю, что злые языки сплетничают за спиной Сеитова, а он мне всячески оказывал поддержку. Они не хотят видеть, сколько добра он делает людям на протяжении десятков лет, а упирают на то, что он зять Садвакаса Чорманова...

— В общем, я опасаюсь, — продолжил Дихан-ага, — что в один прекрасный день кто-то из слишком услужливых активистов-белсенды доложит кому надо о том, что твои предки — из чингизидов, а ты являешься прямым потомком самого Аблай-хана, и когда вступал в комсомол, этот факт скрыл...

— Но вы же, Дихан-ага, сами хорошо знаете, что я, хоть и торинец-чингизид, но из самых обедневших низов, мой отец много лет сторожил табуны Чормановых, — возмутился Ермухан.

— Но кто же станет вникать в эти детали, когда вопрос о тебе вынесут на обсуждение институтского комсомольского собрания? Тебя разнесут в пух и прах, не дав даже рта раскрыть в свое оправдание. Так случилось с Шариком из аула Чокы, таким же бедняком, как ты. В прошлом году, когда он уже заканчивал второй курс технического вуза САИТИ в Ташкенте. Его, не моргнув глазом, исключили... Сокурсники обвинили Шапыка в сокрытии якобы знатного происхождения. Кому-то из Баянаула не давало покоя, что он учится в таком престижном вузе. Состряпали донос, мол, Шапык — прямой потомок феодала Турсынбая. Вот уже год, как он мотается между Алма-Атой и Москвой, пытаюсь восстановиться в комсомоле. Он старше тебя, закален в таких передрягах. Ведь до института Шапык, мой друг, успел закончить Каркарапинский педтехникум... И то не может добиться справедливости. Где правды нет — там подлости простор.

— Что же мне делать. Дихан-ага? Ведь, бросив шапку от волка все равно не спасешься. Все-таки хочу подать документы в этот вуз.

— А что, если ты поедешь в один из городов Центральной России? Говорят, что русские вообще не обращают внимания на биографию абитуриентов и не станут копаться в твоём происхождении. Лишь бы ты учился со старанием и имел бы знания.

— Мысль ваша неплохая. Но кто же меня направит в Россию, кроме того, это связано с дополнительными расходами?

— Сходи в Наркомпрос. Я разузнал, там работает штаб, где выдают направления в институты всего Союза. Документы у тебя в порядке, оценки хорошие. Напирай на то, что ты из семьи батраков, покажи свой комсомольский билет...

В тот же день Ермухан явился в Народный комиссариат просвещения, нашел чиновника, заправлявшего набором молодежи на учебу в Россию. К сожалению, оказалось, что юноша немного опоздал. Уже были розданы направления в вузы Москвы, Ленинграда, Воронежа и других больших городов. Пожилой мужчина, кряхтя, начал копаться в своей потрепанной папке, наконец что-то пробубнил себе под нос и уже громче и отчетливее сказал:

— Тауариш Бекмаханов, у меня осталось только одно место... В городе Тамбове есть очень хороший педагогический институт. А Тамбов — красивый город, почти в центре России. Тебе повезло, парень. Черт побери, пойдешь на исторический факультет! Есть общежитие, будут платить приличную стипендию. Что тебе еще нужно? Садись, пиши заявление...

Ермухан знал, где находится Тамбов, туда нужно добираться через Москву. Однако он никогда не думал, что в таком отдаленном от центра крае имеется приличное учебное заведение.

— Ты что, тауариш, еще раздумываешь? Мне нужно твое согласие сейчас, а если отложишь на завтра, тогда не ручаюсь, что это место достанется тебе... — поторопил чиновник.

— Агай, у меня нет денег, чтобы доехать до Тамбова. Я ведь круглый сирота...

— Дорожные расходы оплачивает наш комиссариат!

— А что, если я немного подумаю и приду после обеда?..

Мужчина резко захлопнул лапку, тем самым выражая свое недовольство.

— Раз не хочешь — не буду заставлять. Я предложил это место тебе, учитывая твои хорошие оценки в свидетельстве об образовании, и подумал, что из тебя выйдет толк. А оказывается, ты еще ребенок... Поступай, как знаешь, все, разговор окончен, можешь идти!..

Колкие слова этого человека задели за живое Ермухана и, уже не колеблясь, он выпалил:

— Хорошо, агай, я согласен.

— Если согласен, то так и укажи в заявлении: «Хочу учиться на историческом факультете Тамбовского педагогического института...»

Ермухан тотчас под диктовку написал заявление. Быстро прочитав его, чиновник одобрительно заметил:

— Ты, парень, оказывается, силен в русском языке. Тебе бы с такой подготовкой учиться в Москве, да и почерк у тебя красивый!.. Только жаль, что ты с опозданием явился, если бы пришел ко мне на прошлой неделе, я бы тебя первым отправил в Москву... Ничего, Москва от тебя не уйдет. Да и в Тамбове не лаптем щи хлебают... Значит, забегай ко мне к концу дня. К этому времени я подготовлю тебе направление за подписью наркома и деньги тоже. Словом, не беспокойся, все будет хорошо!

На следующий же день, получив направление наркома просвещения и проездные, Ермухан купил билет на поезд Алма-Ата — Москва. Дихан-ага, пришедший проводить его, принес с собой баул с продуктами на дорогу. Когда вошли в вагон, заботливый земляк, немного помявшись, вручил Ермухану и второй баул, который держал в другой руке.

— Ермухаш, у меня сейчас нет постоянного заработка, Я живу гонорарами за стихи, а они не совсем уж большие... Но ты уезжаешь в далекие края, придется перетерпеть русские зимы... Я принес свою поношенную куртку, пригодится на всякий случай. Будь здоров и возвращайся на родину с дипломом! Ну, протай, братишка! — Дихан-ага даже прослезился.

На исходе пятых суток Ермухан добрался до Москвы. Пару ночей проведя на железнодорожном вокзале, он, наконец, с трудом купил билет в плацкартный вагон поезда Москва— Тамбов.

Расхваленный наркомцросовским чиновником старый город Ермухана не впечатлил^[21]. Впрочем, в свое время обласканный Екатериной II и назначенный сюда губернатором поэт Гавриил Романович Державин, взрывной и резкий по характеру — видать, в нем играла татарская кровь, здесь тоже не задержался. По преданию, одна из разгуливавших по городу свиней забрела в его кабинет, утащила со стола и сжевала важный рескрипт, за что он попал в немилость матушки-императрицы, со всеми переругался и отбыл восвояси в Санкт-Петербург.

В Тамбове, построенном в 1636 году на берегу речки Цна, левого притока Мокши, впадающей в Оку, в 1897 году проживало всего-навсего 48 тысяч человек. Когда наш джигит прибыл в этот город, население его

составляло более 70 тысяч. Местные жители занимались в основном переработкой сельскохозяйственных продуктов, торговлей знаменитой моршанской махоркой, еще имелось в городе несколько предприятий машиностроительной, текстильной и пищевой промышленности. В общем, это было захолустье. В городе, отстоявшем от Москвы на каких-то 480 верст, до Октябрьской революции существовало лишь два средних учебных заведения. Педагогический институт, куда попал Ермухан, был основан в начале 1930-х годов. По этой причине здесь еще не сложились свои традиции, система слаженного обучения. Преподавательский состав не был полностью укомплектован. Кстати, исторический факультет был только что открыт. Видимо, желающих стать преподавателями истории нашлось немного, поэтому на истфаке насчитывалось всего 17 студентов. Да и тех Народному комиссариату просвещения СССР пришлось набирать со всех концов страны. Обучаясь в пединституте Тамбова, расположенном в здании старой гимназии, Ермухан понял, почему сотрудник Каэнаркомпроса так усиленно агитировал его ехать в Тамбов. По-видимому, ему скорее хотелось отчитаться о выполнении заявки из Москвы...

Как говорят на Руси, назвался груздем, полезай в кузов. Пришлось терпеть, кляня себя за доверчивость. Впрочем, все было не так уж плохо, как представлялось вначале. Благодаря попечению местного руководства единственный институт в областном центре, общежитие и столовая были в приличном состоянии. К тому же с давних времен в городе сложился свой окраинный быт: горожане держали коров, коз, разводили свиней и птиц, занимались садоводством и огородничеством, выращивали яблоки и овощи, поэтому особых проблем с продуктами питания не было.

Ермухан был здесь всегда сыт. Единственное, что тяготило его, так это тоска по родным местам. Оно и понятно: на чужбине и сладкое горчит. Небольшая стипендия не позволяла ему на летние каникулы съездить в Казахстан. Лето он проводил в Тамбове. Чтобы заработать, устраивался временно на какую-нибудь фабрику. На заработанные деньги покупал кое-какую обнову:..

Так прошло два года. Он почти не заметил, как они пролетели.

Осенью 1936 года Народный комиссариат просвещения РСФСР закрыл исторический факультет Тамбовского пединститута. 17 студентов, перешедших на третий курс, а также всех второкурсников тем же приказом перевели в Воронежский педагогический институт, на тот же факультет. Этот случай свидетельствует о слабости научно-преподавательской базы исторического факультета Тамбовского института. Желających учиться там было очень мало, и каждый год исторический факультет недобирал студентов. Поэтому в 1936 году вообще не объявляли приема.

3

Город Воронеж возник в 1586 году. Он был построен донскими казаками в устьях рек Воронеж и Дон. впадающих в Азовское море, для отражения нападений крымских татар и набегов Ногайской орды. Сначала это была небольшая крепость, затем она превратилась в военный городок, а в XVII веке Воронеж стал крупным торговым и промышленным центром. По всей вероятности, мощный импульс развитию города придал царь Петр I, который в 1695–1696 годах перед своим Азовским походом против турок два года подряд сидел в этом городке, построил здесь верфь и заложил

российский флот. Быстрорастущий город с 1711 года стал административным центром Азовской, а затем, с 1725 года, Воронежской губернии. Построенная во второй половине XIX века железная дорога связала его с Москвой и Ростовским градом (не путать его с древним Ростовом, который расположен на берегу Дона). Отчего экономическая мощь Воронежа еще более возросла, а это, в свою очередь, способствовало росту его культурно-духовного значения. До Октябрьской революции здесь было два высших учебных заведения. В 1918 году открылся Воронежский государственный университет. Сюда была переведена группа профессоров из Тартуского университета (основанного в Эстонии в XVI веке). И это сразу придало вес Воронежскому университету. К началу 1930-х годов в этом городе было уже восемь вузов: сельскохозяйственный, технологический, технический, медицинский, педагогический институты и высшие учебные заведения, которые готовили инженеров-строителей и специалистов лесного хозяйства. В 12 техникумах обучались специалисты среднего звена. В те годы в учебных заведениях Воронежа занимались 67 тысяч молодых людей.

В 1934 году в СССР была произведена новая административно-территориальная реформа, в результате которой Воронеж стал областным центром. Это обстоятельство также способствовало становлению Воронежа как одного из крупных образовательных, культурных и научных центров СССР. В те годы в этом городе работали несколько театров (драмы, оперы и балета, юных зрителей и кукольный), филармония, пять музеев и ряд научных организаций. До революции в этом городе была самая крупная типография Российской империи. Большая часть отчетов о переписи населения, исторических изданий выходила в этом городе и распространялась по всей стране. Например,

итоговые исследовательско-обзорные труды, написанные под руководством ученого-статистика, профессора А. Н. Щербины, посвященные Казахской степи последней четверти XIX века и включавшие в себя 13 больших томов, издавались в этом городе вплоть до 1903 года...

Ермухан был несказанно рад, что попал в Воронеж, в этот овеянный стариной, стремительно развивающийся город, где почти на каждой улице можно было запросто встретить ученых, настоящих русских интеллигентов. Во дворцах культуры часто звучала классическая музыка, достаточно много было в этом городе и других развлечений. Для юноши из далекой степи это было настоящим везением. Его с первых дней покорили и поразили глубокая эрудиция, разносторонний интеллект преподавателей исторического факультета. Читая свой курс лекций, многие из них почти не заглядывали в свои записи, в толстые научные книги, которые раскладывали на столе. Почти с порога начиная лекцию, они до самого звонка, ни на минуту не прерываясь, на память приводили сотни цифр и дат. В их увлекательных лекциях оживала история Европы, Древней Греции и Рима, Востока и России. Студенты старались внести в конспекты каждое слово своих изумительных наставников. Потом на семинарских занятиях шло закрепление знаний, полученных ими во время лекций. Студент не обязан был слепо повторять то, что услышал на лекции; если он был не согласен с лектором, то мог до посинения спорить с ним. Главное — доказывать свою точку зрения, опираясь на исторические факты...

Ермухан особенно боготворил профессора Яна (Янеса) Яковлевича Зутиса. Он приехал в Воронеж после окончания Московского университета по направлению Наркомпроса. Студенты шептались между собой, что

тот исследовал колонизаторскую политику Российской империи в Прибалтике, историю ожесточенной борьбы литовцев, эстонцев и латышей за свою независимость. Готовил по этим темам капитальный труд^[22].

Ян Яковлевич родился в семье батрака, служившего у латышского помещика. Наверное, потому, что с детства испытал нищету, он постоянно помогал бедствующим студентам. И студенты часто пользовались этой слабостью любимого профессора. Ян Яковлевич сразу обратил внимание на худощавого, бедно одетого студента-азиата, который на занятиях часто задавал ему каверзные вопросы. И однажды добродушный по своей природе Ян Яковлевич, озорно взглянув на него, сказал: «Бек^[23], идем ко мне домой! Воскресим в памяти историю кипчакской степи, заодно вспомним и твоих предков».

Благодарный студент хоть и стеснялся, но не отказывался от приглашений хлебосольного профессора. Подкрепившись и попивая кофе, мог часами слушать экскурсии ученого в далекое прошлое Европы, иной раз и казахской степи. В те годы Яну Яковлевичу было чуть больше сорока лет, он скрупулезно изучал не только историю, но и прекрасно разбирался в проблемах современного общества.

Самое примечательное, ученый не прочь был порассуждать об истории образования казахской народности и казахских ханств, обстоятельствах присоединения Казахстана к России. По этой части он знал множество исторических фактов и документов. Как прилежный ученик Ермухан с жадностью внимал каждому слову благосклонного к нему учителя.

— Меня удивляет, дорогой Бек, — говорил Зутис, — что у вас нет до сих пор своей систематически изложенной истории Казахстана, даже жалкого учебника. Как же так, есть и здравствует казахский

народ. Казахы — не тысяча, а несколько миллионов. Они с древнейших времен населяют бескрайнюю степь, предгорья Тянь-Шаня и Алтая, Прикаспийскую низменность, долины рек Иртыш, Сырдарья, Или, Есидь, Тобол. Наверное, у вас еще не родился летописец, способный осветить тысячелетнюю историю своего народа, от зарождения до сегодняшних дней. Между прочим, я думаю, что ваши далекие предки — это половцы, по-вашему кипчаки. Они занимали громадную территорию: от Дуная на западе до озера Балхаш на востоке и от Крыма на юге до Волги на севере. Быстрая половецкая конница грозила самой Византии и совершала опустошительные набеги на Русь. Русским князьям в XII веке удалось одержать ряд побед над ними. Но угроза «дикой степи» еще висела дамокловым мечом над городами и селами русских княжеств. От этих воинственных племен, по-моему, и пошли казахи, объединившиеся в XV веке в самостоятельное ханство. Об этом повествуется в устных сказаниях, легендах, но в истории еще много непознанного. А в запасниках Министерства иностранных дел Российского государства ждут своих исследователей толстенные фолианты, груды официальных писем казахских ханов к императорам России. Это точно, сам видел.

Подобные беседы, как и лекции Зутиса, будили воображение, мысль юноши, вызвали жгучее желание и самому стать ученым, сказать свое слово в науке. С особым подъемом Ян Яковлевич рассказывал о подлинном научном подвиге одною из выдающихся представителей своей эпохи — Николае Михайловиче Карамзине. Он совершил невозможное — написал всеобъемлющий 12-томный груд под названием «История государства Российскою». В нем он запечатлел все лучшее, наиболее ценное, что русский народ сохранил в своей памяти и пронес через века. Отказавшись от пустых развлечений, прелестей

светской жизни, он в течение многих лет скрупулезно изучал архивы Коллегии иностранных дел, летописи и грамоты, старинные книги в монастырях. Девизом его было: писать, советуясь со своей совестью. На закате своих дней, в проекте манифеста, представленного Николаю I, он предельно ясно выразил свои мечты: «Да благоденствует Россия истинным просвещением умов и непорочностью нравов, плодами трудолюбия и деятельности полезной, мирною свободой жизни гражданской». Со страниц труда Карамзина, как живые, встают образы былинных богатырей, великих и удельных князей, полководцев и царей. Карамзин критически проанализировал труды всех известных до него русских историков, своих предшественников — В. Н. Татищева, М. М. Щербатова и других. Он решительно опроверг вымыслы немецких ученых, приписывавших варяжскому князю Рюрику, пришедшему в 862 году в Новгород с дружиной, роль организатора Русского государства. Карамзин камня на камне не оставил от враждебных России измышлений о том, что «сами русские князья не могли создать своего государства, им не хватало на это ума, мешали междоусобицы и собственное тщеславие». Поэтому новый порядок пришлось устанавливать заезжим «варягам» с запада, то есть норманнам (предкам немцев).

Карамзин пользовался высочайшим авторитетом при дворе. Когда тяжело заболел, император повелел снарядить специально для него корабль, чтобы он мог отплыть на нем на лечение на юг.

— Вот, друзья мои, что значит быть настоящим ученым-историком, — назидательно провозгласил, подняв указательный палец и обращаясь к студентам, Ян Яковлевич.

Вникая в лекции профессора, Ермухан каждый раз задумывался о том, почему у его народа нет

письменной истории, а имеющиеся исторические сведения отрывочны, противоречивы и запутаны, не собраны воедино. Не по этой ли причине утвердилось мнение, что до завоевания монголами степных равнин нынешней Казахстана местные народы-кочевники будто бы жили лишь тайпами, не имея государственных структур. И только после прихода сюда монголов возникли улусы, называвшиеся именами потомков Чингисхана. Это уже XIII век. К данной эпохе относится появление у казахов устных летописей, так называемых «Шежире», но и в них не все ясно. Это и беспокоило Ермухана. Сам он с детства, даже до поступления в школу, помнил имена семи своих предков. Потом же, проявив рвение и настойчивость, заучил имена всех старейшин — продолжателей рода торс, живших задолго до образования Казахского ханства. Некоторые из старейшин хранили летописи-шежире времен правления чингизидов. «Если собрать их и научно обработать, — думал Ермухан, — то, пожалуй, можно по примеру Карамзина составить общую историю казахов, проследив весь жизненный путь правивших ими ханов». В их биографиях, как в зеркале, отражались черты эпохи. Например, годы правления его далекого предка Аблай-хана — это период постоянной вражды и сражений с соседями-калмыками за обширные земли, особенно пастбища.

Своими соображениями студент иной раз делился с наставником, спрашивал: как быть решением назревшей национальной проблемы?

— Конечно, в первую очередь подход к ней не должен быть скоропалительным, подступать к ней надо не на всем скаку, как вы, степняки, это любите, — внушал Зутис, — а постепенно. Посмотри, сколько усилий, какие великие умы предприняли попытки воссоздать подлинную историю России. Смелый почин, как ты уже знаешь, сделал Н. М. Карамзин. За ним

последовал Сергей Михайлович Соловьев, который написал «Историю России с древнейших времен», 29-томный его труд вышел в 1851-1879 годах. Что примечательно, в том же веке, в 80-х годах, лекции профессора Василия Осиповича Ключевского, прочитанные студентам Московского университета, увидели свет в виде девятитомного «Курса русской истории». Таким образом, на протяжении 90 лет, будто бы соревнуясь, три выдающихся историка, не повторяя друг друга, каждый по-своему, воссоздавали тысячелетний путь развития своего народа. И их труды, можно сказать, изменили общественное сознание, способствовали всплеску русского патриотизма. Лично я понимаю и оцениваю этот феномен как закономерное явление... Поэтому, друг мой Бек, не торопись. Сейчас у твоего народа начался период бурного духовного роста. У вас в аулах и городах открылись тысячи школ. Народ шагает гигантскими шагами. Растет грамотность степного населения, слышал, будто бы с 1920 года этот показатель вырос в четыре раза. Эти темпы меня радуют! В вашей столице уже работает университет, а педагогические институты, как наш Воронежский, готовят учителей не только в Алма-Ате, но и во всех областных центрах, их уже, кажется, более десяти. Значит, лет через пять и у вас вырастут грамотные специалисты, многие из них обязательно займутся историей. Я думаю, и ты, Бек, тоже не будешь стоять в стороне от научного прогресса...

— Мне уже прямо сейчас не терпится окунуться в исследования... — признался Ермухан.

— Ты горяч, как молодой конь в твоей степи, — засмеялся профессор. — «Всему свое время, время плакать и время смеяться», — писал пророк Екклесиаст. Я уверен, что не за горами тот светлый день, когда казахи с гордостью будут держать в своих руках «Историю Казахстана с древних времен и до наших

дней». Ее напишете вы сами. Да, да! Я желаю тебе, Бек, чтобы XX век, как XIX век, названный русской интеллигенцией «серебряным», стал таким же успешным и для вас.

Еще перед отъездом в Тамбов Ермухана одолевали сомнения: правильно ли он выбрал специальность, не ошибся ли? Он мечтал об открытиях. А что можно открыть в истории? Все события прошлого давным-давно описаны. Знай читай, запоминай и повторяй даты. «Не выйдет из меня учителя-историка, — признавался себе Ермухан, — не смогу я без конца, изо дня в день, из года в год твердить, как мулла, одно и то же про царей, князей, эмиров или ханов. Все они лицемерно провозглашали себя безгрешными посланниками небес, олицетворениями мира, ведя между собой, единокровными братьями, беспрерывные кровавые войны...»

Кем же быть? Ермухан оказался один на один перед окончательным выбором.

Александр КАРПАЧЕВ, «Мой однокурсник и друг», 1967 год:

«Наша совместная учеба с Ермуханом Бекмахановым началась с 3-го курса. Бек был сильным студентом, не из тех, кто любили зазубривать цитаты из произведений классиков (тогда бывали и такие). Он отличался вдумчивым отношением ко всему, что говорилось на занятиях, что читал. На лекциях и семинарах, впрочем, как и везде, Бек был очень дисциплинирован. На семинарских занятиях он не стремился выступать часто. Не был многословен. Но его выступления всегда были обстоятельными и четкими».

Владимир СУРАТ, строитель, «Одной лишь думы власть», 1967 год:

«С Ермуханом я познакомился на одном из вечеров в Воронежском ГУ. Я увидел молодого парня-казаха и обрадовался земляку, мы познакомились и, по-моему, оба остались довольны этим знакомством.

...Ермухан легко сходился с людьми и завоевывал их симпатии. Я затащил его на майский вечер в свой институт, познакомил с однокурсниками, и уже к концу вечера обе стороны чувствовали себя непринужденно, как будто были давно знакомы. Кстати, он оказался остроумным рассказчиком, и его буквально засыпали вопросами о Казахстане, об Азии. Воронежцам Казахстан тогда казался очень далеким (где-то там за тридевять земель) и чрезвычайно экзотическим. Его рассказы имели явный успех, так как двое ребят потом увязались со мной на практику в Алма-Ату; да и товарищи по курсу не раз потом просили меня пригласить Ермухана к нам на вечер.

Учился он без особых усилий, отличная память и способность быстро усваивать в лекциях и прочитанном основное, главное, давали ему возможность достаточно свободно располагать временем. Это время Ермухан использовал полностью, насколько позволял наш студенческий бюджет, на посещение Воронежского драматического театра и гастролей московских артистов, что лишний раз говорило о широте его интересов. Зритель он был отличный. Хорошую игру или хорошее вокальное исполнение он мог смотреть и слушать часами, не отрываясь, а после бурно выражать свой восторг увиденным или услышанным. Очевидно, это в значительной степени объяснялось его собственной музыкальностью. Ермухан без особого труда подбирал вещи и играл на незнакомых инструментах — пианино, мандолине, балалайке».

Решением тройки ОГПУ 20 апреля 1932 года Халел Досмухамедов, вместе с ним еще 14 человек были приговорены по статье 58, частям — 3, 7, 10 и 11 УК к заключению в лагере сроком на пять лет. но затем это наказание заменили на высылку в Воронеж, при этом разрешили ехать туда с семьями.

Рассказывает Сауле Халслкызы Досмухамедова (1916 года рождения): «В Воронеже мы жили на улице Ветеринарной в доме № 13, на первом этаже. В этом доме еще размещался Институт санитарии и гигиены обл здравотдел а... Напротив этого дома находилось местное ОГПУ, куда отец ходил отмечаться вначале каждый день, позже — раз в неделю. (...) От квартиры, где мы жили, райздрав, где работал отец, был в нескольких кварталах, идти надо было по проспекту Революции. На этом проспекте находилось общежитие педагогического института. К нам домой приходило много людей, в основном это были ссыльные казахи. Приходили и студенты, с которыми отец много беседовал. Пили чай, иногда молодые люди оставались обедать...»

Рассказ старшей сестры дополняет Карлыгаш Халелкызы^[24], родившаяся в 1923 году, так же, как и Сауле, вместе с отцом находившаяся в 1932–1937 годах в Воронеже: «Летом 1957 года я отдыхала в доме отдыха «Просвещенец». Там в это время было много знакомых людей, в их числе профессор А. Гурсунбаев, историк. В свое время мы с ним работали в юридическом институте, где он заведовал кафедрой. Однажды я сидела на скамейке, подошел Гурсунбаев, с ним незнакомый мужчина. Гурсунбаев сказал: «Знакомься, вот это дочь Халела Досмухамедова, про которого ты спрашивал...» и сразу ушел в сторону, а его спутник остался. Он представился Ермуханом Бекмахановым и сказал, что два года учился в

Воронежском пединституте. Далее он рассказал, что каждый день рано утром и в конце дня видел одного и того же мужчину, который шел по тротуару — в очках, шляпе, с тросточкой в руках. Что-то в облике этого человека притягивало любознательного студента...»

На втором этаже общежития педагогического института имелся десяток комнат, в которых дружно жили студенты-историки, переведенные из Тамбова. В одной из комнат, довольно просторной, с окнами на улицу, находившейся в конце длинного коридора, вместе с двумя товарищами жил Ермухан.

После занятий Ермухан сразу же возвращался к себе в общежитие, поев чего-нибудь из общих запасов, которые вскладчину они покупали на стипендию, устраивался у окна с книгой... Книги он брал в довольно богатой библиотеке пединститута. Особенно захватывали его исторические мемуары и рыцарские романы эпохи Возрождения и Средних веков, переведенные с испанского, итальянского, английского, французского, немецкого, датского языков, приключения мушкетеров. Залпом проглатывал хроники Вальтера Скотта. Когда он учился в Семее, то читал все без разбора, то, что подворачивалось под руку. Здесь у Ермухана появилась возможность брать в библиотеке лучшие остросюжетные произведения Джека Лондона, Фснимора Купера, Майн Рида, Проспера Меримо и других известных зарубежных авторов. Регулярно читал произведения русских классиков — Пушкина, Толстого, Некрасова, Гоголя, Тургенева, Фета, Тютчева, Салтыкова-Щедрина, глубокими корнями связанные с жизнью парода, отличающиеся вековыми демократическими традициями. Сильное, непередаваемое впечатление производили на юношу герои «Звездных часов человечества» Стефана Цвейга — первооткрыватели, покорители мира, глашатаи свободы, равенства и братства, чьи подвиги стали

символами наций, революционных. поворотных событий в истории.

Как-то раз в осенний прохладный день, когда уже смеркалось, он, по обыкновению, читал книгу, сидя у окна. Вдруг взгляд его опять выхватил на противоположной части тротуара немолодого прохожего. В одной руке он держал изящную черную трость.

По внешнему виду и походке прохожий напоминал ему интеллигентных городских казахов. Ермухану очень хотелось, чтобы он оказался именно из них. Роста он был невысокого, быть может, чуть выше среднего, в больших очках. Над верхней губой нависали черные усы, нос был слегка вздернут, лицо узкое, выразительное.

У Ермухана будто внутри что-то оборвалось. С этой минуты его уже не интересовал лежащий на подоконнике роман. Почему-то перед глазами все еще стоял тот пожилой прохожий. Студент беспрестанно поглядывал в окно в надежде снова увидеть его. Непонятное, щемящее чувство не оставляло юношу, ему хотелось вновь увидеть этого человека с монгольским разрезом глаз. Когда он уже совсем отчаялся в своем поиске. прохожий, которого он про себя назвал «человеком с тростью», вдруг показался снова. На этот раз он неторопливо шагал теперь уже в обратную сторону и вскоре исчез из поля зрения.

На другой день, придя с занятий, Ермухан сразу кинулся к окну в надежде увидеть таинственного незнакомца. Но, увы, тот долго не показывался. Все-таки Ермухан, проявив упорство, дождался его. Он появился ближе к вечеру, на той же стороне улицы, в той же одежде.

У Ермухана еще вчера возникла мысль: познакомиться с ним, разузнать что-нибудь об этом человеке. Поэтому, как увидел его, стал быстро

обуваться. Накинув куртку, стремглав выскочил на улицу Незнакомца он догнал в конце проспекта, когда тот уже свернул на другую улицу. Однако у парня не хватило смелости с ходу обратиться к постороннему человеку, поэтому он молча последовал за ним. Вскоре улица оборвалась, дальше — лесная тропа. И тогда Ермухан, опередив пожилого незнакомца, сложив на груди ладони, громко с ним поздоровался:

— Ассалаумагалекум!

Погруженный в свои мысли загадочный человек вздрогнул от неожиданности, но сразу же торопливо, чисто по-казахски ответил на приветствие;

— Уагалекум! Кто ты, парень? — глядя на Ермухана в упор, спросил он.

— Я — казах, ага. Вижу, что вы — тоже, поэтому подошел к вам.

Хмурое лицо пожилого незнакомца подобрело.

— Так, давай знакомиться, джигит. Как ты знаешь, у истинных казахов при этом следует сто разных вопросов. Слушаю тебя, айналайын.

Ермухан коротко рассказал о себе, о том, что он студент, третий год как в этих краях, что скучает по родине и свой родной аул видит во сне. Все это он выпалил на одном дыхании.

Незнакомец все еще молчал. Казалось, его гложет какая-то мысль. Ясно было, что он не хочет поддерживать беседу с незнакомым парнем. Снял очки, протер их носовым платком. Место, где они встретились, было открытым. Каменные здания остались в стороне. Далее начинался густой лес.

— Агатай, у нас в степи говорят, что «у людской молвы сразу пятьдесят ушей», — прервал затянувшееся молчание Ермухан. — Я слышал, что в Воронеже временно проживает несколько наших интеллигентов... Видимо, вы тоже относитесь к этим почтенным людям?

— Где это ты слышал о нас, сынок, в Казахстане или здесь?

— Когда я учился в Семее, на рабфаке... от одного хорошего человека...

— Кто конкретно тебе об этом сказал?

Ермухан сердцем почувствовал, что незнакомец предпочитает не намеки и недомолвки, а откровенность.

— В Семее я общался и много раз беседовал на эту тему с известным в тех краях врачом — Асылбеком Жуманулы. Он и я — выходцы из Баянаула...

— Ты, парень, говоришь о Сеитове, докторе Асылбеке? — вдруг встрепенулся его пожилой собеседник. В темных глазах его загорелись живые огоньки. — Этого редкостного человека я немного знаю. Он намного младше меня. Мы познакомились с ним на первом курултае^[25] казахов, который был созван в июле 1917 года в Оренбурге. На нем я был избран председателем курултая, а Асылбек Жуманулы — секретарем... Ладно, расскажи, чем занимается твой земляк Асылбек в Семее? Значит, он здоровствует, имеет семью, детей?

— У Асылбека Жуманулы весьма ответственная работа. Он руководит отделом здравоохранения всей Восточно-Казахстанской области, то есть всего Прииртышья, — ответил Ермухан.

— Я знаю, он человек серьезный. Вначале он активно включился вместе с нами в политическую борьбу за казахскую автономию, но потом резко отошел. Свое отступление он мотивировал очень, я бы сказал, умно: «Я — прежде всего врач, и главная моя обязанность — лечить и избавлять мой народ от болезней, которым он подвержен из-за своего кочевого образа жизни...» Сегодня я думаю, что он поступил разумно, тем самым спас себя от акции карающих

органов. Мы же продолжали борьбу, надеясь довести ее до победного конца, наивно веря обещаниям с трибун. И, как видишь, попали в капкан... Асылбек поступил правильно. Дай Бог ему здоровья и удачи, пусть они и в дальнейшем сопутствуют ему! Его подвижничество на ниве здравоохранения сегодня нужнее и ценнее всего, дорогой мой...

— А вас-то за что наказали? — спросил Ермухан. — Асылбек-ага говорил мне, что справедливость рано или поздно восторжествует...

Но незнакомец сделал вид, что не расслышал недоуменного вопроса студента. Не говоря ни слова, двинулся дальше по тропинке, затерявшейся между деревьями. Ермухан же в нерешительности поплелся за ним. Он уже понял неуместность своего бесцеремонного вопроса. Шел и ругал себя в душе за глупость. Когда они оказались в густой чаще леса, перед ними неожиданно тяжело взмахнула крыльями птица, похожая на глухаря, и поднялась ввысь.

— Эта местность напоминает мне лесные чащи нашего Баянаула. На холме, за нашей зимовкой, в местечке, которое называется Карагаш, есть такой же густой лесок. Весной я часто забирался туда, ставил силки на глухарей. Но мне пишут, что этих глухарей уже нет в помине, птицы совсем исчезли. Похоже, они подались в другие края.

— Да ты, милый, вижу, уже бредишь родными местами. И говоришь об этом, чтобы отвести душу. Не горюй. Глухари — невинные создания природы, что их оплакивать? Если исчезли, то когда-нибудь вернуться...

Пожилой незнакомец пристально посмотрел на юношу, у которого на глаза навернулись слезы, и покачал головой:

— Ну, дорогой, хватит распускать слюни. Что было, голубчик, то прошло. Надо быть твердым как булат. А тоска по родине не только тебя, молодого, но и меня,

немало пережившего и повидавшего на своем веку, тоже заела. По ночам не дает заснуть. Ты еще молод, твоя печаль, как проливной дождь, быстро пройдет. И все твои желания и мечты исполнятся. Что касается нас, твоих старших земляков, которые маются на чужбине, кроме Всевышнего, никто не может сказать, увидим ли мы когда-нибудь свою родную землю или же нас зароят в сырую землю на окраине этого города. Никому это неизвестно, на то воля Аллаха...

Ермухан с недоумением поглядывал на собеседника, который неожиданно разговорился и уже делился своими сокровенными мыслями. Идя рядом с ним, Ермухан все порывался задать ему вопрос: «Кто же вы?» Однако, хотя и распирало его от любопытства, он все же сдержался. Увлеченные разговором, они миновали березовую рощу и подошли к берегу реки.

— Меня зовут Халел Досмухамелов. Я выходец из Младшего жуза, родился и рос на берегу Яика, — вдруг произнес собеседник. — Учился в уездной школе, потом еще в городе Теке^[26], в реальном училище. В 1909 году окончил Императорскую военную медицинскую академию в Санкт-Петербурге, потом служил в разных местах военным врачом.

Ермухан слушал его с неослабевающим вниманием.

— Годовое жалованье мое в ту пору составляло более тысячи рублей, а тогда за пять целковых можно было приобрести породистую лошадь. Выходит, на годовое жалованье я мог купить 200 лошадей, можно сказать, целый табун с десятком жеребцов... — усмехнулся Халел Досмухамедов. — Несмотря на благополучие, потянуло меня на родину, и я уволился со службы. Это было в 1913 году. У нас в степи, куда я вернулся, в то время люди жили по старинке, лечились у шаманов и всяких знахарей, так называемых народных целителей, нередко у прожженных

проходимцев, которые исстари дурачили наш народ. В общем, видя все это, я не мог равнодушно наблюдать, как безжалостно косит казахов смерть, как они страдают от разных болезней, в том числе и туберкулеза.

— Халел-ага, кажется, я о вас слышал. Помнится, несколько раз Асылбек-ага говорил мне, что вы — талантливый врач, ученый человек.

Собеседники снова подошли к тому месту, где начинались городские дома.

— Довольно, каргаш, для первого знакомства достаточно наговорились. Время моей прогулки уже вышло. — Халел Досмухамедов протянул руку на прощание. — До свидания, каргаш! Я пойду...

* * *

В Воронеже у Ермухана был другой земляк. Звали его Жакупбек Жангозин. Он также учился в этом городе, на экономическом факультете сельскохозяйственного института. Еще в 1930 году Жакупбек окончил Семипалатинский торговый техникум. Видимо, их сблизило то, что они прежде учились в одном и том же городе на берегу Иртыша. Жакупбек был на три года старше Ермухана, естественно, и кругозор его был шире, помимо всего, как говорили в то время, Жакупбек был политически грамотным человеком. Случайно встретившись в Воронеже, они потянулись друг к другу; вместе стали проводить все свободное время.

Жакупбек и Ермухан вскоре завоевали полное доверие своих старших земляков, не по своей воле находившихся в старом русском городе, стали все чаще приходить к ним домой, особенно когда очень хотелось отведать домашней еды. Иной раз их беседы

затягивались на целый день. Зная, что оба парня неравнодушны к музыке, старшие нередко просили их:

— А ну-ка, джигиты, спойте что-нибудь. Для нас это большая радость!

Молодые люди отказать не могли, ведь песни напоминали старшим их молодость, веселые ухаживания за аульными девушками, алтыбакан^[27] на празднествах, весенние кочевки, бешеные скачки на лошадях, родные просторы. Перед глазами слушателей будто вновь расстилались широкие равнины Сары-Арки, необъятные пастбища с журчащими родниками в горных теснинах, где так вольно дышится. Степные напевы передавались из поколения в поколение, они были исторической памятью народа, потому так брали за сердце. Из века в век менялись исполнители и оттачивалось мастерство. Во времена гонений на борцов за национальную идею из гущи народа вышли замечательные певцы-виртуозы Мали Бапиулы, Иманжусуп Кутпанулы, прославившиеся не только своими голосами, но и свободолюбием. Потому оба и сгинули преждевременно^[28]. Когда молодые джигиты исполняли свои песни, их пожилые соотечественники не скрывали слез. И у самих певцов голоса начинали дрожать.

Иногда старшие подхватывали мотив. Одним из них был Жакуп Акбаев, о котором в Прииртышье говорили, что он еще до Первой мировой войны окончил с золотой медалью юридический факультет Московского университета. Ему доводилось слушать эти песни в исполнении самих Мали и Иманжусупа. Потому в моменты замешательства Жакуп-ага вздыхал: «О, худой, несправедливый мир! Как ты мог погубить таких чародеев-певцов? За что и почему? Они ведь лишь жертвы корыстных негодяев?!..» Чтобы развеять

печальные думы, Жакуп Акбаев сам брал в руки домбру и начинал наигрывать веселые мелодии.

Как известно: одно полено и в печи не горит, а два — и в поле разгораются. Все больше и больше общаясь с этими прекрасными людьми, Ермухан благодарил судьбу, одарившую его встречами с ними. Ведь все они высокообразованны, у всех — дипломы высших учебных заведений царской России. Ермухан, беседуя с ними, каждый раз испытывал чудодейственное воздействие этих разговоров на себя. Все они, без исключения, подлинные просветители, привлекательные, одиозные личности, только вот дальнейшая судьба их неведома. Они сами это знали, но не теряли веры в благополучное возвращение на родину.

В Воронеже тогда находился в изгнании весь цвет просвещенной казахской интеллигенции: организаторы Западной ветви национального движения «Адаш» — Халед и Жаханша Досмухамедовы (однофамильцы), инженер-железнодорожник, бывший премьер-министр Кокандской автономии, он же главный строитель Туркестано-Сибирской железной дороги Мухаметжан Тынышпаев, видные общественные деятели — Мухтар Мурзин, Абдухамит и Жакуп Акбаевы, Сейтазим Кадырбаев. П. Умбетбаев, Ашнм Омаров, Абдирахман Мунайтпасулы, писатели Кошке Кеменгерулы и М. Буралкмев, ученый-агроном Жумакан Кудерин, Н. Кожамкулов, Карим Токтабаев. Жумагали Тлеулин и др. [\[29\]](#)

Халел Досмухамедулы по-прежнему каждый день прогуливался около дома и никак не мог избавиться от гнетущей мысли: «Когда же, наконец, кончатся мои мытарства?»

Как-то в воскресный день Ермухан зашел навестить своего профессора. Врач будто ждал его. Вынув из

ящика письменного стола две тоненькие книжки и раскрыв одну из них, спросил:

— Сумеешь прочитать?

Ермухан быстро перелистал обе книжки, напечатанные арабскими буквами.

— Первая называется «Исатай-Махамбет», а вторая — «Аламан»^[30]. Акторами обеих книг, как нижу, являетесь вы. Еще в Семее я слышал об этих книгах, дорогой профессор. Но, признаюсь, только теперь держу их в руках. Дайте их мне хотя бы на один день. — попросил Ермухан.

— Я дал бы тебе, голубчик, но эти книги ныне запрещены. Ненароком кому-нибудь попадутся на глаза, потом беды не оберешься. Ну; если уж они тебя так заинтриговали. то можешь здесь, у меня дома, почитать.

В первой книге автор, по-своему переосмысливая исторические события прошлого, приводит рассказы современников об Исатае-батыре, выступившем вместе со своим преданным соратником, поэтом Махамбетом Утемисовым, язвительное слово которого разило, как острый меч, против самоуправства хана Младшего жуза. Книга была издана в 1925 году в Ташкенте.

Второе произведение «Аламан» издано там же, только через год после первого. Этот труд описывает борьбу прошв хана бесстрашного и мудрого Срыма-батыра Датулы в начале XIX века.

С увлечением читая эти книжки. Ермухан оценил не только их художественные достоинства, но и приведенные в них исторические факты и события. Точное, без приукрашиваний, достоверное описание сражений, живые портреты участников восстания и другие детали настолько завладели воображением джигита, что сразу же после занятий в институте он

спешил домой к профессору и за три-четыре дня одолел обе книжки.

На их страницах, как на киноленте, разворачивались картины, одна удивительнее другой. Вот шумная многотысячная толпа всадников, вооруженных соплами и еще дедовскими саблями, требует возвращения своих исконных земель. Все события написаны с таким вдохновением, таким глубоким чувством, что вызывают неподдельный восторг. К месту приведены слова и выражения, которые напоминают о чести и достоинстве каждого казаха, невольна поднимая воинственный дух...

Словом, обе книги привели студента в восхищение, особенно их яркий и сочный язык. Самое поразительное, что все в них не вызывало никаких сомнений. Будто бы Халеке, автор этих книжек, был очевидцем, участником давно отгремевших сражений и вместе со своими героями пережил то время. Автор приводил множество народных сказаний, песен и дастанов о Срыме и Исатае. пламенные стихи Махам бета, гневно брошенные в лицо своему кровному врагу — султану Байматанбету:

*Достигнув Едиля, воспрянул духом.
Возликовал совсем, увидев Яик-реку.
Мы были горными орлами.
Воспарившими в голубую высь.
Когда был бесстрашный Исатай с нами.
Все сметая на пути, как ураган.
Сабли взметнув, неслись мы на врага!
Тогда мы не знали горьких потерь.
Где же тот боевой дух и
прежняя отвага теперь?!*

В разделе «Краткие сведения о движении Исатая Тайманова» Халел Досмухамедулы писал: «До

сегодняшнего дня о самом Исатае-батыре очевидцы рассказывают довольно много. Конечно, большая часть — это сказки. За последние двадцать лет встречалось в нашем Младшем жузе немало людей, лично знавших Исатая. Я сам постоянно видел, как на глазах аксакалов рода кердери, кете, бийулы^[31] наворачивались слезы, когда они делились воспоминаниями об Исатае и Махамбете».

Самым ценным в этих книгах Ермухану показалось то, что Халел Досмухамедулы правдиво воссоздаст «ход всего восстания Исатая, в отличие от других исследователей, которые, противореча друг другу, лишь запутывали историю народного движения.

Вот небольшие выдержки из книги «Аламан» (перевод мой. — М. С.):

«Самые известные и массовые восстания казахов XVIII–XIX веков были те, которые происходили под предводительством Срыма, Исатая, Кенесары. Главная цель всех грех восстаний — освобождение казахского народа от иноземного ига. Срым и Исатай понимали, что все казахские ханы стали орудием порабощения в руках царского правительства. Они хотели с помощью русского паря ликвидировать власть ханов, а потом уж думали избавиться от засилия Российской империи. Однако вскоре они пришли к заключению, что нельзя поочередно избавиться ни от ханов, ни от царских сатрапов. Поэтому, в конце концов, они выступили одновременно против ханской и царской власти.

Срым вел борьбу на протяжении пятнадцати лет (1782–1797). Во времена Срыма русское правительство почти не имело влияния среди казахов. Оно не могло проводить свою политику во всем степном крае. Одной рукой оно поддерживало вассальных ханов степи, другой же рукой вроде обласкивало чернь... Лицемерие

царских чиновников ввело в заблуждение Срыма, и он доверился им. В то время почти все роды Младшего Жуза последовали за ним. Но потом это стало причиной разрыва его с народом. А когда Срым один прибыл в Ургенч, то нашел там бесславную смерть от рук врагов (был отравлен).

Времена Исатам — это период, когда царское правительство было уже достаточно сильным в степи, все шире распространяло свое влияние. Оно полностью подчинило себе казахов Буксевской орды. А хан стал послушной марионеткой в его руках. Вначале люди Букеевской орды все до единого пошли за Исатаем. Но когда Исатай стал вести соглашательские переговоры с ханом и с правительством в Оренбурге, объединившийся до этого вокруг него народ начал разбегаться в разные стороны. Исатай сразу понял свою ошибку и быстро исправил ее. Он убедился, что царское правительство и ханская власть — одно и то же, и все свои усилия направил против обоих. Народ вновь поддержал Исатая.

И когда он потерпел поражение в ожесточенной схватке с крупными силами своих противников и с небольшим отрядом спутников попал в окружение, то соратники его не выдали. Тут же его переправили на другой берег Яика. Выбравшись на широкие степные просторы, Исатай поднял народ против царского правительства и его прихвостней — местных ханов. Казахи же в порыве преданности отдавали Исатаю не только свой скот, но и аулами валили к нему в отряд. Вокруг батыра-одиночки, прибывшего из Букеевской орды всего лишь с одной верховой лошадью сплотились сотни джигитов. Вслед за алимовским родом, можно сказать, весь Младший жуз последовал за Исатаем. Второе выступление Исатая-батыра развивалось стремительно. И если бы не случайная гибель предводителя на берегу Киил-реки 12 числа месяца

асет^[32], то неизвестно, какого размаха достигло бы его движение.

Кенесары Касымұлы вначале поднял знамя борьбы против царского правительства и ханов, чтобы защитить свой народ от их бесконечных поборов и насилия. И народ пошел за ним. А когда он сам стал ханом, и стал смотреть на чернь глазами хана-правителя и проводить ханскую политику, то большая часть восставших сразу же от него откололась, поэтому, в конце концов, он потерпел поражение...

Молодого человека околдовали эти книги. Целую неделю он ходил в душевном смятении. Как в калейдоскопе, в его сознании мелькали светлые лики батыров, восставших против своих угнетателей. В ушах стоили звон сабель и гул сражений. В конце концов он не вытерпел, однажды подстерег Досмухамедова на том самом месте, где впервые встретил его прошлой осенью.

— Халел-ага, огромное спасибо вам за доверие и за то, что дали мне прочесть эти книги! — взволнованно заговорил Ермухан. — Я хоть и знал, что у нас есть своя история, но наивно думал, что она не приведена до сих пор в порядок. Оказывается, глубоко заблуждался. После прочтения ваших книг у меня полностью изменились прежние представления. Я как будто прозрел. Видать, Всевышний одарил вас светом и добром, вложил в пашу руку чудесное перо. Вооружившись им, вы ярко описали героические и одновременно трагические события почти двухвековой давности для тысяч таких незрячих, как я...

Халеке, покачав головой, рассмеялся:

— Ермухаш, не заблуждайся. Во-первых, в корне неверно, что все это написал я. У меня есть предшественник — Алихан Букейханов. Он первым

громко заговорил о движении Кенесары, если не запомнил, в 1924 году, в одном из номеров журнала «Сана», выходившего в Ташкенте. Что касается меня, то я лишь бегло коснулся одного из периодов казахской истории. По сравнению с вечностью это только краткий миг. История казахов насчитывает три тысячи лет. А возраст нашей бескрайней степи наверняка составляет десятки, а то и сотни тысяч, а может быть, и миллионы лет!.. Во-вторых, в своих книгах я только подвел итог, утверждая, что за последние два века против колонизаторов России наш народ поднимал четыре крупных восстания. При этом я подчеркиваю, что о первых двух выступлениях, о которых я с детства хорошо знал, говорю подробно, а о последнем упомянул лишь вскользь. Потому что я не располагал достоверными данными о Кенесары — славном сыне Касыма-султана. Мне лишь известно, что на протяжении десяти лет хан Кене показывал спину царским войскам, как волк, он рыскал по обширной степи — в основном по территории Среднего и Старшего жузов. Проникал и в наш, в Младший жуз, где встретил сильное сопротивление. Но временами некоторые роды Младшего жуза его поддерживали... В общем, продолжить начатое мной предстоит вам, молодым. Я слышал, что много сведений о восстании Кенесары хранится в архивах Ташкента, Оренбурга, Омска, а также в бывшей Акмечети-Перовске^[33]. Надо будет покопаться в тех хранилищах старины. Впрочем, о Кенесары много писали и русские интеллигенты. Надо найти их воспоминания, донести до общественности. Разумеется, критически оценивая их взгляды. Я знаю, что некоторые из них воспринимали Кенесары как разбойника с большой дороги, грабившего караваны. А это не так. Путь к истине очень тернист, но надо его найти!..

Случная объяснения старшего коллеги, убежденного в своей правоте, Ермухан воспринимал его слова как программу будущих исследований. И поэтому хотел поделиться с ним своими мыслями, которые в последнее время не давали ему покоя...

— Почему у нас нет серьезных научных работ, как в России? Л какие есть, недостаточно достоверны, написаны плохо, не выдерживают никакой критики...

— Дорогой мой, туг ты сильно перехлестнул. И в прошлом веке, и в начале нашего столетия были у нас люди, чьи знания заслуживают уважения. Это потомки Кунанбая — Абай и Шакарим, Машхур-Жусун — сын Коня, Курбан-Али Халид-Бекоглы. Они оставили после себя бесценные труды: «О корнях происхождения казахов», «Летопись тюркских и кыргыз-кайсахских ханов», «Летопись казахов», «Основы казахской истории», которые, хотя и в рукописных вариантах, получили широкое распространение. Некоторые из них были изданы отдельными книгами. А известный тебе Мухаметжан Тынышнаев, хотя по специальности железнодорожник, в 1925 году издал в Ташкенте книгу на русском языке: «Материалы к истории кыргыз-кайсакского народа». Разве ты об этом не знаешь? Только вот беда — собранные мною и Мухаметжаном в результате долгих поисков и обработанные материалы так и не дошли до читателей. И Кошке Кеменгерулы в свое время создал учебник по истории Казахстана. Кстати, немало сведений о казахах оставили русские ученые-исследователи. Среди них я особенно ценю труды Вельяминова-Зернова, Чулошника, Левшина, Аристова, в которых систематизированы материалы многолетних наблюдений и изучения архивов. Да и Мухаметжан так считает. И он многие свои выводы строит на сведениях, почерпнутых из русских источников. Конечно, когда он докапывался до родовых корней казахов, то в основном полагался на устные

предания, которые донесли до нас наши предки. А Шакарим Кудайбердиев в своем творчестве опирался на книги на арабском, персидском и чагатайском ^[34] языках, по крупицам собирая сведения о казахах. В целом многим нашим исследователям, да и всем старым казахским летописцам как раз не хватает этих сведений.

— Дорогой агатай, вы дали мне ключ к разгадке многих тайн истории, — признался Ермухан.

— В истории, милый мой, нет ни дверей, ни окон, также нет и почетного места, чтобы восседать на нем, как на троне. Человек, выбравший эту стезю, обрекает себя на вечные страдания. Возводя здание истории, он должен помнить: чтобы крыша и стены были прочны — они должны покоиться на прочном научном фундаменте! Вот тогда история будет настоящей...

Оказавшиеся по воле судьбы в Воронеже участники, в некотором роде и зачинатели, застрельщики национально-демократического движения «Алаш» в общении между собой называли Ермухана Бекмаханова «слишком любопытным джигитом, у которого тьма вопросов» (а Жакупбека Жангозина: «умница без лишних вопросов»). Однако при всем стремлении все выведать Ермухан никак не находил возможности побеседовать на интересующие его темы с железнодорожником Мухаметжаном Тынышпаевым. Сам же железнодорожник не прочь был поближе познакомиться с ним. Видимо, он так же, как и Халеке Досмухамедов, догадывался, что этот юноша рано или поздно серьезно возьмется за научные изыскания. Студент педагогического института был не по годам развит и смышлен, что также импонировало его соотечественникам. Но, увы, молодой человек, у которого накопилось столько «почему?», находясь вдали от родины, открыто не мог высказать вес свои

мысли старшим, которые и без того пострадали из-за приписанного им национализма и постоянно находились как бы в подвешенном состоянии.

Однако ему повезло. Халеке сказал студенту, что его ищет сам Мухаметжан Тынышпаев. Наверное, на то были особые причины. В тот же день Ермухан отправился на квартиру к мэтру казахской истории.

— Я пригласил тебя, Ермухан, чтобы сообщить приятную новость, — сказал ему хозяин дома. — В Алма-Ате проживает талантливый врач Санжар Жагыпарулы Асфендияров, он ректор тамошнего медицинского института, профессор... Он не только врач, но и выдающийся историк, автор вот этой книги. — Мухаметжан-ага вытащил из стола новенькую толстую книгу и положил ее перед Ермуханом. На переплете было написано на русском языке: «История Казахстана с древнейших времен. I том. Алма-Ата. 1935 год». — Когда я занимался строительством Турксиба, я часто встречался с Санжаром Жагыпарулы в Алма-Ате. Мы много беседовали об исторических корнях нашего народа. У него обширные познания по этой части и собрано немало материалов. Я посоветовал ему упорядочить эти материалы, даже предложил свои... Санжар Жагыпарулы, весьма занятой человек, загруженный разными общественными поручениями и государственными делами. Я настоятельно попросил его на время приостановить общественную деятельность и полностью сосредоточиться на монографии. Он пообещал, и вот что вышло! Санжар молодец! Ни одному ученому казаху не удалось совершить подобное. Раз вышел первый том, значит, и второй не за горами. Годика через два-три, наверное, увидим... Для таких молодых, как ты, Ермухан, этот том должен стать настольной книгой.

— Мухамечжан-ага, это и вправду великое событие! — ответил Ермухан. — Думаю, Санжара-ага

Асфендиярова можно сравнить с автором «Истории государства Российского», назвать его «казахским Карамзиным»! Он также в одиночку совершил невозможное. Это великий труд! Вы, вероятно, его уже прочитали?

— Не просто прочитал, проштудировал, дорогой мой. Книга капитальная. До этого все мы и каждый по-своему воспринимали разрозненную и противоречивую летопись казахских ханств, в книге она приведена уже в систему. Это самое главное? Да, тут и мне досталось от него. Я ведь не во всем поддерживаю его взгляды на нашу историю... — На какое-то время Мухаметжан Тынышпаев замолчал, задумавшись, а затем произнес: — Ты, Ермухан, обрати внимание: Николай Михайлович Карамзин Свою «Историю государства Российского» писал более тридцати лет, уединившись в собственном имении, которое преподнес историку сам царь российский Николай I в качестве подарка, как нынче говорят, гонорара. И Карамзин, нисколько не остерегаясь строгой цензуры, писал обо всем по своему усмотрению. В итоге родился великий труд в двенадцати томах! Познания нашего Санжара тоже солидны... В нынешнее время у составителя «Истории» ко всему должен быть классовый подход, основанный на теории диалектического материализма. В отличие от Карамзина, смотревшего на все с монархических позиций, современный историк должен во главу угла ставить не властителей-ханов, а революционную борьбу трудящихся масс. Иначе его работа будет просто обречена на провал, то есть его книг никто не издаст. Поэтому «История Казахстана с древнейших времен» Санжара Жагынарулы зиждется на марксистской точке зрения... Ну и пусть будет так. Умный читатель сам разберется, что к чему, и прочитает то, что ему надо. Самое главное, друг мой, то, что «История казахов» написана. Это удар по тем, кто утверждал, что у

кочевых народов никогда не было своей истории. Ничего, что в нашей «Истории» есть какие-то нестыковки. Как говорится, «караван подтянется только во время пути». Если сам автор или мы не успеем поправить допущенные оплошности, то это сделают молодые историки, такие как ты. Главное — начало уже положено?..

— Агай, не дадите ли вы мне эту книгу почитать хотя бы на несколько дней? — спросил Ермухан.

Мухаметжан-ага хлопнул рукой по книге:

— Эту книгу я тебе отдаю насовсем, дорогой. Только обещаю тебе, что доведешь до конца наше дело. Это тебе мой наказ!

Ермухан не совсем понял причины такого расположения своего пожилого собеседника. Смысл его дойдет до него позднее, через годы...

* * *

Наступил 1937 год. Опальные казахские лидеры теперь не очень-то стремились вернуться на родину: чувствовали, что вновь наступило время, когда любого из них могли там упрятать за решетку как «врага народа». В Воронеже была немного иная обстановка. Здесь они жили в просвещенной среде русской интеллигенции, где ценили их ум и знания и давали работу по специальности. Ни одна живая душа не потревожила вопросом: кто вы и зачем здесь? Семья рядом, живут нормальной жизнью, в дружбе и согласии. Они часто встречались, вместе проводили свободное время. И это помогало им выдержать годы разлуки с родиной...

А в наступившем 1937 году вновь сгустились свинцовые тучи, их положение резко изменилось.

Ермухану оставался лишь один месяц до окончания четвертого курса, и нетерпеливый студент уже считал дни до отъезда. Как-то, прогуливаясь, он поджидал своего пожилого земляка. Халеке в тот день задержался дольше обычного, появился только в сумерках и быстро повел его вглубь леса.

— Друг мой, — сказал словно в одночасье постаревший Халеке, грустно глядя на Ермухана. — Больше мы с тобой не увидимся и не ищи меня! Положение осложнилось. За мной уже ведут слежку; целую неделю ходят по пятам...

Ермухан понимающе кивнул.

— Слушай внимательно: если увидишь меня на улице, не подходи ко мне. Я тоже сделаю вид, что не знаю тебя...

— Разве у меня хватит совести так поступить? Для меня каждый час, проведенный с вами, Халел-ага, — настоящий урок...

— Эти уроки закончились, дорогой мой. Мы достаточно долго и свободно общались, будь и этим доволен. Я многое хотел сказать тебе, но вряд ли успею. Поэтому скажу тебе только самое главное... Смутные времена когда-нибудь кончатся. Это закон жизни. То, что я не успею сделать, продолжишь ты. — Ученый устало присел на пенек, предупредил: — Будь начеку, если услышишь голоса, сразу надо расходиться в разные стороны... Так вот, слушай внимательно... В свое время нас, деятелей «Алаша», всюду перевозносили. И мы это расценивали как доверие народа. Ты знаешь, что после Февральской революции Временное правительство объявило свободу всем угнетенным народам России. Вместе с царем ушли в историю и царские чиновники. Были провозглашены свобода, равенство и братство, демократия, как в странах Европы... И мы, наиболее образованная горсточка джигитов, по призыву Алихана Букейханова

воспользовались этой возможностью, которая, как показалось нам, была дарована Всевышним, и объединились в политическую организацию, чтобы изменить бесправное положение нашего народа... Так зародилось движение «Алаш». Спешно было создано общеказахское собрание, организована национальная партия «Алаш», сформировано правительство Алаш-Орда, которое встало на защиту интересов всего степного народа. Я и мои, как теперь называют, заблуждавшиеся товарищи по партии — Жаханша Досмухдмедов, Ахмет Байтурсынов, Миржакып Дулатов, Мухаметжан Тынышпаев, Мустафа Шокаев, Жакуп Акбаев, Алимхан Ермеков, твой покровитель Асылбек Сеитов и другие и не помышляли о карьере, у всех было желание вывести отсталый и темный наш народ на путь цивилизации. Нас поддержали многие просвещенные и образованные казахи. У нас вовсе не было мысли отделиться от России. Речь шла об автономии казахского государства в составе России. Но, увы, срок Временного правительства, отведенный ему историей, кончился. На политическую сцену вышла партия большевиков во главе с Лениным. В бывшей Российской империи разразилась Гражданская война. Докатилась она и до казахских степей. У нас не было своих воинских частей, и наша задача состояла в том, чтобы как-то защитить свой малочисленный народ от неизбежной гибели. Приходилось вести «политические игры» с часто меняющейся в степи властью. В целях самообороны мы создали свою народную милицию... Я покривил бы душой, если бы сказал, что все предпринятые нами тогда действия были правильными. Были моменты, когда мы ошибались. В корне неверно, как сейчас подается обществу, что мы вредили своему народу, будто бы играли его судьбой. Нет, что бы мы ни делали, всегда старались сохранить единство народа, отстаивать интересы нации... Короче, во второй половине

1919 года, когда стало ясно, что красные войска одержали победу над белогвардейцами, Ахмет Байтурсынов обратился к народу с призывом поддержать власть большевиков. Он не только призывал к этому, но и стал членом Кирревкома (Казахского), одновременно первым наркомом просвещения, безраздельно посвятил себя пробуждению казахского народа от вековой спячки, повсеместной ликвидации неграмотности населения. Правительство Алаш-Орды упразднили, руководителей движения, томившихся в тюрьме, выпустили на свободу. Всем членам партии «Алаш», а также и ее руководству была объявлена амнистия. Оба Досмухамедовы — я и Жаханша — поехали в Москву, были сразу приняты комиссаром по делам национальностей Иосифом Сталиным. В конце концов, буду справедливым, мы, все алашординцы, на развилке дорог без всяких оговорок приняли советскую власть. Засучив рукава стали работать на ниве образования, культуры. Кстати, с самого начала это было нашей программой. Правда жизни в том, что главные цели советской власти и паши абсолютно совпадали. Поэтому я и мои товарищи по политической борьбе активно включились в обновление степи. В этой части никто не может упрекнуть нас в том, что мы вредили, нет, мы свое дело делали честно, в полную силу. К примеру, возьмем меня, в период с 1922 по 1928 год для открывшихся казахских школ я написал учебные пособия, которые выдержали несколько изданий, это были «Природоведение», «Здоровье человека», «Мир животных», «Охрана здоровья ученика». Я опубликовал десятки материалов по проблемам истории, литературы и языка в газете «Ак жол», журналах «Сана», «Шолпан», «Красный Казахстан», которые выходили в Ташкенте. Некоторые мои книги по литературе, истории, фольклору ты сам видел. В 1920 году в Ташкенте

открылся Казахский институт народного просвещения. где я был преподавателем. С весны 1927 года занимался организацией Казахского государственного университета на базе этого института. КазГУ открылся в 1929 году в Алма-Ате. Я был первым проректором института, как его сейчас называют — КазПИ. Не могу сказать, что мой труд, как и моих сверстников, был напрасным. Многие из них и сейчас, пережив классовую чистку, работают в Казахстане, преподают в высших, средних учебных заведениях, тем самым вкладывают свою долю труда в святое дело... Что поделаешь, нам снова не повезло: в 1929–1930 годах по инициативе нового секретаря Казкрайкома РКП(б) Филиппа Голощекина начались притеснения наиболее образованной казахской интеллигенции, никто не учел наш вклад в общественный прогресс, нас стали выселять за пределы Казахстана, а я, как наиболее известный деятель давно распущенной партии «Алаш», ни за что угодил в тюрьму...

— Что же получается, Халел-ага, один раз простили, а теперь снова поднимают ваше дело и выставляют вас врагом народа... — прервал Ермухан собеседника.

— Я тебе не могу этого объяснить, — ответил Халеке. — Знаю только, что в Казахстане началась новая кампания преследований политически неугодных. И не только бывших членов движения «Апаш», даже и тех, кто с самого начала встал на сторону советской власти. Статья предъявлялась все та же — 58-я, а это означает Сибирь или — пулю в затылок. А что мы сделали такого, чтобы нас выставили врагами народа?..

Ермухан сочувственно покачал головой, тяжело вздохнул.

— Похоже, я больше не увижу свою родину, — продолжал Халеке. — Если попаду снова в тюрьму, оттуда уже не выйду. Сам видишь, какое у меня здоровье. Именно поэтому, Ермухан, я откровенно

делюсь всем, что камнем лежит у меня на сердце: и я, и Алихан Букейханов, и Ахмет Байтурсынов — все, кто выступал под знаменем «Алаша», ничего плохого для своего народа не делали. Только одного мы хотели, чтобы наш народ жил не хуже других, чтобы не остался на обочине истории, в хвосте цивилизованных народов... Ради этого мы работали до изнеможения. Во имя этого и жили, и страдали. Видит Всевышний — наши помыслы были чисты и белее молока? Я тебя, дорогой мой, не призываю начать борьбу за наше спасение. Нет, это тебе не по плечу. Я говорю тебе эти слова для того, чтобы ты помнил и верил, что наша совесть чиста веред народом и историей. Сделай так, чтобы об этом узнали твое поколение и те, кто придет после тебя! Рано или поздно суд истории оправдает нас...

— Даю слово, ага! Верьте мне, как самому себе!

— Верю. Ну, нам пора возвращаться...

Когда достигли окраины лесного массива, Халел, шедший на несколько шагов впереди, остановился:

— Вероятнее всего, больше мы не увидимся^[35]. Как младшему брату я дал тебе последний наказ. Пусть он освещает твой путь. Если будешь ему следовать, то жизнь проживешь не зря!.. — Халел инстинктивно вначале протянул руку, а потом порывисто прижал парня к себе. — Ну, прощай, дорогой, я тебе завещаю не мои горести, а радости моего труда!..

Халеке стал удаляться. Ермухан замер на месте. Он молил в душе, чтобы тот оглянулся, тогда он бросился бы к нему, крепко обнял бы. Быть может, высказал бы до конца все, что хотел. Но Халеке не оглянулся. Высоко подняв голову он уходил навсегда, в вечность.

* * *

В последних числах июля 1937 года Ермухан Бекмаханов, окончив Воронежский педагогический институт, отправился на родину.

Глава третья

КОГДА МЕЧТА СТАЛА ЯВЬЮ

Колонизаторская политика царизма встретила ожесточенный отпор казахского народа. Именно в 20-40 годы XIX века вспыхнуло одно из наиболее крупных в истории казахского национально-освободительного движения восстание под руководством Кенесары Касымова. Оно продолжалось 10 лет, охватило все три казахских жуза и вовлекло в борьбу широкие народные массы. Восстание это особенно важно, потому что в процессе его была сделана последняя попытка создать единое казахское государство и отстоять его политическую независимость...

Е. БЕКМАХАНОВ.

Казахстан в 20-40 годы XIX века

1

У молодого человека с высшим педагогическим образованием не было желания ночевать в зале ожидания железнодорожного вокзала, как это случилось четыре года тому назад, когда он впервые приехал в столицу республики из Семипалатинска. Лежащий в кармане новенький диплом в твердой обложке наполнял его гордостью, которая не позволяла Джигиту ютиться на грязной скамье, подобно

бездомному. Именно потому перед тем, как выехать из Москвы, он отправил телеграмму двоюродному брату Шаммухану Таукеханову, вначале 1937 года назначенному генеральным прокурором Казахской ССР. Между скупых строк телеграммы чувствовался скрытый подтекст: «Вот и я, наконец, как и вы. вышел в люди. Как близкий по крови родственник вы, наверное, будете рады моему успеху?..»

Наверное, поэтому Шаммухан не стал поручать столь деликатную встречу помощнику и сам поехал на вокзал. И, как только прибыл скорый поезд Москва — Алма-Ата, он подошел к вагону, с подножки которого легко спрыгнул на перрон двоюродный брат, затерявшийся на целых четыре года в российской глубинке. Они увиделись впервые после той памятной встречи на берегу Жасыбая, в родном ауле. Братья крепко обнялись...

Дома после чая Шаммухан рассказал о родном брате Ештае, по которому сильно скучал:

— Смолоду его влекла романтика морей и океанов, их безбрежные просторы. И мечта его осуществилась — он стал офицером военно-морского флота. Для нас, казахов, это небывалый взлет!.. И ты, Ермухаш, своим упорным стремлением учиться меня очень порадовал. Я тобой доволен! Теперь надо трудиться, шагать вперед. И я хочу, чтобы ты знал — у тебя есть я. Ты будешь для меня как Ештай. Одному и в раю неуютно, будем держаться вместе. Не зря говорится: «У кого есть старший брат — у того есть опора». Мой святой долг — вновь разжечь погасший очаг Бекмахана-ага, поставить тебя на ноги, чтобы ты скорее создал свою семью... Поэтому, дорогой, пока не женишься — будешь жить у нас и работать в Алма-Ате. А тебе пока наказ: не болтай лишнего, не лезь в политику. Время сейчас безжалостное!..

Через пару недель молодого учителя принял начальник управления кадров Комиссариата народного просвещения. По иронии судьбы хозяином просторного кабинета, развалившимся в глубоком кресле, оказался тот же чванливый чиновник, который четыре года тому назад спровадил Ермухана в Тамбов. На громкое приветствие юноши «Ассалаумагалекум!» начальник управления не ответил, лишь сердито уставился на него. Потребовав диплом, нервно постучал пальцами по столу. Каждый год перед начальником управления кадров проходили сотни выпускников вузов, всех не запомнишь, поэтому он не узнал Ермухана. Повертел диплом молодого учителя, придирчиво проверил оценки.

— Таким, как вы, выпускникам из центральных вузов мы поручаем ответственную работу, — многозначительно изрек он. — Значит, тауарыш Бекмаханов, так, пойдете младшим научным сотрудником в наш институт, который находится в ведении Комиссариата народного образования. Директор пединститута вам подробно объяснит, чем вы там будете заниматься. — Начальник взял чистый бланк и выписал направление в институт...

В тот же день Ермухан Бекмаханов приступил к работе в Казахском научно-исследовательском институте (впоследствии ставшем Центральным педагогическим учреждением усовершенствования учителей им. И. Алтынсарина). Непосредственной обязанностью его была подготовка методических пособий для учителей истории средних школ.

Вначале все это показалось ему детской забавой, но потом он понял, что в исторических описаниях» комментариях к ним столько дыр, что без посторонней помощи ему не обойтись. Многочасовые сидения в библиотеках ничего не давали. Приходилось обращаться за советом к пожилому заведующему

сектором, а тот постоянно увивал: «Дорогой, я ведь не историк, у меня другая специальность». Директор института тоже под разными предлогами уходил в сторону. Молодой методист вскоре догадался, в чем причина. Оказывается, с прошлого года три раза поменялись руководители института, в том числе заведующие секторами. Все они были обвинены в связях с уже осужденными «врагами народа», арестованы и получили большие сроки. Нынешний директор не находил себе места и думал только об одном: «Когда же мой черед?» И это еще не все. Настоящей бедой для казахских школ обернулся арест автора первой «Истории Казахстана» Санжара Асфендиярова, объявленного «врагом народа» и расстрелянного. Его книга была запрещена. Казахские школы остались без учебника. А учителя-историки не знали, о чем можно рассказывать на уроках. Самые смелые оторвали обложку прежнего учебника и вели свой предмет по нему. Но те, кто попались на этом, прямиком угодили на тюремные нары...

Разумеется, руководство научного института и Наркомат просвещения понимали, что без учебника и пособий трудно преподавать историю, и решили возложить решение этой проблемы на молодого специалиста. Собрав все старые учебники, какие мог найти в библиотеках и в школах, Ермухан засел за пособие по истории. Он составлял хронологические таблицы, делал выписки из исторических трудов и документов, давая им оценки с современных позиций, как его учили наставники в Воронежском пединституте. Получались вроде бы неплохие рекомендации для учителей, да и руководство института было им довольно. Но в 1938 году грянул гром: прежнего наркома просвещения арестовали, а его место занял некий Мухамеджан Абдикалыков, раньше работавший

на ответственных должностях в областных партийных организациях.

В педагогическом институте тяжело переживали это событие. С прежним наркомом были налажены добрые отношения, во всяком случае, он не вмешивался в институтские дела. А этот, говорили, дотошный, хочет все держать под контролем.

Вскоре новый нарком вызвал к себе молодого методиста.

— По специальности я учитель, первый выпускник исторического факультета известного вам КазПИ, к тому же два года был методистом в институте, где вы сейчас работаете... — сразу же перешел он к делу. — Все это я говорю вам потому, что слышал, что вы нуждаетесь в помощи старших. Вот и давайте откровенно обо всем поговорим. Я, со своей стороны, к вашим услугам...

Молодого методиста постоянно мучили сомнения, как интерпретировать те или иные события, а простота наркома сразу расположила к себе, и Ермухан откровенно поделился с ним своими трудностями, показал кипу исписанных им бумаг.

Мухамеджан Абдикалыков оказался человеком вполне компетентным, он неплохо знал запросы казахских школ, не затушевывал острых проблем, был прям и смел в суждениях. Склонившись над бумагами, нарком одобрительно произнес:

— Ты, парень, молодец. Сделал немало. Но кое-где я не согласен с тобой, вот здесь надо менять научную концепцию примерно так... — и стал детально разбирать написанное.

Ермухану пришлось несколько раз приходить к наркому, который в ту пору подолгу засиживался в своем кабинете иногда до глубокой ночи, как и другие служащие правительственных учреждений. В конце концов с помощью наркома в текст было внесено

множество поправок и подготовлено временное учебное пособие «В помощь учителю истории». Однако до того, как слать его в печать, по решению педсовета Наркомпроса его опубликовал журнал «Народный учитель» почти во всех номерах за 1938–1939 годы.

Старание и способности Ермухана вести научный поиск были оценены в наркомате. В ноябре 1938 года М. Абдикалыков назначил молодого историка директором научно-исследовательского института. Ермухану Бекмаханову было тогда всего двадцать три года, он еще не был даже членом партии (в ряды ВКП(б) был принят в мае 1939 года). Причина такой стремительной карьеры молодого специалиста, только что окончившего институт и за каких-то 15 месяцев выросшего от младшего научного сотрудника до директора института, была вовсе не в протекционизме наркома и даже не в неординарных способностях начинающего историка. Скажем прямо, это была вынужденная мера в условиях дефицита грамотных кадров. В ходе повальных репрессий 1937–1938 годов Наркомат просвещения был совершенно оголен, учителей катастрофически не хватало, особенно имеющих, как Бекмаханов, высшее образование. Уничтожая так называемых «вредителей» социалистического строительства, карающие органы сами стали лютыми врагами советского народа.

«Я был слушателем аспирантуры, открывшейся в те годы на кафедре истории народов СССР КазПИ имени Абая, которую окончил в 1940 году», — писал историк в автобиографии. Это свидетельствует о том, что помимо выполнения служебных обязанностей он не бросал научные занятия...

Дихан Абилев, воспоминания «Горячее сердце»;
«Хотя я был намного старше его, мы вместе учились в аспирантуре при КазПИ. У Ермухана был открытый

характер, он никогда не скрывал своих мыслей и мнений, говорил всегда правду прямо в лицо, хотя иногда она были не совсем приятной. По эрудиции он явно превосходил остальных аспирантов.

На память приходит такой случай: по философии нам лекции читал старый профессор Тимоско... Человек в возрасте, к тому же постоянно загруженный работой, которая уже становилась ему в тягость. Ермухан не был удовлетворен его лекциями. Когда профессор заканчивал свою лекцию, он задавал ему провокационные вопросы. И, конечно, часто загонял в тупик. Однажды профессор Тимоско рассердился на Ермухана и в сердцах выкрикнул: «Если вы так много знаете, товарищ Бекмаханов, читайте лекции вместо меня!» Не теряя своего достоинства, Ермухан ответил: «Прошу прощения. Я учусь для того, чтобы получить прочные знания. С моей стороны это был необдуманый шаг, простите, пожалуйста!» Однако на следующем же занятии он продолжил свои пререкания. «Ермухан, прекрати! Ты играешь на нервах старого человека...» — вмешался Малик Габдуллин. Он тоже учился с нами в аспирантуре. «Интересный ты человек, Малик, — возмутился Ермухан. — Наука ведь никого не разделяет по возрасту на старших и младших...» Кстати, после того случая наш старый профессор стал подходить к своим лекциям более строго, тщательнее к ним готовиться. Он и знания Ермухана оценил по достоинству...»

Осенью 1940 года Ермухан Бекмаханов поступил в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). В Москве он проучился до ноября следующего года, в связи с начавшейся войной учебная программа была сокращена, а выпуск слушателей ускорен. По возвращении на родину его зачислили в лекторскую группу ЦК КП(б) Казахстана...

К тому времени у него уже была своя семья. Свою суженую он встретил до учебы в Москве в алма-атинской городской школе № 28, где он по совместительству вел несколько часов по истории. Его избранницей стала молодая учительница Амина Губеева, родом из города Уральска, в котором с давних времен обосновалась значительная татарская община. Ее отец Зарин Губеев с молодых лет тянулся к учебе и до революции окончил Казанский университет. Многие он сделал на ниве просвещения, поднимая уровень грамотности своих земляков. Амина, неплохо знавшая арабскую письменность, также решила посвятить себя педагогической деятельности. В 1938 году, после окончания факультета природоведения Уральского пединститута, она приехала в Алма-Ату и стала преподавать биологию в той школе. Тяготившийся своим одиночеством молодой человек и миловидная, с широко распахнутыми синими лучистыми глазами девушка с первого взгляда почувствовали, что созданы друг для друга. Долго не мешкая, они решили начать совместную жизнь. Некоторое время ютились в небольшой комнатке частного дома (рассчитывать на чью-то помощь не приходилось: двоюродный брат Шаммухан Таукеханов в конце 1938 года был освобожден от должности генпрокурора и назначен директором зернового совхоза имени Суворова). Но Ермухан Бекмаханов входил в номенклатуру ЦК и это помогло ему улучшить жилищные условия, вскоре он получил трехкомнатную квартиру в новом доме по улице Ленина. Именно сюда Амина Зарипкызы принесла из роддома своего первенца — дочь Найлю, родившуюся 20 ноября 1940 года. В то время Ермухан был в Москве, в Высшей партийной школе. Свою малышку он увидел только в начале 1941 года, когда приехал на краткосрочные каникулы.

Н. М. Дружинин, академик, «Человек несгибаемой воли»:

«В суровые октябрьские дни 1941 г., когда гитлеровские войска рвались к Москве, было решено эвакуировать основные кадры институтов Академии наук СССР в восточные области. Научные сотрудники выезжали из Москвы отдельными группами, в разные сроки и расселялись в различных городах — в Казани, Свердловске, Ташкенте. Алма-Ате. Наша группа, состоявшая из историков, правоведов и других специалистов, покинула столицу одной из последних. Переезд был продолжительным и трудным: железнодорожные линии были загромождены товарными и пассажирскими составами; пришлось ехать в теплушках в большой тесноте, испытывать недостаток в пище и воде. Только через месяц мы достигли Алма-Аты, когда уже ударил мороз и тонкий слой снега покрыл затвердевшую землю...

Вначале наше положение было неопределенным: город переполняли эвакуированные. и республиканские власти хотели рас-селить нас по периферийным городам — Джамбулу, Чимкенту и др. Но в столице уже находилась другая, ранее прибывшая группа наших товарищей во главе с А. М. Панкратовой, которая, как всегда, проявила большую инициативу и энергию. Она сумела убедить местные организации, что объединенная группа из десяти квалифицированных московских историков может принести большую пользу Казахстану в условиях Великой Отечественной войны... Мы были зачислены внештатными лекторами горкома партии... приступили к выполнению первого задания — к подготовке методического пособия для казахских учителей, где должны были дать рекомендации, как

преподавать историю в условиях начавшейся войны с фашистами. Организация работы была возложена на Ермухана Бекмахановича Бекмаханова... Молодой, темпераментный, энергичный, он... проявлял самую дружескую симпатию к приехавшим русским ученым. Уже в эти первые дни, когда мы была с семьями в количестве 20 человек размещены в одной комнате Казахского филиала Академии наук, я имел возможность близко познакомиться с ним. Мне было поручено составить вместе с Е. Б. Бекмахановым докладную записку о политической и культурной целесообразности задуманного пособия. Уже тогда я убедился, что в лице Ермухана мы имеем человека, наделенного глубокими знаниями в области истории, горячего патриота Советского Союза, страстно любящего свою казахскую родину и мечтающего о самостоятельной исследовательской работе. Мы встречались с ним в помещении Комиссариата просвещения, обмениваясь мнениями о задачах, структуре и форме изложения будущих очерков, об их тематике и объеме, о научно-методическом обосновании отдельных статей. Докладная записка была утверждена, редакторы распределили работу между членами группы, и мы приступили к написанию статей, еще оставаясь «на биваках» в комнате Казфилиала АН, заполненной людьми и загроможденной вещами. Методическое пособие было закончено, сейчас же сдано в печать... оно вышло в свет через 3-4 недели...»

Наркомпрос еще в 1938 году запланировал издать учебник «История Казахской ССР» для средних школ, потому что до той поры в казахских школах ее не изучали. В учебной программе предусматривалось по этой тематике только приложение к «Истории СССР», рассчитанное на несколько часов.

Однако попытка подготовить учебник по национальной истории пошла насмарку, как если бы кто-то взялся вырастить плодоносный сад на голых камнях. Затри гола не было написано ни одной страницы этой книги. Причина вполне понятная: во всем Казахстане не нашлось человека, способного это сделать — в 1937-1938 годы подверглись репрессиям и были уничтожены все известные историки, упомянутые нами во второй главе этой книги.

И вот теперь срочно подготовленное с помощью русских историков, волею судьбы заброшенных в Алма-Ату, первое учебное пособие появилось в школах. Понятно, что оно не могло заменить настоящий учебник. Напрашивался вопрос: кто же и когда напишет историю Казахстана? «Успех нашей первой работы помог А. М. Панкратовой и Е. Б. Бекмаханову поставить перед партийными и советскими организациями Казахстана вопрос о новом, более серьезном труде — о подготовке объединенными усилиями казахских и русских историков «Истории Казахской ССР», — вспоминал Н. М. Дружинин...

Во время сбора материалов для этой книги я случайно узнал, что Мухамеджан Абдикалыков жив-здоров, хотя ему перевалило за девяносто лет, чувствует себя бодро и будто бы остается в твердой памяти. И вот однажды я отправился в Алма-Ату; чтобы встретиться с аксакалом, который стоял у истоков создания «Истории Казахской ССР».

Я уже был наслышан о принципиальности, честности и порядочности Мухамеджана-ага. Он всегда заступался за ученых и литераторов. Особенно ценил Ермухана Бекмаханова, постоянно поддерживал и следил за его служебным ростом. Об этом мне поведала вторая жена Ермухана Халима Адамбеккызы. Потому я

рассказал Халиме-апай о своем намерении. Спустя пару дней она ответила:

— Медеу, завтра. часов в десять утра приходи к нам домой. Я уже договорилась с Мухамеджаном-ага...

Мухамеджан Абдикалыков не проявил, к моему удивлению, свойственной ветеранам преклонного возраста слабости, не затеял нудный рассказ о своих прежних заслугах, а сразу внятно стал отвечать на мои вопросы. С его разрешения я часто включал свой диктофон.

Наша первая встреча, состоявшаяся 13 апреля 2001 гола, продолжалась с утра до семи часов вечера. Что меня больше всего поразило: рассказывая о тех, с кем работал шестьдесят лет тому назад, он называл фамилии, имена и отчества своих партийных соратников, в том числе московских функционеров, историков и литераторов, вспоминал привычки некоторых, забавные случаи. Конечно, в основном наш разговор был посвящен тому как создавалась «История Казахской ССР».

Моя беседа с первым редактором «Истории Казахской ССР» и бывшим секретарем НК КП(б) Казахстана М. А. Абанкалыковым растянулась на два дня. За это время я записал на диктофоне восемь кассет. А в тетради, когда оставался наедине с собой, исписал десятки страниц!

После завершения нашей беседы я вызвал такси, проводил почтенного аксакала (в то время ему было 94 года) до его квартиры. Он жил на улице Кунаева, в доме 135. Аксакал пригласил меня к себе.

— Ты начал доброе дело, жизнь и деяния моего любимца Ермухана Бекмаханова достойны внимания сегодняшнего поколения казахстанцев. Потому я согласился на беседу с тобой... — сказал мне Мухамеджан-ага. — Ермухан, несмотря на молодость, в то время уже обладал обширными знаниями, свободно

оперировал фактами, умел беспристрастно, глубоко их анализировать и обобщать, делать самостоятельные выводы. В условиях административного давления на науку он смело ломал устоявшиеся догматические взгляды на историю. Путь к истине всегда тяжел. Вспомни смельчаков, не боявшихся сказать правду. Власть имущие либо уничтожали их, либо преследовали по пятам, ставили на колени, как Галилея, либо сжигали на костре, как Джордано Бруно. Я сам историк-учитель по профессии. Говорю об этом тебе, чтобы ты задумался... Я не спрашиваю, удовлетворили ли тебя, как писателя, мои ответы. Как будешь ими пользоваться — твое дело... Только об одном прошу: не передергивай и не изменяй моих слов, если они не идут в ногу со временем, то можешь их вовсе не публиковать...

Я заверил аксакала, что так и поступлю, и попросил у него на время редакторский экземпляр первого издания «Истории Казахской ССР», который искал долго и безуспешно. Мухамеджан-ага снял книгу с полки.

— Как сниму ксерокопию, сразу привезу, — пообещал я.

Через пару месяцев я привез ему на квартиру книгу и бутылку коньяка «Белый аист». Приняв мой подарок, аксакал улыбнулся:

— У тебя неплохой вкус! Когда буду читать твою книгу о Ермухане?

— О, еще долго ждать, — ответил я. — Вы сами советовали мне не торопиться...

К сожалению, это была наша последняя встреча. Мухамеджан-ага скончался 13 июля 2006 года на сотом году жизни.

Ниже привожу фрагмент нашего разговора с М. А. Абдикалыковым. И в последующих главах своего повествования, когда будет возникать необходимость

пояснить то или иное событие, факты, я буду прибегать к ссылкам на него. (К сведению тех, кто пожелает проверить подлинность записей наших бесед — магнитофонные кассеты хранятся в Семейском филиале Восточно-Казахстанского центра документации новейшей истории, где открыт фонд, посвященный моему творчеству.)

Из беседы с Мухамеджаном Абдикалыковым (13 апреля 2001 года):

«ВОПРОС: В своих воспоминаниях академик Дружинин подчеркивает, что первоначальная идея создания нашей «Истории» будто бы принадлежала Ермухану. Однако московский историк и другие свидетели далее не развивают эту мысль...

ОТВЕТ: Дорогой, ты пытаешься проникнуть в святую тайну, которую хранили мы с Ермуханом... В начале войны на меня, наряду с должностью наркома просвещения, возложили обязанности заместителя председателя Совнаркома. Маю того, несколько месяцев подряд я был председателем Алма-Атинского горисполкома. Все это говорю для того, чтобы дать понять, на мне лежал) прием и обустройство быта на местах сотен ученых, эвакуированных с запада нашей страны. И когда московские историки приступили к подготовке приложения к учебнику истории, опять же это коснулось меня. После гибели в авиакатастрофе секретаря ЦК Компартии Казахстана Габдоллы Бузырбаева, — это случилось, как помню, в декабре 1941 года, — я занял его должность.

ВОПРОС: А что было дальше? Ведь свидетельство Дружинина неслучайно.

ОТВЕТ: Как-то поздним вечером ко мне в кабинет зашел Ермухан и сказал: «Мухамеджан-ага, общаясь с московскими учеными, я подумал о том, что у нас появилась хорошая возможность по-другому использовать этих специалистов... Например,

предложить им написать историю Казахстана, о чем вы сами всегда не устаете говорить. Окажем поддержку, подключимся сами, поднажмем всеми силами, и будет через год-два у нас своя «История». Ведь сама судьба подбросила их нам, самых классных специалистов по истории...» Время было тяжелое, шла жестокая, кровопролитная война. Речь шла о жизни и смерти государства, и мы в Казахстане, хотя были далеки от линии фронта, также несли на своих плечах ее тяжесть. Забот всем хватало, работали день и ночь. Разумеется, было не до учебника истории, который можно было и не писать, школы ведь по-прежнему работали. Зная об этом, Ермухан пришел ко мне с таким фантастическим предложением. «Нет, обойдемся без учебника!» — отрезал я. «А я вам говорю не об учебнике, вы меня не поняли, — не унимался Ермухан, — эти ученые напишут нам «Историю Казахстана». Настоящую историю республики! А мы сами еще не скоро дорастем до того, чтобы взяться за такую глыбу, нет у нас таких специалистов и не скоро будут...» Честно признаюсь, говорил он правду. Однако я не смог сходу ухватиться за его идею, хотя она меня некоторым образом заинтересовала. Ермухан же все сильнее наседал на меня, приводя новые веские доводы. Меня, однако, не оставляли сомнения, которыми я поделился с Ермуханом: «Эх, дорогой мой, смогут ли московские ученые написать историю казахов с древних времен до наших дней? Ведь они знатоки другой истории, только не нашей...» Ермухан еще больше распалился: «Думаю, агатай, вы ошибаетесь! Вот возьмите профессора Панкратову — это разносторонний ученый, автор «Истории СССР». Другой профессор Михаил Порфирьевич Вяткин много лет исследует историю восстания Срыма Датова. Теперь взгляните на эти «Очерки по истории Казахской ССР с древнейших времен по 1870 год...». Эта книга М. Вяткина вышла в

Ленинградском отделении Политиздата в 1941 году... Возьмут книгу М. Вяткина за основу, вовлекут и его самого в это дело, и все вместе за один год подготовят к печати нашу историю, которая нужна, как воздух. И потом, агатай, мы ведь тоже здесь не овец пасем, а занимаемся исследованиями своего прошлого, значит, не будем сидеть сложа руки. Что знаем — подскажем и даже сами напишем. И местных писателей, историков, правоведов, археологов, художников, искусствоведов, короче, всех лучших представителей интеллигенции и общественности впряжем в упряжку. Они будут консультировать приезжих ученых, редактировать готовые тексты... И закипит работа под вашим бдительным секретарским оком...» — В таком духе он мог еще долго распространяться. Я знал его беспокойный, азартный и даже неуступчивый характер. Если уж Ермухану, говоря словами поэта Некрасова, втемяшилась в голову какая блажь — колом ее оттуда не вышибешь. Он умел заразить своими идеями других. А русским языком владел прекрасно, и перо у него было бойкое.

ВОПРОС: Значит, вы поддержали Ереке?

ОТВЕТ: Нет, сразу я с ним не согласился. Мое назначение на пост секретаря ЦК по идеологии пришлось на самое трудное время, постоянно надо было быть настороже, а я, честно сказать, привык обдумывать каждый свой шаг и выверять каждое слово прежде, как его произнести. «Лучше будет, если такое предложение в ЦК внесет признанный, авторитетный ученый, к примеру, профессор Панкратова, а не я и не ты», — предложил я. К моему удивлению, Ермухан хлопнул в ладоши, была у него такая привычка, и рассмеялся: «Вы правы, именно в этом направлении я уже начал действовать, поделился своей задумкой с Дружининым и моим бывшим учителем, профессором Зутисом. Им понравилась моя идея. И они оба пошли к

Панкратовой, она тоже загорелась желанием взяться за «Историю Казахстана». Короче говоря, они готовы прийти к вам, когда вы сможете их принять, в какой день, в каком часу?..»

В конце концов, на этом и порешили. Анна Михайловна Панкратова при встрече настойчиво предложила мне: «Вы сами будете ответственным редактором книги, как принято в таких случаях. Секретарь ЦК Компартии Казахстана, ведающий идеологическими вопросами, должен взять на себя ответственность за такой серьезный научный труд. Более того, ваше высокое служебное положение поможет нам преодолеть возможные преграды, которые неизбежно возникнут по ходу подготовки и издания книги...»

Немного подумав, я поставил перед ней одно лишь условие: «Согласен. Анна Михайловна, только славу и хулу будем делить пополам. Вы будете мне подмогой и защитой!»

Вот так, дорогой, я стал «крестным отцом» первой «Истории Казахской ССР».

После того как предложение ученых было одобрено ЦК КП(б) Казахстана, всем исполнителям этого задания были созданы надлежащие условия: рабочая группа историков с семьями жила в гостинице «Казахстан». Три раза в день они питались в специальной столовой; им выделили одну из больших комнат библиотеки на улице Пушкина, где они могли заниматься своим делом с раннего утра до глубокой ночи, а госархив, который находился рядом, обязали обслуживать запросы историков без задержек...

Ермухана Бекмаханова назначили ответственным лицом, освободив от исполнения своих служебных обязанностей, в то время он был начальником управления школ Наркомпроса. В группе историков в

первое время он занимался чисто административно-хозяйственными делами: Ермухан с увлечением знакомил ученых с экономикой, культурой, строительством и промышленностью Казахстана, с его новой столицей — городом-садом Алма-Атой, раскинувшимся у подножия белоснежных гор Алатау. Старался раскрыть перед ними богатую духовную жизнь народа, его самобытное культурное наследие, снабжал их переводами на русский язык произведений национальной литературы, родовых летописей — «Шежире», героических дастанов, песен-толгау. Все это он делал, чтобы русские ученые прониклись чувством уважения к настоящему и прошлому казахского народа. Ведь не секрет, что многие в Москве наивно думали и, что у казахов прежде, до Октябрьской революции, не было ни государственности, ни грамоты, ни собственной истории. Да и все члены группы, кроме профессора Вяткина, были впервые в Казахстане. Конечно, за несколько месяцев их нельзя было научить казахскому языку и «обратить в новую веру»... «Мы принялись за чтение казахской литературы, посещали местный музей, вслушивались в музыку казахских опер, которые ставил государственный театр оперы и балета, старались уловить особенности национальной культуры и быта. Все по обобщало нас новыми знаниями и пригодилось при изучении архивных документов», — писал позднее Н. М. Дружинин. «Дня через два-три после приезда в Алма-Ату появился у нас Ермухан, писал москвич, доктор исторических наук А. И. Кучкин в своих воспоминаниях, названных «Крепкая братская любовь». Молодой, стройный, жизнерадостный, улыбчивый. Он проявлял трогательную заботу о нас. Был приветливым, чутким, относился к нам по-братски. Мы его искренне полюбили. Что касается меня, то я к нему привязался сильнее, чем к другим казахам, с которыми пришлось встречаться в столице Казахстана и

работать. Работали мы вместе на историю казахского народа с древнейших времен до наших дней. Написанные главы обсуждались в здании ЦК партии. При обсуждении некоторые авторы проявляли склонность к национализму. Ермухан всегда был твердым и последовательным интернационалистом. Он обнаружил и знание истории казахского народа, и идейную подкованность. Слушать его, работать с ним было приятно. Я неоднократно был у него на квартире, видел шкафы, наполненные книгами, наблюдал, с каким благоговением он брал ту или иную книгу и говорил о ее достоинстве. Он делился со мной своими планами исследования истории казахского народа. При этом его черные глаза загорались огнем. Видно было, как он любит свой народ, его многострадальную, героическую историю. «Этот историк пойдет далеко», — думал я, смотря на него и слушая его. Для меня Ермухан был как брат».

(Чтобы облегчить трудное положение тысячи представителей интеллигенции, эвакуированных из Украины, Белоруссии, с берегов Балтики, из Ленинграда, позднее и из Москвы, руководство республики обязало местных служащих, особенно партийных и советских работников, имевших просторные квартиры, оказать гостеприимство. Разумеется, ни у кого не было лишней жилплощади. К тому же Алма-Ата стала столицей совсем недавно, и жилищная проблема здесь была очень острой. Тем не менее немало семей, потеснившись, освободили комнату, некоторые — угол в квартире для размещения приезжих...

Однажды Ермухан пришел домой поздно и был удивлен: в его трехкомнатной квартире было полно детей, женщин, стариков — всего девять человек.

Подселенные заняли две комнаты, а хозяевам осталась лишь маленькая спальня...

Его дочь Найдя Ермуханкызы вспоминает: «В нашей квартире стала проживать большая семья, приехавшая из-под Киева. Старик Скрипкин, сыновья и зятья — пять человек сражались на фронте, а женщины, внуки устроились у нас, жили с нами дружно, делились последним. Эта дружба продолжалась на протяжении десятилетий после войны и после возвращения Скрипкиных на Украину. Ермухан Бекмахаиович помогал историку И. Скрипкину в работе над школьным учебником по истории Украины. Несмотря на тесноту, в квартире Е. Б. Бекмаханова вечерами собирались москвичи, ленинградцы, алмаатинцы, рижане. Все пользовались огромной библиотекой отца, пили чай, музицировали, оживленно дискутировали. Ермухан Бекмахаиович виртуозно владел домброй, мандолиной, любил саратовскую гармошку с колокольчиками и импровизировал на рояле. У него был замечательный слух, него исполнительский репертуар входили казахская классика, русские народные песни. Десятилетия спустя, при встречах в Москве. Ленинграде друзья с теплотой вспоминали годы, проведенные в эвакуации в Алма-Ате, положившие начало сердечным взаимоотношениям между ними, которые продолжались всю жизнь».)

Благополучно устроившись на новом месте, историки вплотную приступили к первым главам «Истории Казахской ССР». Им предстояло описать историю коренных жителей казахской степи, одного из народов, населяющих Центральную Азию. Ведь не вдруг и не случайно кочующие номады появились на этих бескрайних просторах, о которых в народном эпосе сказано: «Пока достигнешь от одной границы до другой, собьются копыта скакуна». На протяжении

тысяч лет в ковыльных степях и песчаных пустынях, в горах, на вершинах которых не тают снега и ледники, в долинах многоводных рек и озер селились далекие предки казахов. Казахская степь — самая обширная часть Евразийского континента. Разнообразная природа, богатый животный мир, несметные богатства подземных кладовых испокон веков притягивали сюда не только кочевников-казахов, но и чужестранцев.

Проведенные еще в XIX веке археологические раскопки в северной части степи показали, что в этой местности водились мамонты и северные олени, бродили многочисленные стада диких животных. Здесь также были обнаружены стоянки первобытных людей. Аналогичные находки встречаются в предгорьях Алатау и Каратау. Обитавшие там люди были уже знакомы с обработкой меди, но наряду с оружием и орудиями труда из меди они еще пользовались каменными топорами и копьями из твердых пород деревьев. Все это свидетельствует о том, что нынешняя территория Казахстана была обитаема с древнейших времен, с эпохи палеолита, то есть уже 100–150 тысяч лет тому назад.

Стоянки неолита обнаружены по всей территории Казахстана. В это время на Земле закончился ледниковый период. Постепенно смягчались прежние суровые, затяжные зимы. Кочевые племена стали обживать новые пространства, они обосновались на побережьях Каспийского и Аральского морей, озера Балхаш, на берегах Яика, Есиля, Иртыша, Чу, Таласа, Сырдарьи, Арыси. Это доказывают часто встречающиеся следы их обитания на живописных склонах гор Алтая и Калбы, Тарбагатая. Каркаралы, Баянаула, Бреймона, Кокшетау, в окрестностях нынешнего Семей. Материалы раскопок свидетельствуют, что эти племена добывали себе пищу, охотясь на зверей, занимались разведением прирученных домашних животных,

земледелием, используя железо. В общем, они были на пути от дикости и варварства к более цивилизованному образу жизни.

Начав с первобытно-общинного строя и племенных союзов, ученые собрали обширные материалы о раннефеодальных каганатах, возникновении Казахского ханства и образовании казахской народности на базе тюркоязычных племен (усуней, канглы, кипчаков), об освободительной борьбе против джунгарских феодалов и царской колонизации.

Накапливая по крупицам богатейшие сведения, историки подвергали их тщательному анализу. Затем выносили на обсуждение всей группы с участием местных научных авторитетов, утверждали на еженедельном редакционном совете, лишь после этого включали их в определенную главу книги. Готовая глава попадала в руки литературного редактора, обсуждалась она и в ЦК. По свидетельству М. А. Абдикалыкова, в Центральном комитете было проведено тридцать три (!) специальных заседания, посвященных «Истории Казахской ССР». «В случае моего отсутствия на некоторых заседаниях я по приезде из командировки читал протоколы заседания и подписывал», — вспоминал Мухамеджан-ага.

«Широка земля Казахстана. Она простирается от русской Волги до китайского Синьцзяна. Территория Казахстана составляет 2,7 миллиона квадратных километров. По площади она равна территории Германии, Франции, Италии, Англии и Японии вместе взятых. На ней может поместиться Франция — пять раз, Германия — шесть раз, Италия — девять раз» — так начиналось предисловие к «Истории Казахской ССР».

(Мне удалось просмотреть некоторые скрытые от посторонних глаз научные труды, изданные в период с 1920 по 1940 год, после чего я убедился в том, хотя об этом вовсе не говорится в аннотациях и предисловии к

«Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», что создатели ее в основном использовали в качестве первоисточника солидную книгу М. П. Вяткина «Очерки истории Казахской ССР», который значился в рабочей группе как научный консультант. Кроме того, он был автором некоторых глав и оказывал действительную помощь в написании ряда разделов. Короче говоря, Михаил Порфирьевич сыграл особую роль в издании этой книги.

По моему убеждению, авторская группа также постоянно использовала «Древнюю историю Казахстана» профессора С. Ж. Асфендиярова, погибшего в застенках ОГПУ. Разумеется, авторы «Истории» понимали, что в глубоком исследовании невинно пострадавшего Санжара Жагыпарулы не было никакого влияния вредной националистическо-буржуазной теории, что он просто жертва местных невежественных завистников (о том, кто приложил руку к его уничтожению, мы скажем позднее).

Характерно, что все три части и много глав «Истории Казахской ССР» совпадают по названиям с разделами книги профессора С. Ж. Асфендиярова. Даже классификация истории казахов по периодам в точности повторена авторами нового издания. С научной точки зрения это абсолютно логично: иной классификации и быть не могло... Правда, о том, что они многое позаимствовали из запрещенного научного труда, авторы новой «Истории Казахской ССР» умолчали. И это понятно...)

Современные читатели, знакомые со всемирной историей, сразу заметят, что авторы названного труда пытались создать универсальную концепцию зарождения и становления Казахстана, выстраивая в ряд многочисленные исторические события, которые происходили в прошлом на просторах Великой степи.

Саки, массагеты, аланы, селившиеся по обеим сторонам Аральского и Каспийского морей, карлуки, усуну, или по-современному уйсуну, найманы, обосновавшиеся у отрогов Алатау, в сегодняшнем Жетысу (Семиречье), уже ближе к нашему времени — всем им отведено свое место в этой книге. Авторы не обошли стороной и ярко описали великие сражения, происходившие во времена создания Тюркского каганата, нашествия гуннов, которые после смерти Аттилы рассеялись частично по Туркестану. Не обойдены вниманием и захватнические походы народов хансу (предков нынешних китайцев) с юга и арабов с востока. Похоже, что все они постоянно обращали свои взоры в сторону Великой степи.

Прошли караваны веков. От внимания авторов не ускользнули глобальные перемены X-XIII столетий, по-своему перевернувшие мир: монгольское иго, падение средоточия знаний знаменитого Отырари, свержение шаха Хорезма, считавшего себя властелином Востока, переход сегодняшней Казахской степи и Средней Азии под власть потомков Чингисхана и его воинственных сыновей — Жочи и Чагатая, создавших два больших улуса (империи)... Подчинение Великой степи Золотой Орде, объединение всех мусульманских племен во времена Батыя, внука Чингисхана, Это уже была страна Дешт-и-Кыпчак. Владения Батыя простирались от берегов Иртыша до Едиля (Волги). Все племена, подчиненные ему, уже стали единым народом, с общим языком, религией и обычаями. С 1456 года идет отчет истории самостоятельного Казахского государства. С того времени шестнадцать поколений ханов-чингизидов, мирно сменяя друг друга, правили казахским народом. В этом ханстве объединились в прочный союз три жуза. Старший, Средний и Младший жузы постепенно расширяли свои владения и на протяжении целых двух столетий вели ожесточенную

борьбу с джунгарами, которые постоянно зарились на древние казахские земли...

Авторы истории благосклонно и красочно описали четырехвековую историю Казахского ханства, не скрывая и того, что закат его оказался трагическим. Разобравшись в причинах его упадка, печального конца, они справедливо указали на то, что малочисленный народ (на каждый квадратный километр тогда не приходилось даже по одному человеку) не мог противостоять натиску целых полчищ иноземных завоевателей и удержать за собой огромную территорию. Кроме того, былой крепкой дружбы уже не было, ее сменили разобщенность, постоянные раздоры и барымта между родами и племенами, тяжбы из-за источников воды и лучших пастбищ и еще стремление представителей потомков торе править жузами независимо друг друга. Все эти междужузовые и межродовые распри подрывали единство народа. В итоге Великая степь и ее жители подвергались постоянному давлению со стороны двух мощных империй — западной и юго-восточной. В начале XVIII века началось растаскивание прежде единого Казахского ханства: Младший жуз в 1731 году, а Средний жуз в 1740 году приняли покровительство российского царя. Не только ханы-правители этих жузов, мудрые бии и старшины родов, но и закаленные в битвах батыры вынуждены были присягнуть на верность русскому правителю.

События тех лет достоверно отражены на страницах «Истории Казахской ССР».

Когда десятки глав, в которых описывались события вплоть до XIX века, были готовы к печати, благополучно

пройдя обсуждение, неожиданно разразился скандал.

Словом, случилось то, что было предначертано много лет назад. Именно об этом предупреждал русский историк М. П. Вяткин в введении к своим «Очеркам по истории Казахской ССР»: «В старой дореволюционной историографии казахский народ выступал скорее как объект колониальной политики царизма, а не как субъект исторического процесса. Хозяйственному быту казахского народа, своеобразию его социального строя там уделялось небольшое место, не говоря уже об истории национально-освободительных движений и восстаний бедноты, которые нередко характеризовались как грабежи или набеги отважных джигитов. История Казахстана освещалась по преимуществу с точки зрения колониальных интересов царизма. Нередко в этой литературе слышалось пренебрежение к казахам, как к отсталой народности».

Фактически то же самое повторилось, когда авторы казахстанской истории вплотную подошли к освещению национально-освободительной борьбы казахов против колонизаторов. Почему так получилось? Ведь советские историки обычно не затушевывали социальные протесты и выступления народов против колонизаторов в лице царизма? Но, увы, этот вопрос оказался более трудноразрешимым, чем предполагали ответственные редакторы «Истории Казахской ССР». В чем же дело?

Перенесемся мысленно в XIX век. Добровольное присоединение Младшего и Среднего жузов к России имело не только отрицательное, но и положительное значение. Бывшие бичом казахов набеги джунгар почти прекратились. Можно сказать, в степи наступило безмятежное время. Воинственные и алчные ханства — Кокандское и Хивинское и Бухарский эмират, находившиеся в самом сердце Средней Азии, теперь, остерегаясь мощи Русского государства, прекратили

нападения на аулы этих двух жузов, но зато с удвоенной свирепостью и жадностью набросились на кыргызов и казахов Старшего жуза, все больше расширяли свои владения, угоняли в плен и продавали и другие страны молодежь, накладывали на аулы непосильную дань. Основная же масса казахского народа, обитавшего на обширном пространстве от Иртыша на востоке и Есиля на севере до Едила и Яика на западе, жила сама по себе. В эти годы российский царь не простирает свою власть на владения поднадзорного ему кочевого народа, ограничиваясь возведением на границах форпостов и кое-где крепостей, где стояли небольшие гарнизоны. Некоторые из них в последующие годы превратились в города, вокруг которых стали вырастать поселения крестьян и русских казаков.

Эти поселения вызвали законный протест местного населения. Первые признаки недовольства проявились в Младшем жузе, отличавшемся издревле воинственным духом. Отдельные выступления жителей этих земель против колонизаторов были отмечены еще в конце XVIII века: некоторые аулы, кочевавшие по берегам Яика, поддержали восстание крестьян под предводительством Емельяна Пугачева (1773-1774 годы). А когда уральские казаки стали вытеснять коренное население, захватывая лучшие угодья между реками Эмба и Яик, которыми издавна пользовались аулы рода Байбакты, они поднялись на защиту отчих земель. Их предводителем стал известный бий этого рода Срым Датұлы. Он вел непримиримую борьбу с переменным успехом целых пятнадцать лет (с 1783 по 1797 год), численность восставших джигитов порой достигала трех тысяч человек (если еще прибавить к ним 3500 кибиток батыров Барака и Тленши, и того больше). Джигиты Срыма иной раз совершали успешные набеги на станицы казаков. Однажды они взяли в плен

ставшего их кровным врагом атамана казаков Чаганова и продали его в рабство хану Хивы. Предводитель восстания байбактинцев Срым Датулы был наделен острым умом, как бий отличался справедливостью в решении межродовых споров, что поднимало его авторитет среди народа. К тому же он был прирожденным оратором, что играло немаловажную роль. Самое главное, Срым Датулы был расчетливым стратегом. Приберегая свои силы, он избегал прямых столкновений с хорошо оснащенными регулярными российскими войсками. Иногда нападал на военные укрепления. Не миловал Срым и степных эксплуататоров. Например, в 1797 году главные силы Срыма совершили внезапный набег на аул Есим-хана, укrywшегося вблизи крепости Елек, убили самого Есима и всю ханскую охрану. В том набеге приняли участие все казахи с берегов Яика.

Ясно, что повстанцы не могли устоять против пушек и ружей царских карателей, не могли долго им сопротивляться. В конце концов, потерпели поражение от объединенной силы русских отрядов и боевой дружины султана Айчуака, к тому времени провозглашенного ханом.

Одиннадцатая глава «Истории Казахской ССР», названная «Восстание Срыма Датова», читается на одном дыхании, она написана, я бы сказал, в оригинальной трактовке. Перед нами во весь рост встает легендарный батыр, прославленный предводитель народного движения и мудрец, вышедший из гущи народа, отважный воин и защитник обездоленных, униженных и оскорбленных, ограбленных царскими и ханскими сатрапами и местными мироедами — старшинами родов. «Значение восстания Срыма в жизни казахского народа было очень велико. Казахские народные массы под руководством Срыма впервые поднялись на борьбу не только против

колониального гнета царизма, но и против феодального гнета своей знати... — говорится в конце этой главы «Истории Казахской ССР». — Восстание народных масс во главе с батыром Срымом оставило глубокий след в памяти народа. Много песен и сказаний народ посвятил самому Срымму. Народ характеризует руководителя героической борьбы конца XVIII века не только как храброго батыра, но и как умного, свободомыслящего человека. (...) В народных песнях и сказаниях исторически верно изображаются мотивы, которые заставили Срыма поднять восстание. Ряд сказаний посвящен отображению хода восстания... Сплачивая силы для борьбы с царизмом, Срым, по преданию, обратился за помощью к хивинскому хану. «Давайте, — говорил он хану, — каракалпаки, узбеки, казахи, туркмены — не народности объединимся и выступим против русского царя. Если он победит меня, то захватит и тебя». Но помощи от Хивы Срым не получил».

Тринадцатая глава «Истории Казахской ССР» называлась «Народное восстание в Букеевской Орде под предводительством Исатая Тайманова (1836–1838 годы)».

Букеевская орда феодально-кочевое государство, основанное в начале XIX века в Западном Казахстане ханом Бокеем, была присоединена к России в 1776 году. В нее входили аулы Младшего жуза, перекочевавшие в местность Нарынкум (Нарымские пески), расположенную между Яиком и Едилем. После смерти Бокея власть в этой Орде перешла к его сыну Жангиру, человеку образованному по-русски. Он раздал находящиеся в его ведении обширные земли единокровным родственникам и своему гостю Карауылходже Бабажанову; проявив явное пренебрежение к нуждам простых людей. А прибывшие из России русские вельможи князь Юсупов и граф

Безбородко, задаром завладев обширными пастбищами, стали с прежних хозяев-казахов за эти же земли брать плату. Вдобавок ко всему переселившиеся в эти края русские казаки, основательно закрепившиеся на берегах Яика-реки, по-всякому препятствовали переправе через реку ордынских казахов, их стычки зачастую заканчивались кровопролитием, так как к тем, кто пытался перебраться на другую сторону, казаки применяли оружие. Таким образом, сбывалось то, что предсказывали предки: «Куда ни пойдешь, везде тебе — могила». Словом, теперь была у горемычных ордынцев одна надежда — на острую саблю.

В этой главе «Истории» повествуется, как справедливый гнев народа выплеснулся наружу и вылился в вооруженное восстание под предводительством Исатай Тайманова и его боевого друга Махамбета Утемисова. Всего лишь два года И сатай-батыр вел за собой народ, и вот выпущенная недрогнувшей рукой пуля из русского ружья выбила его из седла. Мужествен был замечательный акын Махамбет. Но увы! И ему не повезло — он вынужден был укрываться от преследований ханских, заодно и царских палачей. Впоследствии он погиб от рук тайных убийц, посланцев коварного султана Баймаган-бета...

И эта глава не вызвала нареканий редакционного совета, ее текст был принят редакторами книги в первом чтении.

Наступила очередь следующей главы, также посвященной освободительной войне, которую беднота — жатаки Среднего жуза начали почти одновременно с западными казахами. Следовательно, как это было сделано в одиннадцатой и тринадцатой главах, так и в четырнадцатой надо было объективно отразить имевшие место действительные события.

Однако, описывая сражения, взбудоражившие всю Сары-Арку, некий историк Н...^[36] преднамеренно истолковал эти события по-своему, исказив цель и движущие силы восстания: «Движение Кенесары Касымова не было народным, он возглавил его. чтобы вернуть себе ханский трон, якобы принадлежавший ему по наследству». Так пресловутый историк Н... выразил свою ничем не подкрепленную точку зрения, оторвав народную массу от предводителя восстания, представив отряды Кенесары Касымова как разбойников с большой дороги, обычных барымтачей — угонщиков чужого скота.

«При оценке подготовленной рукописи возобновились споры о достоверности характеристик различных событий и деятелей. Местные историки — не только казахи, но и русские — находили, что национально-освободительное движение против колониального гнета показано недостаточно; с этой точки зрения наибольшие возражения вызвана глава о движении Кенесары Касымова. Разногласия были настолько значительными, что для улаживания споров был приглашен из Ташкента директор Института истории Академии наук СССР академик Б. Д. Греков...» — вспоминал академик Н. М. Дружинин.

Не парадокс ли, что первые два движения, возникшие на западе Казахстана, отнесли к народно-освободительным, а третье, наиболее грозное и продолжительное, — к реакционному. только потому, что ею возглавил ханский отпрыск. «Когда Кенесары выступил против царской колонизаторской политики, ясно, что в его небольшом окружении было лишь небольшое количество туленгутов^[37] и сотня приближенных к нему людей, на которых нельзя было опереться, он верил в могучую силу народных масс, поэтому и начал свой бунт. И трудовой народ его

поддержал, считая его национальным вожаком, сразу же последовал за ним. Потому движение Кенесары не утихло сразу, а продолжалось десять лет...» — заявил академик Греков в своем выступлении на заседании, посвященном разбору спорной четырнадцатой главы.

«Автор главы о восстании Кенесары уклонился от переработки текста, — сокрушался позднее Н. М. Дружинин, — и освещение этой темы было поручено Е. Б. Бекмаханову».

Молодой историк, конечно, с огромным воодушевлением принялся за выполнение задания старших коллег. Впрочем, к этому времени он знал историю движения Кенесары Касымова в общих чертах, но у него уже были кое-какие заготовки, которые он сделал для будущей диссертации, когда учился в аспирантуре на кафедре истории народов СССР при КазПИ. Да и работая в научно-исследовательском институте Наркомпроса на протяжении почти двух лет и урывками роюсь в местных архивах» он также собрал много сведений об этом восстании. Особо ценные материалы исследователь раскопал в Центральном военно-историческом архиве Москвы и в Ленинграде. где нетронутыми в связках и в толстых папках лежали донесения губернаторов военному министру, множество документов обнаружилось в этих городах в многочисленных библиотеках и в рукописном отделе Института истории АН СССР. Свои поиски Ермухан не прекращал и во время учебы в качестве слушателя Высшей партийной школы. В Чкалове, бывшем Оренбурге, также сохранились деловые бумаги губернаторской канцелярии, в Ленинграде — донесения военному министру А. И. Чернышеву. Немало попадалось воспоминаний очевидцев, свидетелей сражений (возвратившихся из плена русских солдат и купцов), протоколов допросов участников восстания, рапортов русских офицеров, писем самого

предводителя движения к царским эмиссарам. Исследователю приходилось кропотливо от руки переписывать их, а потом уж раскладывать по месяцам и годам, воссоздавая полную картину событий. Это была самая трудная и нудная работа. Между прочим, в архивных документах было немало искажений и противоречий. Кое-что было похоже на сказку; Встречалось и откровенное вранье. К пустой похвальбе можно было отнести некоторые боевые рапорты командиров русских отрядов, в которых они сообщали, что им наконец-то удалось разгромить, даже окончательно стереть с лица земли главные силы «степных бандитов». Однако проходила неделя, и эта «окончательно разгромленная бесчинствующая толпа» воскресала, словно птица Феникс из пепла.

Ведя свои записи, Ермухан все более восхищался героической, многогранной и противоречивой личностью Кенесары, его полководческим талантом, и, конечно, молодой историк втайне гордился тем, что он сам, как чингизид-торе, приходится этому батыру и патриоту казахской земли родственником. Честно говоря, прикосновение к документам тех героических лет по-настоящему увлекло молодого человека.

Долгие поиски историка дали свои плоды. Теперь былое представало перед ним как наяву.

«В 30-х годах XIX века во всех казахских жузах росло массовое недовольство. Вся степь глухо волновалась. Причины недовольства крылись, прежде всего, в колонизаторских действиях царских властей. Усиленные земельные захваты жизненно необходимых казахам пастбищ, разорение казахских аулов податями, вооруженный грабеж их царскими военными отрядами, систематическое ограничение политической самостоятельности казахских жузов с целью лишить казахов их национальной независимости — таковы были

важнейшие проявления колонизаторской деятельности российского царизма в казахских жузах после введения устава 1822 года и ликвидации ханской власти в Шедшем и Среднем жузах. Особенно тяжелым для казахов было изъятие земель во время постройки в Младшем жузе так называемой Новой линии, Эти система укреплений была создана в 1833 году. Она тянулась почти прямой линией между крепостями Орской и Троицкой. Все земли, расположенные к западу от этой линии, более 10 квадратных километров, изымались из пользования казахов. Казахские аулы подлежали выселению из этого района. Правда, выселить сразу все аулы царские чиновники были не в состоянии. Все же большое количество казахских общин потеряло богатые пастбищами и водой земли. В 1837 году царское правительство приступило к обложению казахов постоянной податью. Выл введен так называемый кибиточный сбор, который должны были уплачивать все казахи — по 1 рублю 30 копеек с кибитки. По подсчетам Оренбургской пограничной комиссии, только с подведомственных ей казахов за время с 1837 по 1846 год было собрано кибиточного сбора на сумму окаю 600 тысяч рублей серебром. В одном из донесений Пограничной комиссии сказано: «Во время этого сбора стало ясным, что большинство из казахских бедняков не в состоянии шатать кибиточный налог».

В этих словах не было ничего лишнего и надуманного, каждое высказывание подкреплялось фактами, они были тесно связаны и вытекали один из другого. Приведенный выше отрывок взят из четырнадцатой главы «Истории Казахской ССР», включенной в книгу под названием «Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова (1837-1847 годы)». А первая подглавка

называлась «Колонизаторская деятельность царизма в Казахстане в 30-х годах XIX века». В ней четко сказано о вопиющих фактах беззастенчивого ограбления коренного населения российскими колонизаторами, беспрепятственно проникавшими во внутренние территории Среднего и Младшего жузов.

В начале XIX века политика царизма в отношении кыргыз-кайсаков^[38] резко изменилась. Чтобы ослабить власть законных наследников Аблай-хана, известного своим независимым характером, правительство России в окрестностях Каркаралы в 1815 году образовало второе ханство, утвердив ханом престарелого сына султана Бокея Баракулы. Но тот бедняга правил своими владениями всего четыре года и умер естественной смертью. Избирать на его место наследников уже было не велено. А правитель Среднего жуза, сын Аблая — Вали умер в 1821 году. Царское правительство не утвердило ханом его наследника, старшего сына Губайдоллу, под благовидным предлогом его заманили в русскую крепость и отправили в ссылку в отдаленные места Сибири. На этом избранию правителей из чингизидов в Среднем жузе был положен конец (и власть хана Младшего жуза оборвалась в 1824 году). К тому времени вышел новый Устав об управлении сибирскими кыргыз-кайсаками: в соответствии с ним находящиеся за пределами Омской области земли, издревле называемые казахами Сары-Аркой, а русскими — Внешними округами, были разделены на семь (вначале восемь) диванов (казахи стали называть их дуанамн). Все они были образованы в 1826–1838 годах. Округами правили старшие султаны, избираемые из местных чингизидов, но их власть была ограничена русскими чиновниками (казахи окрестили их майырами, очевидно, от чина «майор»). Округа делились на волости, а каждая волость была разделена на десятки

аулов. Власть в ауле принадлежала старшинам, которые избирались из старейшин рода. Прежде управлявшие волостями старейшины родов и бии теперь решали лишь споры между аулами.

Протест населения Среднего жуза, особенно издавна жившего по берегам Иртыша и Есиля, был вызван появлением здесь новых военных укреплений, а также притеснениями русских казаков и крестьян, подобно саранче волна за волной слетавшихся на плодородные, веками не знавшие плуга залежные земли и обильные травами сочные пастбища. Статистика и география территориальных захватов таковы: в самом центре Сары-Арки были построены станицы казаков: Каркаралинская — в 1824 году, Баянаульская — в 1820-м; сто лет тому назад на самой северной границе казахской степи было воздвигнуто первое военное укрепление Петропавловское. а в 1808 году оно уже стало городом; в 1824 году появился форпост Кокшетау: в 1830 году основана Акмолинская крепость, через два года ставшая городом; на западе сторожевым пограничным фортом был Актау... Во всех укреплениях находились воинские подразделения, а в станицах, где казаки селились семьями, имелись воинские казармы.

Как известно, любое насилие вызывает противодействие. Боль за свой народ заставила подняться на неравную, не сулившую победы борьбу старших сыновей султана Касыма (родного сына Аблай-хана) — Саржана и Исенгельды, к ним примкнули все казахские аулы, кочевавшие в окрестностях Кокшетауских и Ульпауских гор. Однако русские отряды, сосредоточенные поблизости в крепостях, быстро подавили восставших казахов, вооруженных лишь соилами-дубинками. Победенные, их было почти 40 тысяч кибиток, оплакав погибших, пустились скитаться по степи. С большими потерями они

добрались до кочевий Старшего жуза, к подножиям Алатау. Братья Касымовы и там не сложили оружия. Они поставили себе цель: объединить казахов против общего врага, но сделать это им было не суждено, оба предводителя в 1836 году (чуть позже и отец Касым Аблайулы) погибли в результате злодейского покушения кокандцев. «Массовый уход казахов Среднего жуза с Касымом во главе свидетельствовал об их непримиримом вражде к русским колонизаторам. Вольнолюбивый дух народа не мог примириться с потерей свободы и независимости...» — писал Е. Бекмаханов во вступительной части четырнадцатой главы.

Спустя год знамя свободы, выпавшее из рук братьев Касымовых, поднял третий сын султана — Кенесары, прозванный в своем окружении молодым львом. Очевидно, за непреклонный и гордый характер.

* * *

В ту пору, когда молодой Е. Бекмаханов писал историю восстания, природа казахской степи была совершенно другая. Прежде и народ, и уклад жизни были иными. Весной кочевали с зимовки на летнюю стоянку — джайляу, после нагула скота неспешно возвращались — на осенние пастбища, потом — на зимние. Так и жили из века в век. не очень-то жалуясь на тяготы жизни. Сильные, многочисленные племена выходили сообща не только против внешних врагов, но и не давали унести соседским барымтачам-конокрадам ни одного стригунка. Родовые связи были крепки. Не зря в народе говорили: «Родня хоть и обидится, да не отречется». Родовая спаянность помогала выстоять против внешних и внутренних врагов. Можно сказать, что единством народа и честью тогда, по сравнению с

нынешними потомками казахов, дорожили больше. Об этом с горечью в своем 38-м слове назиданий писал Абай Кунанбаев: «Деды наши обладали такими двумя качествами, которыми мы сейчас никак не можем похвалиться. Это стремление к единству и забота о чести... Самых мудрых и честных из них одаривали особыми полномочиями и называли «Ейбасы» — глава народа и «Рубасы» — предводитель родовой общины. Да, народ стоял стеной за своих предводителей, отдав им о руки бразды правления и помогая им во всем... О чем же, как не о благоденствии и возвышении своей страны, осталось печься вождям, когда богатство народа было их богатством, а люди были их братьями?!. (...) Где сейчас эти два высоких качества? Они тоже были плодами достоинства и стойкости, и, потеряв эти славные качества предков, мы потеряли все...»

Именно такое единство ярко проявилось в 1837 году, когда в центре Сары-Арки Кенесары-султан бросил боевой клич и призвал народ к борьбе против иноземных супостатов. И его призыв к свободе был услышан. «В какие времена мы утренний рассвет или закат солнца встречали по велению чужестранцев? — воскликнул он. — У казахов жизнь своя, в их вечных владениях — и небо высокое, и степь бескрайняя. Мы — свободный народ и никогда не будем рабами!..»

Колонизаторы и местные феодалы делали жизнь степняков все более невыносимой, обрекая их на унижения, нищету, страдания и муки. И возмущение их, наконец, выплеснулось наружу. В Младшем жузе против притеснений и насилия в 1820 году выступил Жоламан Тленшин. Однако его постигла неудача, потерпев поражение, он вместе с последовавшими за ним аулами вынужден был откочевать от крепостей Ор и Троицк к берегам реки Тургай. В начале 1830-х годов Жоламан-бий снова поднял сородичей, изгнанных из родных мест; его дружина захватывала караваны,

направлявшиеся из России в Среднюю Азию; нападала на русских поселенцев, живших ближе к Новой линии, угоняла их скот, мстя им за вторжение в степь. Читателю уже известно, что именно в это время всколыхнулся народ в Букеевской орде. И вскоре пламя восстания охватило всю казахскую степь.

«Казахи все больше убеждались в том, что против наступления российского царизма на казахские кочевья необходимо вести вооруженную освободительную борьбу, — отмечал историк во втором разделе главы, названной «Борьба за независимость в 30-х годах XIX века». Раздумья его кончались такой мыслью: «...Все эти восстания казахского народа в 20—30-х годах XIX века показывали, как велико было его возмущение, Как отважно боролся он за независимость своей Родины».

Первый боевой отряд мятежного султана в 1837 году возле военного укрепления Актау напал на караван русских купцов, направлявшийся из Кзылжара (Петропавловск) в Ташкент. Внезапность нападения решила исход схватки: вооруженная охрана каравана не смогла противостоять атакующим, его командир, хорунжий Рыбин, и три урядника погибли, более двадцати казаков были ранены; сподвижники султана отобрали у них оружие, захватили товары купцов... Вскоре осмелевшие повстанцы осадили новую крепость Акмолу, после двух дней непрерывного штурма она была взята. Все деревянные дома в крепости были сожжены, в разных частях укрепления появились зияющие дыры; однако несколько участников штурма погибли от пуль защитников крепости. Примечательно, что наспех собранный старшим султаном Кокшетауского округа, тоже чингизидом Коныркулжой Кудаймендиным для защиты крепости отряд степняков и сотня казаков, постоянно живших в этой крепости, — под покровом ночи тайно оставили укрепление и спаслись бегством...

(В 2002 году, в честь 200-летия со дня рождения Кенесары Касымова, в Астане, бывшем Акмолинске, на высоком берегу Есмя ему был воздвигнут памятник. Вздвигнув коня. Кенесары как бы пристально вглядывается и степь, простирающуюся за Есилем. Кенесары вознесся ввысь на том самом месте, где началась первая атака повстанцев...

Где прежде стояла крепость, теперь находится стадион, сражение происходило именно здесь. Всадник простер руку в сторону другого берега, а это уже непонятно: как будто Кенесары указывает направление, куда бежать его храбрецам... Памятник отважному воину воздвигнут, разумеется, с чистыми помыслами, как дань борцу за нашу долгожданную независимость. Но странно: почему же авторы монумента повернули предводителя лицом в обратную сторону? По-видимому, они просто не заглянули в план города и ошиблись. А проект-то дорогой, и все отлито из бронзы...)

Ясно, что после первых побед восставших к ним из близких мест хлынули потоки добровольцев. К возмутителю спокойствия присоединилась большая часть населения Акмолинского, Кокшетауского, Баянаульского и Каркарал и некоего округов. Где бы ни появлялся статный всадник, сопровождаемый знаменщиком и наездниками — кольчужниками с длинными пиками, за ним устремлялись толпы сочувствующих, готовых встать под его знамя. Степняки, находившиеся последние стilet в глубокой спячке, пробуждались. Тихая степь вдруг содрогнулась от топота копыт, наполнилась дружным разноголосием. Восставшие разбудили весь казахский народ. Из отдаленного Младшего жуза им навстречу со своим родом двинулся отважный Жоламан Тленшин, желая быть плечом к плечу с Кенесары. Таким образом, в

первые два-три года (1838-1840) на стороне Кенесары оказались большинство казахов. Правда, потомки Валихана (султан Чингис и его сподвижники) борьбе предпочли службу русскому царю, надеясь за это получить награды и чины, а также жалкие гроши в виде жалованья. Среди них были султаны Ахмет Жантюрин, Коныркулжа Кудаймендин, противодействовавшие мятежникам вместе с царскими войсками, доносившие им о месте нахождения бунтовщиков. Некоторые старейшины родов Среднего и Младшего жузов, опасаясь за свою жизнь и скот, держали нейтральную позицию, зачастую оказывали материальную помощь восставшим, выделяя им коней и пропитание, но одновременно тайно содействовали царским властям. Таких изменников было много. Одним из них был, как указывал в своей монографии Е. Бекмаханов, широко известный в тех местах молодой Муса Чорманов, позднее удостоенный чина полковника.

Благодаря неустанному поиску молодого историка читатели «Истории Казахской ССР» узнали имена двуличных, продажных старейшин родов и биев, старших султанов, стоявших во главе округов, забывших о чести и совести, разменявших душу за деньги. Одновременно стали известны имена, подвиги и замечательные деяния преданных Родине ее отважных сыновей, которые с самого начала горячо поддержали движение и боролись до конца. Это бесстрашный батыр Среднего жуза из рода шубуртпалы (ответвление из аргунского сообщества) Агыбай, достойный песен храбрец из тортуюлиев (выходец из Баянаульского округа) Жанайдар-батыр, представитель рода кыпчак Иман Дулатулы (дед известного батыра Амангельды), посланец Младшего жуза с самых берегов реки Иргиз, предводитель большого табынского рода Жоламан Тленшин, другой представитель рода табын, населяющего Сырдарью — Бухарбай, батыр рода дулат

Бугыбай из Старшего жуза, прибывший со своими джигитами с берегов Жетысу, а также Ангал батыр из атыгайцев, прославленный кыпчаковец Басыгарабатыр...

Если обратить внимание на роды этих батыров, видно, что движение Кенесары горячо поддержали не только все роды Среднего жуза, но и отдельные выходцы из Старшего и Младшего жузов. Это факт очевидный и неоспоримый...

Конечно, в частых столкновениях в открытом поле и среди горных скал и ущелий сказывалось неравенство противоборствующих сторон. Русские регулярные войска были оснащены огнестрельным оружием, дальнобойными пушками, приводившими в испуг одним своим видом; против них восставшие кочевники выходили с дубинками-соилами, айбалтами-секирами, с ножами-пиками, прикрепленными к длинным березовым палкам, кривые сабли имелись только у гвардии хана — туленгутов, на сотню воинов приходилось одно допотопное, тяжелое ружье с длинным стволом — пицаль; а от пушек, наливших по ним картечью и ядрами величиной в кулак, сарбазы Кенесары, увиден их поражающий огонь, старались находиться подальше, Тем не менее всадники на быстрых невысоких разномастных лошадях вихрем налетали на оцетинившийся штыками и пушками строй и падали как скошенные. Их не спасала отвага, против пуль и ядер они были бессильны. К тому же каждый российский солдат целых двадцать пять лет находился на военной службе, имел прекрасную боевую выучку, был великолепно вымуштрован. Наступление царских войск было подобно снежной лавине, неудержимой и неотвратимой, как сама смерть. Нетрудно представить, какое непоколебимое мужество проявляли при этом казахские батыры и в первую очередь их предводитель.

В народной памяти и в героических дастанах жизненный путь Кенесары запечатлен с колыбели. Родился он необычно крохотным, со сгустком крови в зажатых руках, поэтому его называли Кене (маленький клещ), а Сары означает цвет лица — желтый. Отсюда полное имя — Кенесары. И взрослым он был небольшого роста. Но не зря говорят; мал да удал. Характер у него был железный, властный. В бою он становился суровым, сумрачным, словно туча перед грозой...

Надо признать очевидное: хорошо оснащенные генерал-губернатором Западной Сибири князем 1). Д. Горчаковым мобильные военные отряды, направляемые на поимку мятежного султана и уничтожение его войска, как правило, не достигали своей цели. Он был неуловим. Его преследователи увязали в горах, расплылись по степи, несли потери в мелких стычках.

Вот в подтверждение этого небольшой отрывок, составленный на основе донесений русских офицеров, приведенный Е. Бекмахановым на странице 233 «Истории Казахской ССР».

«Царское правительство решило направить на подавление восстания Кенесары три отряда: со стороны крепости Орск, с гор Уяутау и от реки Тобол. В мае 1844 года отряды, возглавляемые султанами Жантюриным, Баймахамбетовым и войсковым старшиной Лебедевым, направляются на юг, в сторону Каракумов. Задача русских отрядов сводилась к тому, чтобы взять отряды Кенесары с обеих сторон в клещи и отрезать путь к отступлению со стороны Тургая на Каракумы. Однако царским отрядам не удалось осуществить свои план. Давая отдельные бои, Кенесары благополучно отступил к Каракумам. Ему удалось направить отряд Лебедева по ложному маршруту, и тот по пути разгромил по ошибке аулы бия Байкадимова, подвластные России. Лебедев

был отозван в Оренбург и вскоре предан суду за воровство и разорение аулов биев, преданных России. Места Лебедева занял полковник Дуниковский. К этому времени на подавление восстания Кенесары были направлены сибирские отряды под командованием генерала Жемчужникова. Заранее заслав своих лазутчиков в тыл враги, Кенесары получил от них сведения о сибирском отряде, направлявшемся на соединение с оренбургским отрядом Дуни конского. Задача Кенесары состояла в том, чтобы не дать этим отрядам соединиться и выйти из окружения. Кенесары решил выслать небольшой отряд навстречу и этим создать ложное представление у противника, внушив ему, будто отряд Кенесары целиком отступает в сторону Улутау, Сибирский отряд был действительно обманут: переменяв направление, он пустился в погоню за небольшим отрядом Кенесары. Тем временем Кенесары с основными силами 23 июня появился на Новой линии и подверг нападению Константиновскую крепость. Быстрота и маневренность его войск ошеломили русские отряды.

Кенесары и теперь решил отправить лишь небольшой отряд против русских в качестве заслона, а основные силы готовить для решительного удара в тылу противника. 17 июля 1844 года отдельные его отряды стали навязывать бой русским войскам, находившимся под командованием султана-правителя Жантюрина и полковника Дуниковского. Избегая решительного столкновения с русскими войсками, они должны были изматывать силы противника. Кенесары проявил себя и здесь искусным полководцем и блестящим стратегом. В ночь с 20 на 21 июля 1844 года основные силы Кенесары ударили в тыл противники, окружив отряд Жантюрина. В ходе ожесточенных боев этот отряд был полностью разгромлен. В бою убито 44 султана. Отряд Дуниковского, несмотря на близость

битвы, не решился оказать помощь султанам, опасаясь окружения и разгрома. Гибель султанов сильно озлобила оренбургского и западно-сибирского губернаторов. На рапорте Дуниковского, поданном на имя оренбургского военного губернатора, Обручев наложил следующую резолюцию: «Позор, неприятная весть, очень сомнительно, с трудом верится, что подобная вещь могла совершиться».

Разумеется, измотанные царские отряды, понеся огромные потери, вынуждены были вернуться обратно на свои зимние квартиры. По этому тщательно подготовленному, к тому же профессионально проведенному бою можно судить о прекрасном полководческом таланте Кенесары Касымулы. А таких военных операций предводитель восстания на протяжении десяти лет провел немало. Во всех столкновениях противник численностью и вооружением в несколько раз превосходил восставших, поэтому Кенесары применял гибкую тактику Срыма-батыра, используя преимущества расположения на местности. Царские офицеры плохо ориентировались в степи, что сыграло на руку восставшим. Они умели отходить, прекрасно зная все тайные тропы, в безвыходных ситуациях восставшие на время укрывались в горах и ущельях, а потом внезапно появлялись там, где их не ждали, и на заре, а зачастую ночью, давали бой (бездарный генерал Жемчужников после многолетних, безрезультатных погонь за мятежным султаном был отстранен от командования большим отрядом).

И тут следует напомнить читателю об одной существенной особенности повествования историка Бекмаханова: в нем постоянно красной нитью подчеркивается главная роль Кенесары Касымова как предводителя масс. Идеализируется его образ. Это и понятно: он не мог удержаться от восхваления

поистине легендарной личности, вождя угнетенного народа, который стоял выше всех своих соплеменников и был настоящим степным рыцарем, народным героем... Что бы ни говорили потом и даже в настоящее время, прочитав четырнадцатую главу, убеждаешься в том, что она написана истинным патриотом-историком.

Все, что начертано немеркнущими буквами в летописи народа, рано или поздно должно дойти до каждого — это закон жизни. Как это преподнести людям — на совести ученого-историка. Его гражданская позиция целиком зависит от уровня знаний, но больше всего — от его ответственности и добросовестности. В зависимости от этого в будущем он попадет под критику и хулу потомков или же будет вознагражден...

И если подходить к ученому с такими строгими, но справедливыми мерками, то становится ясно, какую ношу взвалил на свои плечи Ермухан Бекмаханов. В 1837–1847 годах казахскую степь охватила небывалая смута, приведшая к гибели многих тысяч степняков, но они не пали духом, а снова и снова поднимались с колен, готовые и дальше сражаться даже после гибели Кенесары и его брата Наурызбая. Вся накаленная атмосфера тех героических и трагических лет должна была быть отражена на страницах «Истории», переосмыслена заново. Мало того, все это надо было вместить в 30–40 страниц. Кажется, для Ермухана, четыре года подряд занимавшегося этой темой и готовившего по ней кандидатскую диссертацию, это было совсем не тяжело. Однако...

Любой крепкий орешек можно расколоть, если поднапрячься. Все познается в сравнении. Мне думается, работая над этой главой, Ермухан не раз мысленно обращался к аналогичным историческим событиям. В первую очередь ему пришло на память сорокасезонное противостояние народов Кавказа и Российской империи. Когда Ермухан получил срочное

задание и принялся за четырнадцатую главу, А. Г1. Вяткин, видимо, не случайно предложил ему прочесть две книжки, выпущенные в свет в 1939 и 1941 годах в Ленинграде. Первая — научный труд иностранного автора Мухаммада-Тахира аль-Карахи «Хроника Дагестанской войны во времена Шамиля»; вторая — книга советского историка С. К. Бушуева под названием «Освободительная борьба горцев под предводительством имама Шамиля»... Ермухан еще в годы учебы в Воронеже познакомился с историей этого движения: желая покорить Кавказ, Николай I долгие годы вел наступление на этот труднодоступный регион. В ответ горцы объявили газават — «священную войну» иноверцам. Эта война с переменными успехами продолжалась почти полвека. Только под предводительством имама Шамиля сопротивление горцев длилось четверть века; их борьба угасла лишь в 1859 году, когда силы горцев почти иссякли, и Шамиль вместе со своими мюридами сдался в почетный плен. Книжки, предложенные Михаилом Порфирьевичем, захватывали подробностями, читались, как приключенческие произведения. В них живо описывалось, как казаки, цепи егерей, сверкая сталью штыков, продвигались среди горных вершин, вырубая попутно леса и сжигая аулы. Примечательно, что авторы — и русский, и иностранный — не отступали от правды, воздавая должное мужеству горцев и самого Шамиля, который с Кораном и шашкой в руках призывал их не покоряться иноверцам.

Словом, перед молодым историком были образец и назидание, как писать о своих повстанцах...

Перелистывая эти книжки, молодой историк вспомнил и прочитанную еще в Воронеже «Алжирию» А. Н. Куропаткина, увидевшую свет в 1877 году. В этой книге описывалась неизвестная ему арабская страна,

названная автором Алжирией, На самом деле речь шла об Алжире и восстании местных арабов против французских колонизаторов. Алжир — провинция Османской империи, в начале XVIII века фактически ставшая независимым государством. Но в первой четверти XIX века Алжир был захвачен французами и превращен в колонию, стал ценным аграрно-сырьевым придатком Франции. Привлекал он и своей природой, ведь Алжир — это преддверие Африки со всем ее животным и растительным разнообразием — от джунглей до желтой, унылой пустыни Сахары, изнывающей под немилосердно палящим солнцем, где капля воды ценится на вес золота. Все плодородные земли, где возделывались пшеница, овощи, оливки, виноград, в то время скупил парижские богачи, а арабов оттеснили в пустыню. Население долго страдало от ига. В 1832 году молодой эмир алжирцев Абдель аль-Кадр с оружием в руках выступил против насилия французов. Его борьба длилась 15 лет, и только в 1847 году, когда все надежды на успех были похоронены и очевидной стала угроза исчезновения всей нации, их вождь вместе со своим отчаявшимся народом и боевиками вынужден был пойти на примирение с командованием французской армии...

Читая эту книжку, Ермухан был поражен одним фактом: вначале в Алжир на усмирение арабов была направлена военная экспедиция, насчитывавшая 20 тысяч солдат во главе с полковником, а в конце войны Французская республика вынуждена была держать в Алжире 120-тысячную армию, и командовал ею уже маршал. Такой там разгорелся пожар гражданской войны. Между тем у арабского эмира никогда не было такого многочисленного войска и вооружения, как у французов. Оружие и военные припасы повстанцы отбирали у противника. «На протяжении всей войны в отрядах Абдель аль-Кадра было всего 4 орудия, и те они

использовали не всегда, больше полагаясь на быстрых арабских коней, длинноствольные ружья и острые клинки. На пешие отряды врагов они обрушивались внезапно, из засад и всегда в неожиданных местах, косили стройные ряды врагов среди белого дня, и пока французы приходили в себя, луг же исчезали. По этой причине французы называли самого эмира «Молнией», — писал автор «Алжирии».

Ермухана крайне удивили и поразительные совпадения: в разных концах земного шара в одно и то же время возникли национально-освободительные движения против колонизаторов, одинаково продолжительные. Возглавляли их почти ровесники, своим бунтарским поведением похожие друг на друга, как братья. Дагестанец Шамиль появился на свет в 1797 году в горной сакле Гимра, казах Кенесары родился в 1802 году вблизи Кокшетауских гор, а непокорный алжирец аль-Кадр был младше его на шесть лет... Все три предводителя много лет провели в седле, в походах. Аварец и алжирский араб достигли семидесяти пяти лет, оба были признаны враждующими странами «почетными пленными», потому были удостоены различных почестей, получили ежегодное значительное пенсион-жалованье, оба умерли своей смертью (Абдель аль-Кадр по своему желанию свободно жил в Турции, имам Шамиль со своими домочадцами провел несколько лет в Калуге, занимая двухэтажный купеческий особняк, а умер, совершая хадж, на священной земле Мекки). Что касается казахского батыра, то он ни от своего народа, ни от врагов как и не увидел прощения, в возрасте сорока пяти лет сложил голову на кыргызской стороне Алатауских гор.

Ермухан Бекмаханов оказался молодым человеком не робкого десятка и, не колеблясь, представил свой труд редакционной коллегии «Истории».

Ученые, обычно скупые на похвалу, положительно оценили его дебют в науке, мало того, еще сказали: «Молодец, ты оказался добросовестным джигитом, оправдал наши надежды!..» И та самая четырнадцатая глава, которая породила так много сомнений и замечаний, громких споров, благополучно прошла через руки литературного редактора и заняла положенное место в книге.

4

Молодой историк, выполнив задание редколлегии «Истории Казахской ССР» в срок, получил возможность, наконец, засесть за свою диссертацию. Она называлась «Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова». Разработка научной концепции этого движения для готовящейся «Истории», особенно бурные дискуссии по этому поводу прояснили некоторые спорные вопросы. Материалов хватало с избытком, так как ограниченный объем написанной им главы вынуждал его к сокращениям, зато все части диссертации в итоге выстроились в определенную систему. Все это помогло ему глубоко и всесторонне раскрыть историческое значение событий 1837–1847 годов, которые потрясли казахскую степь, вызвали в народе множество радужных надежд. Диссертация его разрослась до 160 страниц. Вскоре она была представлена на рассмотрение московских историков.

В связи с этим бывший секретарь ПК КП(б) Казахстана Мухамеджан Абдикалыков в беседе с корреспондентом московской еженедельной газеты «Аргументы и факты» («Казахстан должен быть благодарен российским ученым», № 8, 1997 г.)

вспоминал: «История Казахской ССР» была закончена. Анна Михайловна Панкратова вместе с директором института Борисом Дмитриевичем Грековым перед отъездом пришла ко мне и говорит: «Мы взяли этого молодого казаха не зря, из него может выйти хороший научный работник. Надо бы его послать к нам в Москву». И Ермухан первым в республике получил от ЦК трехмесячную научную командировку в Москву. Конечно, он оправдал ее, вернулся в Алма-Ату кандидатом исторических наук. Защитился он по Кенесары. Анна Михайловна и другие московские историки помогли ему доделать эту работу...»

Из протокола ученого совета Института истории АН СССР, номер 11/28, заседавшего 28 мая 1943 года (Москва, ул. Волхонка, дом 14) мы узнаем, что «Бекмаханову Ермухану единогласно (присутствовало 16 членов ученого совета) присвоено звание кандидата исторических наук. Официальные оппоненты — доктора исторических наук А. М. Панкратова (член-корреспондент АН СССР, заслуженный работник науки РСФСР). М. П. Вяткин и Я. Я. Зутис».

Осенью того же года Всесоюзная аттестационная комиссия (ВАК) без задержки утвердила решение о присвоении ученой степени казахскому историку.

* * *

Последние главы «Истории Казахской ССР» прошли без сучка без задоринки. можно сказать, как по маслу После отбушевавших бурь Казахская степь стала спокойной и покорно приняла российское подданство. Присоединение к России, как преподносили эго идеологи советского времени, способствовало глубоким экономическим и социальным преобразованиям.

«казахский народ, миновав феодализм, сразу стал на путь капитализма». Значит, особых трудностей у ученых уже не было, поэтому ангоры «Истории» не старались углубляться в дебри того периода, а именно к нему относятся годы, когда Российская империя легко и быстро захватила прежде самостоятельные ханства Средней Азии — Коканд, Хиву и Бухарский эмират, когда были спешно созданы военные укрепления вокруг Алатауских гор (Капал, Верный, Пишпек, Аулие-Ата, Судак, Ташкент, Самарканд и другие), за каких-то десять лет, двигаясь на юг, российские войска достигли берега Амударьи, потом дошли до Мангыстау, а затем добрались до Мары, южной границы Туркмении. Следом в этом огромном по территории регионе была образована Сырдарьинская губерния, в состав которой вошли сегодняшние независимые среднеазиатские государства — Кыргызстан, Узбекистан (в том числе Каракалпакстан), Таджикистан и Туркменистан, все южные области нынешней Республики Казахстан.

Все это так называемое «присоединение» преподносилось авторами «Истории» более-менее правдиво, то есть так, как оно на самом деле совершалось — хищнически и вероломно. Потому весь раздел назван авторами «Казахстан — колония».

Следующий, большой и последний раздел киши был посвящен «Казахстану социалистическому». Здесь подробно и восторженно написано о том, как Казахстан стал одной из пятнадцати свободных социалистических республик. Как он получил автономию в 1920 году и достиг процветания в дружной семье народов Советской страны, резко поднял свой образовательный, научный и культурный уровень, как превратился в высокоразвитую индустриально-аграрную страну по территории которой с севера на юг, с запада на восток пролегли стальные и автомобильные магистрали, быстрыми темпами стали вестись в Казахстане

исследования, добыча и обработка ископаемых богатств, таившихся в его подземных кладовых. Все это преподносилось как результат большевистской национальной политики. Конечно, эти успехи также широко освещены на страницах «Истории Казахской ССР»...

Рукопись книги, как с самого начала было задумано, состояла из трех частей, они вместили в себя 31 главу, которые иллюстрировались живописными картинами, портретами, картами, схемами, фотографиями. На первой странице были помещены фамилии всех авторов, которые на протяжении полутора лет неустанно работали над этой книгой. Это историки: Баевский, Бекмаханов, Бенедиктов, Бернштам, Вяткин, Греков, Дружинин, Зутис, Кучкин, Маргулан, Миллер, Панкратова, Покровский, Тимофеев, Фукс, Якунин; писатели и литераторы — Ауэзов, Исмаилов, Кенжебаев, Лурье, Михайлов, Муканов и Мусрепов; в списке литературных редакторов названы: академик Греков, Исабеков, Вяткин, Кучкин, Тимофеев, академик Мещанинов, Мадов, Сауранбаев и Сембаев. Всего 33 человека...

Из беседы автора с Мухамеджаном Абдикалыковым:
ВОПРОС: *В 1949 году вышло в свет второе издание. В 1957-1963 годах наша «История» в переработанном виде была издана в двух томах в третий раз, а в 1977-1979 годах эта же книга вышла уже в более солидном объеме — в пяти томах... Скажу честно, мне лично по душе ее первое издание, хотя и сравнительно сжатое. В издании 1943 года многие события преподнесены открыто и правдиво. Начинаю читать, сразу же представляю себя казахом, слышу отголоски прошлого, как ниши предки жаждали свободы, отчетливо чувствую печаль народа, горести, вековую мечту сородичей...*

ОТВЕТ: Говорите конкретнее, дорогой, приведите примеры. Второе и третье издания «Истории» значительно превосходят по объему первое. И в этих изданиях ряд событий освещен более подробно... Такие мнения я чисто слышал в последние годы. А вы хвалите наше первое. Непонятна...

ВОПРОС: Первое издание состоит из трех разделов. В первом разделе семнадцать глав, он называется «Народы Казахстана в период независимости». В нем рассказывается, какие народы жили и кочевали в Казахской степи с древних времен до начала XVII века и кто правил ими. Я удивляюсь названию этого раздела и особенно словам «в период независимости». Получается, что фактически до XIX века, значит, до колонизации царской Россией мы, казахи, жили около трех тысяч лет независимо. Вы, создатели книги, прямо этого не утверждаете, но, озаглавив так весь раздел, вы тем самым даете понять, что мы всегда были свободными и независимыми...

ОТВЕТ: Ведь в этом и заключается историческая правда. Когда образовалась самостоятельное Казахское ханство, оно никому не было подвластно. Сами казахи стояли на страже своих границ, все мужское население проводило свою жизнь в седле. Да и само название нашего народа — означает свободные люди. Намните первую строку нашего национального гимна, принятого в конце 40-х годов? «Біз козах, ежелден еркіндік ансаган...» («Мы, казахи, жаждавшие издревле свободы...») И вообще, это слово рождает в сердце любого казаха гордость.

ВОПРОС: Пятая глава первой части называется «Образование казахской народности и Казахского государства» и девятая глава — «борьба казахского народа против джунгарских завоевателей и против подданства царской России в первой половине XVIII века». Следующая за нею глава — «Средний жуз в

борьбе за независимость. Ханство Аблая». Четырнадцатая — «Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова». Но вам известно, что эти громкие названия задели национальную гордость русских историков...

ОТВЕТ: Не всех, только небольшой группы... Что еще заметили?

ВОПРОС: Название второго раздела еще хлеще, чем первого: «Казахстан — колония». А партийные идеологи постоянно твердили нам, что Казахстан добровольно присоединился к России, это крепко утвердилось в сознании народа, и даже позднее праздновав 250-летие добровольного вхождения Казахстана в Россию. Название же второй части «Истории», созданной под вашим руководством, все эти искусственные идеологические штампы отбрасывало прочь. Здесь показано, как казахский народ лишился своих плодородных и лучших пастбищных земель, водных бассейнов, стал зависимым в социально-экономическом отношении от колонизаторов, Вот вам в качестве доказательства заголовки глав: «Колонизация Казахстана», «Итоги военной колонизации Казахстана», «Русификаторская политика царизма в Казахстане», «Превращение Казахстана в рынок сбыта для русский промышленности». Целая глава отведена «Культуре казахского народа в колониальный период», там же есть подглавки «Поэмы Шортанбая», а в них открыто звучит народная скорбь, вызванная обнищанием и бесправным положением народа, колониальной политикой царизма. Шортанбай был талантливым родоначальником целой плеяды замечательных акынов «Эпохи печали»... Словом, читая первые разделы книги, я был поражен чересчур смелым подходом к нишей истории,

ОТВЕТ: Спасибо за добрую оценку!.. Но вы, вижу, все это воспринимаете с позиции сегодняшнего дня. По

правде, мы, редакционная коллегия книги, все события и факты рассматривали только с научной точки зрения. Главный наш консультант и идейный советник Анна Михайловна Панкратова была непреклонна и с самого начала требовала от всех нас не искажать историческую правду в угоду политической конъюнктуре, а руководствоваться только здравым смыслом, совестью и истиной. В то время в ходу была так называемая теория «Наибольшего зла», то есть мы рассматривали присоединение Казахстана к России как факт захватнический. Научную концепцию каждой главы, каждого раздела к целом мы тщательно анализировали в соответствии с этими установками. Когда возникали споры, обсуждали коллегиально. Вдобавок к этому скажу, что в числе авторов у нас были крупные научные авторитеты и яркие личности, самостоятельные в своих суждениях: Маргулан, Ауэзов, Кенжебиев, Мусрепов, Исмаилов... Особенно Алеке, я говорю о Маргулане, настоящий клад познаний о прошлом. Рассказывая нам о каком-нибудь путешественнике из Европы, попавшем в нашу степь пять или шесть веков тому назад, что удивительно — он ни разу не сбивался, такая феноменальная у него была память. Он легко называл места, которые посетил этот путешественник, его имя, даже годы пребывания... А когда начинал говорить Ауэзов, ученые Москвы от удивления слова вставить не могли. Все восторженно кивали головами. Конечно, наши знатоки старины больше всего обсуждали главы, посвященные культуре и литературе. В пылу жарких споров наши специалисты высказывали полезные, я бы сказал, деловые советы, притом подчеркивая национальные особенности нашего народа, зачастую добивались своего. Этим они были сильны. Кстати, московские историки с удовольствием и благодарностью их слушали... На мой взгляд, вы, дорогой, переоцениваете достоинства первого издания

нашей «Истории». Там были и огрехи, которые мы заметили поздно... Коснусь еще одной вещи. Вы, наверное, слышали, что покойный Сабит Муканов отличался пылким темпераментом, особой идейностью и большевистской принципиальностью. Не хочу брать грех на себя. Он часто срывающимся голосом нас одергивал: «Дорогие товарищи, вы отходите от партийной линии, слишком печетесь о репутации казахской нации, не окажемся ли мы, в конце концов, националистами!..» Что поделаешь, предостережения этого умудренного жизнью человека оказались не напрасными... К нашему несчастью, в послевоенные годы теоретические предпосылки изменились, вопросы присоединения к России историки уже рассматривали как «наименьшее зло». Это значило, что надо насильственное присоединение трактовать как добровольное...

ВОПРОС: Но я все остаюсь при своем мнении. Название каждой главы выпирало наружу, выбиваясь из привычных для того времени стереотипов, идеологических клише. Но в последующих изданиях сохранились лишь намеки на первые названия, а национальная окраска, национальные акценты в них размылись, стали слабыми, незначительными, блеклыми...

ОТВЕТ: Вы правы, но надо вспомнить о времени, когда книга создавалась... В годы Великой Отечественной войны все народы, объединенные в Союз, сплотились на защиту общего Отечества. После выступления И. В. Сталина 3 июля по радио в сознании всех народов нашей страны пробудились патриотические чувства, в республике все чаще стали упоминать своих национальных героев. именитых батыров. Словом, веемы в какой-то мере почувствовали свободу, на задний план отошло вчерашнее трудное, смутное время. По-моему, это обстоятельство в

значительной степени повлияло на содержание «Истории Казахской ССР», о чем вы говорили сейчас. Мы воспряли духом, стали смелее говорить об исторических достижениях, лидерах нации... Помню, после выступления И. В. Сталина с трибуны Мавзолея перед парадом войск Красной армии 7 ноября 1941 года, мы решили послать листовку к казахам-фронтовикам, подготовили обращение, «котором были такие слова: «Сарбазы — казахи, пусть вас воодушевляют на подвиги славные духи Едиге-бия и Аблай-хана, которые были беззаветно преданы своему народу, пусть для вас станут примером героические свершения батыров Кенесары, Ниурызбая, Срыма Датулы и Амингельды Иманова!»

ВОПРОС: Выходит, что политическая установка на это была дана Центральным Комитетом партии?

ОТВЕТ: Под этим обращением подписались все члены бюро Казахстанского ЦК — Скворцов, Шаяхметов, Важник, Ондасынов, я, еще несколько человек... Но, учтите, не мы первые провозгласили истинными батырами Кенесары и Наурызбия, и не Ермухан, а наш казахский народ! Чтобы убедиться в этом, подсчитайте, сколько связок рукописей дастанов, сказаний и разных толгау, посвященных этим героям, нетронутыми лежат в фонде Института литературы, в частности, в отделе устного народного творчества. На их создание ведь не было никаких постановлений и приказов!..

Но, увы, спустя годы, когда все эти партийные установки видоизменились, нам опять надели узду, мы все оказались в пришибленном, угнетенном состоянии. Что случилось со всеми нами, смельчаками-патриотами, вы знаете...

Глава четвертая **«БЕЗ ПРОШЛОГО НЕТ И** **БУДУЩЕГО»** [\[39\]](#)

«Наше исследование базируется на архивных материалах, по большей части впервые вводимых в научный обиход, на очень мало известных казахских фольклорных источниках и на обширной литературе, как русской, так и восточной, тюркоязычной, причем значительная часть ее является сейчас библиографической редкостью».

Е. БЕКМАХАНОВ.

«Казахстан в 20-40 годы XIX века»

1

Издание «Истории Казахской ССР» означало громадный сдвиг в общественном сознании. В ней ученые посягнули на незыблемые идеологические устои, сделали смелую попытку переосмысления прежних концепций, обратились к истокам народа. Казахский народ, таким образом, занял свое, подобающее ему место в истории человечества. Его долгому пути был посвящен солидный фолиант объемом почти 50 издательских листов или полных 670 страниц. В нем тесно переплелись судьбы Великой степи, народов Востока и Российской империи. На протяжении трех тысяч лет казахский народ жил бок о

бок с ними и формировался как единая нация, с едиными обычаями и единой верой. Этому не помешало деление на роды и жузы. Постоянные угрозы извне способствовали их сплочению для отпора иноземным завоевателям — гуннам, персам, арабам, татаро-монгольским ордам, позднее калмыкам и джунгарам, а затем и царским колонизаторам. На своих спинах казахи испытали даже бичи кокандских беков. Но, кочуя на огромных пространствах, между реками Иртыш и Едиль, страдая от набегов и насилия, древние степняки сохранили себя как самобытный этнос. И этот феноменальный факт подтверждался «Историей Казахской ССР». Впервые это было отмечено печатаю, учеными людьми, а не «родовыми шежире», которые зачастую передавались устно из поколения в поколение. Самое удивительное, что эта книга благополучно преодолела цензурные и идеологические препоны, можно сказать, счастливо миновав их, попала в руки широкого читателя. Не повторила печальной участи той «Истории» С. Асфендиярова, которая, едва выйдя в свет, была зап решена! Можно сказать, убереглась от дурного глаза и ложных предрассудков!..

Хвалитесь, гордитесь, казахи, радуйся страна Казахстан, возрожденная для новой жизни! Теперь вы почувствовали себя людьми, уверенно смотрящими в завтрашний день. Ваш народ породил талантливых писателей, артистов и ученых. И вот создана своя «История»! Притом это первая ласточка среди республик, входящих в состав СССР.

Это обстоятельство было основной причиной того, что «История Казахской ССР» сразу же выделилась среди аналогичных научных книг и, конечно, стала замечательным образцом плодотворного труда большой группы ученых-историков. Поэтому она была выдвинута на особо значимую в то время Сталинскую премию, присуждавшуюся Советом Министров СССР. Члены

секции истории Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства единогласно одобрили представленный труд. Президиум Комитета к ним тоже присоединился, потому «Историю Казахстана» сразу же включили в список претендентов на премию. Когда эта весть дошла до Казахстана, то большая часть местной интеллигенции возликовала: «Браво! Это настоящий праздник для нас! В таких случаях казахи говорят, что белая верблюдица родила, наконец, белого верблюжонка! Ведь этот солидный труд поднимет имя народа на огромную высоту» — так рассуждали представители интеллигенции, особенно ученые. И были, конечно, такие, которые пытались угадать: кто из казахских историков, причастных к книге, будет включен в престижный список будущих лауреатов?

Но... во время повторного обсуждения книгу в Комитете по премиям зарезали. Оказывается, один из экспертов, вроде бы маститый ученый-историк, старый профессор из Москвы выступил с официальным заявлением: «Члены комиссии Комитета на первом заседании вынесли ошибочное решение: «История Казахской ССР» в своей основе написана против русского народа, и вручение высокой премии такой злонамеренной, вредной книге будет способствовать поощрению националистических устремлений других народов...» Этот седой человек особенно ополчился на предводителя национально-освободительного движения Кенесары Касымова, которому отведена целая глава, возмущившись тем, что его подняли до уровня народного героя. Словом, расхваленная наша «История» не дошла до финиша и скатилась в глубокую яму, из которой историкам вместе с ней было не выбраться...

Эту нелепую, абсурдную бучу затеял член-корреспондент Академии наук СССР с 1929 года, доктор исторических наук А. И. Яковлев. И никто из

присутствующих на заседании не возразил ему, не упрекнул в том, что о событиях столетней давности он судит по современным меркам.

Впрочем, можно ли было обижаться на А. И. Яковлева, ведь он был искренен в своих национальных чувствах. Единство со своим народом в мыслях и устремлениях естественно. Тем более и в Государственном гимне СССР были слова о великой Руси, сплотившей все народы в Союз. Хуже бывает, когда человек подчеркивает превосходство своей нации над другими и начинает этим везде похваляться. Это уже настоящий шовинизм^[40] — разжигание расовой и национальной вражды и ненависти между народами. Болезнь заразная, она широко распространена на всех континентах. Противопоставление интересов одной нации интересам всех других, презираемых и унижаемых, характерно для империалистической, захватнической политики многих государств. Иногда это выливается в геноцид — повальное истребление местного населения и тут уже недалеко до фашизма.

А. И. Яковлев, 1878 года рождения, воспитывался под благодатным воздействием замечательных трудов наиболее видных представителей славной эпохи Серебряного века русской истории — Карамзина, Соловьева, Ключевского — и стал профессором к 40-м годам XX века. Ясно, что старый историк всей душой мечтал о величии России. Война шла к победоносному завершению. В мае 1945 года на приеме в Кремле И. В. Сталин подчеркнул особые заслуги в победе русского народа и провозгласил в честь него здравицу. Со времен Российской империи позиции русского народа укрепились на громадных пространствах — от Балтийского моря до Тихого океана, от берегов Черного и Каспийского морей до гор Алтая, Тянь-Шаня и Памира, везде расселились тысячи представителей русской

нации. По правде говоря, пользуясь правами, предоставленными им царской администрацией, жили они безбедно, не задумываясь о том, что ущемляют интересы коренного народа. А Октябрьская революция раскрепостила и освободила ранее угнетенные народы от ига царизма, сделала их равными. Партия большевиков взяла курс на взаимное доверие, сближение наций, объединение народов на началах сотрудничества и добровольности. Вождь партии В. И. Ленин в своих трудах «Рабочий класс и национальная проблема», «Критические заметки по национальному вопросу», «О борьбе с социалшовинизмом» и других решительно выступал против порабощения, эксплуатации окраин России, ратовал за преодоление их экономической и культурной отсталости, постоянно предостерегал своих соратников по партии от националистического угара, призывал к сплочению в духе пролетарского интернационализма. С момента образования СССР минуло четверть века, миллионы сыновей и дочерей более ста национальностей с оружием в руках защищали общее Отечество, сражались с общим ненавистным врагом, на деле доказывая жизненность ленинских заветов, а солидный доктор наук вдруг затеял никчемную свару, посчитав освободительную борьбу казахского народа против колонизаторов и угнетателей борьбой против всего русского народа, основная масса которого также подвергалась беспощадной эксплуатации.

Оказывается, профессор Яковлев в этом деле выполнял лишь роль стрелочника. За ним стояли крупные фигуры. Одной из них был академик, трижды лауреат Сталинской премии Е. В. Тарле, автор известных монографий «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», «Наполеон», «Талейран», «Крымская война» и др. По рассуждению этого видного историка главенствующая роль русского народа среди всех

народов СССР — незыблемая истина на все времена, ни у кого она не вызывает сомнения, так было и так будет всегда. Это аксиома, которая не требует доказательств! Если это так, то вооруженные выступления против колониаторской политики царизма надо воспринимать как вызов всему русскому народу...

Такие же взгляды и мысли высказывали еще в 1942 году и позже на различных собраниях заведующий кафедрой новой истории МГУ, профессор А. В. Ефимов, директор Высшей дипломатической школы, доктор исторических наук, профессор С. К. Бушуев, член-корреспондент АН СССР И. И. Минц и др. Они же пытались реабилитировать как национальных героев-патриотов А. А. Аракчеева, олицетворявшего при Павле I и Александре I режим полицейского деспотизма и грубой военщины, монархиста до мозга костей М. П. Каткова и фанатичного приверженца самодержавия К. В. Победоносцева, Они снова поднимали на пьедестал Николая I, прозванного при жизни «жандармом Европы», объясняя это тем, что именно благодаря его дальновидной внешнеполитической деятельности за счет приращения многих чужих земель территория России во много крат возросла и это пошло на пользу Отечеству. Значит, уже тогда закладывалась стратегия успеха... А профессор С. К. Бушуев предлагал даже заново написать «Историю СССР» для средних школ, «и вообще выкорчевать из нее национальный нигилизм»! Короче говоря, изъять из нее все, что бросало тень на русскую историю. В том числе примеры жестоких подавлений восстаний угнетенных народов.

Эту концепцию уже несколько лет внедряли в сознание, обсуждали на многих мероприятиях. В чем же крылась причина такого всплеска имперских настроений?

С. Ф. МАЖИТОВ, «Историк Ермухан Бекмаханов»:

«В 1941 г. И. В. Сталин выступил в партийной печати с открытым письмом, где высказал свое отрицательное отношение к работе Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». В нем, по существу, содержалось оправдание экспансионистской внешней политики царизма, провозглашалась преемственность политического курса Советского правительства, продолжившего великодержавный, аннексионистский курс дореволюционной России.

Письмо Сталина положило начало откровенной апологетике политики царизма в отношении восточных народов и, по существу, исключало появление иной альтернативной точки зрения, многовариантности исторического процесса, кроме присоединения путем завоевания, колонизации экономической, политической, дипломатической, через миссионерство, торговлю, освоение».

Однако в той же Москве нашлись и инакомыслящие. Поскольку в отношении «Истории Казахской ССР» не было достигнуто консенсуса, вспоминал академик Н. М. Дружинин: «А. М. Панкратова поручила мне составить докладную записку с изложением точки зрения авторского коллектива и характеристикой колониальной политики царизма. Одновременно было решено снова обсудить вопрос о местных колониальных движениях с участием казахских и русских историков. Обсуждение состоялось в Москве, в Институте истории осенью 1943 года. В основном точка зрения составителей была признана правильной, споры велись преимущественно вокруг отдельных событий, но руководящие принципы пособия были одобрены». Но Анна Михайловна не остановилась на этом. По-видимому, она была недовольна обсуждением этого весьма щепетильного вопроса в узком кругу, поэтому

она обратилась с письмами^[41] к секретарям Центрального комитета, заостряя проблему на политическом аспекте, открыто разоблачая некоторых своих коллег, погрязших в болоте «великодержавного шовинизма», требуя эти ошибочные «теории» всесторонне обсудить в ЦК ВКП(б). «В последнее время среди работников идеологического фронта появились тенденции, с которыми никак нельзя согласиться, ибо в основе их лежит полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание под флагом патриотизма самых реакционных и отсталых теорий, уступок всякого рода кадетским и еще более устарелым и реакционным представлениям и оценкам в области истории, отказ от классового подхода к вопросам истории, подмена классового принципа в общественном развитии национальным, реабилитация идеализма, панславизма и т. п., — писала она в своем февральском письме А. А. Жданову. — ...Вместе с тем, я позволю себе вновь обратиться с той же просьбой принять меня именно потому, что война требует ясности, принципиальности и твердости не только в политике, но и в пропаганде, а в последней — история в условиях войны занимает важное место».

Из письма А. М. Панкратовой от 12 мая 1944 года, адресованного И. В. Сталину, А. А. Жданову, Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову:

«К чему приводят в своем развитии взгляды некоторых историков, сближающих царскую Россию и русский народ, видно на примере созданной членом корреспондентом А. И. Яковлевым целой теории «оборотной медали». Эту свою «теорию» проф. Яковлев дважды обосновывал устно на заседании исторической секции Комитета по Сталинским премиям при обсуждении книги «История Казахской ССР». В своей

рецензии на эту книгу, представленной проф. Яковлевым в Управление пропаганды, он формулирует эту «теорию» следующим образом: «Труд 33-х авторов написан с искренним и горячим подъемом и с глубокой симпатией к национальным порывам и стремлениям представителей казахского народа. Однако обратной стороной медали оказывается известное недоброжелательство не только к политике русской императорской власти, но и к самому русскому народу, — поскольку по неизбежному ходу истории русские цари проводили и общерусские тенденции и поддерживали безопасность русских границ и подвластного им нерусского населения» (...) Проф. Яковлев объявляет прогрессивной всю колониальную политику царизма в XVIII — XX веках, а все национально-освободительные восстания считает реакционными, называя их даже не восстаниями, а «нападениями». На том же основании он называет «героями русской истории» царских колонизаторов — Черняева, Скобелева, Кауфмана, даже Неплюева и соответственно осуждает руководителей и вождей национальных восстаний.

Рецензия проф. Яковлева не только не нашла какого-либо отпора и возражения со стороны товарищей Г. Ф. Александрова^[42], П. Н. Федосеева^[43] и В. П. Потемкина^[44], во время моей беседы с ними по поводу книги «История Казахской ССР» (...) тов. Александров прямо заявил мне, что «История Казахской ССР» — книга антирусская, так как симпатии авторов — на стороне восставших против царской России, в ней показано слишком много восстаний^[45], тов. Александров считает неправильным заглавие первой части книги и т. п.

Разумеется, необходимо учесть и исправить в дальнейших изданиях все конкретные недостатки

книги, но при этом было бы необходимо заслушать возражения авторов книги по существу замечаний тов. Александрова. Для этой цели ЦК КП(б) Казахстана прислал двух своих представителей, хорошо знающих конкретную историю Казахстана и документально ее изучавших. Однако, проведя в Москве в ожидании обещанного обсуждения около двух месяцев, эти представители вернулись в Казахстан в угнетенном состоянии, не выяснив для себя никаких вопросов, ибо не только не состоялась намеченная Управлением пропаганды дискуссия в редакции журнала «Под знаменем марксизма», но даже не было организовано узкое научное совещание, на котором авторы книги могли бы документально показать особенности исторического развития Казахстана.

...Если же ныне объявить казахам, что их боевые традиции, их вожди и их восстания против царизма являются реакционными и противоречащими интересам русского народа, то этим будет нанесен несомненный, а главное, ненужный и вредный ущерб их национальному чувству. Авторы полагали, что дружбу народов нашей страны, любовь и уважение к великому русскому народу надо воспитывать, не оскорбляя национального чувства, а с уважением относясь к той освободительной борьбе угнетенных народов против царизма, которую возглавлял сам русский народ.

...Учитывая большое политическое значение дискуссии, развернувшейся вокруг книги «История Казахской ССР», авторы и редакторы этой книги обращаются в Центральный Комитет ВКП(б) с убедительной просьбой организовать в Управлении пропаганды обсуждение этой книги, с участием местных товарищей и помочь им найти правильную линию в поднятых ими в этой книге принципиальных вопросах...»

Отстаивая свое партийное кредо, А. М. Панкратова проявила твердую принципиальность: в феврале 1944 года она вновь, во второй раз, обратилась к А. А. Жданову с тем же вопросом, открыто изобличая тех, кто ей противостоял.

«...Обвинения Александрова ни на чем не основаны. Правда, мы не трактовали и не могли трактовать казахский народ, как народ без истории, тем более, что над богатейшей историей этого народа трудились три крупных научных института, создавшие большой том, который можно прочесть в опровержение старых представлений о колониально-угнетенных народах как народах «неисторических». Что касается обвинения в том, что «книга антирусская», то я считаю его результатом либо недобросовестных, либо малокомпетентных рецензий, послуживших основанием тов. Александрову для подобного заключения. Стоит прочесть эту книгу без пристрастия, чтобы увидеть, что от первой до последней страницы она пронизана стремлением показать глубокую историческую связь русского и казахского народов, совместную освободительную борьбу против царизма великого русского народа, в лице его лучших представителей, и передовых представителей казахского народа. (...) Что касается оценки итогов колонизации, то мы исходили из положения Ленина о том, что капитализм, развиваясь вширь, вовлек Казахстан в русло прогрессивного развития, которое мы конкретно показали».

Через пять месяцев упорная и последовательная борьба группы ученых Института истории АН СССР во главе с А. М. Панкратовой наконец увенчалась успехом: широкое и открытое обсуждение назревшего национального вопроса, начатое 29 мая 1944 года, растянулось на пять дней (участники его собирались

пять раз: 29 мая, 1, 5, 22 июня и подвели итоги только 8 июля). В нем участвовали почти все ведущие историки Москвы. Однако из Казахстана никого не пригласили. Заседания начинались после обеда и длились до глубокого вечера. Председательствовал на них секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков, кроме него, в иные дни в президиуме можно было увидеть членов Политбюро А. А. Андреева и Г. М. Маленкова. Нетрудно понять, на каком высоком уровне обсуждалась эта проблема. Каждый оратор держал речь от 30 минут до одного часа. Всего на пяти заседаниях выступил 21 историк. Все — москвичи.

Обсуждаемая так долго национальная проблема не освещалась в то время на страницах печати. О высказываниях, прозвучавших на заседаниях, не только не ведали широкие слои образованного населения, но они не доходили и до первых руководителей национальных республик. Говоря по правде, суть происходившего в эти дни нам стала известна лишь из писем А. М. Панкратовой, которые она сама распространила среди своих единомышленников.

Эти письма под названием «Письма Анны Михайловны Панкратовой» позднее были опубликованы в первом томе «Собрания трудов Е. Б. Бекмаханова». Кроме того, мы располагаем первой публикацией этих «Писем» на страницах журнала «Вопросы истории» (1977 год, № 11). На самом деле они — вовсе не письма, а записи выступлений участников дискуссии, сделанные самой А. М. Панкратовой. Вероятно, она предвидела, что спорная проблема, ставшая предметом обсуждения, когда-нибудь заинтересует общественность...

Ниже мы приводим в кратком изложении некоторые мысли, высказанные в этих письмах, связанные лишь с «Историей Казахской ССР».

Из вступительных пояснений А. М. Панкратовой:

«Внешним поводом дискуссии явилась книга «История Казахской ССР», но она только заставила громко сказать то, о чем раньше говорилось глухо. Рецензию профессора Яковлева на эту книгу вы знаете. Это была первая попытка изложить новую концепцию (вернее, вернуться к давно разбитой старой, великодержавной, реакционно-монархической концепции). Вслед за... рецензией последовала лекция Е. В. Тарле в Саратове на тему «О роли территориального расширения России в 19–20 вв.». Основной его политический тезис довольно оригинален. «Если, — говорил он, — мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, то потому, что одним из решающих факторов нашей победы являются обширные пространства. Поэтому нельзя говорить о тех, кто завоевывал эти пространства, как о каком-то недоразумении».

Академик Е. В. Тарле говорил в своей лекции, прочитанной на ученом совете Ленинградского госуниверситета в марте 1944 года, о тех, «кто завоевывал пространства», с величайшим уважением, и о народах, которые были подвергнуты завоеванию, с грустным сожалением, за то, что они оказывали сопротивление завоеванию: «Разве можно оплакивать тот факт, что горцы теперь живут под солнцем Сталинской конституции, а не под имаматом Шамиля». Такова своеобразная аргументация, вернее, трюк, к которому прибегает историк Е. В. Тарле, в каких-то целях переворачивающий сам подход к истории с ног на голову. «Диалектика (!!), — говорит он далее, — требует, чтобы мы к истории подходили с точки зрения 1944 года!»

...Но все эти политические и теоретические трюки понадобились Е. В. Тарле только для того, чтобы показать в лекции на примере Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Польши и Финляндии, что царская

политика в отношении этих стран была не завоевательной и агрессивной, а диктовалась интересами обороны России и самих этих стран, которые к тому же приобщались к более высокой культуре.

Е. В. Тарле, повторяя трюк А. И. Яковлева, во-первых, запутался в политике царизма и объективном результате развития капитализма и, во-вторых, слил в одно интересы царизма и русского народа. Таким образом, у него получается, что те народы, которые ныне живут под солнцем Сталинской конституции, должны благодарить за это... русских царей, которые их завоевывали и колонизовали. Ничего более вульгарного, антиисторического и противоестественного я не могу себе представить, чем то, что наговорил в своей лекции этот академик. А так как он, конечно, не столь наивный и неграмотный, то, значит, в этой «концепции» есть свой умысел. Весь вопрос в том, какой именно?

...На первом совещании 29 мая, которое открыл Г. М. Маленков, он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные моменты, а затем выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания. Как бы там ни было, уже одно это — факт замечательный! Надо полагать, что он будет иметь колоссальное значение для всего развития нашей исторической науки...»

С. К. Бушуев, доктор исторических наук:

«...Нельзя царскую Россию рисовать только «черной краской», не вся ее внешняя политика была реакционная. (...) «История Казахской ССР» — книга антирусская, так как она идеализирует национальные восстания против России... Видимо, не случайно такая

книга вышла так быстро, когда обычно такие толстые книги выходят через несколько лет после написания...»

И. И. Минц, член-корреспондент АН СССР:

«...Существуют две неправильные тенденции в освещении истории национального вопроса: одна — поднять на щит все, что было у народа в его борьбе с царизмом, и представить эту борьбу как прогрессивную, независимо от того, кто и почему вел эту борьбу. Эту тенденцию выражает книга «История Казахской ССР». Другая тенденция — ее представляет рецензия А. И. Яковлева на эту книгу — наоборот, чернит все прошлое этих народов. Нужен критический подход к оценке национальных движений. Энгельс в статье «Россия и Средняя Азия» не стеснялся резко оценивать эти движения. «История Казахской ССР» — начинание ценное, но нужно к нему строго подойти, потому что это первая серьезная работа».

А. В. Ефимов, член-корреспондент АН СССР.

«...на стр. 225^[46] «Истории Казахской ССР» есть место, где русские войска изображаются врагами казахов, так как критерий в книге А. М. Панкратовой «казахи — избранный народ» (?).

По поводу этого заявления в письме А. М. Панкратовой есть такая реплика: «Только с трудом я сдержалась, чтобы не расхохотаться или не выругать громко этого нечестного эквилибриста... В заключение Ефимов преподнес новую «теорию колонизации». А. В. Ефимов сформулировал ее в виде пяти пунктов: 1) история колоний не должна отрываться от России и других колоний; 2) колонизация — факт объективно прогрессивный; 3) она сопровождается проявлениями насилия, поэтому не следует обелять колонизаторов; 4)

борьба масс против этих насильственных действий колонизаторов прогрессивна; 5) но не следует идеализировать вожаков национально-освободительных движений...»

А. И. Яковлев, член-корреспондент АИ I СССР:

«... Что касается вопроса о злополучном Казахстане, то я, как русский патриот, не могу согласиться с тем, что Амангельды Иманова изображают героем, хотя он поднимал восстание против русского народа и наносил удар ножом в спину в тот опасный момент, когда Брусилов совершил свой героический прорыв австро-германского фронта и спасал нашу родину, стоявшую на волосок от гибели! Может быть, Амангельды хорош с точки зрения «Алаш-Орды», как ее герой, но не с русской точки зрения».

Когда известный доктор исторических наук бил себя в грудь, объявляя себя патриотом русского народа, ему из зала сделали замечание: «Товарищ Яковлев, Амангельды Иманов не имеет никакого отношения к «Алаш-Орде», он — настоящий большевик, Амангельды убили казахские националисты...» Но профессор, ничуть не смутившись, продолжал громить «Историю Казахской ССР» в том же духе. Наблюдая такую толстокожесть, автор письма делает вывод: «Несмотря на язвительные реплики, А. И. Яковлев оставался невозмутим. Впрочем, возможно, он даже и не знал многих обстоятельств, так как сам признавался, что «Историю Казахской ССР» дочитал только до Октябрьской революции. Очевидно, он вообще не считал послеоктябрьский период «историей», а только политикой или публицистикой...»

После А. И. Яковлева, поразившего аудиторию явно реставраторской программой, выступил заместитель заведующего сектором науки ЦК В КП(б)

Е. Н. Городецкий. Он заявил, что идеи А. И. Яковлева противоречат заложенным в Конституции основополагающим принципам равноправного положения наций, добровольно объединившихся вокруг России, и привел следующее доказательство «...7 января 1944 года профессор А. И. Яковлев выступил в Наркомпросе по поводу новых учебников. Он заявил, что надо написать не учебник по истории СССР, а по русской истории, и выдвинуть на первый план «мотив русского национализма». Всякий учебник для русских школ должен быть русским национальным учебником. Совмещать с этим содержанием интересы еще 100 народов нельзя!»

Е. В. Тарле, академик:

«...Движение науки вперед требует прогресса мысли, а «не попугайничания и повторения одних и тех же положений». Двинуть вперед науку должны новые монографии, которые нужно писать «без оглядки на те, что писали 95 лет тому назад. Надо отбросить опасения и раскрепостить историческую науку»...»

А. М. Панкратова на это заявление коллеги дает такое пояснение; «Некоторые историки немедленно подсчитали, что было 95 лет тому назад, т. е. в 1849 году, когда царская Россия выступила против революционной Венгрии, за что Маркс и Энгельс, а затем Ленин и Сталин и назвали русский царизм «жандармом Европы». В записях А. М. Панкратовой выступление Е. В. Тарле приведено не полностью. Анна Михайловна это объясняет так: «Выступление, которое все так ждали, было так бледно и малосодержательно, что вызвало всеобщее недоумение и разочарование. Все спрашивали себя и друг друга: «Что это — ход назад или растерянность?» Он, по существу, обошел тему завоеваний и колониальной политики царизма, а стал

опровергать меня тем, что приведенная мною цитата о пространстве как факторе победы неправильная, так как ее плохо записали стенографистки. Неправленая стенограмма, мол, не может служить материалом для обвинений...»

С. П. Толстов, профессор, декан исторического факультета МГУ:

«...«История Казахской ССР» — солидный вклад в науку, но в ней тот же основной недостаток: замкнутость, отрыв от всемирной истории, элементы идеализации, на все события авторы смотрят сквозь «казахские очки». Нет характеристик отсталости казахского хозяйства и быта, отрыва от русской и мировой экономики. Процесс вхождения в состав России рисуется как процесс завоевания... Политическое тяготение казахов к России особенно усилилось в 16-17 веках. Абульхаир — дальновидный и умный политик, сделал в этом направлении необходимые шаги, а он изображен в книге отрицательно. Перед Казахстаном и тогда, и позднее было только два пути — войти в состав России или расчлениваться на мелкие части, что и случилось. Также неверно поставлен в книге вопрос о боевых традициях и героях. Султан Каратай или бандит Садык Кемесарин даны положительно. Образ Кенесары идеализирован. Его политическая программа была — захват Кыргызии. Феодално-захватническая война, которую вел Кенесары, изображается как национально-освободительная..»

Э. Б. Генкина, доктор исторических наук, профессор:
«...Профессор А. И. Яковлев, который выдвинул свои три абсолютистские идеи в истории, исключает всякое движение и прогресс одной такой постановкой вопроса. Из его выступления вытекает даже вопрос о том, правомерна ли Октябрьская революция... В докладе б

ноября 1941 г. тов. Сталин подчеркнул, что «фашизм — копия царского режима». Как же можно его идеализировать? Тов. Сталин там же указал на каком национальном наследстве надо воспитывать наш народ. Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» также подчеркнул, что есть две нации и две национальные культуры. Все, кто пытается зачеркнуть Кутузова, или тем более революционные движения, и поднять Аракчеева, зачеркивают Ленина...

Мы не должны показывать историю народов нашей страны изолированно от общеисторического процесса... Поэтому неправильно показывать восстание 1916 года в Казахстане в отрыве от России. Подъем борьбы русского народа способствовал этому восстанию, а не наоборот. Не надо забывать, что русский народ поднимал на борьбу все другие народы...»

Н. С. Державин, действительный член АН СССР:

«...Глубочайшая ошибка отождествлять, как это делает А. И. Яковлев, интересы царизма и русского народа. Борьбу народов против аннексионистской колонизаторской политики царизма передовые люди всегда приветствовали. Они солидаризировались с национальным движением, а не с царизмом, который подавлял это движение. Поэтому как русский человек я не могу согласиться с А. И. Яковлевым и другими, которые упрекают авторов прекрасной книги «История Казахской ССР» и объявляют ее антирусской только потому, что в ней отрицательно обрисована колонизаторская политика царизма и положительно — национальные восстания. Иначе и не должно быть, «История Казахской ССР» должна стать образцом для такого рода работ. Советский патриотизм нельзя смешивать с патриотизмом Союза русского народа».

В записях А. М. Панкратовой также подробно описано и пятое, итоговое заседание, переросшее в бурную дискуссию. К группе историков, окруживших секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, вдруг подошел Е. В. Тарле и во всеуслышание заявил, что скоро, мол, исправит свои ошибочные суждения, которые он допустил в прочитанных в Ленинграде и Саратове лекциях. «Дорогой профессор, — осадил его пыл секретарь Центрального комитета, — если перед вами сидят 120 слушателей, никогда не забывайте, что произнесенное вами слово с трибуны через два дня подхватят в десять раз больше людей. Значит, прежде чем что-то сказать, надо подумать. Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». Академик Тарле тут же стал горячо заверять, что на предстоящих лекциях в Саратове в августе нынешнего года он выступит с докладом «О российском царе — как жандарме Европы», тем самым раз и навсегда закроет эту тему. После этого с виноватым видом засеменял к А. М. Панкратовой: «Если это вам нужно, Анна Михайловна, я от некоторых своих концепций могу вообще отказаться!..» Не преминул сгладить обстановку и профессор А. И. Яковлев. «Прошу вас, на меня, ради Бога, не сердитесь, — обратился он к Анне Михайловне, — внесите в «Историю Казахской ССР» исправления самое большее на десяти страницах. А в целом книга написана очень хорошо!..» Искренне или для оправдания своих прежних критических заявлений примерно так же высказался и профессор А. В. Ефимов... Таким образом, по окончании заседания та самая группировка историков, ради амбиций которых затевались эти дебаты, теперь расшаркивалась и расстилалась перед А. М. Панкратовой.

На совещании речь в основном шла о письме А. М. Панкратовой, адресованном Центральному комитету. Смысл выступлений историков чаще всего

сводился к тому, что с научной и исторической точек зрения «История Казахской ССР» написана фундаментально, ее можно использовать как образец для республик Союза, и историю, мол, именно так следует писать... И все высказали мнение о необходимости скорейшей подготовки второго, улучшенного издания этой книги.

Важным позитивным результатом совещания явился постепенный отход от сталинской трактовки присоединения новых народов к общей российской территории как «наименьшего зла». Во-первых, возникло понимание того, что оценка факта присоединения любой страны к другой должна исходить из объективной целесообразности и благоприятности для ее судеб. Во-вторых, стало очевидно, что прежняя формула не подходит к истории народов, присоединившихся добровольно, отчетливо осознавших все выгоды данного шага.

«Но саму А. М. Панкратову не совсем устроили долгие словопрения, переливание воды из пустого в порожнее. С одной стороны, ее противники победы не одержали. Но с другой — никто из секретарей ЦК не выступил с их осуждением, не отмел критику в ее адрес. И вот, имея перед собой стенограммы заседаний, копии своих писем в ЦК ВКП(б), экземпляр доклада Е. В. Тарле на ученом совете Ленинградского университета «О роли территориального расширения России в XIX–XX вв.» А. М. Панкратова принялась за «Записки о впечатлениях и выводах по поводу совещания историков в ЦК ВКП(б)». Вышло большое, бескомпромиссное сочинение. Ныне оно с отрывками стенограммы совещания, с текстом указанного доклада Е. В. Тарле и некоторыми другими материалами хранится в архиве АН СССР в папке «Материалы совещания историков в ЦК ВКП(б), июнь 1944 г.». Документы, кстати, отпечатаны на некачественной

бумаге военной поры и вот-вот рассыплется от ветхости, поэтому на руки исследователям практически не выдаются...» — говорится в предисловии к публикации в журнале «Вопросы истории».

Между прочим, выступления многих историков, живших в 1940-е годы и работавших в Москве и Ленинграде, вызвали у А. М. Панкратовой явное раздражение. И это понятно. В Центральный комитет были приглашены наиболее маститые из них — доктора наук, профессора, члены Академии наук СССР; но, вникая в их речи, произносившиеся на протяжении пяти дней, в их пустые и громкие фразы, с удивлением замечаешь, что они в целом были похожи на путанные ответы студентов, пришедших на экзамен без подготовки...

«Выступление тов. Толстова, говорившего с обычной для него безапелляционностью, могло произвести сильное впечатление на всех, кто не знает казахской истории или не читал этой книги...» — такую уничтожающую оценку коллеге дала А. М. Панкратова в своем «Письме». А Сергей Павлович Толстов считал себя исследователем, хорошо знающим историю Средней Азии, тем более он работал деканом исторического факультета МГУ. старейшего и крупнейшего в СССР высшего учебного заведения, одного из центров мировой науки. В своей речи он, кроме «Истории Казахской ССР», беспощадно критиковал «Историю Таджикистана», выпущенную в свет вслед за казахской, обвинив авторов этой книги в том, что они «не знают, что у таджиков и узбеков одни корни...». Но тут он попал впросак. В основе таджикского языка лежит персидский язык, а у узбеков — турецкий. Вероятно, профессор С. П. Толстов, как высмеяла его Анна Михайловна, делая свое чванливое заявление, снова показал, что он вовсе не знает истории этих народов,

так как запутался в двух соснах, объявляя их кровными братьями...

Еще в XIX веке в свет вышли многотомные и значительные труды по русской истории, и это позволило российским историкам встать на один уровень со своими коллегами из Европы. Но в 1940-х годах известная школа русских историков, как видим, сдала позиции... Кстати, такие мысли высказывает в редакционном пояснении к публикации «Писем А. М. Панкратовой» историк К). Ф. Иванов и фактически признает очевидную истину. (Это мнение разделяет и главный специалист Института новой истории России, профессор Найля Ермуханкызы Бекмаханова в беседе со мной, состоявшейся в августе 2007 года в Москве.) И на самом деле советские историки ко всем событиям подходили исключительно с классовых позиций, руководствуясь марксистско-ленинскими догмами, не учитывая национальных особенностей и интересов народов, а кто противоречил принятым установкам, тех безжалостно изгоняли из науки, и многие из них поплатились за это жизнью. Получается, что эти же историки не останавливались перед физическим уничтожением, а не НКВД.

Вполне допускаю, что такие маститые историки, как Яковлев и Тарле, признанные еще при царском режиме, были обеспокоены своей судьбой при сменившем его — советском. Именно поэтому они старались следовать в своей работе в русле новой идеологии, боясь навлечь на себя гнев властей. Они так старались, что в результате почувствовали себя мэтрами исторической науки. Но кос в чем просчитались и загнали себя и своих коллег в тупик.

Если бы Ермухан Бекмаханов хотел легко сделать карьеру, то не касался бы исторических событий, где много загадок и противоречий, а взял бы для исследования советский период и за два-три года стал

бы доктором исторических наук. А потом — членом-корреспондентом академии, через некоторое время — и действительным членом, и довольствовался бы спокойной жизнью, пожиная плоды своих достижений. Но природа одарила его такой энергией и трудолюбием, таким ясным и пытливым умом, что практичность, мещанская расчетливость, корыстолюбие просто не смогли развиться в его характере. Он всегда помнил завет Абая: наука не должна быть средством наживы, ею нельзя заниматься ради личной выгоды. И, не рассчитывая на лавры, он погрузился вглубь истории. А это был самый тяжелый путь. Зачастую приходилось шагать по бездорожью, иной раз через теории, трясины и завалы.

3

В Москве вдруг надумали обсудить «Историю Казахской ССР». Центральный комитет КП(б) Казахстана придавал этому вопросу должное значение, решено было отправить туда двух историков. Одним из них оказался Ермухан Бекмаханов. Но обсуждение не состоялось в назначенный срок, его затягивали, и оба казахстанца застряли в Москве на два месяца. (Причина волокиты уже известна читателям из письма А. М. Панкратовой в ЦК ВКП(б), которое мы приводили выше.) Но ведь любой случай можно обратить в пользу. Находясь в Москве, Ермухан не тратил время попусту: встретился с ведущими учеными из Института истории, обсудил с ними тему докторской диссертации. Молодому историку они посоветовали глубже раскрыть национально-освободительное движение Кенесары Касымова, взяв за основу имеющуюся свою разработку, обогатить ее дополнительными фактами, на конкретных примерах, используя статистику и экономические данные того

времени, показать, как царское правительство давило степной народ податями, как все невыносимее становились условия жизни...

«Лишившись плодородных земель и травостойных пастбищ, да еще безжалостно эксплуатируемый, трудовой люд волей-неволей взял в руки оружие и вынужден был выступить против колонизаторов — вот это вы должны доказать, молодой человек, — учила его Анна Михайловна Панкратова. — Тогда никто не станет утверждать, что это восстание было направлено против русского народа, Самовозвышение Кенесары Касымова отвечало древним традициям казахского народа: на протяжении многих веков им правили родовые бии, а в сражениях воинские подразделения возглавляли известные батыры: и нее они всегда и всюду преклоняли головы перед ханами — а они по степным обычаям избирались из чингизидов, каковым и являлся Кенесары... В памяти народа он остался как яркий выразитель народных чаяний, он в корне отличался от других султанов. Перед царскими чиновниками не лебезил и не гонялся, как другие султаны-чингизиды, за их подачками, чинами и чапанами. Он поднял народ на борьбу за национальную свободу и до своей гибели ни разу не отступил от высокой цели...»

Ермухан Бекмаханов побывал не только в Институте истории. Он хорошо знал, где в Москве искать архивные документы прошлого столетия — в старых фондах Министерства иностранных дел и бывшего Военного министерства царской России, к которым получил допуск. За два месяца он извлек оттуда немало ценных сведений и возвратился в Алма-Ату с полным портфелем копий доселе неизвестных материалов.

Итак» 1944 год он провел в тщательных поисках, конечно, совмещая это со своей постоянной работой лектора ЦК. Время было военное. Как лектор, как коммунист, он делал все для фронта, все для победы.

Его вклад в мобилизацию масс на ударный труд в годы войны оценили по достоинству в числе представителей передовой интеллигенции республики Ермухан Бекмаханов был удостоен ордена Красной Звезды.

И по-прежнему его тянуло к науке, к архивам, к пожелтевшим от времени бумагам, немым свидетелям отшумевших страстей и битв. В начале 1945 года он попросился в «Институт истории» археологии и этнографии, созданный в числе одиннадцати новых научно-исследовательских институтов при Казахском филиале АН СССР.

Перспективного кандидата исторических наук приняли охотно, сразу предоставили должность старшего научного сотрудника. Теперь у него появилась возможность ездить в другие города, работать с фондами различных архивов. В результате он накопил столько материала, что мог приступить к написанию монографии.

Через несколько месяцев плод его неутомимых поисков, долгих размышлений и бессонных ночей появился на свет. Это была рукопись в 800 страниц. Однако до завершения работы было еще далеко. Чувствуя себя, как выжатый лимон, он взял отпуск, прибыв в Дом отдыха в урочище Медеу, несколько дней напролет сим, потом засел за окончательную правку рукописи. Погрузившись в дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, он, подобно пушкинскому летописцу Пимену, забыл о времени и не заметил, как наступил 1946 год.

«В специальной исторической литературе не раз отмечалось почти паяное отсутствие сколько-нибудь крупных монографических исследований, посвященных разработке основных проблем истории Казахстана. Такие кардинальные вопросы, как развитие социально-экономических отношений и классовая структура

казахского общества, этногенезис казахов, проблемы классовой борьбы, крестьянских восстаний и национально-освободительных движений в Казахстане, равно, как и ряд других не менее важных вопросов, до сих пор не нашли своего должного освещения в специальных работах и остаются неразработанными», — писал Е. Бекмаханов в предисловии к своей книге «Казахстан в 20-40 годы XIX века». — Задача данной книги — хотя бы частично восполнить этот пробел. Над затронутыми здесь проблемами и по заданию Института истории, археологии и этнографии АН КазССР автор работал ряд лет, используя богатейшие книгохранилища и архивы Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Чкалова и Ташкента. Значительная часть книги основана на архивных материалах и фольклорных источниках, впервые включаемых в научный обиход, которыми автор стремился подкрепить свои выводы... Так, например, по вопросам истории автор главное внимание сосредоточил на разработке проблем социально-экономического строя казахов, классовой структуры и политики Казахского государства, истории взаимоотношений Казахстана с царской Россией и среднеазиатскими ханствами, наконец, на проблеме национально-освободительного движения в Казахстане на примере известного движения Кенесары Касымова.

Настоящая работа ты летел одной из первых попыток марксистского монографического исследования истории Казахстана в XIX веке. Как первая попытка она, понятно, не лишена недостатков. Товарищескую деловую критику этих недостатков автор примет с благодарностью».

* * *

В начале мая 1946 года Ермухан Бекмаханов с утра до позднего вечера просиживал в читальном зале республиканской библиотеки имени А. Навои в Ташкенте, просматривал подшивки газет. Ему повезло; он наткнулся на редкие сообщения неизвестных ему корреспондентов.

Уткнувшись в полосы столетних газет, он пробежал взглядом статью за статьей и быстро строчил ручкой. Писал по привычке на одной стороне тетради, чтобы можно было вставлять с другой новые данные в рукопись, не переписывая... Так историк корпел целую неделю. А в конце второй в глазах его все замельтешило, и вот, чтобы отвлечься, стал рассматривать посетителей. Читальный зал был полон. После войны люди еще сильнее потянулись к знаниям. Большинство составляли девушки. Это было тоже эхо прошедшей войны. Мужчины стали дефицитом, их без конкурса, с руками-ногами брали на учебу и на работу...

Ермухан обратил внимание на красивую девушку за соседним столом. Перед ней лежали толстая подшивка газет и довольно много книг. «Видимо, аспирантка?» — подумал ученый. Ей было около двадцати трех лет, может быть, чуть меньше. Ее близкое присутствие нарушило его покой, а девушка ни разу не повернула голову в его сторону.

«Кто же она такая, узбечка, казашка, татарка?» Нарочно кашлянул. Красавица и бровью не повела. Ермухан встал из-за стола и пошел к дежурному библиотекаря зала за давно заказанными газетными подшивками. Но их еще не принесли. Возвращаясь к столу, пристально посмотрел на соседку: глаза черные, как смородинки, брови и ресницы черные-пречерные и вразлет, тонкий, изящный нос и белое как мрамор, лицо с милovidными ямочками на щеках. Впечатление она производила неотразимое. «Бывают же такие создания природы... — изумлялся Ермухан, глядя на нее. —

Какому же джигиту ты достанешься, луноликая красавица?»

Теперь он сидел как на иголках. Нет-нет да поглядывал на нее. Искал повод для знакомства. И вот, кажется, она заметила его и чуть повернулась к нему лицом. Ермухан кивнул ей, как бы приветствуя. Щеки девушки стали пунцовыми, на приветствие не ответила. Это подзадорило джигита, он набросал пару строк: «Я встретил вас и все забыл сейчас. Как вас зовут, черноглазая?..» Девушка засмеялась и написала записку с шутливым ответом: «Лошадь моя, агатай, пасется в табуне, хотите поймать ее, ловите сами...» Ермухан обрадовался: она прекрасно знала аульные шутки, ее ответ был истинно казахским. В старину у казахов была такая почти фольклорная шутка-загадка на проверку догадливости и находчивости. В его вопросе и ее ответе содержалась игра слов: слово «атыныз», означает — «как вас зовут» и одновременно «где ваша лошадь?». Ат — лошадь, также и имя. Ее игривый ответ означал: вас поняла и приняла ваш вызов...

Закрыв тетрадь, Ермухан показал ей на дверь и вышел в коридор. Однако девушка не торопилась следовать за ним. То ли остерегалась незнакомого мужчины, то ли испытывала его терпение? Заставив его прождать четверть часа, она наконец появилась. Ермухан подошел к ней, представился, протянув обе руки, сказал, что он докторант, живет в Алма-Ате.

— Подруги меня зовут Галей, а от матери и отца мне досталось имя Халима, я — Халима Бекмухамедова. — смутившись, ответила девушка.

— Чем ты здесь занимаешься?

— Учусь на филологическом факультете Среднеазиатского университета, на отделении русского языка... Сейчас пишу дипломную работу. Я уже догадалась. что вы историк: увидела перед вами газету

«Туркестанские ведомости». Наверное, профессия историка более заманчива, чем профессия филолога. Конечно, намного интереснее, ведь вы заставляете говорить давно забытые письмена и поднимаете из небытия тени предков...

— Вы, Галя-Халима, воспринимаете мою профессию в слишком романтическом свете. Бывает, проходит много лет, прежде чем докопаешься до истины.

— По-моему, вы все усложняете. Судя по вашему возрасту, вы не с таким уж трудом достигли докторантуры...

— Вижу, красавица Галя, что ты казашка... — Ермухан перешел на «ты», взяв инициативу в свои руки, Расскажи мне о своих родителях. Я знаю, что в Ташкенте и его окрестностях живет большая казахская диаспора. Кто твои родители, давно ли вы здесь, откуда прибыли сюда?..

— Ох, это долгий разговор, — вздохнула девушка. — В библиотеке историю моих предков не расскажешь...

— А коротко?

— Я дочь учителя Адамбека, казаха с берегов Иртыша, родилась в городе Зайсане. Мама училась в Семипалатинской женской гимназии, сейчас она заведует заочным отделением пединститута имени Низами... А папа давно умер...

— Понятно... Вероятно, ты корпишь над дипломной работой? Смотрю, ты головы не поднимаешь от книг. Трудно?

— Нет, я бы не сказала, что трудно. Я пишу о смысле восточных слов в повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат». Пытаюсь через них показать национальную психологию героев.

— Ого! Если ты занимаешься творчеством Льва Николаевича Толстого, значит, ты необычная студентка. Видимо, руководитель твой очень мудр.

— Да, профессор Миртов — крупный лингвист, большой специалист в своем деле. Он написал замечательный учебник для изучающих русский язык. Алексей Васильевич очень требовательный педагог. Ему экзамен с кондачка не сдашь.

— Что ж, не буду тебе мешать заниматься. Но давай договоримся: вечером примерно часов в восемь, если разрешишь, я провожу тебя до дома...

— Я живу за Алайским базаром, вечером там ходить страшновато...

Девушка с вызовом посмотрела на джигита.

— Галочка, живи ты хоть на краю Ташкента, я провожу тебя до дома.

Халима ничего не ответила, улыбнулась и тут же ушла.

Халима Бекмухамедова, из воспоминаний «Вместе двадцать лет»:

«Ему было 30, но выглядел он моложе своих лет. Невысокого роста, стройный, с правильным овалом лица, с открытым взглядом умных карих глаз, окаймленных черными негустыми бровями, красивым носом, красиво очерченными губами, волевым, крепким подбородком, коротко стриженными волосами, высоким лбом. Все в нем было гармонично, и столько было в кем обаяния, симпатии, мужской красоты, что он не мог не нравиться женщинам. И даже мужчины это отмечали. Известный композитор Е. Г Брусиловский как-то мне сказал, что у Бекмаханова кинематографическая внешность.

Еще больше он привлек меня тем, как увлеченно изучал «Туркестанские сборники», рассказывая о своих архивных находках. Особенно он поразил меня на защите диссертации (не помню, кто защищался), где он блестяще выступил неофициальным оппонентом,

дискутировал с известным ученым-археологом М. Массоном.

В один из майских дней он назначил мне свидание. Я немного опоздала. По натуре Ермухан был пунктуален, порой нетерпелив. Не дождавшись меня, он направился в библиотеку. Но мы столкнулись по дороге. Выказав недовольство по поводу моего опоздания, Ермухан предложил пойти в театр на оперу «Фархад и Ширин» Меня поразило, каков оценивает пение и игру артистов, роль Фархади исполнял народный артист Узбекистана Карим Закиров отец и дед ныне известных артистов эстрады, а роль Ширин — народная артистка СССР Халима Насырова. В зале была душно, в антракте мы вышли на улицу подышать свежим воздухом. Неожиданно он достал из своей папки книгу и подарил ее мне. Это был только что вышедший роман Мухтара Ауэзова «Абай». И что очень интересно — он тихо напел мне мелодию песни Абая “Айттым солем, Каламкас» («Привет тебе, Каламкас»), сказав, что она очень популярна сейчас в Казахстане. Слова этой песни стали для нас символическими. Я выучила эту песню и с удовольствием исполняла ее, вспоминая тот вечер, когда впервые напел мне ее Ермухан. Символична была и надпись на книге: «На долгую память». Эта книга до сих пор хранится в нашей домашней библиотеке».

Случайная встреча в библиотеке оказалась судьбоносной, Халима и Ермухан стали встречаться в читальном зале библиотеки имени А. Навои. И однажды они, взявшись за руки, поздно вечером подошли к седому, находившемуся в так называемой Кашгарке.

***

Город Зайсан Восточно-Казахстанской области был заложен в 1860 году как крепость Российской империи на юго-востоке бывшей Семипалатинской области. Впервые я посетил его поздней осенью 1964 года, будучи корреспондентом республиканской газеты. Мое внимание тогда привлек добротный дом из красного жженого кирпича, отличавшийся от других неказистых построек. В таком медвежьем углу, каким тогда считался Зайсанский район, подобный лом был редкостью, он выделялся большими окнами, жестяной крышей, просторным двором с постройками, высокими воротами, через которые мог пройти навьюченный верблюд. Все говорило о том, что хозяин этого дома был не простым человеком. Такие же крепко построенные с хозяйской рачительностью жилые дома мне приходилось видеть в Семее, и у меня сложилось представление, что они служили своим хозяевам и жильем, и постоянным двором для гостей, приезжавших издалека по торговым делам. И этот дом, который я выделил из всех серых строений тогдашнего районного центра, отличался своеобразной архитектурой, высотой и размахом. Когда я стал расспрашивать местных аксакалов о бывшем хозяине этого дома, они отвечали: «О, это дом купца Бупке из рода наймам. В свое время он развернул большую торговлю между Семеем и Зайсаном, кажется, удостоился звания купца 2-й гильдии...» (Недавно в этом доме, как я узнал, открылось Заисанское отделение областного краеведческого музея.) Однако мои дальнейшие расспросы о Булке ничего не дали. Узнал только, что русские компаньоны переименовали его имя на свой лад и стали звать Бобкиным...

Примечательно, что в начале XXI века я два раза случайно столкнулся с упоминанием о владельце этого дома.

Родной сын Какитая Искакова, первого издателя стихов Абая в Санкт-Петербурге в 1909 году, он же внук Кунанбая, Архам Искаков в своей биографической книге воспоминаний на 220-й странице («Преданность великому Абаю», Семей, 2002 г., «Галам-Шар», издатель Милаш Архамкызы) между строк отмечает: «В Семей меня взял сам Абай-ага. Остановились в доме Наути. Оказывается, Наути — кара кондыбай^[47], имеет деревянный дом из трех комнат, одну из них он всегда держит для Абая, Его жена Токбала, из рода жуантаяк^[48], его младший брат Карим занимается мелкой торговлей на базаре, он женат на Батиме, сестре известного торговца с Зайсана — Бидахмета Булкина, очень бойкой женщине...»

В другой раз упоминание об этом же Бобкине, Бупкине или Бупке я уже неслучайно обнаружил на четвертой страничке книжки воспоминаний Халимы Адамбеккызы «Вместе двадцать лет»: «Моя мама Ермухану рассказывала, как мы попали в Узбекистан: бежали от преследования. Дочь зайсанского купца Боткина Пидахмета (в воспоминаниях так. — М. С.), она же жена алашординца Бекмухамедова Адамбека, вынуждена была уехать из Семей после смерти мужа... и укрыться с дочерью Халимой в далеком Ташкенте...» (Халима-апай объяснила мне, что она по совету своей матери изменила отчество и вместо «Халима Адамбековна» стала писать «Халима Адамовна», чтобы скрыть от карательных органов свое происхождение), а фамилия дедушки в действительности была Бидахмет Бабикенов...

Река Иртыш делит Семипалатинск на две части, казахи в недавнем прошлом в большинстве своем жили на левом берегу, в так называемом Жана-Семее, где у купца Бидахмета был еще один дом. В Жана-Семее,

который в 1917–1919 годах называли Апашем, в самом центре находилась большая базарная площадь. Вокруг нее размещались магазины и торговые лавки, меновой двор, куда пригоняли на пролажу тысячи коней, верблюдов и овец. Оказывается, одним из владельцев тех магазинов был Бидахмет. Этот оборотистый человек поставлял товары из Центральной России, в основном мануфактуру. По словам старых семейцев, в его магазине наряду с различными дорогими тканями на полках лежали и дешевые, которые могли себе позволить бедняки...

В свое время Бидахмет Бабикинов часто ездил на все близлежащие ярмарки: в Омск, Барнаул, Новониколаевск (Новосибирск), пускался в вояжи и подальше, к самому полярному Круиу, и Тюмень и Ирбит, наведывался в Москву. Говорят, был добрым компаньоном известного русского капиталиста, крупного фабриканта Саввы Морозова, брал у него большими партиями мануфактуру. Со своими ходовыми товарами в 1910 году он будто бы достиг нижнего течения Едиля, где зимой и летом в Нижнем Новгороде кипела разноязыкая международная ярмарка. В те далекие края он доставлял с Алтая драгоценные соболиные меха, по сто и даже по тысяче шкурок. Торговал он широко и богатства достиг благодаря своей неутомимости, энергии, сметливости и здравому уму. По происхождению же своему он был из самых низов казахской бедноты...

У Бидахмета Бабикинулы от старшей жены Халимы было две дочери: Бибиайша (называли Айша), вторая — Бибихадиша (Хадиша). Бидахмет очень баловал своих красавиц-дочерей и, как человек деловой, приобщал их к грамоте, учил в медресе, после окончания которого обеих послал в женскую гимназию Семей, находившуюся в правобережной части города. Он

также приучал их к торговому ремеслу: они вели учет отцовской торговли; свою старшую, смышленную с детства Айшу постоянно брал с собой в Сибирь» Москву, даже в Нижний Новгород... Когда Айша училась в последнем классе гимназии, она уже была красивой, не по годам развитой девушкой, разговаривала и писала на трех языках и стала завидной партией для городских женихов (очевидно, сказывалось и огромное состояние ее отца). В общем, просить се руки желающих хватало.

В конце XIX века на берегу Черного Иртыша в большом поселении казахов жил религиозный человек по имени Бекмухамед кажи Сатыбалдыулы, неплохо знавший мусульманскую грамоту и ставший в ауле служителем культа. Примерно в 1880 году он поступил в Ташкентское медресе, где целых семь лет изучал философию, арабскую письменность и язык, религиозные каноны (шариат) по трактатам средневековых мусульманских мудрецов. Вернувшись на родину, в своем зимовье, в местечке Кабыргатал, он открыл школу совершенно нового образца, где обучал грамоте детей со всей волости и по-мусульмански, и по-русски. В этой школе учились и сыновья самого кажи Бекмухамеда. Старшего звали Адамбеком, ему было восемь лет (родился в 1896 году). В 1904-1906 годах в этой школе преподавал после окончания учительской семинарии в Омске будущий известный алашординский деятель Миржакып Дулагов. После окончания новой школы, организованной отцом, Адамбек Бекмухамедулы отправился в Семей, поступил в учительскую семинарию. Через четыре года успешной учебы он сам стал учителем в одной из городских школ.

Осенью 1916 года Айша Бидахметкызы по своей воле и по любви вышла замуж за семинариста Адамбека Бекмухамедова.

Купец Бидахмет с позволения своей байбише (кроме двух дочерей у Халимы других детей не было, после длительной болезни в возрасте сорока двух лет она умерла) женился на девушке Гулсум, которая была намного его моложе. Гулсум родила ему восьмерых детей. Из десяти детей Бидахмета Бабикенулы в настоящее время в живых осталось двое. В 2009 году Гайния достигла 87-летнего возраста, а Фатима 70-летия. У всех детей есть многочисленные потомки...

Создание очага Айши Бидахметкызы и Адамбека Бекмухамедова пришлось на беспокойное время, и это легло тяжелым бременем на молодоженов. Жизнь, как говорится, была в полоску: было веселье, были и слезы, были радости и были горести. Чего было больше — не разобрать, такие на их долю выпали испытания: за Первой мировой войной, длившейся несколько лет, грянул Февральский переворот 1917 года, а за ним разразилась новая гроза — Октябрьская революция; Российскую империю охватила Гражданская война... И кто бы в ней ни побеждал — простым людям не становилось легче. Белые придут — грабят, красные придут — грабят. События этих лет втянули в свой водоворот и старого Бидахмета Бабикенулы. Причиной этого стало приобщение к политике его образованного зятя, который не захотел стоять в стороне от общественных дел по примеру своих сверстников. Словом, в 1917 году Адамбек Бекмухамедов включился в национальное движение, которое развернулось в Семипалатинском областном центре. Кстати, здесь и обосновалось правительство «Алаш-Орды». Дошедшие до нас скудные сведения таковы: Адамбек стал военным советником в одном из двух кавалерийских полков Алаша, размещенных в этом городе. Наверное, под влиянием зятя, а может быть, сыграли роль

националистические чувства — купец Бидахмет безвозмездно подарил одному из полков казахской кавалерии несколько сот лошадей... Что удивительно: по этому поводу людская память донесла до нас четыре строки стихов, посвященных меценату, старому купцу, не пожалевшему своих табунов для вооружения первого казахского ополчения.

*Лучших скакунов отдал джигитам наш Бупке,
Превзошел всех богачей, посадив их на коней.
Караваны с его товарами идут от берегов
Иртыша до Едиля,
Тысяча верблюдиц-тайлаков^[49] — его прибыль
за год...*

Политическая активность Адамбека Бекмухамедова в конце концов обернулась для него бедой. Отразилась она и на тесте Бидахмете. Адамбек, а за ним и старый Бидахмет оказались в тюрьме. Их обоих обвиняли в ревностном служении алашординцам: факт-то налицо — один был офицером алашского полка, другой снабдил его воинов отборными конями... Для молодой семьи настали черные дни. В период с 1922 по 1928 год Айша Бидахметкызы родила четверых детей; Халима, названная так в честь умершей бабушки, родилась в 1925 году; остальные все трое умерли в младенческом возрасте. За это время бедный Адамбек Бекмухамедов попадал в заточение четыре раза и лишь по несколько месяцев находился на свободе в перерывах между арестами и отсидками. В последний раз, говорят, он пришел домой в 1930 году, но уже тяжело больным. И в том же году он скончался, ему исполнилось лишь 34 года...

Вслед за ним напасти и немилости советской власти обрушились на старую голову Бидахмета. Весь его скот,

имущество, магазины, оба дома со складами товаров были конфискованы в пользу государства. Сам он едва унес ноги и скрылся в Сибири, даже отсиживался в Монголии, посоветовав младшей жене и взрослым дочерям Айше и Хадише после смерти зятя перебраться на юг Казахстана, и велел им: «В Алма-Ате не задерживаться, пустив слух, что решили жить в его пригороде, а самим ехать в Ташкент...»

Халима (в то время ей было только шесть лет) хорошо запомнила свой переезд в далекий край. Она рассказывала: «Перед отъездом Гулсум-апа надела старый чапан, весь в заплатках. До сих пор я вспоминаю свою бабушку в этом старом, поношенном чапапе. Даже заходя в дом, она никогда не снимала этот чапан, а на ночь подстилала его под себя. Почему она так делала — я не знала, но потом поняла, когда повзрослела. Оказывается, чапан-то был с секретом...»

Позднее Халима Адамбеккызы поведала еще одну историю, описывая печальное путешествие из Семей в конце 1930 года: «Все сделали так, как наказывал дедушка Бидахмет. Несколько суток промучились в дороге, исхудали, проголодались, но все-таки кое-как добрались до Ташкента... Оставив Гулсум-апа с малолетними детьми на вокзале, и меня с ними, мама с сестрой Хадишой ушли неизвестно куда. Только за полночь мы очутились в трехкомнатном уютном доме. Хозяева оказались радушными людьми, предоставив нам одну комнату... Позднее, когда я стала взрослее, узнала от матери, что нас в тот раз приютил известный государственный деятель Темирбек Жургенов, он в то время проживал в Ташкенте, моя мама, оказывается, хорошо знала его жену Дамеш. Однажды в Ташкент заявился и Бидахмет-ата. Встретив своих домочадцев в добром здравии, он с ходу спросил Гулсум-апу: «Где твой чапан?» Этот несуразный вопрос маленькая Халима хорошо запомнила, потому что тетушка Хадиша

и мать Айша эту бесцеремонную выходку отца позднее часто вспоминали с улыбкой. Гулсум-апа насмешливо ответила мужу: «Где ему быть, вот днем и ночью на нем и сижу, видишь, как сторожу эту дрянь!»

Халима уже была студенткой, когда ей раскрыли тайну старого чапана в сорока заплатках: оказывается, под каждой заплаткой чапана были защиты монеты-никалаевки, отчеканенные из чистого золота... Дедушка Бидахмет пустил их в дело, арендовал на них приличный домик с садом в центральной части Ташкента. В целом его семья, состоявшая вместе с ним из восьми душ, особо не страдала от нужды. Айша и Хадиша, владевшие русским языком и грамотой, сразу же нашли себе хорошо оплачиваемую работу: Айша Бекмухамедова стала работать помощником директора Института ирригации, позднее она перешла на должность начальника канцелярии в пединститут имени Низами, с начала войны в этом же учебном заведении она руководила заочным отделением; а Хадиша Бабикинова преподавала в фабрично-заводском училище.

С давних пор Ташкент считался хлебным городом, поэтому домочадцы Бидахмета жили здесь в достатке. Единственная наследница Бекмухамеда — маленькая Халима была любимицей всех его потомков, ее с детских лет считали надеждой этого очага. Резвая, быстрая, с двумя разлетающимися на бегу косичками, она росла баловницей, бойкой и смышленной. В восемь лет пошла в школу, среди сверстников была всегда первой, каждый класс заканчивала с хорошими оценками. Ростом была не маленькая, лицом пригожей, вылитая мать Айша. «С каждым днем наша Галятай хорошеет, эта девчонка по красоте могла превзойти свою мать, только бы Великодушный Аллах дал ей удачу!..» — приговаривала тетя Хадиша.

Однако закон подлости настиг беднягу Бидахмета, возраст которого уже приближался к восьмому десятку. Репрессии 1937 года не пощадили и уже плохо слышавшего Бабикунова. И здесь нашлись гнусные люди, которые донесли о его «преступлении», о том, что он когда-то снабжал полк Алаша верховыми лошадьми. Конечно, сделали это не узбеки-соседи, а кто-то из своих аульчан, перебравшихся в голодные годы в эти края из Зайсапа. Бидахмет, очевидно, понял, что теперь ему коней, и когда за ним пришли сотрудники ГПУ, прощаясь с родными, сказал: «Дети мои, я испытал сполна и удовольствия, и горести земной жизни, главное для меня, чтобы вы были живы-здоровы? А меня уж больше не ждите!..» Где он похоронен, когда умер — неизвестно.

* * *

— Услышан бесхитростную историю Айши-ханум, Ермухан будто вместе с ней пережил злую годину. Видимо, под впечатлением этого он без утайки рассказал и о трагедии своих близких. Родные сестры были тронуты печальным рассказом гостя. на сердце которого еще не зарубцевались раны.

— Апыр-ай, пережитое тобою гораздо тяжелее нашего. Благодаря деловым качествам нашего отца и матери мы трудности тридцатых годов пережили с меньшими потерями... А ты остался совсем один... — качали они головами.

Наверное, схожесть судеб, возникшее взаимное доверие расположили Айшу Бидахметкызы к предельной откровенности. и она поделилась тем, что камнем лежало на сердце.

— Ермухан, свет мой, мы во сне видим свои родные места, наш Казахстан. Только и мечтаем вернуться на

родину, хотя вроде грех нам роптать на Аллаха. Здесь, в Ташкенте, мы неплохо устроились... Я говорю не только по-русски, но и по-узбекски, уйгурски, татарски и писать на этих языках тоже умею. Старинные арабские книги читаю без труда. Родной казахский язык, несмотря на то, что уже шестнадцать лет на чужбине, слава Всевышнему, не забыла. Недавно я принимала активное участие в составлении большого «Словаря казахского, уйгурского и русского языков». Так что здесь я пока ценный работник? И еще у нас с моей сестрой Хадишой есть давнее желание — выдать замуж нашу Халимаш за хорошего человека, достойного казаха! Большого мы не желаем... — Когда хозяйка дома испытывающе посмотрела на него, Ермухан не знал, куда деваться.

Аиша-ханум, кажется, сердцем почуяла, что гость что-то скрывает, потому так внезапно смутился...

— Я вам раскрою один наш семейный секрет. — сказала она. — За моей Галятай ухаживали многие узбекские джигиты, среди них были и подающие надежды молодые ученые... Но я никого из них близко не подпускаю к дочери, я ей постоянно твержу; что она должна выйти замуж только за казаха, за своего соотечественника, с детства вбиваю это в ее голову... И вот заметила, что моя ненаглядная две недели ходит сама не своя, какой-то огонь ее сжигает, даже к дипломной работе охладела. Вижу, Всевышний одарил тебя и умом, и статью, и приятной, располагающей к себе внешностью. Словом, дорогой мой, ты увлек мою дочь. А что ты что-то недоговариваешь, я догадываюсь... Только запомни, она — еще не раскрывшийся цветок, единственная моя дочь и надежда, только недавно достигла двадцати одного года. Играть с ней, чтобы потешиться и бросить, я не позволю?..

Застигнутый врасплох джигит виновато посмотрел на обеих женщин, которые не отрывали глаз от него. После непродолжительной паузы откровенно сказал:

— Честно сознаюсь вам, мать, как только я увидел вашу Халимашку, так внутри у меня как будто что-то оборвалось. Сейчас я нахожусь в каком-то тревожном состоянии и не могу сказать ничего определенного... Примерно через месяц я еду в Москву защищать докторскую диссертацию и пригласил с собой вашу дочь. Я почему-то уверен, что если она будет сидеть в зале заседания, то на трибуне я буду выступать смелее... Мои помыслы, также и чувства к вашей дочери — чисты, что я могу еще добавить? Если защита пройдет благополучно, тогда вместе окончательно решим, как нам поступить... — произнес Ермухан.

— Хорошо, джигит, мы поняли тебя.

— Отпустите Галю в Москву? Дорожные расходы, проживание — все это беру на себя, — Ермухан преодолел робость и скованность.

— Пусть сначала она защитит свой диплом. Тогда и решим... — ответила мать.

Халима Бекмухамедова, из книги воспоминаний «Вместе двадцать лет»:

«Прошли весенние майские дни, наступил час расставания. Помню, как рано утром мы с Елтоком Дильмухамедовым проводили Ермухана в Алма-Ату. Елток Дильмухамедов, историк, жил в Ташкенте, потом переехал в Алма-Ату. Елток и Ермухан дружили долгие годы как коллеги, единомышленники. Я осталась одна со своей мечтой — поехать в Москву, быть с ним вместе, видеть его каждый день. В июне я защитила дипломную работу и жила только одной мыслью о встрече с Ермуханом. Каждый день бегала на почту, ждала писем, но он присылал только телеграммы. Наконец, пришла телеграмма, где он сообщал, что выехал в Москву и

будет ждать моего приезда. После войны трудно было с билетами на поезду но моя энергичная мама достала билет, снабдила меня гостинцами.

...Как он ждал этой минуты, когда мы останемся одни, в уединении. 1 августа 1946 года в уютном одноместном номере гостиницы «Москва» соединились наши сердца. Он был так искренен, обещал, что никогда не оставит меня, что мы всегда будем вместе. В гостинице нельзя было оставаться на ночь, но иногда он хитрил, сдавал дежурному по этажу ключи от номера, делал вид, что куда-то отлучается, и возвращался один, а я мышкой сидела в номере и ждала его прихода. Он не хотел отпускать меня, утром вместе завтракали, днем ходили обедать в столовую (после войны ученым давали талоны на обед, мы обедали через день, так как талоны были только для Ермухана), вечером опять вместе ужинали, а потом я уходила к подруге ночевать и утром опять возвращалась. Ермухан был очень занят в Академии наук, вносил отдельные поправки в работу и относил на перепечатку машинистке. Я старательно нумеровала страницы диссертации. Он, смеясь, упрекал: «Ты целый день только нумеруешь страницы! А каково было мне написать восемьсот страниц диссертации?!»

Иногда мы ходили в театр, на концерты столичных артистов. Ермухан очень любил искусство. Любил отдыхать на природе. Ему нравились парк Горького, Сокольники. Памятен мне день, когда в Измайловском парке мы гуляли по тенистым дорожкам, любовались озером, отдыхали на зеленых лужайках, сидя на пенечках, обедали на лоне природы, Я давно ждала откровенного разговора о его семье, о супруге. И вот здесь он рассказал, как он женился, какие отношения у него с женой. После долгого, тяжелого, откровенного разговора-признания я поняла, что его семейные отношения очень сложные...

Я верила ему: он был открытым, искренним человеком.

Вернемся к сентябрю 1946 года. Мы поехали в Ленинград ко второму оппоненту — профессору Михаилу Порфирьевичу Вяткину. В Ленинграде нас поселили в гостинице в одной комнате, не обратив внимания на штампы о регистрации брака а паспортах. Увидев, что фамилии наши похожи — Бекмаханов и Бекмухамедова — и внешне мы похожи друг на друга, решили, что мы — муж и жена.

...Ермухан был занят своими делами, часто ездил к Михаилу Порфирьевичу, ходил в библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, перепечатывал какие-то бумаги, В свободное от работы время мы шли в Эрмитаж, Русский музей, Дом-музей А. С. Пушкина на Мойке. Иногда Ермухан ходил в букинистические магазины (их было очень много на Невском проспекте) и часами рылся в книгах. Там он нашел сочинения Ч. Валиханова под редакцией И. И. Веселовского, изданные в Санкт-Петербурге в 1904 году. Несмотря на ограниченность в деньгах, он купил 29-томную «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Когда он копался в книгах, я терпеливо сидела и ждала его, читая что-либо...»

3

Настал день подведения итогов шестилетнего беспросветного, адского труда, бесконечных поисков и хлопот. Соискатель докторской степени предстал перед судом знатоков.

14 октября 1946 года в большом зале старого здания Института истории собрались московские и ленинградские историки, чтобы оценить по достоинству научную работу 31-летнего коллеги, прибывшего из

далекого Казахстана. В переднем ряду сидели члены ученого совета института. Председательствовал академик Б. Д. Греков. В списке членов совета значились авторы крупных научных трудов, академики: А. М. Панкратова, Н. М. Дружинин, М. В. Нечкина, профессор М. П. Вяткин и другие, всего 15 человек. Все известные в то время историки первой величины.

В зале, вероятно, специально собрались, чтобы поддержать своего молодого земляка, и представители казахской интеллигенции. Среди них: известный биолог Карим Мынбаев, впервые в мире обосновавший техническую пригодность таусагыза, растущего в Каратауских горах, для получения каучука; химик Ерден Азербает, о котором шла молва, что он занимался каким-то секретным производством^[50]; Герой Советского Союза, ученый-литератор Малик Габдуллин. О чем-то оживленно беседовал с А. М. Панкратовой солидный мужчина богатырского телосложения, прославленный воин-панфиловец, легендарный командир полка, стоявший насмерть на Волоколамском шоссе на пути немецких захватчиков, рвавшихся к Москве, — Бауржан Момышулы. Пришло немало сочувствующих докторанту сотрудников из представительства Казахстана в Москве. Отрадно, что не осталась в стороне от события и студенческая казахская молодежь. Кажется, пришли все, кто узнал о защите диссертации. Наверное, всем хотелось быть свидетелями восхождения звезды, первого казахского доктора исторических наук. Ведь такое событие происходило впервые...

Председатель совета, объявив открытым заседание, назвал фамилию автора диссертации и ее тему и пригласил Ермухана Бскамаханова на трибуну.

— Важная проблема истории Казахстана — это начальный период прошлого века, когда из-за резкого

ухудшения социально-экономического положения в начале XIX века недовольные народные массы поднялись против колонизаторов. Исследователи эти выступления кочевого народа против власти объясняли по-разному, не очень подкрепляя свои рассуждения достаточными фактами, именно по этой причине события этого периода до сих пор оставались непонятыми, — начал соискатель. — В предлагаемой вашему вниманию диссертации, должен предупредить моих оппонентов, я подошел к этому вопросу с непривычной позиции. По она не нова для меня и для знатоков, более-менее знакомых с этим периодом казахской истории. Дело в том, что когда я писал четырнадцатую главу «Истории Казахской ССР», то предложил свою концепцию, она была тогда принята редколлегией единогласно. После этого я углубил и расширил свой труд, увеличив его объем как минимум в пять раз. Словом, я снова вернулся к этой теме, чтобы закончить историю этого периода...

Ермухан, сделав паузу, окинул взглядом передний ряд и заметил, что в зале что-то произошло: в настежь раскрытую боковую двустворчатую дверь в зал входил высокий, импозантный мужчина, в глаза бросались — большой, открытый лоб, волнистые волосы, тронутые серебром седины. Его невозможно было не узнать — это был Каныш Имантайулы Сатпаев...

Председатель ученого совета искоса посмотрел на докторанта, давая ему знак чуть повременить, и поднялся с места.

— Товарищи, в сегодняшнем нашем заседании принимает участие президент Академии наук Казахской ССР, выдающийся геолог; лауреат Сталинской премии, академик Каныш Имантаевич Сатпаев, оказавший нам, ученым-историкам, эвакуированным в годы войны в Казахстан, поистине братское гостеприимство, —

сказал Греков. — Разрешите пригласить Каныша Имантаевича в президиум.

Присутствующие в зале аплодисментами приветствовали знатного гостя.

Сатпаев скромно поклонился залу: «Простите, но я же пришел в качестве слушателя...» — и, не чинясь, сел на свободное место рядом с А. М. Панкратовой.

Борис Дмитриевич повернулся в сторону трибуны:
— Товарищ Бекмаханов, продолжайте доклад!

Голос соискателя окреп, это сразу почувствовали в зале. И все прониклись вниманием к его уверенной речи. При появлении Каныша-ага, гордости всего казахского народа, сердце Ермухана радостно забилося. «Да, будет мне удача! Не зря ведь пришел почтенный Канеке. Теперь мне нечего волноваться...» — подумал Ермухан и стал звонко и четко чеканить каждую фразу.

— ...Что стало причиной начала движения Кенесары Касымова, что побудило выступить народные массы, после чего вес забурлило в степях Сары-Арки, какова была расстановка противоборствующих сил и каким образом завершилось влившееся долгие годы противостояние — эти вопросы постоянно волновали наших соотечественников, которые жили в середине XIX века в тех местах, где разворачивались основные события, притом это были люди, имевшие непосредственное отношение к восстанию. На эти же вопросы пытались найти ответы исследователи в течение двадцати-тридцати лет после усмирения Степи. В результате всего этого мы имеем множество письменных свидетельств. Среди них есть записи воспоминаний участников событий 1837-1847 годов, есть отчеты и тех, кто имел к ним касательство по долгу службы, царских чиновников, вдобавок ко всему в целости сохранились официальные сводки военных губернаторов Западно-Сибирской и Оренбургской областей, письма, ответы пленных, задержанных

боевыми отрядами и выданных служащим Пограничной комиссии, донесения степной знати, султанов, выступавших против движения Кенесары. Словом, огромное количество материалов полностью раскрывает, кто кого поддерживал, какие волости, округа переходили в подчинение Кенесары или же выступали против. Более того, они свидетельствуют о том, какие были силы у предводителя восстания и в каких местах необъятной Сары-Арки кочевали сочувствующие ему аулы, подробно описаны все сражения, вплоть до перемещения восставших и русских отрядов. Этих материалов так много, притом часто один материал взаимоисключает другой, порою не знаешь — кому верить. Напомним еще об одной отличительной особенности официальных донесений: во всех материалах имена самого Кенесары и его последователей сопровождаются оскорбительными словами, грубыми кличками: «вооруженный грабитель», «разбойник», «потрошитель с большой дороги», «барымтач» и еще множеством других злобных, унижающих человеческое и национальное достоинство выражений. Странно читать такие выпады в записях, которые были оставлены нам и после 1860 года. Мне лично не по нутру такие характеристики восставших, которые давали им исследователи, досконально изучавшие Казахскую степь и в более поздние годы. И те также в своих материалах не очень проявляли учтивость, когда писали о «поднаторевшем в хитростях, мятежном султানে», «степном волке», не очень церемонясь в прозвищах. Разумеется, не все так делали... Однако необходимо признать, сколько бы ни говорили, сколько бы ни писали отрицательного о Кенесары, сколько бы грязи и мусора ни выливали на его голову, все же из донесений и записок-отчетов явствует, что царским отрядам противостоял серьезный противник, а не мелкий конокрад, действовавший под

покровом ночи. Достаточно сказать, что в иные годы под предводительством Кенесары Касымова находилось до двадцати тысяч всадников, а число аулов, поддерживавших его, доходило до двух тысяч. Надежны были и его батыры — соратники, которые в течение десяти лет преданно следовали за ним. Поэтому в предлагаемой вашему вниманию работе делается попытка, критически оценивая противоречивые сведения, дать объективную картину движения...

Докторант уловил настроение зала, некоторое оживление присутствующих, вызванное его решительным намерением опрокинуть прежние, шовинистические взгляды на события, происходившие сто лет тому назад, и еще больше увлекся, почти забыв о регламенте...

— Отмечу еще такое явление: чем дальше от нас уходит время движения Кенесары, тем сильнее меняется отношение к нему исследователей. В этой связи можно выделить два важных момента: если полагаться на социологические исследования некоторых современных авторов, восстание Кенесары с самого начала и до конца было реакционным. Главным аргументом здесь служит то, что его предводителем был феодал, причем он ставил перед собой цель восстановить ханскую власть... Однако с точки зрения национально-буржуазных авторов начала XX века Кенесары — истинный революционер-демократ, настоящий народный батыр... До выхода в свет «Истории Казахстана» в среде историков, литераторов-исследователей и в писательских кругах республики движение Кенесары Касымова воспринималось большей частью как прогрессивное, национально-освободительное, и этим объяснялось то, что его поддержало почти все население Степи. С одной стороны, такое единое мнение закрепилось, потому что

все батыры, иначе говоря, тысячники, стоявшие во главе боевых отрядов, были выходцами из народа... С другой стороны, на такое восприятие движения огромное влияние оказали сохранившиеся в памяти народа многочисленные легенды-сказания, дастаны и поэмы о самом Кенесары и его младшем брате Наурызбае, старшей сестре Бопай-ханши. Эту концепцию всецело поддержали казахе ганские историки С. Федоров и Н. Тимофеев, специально исследовавшие историю этого восстания по заданию партийных органов республики. Их статья была опубликована на страницах казахстанской печати. Такой же вывод сделали в 1940–1941 годах С. Брайнин, М. Стеблин-Каменская. Видные историки Москвы и Ленинграда — А. М. Панкратова, М. П. Вяткин и другие в своих трудах, посвященных юбилею Амангельды Имамова, отметили, что именно он, внук широкоизвестного батыра Имана, правой руки Кенесары, через 70 лет, в 1916 году, как бы придал второе дыхание народному движению против царских колонизаторов, начатому Кенесары. В сборнике, изданном к двадцатилетнему юбилею образования Казахстана (главный редактор издания — секретарь ЦК КП(б) Казахстана Ж. Ш. Шаяхметов), Кенесары Касымов назван народным героем. Хочу особо отметить, что я отнюдь не претендую на приоритет первооткрывателя, своего рода пионера в исследовании движения Кенесары. В своей диссертации я опирался на труды уже названных мною и других историков. Я не первый и, надеюсь, буду не последним исследователем исторической борьбы казахского народа за свою свободу. Прослеживая славный путь Кенесары, мне пришлось немало лет поработать в российских, казахстанских и среднеазиатских архивах. Извлеченные из забвения архивные материалы позволили мне зримо представить то, что, кажется, навсегда кануло в Лету.

Между прочим, в архивах до сих пор нетронутыми лежат целые кипы литературных и эпистолярных записей об этом движении. Очень мною разносторонних сведений о личности Кенесары и ею близких, произведений устного народного творчества, записанных из уст акынов, сказителей. Часть из них я использовал в предлагаемой вам работе. Это исторические дастаны, поэмы и плачи по батырам. Словом, все, что мне удалось найти в архивах, проанализировать, научно обосновать, я привожу в виде отрывков в настоящей диссертации. Насколько они правильно выбраны и к месту ли использованы — не мне судить...

Настал черед официальных оппонентов. Их было трое: Н. М. Дружинин известный российский историк, М. П. Вяткин — автор ряда трудов по истории Казахстана и директор Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, доктор юридических наук С. В. Юшков. Все трое говорили об актуальности и своеобразии обсуждаемой научной работы, отмечали глубину анализа социально-экономических отношений в Степи в первой половине XIX века, не обходя и некоторые недостатки отдельных глав диссертации.

— Мне очень понравилось то, что тов. Бекмаханов привел все свои материалы в ясную, стройную систему. Он действительно является хозяином положения. Он руководит этими материалами, идет за фактами и обобщает их, но, обобщая, не становится пленником этих фактов. — подчеркнул академик Н. М. Дружинин. — Бесспорно, это отличительное достоинство диссертации.

Вслед за ним как официальный оппонент выступил Серафим Владимирович Юшков. В своей краткой речи» проявляя присущий ему такт, он не стал в присутствии именитых ученых Москвы и казахстанцев, всей душой болевших за диссертанта, приводить мелочную

критику; а чтобы угодить им, ограничился благожелательным отзывом о диссертации:

— О восстании Кенесары Касымова автор написал ярко, вдохновенно, собранные им в большом количестве материалы убедительны и достоверны. Вряд ли в ближайшее время появится на свет такой великолепный и значительный труд, как этот...

Одобрительные слова С. В. Юшкова слушатели встретили аплодисментами.

Мнения всех трех оппонентов были едины: докторская диссертация выполнена блестяще. Были и другие выступающие. Они тоже дали обсуждаемой работе высокую оценку; Соискателю было задано множество вопросов. Ермухан на все отвечал спокойно, обстоятельно, со знанием дела. Но когда диссертанту задавали и каверзные вопросы, иногда он терял самообладание, горячился, забывая о своем положении экзаменуемого, давал веские, но порой резкие и колкие ответы. В общем, диссертацию он защищал, как свою крепость, и, конечно, проявил необходимую компетентность и стойкость. Присутствовавшие в зале убедились, что он отлично чувствует себя в лабиринтах истории...

И вот, наконец, члены ученого совета удалились в другой кабинет, чтобы тайным голосованием выразить свое мнение. А публика не расходилась, многие остались в зале, некоторые, волнуясь, прохаживались в вестибюле. Порядочно утомив болельщиков, члены ученого совета вернулись на свои места. Через несколько минут секретарь совета объявил итоги голосования: при полном составе ученого совета 14 его членов высказались за присвоение Е. Бекмаханову докторской степени, только один был против. Таким образом, долгие голы, проведенные в трудных поисках и мытарствах, увенчались успехом — молодому

исследователю была оказана высокая честь — его признали доктором исторических наук...

Бауржан Момышулы, из воспоминаний «Подвиг»:

«...Я был приглашен на это заседание Анной Михайловной (...) Пришел, сел рядом с ней, слушаю. Передо мной совсем молодой казах, красавец на вид, нисколько не комплексует, что он такой молодой, выступает с такой весьма ответственной трибуны перед маститыми московскими учеными. Первый раз я на таком заседании. Но мне понравились и сам диссертант, и особенно его отвага и содержательная речь. Видно было, что он не дилетант.

— Это и есть Ермухан Бекмаханов, о котором я вам говорила. Все идет нормально, но, как видите, он немного волнуется, — шепнула мне на ухо Анна Михайловна.

— По-моему, Анна Михайловна, больше его волнуетесь вы сами, — заметил я, а она, слегка тронув меня за локоть, согласно улыбнулась...

— Очень хорошо защитился. В этом единодушны и оппоненты, и все выступающие, — сказал Карим Мынбаев. — Он далеко пойдет, еще помянете мои слова».

Спустя некоторое время участники заседания собрались за скромным дастарханом в отдельном кабинете Института истории. Присутствовавший здесь президент АН Казахской ССР, делясь своими впечатлениями, выразил общее мнение всех присутствующих.

— Дорогие товарищи, сегодня мы являемся свидетелями исключительного по важности события. Академия наук Казахстана еще очень молода, ей не исполнился даже год, она сейчас похожа на младенца в пеленках, С кадрами у нас весьма значительный

пробел, В Институте истории, например, кандидатов наук можно сосчитать по пальцам. И вот в наших рядах впервые появился доктор исторических наук. В этом — огромная заслуга ученых-историков Москвы и Ленинграда. Я в качестве руководителя Казахской академии наук выражаю за это глубокую признательность, огромное спасибо вам, друзья. Приглашаю отметить это событие завтра, в конце рабочего дня. Где и в каком часу начало торжества за дастарханом объявит сам Ерыухан Бекмаханов и его научный руководитель Анна Михайловна... — И, прижав к себе Ермухана, как родного сына, Канске сказал: — Ереке, ты оправдал свое имя, ты настоящий Ер (настоящий мужчина, смелый джигит. — М. С.). Сегодня ты совершил научный подвиг. Поэтому достоин вознаграждения! Ни о чем не беспокойся, только будь завтра утром в гостинице, я пошлю к тебе своего помощника. Посоветуйся с Анной Михайловной, пригласите на вечер не менее двадцати человек, все расходы я беру на себя. Пусть это будет моим подарком тебе. А пока иди отдыхай, вижу, совсем исхудал, хорошенько выпись. Сегодня ты заслужил такой отдых.

Халима Бекмухамедова, из книги «Вместе двадцать лет»:

«На этом банкете я не была: там были люди, которые знали жену Ермухана, поэтому Ереке решил не показывать меня, чтобы не было лишних разговоров. Конечно, мне было немного обидно, но я пережила это. Идя меня и моих подруг Ермухан устроил отдельное застолье в ресторане «Москва», где с нами был и Михаил Порфирьевич. На другой день Ермухан, я и Михаил Порфирьевич в честь защиты диссертации отправились в Большой театр, где слушали оперу «Евгений Онегин».

После защиты Ермухан сильно нервничал. Возможно, сказались напряжение, связанное с защитой диссертации, и к этому прибавилась неопределенность в личной жизни. И я тоже была неспокойна, предчувствуя близость расставания.

Настал день расставания, я уезжала в Ташкент, а он пока оставался в Москве, чтобы оформить документы для предоставления в ВАК (Высшую аттестационную комиссию). Помню его печальные глаза и мои слезы... Он успокаивал меня, обещая, что скоро приедет в Ташкент.

Четверо суток я пролежала на верхней полке вагона, оплакивая свою судьбу, тревожась за будущее. Вернулась домой, настроение ужасное, ничего не хотелось делать, успокаивалась, когда спала. Пересилив свое настроение, я стала посещать лекции по философии. Профессор Миртов Алексей Васильевич, мой научный руководитель дипломной работы, помог мне поступить в заочную аспирантуру при АН Узбекской ССР.

В начале декабря неожиданно приехал Ермухан. Он оформил командировку и несколько дней пробыл в Ташкенте. Все такой же милый, но серьезный, очень задумчивый. Мама моя была насторожена, но ничего не расспрашивала, Ермухан твердо обещал ей, что никогда не оставит меня, что при всех обстоятельствах мы будем вместе...»

Глава пятая
«ХВАЛУ И КЛЕВЕТУ ПРИЕМЛИ
РАВНОДУШНО
И НЕ ОСПАРИВАЙ
ГЛУПЦА...» [\[51\]](#)

Можно без колебаний сказать, что данная дискуссия явится одним из стимулов дальнейшего развития молодой исторической науки Казахстана. Пройдет немало времени, когда на каждой серьезной проблеме нашей истории мы будем иметь не одну, а несколько работ, и тогда легче будет установить истину. Те оживленные споры, которые возникли в дискуссии по моей книге, обменяются в значительной мере тем что товарищи по данной проблеме имеют пока единственную монографию.

Е. БЕКМАХАНОВ.

Из стенограммы научной дискуссии по книге «Казахстан в 20-40 годы XIX века

Институт литературы, языка и истории в системе Казахского филиала АН СССР был учрежден в 1941 году. Небольшой его коллектив на первых порах не создал

каких-либо фундаментальных трудов по истории. Причина понятна: внезапно начавшаяся война не давала возможности вести капитальные исследования; к тому же эта отрасль еще не имела своих Светониев и Плутархов. Через четыре года исторический сектор выделился в самостоятельное научное учреждение и стал называться Институтом истории, археологии и этнографии имени Чокана Валиханова. Однако в первые годы своего существования и он не предпринял каких-то самостоятельных шагов и своей инертностью и робостью напоминал немощного рахитичного ребенка. Причина все та же: его специалистам не хватало компетентности, целеустремленности и решимости, чтобы поднять глубокие пласты богатой истории республики. Не зря говорят: «Знания — сила». А знающих людей, разносторонне подготовленных специалистов в институте не было. Правда, в нем числилось несколько кандидатов исторических наук, которые являлись старшими научными сотрудниками или заведовали отделами. По что толку от того, что они занимали солидные должности — отдачи от них пока не было.

Отсталость казахской исторической науки вполне объяснима: в предыдущих главах мы уже отмечали, что с 1930-х годов по меньшей мере три раза в Казахстане происходила «зачистка» национально-буржуазных элементов, в результате почти поголовно была уничтожена вся элита историков. Уцелевшие от этих зачисток и прополок отправлялись на фронт, где смерть витала над каждым. Восстановить потери было невозможно не то что за пять, но и за десять лет. Поэтому к подготовке первого издания «Истории Казахской ССР» из названного института были привлечены всего несколько сотрудников. Профнепригодность их прежде всего объяснялась тем, что они не могли свободно выражать свои мысли на

русском языке и грамотно излагать их на бумаге. (Известно, что диссертации по гуманитарным наукам на языках народов СССР ВАК вообще не принимала. Этот искусственно возведенный барьер, можно сказать, узаконенный запрет, сыграл деструктивную роль в формировании национальных научных кадров в области литературы, языка, истории и философии.) А в те годы, о которых мы ведем речь, желающих заниматься исторической наукой среди казахской молодежи было мало. Высшие учебные заведения республики кроме учителей истории вообще не готовили таких специалистов. Что странно, в единственном Казахском госуниверситете даже не было исторического факультета...

Самое негативное влияние, по нашему мнению, на становление исторической науки в республике оказало и то, что с первых дней организации Института истории в этом учреждении не было толкового руководителя, способного определить приоритетные направления в отрасли, заглянуть хотя бы на десять лет вперед, наметить перспективные темы и начать воспитывать кадры исследователей.

Со второй половины 1946 года первым руководителем этого института стал Серафим Владимирович Юшков, который на первом же заседании только что созданной АН Казахской ССР был избран академиком. Он был доктором наук по истории права, к этому времени уже разменявшим шестой десяток, серьезным ученым, прошедшим через все жизненные перипетии, в общем — тертым калачом. В 1912 году он окончил факультеты истории и права Санкт-Петербургского университета, в 1916 году удостоился престижного звания приват-доцента, а через три года уже стал профессором. Серафим Владимирович в Казахстан приехал по направлению ЦК ВКП(б) в год

начала войны, работал проректором КазГУ, там же вел курс права, затем в качестве профессора читал лекции в Алма-Атинском юридическом институте, передавая опыт и знания будущим юристам республики.

Если внимательно взглянуть на жизненный путь Серафима Владимировича, можно сказать, что он был настоящим ученым-юристом. Но академик Юшков никогда глубоко не исследовал историю ни одного народа среднеазиатского региона. Во время двенадцати летнего пребывания в Казахстане, занимая профессорскую должность и позднее являясь директором Института истории, археологии и этнографии, Серафим Владимирович не написал ни одной капитальной работы в этом направлении. А основные научные труды ученого были посвящены истории Киевской Руси, за 1940—1950-е годы в Москве три раза издавалось его учебное пособие «История государства и права в СССР». Кстати, много лет находясь в Алма-Ате, он сохранил за собой квартиру в Москве, и семья его проживала там. Сам С. В. Юшков также многие месяцы просиживал в столице. Из этого можно сделать вывод, что его вовсе не интересовали насущные проблемы казахской исторической науки...

В институте в то время работали всего 18 научных сотрудников, но они были недружны: грызлись, как пауки в банке, не могли ужиться вместе, писали анонимные доносы друг на друга; погрязли в мелких склоках. Демагогия, зашоренность и атмосфера зависти, подсиживания сильно мешали научному росту коллектива. (Должен предупредить читателя, что это не фантазия и не вымысел автора, это отражено в протоколах комиссий Алма-Атинского горкома партии и президиума АН Казахской ССР, много раз проверявших это учреждение.) Ясно, что такой климат сложился в

институте не случайно, а из-за низкой культуры и малообразованности его сотрудников...

В конце 1946 года директор института пригласил Ермухана Бекмаханова на беседу. Рассказав о внутренних разногласиях в коллективе и особенно о недостатках в исследовательской работе, заявил, что для исправления положения ему нужен энергичный, эрудированный, знающий историю заместитель, и испытующе посмотрел в лицо молодого историка.

— Серафим Владимирович, спасибо вам за доверие! — ответил Бекмаханов. — Но пока не утвердят мою докторскую диссертацию, прощу не отлучать меня от прежней работы...

— Ермухан Бекмаханович, напрасно вы переживаете. В начале нового года вы получите решение ВАКа!..

Ермухан повторил свою просьбу.

— Вы вынуждаете меня пойти на откровенность, дорогой Ермухан, — вздохнул Юшков. — Я не намерен засиживаться в этом кабинете, пока у меня полностью не выпадут зубы или не ослепнут глаза. Климат Алматы мне не совсем подходит... Словом, годика через три я намерен оставить этот кабинет лично вам и вернуться в Москву, а вы, став моим заместителем, уже сейчас начнете подбирать научные кадры по своему усмотрению. Я не буду мешать вам в этом, наоборот, буду поддерживать ваши инициативы...

— Серафим Владимирович, я тоже выскажу свои опасения по этому поводу, раз вы начали этот разговор, — сказал Ермухан, глядя в болезненно-желтое лицо директора института. — Во-первых, мне еще рано становиться руководителем такого солидного академического института. Во-вторых, в нашем коллективе работают историки старше меня, и жизненного опыта у них больше. Если я соглашусь на ваше предложение, они обидятся: почему ты, молодой

человек, согласился, когда мы столько лет ждем и мечтаем занять это место, зачем ты перебежал нам дорогу? В-третьих, даже года не исполнилось, как Хадиша Айдарова стала вашим заместителем. По возрасту она старше меня, к тому же мне неловко у женщины отнимать должность, не по-джентльменски это... Короче говоря, не соблазняйте меня журавлями в небе, прошу вас!..

— Дорогой мой, вы — уже доктор наук, а Айдарова, Сулейменов, Шоинбаев и другие пока лишь кандидаты. В системе академии при выдвижении решающее значение имеет научное звание... Ермухан, не будем затягивать этот разговор, свой отказ объясняйте не мне, а президенту нашей академии... Ведь инициатива исходит от Каныша Имантаевича...

Молодой историк смутился, поняв, что все его доводы не черпаны. Раз в вышестоящих инстанциях так решили — значит, этого не миновать. Таким образом, Ермухан Бекмаханов взвалил на свои плечи нелегкие новые обязанности. По безразличному отношению некоторых коллег к его повышению в должности историк понял, что они тем самым выражают ему бойкот. Однако он не придал этому значения, сразу же принялся наверстывать упущенное, разгребать завалы, преодолевая застой и рутину в исследованиях истории Казахстана. Чтобы скорее тронулся лед в отношениях с подчиненными, он стал приглашать их к себе по одному на откровенный разговор. Дотошно расспрашивал их о тематике исследований, испытываемых затруднениях, сроках завершения работы... «Ну, работаем же, куда торопиться...» — недоумевали некоторые сотрудники, уклоняясь от прямых ответов. Иной раз приходилось спрашивать жестче... В конце концов он потребовал, чтобы каждый сотрудник в письменном виде представил план исследований, намеченных на три года, ответственным за исполнение назначил ученого

секретаря. Эту должность занимал Тлеш Шоинбаев. Он сразу же стал отнекиваться от поручения — зачем мне, мол, заниматься экзаменовкой каждого сотрудника, они же не школьники. Пришлось его переместить в музей института — директором, а на его место пригласить со стороны более образованного и опытного администратора — историка. Многим сотрудникам такие нововведения были явно не по вкусу. «Этот фанатик хочет, чтобы мы рапортовали ему, как пионеры, — говорили они. — И зачем-то требует планы на три года, хотя государственные планы составляются по пятилеткам?» Были и такие, которые попросту игнорировали его нововведения.

В ту пору в исторической науке процветали косность и формализм, все зиждилось на незыблемом фундаменте марксизма-ленинизма и цитатах классиков. Историки, не вникая в суть минувших событий, руководствовались лишь тем, что написал К. Маркс в письме Кугельману, а Ф. Энгельс — в письме Кугельзону. Понятно, что нужно было ломать привычные стереотипы. А также само отношение к работе.

Многие сотрудники института просто просиживали в кабинетах положенные часы, и то до обеда — под предлогом посещения архивов или библиотек исчезали неизвестно куда. Конечно, им не понравилось, что молодой ученый заново пересматривает давным-давно утвержденные научно-исследовательские программы всего коллектива, мало того, меняет научные темы, заставляет ускорять исследования. Психологически сопротивление новшествам объяснимо — никому не хочется лишний раз перенапрягаться, перестраиваться. Ермухану Бекмаханову предстояло преодолеть эту инерцию покоя, безмятежности, благодущия.

У тех, чей беспробудный сон нарушил, он стал вызывать все большую неприязнь и желание избавиться

от неудобного заместителя директора по научной части, тем более что по молодости и отсутствию руководящей практики он ударился в бюрократизм, чтобы быстрее изжить недостатки...

* * *

Прошлой весной, когда Ермухан неожиданно в ташкентской библиотеке встретил девушку, он даже в мыслях не допускал, что это в корне изменит его жизнь. Однако случилось то, что должно было случиться. С того дня, как он повстречал красавицу Халиму страсть его все сильнее разгоралась. и чем больше проходило времени, тем сильнее была тоска по ней. И Халима отвечала ему взаимностью. С того момента, как вечером в Москве Ермухан проводил Халиму на Казанском вокзале. он ни на минуту не забывал о ней. Ясновидящие говорят, что когда влюбленные находятся вместе, они как бы сливаются в одном биополе, а когда они на расстоянии, между ними пульсирует невидимый луч энергосенсорной связи. Ермухан на расстоянии как бы чувствовал ее зов. Он считал дни, недели со дня отъезда любимой. Прошел месяц, потом второй, а ему уже казалось, что пролетел целый год. Страдал, постоянно тревожился, что из-за долгой разлуки потеряет ее.

Отношения с Аминой между тем становились все более натянутыми. хотя он и любил своих дочек (в июне 1946 года супруга родила вторую, Ермухан назвал ее Нурией). Несмотря на то, что он оставался заботливым отцом, мира в семье не было, по мелким поводам часто возникали ссоры, особенно в последнее время... Женщина — прирожденный психолог, ее трудно провести, она задолго предчувствует опасность. После последней и продолжительной поездки в Москву муж

вернулся совершенно другим, безразличным и холодным к ее ласкам. Амина догадалась, что у нее появилась соперница. Если бы она была более чуткой, то постаралась бы сердцем зажечь холодные губы. Кто идет на потери, тот никогда не отступится от своего — это правда жизни. Возможно, она считала двоих малолетних детей, лелеемых отцом, своей надежной защитой, и утешалась тем, что в кого бы ни влюбился Ермухан, он все же будет возвращаться домой, к ней, к детям. Значит, не все потеряно. Однако Ермухан все больше отдалялся от нее, все чаще загуливал с друзьями, отмечая успешную защиту диссертации в ресторанах. Жена беспрестанно за это пилила его, доставала острым языком. Семейные скандалы не утихали...

И однажды терпению Ермухана пришел конец. Чтобы оградить себя от всего этого, он собрал нехитрые пожитки и рукописи и ушел излома...

Х. Бекмухамедова, «Вместе двадцать лет»:

«В январе 1947 года я получила большое письмо, где Ермухан сообщал, что он окончательно ушел из семьи, Новый год встречал один в доме отдыха. В апреле Ермухан приехал в Ташкент. В праздничные майские дни мы устроили небольшое символическое застолье, вроде свадьбы, для наших близких друзей и поехали в Алма-Ату. Первое время мы жили у моей тети Галии...»

Вторичная женитьба Ермухана вызвала в общественных кругах столицы сплетни, хотя сам по себе это факт, казалось, был ординарный: в конце концов, кому какое дело до личной жизни и зачем вмешиваться в семейные дразги... Однако нельзя было сбрасывать со счетов, что Ермухан — человек публичный, известный в научных кругах. В

академическом институте он — второй руководитель, член партии. И вдруг этот добропорядочный семьянин, каким его всегда считали, бросает законную жену и детей ради молодой женщины, которую привез из Ташкента. Как это понимать? Такое событие не укладывалось в тогдашние понятия и казахские традиции, а с партийной стороны квалифицировалось как моральное разложение, и вообще такое поведение было в то время наказуемым, тем более что Е. Бекмаханов состоял в номенклатуре ЦК...

Все же в руководстве Академии наук, а также в партийной организации у него нашлись заступники, считавшие, что ему, перспективному ученому, нельзя ломать судьбу. Словом, на него не стали заводить персональное дело, хотя законная жена ходила по всем инстанциям с жадобами, чтобы вернуть его к себе. Там же, обещая ей заниматься «исправлением поведения мужа», тихо спустили все на тормозах. А он и не собирался ни за что «исправляться», а чтобы откупиться от назойливой Амины Зариповны, аккуратно отдавал ей ровно половину своей зарплаты — осенью 1947 года Амина родила третью дочь, которую назвали Надией.

Сами молодожены не придавали особого значения пересудам. Они были готовы вынести все, что бы о них ни говорили. Главное — они были вместе, и ничто теперь не могло их разлучить. Даже отсутствие квартиры не омрачало их счастья. Впрочем, по личному распоряжению президента Академии наук им вскоре выделили двухкомнатную квартиру на улице Панфилова, в доме 106, только что сданном в эксплуатацию.

До переезда в Алма-Ату Халима Адамбеккызы училась в аспирантуре Академии наук Узбекской ССР. На новом месте из-за отсутствия научного руководителя вынуждена была изменить тему диссертации.

Лишь одно досадное обстоятельство мешало молодым супругам спокойно наслаждаться радостями семейной жизни. Это — задержка решения ВАКа об утверждении докторской степени...

Его диссертация лежала в союзной аттестационной комиссии пока без движения. На запросы руководства Академии наук КазССР и Института истории АН СССР по поводу задержки председатель ВАКа С. В. Кафтанов давал уклончивые ответы: «Вопрос очень серьезный, не торопите нас...» Ясно, что под двусмысленными ответами что-то скрывалось: именно в это время среди историков ходили мнения, в корне противоречившие предложенной диссертантом научной концепции. Партийная печать, в частности, журнал «Большевик», не изменила свою критическую точку зрения на движение Кенесары, преподнося его как реакционное; утверждалось, что нельзя считать все восстания колониальных народов против Российской империи национально-освободительными. Сторонники этих постулатов заявляли, что к ним надо подходить с позиций сегодняшнего дня, в духе высказываний товарища И. В. Сталина...

Как быть в этой ситуации? Ведь известно, плетью обуха не перешибешь. Столкнувшись с такой дилеммой, Ермухан решил не торопить события, но вдруг получил официальный запрос из канцелярии ВАКа с требованием дать письменное объяснение по некоторым моментам: оказывается, коллеги на родине, почувствовав его шаткое положение, воспользовались этим, чтобы с ним разделаться, собрали всю грязь и настроили анонимные письма в президиум ВАКа. «Правдолюбцы», не назвав свои фамилии, спрятались за безликими подписями: «Историк», «Честный коммунист», «Искатель истины». Смысл всех писем был скандальный. Все приведенные в них факты сводились к одному: диссертант в своей работе преднамеренно

превозносит старые феодальные отношения, считает патриархально-родовое общество казахов почти аналогом коммунистического, где все были равны и свободны; для его диссертации характерен открытый, оголтелый национализм, при этом он ставит национальные интересы выше общегосударственных, союзных, всей страны, где в братской семье сто наций сплотились вокруг русского народа. Самое парадоксальное в этих письмах-жалобах это заявление о том, что националистическое мировоззрение Е. Б. Бекмаханова всячески поддерживают секретари Центрального комитета КП(б) Казахстана Ж. Ш. Шаяхмстов, М. Л. Абдикалыков и президент Академии наук К. И. Сатпаев, потому что все трое и диссертант Е. Б. Бекмаханов — из аргынского рода, который является самым многочисленным в Среднем жузе и в Казахстане. Авторы писем поясняли, что не называют себя лишь потому, что боятся гонений со стороны этих власть имущих лиц...

Естественно, все анонимки на Ермухана Бекмаханова были направлены в Алма-Ату. Ученый совет АН Казахской ССР и партийная организация неоднократно создавали комиссии, скрупулезно проверяли весь негатив. Разумеется, ложные наветы не подтвердились. Выводы комиссий обсуждались на заседаниях партбюро и ученого совета, в Москву было отправлено официальное письмо, которое снимало все обвинения с диссертанта...

Но прежде чем это разбирательство благополучно закончилось, прошло несколько месяцев. Каждая проверка отнимала не только время, но и силы. И вот измученному бесконечными расследованиями был нанесен новый удар. Во Всесоюзную аттестационную комиссию, как ему сообщили, поступил еще один навет — Е. Б. Бекмаханов свою диссертацию будто бы полностью переписал с неопубликованной рукописи

покойного историка А. Ф. Рязанова, копия которой находится в Центральной библиотеке имени В. И. Ленина...

В письме, адресованном председателю ВАКа, анонимный автор указывал, какие сведения и сколько страниц рязановского текста были украдены, и делал вывод: такое воровство нельзя оставлять без наказания, этот поступок порочит честь советского историка, тем более научного руководителя академического института, тем более ученого-коммуниста; значит, надо лишить плагиатора всех регалий?.. Автор разоблачений опять не указал свою фамилию, по из содержания письма ясно было, что оно написано историком, хорошо знающим эти вопросы. Что поделаешь, Ермухану Бекмаханову пришлось заказать по библиотечному абонементу рукопись А. Ф. Рязанова из Москвы, потратить много недель, сравнивая свои и его тексты, чтобы готовить многостраничный ответ...

Из воспоминаний Н. М. Дружинина:

«Институтом истории мне было предложено произвести внимательное сличение текстов сочинений А. Ф. Рязанова и Е. Б. Бекмаханова. Было нетрудно доказать полную необоснованность выдвинутого обвинения. И структура обеих работ, и привлеченный фактический материал, и методы его обработки, и общие выводы были совершенно разными и не давали никакого основания уличать автора диссертации в каком-либо заимствовании».

Однако категорический вывод московского академика о напрасно возведенной на казахстанского коллегу клевете ничего не изменил. Ученый совет ВАКа под всякими предлогами по-прежнему затягивал обсуждение лекторской работы...

Халима Бекмухамедова, «Вместе двадцать лет»:

«На душе у Ермухана было муторно... Каныш Имантаевич успокаивал Ермухана, говоря, что путь ученого не всегда усыпан розами, бывают и шипы. Эти слова Ермухан передал мне, вернувшись из номера московской гостиницы, где обычно К. И. Сатпаев собирал молодых ученых и вел с ними беседы. Каныш Имантаевич предупреждал: чтобы дорогое время ученого не ушло на борьбу с завистниками и интриганами, надо уйти с головой в науку, в свои исследования, добиться результатов — это главное, этим можно победить врага-завистника...»

Ермухану не раз приходуюсь ездить в Москву, объясняться, опять защищаться. Сколько волнений, переживаний испытал он за эти годы. Но он не успокаивался, стал готовить свою рукопись к изданию задолго до утверждения ВАК в степени доктора наук. День и ночь он перечитывал свою работу, шлифовал, оттачивал формулировки. Советовался с друзьями, специалистами, одним из которых был Лев Игнатьевич Варшавский. Всесторонне образованный человек, ссыльный из Ленинграда, он часто приходил к нам, и они беседовали часами, обговаривали спорные проблемы, поднятые в монографии. Ермухан с большим уважением относился ко Льву Игнатьевичу, ценил его знания, прислушивался к его замечаниям. Лев Игнатьевич со своей женой Любой жили в маленькой комнатке гостиницы Дома Советов на ул. Панфилова. Жили бедно, но друзьями были богаты...»

В 1947 году в алма-атинской типографии была отпечатана на русском языке монография Е. Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-40 годы XIX века»

под редакцией доктора исторических наук М. П. Вяткина.

Как только книга-монография вышла, недруги опять ополчились на автора, обвиняя его в восхвалении феодально-монархического строя, в идеализации хана Кенесары и в национализме.

Время было напряженное, во всяком случае, спокойным назвать его было нельзя. В 1944–1946 годах Центральный комитет ВКП(б) несколько раз принимал постановления по вопросам литературы и искусства, жестко пресекая все отклонения от генеральной линии партии. Разумеется, местные партийные органы беспрекословно претворяли в жизнь эти партийные директивы...

В результате почти все исследования казахских ученых в области литературы и языка, увидевшие свет после 1940 года, которыми можно было по праву гордиться, и немногие памятники старины, вошедшие в учебники средних школ, техникумов, высших учебных заведений» как золотой фонд духовной культуры народа: дастаны «Ер Едите», «Шора-батыр», через год — «Ер Сэйын», «Карасай-Кази». «Орак-Мамай», «Казтуган-батыр», «Алпамыс», «Кобланды» — все шедевры лирико-исторических эпосов и героических поэм были изъяты из учебников. Оставили лишь «Камбар-батыра», как героя, вышедшего из бедноты, спасшею 90 дворов от нищеты. Остальные произведения были объявлены вредными, так как якобы сплошь воспевали представителей господствующего класса — баев и ханов, к их прислужникам причислили и тех, кто с оружием в руках отстаивал казахскую землю. Таким образом, талантливые творцы этих произведений, яркие представители дореволюционной национальной литературы, акыны Базар, Мурын, Шортанбай, Шангерек, Машхур Жусуп, Султанмахмут, Омар (Карашев) были запрещены, читать их творения,

даже приводить в печати их имена считалось политическим преступлением. А ведь исследованием их творчества занимались Мухтар Ауэзов, Алькей Маргулан, Есмаганбет Исмаилов, Кажым Жумалиев, Бейсенгали Кенжебаев, Ауелбек Коныратбаев, Мауден Балакаев, Ныгмет Сауранбаев, Ахмадия Искаков, Амина Маметова, Темиргали Нуртазин, Малик Габдуллин и еще десяток литераторов, ученых-языковедов, докторов наук и профессоров. Все их исследования, ставшие известными, вошедшие в учебники и хрестоматии, были вывернуты наизнанку, превратно истолкованы как националистические, чуждые социалистическому образу жизни, а их авторы подвергались политическим гонениям, некоторые были понижены по службе, изгнаны из научных и учебных институтов.

Но надо признать очевидное: пока не повторились жестокие расправы 1937–1938 годов...

В дни обострения этой кампании было созвано совещание идеологических работников Алма-Аты и научных руководителей гуманитарного отделения Академии наук, на котором обсуждалось постановление ЦК КП(б) Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института литературы и языка АН Казахской ССР» и задачах, вытекающих из решений ЦК ВКП(б).

Поскольку руководство республики так остро ставило вопросы в области идеологии, противники Е. Бекмаханова решили воспользоваться моментом и доконать «полностью тяготеющего к буржуазно-националистическим взглядам, а значит, политически незрелую историка, апологета прошлого», заодно вытащить на суд общественности тех, кто создавал ему ореол непогрешимости, постоянно ограждая от наказаний морально опустившегося коммуниста, двоеженца, бросившего троих маленьких детей, В общем, одним выстрелом поражалось несколько нолей: досталось и руководству академии, и секретарю ЦК

КП(б) Казахстана Мухамеджану Абдикалыкову. и ректору КазГУ Тулегену Тажибаеву.

Как известно, дыма без огня не бывает. Эти нападки, разумеется, имели некоторые основания. Дело в том, что в начале 1947 года Ермухан Бекмаханов стал старшим преподавателем в КазГУ. К осени того же года он уже исполнял обязанности заведующего кафедрой истории Казахской ССР, которая впервые открылась в этом университете. А ведь это было признанием недюжинных способностей тридцатитрехлетнего Е. Бекмаханова, стремительно выдвинувшегося в первые ряды казахстанских историков: в Академии наук он уже руководил комплексом проблемных исследований, которые, в конце концов, должны были привести всю историю казахского народа в систему; мало того, в единственном университете республики он стал главным наставником будущих преподавателей истории школ и вузов!..

* * *

...Но покой Ермухану только снился. Вновь продолжался бон. Коллеги организовали против него новый поход, и снова надо было защищаться.

Группа местных историков, на этот раз подписавшихся своими фамилиями, направила на имя первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана коллективное письмо-протест, где убийственной критике подвергалась его новая книга «Казахстан в 20-40 годы XIX века». В письме Е. Бекмаханов характеризовался как враждебный советской власти элемент, который тянет народ назад, в темное феодальное прошлое. И самое скверное, эта книга, выпущенная тиражом десять тысяч экземпляров, увидела свет при активной поддержке

отдела пропаганды и агитации ЦК Компартии, которым до последнего времени руководил М. А. Абдикалыков...

Проверку этого заявления, притом с политическими обвинениями, поручили новому секретарю по идеологии ЦК КП(б) Казахстана Ильясу Омарову (в ту пору ему было всего 35 лет). В годы войны он возглавлял Наркомат торговли, затем был выдвинут на должность заместителя председателя Казсовнаркома. Следующая ступень — первый секретарь Восточно-Казахстанского обкома КП. И вот Ильяс Омарулы стал секретарем ЦК. Ясно, что инициатива исходила от самого Ж. Ш. Шаяхметова, который стремился укрепить наиболее уязвимый участок работы, постоянно связанный с разбором разных споров, часто доходивших до скандалов. Здесь был нужен умный и смелый человек, разбирающийся в вопросах истории, литературы и искусства...

Ильяс Омарулы, прочитав письмо историков, сразу понял его абсурдность и то, что написано оно с одной лишь целью — напакостить чересчур пытливому историку. Однако, если не прореагировать на него, жалобщики не остановятся... Положение было щекотливое: ведь он уже был утвержден ответственным редактором (вместе с А. М. Панкратовой) второго издания «Истории Казахской ССР». А Ермухан Бекмаханов являлся одним из авторов этой книги. Короче говоря, он решил все-таки взять под свое крыло единственного казахского доктора истории. Бдительность нечистоплотных писак секретарь ЦК усыплял обещаниями: «Не торопитесь, в скором времени ваше письмо разберем...», а автору монографии говорил: «Постарайся побыстрее получишь утверждение ВАКа, как только ты будешь официально признан доктором наук, в тот же час я отошью этих горлопанов, выставлю их за порог...»

Но, увы, авторы письма были прожженными интриганамии, и им хватило ума разгадать хитрую тактику секретаря ЦК. Когда они поняли, что задуманное ими дело явно тормозится на самом верху, тотчас еще более крутые, негодующие жалобы отправили в Москву — в редакции газеты «Правда» и журнала «Большевик», а также в Управление пропаганды ЦК ВКП(б).

В Управлении пропаганды ЦК ВКП(б) прочитали групповое заявление историков Казахстана и предложили Институту погори и АН СССР пронести обсуждение книги «Казахстан в 20-40 годы XIX века» с участием историков республики. Это вызвало, конечно, разочарование у противников Е. Бекмаханова, ведь у них был расчет не на научную дискуссию, а на то, что после их петиции будут сразу приняты полицейские меры, то есть книгу конфискуют. А теперь им придется участвовать в дискуссии, в ходе которой их скорее всего разобьют в пух и прах...

Обсуждение монографии состоялось 28 февраля 1948 года в зале заседаний Института истории. Председательствовать на заседании поручили академику-секретарю отделения истории и философии АН СССР Б. Д. Грекову.

Первым получил слово представитель критикующей группы Х. Г. Айдарова. Битый час она обличала Е. Бекмаханова. сознательно «перешедшего», по ее мнению, на национально-буржуазные позиции. После нее на трибуну поднялся директор казахе ганского Института истории С. В. Юшков, для того. чтобы зачитать вслух тексты выступлений кандидатов исторических наук Т. Ж. Шоинбаева и М. Б. Ахннжанова. (Оказалось. что в самый последний момент они нашли правдоподобный предлог и не поехали в Москву, а на самом деле уклонились от поездки из-за того, что оба плохо владели русским языком, да еще и боялись

опростоволоситься, слабо зная предмет спора.) Их рецензия на книгу Е. Бекмаханова была, понятно, отрицательной. Следом же, после зачитания двух рецензий, выступили московские ученые — А. П. Кучкин, С. В. Бахрушин. М. П. Вяткин. Н. М. Родков и еще несколько историков. Положительно отозвался о монографии доктор исторических наук (позднее академик) Н. М. Дружинин: «Я работал над материалами по истории движения Кенесары Касымова и рассматриваю это движение как антиколониальное. Оно было направлено против колониальной политики русского царизма, носило национально-освободительный характер. Это движение было массовым движением казахов, и Е. Бекмаханов это показывает в своей работе». (Вестник Академии наук КазССР, 3(36). 1948 год, с. 33–53). А о причинах и условиях, которые побудили массу казахов к борьбе, Н. М. Дружинин говорил: «Здесь была борьба за землю, за национальную, территориальную целостность против внешнего воздействия, разорявшею, теснившею казахские кочевья и ставившего под угрозу дальнейшее существование и развитие казахской государственности. Вот почему массы поддерживали Кенесары Касымова». После всех на трибуну поднялся снова профессор С. В. Юшков, теперь уже чтобы выразить общее мнение по книге научного коллектива казахстанского Института истории и, в частности, свое. Он заявил, что «монография молодого историка — это крупный вклад в казахскую историческую науку, раздел ее, относящийся к восстанию Кенесары Касымова, едва ли в скором времени будет превзойден по глубине анализа и по богатству привлеченных источников». (В своем учебнике по истории правоповедения СССР, вышедшем в свет в том же году, С. В. Юшков характеризовал Кенесары Касымова как «вождя народа,

восставшего против завоевателей», выдающегося полководца, дипломата и государственного деятеля.)

И когда направление дискуссии уже четко определилось, на трибуну поднялся А. Ф. Якунин...

Он несколько раньше Е. Бекмаханова начал изучать движение Кенесары Касымова, но был осторожнее и осмотрительнее. В своей довольно большой статье, опубликованной в журнале «Большевик Казахстана» в 1939 году, А. Ф. Якунин, по-видимому, неспроста избегал понятия «движение народных масс», употребляя вместо него термин «восстание». Однако в ходе московской дискуссии он пересмотрел свои прежние концепции. В частности, с трибуны он говорил:

— Я работал над материалами по истории движения Кенесары Касымова и должен признать, что он боролся за правое дело, за ним шли массы. Возглавленное им движение носило национально-освободительный характер. Бекмаханов совершенно правильно показывает это в своей работе.

Кенес Нурпеис, академик Национальной академии наук РК. «Расправа над ученым и его главной книгой», 2000 год:

«Основной тезис выступления Айдаровой и рецензий Шоинбаева и Ахинжанова заключался в следующем: движение Кенесары Касымова и его ближайшего окружения являлось выражением «феодално-монархического национализма». А касаясь самой книги, Айдарова говорила, что она — аполитичная, безыдейная и вредная, Е. Б. Бекмаханов оказался в плену буржуазной теории «единого потока», у него буржуазно-националистическая концепция. Закljučая московскую дискуссию, академик Б. Д. Греков признал своих казахстанских коллег к дружной творческой работе и просил их в научных спорах

воздерживаться от политических обвинений. Однако в условиях Казахстана того времени этот призыв большого ученого не был услышан. Ажиотаж вокруг монографии и ее автора с каждым днем возрастал...»

Задуманный недоброжелателями процесс над книгой с первого наскока не удался. Коварные нападки на монографию с намерением раз и навсегда запретить ее оказались напрасными. Московские ученые дали решительный отпор всем потугам дискредитировать книгу. Благодаря этому залежавшуюся докторскую диссертацию Е. Бекмаханова теперь в скором темпе рассмотрели в президиуме ВАКа и, конечно, приняли во внимание общий благоприятный настрой состоявшейся дискуссии по его книге. Таким образом, те же историки-земляки, устроившие скандал вокруг его монографии, невольно создали ей хорошую рекламу и помогли Ермухану — президиум ВАКа утвердил решение ученого совета Института истории, принятое два года тому назад, и Ермухан Бекмаханов наконец стал полноправным доктором исторических наук.

Справедливость все-таки взяла верх. Ермухан Бекмаханов получил возможность без волнений продолжать возложенные на него научные и наставнические обязанности, одновременно занимаясь исследованиями, которые он давно наметил. Это касалось знаменательных исторических событий, в корне изменивших во второй половине XIX века социально-экономическое положение Казахстана в связи с присоединением его к России...

Однако ему не удалось не только месяца, даже недели посидеть в тиши архивов. Да и в университете, и в академии ничего существенного не успел сделать. Его снова втянули в нескончаемые тяжбы.

Поверженные коллеги не уgomонились, а жаждали взять реванш. Не давали покоя ни себе, ни другим,

всюду распространяя мнение, что обсуждение пресловутой книги в Москве прошло несправедливо, предвзято. В дискуссии, дескать, фактически не принимали участия местные историки, хорошо знающие предмет спора, а слово предоставлялось только оппонентам диссертации Е. Бекмаханова или же его давним сторонникам, поэтому необходимо заново провести научную дискуссию с приглашением на нее всех историков Алма-Аты; и пока этого не будет сделано, предупреждали обиженные, мы не остановимся, будем повторно обращаться с жалобами в Центральный комитет ВКП(б), одним словом, будем драться до тех пор, пока не добьемся правды...

ЦК. Казахстана пришлось согласиться с их аргументами. Провести повторную дискуссию поручили руководству Академии наук республики.

В середине июня 1948 года президиум АН Казахской ССР провел третье обсуждение книги «Казахстан в 20-40 годы XIX века» (читателю известно, что первое проходило в конференц-зале Института истории в Москве в день защиты докторской диссертации 14 октября 1946 года, о втором обсуждении речь шла выше). На этом собрании выступили историки — С. Н. Покровский, Х. М. Адильгереев, А. Н. Нусупбеков, Т. Е. Елсуов, С. Г. Медведев и другие, все они снова сошлись на одном: национально-освободительное движение под предводительством Кенесары Касымова поддержал весь народ, потому что мятежный султан, имевший в своем личном подчинении всего 1500 тюленгутов-гвардейцев, в течение десяти лет не мог бы оказывать сопротивление многочисленным вооруженным отрядам царского правительства...

Следует отметить, что на это заседание президиума Академии наук из Института истории были приглашены не все научные сотрудники. А противники Е. Бекмаханова демонстративно отказались принимать

участие в обсуждении, считая его келейным, и требовали вынести этот вопрос на обсуждение широкой аудитории с участием всех историков Аты-Аты.

Снова вмешался в этот уже надоевший всем спор отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана. Оттуда поступило указание провести научную дискуссию с участием не только историков, но даже представителей интеллигенции. Там руководствовались тем, что истинная правда должна выясниться в ходе всесторонней дискуссии...

3

С 14 по 19 июля 1948 года издании АН Казахской ССР, в то время находившемся на улице Кирова, состоялась четвертая дискуссия. По продолжительности она была похожа на марафонский бег на самое большое расстояние, какое мог выдержать человеческий организм, — растянулась на целых пять дней. Каждый день она начиналась сразу после обеда, иногда вечером, в девятнадцать часов, а заканчивалась глубокой ночью. Нам неизвестно, в каком состоянии расходились выступавшие ораторы, а вот терпеливые слушатели, сидевшие до конца, выходили из зала, пошатываясь. Постоянно присутствовала на всех заседаниях Х. А. Бекмухамсдова. По ее рассказам, в зале всегда было полно народу, порою негде было иголке упасть. Надо сказать, многим алма-атинским интеллигентам было чрезвычайно интересно послушать жаркие дебаты, когда самые маститые знатоки истории Казахстана без ножа резали друг друга...

Ниже я привожу наиболее характерные отрывки из стенограммы этой дискуссии, опубликованные лишь в 2000 году (ответственный редактор Кенес Нурпеис). Я старался сохранить самую суть речей, чтобы показать,

что собой представляли ораторы. Сегодня многое в них покажется вздорным, скучным и невразумительным. Всем им беспристрастный судья — Время. Тем, кто кривил душой, теперь уже не оправдаться привычной отговоркой — мол, время было такое...

Отметим, что из речей каждого оратора взяты только отдельные фрагменты, а многие из них говорили час-полтора, другие — два-три часа, зачастую несли несусветную чушь. Словом, я уподобился рыбаку, который, вытащив сеть, выбирает одних лишь сазанов, а всю остальную мелочь: ершей, плотву выпускает обратно в воду. Однако честно могу заявить: ни одна мысль и ни одно слово оратора не искажены, их подлинные высказывания мною взяты в кавычки или выделены курсивом, некоторые выступления приведены в виде диалога в моем изложении...

На заседании председательствовал академик-секретарь отделения общественных наук АН Казахской ССР, доктор филологических наук Нигмет Тналиулы Сауранбаев. Открывая научную дискуссию, он сказал:

— Я хотел бы обратить внимание присутствующих на то, что наше обсуждение должно носить сугубо научный характер без сведения личных счетов. Вы должны избегать всего, что не имеет отношения к повестке дня. Мы не будем ограничивать выступающих во времени, но желательно не повторяться, а высказываться по существу...

После окончания в 1939 году факультета истории Алма-Атинского двухгодичного учительского института Тлеукажы (Тлеш) Жамайулы Шоинбаев ряд лет занимался административной, хозяйственной работой. Последняя его должность на этом поприще — начальник отдела рыболовецких колхозов Народного комиссариата рыбной промышленности. А в августе 1944 года он вдруг всплыл на должности ученого

секретаря Института литературы, языка и истории. В следующем году; когда Институт истории стала самостоятельным научным учреждением. Т. Ж. Шоинбаева перевели туда, опять же ученым секретарем.

В 1927-1930 годах Тлеш Жанайулы окончил три курса Семипалатинского педтехникума, затем стал секретарем Чубаргауского райисполкома Восточно-Казахстанской области, в 1931-1932 годах избирался секретарем ЦК ЛКСМ Казахстана, также секретарствовал в Алма-Атинском городском совете, Перед войной он поступил на заочное отделение исторического факультета КазПИ, который окончил лишь в 1946 году. Через год ему удалось защитить кандидатскую диссертацию.

Т. Ж. Шоинбаев, кандидат исторических наук:

«...Как известно, изучением истории восстания Кенесары Касымова занимались и дореволюционные буржуазные историки, которые, разумеется, не смогли дать и не дали правильного освещения этого вопроса. Не меньшее внимание уделяли этому вопросу казахские буржуазные националисты, которые восхваляли Кенесары Касымова. Это вполне понятно: для буржуазных националистов этот пресловутый национальный герой хан Кенесары был символом борьбы, отторжения Советского Казахстана от великого русского народа. Воспоминания о борьбе Кенесары с царской Россией служили для казахских буржуазных националистов призывом к восстановлению ханской власти в Казахстане. Казахские буржуазные националисты сделали его духовным отцом. Вместо того, чтобы по-большевистски разоблачить буржуазных националистов, объявивших Кенесары Касымово заступником трудового народа и национальным героем, Бекмаханов повторяет в своем труде все эти буржуазно-

националистические измышления. Кенесары Касымов был представителем крупнейшей фамилии чингизидов-султанов Аблаевых.

...Автор в своей работе дает самую идеалистическую характеристику всем султанам из рода Аблаевых (Касымовых), умалчивая об их отношении к народу. Бекмаханов не только идеализирует прошлое чингизидов XIX века, но и лидера буржуазно-националистической партии «Алаш» А. Букейханова. В характеристике автора они — не представители класса эксплуататоров, живущие за счет народа, а народные герои и защитники его интересов. В данном случае автор явно идеализирует верхушечную группу казахского общества — феодальную аристократию, султанов, повторяя те националистические ошибки, которые были отмечены в постановлении ЦК КП(б) Казахстана о литературоведах, идеализирующих прошлое казахского народа.

...Книга Бекмаханова по своему содержанию получилась научно несостоятельной, буржуазно-националистической, аполитичной, безыдейной, а поэтому нужно немедленно изъять ее из пользования».

Сергали Еспембетулы Толыбекова, экономиста по специальности, современники считали очень эрудированным интеллигентом. В 1932 году он окончил историко-экономический факультет КазПИ, был оставлен на кафедре политической экономии этого же института в качестве преподавателя. Через шесть лет он стал руководителем этого же института. В годы войны был начальником Управления культуры Наркомата просвещения Казахской ССР. Накануне выхода в свет книги Е. Бекмаханова он вновь вернулся в КазПИ на должность директора. В том году ему исполнилось сорок лет. Словом, он уже был закаленным в жизненных переделках человеком.

С. Толыбеков одевался со вкусом, был красивым, интересным мужчиной среднего роста, своим звонким смехом он располагал к себе окружающих (одна его сверстница признавалась мне: «Женщины на него часто заглядывались»). Сергали Еспембетулы никогда ни на кого не повышал голос. Несмотря на это, люди, знавшие его по работе, старались не перечить и беспрекословно выполнять все его поручения. Институтский коллектив, насчитывавший в своем составе несколько тысяч студентов и более пятисот преподавателей, он крепко держал в руках. Казахским и русским языками владел прекрасно, говорил складно, часто используя в речи поговорки и пословицы.

Итак, известный эрудит в своем кругу интеллигентов-просветителей С. Е. Толыбеков поднялся на трибуну. Слушатели предвкушали, что он даст должный отпор агрессивно настроенному Тлеукажи Шоинбаеву, который с помощью многочисленных цитат из трудов классиков марксизма-ленинизма надеялся стереть в порошок Е. Бекмаханова. Но оратор долго не отрывался от заранее подготовленного текста речи. В результате получился доклад, притом утомительный ^[52].

В начале своей речи С. Е. Толыбсков вроде бы сделал заявку на основательный анализ книги Е. Бекмаханова, но в дальнейшем его занесло совсем в другую сторону. Свою речь он начал так: «Я считаю долгом высказать перед вами свою точку зрения на содержание работы тов. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века» по трем вопросам: первому — о социальных отношениях казахов в XIX веке; второму — о религиозных воззрениях казахов и роли мусульманского духовенства в XIX веке; третьему — о характере восстания Кенесары Касымова и его освещении в работе тов. Бекмаханова. Таким образом,

все эти три вопроса разбираются в полемике с тов. Бекмахановым».

После этого оратор перешел к описанию социальных групп, сложившихся с древних времен в казахской степи: «ак суюк» («белая кость») и «кара халык» («чернь»), ходжи и муллы, торе и тюленгуты, баи и бедняки... Затем он перечислил социальные статусы степняков: наемный батрак, истопник, сторож двора, дежурный у ворот, лодочник, земледелец, водовоз, доставляющий воду бочкой, копатель колодца, мираб, дехканин, кузнец, пастух, табунщик, чабан, верблюдовод, скотник, джатак, «куя» (раб) и «кун» (рабыня), байгуш, «мусапир» (бесприютный), «бишара» (бедняк), голь... и т. д. Все эти бессмысленные перечисления С. Толыбеков сделал только для того, чтобы показать грубый просчет автора монографии, не отразившего занятия степняков, живших в 20—40-х годах XIX века, и имущественное расслоение между ними, но зато много внимания уделившего делению казахов на роды...

«Я хочу подробно коснуться первых двух разделов выступления тов. Толыбекова, — сказал в своем выступлении 15 июля историк И. У. Будовниц. — Первый раздел представляет собой популярную лекцию по этнографии казахов. Я хочу, однако, подчеркнуть, что нельзя этнографическими терминами подменять классовые категории. Тов. Толыбеков делит все казахское общество в первой половине XIX века на торинцев, ходжей и основную массу народа разной степени достатка, рассматривает джатаков, егенши (хлеборобов) только с точки зрения их занятости, исключая их из кочевого общества. Он причисляет к бакташи (пастухам) и бедняков, и баев на том основании, что баям иногда самим приходилось пасти свой скот...

Обширный второй раздел выступления тов. Толыбекова по-священ, в сущности, одному абзацу из книги тов. Бекмаханова, где последний говорит, что ислам в казахской степи не имел таких прочных корней, как у узбеков, татар и некоторых других народностей. Этот раздел зачитывался минут 45 и напоминал чрезвычайно популярную беседу по антирелигиозной пропаганде...

Товарищ Толыбеков привел цитату из работы Чокана Валиханова «Следы шаманства у кыргызов», которая должна была опровергнуть слова тов. Бекмаханова. В этой цитате говорится о смеси ислама и шаманства у казахов. Если бы тов. Толыбеков продолжил эту цитату, то мы услышали бы следующие слова Ч. Валиханова: «Такой порядок вещей продолжался до наших дней, когда ислам вместе с русской цивилизацией проник в степь». Это писалось в конце 50-х годов прошлого столетия. Таким образом, Чокан свидетельствует, что ислам стал проникать в степь только в 50-х годах. Тов. Бекмаханов же пишет, что в 20—40-х годах ислам в степи не имел таких корней, как у узбеков и татар. В чем же слова Чокана Валиханова его опровергают?»

В третьем разделе С. Е. Толыбеков изобличал Е. Бекмаханова в переоценке движения Кенесары. Приводим запись в сжатом виде.

«Таким образом, Кенесары и ему подобных людей, которые действовали против единственно верной и законной тенденции исторического развития казахского народа, нельзя отнести к категории исторических личностей, сыгравших положительную роль в истории народа. (...) Если они не понимали обстановки и хотели ее изменить так, как им подсказывала их фантазия, попадали в положение чудака Дон Кихота, далекого от

реальной действительности... «Донкихоты потому называются Донкихотами, что они лишены элементарного чутья жизни» (И. Сталин) — Как раз этого элементарного чутья жизни не было у этих близоруких «героев». Они были далеки от понимания хода исторических событий, как небо от земли. Поэтому эти бунтари боролись против единственно возможного и прогрессивного пути в тех исторических условиях, тем самым затормозив и осложнив ход общественного развития казахского народа многочисленными отрицательными последствиями. Отсюда Кенесары надо воспринимать только как Дон Кихота в истории казахов. Весьма позорно, что некоторые наши историки Казахстана пребывают в роли оруженосцев Дон Кихота XIX века, тем самым нанося огромный вред делу коммунистического воспитания молодежи...

Из всего сказанного вытекает один вывод: работы тов. Бекмаханова «Казахстан в 20-40 годы XIX века» является в научном отношении путаной и в политическом отношении вредной».

— После первого заседания мы домой пошли пешком. Ермухан молчал, я тоже была в унынии, сильно расстроена, в ушах еще стоял гул зала, грубая ругань... — вспоминала пережитые напасти Халима Адамбеккызы.

Хотя с тех пор прошло 60 лет, она ничего не забыла, будто бы только вчера все это перенесла.

— В тот день я впервые увидела Тлеша Шоинбаева: рослого, очень крупного человека, хмурого с виду. Когда он взобрался на трибуну, мне вдруг показалось, будто бы огромная черная птица взобралась на высокую скалу и оттуда высматривает себе добычу. Я страшно перепугалась... Голос его гремел, как раскаты грома, — о точках, запятых, паузах он понятия не имел. Произношение его повергло в шок всех слушателей. Он

путал звуки «ш», «ч», «щ», не различал «с» и «ц». Например, вместо «Центральный комитет» произносил «Сентральный комитет», или такую фразу, как «идеализирует верхушечную группу казахского общества — феодальную аристократию султанов» выговаривал совершенно невообразимым образом: «идиализирует верхушешную грыппу казацкого общества — фиадальную...» — смех и грех! Люди в зале скоро потеряли к нему интерес, и чтобы остановить поток его словоизвержения, стали подавать реплики: «Эй, хватит болтать! Оглянись вокруг?» Однако все от него отскакивало, как от стенки горох, он так и не перевел дух, не остановился, пока не дочитал до конца всю свою писанину... Тогда до нас не дошли признаки непонятного поведения Сергали Еспембетулы. И со мной, и с Ермуханом он всегда приветливо здоровался, производя впечатление учтливое, интеллигентного человека, однако на трибуне стал неузнаваем, его тяжелые, как камни, обвинения настолько ранили душу, что казалось, будто камни падали мне на голову, из зала я еле-еле вышла... Если бы Ермухана не было рядом, наверное, я бы свалилась, потому что была на сносях на девятом месяце. Когда мы возвращались домой, за нами последовали близкие друзья. Они хотели как-то успокоить Ермухана после бешеной атаки на него. Когда дошли до входной двери, Ермухан сказал:

— Друзья, поглядите на состояние Халимы. И ей, и мне надо отдохнуть. Насчет дискуссии могу вам признаться — она мне даже нравится тем, что там все говорится открыто, а не как раньше — исподтишка...

Друзья согласились с Ермуханом:

— Хорошо, раз так считаешь, посмотрим, что будет дальше. Однако запомни, мы не позволим измываться над тобой кому попало, заткнем им рот!..

Пожелав нам спокойной ночи, они отправились по домам...

Во второй день заседания в числе первых выступил кандидат исторических наук И. У. Будовниц.

Он родился в 1896 году на латышской земле, в еврейской семье, с давних времен обосновавшейся на берегах Балтики. Исаак под влиянием образованного отца Уриэла Будовница еще до Октябрьской революции окончил гимназию в Рязани. В 1932–1937 годах работал заведующим отделом газеты «Известия». В 1938 году И. У. Будовниц переквалифицировался, став старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В 1947 году приехал в Алма-Ату, где сразу был назначен директором музея Института истории. Долгая трудовая деятельность Исаака Уриэловича, закалка, полученная в суровые 1930-е годы, и солидный возраст располагали его к благоразумию, осмотрительности. Он уже не лез в воду, не зная броду. Однако на этот раз отважился тряхнуть стариной, видя, как Е. Бекмаханова гнут в бараний рог, и на второй день попросил слова, чтобы опровергнуть лженаучные доводы противников Бекмаханова.

Прочитав выступление И. У. Будовница, я попросил Халиму-апай пролить свет на столь неординарное его поведение. Она ответила:

— Исаак Уриэлович был прирожденным интеллигентом, и душа у него была чистая. Я думаю, совесть ему не позволила молчать, когда противники Ермухана устроили над ним настоящий трибунал... — объяснила она. — Однако это ему не прошло даром...

— Я считаю неправильным и некорректным и политически вредным противопоставление казахских ученых московским, — начал свое выступление И. У. Будовниц. — У нас наука не подразделяется по географическим зонам. У нас нет науки московской, тамбовской, калужской, алма-атинской и талды-курганской. У нас есть единая советская марксистско-

ленинская наука, независимо от того, где проживают и где прописаны ее носители. Между тем явное пренебрежение к московским ученым сквозило вчера в выступлении тов. Шоинбаева. У меня это вызвало недоумение. Его доводы дословно приводились профессором С. В. Юшковым четыре с половиной месяца назад в Москве. Против всех его аргументов прозвучали серьезные возражения со стороны участников дискуссии Н. М. Дружинина, С. В. Бахрушина и М. П. Вяткина. Шоинбаев может принять или не принять замечания, это дело его политической и научной совести. Но он был обязан на них откликнуться. Он же предпочел просто проигнорировать голос крупнейших наших ученых и, как диктор, прибавлю, как плохой диктор, повторил свою старую речь...

Товарищ Толыбеков сравнивает Кенесары с Дон Кихотом и говорит, что Кенесары не чувствовал пульса времени и боролся против единственно правильного пути, — продолжал Исаак Уриэлович. — Это голословное заявление, потому что факты свидетельствуют о том, что Кенесары был реальным политиком. Он понимал, что совершенное отделение Казахстана от России есть химера и несбыточная мечта. Сам Толыбеков цитировал письмо Кенесары Николаю I, где он изъявляет желание быть его младшим братом, то есть вассалом. Не к отделению от России стремился Кенесары, а к изменению формы подданства, которое должно было быть заменено протекторатом России над Казахстаном. И прав был М. П. Вяткин, когда на московской дискуссии спросил: почему тов. Айдарова считает, что в условиях протектората влияние передовой русской экономики на Казахстан было бы менее значительно, чем в условиях полицейского режима? Вы обвиняете Кенесары в том, что он возложил новые тяготы на народ. Но разве это определяет прогрессивность или реакционность его политики?

Новые тяготы были неизбежны в условиях продолжительной непрерывной войны. (...) Рассуждения критиков тов. Бекмаханова о прогрессивности весьма абстрактны и схематичны. У казахского народа отнимают землю, его лишают источников существования, его жмут со всех сторон, его подводят к краю гибели и к грани вымирания, а он должен все это спокойно терпеть, с благодарностью говорить: «Для меня делают хорошее прогрессивное дело». Так в истории не бывает. Когда народ доводят до отчаяния, он стихийно поднимается на борьбу и борется, как знает и как умеет. И если в это время находится руководитель, который понимает цели борьбы, умеет выдвинуть правильные лозунги и объединить разрозненный народ для сопротивления натиску, то народ идет за таким руководителем. Так было и с Кенесары независимо от его личных качеств и целей, которые он перед собой ставил...

И. У. Будовниц свою речь завершил так:

«Во всех выступлениях критиков книги тов. Бекмаханова я лично усматриваю презрение к собственному народу, который должен безропотно терпеть колониальное ярмо, пренебрежение к его славному историческому прошлому.

У казахского народа, как и у других народов нишей страны, есть замечательные исторические традиции. Несмотря на чудовищно тяжелые условия, казахский народ сумел сохранить свое историческое существование. В тяжелые мгновения жизни он проявлял исключительную жизненную силу, способность к объединению и отпору врагам. Так было в XVIII веке после «великого бедствия», когда казахский народ, казалось, был обречен на полную гибель. В 30-40 годах прошлого столетия казахский народ также переживал тяжелые времена. Следует с уважением и

вниманием, а не с презрением и осуждением отнестись к его по-: пыткам в это тяжелое для всех время объединить свои силы для отпора наседавшим на него со всех сторон врагам.

Настоящий интернационализм кроется не в пренебрежении к историческому прошлому своего народа. Это вредный беспочвенный космополитизм. Настоящий интернационализм основывается на любви к своему народу и на чувстве национальной гордости. Казахский народ может гордиться тем, что своей длительной национально-освободительной борьбой, которую он вел в союзе с великим русским народом против общего врага — царского самодержавия, он внес свою посильную лепту в дело сокрушения той чудовищно мощной империи, которую Ленин и Сталин называли «тюрьмой народов». Эта национально-освободительная борьба, переплетаясь с крестьянскими восстаниями, наряду с ними, наряду с классовой борьбой пролетариата, с политической борьбой партии большевиков, явилась одной из предпосылок победы Великой Октябрьской социалистической революции...»

На второй день в дискуссии приняли участие пять человек. Из пяти ораторов трое приняли сторону Ермухана Бекмаханова, а двое противоположную.

Один из них — заместитель директора по научной работе; республиканской библиотеки Ф. В. Жизневский: «...Пусть вас не удивит, что я выступаю, хотя и не являюсь историком и специально не занимаюсь этим вопросом. Я лишь читатель и хотел бы сказать о том, какое впечатление производит эта книга на рядового читателя, как он ее понимает и воспринимает... — Далее Ф. В. Жизневский заявил следующее: — Те оценки, которые даны тов. Шоинбаевым и товарищем Толыбековым, абсолютно правильны, а товарищи,

защищавшие своего коллегу в Москве, санкционируют националистические шатания тов. Бекмаханова».

Л. Н. Нусупбеков, младший научный сотрудник Института истории:

«История не нуждается ни в улучшении и ни в ухудшении, а требует к себе только добросовестного научного отношения и правильного научного анализа, фактического материала и правильных выводов. Такие выводы тов. Бекмахановым сделаны. Совершенно другой вопрос: почему во главе движения народа оказался султан Касымов, а не какой-нибудь батрак, как желают того тов. Шоинбаев и его сотоварищи по критике. Это не вина казахского народа, а его беда. Материальная основа, общественное сознание казахского народа в то время не доросли до уровня требований некоторых критиков и крикунов наших дней. Только на основании того, что народное движение возглавлял феодал-султан, нельзя делать вывод, что оно служило целям феодально-монархической верхушки. Из истории известно, что во главе освободительного движения русского народа стояли князья Александр Невский, Дмитрий Донской и другие. Разве эти передовые люди своего времени, вышедшие из господствующего класса, не разделяли интересы народной массы? Их объединяло одно обстоятельство — борьба с внешним врагом.

Критики Бекмаханова обвиняют его в приверженности теории «единого потока». Поскольку это была борьба против внешнего врага и против колониального гнета, прежде всего, то не исключена возможность, что внутренние противоречия, классовые интересы как бы отошли на второй план. Такие примеры можно найти в истории национально-освободительного движения других стран. Товарищ Айдарова говорит: «Восстание Кенесары Касымова не оставило никакого

заметного следа в жизни Казахстана». Эту мысль повторяет в своем выступлении товарищ Шоинбаев. Приходится сожалеть, что эти товарищи очень плохо знают свой народ и очень плохо его понимают. В памяти казахского народа до сих пор сохранились следы движения Кенесары Касымова. Об этом движении акыны сложили поэмы и песни, и народ их поет вот уже целое столетие...

Товарищ Толыбеков говорит: если бы даже Кенесары Касымов создал централизованное государство, казахский народ не пошел бы по линии прогресса и развития, это привело бы к деградации и застою. Это какая-то странная теория. Государство предполагает территориальное и языковое единство, это есть признак консолидации племен в нацию. Как же можно было утверждать, что создание централизованного государства для казахов могло быть только регрессом и экономическим застоєм? Больше того, тов. Толыбеков открыл странную теорию, что будто в условиях кочевого хозяйства казахи не могли создать централизованное государство.

Я далек от мысли отождествлять феодальную эпоху Кенесары Касымова с нашей социалистической эпохой. Но я против фальшивой теории тов. Толыбекова. Если монголы-кочевники создали централизованное феодальное общество, почему казахи не могли осуществить такой общественный прогресс, это мне непонятно. Разве казахи по своим биологическим признакам не могут создать свою государственность?»

Видимо, острая критика Акая Нусупбекова больно задела Сергали Толыбекова, и он с места, как написано в стенограмме, выкрикнул: «Ведь правда в том, что не создали...» «Другой вопрос, что казахи запоздали с этим, а сильные соседи не дали возможности создать такое государственное образование, — ответил ему с

трибуны оратор. — Товарищ Жданов на совещании деятелей искусств высказал замечательную мысль о любви к Родине, к своему народу: «Кто не может любить свой народ, не может любить и чужой народ. Кто любит чужой народ, должен любить и уважать, прежде всего, свой народ. Это не национализм, это настоящий интернационализм, на позиции которого стоит вся наша партия...» Мне кажется, есть некоторые товарищи, которые слишком революционно настроены и предлагают пересмотреть всю систему взглядов марксизма-ленинизма на освободительные движения угнетенных народов. Ничего не выйдет. Установка партии та же самая. Курс и политика партии те же самые. Никаких изменений не произошло. Это лишь желание отдельных товарищей. Эти поползновения получают отпор среди наших историков, и мы найдем общий язык и решим проблему, стоящую перед исторической наукой».

Воспользовавшись паузой, председательствующий призвал зал к порядку:

— Прежде чем предоставить слово очередному оратору, я хочу обратить внимание на один момент: у выступающих товарищей и вчера, и сегодня, на мой взгляд, есть один явный недостаток — они шарахаются из крайности в крайность. Одни огульно охаивают книгу, другие безудержно ее восхваляют. Никто не придерживается золотой середины. Второе — я не против критики. Но она должна быть аргументированной, здоровой, корректной. Для того, чтобы наша дискуссия была деловой, я бы хотел, чтобы выступающие товарищи соблюдали приличия, избегали бестактных выпадов и оскорблений. Мы должны установить истину, а не выяснять между собой отношения. Кто националист, а кто интернационалист, кто презирает свой народ, а кто ему беззаветно служит

— покажет будущее, а пока слишком рано об этом говорить...

Следующим выступил кандидат юридических наук Таир Алиулы Культелеев, получивший это звание еще в 1939 году, в 1940–1946 годах возглавлявший Алма-Атинский юридический институт, а в последнее время — правовой сектор АН Казахской ССР. В качестве правоведа он в своем выступлении коснулся разделов книги «Хозяйственный строй казахов» и «Социальные отношения казахов», дав им положительную оценку. Перед тем как покинуть трибуну, он не сдержал себя и весьма нелестно отозвался о грубой, обвинительной речи Толыбекова:

— Я совершенно не буду задевать вторую часть книги товарища Бекмаханова, посвященную движению Кенесары Касымова, считая себя в этом недостаточно компетентным, тем более что вопросами движения Кенесары Касымова я лично никогда не занимался. Но мне хочется сказать несколько слов в отношении некоторых вчерашних ораторов, которые меня очень огорчили... Например, вчерашняя трехчасовая речь товарища Толыбекова, где он вынес Е. Бекмаханову приговор как судья, притом несправедливый приговор. Мне кажется, что товарищи Толыбеков и Шоинбаев делают в отношении работы Бекмаханова очень резкие и поспешные выводы.

Несмотря на позднее время — 11 часов вечера, председатель собрания пригласил на трибуну научного сотрудника А. А. Горячеву, которая должна была зачитать рецензию Х. Г. Айдаровой под названием «Нельзя извращать историческую правду» (Хадиша Галимкызы в этот день почему-то не участвовала в заседании).

Хадиша Галимовна родилась в Татарской слободке Акмолы, вначале училась в медресе, потом перевелась в русскую школу, была активной комсомолкой и общественницей. В начале 1930-х годов поступила на исторический факультет КазПИ. Студенткой вышла замуж за известного в то время журналиста Ж. Когда он был направлен в Всесозный институт журналистики, в Москву, Хадиша последовала за ним и продолжила свою учебу (1935-1938 годы) на историческом факультете столичного Комвуза. Будучи студенткой, она сделала первые шаги на научном поприще и, как только вернулась в Алма-Ату, была принята младшим научным сотрудником в Казахский филиал АН СССР. Хадиша Айдарова в 1945 году защитила диссертацию, интерпретируя труды выдающегося ученого-востоковеда Чокана Валиханова. Новоиспеченного кандидата исторических наук в том же году назначили заместителем директора Института истории, археологии и этнографий.

И тут в ее карьерном росте произошла осечка. В конце 1946 года ей пришлось уступить свою высокую должность в институте Ермухану Бскмаханову. Конечно, она обиделась. Известно, что в таких случаях чувство мести замутняет разум, верх берут эмоции. Именно потому, думается нам, Хадиша Галимовна не вдруг, а вполне осознанно и бесповоротно влилась в группу непримиримых противников молодого доктора наук.

Из рецензии Х. Г. Айдаровой, опубликованной в стенограмме дискуссии:

«...Странным является то, что, неоднократно возвращаясь к одной и той же теме, автор не может по-марксистски осмыслить исследуемый им отрезок истории Казахстана. Тем более, к счастью автора, именно с 1943 года по 1947 год мы имеем важнейшие идеологические постановления ПК ВКП(б) по Башкирии,

Татарии, Украине, о журналах «Звезда» и «Ленинград» и др., а также постановления ЦК КП(б)К о втором издании «Истории КазССР», о грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук КазССР, а дополнение к этому выступление тов. Жданова на дискуссии по философским вопросам, еще раз напоминающее о важности партийности, боевой направленности исследований и популяризаторских работ. Наконец, в помощь автору пришли новые издания трудов Ленина и Сталина.

Надо было ожидать, что эти программные документы заставят автора пересмотреть свою буржуазную и буржуазно-националистическую концепцию, которую он протащил в первой публикации и исследовании о Кенесары Касымове в книге «История КазССР», этим ошибкам посвящено специальное постановление ЦК КП(б) Казахстана. Но товарищ Бекмаханов, как видно по его книге, игнорирует его, не хочет следовать политическим указаниям ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана и свою аполитичную безыдейную работу издает вне учета современной обстановки, когда народы крупных и малых государств борются не вообще за политическую независимость во главе с королями, царями, ханами, а борются за политическую независимость на основе народной демократии, извлекая уроки из многовековой истории классовой борьбы, разоблачая «надклассовость» мнимых предводителей народов.

В заключение такой совет автору; ему надо четче определиться в своих взглядах, с нами он или против нас. Идеализация Кенесары, доводящая его до уровня руководителя «революционной борьбы трудящихся», прогрессивного деятеля, объединяющего борьбу всех классов казахского общества против царизма, — глубоко ошибочна. Это искажает историческую

действительность. Вредность книги заключается и в том, что в пей цитатами из трудов классиков марксизма ленинизма завуалирована буржуазная, буржуазно-националистическая концепция. Неискушенного в истории Казахстана читателя он вводит в заблуждение. (...) Эта критика вовсе не рассчитана на то, чтобы «убить», но она затрагивает принципиальные вопросы. И эту принципиальную сторону, конечно, знает товарищ Бекмаханов, Но он, вместо того, чтобы побольшевиistically разобраться, прислушаться к замечаниям товарищей по работе, ждет «помощи», односторонне добиваясь абсолютного одобрения своей книги... Я считаю, у товарища Бекмаханова высокомерное, пренебрежительное отношение к критике, и этим он подает дурной пример молодому коллективу Института истории...»

16 июля в 19 часов началось третье заседание, на котором слово было предоставлено кандидату исторических наук, заведующему кафедрой истории СССР КазПИ, руководителю сектора истории Казахстана академического института Халилу Мухамеджанулы Адилыерееву.

Халеке родился в Тайпакском районе Западного Казахстана, после окончания техникума в Уральске работал учителем, а в 1932 году окончил Казанский пединститут. В 1934-1942 годах — старшим преподавателем КазПИ, деканом исторического факультета и директором этого вуза. Кандидатскую диссертацию защитил в 1939 году, вел курс лекций по истории СССР. Большинство казахских историков, проживавших в Алма-Ате, считали его своим наставником, несмотря на то, что он перешагнул тогда лишь сорокалетний рубеж. Всех по-корили его глубокие и разносторонние знания и прямой, открытый характер.

Правду-матку он рубил с плеча, не щадя льстецов и подхалимов.

Касаясь взаимоотношений Адильгереева и Бекмаханова, Халима Адамбеккызы вспоминала:

— В свободное время они были не прочь заглянуть в чайхану и повеселиться вдвоем. Ермухан подшучивал над Халеке, хотя тот был старше его, и называл коллегу «казахским Чойбалсаном, только без звания маршала». Густые и жесткие волосы Халеке не поддавались расческе, поэтому всегда были взъерошенными. Роста он был ниже среднего, но очень крепок, жилист — наверное, этим напоминая монгольского маршала. Как-то они сидели у нас дома, Халил-ага сказал: «Ермухан, ты обогнал меня по знаниям и званию, но я не завидую тебе, наоборот, горжусь тобой. Завистливость — черта людей никчемных...» Ереке благодарно взглянул на него: «Эй, Халене, были бы все казахи, как ты... но пока мы находимся среди волков, готовых растерзать нас...» — И, помню, вздохнул...

Х. Адильгереев считал себя демократом, был горячим поклонником первого марксиста Г. В. Плеханова. Представ перед публикой, он начал свою речь с иронической усмешки: «Историк я небольшой» средний, но я коммунист и намерен открыто высказать свое отношение к крайне неприглядным ситуациям, сложившимся среди наших казахстанских историков. В последние годы опубликовано несколько крупных монографий, посвященных изучению истории казахского народа; к ним относится книга М. П. Вяткина «Срым Батыр», удостоенная Сталинской премии, исследование Е. Бекмаханова «Казахстан в 20 40 годы XIX века», труд В. Ф. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова» и несколько малых и больших работ... Особо емкие, значимые из них одобрены крупными

учеными Москвы и Ленинграда. Говори об этом, можно ли предположить, что на докторов исторических наук, высказавших глубоко выстраданные мысли о книге «Казахстан в 20-40 годы XIX века», вдруг нашло затмение, что они ошиблись, сели в лужу по своему невежеству? Нет, ведь большинство из них имеют звания академиков, это крупные ученые. В таком случае. я спрашиваю: если все идет в ногу, насколько права Хадиша Айдарова, выступившая против мнения большинства, какие есть доказательства того, что движение под предводительством Кенесары Касымова было феодально-монархическим, и как понять ее спесивое поведение? Чтобы не выглядеть белой вороной, Хадиша Галимовна привлекла на свою сторону еще двоих казахских историков, представив в Москве их письменные отзывы о книге Е. Бекмаханова...»

И еще цитата из выступления Х. М. Алильгереева:

«Некоторые историки Казахстана, которые пытаются отрицать антиколониальный, прогрессивный характер движения казахов в 1837-1847 гг... обычно ссылаются на приверженность монархии его руководителя Кенесары Касымова, что этот факт оказывается исторически несостоятельным, мы убедились на примере Польши 1830-1831 гг. Известный руководитель крестьянского, антифеодального восстания казахов 1836-1838 гг. Исатай Тайманов тоже придерживался монархического режима правления. Но от этого крестьянское движение не становится реакционным.

...Массовое движение казахов 1837-1847 гг. во главе с Кенесары Касымовым, вызванное колониальной политикой царизма, с одной стороны, и агрессией среднеазиатских феодалов, с другой, является антиколониальной, освободительной войной народа за свою независимость, и поэтому в данной конкретной

исторической обстановке прогрессивной борьбой. В этой борьбе казахский народ вел справедливую борьбу за землю, которую отнимали у него царизм и кокандские беки, лишая его возможности вести скотоводческое хозяйство, за национальное единство и независимость против носителей феодальной раздробленности и внешней агрессии, угрожавших ему национальным порабощением».

Председатель собрания пригласил на трибуну директора Центрального краеведческого музея (1942-1951), кандидата исторических наук А. М. Жиренчина.

Абит (Абусагит) Мусылманкулулы был внуком известного бия Жиренче. В галерее образов, созданных М. Ауэзовым в эпопее «Путь Абая», Жиренче занимает почетное место как наставник, как образец народной мудрости. Внук Жиренче-бия получил начальное образование в 1920-х годах в русской школе Семей, потом учился в сельскохозяйственном техникуме. В голодных 1931-1932 годах, опасаясь преследований, как байский отпрыск, вместе с семьей перекочевал в Среднюю Азию. Находясь там, окончил филологический факультет Среднеазиатского университета, впервые прикоснулся к абаеведению. Имя Абиша Жиренчина осталось в истории науки. До сегодняшнего времени не устарели его научные работы, при его участии увидело свет «Полное собрание произведений Абая Кунанбаева», изданное в 1961 году.

— Когда слово дали Абишу-ага, — рассказывала Халима Адамбеккызы, — Ермухан нагнулся ко мне и на ухо прошептал: «Внимательно слушай этого человека. Сейчас он воскресит перед моими оппонентами давно умерших их родителей. Отдела он перенял искусство вести словесные поединки, воздействовать на умы и трогать сердца людей, говорить кратко, ясно,

приправляя речь едкой солью». По правде говоря, так оно и вышло. Звонким голосом, на чистейшем русском языке он умело высек тех, кто предлагал изъять из употребления книгу Ермухана, так отделал, как казахи аккуратно обрабатывают высушенные шкуры. Некоторые пытались укротить его, но голоса поддерживающих заглушили их: «Правильно говорит, не мешайте ему!» Мне впервые довелось слушать такого темпераментного, острого на словцо, задиристого оратора. Под конец он совсем разгорячился, его густые брови сдвинулись, как тучи, глаза метали молнии. Донельзя уставшие люди встрепенулись. Не кривя душой, скажу: весь зал внимал его словам, Ермухан, сжимая мою ладонь, беспрестанно взволнованно повторял: «Ну и молодчина!..» Да и все присутствующие были довольны его выступлением, проводив его на место громкими аплодисментами... В то время Абишу-ага было 35 лет, он притягивал к себе людей своей красивой внешностью, одухотворенностью, удивительным раскатистым голосом, своим заразительным, искрящимся смехом. По всему его облику и утонченным манерам было заметно, что он потомок родовитых предков. Позднее я узнала, что и супруга была под стать ему по характеру и происхождению, была общительной, очень совестливой и красивой женщиной. И дети выросли добрыми — в отца и мать, громкие имя отца ни пятнышком не запятнали. преуспели в науке. Честно говоря, меня в Абише-ага больше всего привлекала его человечность, приверженность национальным корням. Но это не всегда тогда поощрялось...

А. М. Жиренчин, из стенограммы дискуссии:

«О необходимости партийного подхода к литературе еще раз напомнила редакционная статья «Дубинка вместо критики» в газете «Культура и

жизнь». Эта статья чрезвычайно своевременна. Критическая дубинка, к сожалению, все еще находит применение в нашей печати. Для ряда критических выступлений характерно отсутствие у их авторов современного чутья, сознания ответственности перед читателем и неделикатность по отношению к писателю, передержки в цепях доказательства своей несправедливой оценки произведения. Таковы основные признаки «критики на уничтожение», прямо противоположной подлинно большевистской критике. Покритиковать во что бы то ни стало, показать свою воображаемую «образованность» — вот ее задача.

...В известной мере к такой злопыхательской, разносной критике можно отнести выступления наших уважаемых товарищей Ахинжанова и Шоинбаева на страницах газеты «Лениншія жас» 31.V т. г. и на этой дискуссии — товарища Толыбекова, все трое огульно, с криком и гамом объявили книгу товарища Бекмаханова политически вредной, научно несостоятельной. В их выступлениях нет серьезных, научно обоснованных, обдуманых доводов, доказывающих порочность взглядов автора.

Как можно принять за серьезные научные доказательства то, что они пишут: «Кенесары, поскольку являлся крупным феодалом, считал всех казахов ханской наследственной собственностью». Всем известно, что Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов тоже принадлежат к крупным феодалам, но это не означает, что на этом основании их надо тоже вычеркнуть из истории. Авторы рецензии и выступавшие критики делают упор на то, что Кенесары хотел быть ханом, «хотел восстановить свои бывшие привилегии», а это, мол, объективно идет вразрез с интересами России, могущественного, сильного, развитого государства, уже укоренившегося на северо-востоке Казахстана...

По заключению Айдаровой и Толыбекова в XIX веке казахский народ не должен был стремиться к свободе и независимости, тем самым извращается история, создается о ней превратное, ложное антимарксистское представление, ибо марксизм никогда не отрицал в условиях капиталистического угнетения права на борьбу угнетенных народов за свое самоопределение. История свидетельствует, что казахский народ никогда не отказывался от своей независимости. И эта борьба за свободу и независимость продолжалась на протяжении двух веков, если вспомнить движение батыра Срыма, восстание Исатия, продолжением которых уже в новых политических условиях явилось движение, руководимое Кенесары Касымовым. Вчера товарищ Тояыбеков назвал Кенесары, имя которого воспето в многочисленных произведениях народного творчества и устами великого поэта Абая Кунанбаева. — Дон Кихотом, разбойником, грабителем, а его сподвижников — дикой шайкой, сбродом. Такое кощунство товарища Толыбекова можно сравнить только с отзовами о движении царских генералов и жандармов, которые мы в изобилии находим среди архивных документов (шум в зале). Товарищ Талибеков бросил тень также и на Аблая, по пути которого, говорит он, следовал и Кенесары. «Кенесары продолжал дело своего деда Аблая». История, но крайней мере, знает Аблая как умного государственного деятеля, спасшего казахский народ от окончательной гибели и исчезновения под жестокими ударами джунгарского нашествия. Талибские явно забыл «о великом бедствии актабан-шубырынды". Можно ли после этого серьезно воспринимать выступления тов. Тачыбекова, который считает Кенесары Дон Кихотом, а Аблая реакционером».

Разумеется, произнесенными в те дни с трибуны хлесткими словами Абиш Мусылманкулулы задел

многих, как рашпилем по коже, а всех почитателей казахской истории заставил восхищаться им, наглядно показав, что нельзя равнодушно смотреть на унижение своего национального достоинства. Его речь для слушателей была как свежий, чистый воздух с вершин Алатау, такое оказала она воздействие. «Честь и хвала ему, молодец Жиренчин!» — восклицали сидящие в зале.

Опасаясь последствий такой дерзкой, изболитительной тирады, словно предчувствуя, чем кончится такая безоглядная смелость, председатель заседания пришел в смятение. Он понимал, что, кому надо, все это возьмут на карандаш... Чтобы сбить накал полемики, надо было уравновесить чашу весов, Поэтому, заранее зная, как поведет себя следующий оратор, Ныгмёт Тналпулы предоставил слово заведующему кафедрой истории ВКП(б) Алма-Атинского юридического института, кандидату исторических наук Л. Б. Турсынбаеву.

На партийных собраниях Абди Бошыулы каждый раз поднимал руку, прося слова. Это был стойкий коммунист, ни на йоту не отходивший от генеральной линии партии, всегда поучавший аудиторию. Демонстрируя свою просвещенность, к месту и не к месту он приводил цитаты классиков марксизма-ленинизма, которые знал назубок. В своем амплуа он был и на этот раз.

«Уважаемый председатель правильно отметил, что настоящая дискуссия носит сугубо научный характер. Поэтому навешивать какие-либо ярлыки, как это делают тт, Адильгереее, Жиренчин, — неуместно. Смех публики тов. Жиренчин принимал за чистую монету. Я тоже смеялся, но я смеялся над самим Жиренчиным, над его нетактичностью в отношении к товарищам. Жиренчин сравнивает директора педагогического

института товарища Толыбекова с генералом царской армии. Я считаю, что Жиренчин допускает обидное неуважение к своим товарищам. Дискуссия должна быть объективной, лишенной всякой тенденциозности, в данном случае тенденциозности в худшем смысле. Только такал дискуссия будет научной, способствующей, как говорил товарищ Жданов, движению науки вперед...»

Далее, покритиковав Адильгереева и Жиренчина, А. Турсынбаев отметил, что в книге Бекмаханова приводится очень много достоверных фактов, которые подтверждают ценность этого труда. Однако, на его взгляд, некоторые выступающие совершенно правильно ополчились на эти же факты, так как автор не в меру расхваливает деяния Кенесары...

«В целом, книга Бекмаханова не дает правильного научного освещения исторической действительности. В отдельных работах по истории Казахстана, появившихся в течение последних лет, содержались серьезные ошибки, в том числе в первом издании «Истории Казахской ССР». Все это обязывало тов. Бекмаханова высказать четкое и ясное свое отношение к ошибочным моментам, имевшим место ранее. Однако товарищ Бекмаханов пренебрег критическими замечаниями. Он изображает Кенесары Касымова общенародным героем, самоотверженным борцом за государственное объединение и независимость всего казахского народа... Не довольствуясь изображением Кенесары как вождя восстания, он создает версию о Кенесары-реформаторе, признавая феодальный характер ханства, товарищ Бекмаханов пишет, что Кенесары провел ряд крупных реформ глубоко прогрессивного характера, так как эти реформы

способствовали консолидации сия казахского народа, укреплению казахской государственности».

И когда А. Б. Турсынбаев начал повторять все уже сказанное другими ораторами, ведущий заседание остановил его замечанием:

— Абеке, я думаю, что нужно говорить по существу: прогрессивное это движение или нет? Почему вы отделяете Кенесары от движения массы?

Турсынбаев не стал отвечать на этот каверзный вопрос, как видно из стенограммы» Вместо этого он сказал: «Книга товарища Бекмаханова в сущности повторяет старую ошибочную концепцию, справедливо осужденную советской общественностью. В силу этого книга Бекмаханова в таком виде не способствует правильному пониманию истории Казахстана в 20—40-е годы XIX века и вносит путаницу в головы читателей».

В третий день дискуссии после перерыва на трибуну поднялся пожилой кандидат исторических наук Билял Аспандияров, интеллигент старой закалки (выпускник двухклассной русско-казахской школы в бывшей Тургайской области, основанной известным просветителем-демократом Ибраем Алтынсариним).

«Это было летом 1947 года. Домик Аспандияровых находился в центре Алма-Аты, около киностудии, между улицами Комсомольской и Кирова. — писала Х. А. Бекмухамедова и своем «Слове об интеллигентном человеке — Биляле Аспандиярове». Помню, как приятно улыбаясь, встречал гостей хозяин дома Билял Аспандияров, шестидесятилетний седовласый старик высокого роста, с крупным, выразительным лицом, широким носом и умными глазами. На лице его читался незаурядный интеллект. Он откровенно восхищался Ермуханом. Дастархан был обильный, разнообразные казахские и европейские блюда молча приносила на

стол обаятельная женщина, супруга Биляла-ага — Шакен. Она на много лет была моложе своего супруга, но вела себя просто, достойно. Помню, какие-то дети суетились вокруг нас. среди них — десятилетний мальчик, похожий на отца, позже я узнала его имя — Серик... Аспандияров не только занимался историей Казахстана, но и написал несколько учебников по русскому языку и читал еще студентам лекции по логике... Ермухан был очень доволен, когда Билял-ага выступил на дискуссии по его книге... Билял-ага в ту пору пользовался большим авторитетом. Как истинный педагог, он дал знания сотням учащихся, студентов, воспитал многих лучших представителей национальной интеллигенции 30-50 годов, среди которых Ильяс Омаров, Найля Базанова, Кенжалы Айманов...»

«Бекмаханов в своей книге утверждает, что движение, возглавленное Кенесары, является массовым. Спрашивается, на чем товарищ Бекмаханов основывается, утверждая это? В его книге (на страницах 168-170) мы находим целый ряд таблиц с описанием всех родов, принявших участие в движении... — начал свое выступление Б. Аспандияров. — Поручик Генерального штаба Гери в своем рапорте председателю Оренбургской пограничной комиссии Ладыженскому писал; «Скопище султана Кенесары состоит из его тюленгутов (до 1000 человек) и примкнувших к нему бродяг аргынцев, торткаринцев и чумекеевцев, таман и габынцев; есть также басаналинцы, кирейцы, кипчаки почти со всех родов Оренбургского и Сибирского ведомства». Таковы данные царских чиновников... Теперь скажу немного о себе. Сам я являюсь сыном казаха из кипчаков, которые упоминаются в донесениях царских чиновников. Моя бабушка, а учтите, я уже был в летах, рассказывала мне неоднократно, что все роды кипчаков участвовали в

движении Кенесары, затем, преследуемые царскими отрядами, удалились временно в Чаусаки (?), позднее вернулись обратно на свои места. Она была уверена, что целый род кипчаков участвовал в движении. Оренбургский военный губернатор генерал Обручев в докладной записке военному министру Чернышеву сообщал, что к мятежному султану Кенесары присоединились и вышли из повиновения ближайшего своего начальства, Оренбургского ведомства, следующие роды: торткаринский, чиклинский, алчинский, аргунский, баганалинский, чумекеевский и др., часть карабашевского рода. Кроме того, имеем рапорты Горчакова военному министру Чернышеву об активном участии в движении Кенесары Касымова многочисленного кипчакского рода, то есть рассказы моей бабушки дословно совпадают с рапортом Горчакова... Следовательно, все это подтверждается документальными и неопровержимыми доказательствами.

А что противопоставляют этим документам и доказательствам Айдарова и Шахматов? — все громче и возбужденнее бросал Аспандияров в зал. — Абсолютно ничего, кроме голословных фраз и утверждений! На совещании 14 июня Шахматов заявил: «Движение не было массовым. Цифры, приводимые Е. Бекмахановым, преувеличены и случайны. Упоминаются роды, от которых в движении участвовали единицы». Примерно то же самое повторяет и Айдарова. Как видите, товарищи, высказывание товарища Шахматова очень ответственное, но оно решительно ничем не подкрепляется. Критики не приводят своих данных о тех родах, от которых к Кенесары примкнули единицы, просто потому, что таких источников у них нет. Если бы они имели их, мы проверили бы — так это или не так.

С нашими историками порою происходят парадоксальные метаморфозы, меня это крайне

удивляет... — возмущался оратор. — Некоторые участники дискуссии в ходе многочисленных обсуждений успели уже на 180 градусов изменить свои первоначальные посылы. Снова назову товарища Шахматова. В марте этого года при обсуждении гранок второго издания «Истории КазССР» Шахматов доказывал, что движение Кенесары Касымова было феодально-монархическим. Проходит некоторое время, и Шахматов резко меняет направление. На совещании в президиуме Академии наук Казахской ССР он ратует уже за то, что движение Кенесары Касымова было национально-освободительным...

Товарищ Айдарова вовсе отрицает массовый характер восстания, объясняя это текучестью участников движения, которые при верной возможности оставляли Кенесары и уходили. Она утверждает, что Кенесары вовлекал в движение ополченцев путем запугивания. Мне кажется, это не совсем так. Во-первых, само передвижение Кенесары было вынужденным. Почему он передвигался? В силу неравенства воюющих сторон. Вооруженные царские войска наступали, преследовали его все время. Кенесары вынужден был отступать. Этим объясняется то, что он не стоял на одном месте. Во-вторых, товарищ Айдарова объясняет текучесть состава ополчения тем, что только запугиванием Кенесары удавалось пополнять и сохранять ряды восставших. Если это так, то я задал бы ей вопрос: а карательные отряды царского правительства разве представляли меньшую угрозу? Разве вся карательная система не нагоняла страх на казахские массы, разве карательные отряды не разоряли казахские аулы? Не использовали все средства для того, чтобы завлечь на свою сторону отдельных сторонников Кенесары? Кто в данном случае сильнее? Царское правительство больше сеяло страха, больше карало. В-третьих, непостоянный состав

является обычным явлением в истории движений народных масс. Возьмем историю бунтов Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. Вы знаете оценку вождя товарища Сталина. Крестьяне дальше своего села не идут. Естественно поэтому, что казахи тоже не уходили далеко от своих пастбищ, и этим частично объясняется их отсеивание по пути следования отрядов... Правильно говорят, что царское правительство угнетало казахов и другие народности на территории России. Это неоспоримый факт. И люди поднимались на борьбу с ним. Я убежден, что движение пол предводительством Кенесары было массовым и антиколониальным, освободительным. Это не только мое мнение, об этом говорили наши учителя, московские профессора, ученые. Так что я расхожусь во мнениях с Айдаровой. Выступление товарища Айдаровой я считаю несостоятельным».

Мусатай Бекболатулы Ахинжанов родился в 1905 году в Чингистауских горах Восточно-Казахстанской области в семье бедняка. В 1920-х годах он успешно окончил Семипалатинский педтехникум. Возвратившись в родные места, активно работал в Чингистауском райкоме комсомола. Судя по его позднее опубликованным воспоминаниям, отличавшимся самолюбованием, в газете «Лениншіл жас», накануне празднования 50-летия республиканской комсомольской организации, он вроде был застрельщиком во всех политических кампаниях, проводимых в этом районе в 1928–1930 годах, создавал комитеты бедноты, помогал открывать кооперативы и товарищества по обработке земли, участвовал в конфискации скота баев, в создании колхозов, руководил комсомольскими ячейками...

В 1926–1928 годах он учился в Оренбургском педагогическом институте. В середине 1930-х годов

работал в Казахском филиале Института марксизма-ленинизма, в 1938–1942 годах он уже был директором Алма-Атинской высшей партийной школы. Участвовал в Великой Отечественной войне. Вернувшись, преподавая на историко-философском факультете КазГУ, занимался общественной работой и, конечно, во всех политических кампаниях твердо стоял на большевистских позициях.

Например, 29 сентября 1937 года в «Казахстанской правде» было напечатано письмо-донос шести студентов Института марксизма-ленинизма под таким страшным заголовком, что когда читаешь его и сегодня, мурашки бегут по спине: «Японский шпион в роли историка». Студенты-активисты в этой статье «разоблачали» своего наставника, профессора, автора «Истории Казахстана» С. Ж. Асфендиярова. В качестве неотразимого аргумента приводились факты, что он-де в своих лекциях постоянно восхваляет мнимые заслуги миссионера (?) Ибрая Алтынсарина и царского палача (?) Чокана Валиханова, а далее в этом грязном, клеветническом по содержанию пасквиле было сказано: «История нашего народа подменена восхвалением ханов, султанов, феодалов, контрреволюционными пантюркистскими пошлостями о происхождении казахского народа. Фашистский наймит Асфендияров свою контрреволюционную пачкотню черпает из фашистских источников». Этот донос послужил поводом для ареста и последующего уничтожения талантливого врача-профессора, историка и первого ректора Алма-Атинского медицинского института (ныне носящего имя его основателя). Заметим, что в числе подписавших этот донос в газету, похожий на судебный приговор, был и М. Ахинжанов (его подпись стояла первой). Конечно, мы учитываем обстановку того страшного времени, возможно, его каким-то образом вынудили подписать письмо. Но!..

Зато совершенно непонятно, что заставило прошедшего войну, зарекомендовавшего себя серьезным ученым, писателем-драматургом Мусатая Ахинжанова встать поперек дороги талантливому коллеге, который был на десять лет младше его, работал с ним вместе в одном университете, на одном факультете, даже на одной кафедре.

Декан исторического факультета КазГУ, кандидат исторических наук М. Б. Ахинжанов присоединился к когорте противников Ермухана:

«...Что касается фактов, то их собрано в книге Бекмаханова немало. Немало в книге не только фактических материалов, но и фактических неточностей. Но не в этом главный порок книги. Вряд ли ради этого стоило устраивать четвертую дискуссию здесь, в Алма-Ате, после авторитетной дискуссии в Москве. Значит, причина значительно глубже. Главный порок обсуждаемой работы, на мой взгляд, заключается в ее неверной политической, идейной направленности.

Прежде всего, надо отметить ошибочность исходных пунктов автора, противоречащих учению товарища Сталина об определении освободительного движения в национальных странах. Автор создает видимость, что он не знает указания товарища Сталина и тщательным образом обходит его. А защитники, как в Москве (товарищ Дружинин и др.), так и здесь — Нусупбеков, Аспандияров и Жиренчин, прямо говорят, что это указание товарища Сталина неприменимо в условиях Казахстана. По их суждению выходит, что высказывания тов. Сталина годны только в Грузии. Это, конечно, нонсенс. Товарищи, сила классиков марксизма-ленинизма состоит именно в том, что они создали применимую везде стройную, передовую, прогрессивную теорию на основе накопившегося опыта человеческой деятельности. Всем известны выводы и

высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и тов. Сталина, которые равным образом относятся как к Грузии, так и к Индии, а также и к Казахстану и другим колониальным странам...

Для того, чтобы добиться восстановления своих привилегий, добиться восстановления ханской власти, Кенесары и султанская клика из фамилии Аблаевых пытались использовать движение народных масс, поднимающихся против царской колониальной политики. Кто станет это оспаривать? Кенесары боролся за то, чтобы освободить от русских «свой, ему по нраву принадлежащий от деда народ» и стать его ханом. Народ боролся за свою свободу... Кенесары боролся за землю, доставшуюся в наследство от Аблая, чтобы, владея этой землей, эксплуатировать казахов. Массы боролись за землю, потому что считали ее общенародным достоянием, необходимым для добывания средств к жизни своим собственным трудом. (...) Набеги на казахские аулы товарищем бекмахановым подаются тенденциозно, как походы и набеги ташки боев и султанов враждебной Кенесары стороны, ибо автор характеризует Кенесары как гуманного человека. Это первая ошибка автора. В ходе восстания народные массы отходили от Кенесары... Автор пытается объяснить это так: «...отход одних родов от восстания и появление на их месте других объясняется, в первую очередь, передвижением Кейесары из одного жуза в другой». Едва ли надо доказывать всю слабость этого объяснения. Эта вторая политическая ошибка. Другая ошибки заключается в том, что в книге тов. Бекмаханова фактически отрицается классовая борьба, которую вели на протяжении веков трудящиеся казахи против своих феодалов, биев, баев».

Свои тяжелые фразы М. Ахинжанов бросал в зал, точно вбивал в головы гвозди, в конце он сделал

категорические, не подлежащие обжалованию выводы:

«1. Движение Кенесары надо отнести к первому этапу освободительного движения, к движению феодально-монархическому. Доработку следует вести в соответствии с этим выводом.

2. Изображать Кенесары общенародным героем нельзя.

3. Нельзя приписывать ему роль самоотверженного борца за интересы народа. Народные интересы следует отделить от личных интересов Кенесары.

4. Приписывая Кенесары политическое мышление, определенно сложившуюся систему взглядов, якобы унаследованную от отца и деда, автор идет вразрез с положениями ленинизма. Надо устранить в книге это противоречие.

5. Нельзя приписывать Кенесары роль создателя нового казахского государства, ибо это противоречит истине и умаляет преобразующую роль Великой Октябрьской социалистической революции.

6. Нельзя приписывать Кенесары роль вождя народа и прогрессивного реформатора.

Как видите, все вышесказанное касается идейного направления книги. И пока оно будет оставаться прежним, мы вынуждены будем говорить, что книга товарища Бекмахинова антинаучная и антимарксистская, извращающая историческую науку о Казахстане. Она отрицательно действует на чувства легковверных людей, о чем свидетельствуют выступления товарищей Аспандиярова и Жиренчина...»

На третий день также выступил кандидат исторических наук Аяп Нурканов. Он старательно выискивал малозначительные погрешности в монографии и уличал автора в неправильном написании имен некоторых людей, названий родов и местностей, а в заключение упрекнул автора в том, что он поднял

Кенесары на недосягаемую высоту, дав ему завышенную оценку: «Товарищ Бекмаханов сознательно гиперболизирует роль Кенесары. Это делается с одной целью «доказать», что, мол, до Октябрьской революции в Казахстане не было ни одного движения, равнозначного по размерам и значению восстанию, возглавляемому Кенесары. Это прямое извращение истории казахского народа, давшего таких революционеров, как Иманов, Жангильдин, Бокин, Койдасов, Доцанов, Майкутов и многие другие. Мне кажется, как раз в этих вопросах товарищ Бекмаханов хромает, допускает методологическую близорукость, заодно политическую ошибку, и поэтому его позиция оказывается эксцентричной, уязвимой».

Когда Аяп Нурканов совсем закусил удила, один пожилой человек встал с места: «Эй, Аяп, что ты несешь такую чушь? Лучше раскрой глаза и внимательно посмотри на название книги...» В ответ историк, как укушенный, нервно набросился на непрошеного советчика с руганью: «Аксакал, видимо, вы тоже из тех, кто ждет возвращения ханов, или же вы из торинцев. Не перебивайте меня, каждый сверчок должен знать свой шесток!..»

Страсти в ходе дискуссии то взлетали на гребень волны, то затухали, и на третьи сутки, поздней ночью, регламент ее истек. Однако не удовлетворенные до конца слушатели настояли на ее продолжении с одним условием: ограничить выступления сорока минутами, а тех, кто будет нарушать новый регламент, просто сгонять с трибуны.

Сарсен Аманжолов, доктор филологических наук, 17 июля:

«...Известно, что авторы «Истории Казахской ССР», оправдывая ханов и султанов за их «феодално-монархический национализм», одновременно весь свой

гнев направили против тех деятелей, которые избрали «наименьшее зло», присоединение к русскому государству. Так, например, хана Абулхаира, первым присягнувшего в 1732 (?) году русскому правительству, они называли злейшим предателем народа (см. «История Казахской ССР», с. 153)... После постановления ЦК КП(б)К авторы, в том числе товарищ Бекмаханов, должны были отказаться от грубейших заблуждений и националистических извращений в истории Казахстана. Однако, судя по содержанию обсуждаемой работы Е. Бекмаханова, можно утверждать, что он все еще находится в плену своих прежних представлений. Для него и его сторонников «История Казахской ССР» до сих пор остается безупречным трудом.

...Героев действительно народных движений Срыма Датова и Исатая Тайманова, боровшихся против ханов и эксплуататоров, автор книги считает идейными предшественниками Кенесары Касымова («История Казахской ССР» (с. 220, 223, 361, 397), а предводителя народного восстания 1916 года Амангельды Иманова и вора-грабителя Есета Котибарова (агента хивинских ханов) — прямыми его последователями (с. 360–363). Где здесь логика, классовый, марксистский подход?»

Виктор Федорович Шахматов приехал в Казахстан юношей, в 1924–1927 годах учился в Семипалатинском педтехникуме, в 1934 году окончил КазПИ. Четыре года воевал на фронте, а с 1945 года окончательно обосновался в Алма-Ате, возглавлял отдел Древнего мира и Средних веков Института истории, в 1947 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова». Виктора Федоровича, лишь в среднем возрасте окунувшегося в научный мир, многие коллеги характеризовали так: «Он считал себя исключительным

знатоком истории Казахстана. Действительно, он много знал, был любознателен, эрудирован, однако ко всем казахам относился надменно, свысока, считая их темными, безнадежно отставшими в духовном развитии, едва научившимися читать по буквам в советское время...»

В. Ф. Шахматов, из речи 17 июля:

«...Борясь с царскими колониальными властями в своих феодальных интересах, Кенесары в то же время выдвигал ряд задач, понятных и близких массам, их-то массы и поддерживали. Например, такой задачей была борьба с Кокандом, связанная с освобождением населения из-под гнета кокандских беков (южных районов Казахстана). Другой задачей было возвращение земель, предгорий Улытау и Кишшпау, захваченных царизмом, срытие укреплений и окружных приказов. Эти задачи были понятны массам, поэтому они шли за Кенесары, поэтому на отдельных своих этапах это движение приобретало национально-освободительный характер.

...Как видите, у нас с тов. Бекмахановым есть некоторая общая точка зрения в оценке движения как освободительного. Но, конечно, не революционного. Я не могу полностью согласиться с автором в описании движения и оценке личности Кенесары, Предыдущие товарищи опередили меня в критике основных положений автора, в книге налицо нения идеализация хана Кенесары. Нет таких хвалебных, лестных эпитетов, которые не применил бы к нему автор, Но-видимому, сам Кенесары был бы смущен, если бы услышал все эти дифирамбы.

...Одновременно автор облагораживает и все феодальное окружение Кенесары — у него все мудрые, хорошие, но умалчивает об их отношении к народу. Ведь все они были его эксплуататорами. имевшими над

ним большую власть. И, наконец, никакого централизованного ханства Кенесары не удалось создать. (...) Казахское государство было впервые создано при советской власти... Здесь уже слишком много ссылались на авторитет крупных московских ученых, бывших оппонентов товарища Бекмаханова. Я их всех очень уважаю как крупных ученых. Между ними и нами такая же разница, как между начальником участка железной дороги и путевым обходчиком. Но путевой обходчик знает свой шестикилометровый участок пути лучше и детальнее, чем начальник участка (смех в зале). Может, и мы знаем свой маленький участок истории Казахстана лучше и детальнее, чем наши наставники?»

Сергей Николаевич Покровский (1900–1978) хотя и получил звание профессора, являясь директором (1934 год) Университета марксизма-ленинизма при Доме политического просвещения в Харькове, однако докторскую диссертацию по теме «История гражданской войны в Жетысу» защитил после переезда в Казахстан лишь в 1946 году. С 1945 по 1978 год он работал старшим научным сотрудником, директором, а в последние годы жизни заведующим отделом Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Валиханова. В 1951 году Сергей Николаевич был избран действительным членом Академии наук Казахской ССР, в 1951–1962 годах исполнял обязанности секретаря-академика отделения общественных наук академии. Он состоял в рядах Компартии с восемнадцати лет, даже в молодые годы на него возлагали ответственные должности: в Народном комиссариате просвещения Украины, в высших учебных заведениях. позднее в течение четверти века он постоянно занимал руководящие посты. (В беседе с нами Мухамеджан Абдикалыкулы

сказал: «До утверждения С. Н. Покровского проректором КазГУ (1943 год) он был прокурором Алма-Атинской области, лично приложил руку к репрессиям. Как человек из органов он был скрытен, себе на уме. научные познания его были поверхностны, в дискуссиях он отделивался общими дежурными фразами, прикрыв свое невежество партийными лозунгами».) Кстати, в 9-м томе КСЭ, где приведена автобиография С. Н. Покровского, не указана его прокурорская служба...

С. Н. Покровский, доктор исторических наук, из стенограммы:

«.. Я не могу согласиться с мнением отдельных товарищей, утверждающих, что в связи с присоединением Казахстана к России утрачивает свое значение национально — освободительная борьба. Нельзя забывать ленинское указание о том, что было две России. Русский народ и казахский народ имели общие исторические интересы, уже в те далекие времена между ними начали развиваться и устанавливаться дружеские отношения. Русские же государство, то есть царизм, монархия Николая I были враждебны и русскому, и казахскому народам. Борьба против царизма была справедливой и прогрессивной... Едва ли нужно доказывать, что в напряженной обстановке, которая создалась в степи, в борьбу вступили и народные массы. Это подтверждается многочисленными архивными документами и свидетельствами современников. Об этом писал, например, генерал-губернатор Западной Сибири Горчаков оренбургскому военному губернатору Перовскому: «Мятеж сей тем опаснее, что свое грабительство названный султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение их

былой вольности. Оттого-то он и имеет в кыргызских степях столько сподвижников».

Основным недостатком книги тов. Бекмаханова является то, что, отметив в 1-й части книги классовые противоречия внутри казахского общества той эпохи, он не вскрыл этих противоречий в ходе восстания. М. П. Вяткин во время дискуссий о книге товарища Бекмаханова в Институте истории АН СССР совершенно справедливо упрекнул автора в том, что когда он излагает ход борьбы, то классовые противоречия у него действительно исчезают.

...Хочется отметить еще один момент. Говоря о России 20-40-х годов XIX века, тов. Бекмаханову нужно было бы шире поставить вопрос о том, что тогда, наряду с царской Россией, Россией Николая I, князя Горчакова и графа Перовского, уже была другая Россия, Россия Белинского, Герцена и Огарева. Эта другая революционно-демократическая Россия боролась против царской тюрьмы народов, против колониального грабежа, осуществлявшегося царизмом в отношении слабых народов. Через 11 лет после восстания 1837—47 года Герцен на страницах «Колокола» на весь мир заявил протест против палачества царизма в отношении казахов. О другой революционной России говорится в книге мало, имена Белинского, Герцена и других революционных демократов 30-40-х годов в книге не упоминаются новее. Это неправильно».

— Эта тема мне близка и знакома, так как много лет я изучал это движение по архивным материалам, хранившимся в Москве. Ташкенте, Алма-Ате, — так начал свое выступление Е. Д. Дильмухамедов.

Высокий, статный казах, к этому времени он достиг сорока пятилетке го возраста, работал младшим

научным сотрудником Института истории (в 1930 году он окончил Среднеазиатский коммунистический университет имени В. И. Ленина, много лет преподавал в качестве заведующего кафедрой марксизма-ленинизма в Институте в Каракалпакской АССР, в Алматы переехал в 1947 году). Его речь была стройной, фразы изящными и достаточно взвешенными. Сидящие в зале сразу заметили, что это искусный оратор.

— ...Заслугой тов. Бекмаханова является то, что в своей монографии на большом материале он четко обрисовал классовую структуру казахского общества того времени, сложное переплетение классовых и патриархально-родовых отношений. Эта важная часть монографии, и замалчивать ее или беспардонно охаивать, как это делают товарищ Шоинбаев и другие, просто нечестно. Это во-первых. Во-вторых, в 20-х годах прошлого столетия началась активная колонизация Казахстана, русский царизм лишил казахский народ и территориальной, и политической, и государственной независимости, — продолжал свою речь оратор, все больше и больше накаляя атмосферу в зале. — Царизм уже не довольствовался колониальным гнетом, он стремился лишить казахов самого названия «народ». Это наступление царизма также накладывает решающий отпечаток на все события казахской истории того времени. Достаточно просто перечислить главнейшие из них, чтобы отчетливо это увидеть. Казахский народ не мог мириться с лишением его территориальной самостоятельности (объявление казахской земли собственностью царского правительства), с окончательной потерей государственно-политической самостоятельности (введение колониального управления), с хозяйственным массовым разорением и колониальными поборами. Одновременно казахи не мирились и с захватнической политикой среднеазиатских ханов. Отсюда

ожесточенная борьба казахского народа в 20—40-х годах пропетого века на два фронта — против царизма и против среднеазиатских ханов. И поэтому именно в двадцатых годах вспыхивают одно за другим массовые восстания против колонизаторской политики царизма... Гнев охватил доведенный до отчаяния народ даже в самых глухих местах Казахской степи» — констатировал Елток Дильмухамедов, печально посмотрел в зал и с глубоким вздохом произнес: — Некоторые мои коллеги вольно или невольно скатываются на антимарксистские позиции» не учитывают того, что Кенесары, Жанхожа, Есет и Бухарбай-батыры выступали не против России вообще, а против колонизаторской политики царизма. Не принимая это во внимание, отдельные товарищи относят движения Кенесары Касымова, Ж. Нурмухамелова. Е. Котубарова. Б. Батырова к реакционным. Я не согласен с таким мнением...

Взяв с председательского стола стакан воды и отпив несколько глотков, Дильмухамедов возвратился к трибуне.

— Наиболее ярые критики книги «Казахстан в 20-40 годы XIX века» много раз со свойственным им злорадством, желая окончательно развенчать Кенесары, подчеркнуть его жестокость, указывали на то, что предводитель движения вел борьбу с мирным кыргызским населением и в этой борьбе с ним погиб, внося раздор в дружбу двух народов. Я хочу здесь высказать свое мнение по этому щепетильному вопросу... Восстание Кенесары с 1846 года шло по нисходящей линии. С начала восстания царское правительство непрерывно закладывало среди кочевий Кенесары немало военных укреплений. После возвращения представительств Долгова и Герна было сооружено еще два укрепления — на берегах рек Иргиз и Тургай, постройка этих укреплений в центре кочевий

восставших казахов осложнила ситуацию. Центр освободительной борьбы повстанцы перенесли вглубь страны, в район Старшего жуза. Здесь Кенесары хотел объединить казахов Старшего жуза и киргизов для совместной борьбы против кокандского хана и русского царизма. Повстанцев тепло встретили казахи родов дулат, уйсун, жалайыр и наймам во главе со своими батырами Тойшыбеком, Саурыком. Суранши, Байзаком и другими, принявшими активное участие в военных операциях Кенесары против царских отрядов Нюхалова, казахских султанов и кыргызских манапов. Кроме наступательных действий против Кенесары, русский царизм вел переговоры с крупными казахскими феодалами, чтобы склонить их на свою сторону, также старался привлечь к себе враждебные Кенесары племена. Споры между матаевцами и уйсунцами постарались использовать Вишневский и Кенесары. Барак Султанбаев с отрядом в 200, а султан Булек Шанхаев — в 400 человек на реке Каратале присоединились к отряду Нюхалова. Наступили критические для Кенесары дни. Он был окружен кольцом врагов. Напуганные этим роды Старшего жуза стали покидать лагерь Кенесары. Нюхалову было сообщено, что «отступление скопища Кенесары с полуострова Таскамал на озере Балхаш сопровождалось гибелью множества скота и окончательно подорвало его громкую славу среди уйсунцев». Орион Ниязбеков являлся душителем народно-освободительного движения киргизов против Коканда. Среди борцов за свободу должно быть отмечено имя Балбая, еще в середине XIX века поднявшего восстание против Ормонхана. Узнав об отчаянном положении Кенесары и обострении его отношении с кыргызскими манапами, есаул Нюхалов в августе 1846 года отправил письмо манапам с предложением истребить войско Кенесары Касымова, как их врага и врага русского царизма.

Манапы, посоветовавшись между собой, ответили ему согласием. После этого комендант Оренбурга написал военному министру 10 июня 1846 года, что один вожак каравана собственными глазами видел в Ташкенте присланные кыргызами в подарок тамошнему начальству два воза голов убитых соратников Кенесары, которые были выставлены на длинных шестах на ташкентском базаре. Местные правители в изъявление своею удовольствия выдали кыргызам подарки. Конечно, речь идет не о простых кыргызах, а о манапах. Кенесары Касымов неоднократно обращался с миром к манапам, увещевая их, что перекочевал к ним не для того, чтобы враждовать с ними и проливать кровь, а в силу преследования царским правительством. Но манапы не пошли на союз с Кенесары Касымовым, совершали набеги на его кочевья. Противостояние закончилось 3 апреля 1847 года ожесточенным сражением на берегах рек Кзылсу и Сомсу, у подножия гор Кыргызского Алатау. На помощь манапам из восточных районов Киргизии прибыло крупное подкрепление. Кенесары, видя значительное превосходство сил противника, немедленно вызвал резервные отряды, но они не добрались до места сражения, ибо их задержали по дороге царские заслоны. Кенесары был разбит. По ходатайству пограничного начальника Вишневого царское правительство наградило всех участников разгрома. Получили награды 12 кыргызских манапов, 5 казахских султанов и биев. Кроме того, власти наградили начальника Семиреченского военного отряда есаула Нюхалова за его боевые заслуги и правильную расстановку сил по разгрому Кенесары Касымова. Также был награжден сотник Абакумов за успешные действия по удержанию резервных отрядов Кенесары, которым не удалось соединиться с действующими

отрядами, что способствовало скорейшему разгрому казахского ополчения.

Эти факты показывают, что к гибели Кенесары причастны не только кыргызские манапы, но также царские власти и кокандские ханства, с которыми сговорились казахские феодалы, кыргызские манапы. Объединившись, они подготовили почву для разгрома Кенесары. Именно это отмечал генерал-майор Гасфорд в своем письме в министерство иностранных дел, где, говоря об Орионе Ниязбекове, писал: «Неоспоримо, что без его содействия и исполненной им над Кенесары казнью дела наши тогда могли бы взять другой, менее выгодный для нас оборот».

В итоге четвертый день дискуссии опять завершился гласом вопиющих в пустыне. К разумным доводам прислушивались не все. Над ними возобладали амбиции. Распри не удалось ни остановить, ни запретить...

* * *

На пятый день заседания на трибуну поднялся заведующий отделом XIX века Института истории, кандидат исторических наук Бегежан (Бек) Сулейменов. О нем ходили слухи, что он питомец московского вуза, в то время это было необычайно престижно. В общем, считалось, что Бек Сулейменулы, историк от Бога, знает, мол, себе цену и, конечно, всегда может сказать веское слово (только захочет ли?).

Б. С. Сулейменов, 19 июля 1948 года:

«...Надо признать с большевистской прямоотой и откровенностью, что автор не оправдал доверия научной общественности, допустив в своей книге серьезные идеологические ошибки. Тем более нельзя

простить товарищу Бекмаханову то, что он на эту тему написал в 1943 году главу «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшую под редакцией М. Абдикалыкова и А. Панкратовой, главу книги сугубо порочной, ошибочной, по существу националистической. Расширив эту же главу, товарищ Бекмаханов представил ее как кандидатскую диссертацию, защитив ее в том же 1943 году, затем включил ее во второе издание «Истории Казахской ССР» в 1946 году. После этого товарищ Бекмаханов, переработав кандидатскую диссертацию и главы первого и второго изданий «Истории», несколько расширив их объем, представил их на соискание ученой степени, на сей раз доктора исторических наук в 1946 году, спустя год после обстоятельной рецензии товарищ Морозова в «Большевике», органе ЦК ВКП(б)... Казалось бы, автору сам черт не брат в этом деле. Он все должен был изучить от А до Я. И можно ли допустить, что где-то он споткнулся случайно, но рассеянности? Прав заявивший здесь доцент Турсынбаев: «На этот вопрос ответить весьма трудно». При этом невозможно простить автору его промахи, сделать ему какие-то скидки ни по объективным, ни по субъективным причинам. Я не нахожу, таким образом, для этого никаких оснований.

...Как следовало из его менторских замечаний, в главе «Обзор литературы» автор привел огромный список по всему курсу истории Казахской ССР, значительная часть которого непосредственно не относится к его теме. При этом Е. Бекмаханов не подверг научному, критическому анализу перечисленную им литературу, не дал четкой оценки политической ориентации и мировоззрения авторов, их исследований, отделавшись общими фразами. Он принял данные почти всех авторов за чистую монету, как достоверные исторические источники. Причем,

делая ссылки, Бекмаханов не различает четко друг от друга цитируемых авторов, все они у него на одно лицо, независимо от общественного и социального положения, по ту или по эту сторону от общества. Товарищ Бекмаханов весьма наивно и доверчиво относится к авторам этих материалов, видным колониальным чиновникам пореформенного Казахстана 60—90-х годов XIX века. Бекмаханов забыл о том, что, например, Л. Баллюзек служил тогда военным губернатором Тургайской области, то есть являлся жандармом, душителем трудящихся масс русского и казахского населения края, да и остальные авторы также занимали видные посты в колониальной иерархии. Такой безразличный, легковесный подход к использованию источников является глубоко ненаучным и оставляет удручающее впечатление у научной общественности, историков-специалистов. В этой и других книгах товарища Бекмаханова сплошь и рядом открыто идеализируются патриархально-феодалские устои, власть султанов (торе) белой кости. «Из литературы на восточных языках по истории Казахстана и Средней Азии следует указать на интересную работу Кары-Курбан-Аликаджи и Халид-Бек-Оглы («Тауари-Хамсе». Казань. 1910 год), написанную на тюркско-татарском наречии. Он был родом из Аягуза Семипалатинской губернии и жил в Чугучаке Синьцзянской провинции Китая». — подчеркивает автор. Как же можно, товарищ Бекмаханов, принимать на веру свидетельства турецкого шпиона, жившего на границе Казахстана с Китаем, называя его выходцем из Аягуза, и считать его очерк «Тауари-Хамсе», пронизанный идеями пантюркизма и панисламизма, ценнейшим источником по истории Казахстана? Как можно ему слепо верить, товарищ Бекмаханов? Я не ошибусь, если скажу, что выражаю мнение большинства присутствующих здесь товарищей: полагаться на

турецкого шпиона-пантюкиста не к лицу советскому ученому, советскому историку».

Критический тон Б. Сулейменова становился все неистовее. Он уже более получаса только фактами крыл коллегу. В зале стояла полная тишина. А с трибуны лился словесный поток. Кое-кто уже стал думать, неужели у известного и уважаемого историка накопилась столько желчи, чтобы так бить младшего коллегу...

«В своей книге тов. Бекмаханов искажает историю казахского народа» солидаризируется с лидерами буржуазно-националистической партии «Ашш-Орда». И это я постараюсь опять-таки доказать высказываниями самого Ермухана Бекмаханова. Без зазрения совести Бекмаханов открыто реабилитирует лидера партии «Аяш-Орда» Ашхана Букейханови, пропагандируя и используя его материалы и труды как достоверный» ценнейший исторический источник: «Из дореволюционных публикаций» относящихся к истории Казахстана» можно назвать издания семипалатинского правоведа Н. Я. Коншина». Лукавит товарищ Бекмаханов! Все обстоит несколько иначе. Ачихан Букейханов представил Семипалатинскому статистическому комитету свои труды и материалы и просил издать в его официальном органе «Памятной книжке». Статкомитет пошел навстречу А. Букейханову и посвятил ему целый номер «Памятной книжки» за 1902 год. Так что статьи и материалы А. Букейханова вовсе не являются частным изданием Коншина, как нам преподносит товарищ Бекмаханов. Коншин в период первой русской революции метался между партиями кадетов и эсеров (умер эсером — максималистом). Другое дело, Коншин, будучи сотрудником

статистического комитета» помогая А. Букейханову мутить воду и морочить головы читателей...

В главах «Хозяйственный строй казахов» и «Социальные отношения казахов» вы, товарищ Бекмаханов, дублируете по основным вопросам положения Г. Токжанова. Следует вам напомнить, что Токжанов в тридцатых годах натурально, просто возмутительно фальсифицировал историю казахского народа, советская и партийная общественность навсегда разоблачили его лживые измышления. При написании своей монографии вы, товарищ Бекмаханов, попали в сети антинаучной, тенденциозной концепции Г. Токжанова, изложенной в книге «Казахстанский колониальный аул», изданной в Москве в 1934 году. У вас, видимо, ум зашел за разум. Вы выхватили отдельные, незначительные, частные факты и пытались на их основе сделать обобщающие выводы. Поэтому у вас в книге всюду, по совести говоря, неразбериха и путаница, сплошные противоречия. Например, на той же 69-й странице, вместо характеристики подлинной жизни казахского общества первой половины XIX века, мы сталкиваемся с элементами вашей фантазии. Это вас роднит с Габбасом Токжановым. Не верите? Прочитайте указанную книгу Токжанова, особенно страницы 57, 61, 68. Мы решительно не можем согласиться с вами. Ваша концепция по этому вопросу явно противоречит прямому указанию товарища Сталина. Антинаучную, антиисторическую теорию Токжанова советская общественность давно похоронила и забыла. К сожалению, вы, товарищ Бекмаханов, воскрешаете ее. Спрашивается, зачем нужно было Токжанову так упорно излагать историю казахского народа или же Рыскулону так грубо исказить ее, проповедуя «родовой демократизм» в казахском обществе? Поясним. Первому, т. е. Токжанову, нужна была такая модернизация истории

казахского народа для того, чтобы опорочить освободительную идею великого Октября, игнорировать то обстоятельство, что казахский народ получил свое подлинное духовное и материальное развитие только лишь при Советской власти, благодаря партии Ленина-Сталина. А Турару Рыскулову это было нужно для того, чтобы дискредитировать политику партии и советского государства по вытеснению и ограничению кулаков и байства, тем самым хотя бы несколько отсрочить их гибель. Это нужно было ему для того, чтобы оправдать саботаж со стороны кулачества и байства в Казахстане в период социалистической перестройки сельского хозяйства на основе сплошной коллективизации...»

Более часа выступал Б. С. Сулейменов и в конце, поочередно загибая пальцы, привел семь пунктов, по которым не приемлет книгу коллеги. Не будем приводить их, но в целом он дал ей такую оценку: «Мы решительно выступаем против безыдейности и извращения истории казахского народа в книге товарища Бекмаханова, которая является с практической стороны недоработанной, а в идеологическом отношении — несостоятельной. Мы прямо ставим перед автором вопрос: хватит ли у него смелости открыто отказаться от своих заблуждений и признать свои ошибки? Мы решительно осуждаем тенденциозность автора и никому не отдадим на откуп под видом «научных исследований» историю казахского народа...»

Следующее слово было предоставлено вожаку партийной организации, ученому секретарю Института истории, археологии и этнографии Т. Е. Елсуову.

(В конце опубликованной стенограммы дискуссии приведены краткие автобиографические сведения обо

всех выступавших. В них сказано и о Тажене Елеуулы. Он участник Великой Отечественной войны, занимал ответственные должности в партийных, советских и профсоюзных органах Казахстана. В 1946 году перешел на научную работу. Постепенно он поднимался по карьерной лестнице вверх: начинал с младшего научного сотрудника Института истории, дорос до заведующего отделом, а потом — и до должности ученого секретаря. Современники считали его серьезным, обстоятельным человеком, он не терпел подхалимажа, лести, лжи, был верен своему слову, строго придерживался партийной линии. При любых обстоятельствах сохранял хладнокровие, был справедливым, за что ценили коллеги по науке, но тем не менее сторонились его.)

Думается, что идеологи Центрального комитета, а также и руководство Академии наук держали под неусыпным контролем ход нашумевшей дискуссии, именно поэтому последнее слово было предоставлено Т Елеуову. Он должен был поставить точку на спорах, разгоревшихся вокруг скандальной книги.

— Нельзя сказать, что работа товарища Бекмаханова без сучка без задоринки. В таком объемистом труде при желании можно найти немало недостатков. Такая солидная работа, притом охватывающая сложный период истории Казахстана, не могла не иметь белых пятен и изъянов... — начал свое выступление Тажен Елеуов. Однако я лично считаю предосудительным, когда отдельные товарищи за деревьями не видят леса и в целом отвергают книгу, предлагают ее выбросить за борт. Это значит не только выбросить книгу, но и стереть в памяти часть истории Казахстана — восстание казахов 1837–1847 годов, возглавленное султаном Кенесары. В частности, товарищи Шоинбаев, Толыбеков, Жизневский,

Аманжолов, по крайней мере, так и ставили вопрос. Некоторые из выступавших, в частности, товарищи Аманжолов и Ахинжанов, вели себя развязно, недостойно, злоупотребляя публичной трибуной... Конечно, это был бы удар ниже пояса, и все это только бы отвлекало от предмета дискуссии. Ваши выпады свидетельствуют о вашей слабости. Сейчас в состязании можно победить только умом, знаниями, а не угрозами, не криками, не кулачным боем, как это делали раньше... А что нам преподнес товарищ Жизневский? — возвысил голос Елеуов. — Выводы его выступления сводятся к следующему: восстание казахов, возглавленное султаном Кенесары, является реакционным, работа Бекмаханова написана с националистическим уклоном, в этом ему помогли московские ученые... Я лично расцениваю упреки Жизневского по адресу московских ученых как клеветнические. В московской дискуссии по книге Бекмаханова принимали участие не только его официальные оппоненты, но и приглашенные ученые, которые указали не только на положительные стороны его работы, но и на ошибки и недостатки, на слабые стороны книги. Я бы рекомендовал товарищу Жизневскому, уважая себя, уважать читателей публичной библиотеки, от имени которых он самозванно выступал. В частности, я, как читатель библиотеки, ему такого права не давал...

В общем, книгу Е. Бекмаханова, несмотря на ряд ошибок и недостатков, Т. Елеуов признал полезной, выдержанной в духе марксистско-ленинской теории. В ней правильно освещены: 1) социально-экономическое положение казахов в первой половине XIX века; 2) наличие классов и классовой борьбы; 3) жестокая феодальная эксплуатация, которая прикрывалась патриархально-родовым бытом; 4) взаимоотношения Казахстана с царской Россией; 5) национально-

освободительное движение казахов под предводительством Кенесары Касымова как против кокандско-хивинского агрессора, так и против продвижения царских войск на территорию Казахстана.

* * *

Во время работы над этой главой я несколько раз встречался с супругой Ереке. Конечно, ей трудно было вспомнить все, что происходило 60 лет назад. Но я рассчитывал на то, что некоторые перипетии тех давних баталий, как зарубки, остались в ее памяти. Так оно и вышло. Следует подчеркнуть, что 23-летняя Халима Адамбеккызы, бывшая намного моложе большинства ученых мужей, лучше всего запомнила не самые скучные выступления, а больше несуразные, порой нелепые выходки критиканов...

— Несколько раз я перечитал выступление Ереке и был поражен его зрелым талантом и смелостью. Он крепко дал по мозгам своим недоброжелателям, преувеличившим недостатки книги, порой делавшим из мухи слона... Как он готовился к выступлению? — спросил я Халиму Адамбеккызы.

— Память у Ереке была исключительная. Если ему что-то надо было уточнить, он быстро находил нужную книгу и даже страницу. Единственный раз встретив человека, он через долгие годы мог вспомнить его имя. Все, что говорилось в ходе дискуссии, однако, для верности он заносил в толстую тетрадь. Возвратившись с заседания, пять-шесть часов подряд крепко спал, а проснувшись ранним утром, готовил ответы на очередные наезды на книгу. Иногда приглашал домой единомышленников, советовался с ними... Будучи лектором ЦК, Ереке приучил себя говорить без записи. Этим располагал к себе слушателей. Друзья отзывались

о нем, как о сильном, остроумном ораторе, умеющем популярно, доходчиво объяснить любую сложную проблему и завладеть вниманием аудитории. Свою заключительную речь он держал в течение полутора часов, я могу засвидетельствовать, что произвел впечатление на собравшихся неотразимой логикой, знанием истории, убежденностью в своей правоте. Интересно, что после всех нападок он сохранил бодрость и даже юмор, порой отпускал шутки, чтобы оживить зал. Не все сказанное им отражено в стенограмме. Нет в ней того эмоционального накала, страстности, что волновали и будоражили слушателей, многих превосходных, здравых мыслей, крепких, бьющих не в бровь, а в глаз, выражений. Когда я вновь просматривала эти записи, почему-то там не обнаружила. Я не знаю, почему так получилось, то ли он сам подредактировал, то ли кто другой на всякий случай подчистил протокол...

Ниже мы приводим сокращенный текст выступления Е. Б. Бекмаханова на заседании 19 июля. Дословно приведенные слова с некоторыми сокращениями взяты в кавычки, прямая речь набрана курсивом...

«Наряду с положительной стороной данной дискуссии не могу не отметить ее общий недостаток, — начал свою ответную речь Е. Б. Бекмаханов. — Во всех выступлениях ораторов, за редким исключением, сквозила некоторая односторонность. Одна группа выступавших во всю мощь превозносила книгу, не указывая на отдельные и порою, может быть, существенные ее огрехи, другая драла горло, доказывая обратное, особенно это было характерно для выступлений трех-четырех товарищей, у которых замечались явные потуги все вывернуть наизнанку и охаять книгу. Больше того, автор ее услышал из уст этих ораторов нелестные обвинения в «меньшевизме»,

«донкихотстве», «национализме» и других измах. К сожалению, выступления этих товарищей не отличались глубокой аргументацией. Как это ни странно, их выступления были основаны на чувствах, на чувствах грубых и недобрых, были бездоказательны и поражали низким теоретическим уровнем, этого я коснусь позже... Далее, характерной особенностью выступлений этих товарищей являлось бесцеремонное жонглирование цитатами классиков марксизма-ленинизма по любому случаю, без учета конкретной исторической обстановки. Это можно было бы простить филологам, но никак нельзя простить историкам.

И, наконец, следует отметить и такого рода выступления, в которых намеренно не замечалось наличие в книге отдельных глав и разделов. Мне, например, был задан вопрос, почему в книге не говорится о двух Россиях, о последствиях присоединения Казахстана к России, хотя этому в книге посвящена специальная глава. Выходит, мою книгу не дочитали...

...Основное и главное обвинение, предъявляемое мне, касалось колониальной политики царизма и его роли в Казахстане в период восстания Кенесары Касымова. В связи с этим движение Кенесары расценивалось как феодально-монархическое и националистическое, направленное на реставрацию ханской власти. По этому вопросу часть моих критиков, к сожалению, заняла неправильную, антимарксистскую позицию, реабилитируя реакционную колониальную политику царизма, хотя, казалось бы, кому-кому, а им надо бы знать прописные истины, такие элементарные вещи, что классики марксизма никогда не оправдывали реакционную колониальную политику царизма.

Подчеркивая прогрессивное влияние царской России, мои критики забывают, что оно оказывалось помимо воли царизма, вопреки его желанию... Еще раз

напомню поклонникам Дон Кихота следующие слова В. И. Ленина, высказанные им по поводу донкихотства в международной политике социал-демократов, о которых он с возмущением писал: «Ведь эти донкихоты давно твердят, что колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм, а поэтому «обличать» его в жадности и жестокости никчемно, ибо без таких средств капитал как без рук». Далее В. И. Ленин продолжал: «Но мы этого не говорим, мы говорим: капитал жрет вас, сожрет персов, сожрет всех и будет жрать, пока вы его не свергнете» (Ленин, т. 15, стр. 58). И тут напомню вам классическую оценку, данную товарищем Сталиным колониальной политике царизма. Товарищ Сталин учит: «В прошлом в России власть находилась в руках царей, помещиков, фабрикантов и заводчиков. В прошлом Россия — Россия царей и палачей. Россия жила тем, что угнетала народы, входившие в состав бывшей Российской империи. Правительство России жило за счет соков, за счет сил угнетаемых им народов, в том числе и народа русского. Это было время, когда все народы проклинали Россию» (Сталин, т. 4, стр. 39).

Неужели после этого неясно моим критикам, к чему приводит их реабилитация реакционной колониальной политики царизма. Подобаает ли советскому ученому строить свое выступление на Чумекее и кончать за здоровье реакционного хана Илекея Касымова только лишь на том основании, что он имел чин полковника и участвовал с генералом Черняевым в завоевании Средней Азии. Величие человека и его историческое предназначение определяется не его чином. Чокан Валиханов дослужился только до чина ротмистра и тем не менее он остался в истории как выдающийся просветитель, достойный сын своего народа. Беда наших отдельных научных работников заключается

именно в том, что у них из сознания не выветриваются родоплеменные понятия».

— В ходе дискуссии ожесточенные споры вызвала личность самого Кенесары Касымова, — с сарказмом заметил Е. Бекмаханов. Мои критики считают, что раз Кенесары из рода чингизидов, которые, по их мнению, стоят якобы вне казахского общества, то, следовательно, он не мог не только возглавить какое-либо восстание, но и создать государство на феодальной основе. Нашим товарищам известно, что Кенесары является популярной в степи личностью. До сих пор в народе ходит очень много о нем песен и легенд. Народ его помнит, как султана, боровшегося за независимость с внешней агрессией. Мне кажется, что задача историка-марксиста заключается именно в том, чтобы дать правильное научное толкование позиции Кенесары в освободительном движении казахов. Этим самым мы раз и навсегда выьем козырь из рук буржуазных националистов... Позвольте еще раз остановиться на феодально-монархическом «национализме». Как понимать известное, положение товарища Сталина, высказанное по поводу грузинских дворян? Почему в Грузии феодально-монархический национализм сыграл реакционную роль? Потому, что присоединение Грузии к России произошло добровольно. Феодально-монархический национализм был ответной реакцией на это. По выражению Ленина, Грузия в XIX веке превратилась в страну фабрикантов и промышленников. Поэтому движение грузинских монархистов было обречено на неудачу, ибо оно противоречило социально-экономическому развитию Грузии, вставшей на путь капиталистического развития. Сталин писал: «Если в Грузии нет сколько-нибудь серьезного антирусского национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или

русской крупной буржуазии, которая могла бы дать пищу для такого национализма в массах» («Марксизм и национальный вопрос», с. 2). Грузинские дворяне тянули страну к временам феодальной раздробленности, патриархально-феодальным отношениям и междоусобицам. В такой конкретной исторической обстановке, когда феодализм клонился к своему закату; их деятельность играла реакционную роль. В этом отношении характерна деятельность грузинских царевичей Юлона и Паркоза, Александра и Имеретинского царя Соломона, стремившихся вернуться к власти с помощью или иранского шаха, или турецкого султана. Коренное отличие Казахстана 20—40-х годов XIX века от Грузии заключается в том, что в этот период Казахстан находился еще между царской Россией, Хивой, Кокандом. Перед Кенесары стояла задача — ликвидировать раздробленность и создать единое казахское государство. Это была вековая историческая задача, стоявшая перед его предшественниками, но оставшаяся неразрешенной. Кенесары решительно боролся против всякой внешней экспансии. Поэтому он вел одновременно борьбу и против царизма, и против Хивы и Коканда. Между тем в Грузии происходило обратное: выступая против царизма, грузинские дворяне ориентировались на вековых врагов грузинского народа — на шахский Иран и султанскую Турцию. И, наконец, в отличие от грузинских дворян, Кенесары опирался на народ, и восстание продолжалось 10 лет, чего вы не найдете в истории Грузии рассматриваемого периода. Кенесары вел борьбу за объединение казахов в одно государство под протекторатом России. Разве это не прогрессивное явление?

В ответном выступлении Ермухан Бекмаханов не оставил без внимания и критику умевшего мягко стелить профессора С. Н. Покровского: «Товарищ

Покровский говорил, что историю надо воспринимать такой, какая она есть. Это совершенно правильно. Теперь посмотрим, как обращается с историческими фактами сам товарищ Покровский. Он заявляет, что Кенесары пошел в сторону Средней Азии, из чего, как он выразился, ничего хорошего получиться не могло. Тем самым создается впечатление, будто Кенесары искал союза со среднеазиатскими ханствами. На самом деле исторические факты говорят о том, что Кенесары никогда ни на какие сделки со среднеазиатскими манапами не шел. Дальше товарищ Покровский пытается уже прямо подправить историю, передернуть факты. Он меня упрекает в том, что я не показал влияния России Белинского, Герцена и Огарева на Казахстан 1820—1840-х годов. Товарищ Покровский, вы ведь все-таки историк и должны знать, что в 30-х годах даже в России Белинского еще мало знали, что же касается Казахстана, то проникновение идей Белинского и других русских революционных демократов здесь началось только с 1880-х годов. Вы не считаетесь с этой конкретной действительностью и подменяете ее надуманной схемой».

— Немало претензий в мой адрес высказано по вопросу об истоках дружбы казахскою и русского народов и проблеме классовой борьбы, которые якобы недостаточно освещены в книге, — продолжал Ермухан Бсрмаханулы. — В книге идет речь о 20—40-х годах XIX века. В ту пору Казахстан раздирался на части отдельными государствами, в нем господствовали извечные патриархально-родовые отношения, темнота и невежество. Процесс проникновения русской культуры, знаний в степь, сближения наций только начинался, в первую очередь на почве растущих экономических связей. Об этом в книге сказано достаточно (с. 135, 148, 361,364). Что касается классовой борьбы, здесь опять-таки надо исходить из

уровня социально-экономического развития казахского общества в 20-40-е годы XIX века. Критики, которые упрекают меня в том, что я не отразил классовые противоречия в казахском ауле в период восстания Кенесары, не учитывают низкого классового самосознания масс в те годы. Даже в русской деревне в этот период народ только пробуждался. Неслучайно В. И. Ленин писал: «В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую открытую, сознательную борьбу за свободу» (Ленин. Соч. Т. XV. С. 108). Ленин говорит о России 1861 года, которая по своему социально-экономическому развитию значительно опережала Казахстан 20—40-х годов XIX века... В Казахстане, в условиях патриархально-родового быта, народные массы были сильно привязаны к своим родовым вождям, что не давало возможности осознать свои классовые интересы. Этим объясняется то обстоятельство, что на всех этапах восстания классовые выступления народных масс были направлены только против отдельных представителей феодального класса — султанов, биев, а не против всей господствующей феодальной знати. Эта борьба была направлена против той части знати и султанов, которые вместе с царскими чиновниками олицетворяли колониально-феодальную власть в Казахстане. Это была своеобразная и неосознанная форма классовой борьбы, проходившая под лозунгом борьбы с внешней агрессией и ее союзниками, что наглядно показано в книге. Даже в таком освободительном движении, как восстание Срыма Датова, классовые выступления масс ограничивались борьбой против наиболее ненавистных феодалов. То же самое можно сказать о восстании Исатая Тайманова. В пылу сражений с захватчиками о социальном неравенстве забывалось. Другое дело, если бы с внешней агрессией было бы покончено, тогда,

вероятно, недовольство масс могло выйти наружу. Пока же восставшие боролись за землю, за государственную независимость, и интересы народных масс и феодалов до поры до времени совпадали...

Теперь несколько слов о борьбе Кенесары в Кыргызии, — заявил Бекмаханов. — О причинах столкновения Кенесары с кыргызскими манапами я ничего нового против того, что привел в книге и на московской дискуссии, сказать не могу: Отмечу только, что после обстоятельных выступлений московских ученых (Вяткина, Бахрушина), а на данной дискуссии — товарищей Дильмухамедова и Елеуова, ситуация становится более ясной. Товарищ Елеуов огласил подлинное письмо Кенесары, и высказанные им мысли по этому вопросу заслуживают внимания. До сих пор большие споры возникали вокруг письма Кенесары, публикуемого в переводе Смирнова. Считать ли это письмо агрессивным актом или нет? После того, как мы здесь заслушали подлинный текст письма, некоторые спорные вопросы могут быть сняты. В этом письме не заметно покорности и не найдете призыва к войне. В свое время я недостаточно полно выяснил взаимоотношения казахов Старшего жуза с кыргызами. Жившие не только по соседству, но и имевшие общие летовки, они вели вековую совместную борьбу против внешней агрессии. Кроме того, у казахов и кыргызов было много общего в экономической и культурной жизни. Это была золотая пора, когда в Киргизии пелись казахские песни, а в Старшем жузе знали наизусть кыргызский эпос — «Манас». А самое главное — в одинаковой мере эти народы испытывали гнет кокандского хана. Когда Кенесары обратился с письмом к кыргызским манапам, он, конечно, учитывал это обстоятельство. Но положение осложнялось тем, что за спиной кыргызских манапов стояли их хозяева —

кокандские беки и царские власти, что отражено в книге. Этого Кенесары недооценил...

Несколько возражений относительно ислама и роли духовенства в жизни народа. С. Е. Толыбеков к этому подошел абстрактно и неопределенно. Поэтому я должен повториться. Я утверждаю, что ислам в жизни трудового люда глубоко не укоренился, с ним соперничал культ «тенгри», почитания предков: особенно в районах Казахстана, далеко отстоявших от центров среднеазиатского мракобесия. Никто не спорит, что в районе Сырдарьи и Ак-Мечети ислам преобладал, так как здешнее население целиком находилось под духовным влиянием среднеазиатских имамов и ишанов. Но если говорить о Центральном Казахстане, то ни один мало-мальски знакомый с источниками человек не согласится с тов. Толыбсковым и не поставит знак равенства между среднеазиатским очагом мракобесия и Казахстаном. — Так уверенно прижимал к стенке историк своих критиков, наделенных чрезмерными амбициями, но кое в чем недостаточно сведущих. — Все архивные документы опровергают такую точку зрения... Не преминул бросить камень в мой огород и Бек Сулейменов. Он пришел к категорическому выводу о том, что мною использованы материалы дворянско-буржуазной историографии и представителей феодальной знати, что является, по его мнению, недопустимым. Я должен напомнить товарищу Сулейменову, что история дореволюционного Казахстана по преимуществу написана представителями дворянско-буржуазного сословия. Разве это дает основание, чтобы нам от них отмежевываться? Вся история отдаленного прошлого не только Казахстана, но и других народов зиждется на воспоминаниях, путевых записях, мемуарах и других материалах министров, послов, государственных деятелей, чиновников, купцов и других представителей

господствующего класса. Благодаря этому мы имеем представление о минувших днях, далеком прошлом. Неужели все это надо выбросить в мусорный ящик? Беда Бека Сулейменова, — как ножом отрезал Ермухан Бекмаханов, — заключается в том, что он не вник в содержание приведенных в книге документов. Насколько нам известно, историки-исследователи никогда не отказываются от источников, которые не приемлет Б. Сулейменов. Надо только критически осмыслить их путем сравнения с другими источниками и найти в них рациональное зерно. Так я и поступал...

Далее Ермухан Бекмаханов сделал многозначительную паузу, чтобы привлечь внимание слушателей к следующему важному моменту.

— Меня также обвиняли в том, что я использовал записи обычного права, со слов биев и султанов. Отвечаю, это сделано, потому что представители родовой знати являлись носителями обычного права и знали его лучше других. Недобросовестным считаю упрек в симпатии к националисту, как ею здесь характеризовали, Алихану Букейканову. Почему я назвал его имя? Насколько вам известно, в исторической литературе существует «Переписка ханов и султанов Среднего жуза, относящаяся к 1824–1830 гг.», которая подготовлена к печати А. Букейхановым. Неужели мы должны умалчивать об этом и ценный исторический документ преподносить в анонимной форме? Целых полчаса здесь трепали имя другого «националиста» Габбаса Тогжанова, о котором у меня в книге нет никаких упоминаний, тем не менее, его приписали мне и барским тоном, наставительно читали утомительную лекцию, кем он был, при этом ссылались на то, что консы и баи упоминаются у него и у Бекмаханова, что это, мол, не случайное совпадение. Непонятно, чего вы этим хотите добиться? — Чуть передохнув, осмотрев притихший зал, Е. Бекмаханов

остановил свой взгляд на Б. Сулейменове и прямо оглушил его: — Товарищ Бек Сулейменов! В вашем выступлении не только не было объективности и знания дела, вы потеряли скромность. Неизвестно, кем вы наделены такими полномочиями, чтобы заявить с апломбом, что вы произносите речь от имени всего казахского народа. Два слова о тексте диссертации. Товарищи Аманжолов и Сулейменов хотели поймать меня на том, что, дескать, моя докторская диссертация — копия кандидатской, прибавлены только две главы. Не говоря уже о том, что моя кандидатская диссертация насчитывала всего около 160 страниц, а докторская — свыше 800 страниц, я хочу вам сообщить, что подобное анонимное заявление поступило и в Высшую аттестационную комиссию. Я, конечно, далек от мысли, что здесь замешаны одни и те же лица, вероятно, произошло простое совпадение. По анонимке Высшая аттестационная комиссия провела специальное расследование, в результате которого обвинение было полностью опровергнуто...

Я заканчиваю, товарищи. Мы подошли к концу дискуссии, продолжавшейся пять дней. Если говорить по-человечески, то честно скажу вам, товарищи, после всех разносов и добрых пожеланий хочется чертовски много работать, сознавая высокую ответственность перед сегодняшней интеллигенцией, перед народом, перед всей страной, — завершал оратор. — Я сравнительно молодой научный работник и по опыту, и по возрасту. Готовя свою первую монографию, я думал не о себе, не о своей личной карьере. Я хотел воздать должное нашим далеким предкам, которые через бури и невзгоды, мутей и лишения прокладывали путь к сегодняшнему светлому дню, равенству и свободе. Мне выпала честь первым сказать правду о восстании Кенесары. Худо ли, хорошо ли я завершил свой труд, я буду очень рад передать эстафету моим товарищам,

которые приумножат число новых произведений, как по этой, так и по другим историческим проблемам. Мне думается, что наша научная общественность, так благосклонно и терпеливо отнесшаяся к обсуждению моей книги, не отвергнет ее. Что касается меня, я достиг своей цели. Думаю, после четырех дискуссий ни у кого уже нет сомнений, что восстание Кенесары было массовым, национально-освободительным движением казахского народа. Все добрые, товарищеские советы в критические замечания мною будут непременно учтены во втором издании «Истории Казахской ССР». Надеюсь, что обсуждаемая книга не будет моим последним трудом, и наша научная общественность в недалеком будущем получит историю Казахстана второй половины XIX века, над которой я сейчас работаю...

4

Через 52 года стенограмма этой дискуссии без каких-либо сокращений и исправлений была, наконец, опубликована. Дотошный наш современник, читая эту стенограмму, сам разберется что к чему: поймет, что собой представляли историки того времени, поднявшие шумиху по поводу пробы пера молодого историка. Разберется, кто и чем дышал, поймет, кто и как относился к истории своего народа, кто оставался честным, кто уподобился Иуде... А, возможно, иной читатель от души посмеется над этой кутерьмой.

А если на это взглянуть глазами профессиональных историков?

Видный представитель современных казахских историков, академик Кенес Нурпеис препроводил сие издание стенограммы комментарием «Расправа над ученым и его главной книгой», где подробно изложил суть полемики. «Думается, что непредвзятый читатель

после знакомства со стенограммой составит о ней свое объективное мнение, а также о выступлениях каждого из участников дискуссии. Здесь хотелось бы сказать лишь о том, что по уровню научного анализа, по характеру оценки книги, по сделанным выводам участников данной дискуссии можно разделить на несколько групп. Первая группа, наиболее активными представителями которой были Т. Ж. Шоинбаев, С. Е. Толыбеков, Х. Г. Айдарова, М. В. Жизневский, Б. С. Сулейменов, А. Нурканов, М. Б. Ахинжанов и др., тупо и постыдно хулила книгу. Вторая группа участников дискуссии (И. У. Будовниц, А. М. Жиренчин, Е. Д. Дильмухамедов) ударились в другую крайность — безудержно восхваляла книгу; не замечая ее явных недостатков, которые были названы, в частности, при обсуждении книги в Москве в Институте истории АН СССР. Третья группа ораторов (А. Н. Нусупбеков, Т. Е. Елеуов, Х. М. Адильгереев, Б. Аспандияров, Т. А. Культелеев и др.) отличалась аналитическим подходом к монографии Бекмаханова. Некоторые ученые, например, С. Н. Покровский, заняли позицию «ни нашим, ни вашим».

Главным достижением по тому времени явилось то, что все-таки состоялась открытая дискуссия. На что только не шли враждебно настроенные коллеги, чтобы отлучить историка Ермухана от науки, они пытались своими «анонимками» сорвать утверждение его докторской диссертации; какие только не предпринимали злобные нападки сначала на диссертацию, а потом на его книгу. В конце концов все эти действия и в Москве, и в Алма-Ате вылились в пятидневные словопрения. К счастью, хулители были повержены. Это тоже были признаки наступивших перемен».

В одном из своих классических трудов в конце XIX века видный русский историк С. М. Соловьев сказал:

«Жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни, но польза от этого решения для жизни будет только тогда, когда, во-первых, жизнь не будет торопить науку решать дело как можно скорее, ибо у науки сборы долгие, и беда, если она ускорит эти сборы; и, во-вторых, когда жизнь не будет навязывать науке решение вопроса, заранее уже составленное вследствие господства того или другого взгляда, жизнь своими движениями и требованиями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нее» (Соловьеве. М Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 215-216).

В этих мудрых словах С. М. Соловьева мы находим объяснение того, что случилось в 1950-е годы с историками Казахстана. Ермухан Бекмаханов, чтобы раскрыть характер народных движений XIX века, перерыл тысячи документов в архивных хранилищах, собрал множество свидетельств и фактов, но когда он преподнес свой труд публике, его коллеги вдруг встали на дыбы: «Эй, парень, это было не так, а вот эдак, если будешь перечить, мы тебя как следует проучим». Спросите: можно ли повернуть вспять давно прошедшие исторические события? Нет, конечно. Сердце и разум, элементарная порядочность не позволяют честному историку трактовать прошедшие исторические события так, как это выгодно сейчас. Историк С. М. Соловьев, оберегая честь ученою, обращал особое внимание на это. Несомненно, чтобы отстоять свою позицию, ученому необходимы огромная вера в себя, гражданское мужество. Этими качествами историк Ермухан, к счастью, обладал. Это он доказал в дни дискуссии.

В целом итог его борьбы таков: с того самого момента, в 1944 году, когда Комитет по Сталинским премиям отверг «Историю Казахской ССР», события

вокруг него закружились с непостижимой быстротой, будто он попал в эпицентр степного вихря. Но он не дрогнул, все стерпел и преодолел. Он не позволил недругам извратить факты о народном движении под началом Кенесары Касымулы, сражаясь с ними, как лев, в итоге добился духовной победы...

* * *

Известно, что печаль без радости не бывает. Вскоре после завершения дискуссии как-то вечером супруги Бекмахановы вышли прогуляться в парк имени 28 панфиловцев. Потом зашли в летний театр. И вдруг Халима почувствовала себя плохо, начались схватки. «Вышли из театра, с трудом добрались до остановки. Ермухан нашел такси, доставил меня в роддом», — писала Х. А. Бекмухамедова в воспоминаниях «Вместе двадцать лет». Но схватки растянулись на трое суток, когда наступило утро 24 июля, Халима Адамбеккызы родила сына. Все эти дни муж спрашивал: «Как там, есть вести от второго Ермуханчика, когда он появится на свет?..» Этой шуткой он выдавал свою надежду на появление сына, и супруга догадывалась о его сокровенном желании, ведь в роду он остался один как перст и мечтал о наследнике...

Всевышний услышал его мольбу: когда раздался первый крик мальчонки, он радостно воскликнул: «Под одним шаныраком двум Ермуханам не будет тесно!», потому назвал малыша своим именем. Впоследствии его называли Ермуханом Вторым, а проще Ериком...

Словом, этим событием мытарства молодоженов, продолжавшиеся два года, окончились счастливо.

Глава шестая **«СМОТРИ, НЕ ЗАБЛУДИСЬ, И ЗНАЙ, КУДА ИДТИ» [53]**

«Дореволюционные историки в своих работах не рассматривали исторические события в Казахстане как единый органический целостный процесс. За малым исключением эти работы носили фрагментарный характер, и казахский народ по существу до революции не имел своей письменной истории...»

Е. БЕКМАХАНОВ.

«Историческая наука в Казахстане за 30 лет (1917-1947 гг.)»

1

Чтобы чувствовать себя счастливым, человеку много не надо. И Ермухан, перенесший столько тяжелых испытаний с молодых лет» не гонялся за мнимой славой. Он в душе был доволен тем, что дискуссия, разгоревшаяся по его труду, завершилась в его пользу, получила поддержку не только в Казахстане, но и в Москве. Кто бы что ни говорил, победила историческая правда. Приободренный успехом, он развернул в Институте истории кипучую деятельность.

Однако сотрудники института не привыкли вкалывать. Энтузиастов среди них тоже не нашлось. Они по-прежнему игнорировали его указания,

демонстрируя, что сами, мол, знают, чем им заниматься. В общем, это был явный саботаж. А Ермухан все глубже погрязал во внутренних разборках.

Однажды из его кабинета исчезли архивные выписки, отобранные для монографии «Присоединение Казахстана к России», над которой работал в редкие свободные часы. Его вдруг вызвали в президиум академии. Заседание у президента затянулось до вечера, поэтому Ермухан, не заходя в институт, напрямик отправился домой. Придя утром на работу, он не нашел материалов, оставленных на столе. Как это произошло, никто не мог объяснить...

Директор института С. В. Юшков в это время находился в Москве, где издавал свой труд в двух томах «История государства и права в СССР». Ермухана, исполнявшего помимо своих еще и обязанности Серафима Владимировича, бессмысленное мерзкое пакостничество привело в полную растерянность. Ведь утраченные материалы не нужны были никому, кроме него самого. В общую тетрадь были скрупулезно переписаны статистические данные за вторую половину XIX века, общие сведения о сборе царскими чиновниками ежегодных налогов с каждого уезда степняков... И вот среди сотрудников института оказался вор (или воры), из-за которого теперь придется собирать материал заново, опять ехать в Омск, тратить уйму времени...

В Академии наук, как и в почти всех советских учреждениях, имелся так называемый первый отдел, который занимался секретной документацией. Ермухан пришел к начальнику этого отдела и рассказал о случившемся:

— Первый раз встречаюсь с таким казусом. Конечно, я сам виноват. Надо было положить в сейф или в портфель. Этот сукин сын воспользовался моим ротозейством...

Начальник секретного отдела потребовал от Ермухана объяснительную записку и сказал:

— Будем искать!

На следующий день он поставил на ноги весь коллектив института. Однако не нашел ни одного листа. В конце концов вину свалили на уборщицу и секретаря. Но Ермухан не дал их уволить с работы, признав виноватым себя.

Это происшествие выбило его из колеи. Из института он приходил домой усталым, нервным. Порой срывался, придираясь к жене по пустякам. Молча полежав на диване, уходил в чайхану... Жена уговаривала бросить это окаянное директорство. перейти на преподавательскую работу.

— Студенты тебя любят, ректорат и преподаватели кафедры тоже ценят и уважают. Чего еще надо?.. А мы, Ереке, еще молоды. Вся жизнь у нас впереди... Тебе, конечно, виднее. Поступай, как считаешь нужным. Я лишь забочусь о твоём душевном спокойствии... Как можно работать в академическом институте, если его сотрудникам нельзя доверять, они хотят навредить тебе! Они ведь не дадут тебе работать, замучают своими интригами...

— Ты права, Халимаш. Главная цель этих негодяев выбить меня из равновесия. Они наверняка знают, что когда я нервничаю, у меня сразу поднимается давление.

— Бесплезно с ними воевать, Ереке. Уверю тебя, этим ты авторитет не завоеешь, а здоровье потеряешь. Ученый человек должен трудиться там, где ему по душе...

— Ладно, хватит об этом... Что суждено, того не миновать.

Однако слова жены запали в память. И однажды он записался на прием к президенту Академии наук К. И. Сатпаеву.

Каныш Имантайулы принял его, как всегда, доброжелательно, подробно расспросил о семье, поинтересовался, понравилась ли жене новая квартира.

— Канеке, я пришел к вам с заявлением... — хриплым голосом произнес Ермухан и положил листок бумаги на стол президента. — Если вы спросите, что я полезного сделал за год, руководя Институтом истории, то скажу откровенно: ничего существенного. Потому что мне было не до науки: этот институт — настоящее осиное гнездо мнимых гениев... Среди сотрудников ни на час, ни на день не утихает неприкрытая вражда, склоки. Сам я постоянно в напряжении — жду, с какой стороны меня ужалят. А причина всего этого — мои жесткие требования и их нежелание и неспособность заниматься фундаментальными исследованиями. Я помню ваши напутственные слова, когда вы направляли меня туда. Вы настраивали меня на глубокое и всестороннее исследование истории нашего народа... Эту задачу с нынешним составом института выполнить невозможно. Чтобы справиться с ней, нужно, по меньшей мере, половину из восемнадцати научных сотрудников уволить. А кто даст мне таких полномочий? Опять начнутся дразги. Поэтому, Канеке, я решил от них уйти сам...

Президенте недоумением взял в руки его заявление. Бегло прочитав, не промолвил ни единого слова.

— Вообще-то я не способен быть начальником. По характеру горяч, вспыльчив, возможно, слишком прямолинеен. Вранья не терплю. Не хватает у меня терпения слушать всякое словоблудие, псевдонаучную трескотню, на которой кое-кто строит свою научную состоятельность. В результате опять наживаю себе врагов. Посмотрите, как в последнее время резко увеличилось количество так называемых научных трудов. Они ведь основаны на общих рассуждениях и спекулятивно подобранных фактах...

Каныш Имантайулы негромко кашлянул. Ермухан, поняв намек, замолчал.

— Когда вернется из Москвы Серафим Владимирович? — спросил президент.

— Нескоро. Двухтомную книгу не просто было пробить в Москве. В его преклонные годы прочесть набранный текст — более тысячи страниц — будет нелегко...

— А в отношении вас, Ереке, у нас с Юшковым были другие планы. Вы поступаете, как никудышный чабан, который, боясь волков, отказывается пасти овец... Может быть, передумаете?

— Боюсь подвести вас, Канеке. Поверьте, вот уже год, как я заместитель директора, а кроме шишек пока ничего не заработал. И не хочу тратить все свои силы и время на борьбу с интриганами. Я мечтаю заниматься наукой.

— Понятно, решили быть подальше от них. Люди, о которых вы говорите, именно этого и добивались.

— Я давно задумал новую монографию. В ней я собираюсь проанализировать историю Казахстана 40—80-х годов XIX столетия. Хочу воссоздать подлинную историю присоединения Казахстана к России. Предполагаю ее написать за пять лет. Однако, если я останусь в Институте истории, ничего у меня не получится. Я погрязну в бесконечных сварах и, кроме справок и объяснительных, ничего написать не смогу... Поэтому, Канеке, удовлетворите мою просьбу. Скажу откровенно, от этого историческая наука Казахстана только выиграет.

— А как быть с институтом? Кто будет им руководить?

— Найдется какой-нибудь боевой человек, который обломает бока крикунам! Они уважают только силу — такова их психология...

Президента будто кольнули в самое больное место.

— Эх вы! Какие же вы джигиты?! Всего боитесь. Вам бы в юбках ходить, а не в брюках. Вы меня, Ереке, очень разочаровали...

Ермухан почувствовал, что теряет доверие уважаемого человека. И стыдясь, чуть было не протянул руку за своим заявлением.

— Ереке, я вас не узнаю. На защите своей диссертации вы были совсем другим: смелым, независимым. Без страха выступали против устоявшихся научных концепций... — продолжал Каныш Имантайулы тихим голосом. — Вы не поняли характера и природы своих коллег. Руководить ими — наука особая, более трудная, чем исторические изыскания. Возможно, вы ко всем без разбора предъявили одинаково высокие требования. А это нерационально. Для вас Шоинбаев — пустой человек, неуч, скандалист. Понятно, что вы с ним не хотите связываться. Согласен, что у него не хватает ни знаний, ни воспитанности. Но вы, как руководитель, обязаны найти с ним общий язык. Знаете, в специальной инструкции для одной из английских фирм, с которой я познакомился во время поездки в Англию, прямо указывается: «Подчиненный должен покинуть кабинет шефа с ясно осознанным стремлением улучшить работу». Или возьмем Айдарову. Знаний у нее хватает, но она чувствительнее к замечаниям, чем мужчина, и требует деликатного, уважительного обращения, ведь она — человек с гонором. А ваши споры с Сулейменовым, как мне рассказывали, происходят из-за того, что каждый из вас хочет доказать превосходство нац другим. Вместо того чтобы сесть рядом и потолковать по душам, вы сцепились друг с другом, повздорили... Нельзя так, Ереке... Что ж, если у вас не лежит к институту душа, мы освободим вас от этой обузы. Будем искать на эту должность историка, более тактичного, чем вы, который лучше умеет ладить с людьми.

— Есть же молодые историки, которые в ближайшие годы станут докторами наук, вот из них можно выдвинуть кого-нибудь на руководящую работу, — ответил Ермухан.

— Ладно, не буду вам мешать, если уж замыслили монументальный исторический труд. Это замечательно! У страны, которая идет в ногу со временем, должны быть свои летописцы, свои мечтатели и дерзновенные ученые, способные продвигать науку вперед... Что же касается мудрых советов, то все они даны еще до нашей эры. Со времен Гераклита в отношениях между людьми ничто не изменилось. — Каныш Имантайулы грустно вздохнул. — Ладно, будущее нас рассудит. Однако сейчас ваши противники вряд ли поймут, что своими пакостями навредили не только себе, но и всему народу, казахской истории^[54]...

— Спасибо, Канеке! Я все понял и в дальнейшем постараюсь не доставлять вам лишних хлопот. А с Институтом истории придется расстаться, раз ничего у меня там не получается.

— О нет, я вовсе не имел в виду, что разрешаю вам уйти оттуда. Вы останетесь там в качестве старшего научного сотрудника!.. — твердо сказал Сатпаев, нахмутив брови. — Какой отдел выберете — дело ваше. Ерске, пока не увеличится число докторов исторических наук и не поднимется научный уровень этого учреждения, вы будете числиться членом коллектива. Ваши знания и принципиальность, помимо всего, помогут нам обуздать амбиции тех, кто паразитирует на ниве науки...

— Согласен, агатай. Как вы решите так и будет!..

Осенью 1947 года Е. Бекмаханов был приглашен на преподавательскую работу в единственный в то время в республике университет, носивший имя С. М. Кирова (ныне имени Аль-Фараби).

Талант к педагогической деятельности у Ермухана Бекмаханулы отмечали многие. Похоже, он был заложен в его генах. Еще в школе он вел уроки с таким увлечением, повествуя о событиях, затерявшихся в глубине веков, окутанных легендами и мифами, что ребята зримо представляли себе блеск мечей восставших против могучего Рима рабов во главе со Спартаксом и как бы слышали цокот копыт конницы потрясателя Вселенной Чингисхана. Восхищенные ученики не сводили с него глаз: «Неужели все это было на самом деле? Откуда он все это знает?» Учителя, посещавшие его уроки, говорили:

— Молодой человек, у вас — дар учителя, умеете увлечь ребят. А такие способности есть не у каждого!

И вот спустя десять лет Ермухан вновь был приглашен на преподавательскую работу, и вновь его окружала молодая поросль, к которой он всегда тянулся.

В начале следующего года ректорат КазГУ возглавил Тулеген Тажибаев. Как гласила людская молва, он был истинным патриотом своего народа, вдобавок высокообразованным человеком. Ермухан познакомился с ним во время своего окончательного обустройства в Алма-Ате. Ему были по душе его открытый взгляд, принципиальность и деловитость, и еще одна черта характера импонировала историку: Тулеген Тажибайулы твердо придерживался своих взглядов и убеждений, хотя иной раз это ему грозило большими неприятностями. Главное, что их связывало, сближало — это стремление улучшить процесс национального образования. Оба мечтали о том

времени, когда казахский народ станет вровень с передовыми нациями...

Тулеген Тажибаев к этой цели пришел не сразу. Свою трудовую деятельность на ниве образования он начинал с преподавательской работы. В 1938-1940 годах уже был доцентом, заведующим кафедрой педагогики и психологии КазПИ, затем Тулегена Тажибайулы пригласили на государственную службу: он стал заместителем, а позднее — наркомом просвещения Казахской ССР, с 1942 года — заместителем председателя Совнаркома республики...

Первым нововведением Тулегена Тажибайулы в КазГУ стало заметное увеличение приема казахских юношей и девушек на химический, физико-математический и биологический факультеты. Тем самым он старался стимулировать преподавание этих дисциплин в казахских школах, вызвать тягу национальной молодежи к техническим наукам...

Одновременно он ввел в учебную программу гуманитарных факультетов углубленное изучение национальной культуры и литературы, истории Казахстана, особенно казахского языка. Организовал кафедру истории Казахской ССР на базе кафедры истории СССР философского факультета (через пять лет все нововведения ректора стали предметом особого разговора: воинственно настроенные преподаватели объявили Тажибаева ярым националистом, требуя освободить университет от его «диктаторства»).

Однажды он пригласил Ермухана Бекмаханулы к себе и сообщил:

— Я предоставляю в твое полное подчинение отдельную кафедру. Это во-первых. В течение пяти лет ты будешь преподавать студентам казахскую историю как самостоятельный предмет. Во-вторых, отделив твою любимую науку от философии, мы вскоре организуем исторический факультет и ты будешь первым деканом

этого факультета. Таким образом, дорогой, через пять лет ты должен обеспечить первый выпуск казахских историков. И это еще не всё. При твоей кафедре мы откроем аспирантуру, и ты будешь из числа одаренных студентов готовить будущих кандидатов наук. Все твои питомцы должны стать настоящими историками, патриотами Родины и науки. Не думай, дорогой, что это плод моей фантазии. Все это записано в учебном плане КазГУ на эту пятилетку и должно воплотиться в жизнь под твоим началом. Как только получишь утверждение докторской степени, сразу же станешь профессором. А начинать, Ереке, надо уже сегодня, не откладывая на завтра. Ну, что скажешь?.. — ректор, улыбаясь, посмотрел в глаза историка.

Ермухан не поверил своим ушам.

— Согласен, Тулеш! Я не смогу называться казахом, если откажусь от такого предложения, — ответил он.

Их много лет связывала сердечная дружба. И взгляды, и пристрастия у них были одинаковы. Оба до самозабвения любили игру на бильярде, любили подначивать друг друга. Т. Тажибаев как-то даже сочинил шутовское стихотворение из шести строк, в котором по-свойски, по-дружески высмеивал Ермухана.

*Эх, Ермухан, Ермухан,
Важная ты штучка.
В споре ты остер,
Как верблюжья колючка.
Гордый ты, аж жуть,
Лишь задень тебя чуть-чуть.*

*«Двое сражаются в бильярд. Один знаком мне: это
коренастый, похожий на борца, спокойный,*

представительный, веселый человек — Тулеген Тажибаев. А второй — собранный, красивый, как степной орел, смуглый человек. Он еще молод, но волосы на его висках уже тронуты сединой. Вокруг стола — болельщики, все они молча наблюдают за ними, — так фотографически выпукло и точно показал их игру писатель Ауезхан Кошимов в воспоминаниях, названных «Ученый с интеллектом», написанных в январе 1970 года. — ...Намечалась ничья. Тем не менее спокойный, притом искусный игрок Тулеген, хотя и с трудом, выиграл у противника. Крепкий смугляк не принял своего поражения: «Ну, давай, еще раз, бери кий!» «Эй, Тукеш, — предостерег торжествующего победу Тажибаева ученый-языковед Маулен Балакаев, — будь осторожен, не зазнавайся! Если Ермухан по-настоящему разыграется, то тебе несдобровать, он игрок сильный и напористый».

В конце концов, предупреждение Балакаева оправдалось. Два раза подряд Ермухан одолел Тажибаева. Оказывается, они условились о пяти играх, проигравший должен был поставить бутылку шампанского...»

Ермухан Бекмаханулы был назначен заведующим кафедрой истории Казахской ССР, открытой в том же году; из факультета философии отделился и стал самостоятельным исторический. Но Е. Б. Бекмаханов категорически отказался занять вакансию декана нового факультета, помня о своем горьком опыте директорства в Институте истории Академии наук. Исполнение этой должности он тактично предложил старшему по возрасту коллеге Мусатаю Бекболатулы Акинжанову.

Исторический факультет располагался в старом здании, возведенном на пересечении улиц Шевченко и Масанчи.

Турегали КАРТАЕВ, профессор, «Радостные мгновения»:

«Дверь открылась. В аудиторию вошел молодежавый джигит, в левой руке он держал тоненькую папку, а в правой — светлый плащ. На нем был поношенный костюм, аккуратно подогнанный по его небольшому росту. Когда он, резко повернувшись, взглянул на нас, сверкнули острые, пронизательные глаза. Преподаватель не поднялся на кафедру. Положив плащ и папку на край стола, опершись на него, он четко произнес: «Мои лекции затрагивают события XIX века» и перечислил четыре-пять тем.

— Какую из них желаете прослушать? Выбирайте сами...

Мы, посоветовавшись между собой, назвали одну из тем.

В то время почему-то запрещалось чтение лекций на казахском языке. Потому Е. Бекмаханов начал лекцию на русском языке. Голос его был мелодичен, приятен. Говорил он негромко, но зато каждое слово выговаривал четко, ясно. В его движениях чувствовались сдержанность и достоинство. Он не размахивал руками и не жестикулировал, как некоторые преподаватели. В выражении его лица, мимике, манере держаться были заметны прирожденное благородство, аристократизм. Его фразы отличались лаконичностью, образностью, отточенностью. «Апырай, — думали мы про себя, — где он, такой молодой, научился так прекрасно говорить на русском языке?» Наше удивление станет более понятным, если я скажу, что, хотя я и учился на третьем курсе, слово «нет», например, я иногда писал с мягким знаком...»

В то время учебника по казахской истории не было. Студенты исправно заглядывали в первое издание «Истории Казахской ССР». Однако после выхода в свет в начале 1947 года разгромного постановления ЦК КП(б) Казахстана все его экземпляры были изъяты из библиотек. Несмотря на это, находчивые студенты ухитрились сохранить от сожжения часть книг и, наклеив на них обложки «Анатомия», «Физика», исподтишка ими пользовались...

Состав студентов был разнообразен: на всех курсах преобладали девушки, например, в группе из тридцати человек их было более двадцати. Рядом с молодыми парнями, у которых только-только начинали пробиваться усы, сидели уже начинавшие лысеть тридцатилетние мужчины, вернувшиеся с войны. Конечно, молодые схватывали все на лету, а взрослые усваивали материал туговато. Поэтому опытные преподаватели часто прибегали к повторению пройденного в средней школе. Студенты, поступившие на исторический факультет, в течение пяти лет должны были изучить не только «Казахстанскую историю», но еще и историю народов мира. Благо по этим разделам давно были написаны добротные учебники — «Всеобщая история», «История Древнего мира», «История Средних веков»... Они охватывали всю историю развития человеческого общества. Помимо этого, в программу нового факультета были включены «История России» и «История СССР». Особое внимание уделялось победе Октябрьской революции.

В университете в то время работали опытные преподаватели, обладавшие солидными знаниями, а количество студентов не превышало тысячи. Но с каждым годом их число росло. Профессоров было маловато, зато доцентов — достаточно. Некоторые из них еще до войны преподавали в столичных учебных заведениях. Большинство в годы войны были

эвакуированы в Казахстан, другие ринулись в провинцию «на ловлю счастья и чинов», научных степеней. Теперь все они обжились в Алма-Ате, получили квартиры, почетные звания. А благодатные предгорья Ачатау как бы были созданы для здоровья и долголетия.

3

Все тяготы организации кафедры казахской истории легли на плечи Ермухана Бекмаханулы. Он читал лекции по этому курсу три раза в неделю — по два, иногда по четыре часа. К лекциям молодого доктора наук многие проявляли особый интерес. Их посещали не только студенты, но и старые, и молодые преподаватели. Очевидно, тут свою роль сыграл ажиотаж, разгоревшийся вокруг его первой монографии, вызванный смелой попыткой рассказать правду об освободительном движении в национальной истории. А еще молодой ученый привлекал к себе слушателей красноречием, раскованностью, убежденностью в своих знаниях. Он позволял себе иной раз судить о таких вещах, о которых прежде не говорили открыто. То, что он рассказывал, будоражило воображение.

— Наша казахская степь с древних времен была желанным пристанищем для разноязыких племен. Они надолго оседали на ее бескрайних просторах. Поэтому ее равнины превращались в арену ожесточенной борьбы. До нас дошли легенды о воинственных саках и массагетах (их еще называли скифами), сохранившиеся благодаря древним греческим записям. Они обитали за Аральским морем, занимая обширную территорию до нынешнего Улытау (Великие горы), их верблюжьи караваны доходили до далекой Ассирии^[55].

Кровожадный царь персов Кир Первый (он жил в 558–529 годах до нашего летосчисления), с целью покорения независимых племен, в последний год своего правления перешел со своим войском границу Великой степи, но предводительница массагетов Тумар ханум (она же и Тамарис, а сейчас зачастую ее называют Том ирис) вступила в смертельный бой и разбила его. Отрезав голову Кира, она опустила ее в кожаный мешок, наполненный кровью погибших, и велела повесить его у входа в свою юрту...

Повествуя об этих событиях, Ермухан предупреждал аудиторию:

— Вес это не мои выдумки, друзья. Кто не верит, пусть откроет «Историю Казахской ССР» и там прочитает то же самое. В этой книге также подробно написано о том, как отомстил за разгромленного Кира новый царь Дарий. Саки и массагеты мужественно и долго сопротивлялись персидскому нашествию, в конечном счете противостояние их закончилось в середине IV века до нашего летосчисления. А почему же этим племенам мы уделяем такое пристальное внимание? — спрашивал лектор, делая паузу. И сразу же отвечал: — А потому что, по утверждению авторов той же «Истории», в основном маститых историков России, отличавшиеся своим героизмом воины, то есть те самые саки и массагеты, являются нашими < предками...

Молодой преподаватель переводил дыхание и с тем же вдохновением продолжал свой увлекательный экскурс в историю.

— Наши степи видели и бесчисленные фаланги Александра Македонского, предпринявшего поход против Персии. Подчинив Персию, его огромное войско, оглашая окрестности воем труб, поднимая тучи пыли, однажды вышло к берегам Каспийского и Аральского морей, а как дальше развивались события, вам,

молодежь, хорошо известно из учебников средней школы... Но, увы! Великий полководец, покоривший многие страны, здесь, в Степи, начал терпеть одну неудачу за другой, столкнувшись с вольнолюбивым и непокорным народом. Только после двухлетних изнурительных сражений он поверг к своим ногам боевые стяги степняков. В результате вся Средняя Азия и нынешняя обширная территория Казахстана перешли во владение Искандера Зулхарная (так его называли в казахских народных преданиях, вам известна поэма Абая Кунанбаева «Искандер»). Однако и эта победа, достигнутая морем пролитой крови, не принесла славному воину лавров победителя. Македонцы не закрепились здесь, следы их через несколько лет засыпали пески пустыни. Единственное полезное, что они вынесли из этого похода, — научились у саков применять седло. Раньше на своих походных коней они садились без седла. Переняли они у кочевников и двойные подпруги и стремяна. Значит, у обитателей Великой степи было чему поучиться покорителям Ойкумены...

Ученый историк настолько красочно и ярко воспроизводил события, происходившие тысячи лет назад, как будто видел их собственными глазами. Обладая феноменальной памятью, он без запинок называл сотни дат, имен, географических названий. Многие слушатели его восхищенно говорили друг другу:

— Молодец, настоящий историк, были бы все преподаватели у нас такие!..

Установившийся живой контакт с аудиторией воодушевлял Ермухана Бскамаханулы, и он легко переходил от одной эпохи к другой:

— В третьем веке нашего летосчисления на просторах Великой степи утвердились тюркские племена. Русские историки считают, что племена канлы

и усунуны (уйсуны), переселившиеся с Алтайских гор, являлись их ответвлениями. Усунуны заселили нынешнюю территорию Жетысу (Семиречье) — от побережья реки Чу до склонов гор Алатау (Пестрые горы), они также обосновались у Иссык-Куля и обжили долину реки Талас. Эти племена кочевали на необозримых пространствах края, богатого водой и травами. А племена канлы и алан осели в низовьях нынешней Сырдарьи, а также на северном и восточном побережьях Аральского (Синего) моря. Самые крайние поселения их простирались до Ургенча, Бухары и Шаша (Ташкента). Другая часть их доходила до Южного Урала. Вы представляете, друзья, какие невообразимые пространства они преодолевали?! В иных местах они останавливались подолгу, строя себе добротное жилье, даже города-крепости^[56]. Значит, их кочевки туда и обратно длились веками...

— Прошли караваны веков. Племена, населявшие степные просторы, жили во взаимном согласии, становясь все более многочисленными. Их роднили общий язык и менталитет. Единокровные племена все более сближались, жизненной необходимостью для них стало создание общего государства, — продолжал свою лекцию Ермухан Бекмаханулы. — Такое объединение состоялось в VI веке, во времена нового политического союза, когда Степь стала западной частью огромного государства — Тюркского каганата. Тогда тюркские народы владели огромной территорией от Тихого океана до берегов Черного моря. Верховная власть в государстве принадлежала кагану (позже на Востоке правители стали называться ханами). Все же каганат, вобравший в себя сотни племен, оказался недолговечным и, когда в 582 году восстали жители Бухары, он распался на два самостоятельных государства: Восточно-тюркский и Западно-тюркский

каганаты. Территория сегодняшнего Казахстана осталась в подчинении Западного. В этот период активизировались внешние враги. «В 654 году китайские войска вторглись в долину реки Или и напали на племена дулу. Китайцам удалось взять город Суяп. В Семиречье были созданы две китайские провинции. В 679 году южноказахстанские (семиреченские) племена вступили в союз с тибетцами, владевшими в это время частью Восточного Туркестана, и нанесли китайским войскам решительное поражение. Движение китайцев на запад было приостановлено...» — так освещаются эти события в «Истории Казахской ССР», в главе «Образование дофеодальных государств на территории Казахстана»... Существованию Западно-тюркского каганата в то же время угрожали воинственные племена с юга. На регион Средней Азии обратили свои взоры и арабы. Их хорошо вооруженные силы в 651 году молниеносно захватили город Мерв. Местные владыки не смогли остановить наступательный порыв арабов. В начале следующего века арабы полностью завладели долиной Амударьи. Бесперывные войны одновременно с двумя могучими государствами — Китаем и Арабским халифатом — еще больше ослабили силы каганата. В период межвластия степные племена, кочевавшие между реками Чу и Или, возглавлял вождь тюргешей. Но, в конце концов, их потеснили многочисленные войска китайцев: в 748 году чужестранцы захватили столицу Суяп и разрушили ее до основания. После этого создались условия для полного захвата региона Жетысу и Средней Азии. Для этого китайцам надо было оттеснить арабов, закрепившихся на берегу реки Талас. Решающая битва между ними произошла в 751 году близ города Тараз. Войска арабов превосходили их по численности, в результате китайцы потерпели поражение и вынуждены были поспешно отступить.

Несмотря на это, у арабских завоевателей не хватило силы идти дальше. Они остановились в том же городе...

Прервавшись, Е. Бекмаханов внимательно осмотрел молодежь, сидевшую в холодной аудитории. Одежда его питомцев была бедной, щеки впалыми, сразу было видно, что они недоедают, ходят с полупустыми желудками, чувствуя себя ущербными, но зато у них было неодолимое стремление к знаниям.

— В окрестностях Жетысу на целых два века обосновались племена карлуков, переселившиеся с предгорий Западного Алтая. Во время господства карлуков возникли города Испиджаб (позднее Сайрам), Хамукент, Сусы, Кулан, Мерке — это уже на юге Казахстана. Еще больше, чем прежде, выросло значение города Тараз, он превратился в крупнейший центр этого региона. В долине реки Чу были возведены города Жол и Баласагун. Караваны, выходявшие из этих двух городов, продвигаясь вдоль берегов Иссык-Куля, связывали Восточный Туркестан и Среднюю Азию. Кочевые племена этой региона, постепенно перейдя на оседлый образ жизни, занялись земледелием, разведением садов и торговлей. Со временем они завязали торговлю с булгарами на берегах Едилы (Волги), со славянами (позже эти племена называли славянами) и племенами ант (по сути, эти племена образовали народность Русь). В X веке на берегах Сырдарьи возникли города Туркестан, Отрар, Сауран, Жент, Сыганак. Большие перемены, имевшие важное историческое значение, произошли одновременно в центральной и западной части Великой степи. В те времена в этом регионе кочевали кипчаки (в русских источниках они назывались «половцами»). Персидский ученый Гардизи в своих записках относил их к «западной ветви большого племени кимаков, населявших район Иртыша...». Это племя, подобно сакам и аланам, отличалось своей воинственностью.

Например, в VIII веке кипчаки совместно с уйгурами участвовали в разгроме Восточно-тюркского каганата. В XI веке кипчаки господствовали на огромной равнине, ныне известной как Сары-Арка, иначе говоря, в Центральном Казахстане. Кипчаки — один из шести основных родов, образующих Средний жуз, а первоначально так назывались десятки племен, населявших Степь. Соседние народы, не разделяя их, называли «кипчаками». Получается, под словом «Кипчакская степь» надо понимать всю казахскую степь. В прежней историко-географической литературе вся территория сегодняшнего Казахстана с давних времен называлась «Дешт-ы-Кипчак», то есть «Страной кипчаков»...

Ауезхан КОШИМОВ «Ученый с интеллектом»:

«...Мы вдвоем вышли на прогулку. Когда поднимались по ущелью, близкому к урочищу Медеу, в долине Алатау, навстречу нам на ишаке выехал белобородый старик в черной тубетейке. «Ассалаумагалейкум, ата!» «Уагалейкум ассалам, живите долго, джигиты!» «Ата, с каких пор вы мусульманин?» «Я со времени альмисаков (дословно: прежних саков), слуга Бога, светик мой». «Ну, старина, вы перепутали всё. Ведь саки не только во времена пророка Мухаммеда, но и еще намного раньше даже пророка Гайси жили на наших степных просторах, вы ошибаетесь», — сказал Ермухан. «Пусть Аллах не посчитает мои слова за грех, ведь всем известно, что наши пракорни берут начало от древних саков. По внешнему виду вы оба похожи на ученых людей, вам должно быть стыдно не знать, с какого времени казахи стали мусульманами», — проворчал старик и поехал дальше...

«Вот те на, этот старик здорово посадил нас в лужу и спокойно уехал. (...) Оказывается, он многое знает. Ты

понял, что он сказал?» — спросил Ереке, взглянув на меня с недоумением. «Неужели вы, солидный историк, словами этого старика хотите залатать явную пустоту нашей древней истории?» — возразил я. Ереке вдруг вспыхнул: «Послушай, дружище, обрати внимание на то, что известное из истории племя, именуемое саками, почему-то сохранилось в памяти народа! Ты понял, что этот старик, произнеся слово «альмисак»¹, не зря намекнул на древних саков. Насколько я знаю, когда наши предки именовались саками, у нас в степи в помине не было исламской религии. Они жили много сотен лет тому назад до нашей эры...»

После этого Ермухан увлеченно углубился в историю.

— ...Намного позже саков был народ с развитой культурой, образовавший государство Хорезм. Между VII-VIII веками нашего летоисчисления арабский полководец по имени Кутейва внезапно напал на Хорезм. После продолжительной четырехлетней войны он одержал победу над Хорезмом и начал насильственно внедрять здесь веру Мухаммеда. Для этого надо было искоренить память о прошлом, уничтожить культурное наследие, все духовные богатства, обычаи и традиции, все подчинить арабской письменности и религии. Иначе бы учение Мухаммеда не прижилось в Хорезме. Вначале местные жители противились этому. Тогда Кутейва уничтожил всех грамотных. Чтобы не оставить следов своего преступления, убил всех летописцев Хорезма с их учениками.

— Апыр-ай, Ереке, у вас есть доказательства? — возразил я.

— В той стране были большие ученые. О злодеяниях Кутейвы и насильственном внедрении новой веры в Степи оставил подробные записи мудрый ученый Райхан аль-Бируни...

— *И какие народы или племена вошли в государство Хорезм?*

— *Древние предки казахов — кипчаки. Столицей кипчаков, бесспорно, был Отрар. Основной опорой Хорезма был этот народ, ведь кипчаки особенно воинственны... По моему предположению, наше понятие: мы дети шести племен (арыс — по-казахски) — идет со времени нашего подчинения Хорезму...»*

Лекции доктора истории продолжались изо дня в день, дни складывались в недели» недели — в месяцы. Слушатели старательно записывали каждую его фразу. Как талантливый оратор, он отлично владел своим голосом, учитывая разный возраст и неодинаковую подготовку слушателей, говорил просто и понятно, доступным для каждого языком. Жесты его были скупы и естественны, как бы дополняли мысли и чувства. Со своими молодыми слушателями он словно вместе совершал путешествие в прошлое.

— А теперь мысленно перенесемся во времена, когда полчища монголов, оставив позади себя лесистые горы Хангайского хребта, долины Керулена и Онона, оседлав невысоких, но выносливых лошадей, вооруженные луками и кривыми саблями, ринулись на завоевание новых земель. Всего за 10-15 лет они покорили многие народы и племена, в том числе могучий Китай, а в 1218 году захватили Восточный Туркестан и Жетысу, осадив Отрар, за шесть месяцев разрушили до основания эту колыбель мусульманской цивилизации. Не устоял перед ними и всесильный шах Хорезма, считавший себя после Аллаха самым могущественным повелителем всех мусульман. В результате их походов в зависимости оказалась вся территория нынешнего Казахстана и Средней Азии. Воинственные наследники Чингисхана, побывав на дальних и ближних склонах гор Капа (Кавказа),

подчинив себе могучее Грузинское царство, а в 1236 году растоптав по пути Рязанское, Суздальское, Владимирское, Тверское и Московское княжества, уже в следующем голу устремились в Новгород. Затем осадили Киев — древнюю славянскую цитадель, после взятия украинского града продолжили свои походы в Венгерское царство, а за мим сломили и гордых шляхтичей Польши... В конце концов, своей победной поступью монголы дошли до края Западной Европы, остановились лишь на берегу «Последнего моря» (Адриатического), думая, что уже дошли до края суши. А иначе они могли бы дойти до Англии вместе с Шотландией или повернуть своих коней в сторону Испании или Италии... Успехи монгольских орд у многих людей до сих пор вызывают недоумение. Ведь они представляли собой дикое скопите кочевников, и в старых летописях их называли не иначе как варварами. Да, это отчасти и верно: они не знали письменности, не умели плавить железо и, подобно первобытным людям, одевались в шкуры животных; большую часть жизни мужчины их проводили в седле, а домочадцы жили в юртах, крытых кошмами, которые во время кочевок устанавливались на многоколесных телегах. Зато легкая конница монголов не знала себе равных и всегда была готова к внезапному нападению. Ее натиск был подобен урагану, который все сметал на своем пути... — рассказывал Ермухан Бекмахануды, временами проверяя, как студенты усваивают лекцию. Если его удовлетворял их ответ на заданные вопросы, он продолжал: — Известно, что во вновь созданных ими улусах Джунни и Чагатая (старших сыновей Чингиса) монголы оставили лишь по четыре тысячи воинов. В их обязанности входили охрана завоеванных территорий и выполнение указаний владыки... По сведениям европейских историков, а я их считаю наиболее достоверными, — многозначительно подчеркивал он, —

их войско, обрушившееся на Русь и земли западных стран, составляло всего-навсего 300 тысяч человек, среди которых было только три тумена или 30 тысяч чистокровных монголов. Значит, численность их была не так уж велика, но спаянные железной дисциплиной, они действовали всегда как один человек. Это позволило им обратить в подданство десятки стран, превосходивших их во множество раз по военной мощи и численности. Вот вам самый убедительный пример: во время наступления на Русь, после окончания кровавого побоища, монгольский полководец Субэдей приказал своим подчиненным отрезать правое ухо у каждого умерщвленного воина с вражеской стороны. И что вы думаете: было собрано 270 тысяч ушей. Невероятно, трудно поверить, что одна лишь армия «дикарей» (а в ней было всего шесть-семь туменов) сумела сокрушить за раз столько людей... Теперь я расскажу вам, друзья, об историческом парадоксе, который произошел с этими же победителями многих стран. Могущество созданной монгольской империи было недолговечным. Государство, образованное Чингисханом и его воинственными сыновьями, распалось так же быстро, как и возникло. Известно, что уже в 1246 году оно разделилось на несколько улусов или орд. Одной из них, пожалуй, самой могучей, была Алтын (Золотая) Орда, она оказалась в руках Багу, внука Чингисхана (в русских источниках его называют Батыем)... Таким образом создались условия для того, чтобы поверженные страны освободились от татаро-монгольского ига... Правда, данный процесс длился намного дольше, чем разрушение этих стран. Например, в великолепно написанной истории России много страниц посвящено битве на Куликовом поле, состоявшейся в 1380 году. Там сказано, что могучая армия Золотой Орды значительно превосходила по численности и вооружению русских ополченцев, тем не

менее не одержала победу... А западные историки описывают эту битву иначе: с обеих сторон погибло множество воинов; объединенные русские полки чистой победы не добились, потому, мол, освобождение от татаро-монгольского ига не состоялось... И в качестве доказательства приводят такой факт: русские князья после этой знаменитой битвы в течение двух веков (!) платили Золотой Орде дань... Но мы из Российской истории знаем, эта битва наглядно показала русским, что нужно сплотиться, и удельные князья поняли необходимость объединения своих сил против общего врага. Именно с этого времени начался процесс слияния русского народа в единую нацию. Он претворился в жизнь во времена Ивана Грозного. Так родилось Российское царство, и тогда же появилась возможность окончательно избавиться от монгольского ига. Понимаете, друзья, о чем я говорю? Нашествие монголов в конце концов привело к созданию Российского государства, превратив его в ведущую державу на Евразийском материке...Теперь рассмотрим историю Золотой Орды от ее возвышения до заката, — продолжал профессор Бекмаханов. — Именно в ней мы найдем истоки нашей казахской государственности... Могущество Золотой Орды значительно возросло во времена правления Узбек-хана в первой половине XIV века, а точнее в 1312-1340 годах. В ту пору Золотой Орде принадлежали Крымское ханство, земли, расположенные на дальних и ближних подступах к Азовскому морю и находящиеся между Амударьей и Сырдарьей города Сарай-Берке, Ургенч, Кафа (Феодосия) и Аштархан (нынешняя Астрахань), побережья Каспийского моря — Устюрт и Атырау, обширная долина у реки Жайык (Яик). Если посмотреть на карту, помещенную на 82-й странице «Истории Казахской ССР», то можно убедиться, что сегодняшняя огромная территория Казахстана входила во владения

этой империи, а в подвластной ей Ак Орде (Белой Орде, в русских источниках это ханство часто называют Синей Ордой) находились одни кипчаки (на северной окраине лишь — кимаки), в улусе Чагатая проживали племена найманов, дулатов, уйсун и канлы. Что удивительно, почти все эти племена разговаривали на одном языке. Доминирующим, надо полагать, был казахский язык... Для нас это представляет особый интерес, так как именно с этих пор начала складываться казахская государственность. Процесс этот был сложным и продолжительным. Монголы терпимо относились к традициям и религии в завоеванных странах. В результате создались идеальные условия для становления общего языка, объединения племен в одну нацию. В конце концов, какими бы грозными ни были Чингис-каган и его потомки, они ведь не забрали с собой в Монголию землю и воду, местные жители тоже остались в родных местах... Словом, годы пребывания в составе одного улуса ускорили процесс объединения в одну нацию разрозненных тюркоязычных племен, в большинстве своем говоривших на казахском языке. Между прочим, практически такая консолидация на просторах Великой степи шла и раньше — по меньшей мере две тысячи, а возможно, и три тысячи лет тому назад. На просторах современного Жетысу, в степях между Иртышем и Едилем, у подножий Каратау и Алатау, вдоль берегов Есиля и Тобола вплоть до далеких Уральских гор испокон веков кочевали многочисленные племена и роды: аргыны, найманы, керей, узки, коныраты, канлы, уйсун, кипчаки и другие. При общении они никогда не пользовались услугами переводчиков-толмачей. Ясно, что в результате вековых связей этих племен у них сформировался общий язык. Кочевые племена, жившие далеко друг от друга, объединяли не только общие обычаи и язык, но и исламская религия, которую

насильственно насаждал Узбек-хан. При нем Золотая Орда представляла грозную силу Но прошел век... И Золотую Орду начали раздирать на части смуты и нашествия воинственных соседей... В результате последовавшего затем распада Золотой Орды на территории современного Казахстана и Средней Азии появились два государства: Ногайская Орда и Узбекское ханство. В Ногайскую Орду вошли племена: мангыт, алшын, кипчак и усуну. Предводителем племени мангыт и главой нового союза, как гласит легенда, был прозванный «заступником народа» справедливый Едиге-бий. Граница Ногайской Орды проходила вдоль Едиля и Жайыка. Подвластные ей аулы кочевали до реки Тобола, чьи побережья были заселены сибирскими татарами. Название Орды «Ногай» происходило не от имени племени ногаев (родственного татарам), а обозначало название политическою союза племен, близких по языку и менталитету ставших единым этносом. Узбекское ханство простиралось на всю Среднюю Азию и нынешнюю территорию Казахстана. Происхождение слова «узбек» по одной из версий таково: в первой половине XIV века часть тюркомонгольских племен поддерживала золотоордынского хана Узбека, их-то и называли узбеками. А потом вообще всех мужчин, призванных в ханское войско, стали называть «узбеками». Впоследствии это название закрепилось за большой группой тюркоязычных племен и, наконец, за современным узбекским народом. Что касается других воинов ханского войска, их называли «казахами». Видимо, первоначально это наименование имело нарицательное значение — свободные, вольные люди. Но всех их объединяли одна религия и один менталитет, схожие легенды, поэмы, старинные сказания, особенно — близкие языки. Однако в смутное время узбеки и казахи, разделившись, образовали два самостоятельных народа, затем и свои ханства... На

трон Узбекского ханства в 1428 году взошел Абулхаир, потомок великого хана Шейбани, безраздельно правившего Мавераннахром — междуречьем Амударьи и Сырдарьи. Абулхаир-хан значительно расширил владения своего знаменитого деда. Их границы проходили от окрестностей Сарысу до Уральских гор, на севере — до Улытау, на юге захватывали Амударью. Однако находившиеся в подчинении Узбекского ханства султаны — потомки другой ветви Чингисхана, честолюбивые отпрыски хана Барака не могли примириться с возвышением Абулхаира. Историк того времени Мухаммед Хайдар не зря оставил такие записи: «Не захотевшие подчиниться единой власти владыки Дешти-Кыпчака Абулхаира — два султана из династии Жочи — Жанибек и Керей перекочевали в Моголистан. Хан моголов Исабуга выделил им обширные угодья по реке Чу и в местечке Козыбасы». Эти плодородные земли расположены на северо-западной окраине Моголистана... Действительные причины этого знаменательного для нас события, произошедшего в 1456 году, описаны в «Истории Казахской ССР», Разумеется, Жанибек и Керей ушли не просто так, а увели за собой несколько подвластных им родов и племен, недавно вошедших в состав Среднего жуза. Хан Моголистана Исабуга встретил новых своих подданных весьма радушно, так как видел в них верных союзников в борьбе с потомками Шейбани. Он оставил сыновей султана Барака предводителями во всех казахских племенах и расселил их на границах с Узбекским ханством. Однако вскоре они заявили о своей независимости, провозгласив Казахское ханство. Первым ханом нового образования был избран султан Жанибек. Самое удивительное — в его владениях оказались одни казахи... Этот замечательный факт опровергает утверждение, что у казахов до Великой Октябрьской революции никогда не было своего

государства... — так завершил свою лекцию молодой профессор истории.

Еркеш МАМИЕВ, историк, «Уроки учителя», 1999 год:
«...Приход на кафедру истории казахской ССР молодого доктора наук Ермухана Бекмаханова породил среди студентов чувство гордости, круто изменил наше отношение к истории родного народа. Группа моих товарищей, в том числе и я, изъявили желание перейти на кафедру, готовящую специалистов по казахской истории. (...) Нас привлекала необычность, новизна его лекций. В те дни наш молодой наставник говорил нам, что в формировании мировоззрения, патриотизма, национального самосознания истории принадлежит ведущая роль... В этом мы наглядно убеждались.

В начале 1949 года я начал готовить дипломную работу под руководством Ереке. В то время он уже был профессором. Ереке предложил мне такую тему: «Революционная деятельность Токаша Бокина по установлению Советской власти в Жетысу». Помощь, оказанная научным руководителем, способствовала высокой оценке моей дипломной работы и определила выбор моего дальнейшего пути — историка. Этот путь, кстати, подражая Ереке, выбрали многие мои друзья.

...Из 83 выпускников, окончивших исторический факультет университета в 1951 году, более 60, как мне известно, получили направления в высшие учебные заведения, техникумы и партийно-советские органы, на преподавательскую работу в сфере народного просвещения. Это было большим достижением для того времени! Отрадно, что девять из них стали докторами исторических наук и профессорами, 22 выпускника — кандидатами наук и доцентами. Это, несомненно, плоды наставнической деятельности нашего учителя...»

Торегали КАРАТАЕВ, доктор исторических наук, «Светлые моменты жизни»:

«...После окончания университета почти два года я работал редактором в издательстве «Учпедгиз». Однажды в кабинет, где я сидел, неожиданно зашел Ереке. Увидев меня, спросил: «Что ты тут делаешь?» «Я здесь работаю, Ереке». «Значит, стал служащим». Я молчу. «Борзописцев без тебя хватает, а ученых совсем мало. Вернись в науку, Торегали», — сказал он. После этого друзья и родственники не давали мне покоя, ругали за то, что я пренебрегаю советами такого ученого, как Ереке, ведь он кого попало не будет к себе приглашать. Так, благодаря Ермухану-ага, я пришел в науку».

Ахмедияр КУСАЙНОВ, Герой Советского Союза:

«Во время учебы на историческом факультете КазПИ имени Абая однажды мы услышали, что нам будет читать лекцию профессор Бекмаханов... Аудитория была заполнена слушателями до отказа. Все, как говорится, смотрели в рот лектору. До этого я представлял его почему-то настоящим гигантом, с грубым голосом, с хмурым и насупленным видом. Оказался он совсем другим человеком: простым, доброжелательным, невысокого роста. С живыми карими глазами.

...Ереке всегда был готов помочь молодым людям, начинавшим свой путь в науку. Во время работы в Институте истории, археологии и этнографии младшим научным сотрудником я был свидетелем того, что все аспиранты, у которых был Ереке научным руководителем, обязательно защищали диссертации».

Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕР, профессор, 1967 год:

«...Ученые бывают разного типа. Одни сидят дома, пишут, исследуют, большей частью остаются в тени,

частично печатаются, но, как правило, не вызывают ни споров, ни дискуссий, ни даже интереса. Бывают и другого типа ученые — борцы, которые могут ошибаться, срываться, но всегда в поиске, искренне защищают свои взгляды, спорят темпераментно, заинтересованно, чтобы эти взгляды стали достоянием общественности, чтобы они помогали движению науки вперед. И Ермухан Бекмаханов был такого типа ученым-борцом.

...Насколько я знаю, Ермухан Бекмаханович являлся и археологом, и этнографом, и историком XIX века, специально занимался и советской эпохой, и происхождением казахов, не был безучастен к археологическим находкам в южных или западных областях Казахстана. Он имел широкий кругозор, проявляя громадный интерес ко всему, что касалось вообще советской исторической науки».

Студенты, слушавшие лекции Ермухана Бекмаханова в КазГУ, сравнивая его лекции с выступлениями других преподавателей, единодушно отмечали его глубокие знания, ораторские способности, умение расположить к себе слушателей, доступность, не боясь последствий, с ним можно было поспорить. Авторы воспоминаний сходятся на том, что лекции Ереке проясняли многие темные места учебников по истории. Основываясь на своих исследованиях, он часто рассказывал о том, чего не было в книгах. Отсюда можно сделать вывод, что в свои тридцать с небольшим лет Е. Бекмаханов был уже достаточно зрелым ученым-историком, наставником, обладал редкой харизмой — притягательностью...

Итак, о чем же говорил молодой профессор истории, вызывая такой восторг своих молодых слушателей?

Сразу же после Октябрьской революции большевики взяли в свои руки систему воспитания и просвещения

широких масс населения, среднего и высшего образования, под контроль ВКП(б) попали искусство, наука, вся духовная жизнь общества. Все пронизала новая идеология, нерушимый фундамент которой составлял марксизм-ленинизм. Величайшим завоеванием Октябрьской революции считалось установление диктатуры пролетариата и равноправия наций. Партия вела народы к торжеству коммунизма и всеобщему счастью...

Естественно, этим сказкам мало кто верил, но приходилось делать вид, что верят. А не веривших заключали в тюрьмы, расстреливали, ссылали в Сибирь, Провозглашение власти народа на деле оборачивалось его бесправием. Торжество всеобщего интернационализма в конечном счете вело к тому, что малочисленные и не очень образованные народы теряли свои национальные особенности; традиции, религию, духовные ценности, а иные — и язык.

Не миновал этого и казахский народ — один из древних народов Дешт-ы-Кыпчака. Трудно поверить, что мы долгое время находились в плену примитивного философского утверждения, что у нас, казахом, не было своей истории и духовного наследия, так как всю жизнь мы вели на колесах — в кочевках и в развитии остановились на эпохе феодализма. Но так ли это?..

Ермухан Бекмаханов вместе с коллегами начал воссоздавать подлинную историю родного народа. По сути это было время возрождения новой мысли, пробуждения истинно национального духа... Стимулом для них явилось издание «Истории Казахской ССР», в которой объективно была отражена многовековая история казахской степи. Хотя она сразу же подверглась острой критике, истинные историки, в том числе и московские ученые, относились к ней благожелательно, признавая ее полезность и значение,

что и давало многим почитателям «Истории Казахской ССР» усомниться в правоте радетелей за «великий русский народ».

Один из создателей этой книги, убежденный в своей правоте, Ермухан Бекмаханулы считал позором для себя изменить исторической правде. И на своих лекциях в университете он не очень подстраивался под строгие установки партийных идеологов. Его лекции были настоящим откровением, и потому на них собиралась большая аудитория. Они отвечали вековым чаяниям казахов. Недаром первая строка гимна Казахской ССР, принятого в годы войны, гласила: «Мы — народ доблестный, дети чести на пути к свободе...»

Его лекции не только вызывали любопытство, но и заставляли задуматься: где наши корни, кто мы, каково наше будущее?

Порой казалось, что историк Е. Бекмаханов в своих лекциях излагал то, что было давно известно. Но он приводил подробности, новые факты, о которых прежде историки предпочитали умалчивать. Бекмаханов говорил о ханах и батырах, стоявших у истоков казахской государственности, о создании в середине XV века в итоге трехтысячелетней борьбы казахского народа за свою независимость Казахского ханства. И это в то время, когда ханы и султаны были не в чести, когда открыто поведствовать о их деяниях и заслугах перед публикой было опасно. Поэтому, чтобы оградить себя от обвинений в крамоле, он обильно пересыпал лекции цитатами классиков марксизма-ленинизма, подбирая их к темам каждой лекции.

— Казахи жили дружно и сплоченно, — рассказывал профессор Бекмаханов, — каждый член племени мог свободно пользоваться общинными угодьями и пастбищами. Все споры решал племенной вождь или предводитель, а община выполняла его указы. Кочевники не только пасли многочисленный скот, но и

владели многими ремеслами — ковали оружие и сельскохозяйственный инвентарь, выделывали кожу и войлок, украшая их узорами, искусно владели техникой чеканки. Пока их не тревожили враги, над аулами парили мир и покой.

Лекции молодого профессора зачаровывали слушателей, с них так просто было не уйти.

Вообще-то оригинальные мысли встречались не только в лекциях, прочитанных доктором истории в 1947–1950 годах, но и в его статьях, опубликованных в те годы в различных изданиях. (Сними можно ознакомиться в пятом томе собрания трудов ученого.) Здесь мы их только перечислим: «Фольклорные источники о восстании Кенесары Касымова», «О зависимых феодальных категориях — рабах и тюленгутах», «Историческая наука в Казахстане за 30 лет (1917–1947)», «Кенесары Касымов» (по случаю 100-летия со дня смерти), «К вопросу о социальной природе батыров (XIX в.)», «Об основных вопросах периодизации истории Казахстана», «К истории освобождения Уральска от белоказаков», «Джатаки (вторая половина XIX века)», «К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX века», «Национально-освободительное движение в Казахстане в период первой русской буржуазно-демократической революции»...

Все они посвящены исследованию проблемных вопросов, интересовавших в то время историков Казахстана. В некоторых учений сделал экскурс в далекое прошлое и по-своему поставил острые вопросы: о времени зарождения казахской государственности и о том, может ли современный Казахстан считать себя преемником Казахского ханства.

Между тем многие коллеги безоговорочно приняли его идеи, а иные, испугавшись скрытого в них смысла, поспешили доложить куда надо...

Когда при кафедре казахской истории открылась аспирантура, появилась возможность выбирать из числа студентов факультета наиболее одаренных и желающих заниматься исследованием национальной истории, они и составили первую группу последователей молодого доктора наук. В Институте истории АН Казахской ССР Ермухан Бекмаханулы не мог подобрать таких энтузиастов. А тут, в КазГУ, ему поручили научное руководство аспирантами. Дело это весьма трудное, но зато перспективное. По замыслу ученого, кафедры казахской истории должны быть открыты не только в университете, но и во всех областных педагогических институтах, занимавшихся подготовкой учителей для средних школ, где история Казахстана должна была вестись как самостоятельный предмет. (Таких пединститутов в то время в республике было тринадцать, кроме того, начали открываться в областных центрах курсы повышения квалификации учителей, двухгодичные институты и педагогические училища.) И всем им были нужны высокообразованные преподаватели, хорошо знающие не только историю СССР, но и всемирную историю, притом умеющие вести занятия на казахском языке. Нужны были кандидаты и доктора наук. В общем, планов — громадье. Все это Е. Б. Бекмаханов мечтал воплотить в жизнь при поддержке ректората КазГУ. Ради этого он не щадил себя и не давал покоя должностным лицам в руководящих органах, уважавшим и ценившим его.

Ермухану повезло в том, что руководитель учебного заведения всегда относился к нему с пониманием и оказывал всяческую поддержку, хотя на шее Тулегена Тажибаева висело еще 37 кафедр и 40 лабораторий. Однажды он заявил:

— Ермухан, замахиваешься ты широко, и я для такого святого дела изыщу столько средств, сколько надо. Однако ты, друг мой, через пять лет должен дать мне отчет и подготовить за это время не менее десяти историков, имеющих ученую степень...

— Тулеш, будет тебе даже двадцать кандидатов наук. Не боишься, что потом они станут наступать тебе на пятки и претендовать на твое место?.. — засмеялся Ермухан.

Ректор КазГУ был расчетливым, хватким, мог звезду с неба достать, если это требовалось для работы.

— Только ты, Ермухан, держи свои наполеоновские планы при себе, — предупредил Тулеген Тажибаев, — услышат о них твои недруги, не миновать беды, и меня подведешь под монастырь...

Аспирантура при кафедре истории Казахской ССР была открыта в начале 1949 года. Желающих поступить в нее набралось так много, что в следующем году пришлось утроить количество мест и даже объявить конкурс...

4

Последующие два гола для Ермухана Бекмаханулы, к удивлению его самого, оказались слишком спокойными. И это он считал подарком судьбы. Едва появлялась возможность освободиться от преподавательской суеты, он отправлялся в государственные архивы, в том числе находившиеся в Москве, Ташкенте, Чкалове.

«В исторической литературе, посвященной изучению истории Казахстана, проблема социально-экономического строя казахов во второй половине XIX века остается наиболее узким местом. Этим по существу объясняется то обстоятельство, что до сих

пор на эту тему не имеется монографических исследований, — писал историк в своей статье, озаглавленной «К вопросу о социальном строе казахов второй половины XIX века», опубликованной в «Вестнике АН Казахской ССР» № 2 за 1950 год. — Между тем корень ошибок некоторых историков в освещении этих проблем истории Казахстана заключается в том, что они глубоко не вскрывают специфику социальных отношений в Казахстане. Без этого трудно понять закономерность общественного строя казахов и своеобразную особенность классовой структуры казахского общества, относившегося к типу кочевых народов Востока...»

Бекмаханов скрупулезно собирал материалы к своей новой монографии «Присоединение Казахстана к России». По задумке ученого она должна была быть такой, чтобы с политической точки зрения к ней комар носа не подточил и недругам не за что было зацепиться. В новой работе он намеревался показать, что для присоединения Казахстана к России в XIX веке сложились все исторические предпосылки, что вхождение в Российскую империю способствовало глубоким экономическим и социальным преобразованиям в Степи.

Войдя в состав России, Казахстан поступился независимостью. Как казах, Ермухан понимал трагизм этого события. Но все же, как человек своей эпохи, он признавал, в конце концов, что союз с Россией был прогрессивным явлением. Хотя основная масса казахов по-прежнему вела кочевой образ жизни, многие степняки приобретали рабочие профессии в городах, поселках и казачьих станицах, появились новые населенные пункты, где обосновались оседлые казахи — «жатаки» (такое поселение он видел в детские годы в Баянаульской станице). В некоторых русских селениях городскую типа резко возросло количество жителей-

казахов. Теперь вчерашние скотоводы становились грузчиками, плотниками, сапожниками, швеями, лодочниками» кочегарами пароходов. Среди них появились специалисты, работавшие на заводах и фабриках. В разных местах бескрайней степи развивалась торговля, открывались ярмарки. Прежде беспечно жившие казахи занялись торговлей шкур и шерсти.

Все эти приметы новой жизни, вызванные общественно-политическими переменами и бурным техническим прогрессом, Ермухану предстояло отразить в своей монографии. Архивного материала было собрано довольно много, если чего-то не хватало, то трудолюбивый историк знал, где искать. Характерной чертой Е. Бекмаханова была настойчивость. Взявшись за дело, он всегда уходил в него с головой и обязательно доводил до конца. Работал он сутками напролет, не замечая заката солнца и наступления утра...

Уже к осени 1950 года были готовы первые главы новой монографии. Примерно через год или два должна была завершиться вся работа. После чего он намеревался начать повторный просмотр всего текста и окончательную его правку...

Был конец декабря 1950 года. Двухкомнатная квартира Бекмахановых была наполнена счастьем: у маленькую Ермуханчика, которому исполнилось почти два годика, появился братишка, его назвали Сермуханом, и теперь спальня супругов была похожа на детский сад. Молодой историк был доволен жизнью, удачной работой и пополнением в семье. Находясь в превосходном настроении, он собирался весело встретить наступающий Новый, 1951 год. И вдруг в ясный и морозный день грянул гром. Все разом пошло вверх дном.

Глава седьмая

«КАК БЫ МЕНЯ ЗЛОДЕИ НИ ЧЕРНИЛИ, НЕ ОМРАЧИТСЯ ДУХ ВЫСОКИЙ МОЙ» [57]

«Об этом я говорю потому, так как, считаю характерным недостатком только для казахских историков. Некоторые мои коллеги подвержены болезни лидерства. Они желают любыми способами называться первыми историками в Казахстане, вкладывая в это все свои силы, нервы и время, вместо того, чтобы заниматься глубокими исследованиями, они тратят свое драгоценное время на пустые дебаты и многочисленные жалобы...»

*Из выступления Е. БЕКМАХАНОВА
на совещании в ЦК КП(б)
Казахстана, 1948 г.*

1

«Партия — наша надежда и сила. Партия — наш рулевой», — скандировали когда-то на октябрьских праздниках колонны демонстрантов. Секретари ЦК ВКП(б) держали в своих руках бразды правления гигантской державой. Главное политическое

управление и его идеологический аппарат, печать и радио всеми силами поддерживали миф о том, что ЦК партии денно и нощно печется о благе народа. В подтверждение приводились данные о ее созидательной деятельности, парадные рапорты о хозяйственных успехах и духовном росте советских людей, о том, как под руководством партии всего за четыре года вместо пяти страна сумела восстановить разрушенное войной народное хозяйство и повсюду развернула гигантские стройки коммунизма. Когда-то К. Маркс писал: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Теперь это уже был не призрак, а явь, коммунисты стремились сделать сказку былью. Тысячи энтузиастов показывали образцы коммунистического труда в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Труд для многих, как заявил И. В. Сталин на XVI съезде ВКП(б), стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Особенно на Беломорканале, где в процессе перековки сложили головы тысячи участников ударной стройки. Однако по мере развития социализма, по словам вождя, классовая борьба обострялась, возрастало сопротивление чуждых элементов, злее и изощреннее становились их происки. Поэтому: советским людям нельзя было терять бдительности. Как революционный авангард советского общества партия вела борьбу: то за повышение темпов индустриализации и коллективизации, то за ускорение и прогресс, преодоление застоя, одновременно против приспособленцев, двурушников, перерожденцев, ревизионистов, вредителей и шпионов, националистов, космополитов...

Строгие директивы ЦК предписывали с корнем выкорчевывать пережитки прошлого в сознании людей и в первую очередь всякое инакомыслие. Трудно поверить, но такие установки, граничившие с тупостью, рассылались под грифом «Секретно, только для

служебного пользования» должностным лицам, претворявшим их в жизнь. В них ясно видна косность руководителей большевистской партии, объявленной умом, честью и совестью эпохи, действия кучки вершителей судеб, многие из которых не имели высшего образования, были грубы и примитивны и не всегда понятны. Они боялись быть отрешенными от власти и потому истово поддерживали жестокие требования И. В. Сталина...

Тому наглядный пример — очередная политическая кампания на Кавказе.

В начале 1950 года в журнале «Большевик» была опубликована статья первого секретаря Центрального комитета КП(б) Азербайджана М. Багирова, в которой пересматривалась прежняя трактовка восстания народов Кавказа под предводительством имама Шамиля против захватнической политики царской России. Она удивила многих. Почему с ней выступил политический руководитель соседней союзной республики, коренные жители которой были с дагестанцами одного, мусульманского вероисповедания, и в иные годы сражались против оккупантов! вместе плечом к плечу? Почему Багиров допустил кощунственные выпады в адрес имама, тем более сам он, как говорили сведущие люди, в этих исторических вопросах был совершенно неискушенным человеком? Почему он свел на «нет» многолетнее противостояние горских народов, сражавшихся с переменными успехами против натиска российского самодержавия в течение почти ста лет? Ведь он тем самым перекроил историю, перечеркнул значение движения Шамиля, попытался вытравить из памяти легендарное среди горцев имя...

Оскорбленные горцы стали громко возмущаться: «Почему мы, спустя сто лет, должны забрасывать камнями святого для нас Шамиля и его доблестных

мюридов?..» И вдруг «Дагестанская правда» и все газеты, выходящие на национальном языке в автономной республике, в один и тот же день опубликовали статью первого секретаря ЦК Компартии Дагестанской АССР Л. Д. Даниялова, целиком и полностью поддержавшего азербайджанского коллегу. Можно сказать, он даже его переплюнул в очернении истории освободительного движения кавказцев.

Таким образом, движение Шамиля, преподносившееся во всех исторических публикациях и учебниках по истории как всенародный протест, с легкой руки двух политических руководителей обеих республик приобрело зловещую направленность, его отважный предводитель имам Шамиль превратился в наемного агента англичан и турков, а отчаянно смелые его мюриды, защищавшие родную землю целых двадцать пять лет и оказавшие вооруженное сопротивление русской армии, по версии авторов этих статей теперь предстали злейшими врагами своего же народа.

В те времена каждое слово первого секретаря для всех было не только информацией для размышления, но и законом, ни одна живая душа не могла возразить и сказать, что он ошибается. Иначе накличешь на себя беду. Тем не менее передовая интеллигенция этих республик не спешила соглашаться с партийными боссами и склонять перед ними головы.

Одним из непокорных был азербайджанский историк, профессор Гейдар Гусейнов. Он не побоялся возразить первому секретарю, когда гот, вызвав его в ЦК, потребовал немедленно написать и направить статью, всецело поддерживающую его концепцию, в московский журнал. Но профессор-историк наотрез отказался от такой чести, заявив:

— Товарищ секретарь, когда наш народ, породивший вас и меня, поднимался против русского

кнута, то он брал пример стойкости с великого Шамиля. Об этом я писал в своих работах. Если я поддержу вас, то должен отречься от своего прежнего научного труда, за который я удостоился Сталинской премии. Не могу же я сам себя высечь...

Всесильный в тот час Багиров, чувствуя вседозволенность, схватил Гусейнова за шиворот, оторвал воротник, а вдобавок двинул ученого кулаком и пригрозил, что сотрет его в порошок, лишит всех научных званий и пустит по миру... Выйдя из кабинета секретаря ЦК осрамленным и униженным, историк в тот же вечер наложил на себя руки. Похороны ученого превратились в многотысячную траурную манифестацию. Но и эта молчаливая солидарность с покойным не возымела должного воздействия на партийного вожака-самодура^[58]. Ни одна азербайджанская газета не опубликовала некролога о безвременной кончине известного историка Г Гусейнова. Но зато позднее, конечно, по требованию «общественности», усопший профессор был лишен Государственной премии.

В Азербайджане после этого трагического случая кампания по вытравливанию из народной памяти героической борьбы имама Шамиля пошла по накатанной колее. На тех, кто чуть поднимал голову, сразу же находили управу.

Однако наиболее активная часть интеллигенции Дагестана не смирилась с грубым искажением своей истории. Например, известная дагестанская писательница Мариам Ибрагимова сразу же написала большую статью, отвергающую лживую концепцию двух секретарей, и направила ее в Москву. Разумеется, ее статью не опубликовали не только в журнале «Большевик», но и ни в одном местном издании. Более того, литератора-патриота стали зажимать. Но это,

наоборот, подтолкнуло писательницу к более глубокому изучению истории этого национально-освободительного движения, в результате появился на свет толстый документально-художественный роман «Имам Шамиль», который, к сожалению, был издан в Москве только в 1992 году издательством «Советский писатель». (Приведенные выше факты расправы с профессором Г. Гусейновым взяты нами из предисловия к этому роману, написанного Н. Голосовской.)

Расул ГАМЗАТОВ, поэт, из книги «Мой Дагестан»:

«...— В 1951 году ты написал стихи, очерняющие Шамиля, а в 1961 году написал стихи, восхваляющие Шамиля. Над теми и над другими стихами стоит имя: Расул Гамзатов. Теперь мы хотим узнать — один и тот же это Расул или два разных. И какому Расулу верить?»

Вопрос вопросов. Стрелу, попавшую в тело, можно выдернуть. Но можно ли выдернуть стрелу, попавшую в сердце?

...Если говорить серьезно, я был тенью времени. Известно же: какова палка, такова от нее тень. Выло решено, что Шамиль — английский и турецкий агент и что главная его цель — разжигание вражды между народами. Я верил тому дому, в котором это было утверждено, я верил и хозяину того дома. Тогда-то я и написал стихи, разоблачающие нашего Шамиля.

Теперь мне говорят иногда, чтобы утешить:

— Мы слышали, будто ты написал эти стихи по специальному заказу, что тебя заставили их написать.

— Неправда! Меня никто не насилдовал, не принуждал. Я сам, добровольно написал стихи о Шамиле и сам отнес их в редакцию. Просто я был похож тогда на иных горцев, которые листают Коран, не зная ни одной буквы по-арабски и, значит, совершенно ничего не понимая, и все-таки испытывают сладкий восторг.

*Ночью шаг его тяжкий разносится гулко.
Только свет погашу — он маячит в окне.
То суровый защитник аула Ахулго,
То старик из Гуниба, он входит ко мне.*

*Говорит он: «В боях и в пожарищах дымных
Много крови я пролил и мук перенес.
Девятнадцать пылающих ран нанесли мне.
Ты нанес мне двадцатую, молокосос.*

*Были раны кинжальные и пулевые,
Но тобой причиненная трижды больней,
Ибо рану от горца я принял впервые.
Нет обиды, что силой сравнилась бы с ней...»*

*Не знаю, простили ли меня за те старые мои стихи
дагестанцы, не знаю, простила ли за них тень Шамиля,
но сам себе я их никогда не прощу.*

Мой отец говорил мне:

*— Не трогай Шамиля. Если тронешь, до самой
смерти не будет тебе покоя.*

Прав оказался мой отец...»

Подробности иезуитской кампании по дискредитации Шамиля стали известны обществу только недавно: союзный политический журнал, оказывается, действовал по указке сверху. Впервые идея о пересмотре событий XIX века, как ни странно, пришла в голову уроженцу Кавказа Л. П. Берии (цель его была проста: возвысить грузин за счет принижения других народов Кавказа). По его команде материалы о Памиле, собранные Министерством внутренних дел, были поданы в толстом научном сборнике под тенденциозным названием «Шамиль — апологет султаната Турции и английских колонизаторов»;

ведущую роль в этой провокационной затее сыграли М. Багиров и А. Даниилов, а поручения им непосредственно давал секретарь Центрального комитета Г. М. Маленков; полное одобрение их труд получил в Политбюро и у сменившего, А. А. Жданова секретаря ЦК М. А. Суслова. Политическая кампания, начатая в Азербайджане и Дагестане, прошла под; истинно патриотическим лозунгом сплочения народов и наций вокруг великого русского народа, как это было тогда принято во всех научных трудах в духе указаний вождя всех народов товарища И. В. Сталина.

Шумиха по поводу исправления истории, начатая политической элитой в Азербайджане и Дагестане, где быстро расправились с «чуждыми элементами», к осени 1950 года докатилась до Казахстана...

* * *

В конце 1980 года в моей творческой жизни произошло знаменательное событие — в московском издательстве «Молодая гвардия» в популярной серии «Жизнь замечательных людей» вышла в свет моя книга «Сатпаев», над которой я работал мучительно долго. Но у меня возникли большие трудности с ее изданием на родном языке. Словом, по какому-то делу весной следующего года я заехал в Институт геологических наук имени К. И. Сатпаева и случайно встретил свою знакомую, старшего научного работника этого учреждения Розу Аубакирову-Исабекову. Она обрадовалась, увидев меня, и спросила:

— Медеу, хочешь повидаться с моим отцом?

Года два тому назад я искал с ним встречи через хорошо известного мне человека и своего покровителя в литературных делах Ислама Жарылгапова (в 1950-е годы он был заместителем заведующего отделом

пропаганды и агитации ЦК Компартии Казахстана, позднее — заведующим сектором). Но тогда Булебай Исабеков мою настоятельную просьбу отклонил, сказав, что не желает беседовать на щепетильную тему с малознакомым человеком. А вот теперь его дочь сама пригласила меня к нему в гости.

— Роза, я не просто хочу, а мечтаю о встрече с Булебай-аксакалом, — сказал я. — Ведь он живой свидетель тех событий, о которых я пишу...

— По-моему, ему тоже не терпится кое-что рассказать тебе...

Роза Булебайкызы позвонила отцу, и он предложил мне прийти к нему в тот же день.

Квартира ветерана партии оказалась недалеко от сатпаевского института, всего в двух-трех кварталах. Ему было далеко за семьдесят, ростом он был выше среднего, плотного телосложения, довольно крепок, несмотря на преклонный возраст, и только на лице время оставило глубокие следы. Двигался он быстро, и речь его была довольно бойкой, да и память не подводила.

В первый день мы разговаривали с ним кряду несколько часов. Все, что услышал от Булебая Исабекулы, я сразу же вечером, в гостинице, перенес на бумагу. И тогда же у меня появились новые вопросы. Поэтому, договорившись по телефону, через день-два я снова навестил аксакала.

Наша беседа главным образом была посвящена печальным событиям в жизни Каныша Имантайулы Сатпаева во время политической кампании 1951-1953 годов. Коснулись мы и гонений на историка Бекмаханова и его единомышленников.

— Вашу книгу «Сатпаев» я прочитал с большим удовольствием, — заговорил хозяин дома. — Вот что я заметил: мрачные события 1950-х годов вами освещены слабо, отрывочно. Или вы не поняли суть той оголтелой

кампании, или цензура безжалостно урезала ваш текст, словом, причины репрессий тех лет вы полностью не раскрыли. Утверждаю это как человек, побывавший в самом пекле сатанинской вакханалии. В мире нет ничего вечного, все течет, все меняется. И я хочу поведать вам о том, что камнем лежит у меня на душе. Думаю, со временем вам это пригодится... В аппарат Центрального комитета партии меня взяли в тот год, когда началась Отечественная война. Недолго работал инструктором отдела пропаганды и агитации. Вскоре, наверное, оценили мою грамотность, может быть, и мое усердие. В общем, Николай Александрович Скворцов, бывший до Жумабая Шаяхметова первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана, предложил заведовать отделом пропаганды и агитации. Эту должность я исполнял до 1950 года, а потом меня сменил Храмков Иван Петрович. Я стал его заместителем...

— Он уроженец Казахстана?

— Нет, Иван Петрович приехал к нам в 1948 году из Москвы, после окончания Высшей партийной школы, по направлению ЦК ВКП(б) на укрепление идеологического фронта. Когда Мухамеджана Абдикалыкова сняли с поста секретаря ЦК якобы за допущение им политической близорукости при редактировании первого издания «Истории Казахской ССР», в Москве создалось превратное мнение, что у нас в Казахстане, хромает идеологическая работа. Сменивший меня на посту заведующего отделом пропаганды и агитации Храмков до приезда в Казахстан работал первым секретарем Пятигорского горкома партии Ставропольского края. Он родом из Калуги, как он говорил, был потомственным пролетарием, начал свою трудовую деятельность в 15 лет, слесарем на какой-то фабрике. Толком в школе не учился. Но каким-то образом, как сам хвалился, заимел три диплома об окончании высших учебных заведений. Как выяснилось,

все три он закончил заочно. Общий интеллектуальный уровень его был довольно низкий, писал с ошибками. Например, слова «солнце», «жена» писал «сонцо», «жона»... Судя по его биографии, в 1930-е годы он выдвинулся как активный общественник, работал в комсомольских ячейках на разных производствах под Москвой, потом стал секретарем обкома комсомола в Карачайской автономной области. На партийную работу перешел после войны. В общем, его назначили ко мне заместителем, а через два года мы с ним обменялись служебными кабинетами и должностями...

— А за что вас понизили через столько лет?

— Как мне объяснил Жумеке, если отраслевой секретарь ЦК — казах, то заведующий отделом должен быть русским. Будто бы из Москвы пришло такое негласное указание...

— Что же случилось дальше?

— Случилось то, чего я вообще не ожидал от своего заведующего. В один из вечеров Иван Петрович пригласил меня в свой кабинет и положил передо мной кипу машинописных страниц и потребовал: «Прочти и скажи свое мнение?» Уже после прочтения первых страниц у меня волосы встали дыбом. Я сразу догадался, что это старая склока историков, только автор не указан. В анонимке перечислялись прежние «ошибки» Бекмаханова, делался упор на их политический вред, попытки протаскивания махрового национализма. Но кроме этого, от уже заклеяменного «англо-турецким шпионом» имама Шамиля перебрасывался мостик к Кенесары. Мол, приведенные факты и события описаны и подобраны в монографии Бекмаханова так, что они в корне противоречат принятой концепции добровольного присоединения Казахстана к России, тем самым ее автор сознательно вбивает клин в вечную дружбу между русским и казахским народами... Прочтя весь этот бред, я опешил.

Я познакомился с Ермуханом, когда он стал работать в лекторской группе ЦК, высоко ценил его образованность и честность. И понял, если этот пасквиль попадет в печать, ему несдобровать... «Ну, что скажешь?» — уже заводился мой заведующий. «Кто это написал?» — поинтересовался я. Храмков нахмурил брови: «Какое твое дело, кто написал? Что ты так скис?» Не в силах скрыть раздражения, я отвесил: «Здесь всем известные исторические факты грубо искажены. Например, вот эти... — и показал ему две-три страницы текста. — Это происки Айдаровой и Шоинбаева, мечтающих насолить Бекмаханову... Иван Петрович, зачем Центральному комитету вмешиваться в такие дразги? Зачем нам вообще влезать в научные споры, часто возникающие между историками. Не к лицу это партийным работникам, не прибавит нам это авторитета». «Ладно, иди... — разочарованно махнул рукой мой заведующий. — Вижу, ты тоже заступник Бекмаханова».

Аксакал, сделав глоток чая, вздохнул и продолжил:

— Я сразу разгадал его далеко идущий замысел: использовать показательное избиение Шамиля и его мюридов самими же горнами, чтобы провернуть подобную акцию в Казахстане. Очень заманчиво было опровергнуть известный в республике и за ее пределами научный труд казахского историка. Я уже достаточно хорошо изучил Храмкова. Это был твердолобый и самонадеянный человек, скрытый шовинист, считавший наш народ диким, не имеющим своей истории. И пасквиль, созданный кем-то из наших писак, был ему на руку. А может быть, он и сам это затеял...

— Почему же вы не выступили с разоблачениями этого подлеца? — спросил я.

— Потому, дорогой, что у нас не только руки и ноги были связаны, но и рот был на замке. Но об этом чуть

позже скажу... Спустя несколько дней, опять же поздно вечером — в то время все партаппаратчики работали и ночью, — меня позвали к первому секретарю. Жумеке положил передо мной ту же «телегу», что показывай мне Храмков. Мельком взглянув на листы, я сказал: «Я с этим материалом знаком». К моему удивлению, первый секретарь моментально вспыхнул: «И ты свою руку сюда приложил? Знал бы, что делаешь!..» Когда Жумабай Шаяхметулы выходил из себя, лучше было помолчать, — он быстро остывал и никогда зла не держал. Я написал на клочке бумаги фамилию своего заведующего отделом и еще добавил, что это его творчество и его приспешников-историков, имена которых мне неизвестны. Мы все знали, что и у первых секретарей тайно установлены прослушки, потому иной раз прибегали в разговорах к переписке. Жумеке недовольно процедил: «Ладно. А знаешь ли, для чего все это приготовлено?» — «Честное слово, не имею представления», — ответил я, а на другом клочке бумаги написал: «Знаю лишь, что если этот материал будет опубликован, то последствия будут тяжелыми, начнется такая заваруха, какой прежде не бывало. В эту кашу попадут не только историки, но и все мы. Я уже об этом говорил своему заведующему...» Секретарь понял меня. «В Алма-Ату приехали двое журналистов из редакции «Правды» — Озеров и Черниченко. Сегодня эти товарищи были у меня, предлагают стать автором этой статьи». Лицо у Жумеке стало угрюмым. Все ясно: значит, редакция «Правды», используя проверенный метод журнала «Большевик», решила использовать в целях корректировки истории казахов нашего первого секретаря. Это был бы наиболее выигрышный ход и основательный повод для дальнейшей проработки историков. «Пройди в комнату отдыха, — сказал Жумеке, — прочти внимательно еще раз и подумай. Постарайся найти зацепку, чтобы я избавился от этой

статьи!..» Пришлось подчиниться. Не торопясь, прочитал еще раз. Заметил, что убраны слабые места, основная критика ведется по линии классового уклона, намного усилена политическая направленность. А вывод еще категоричнее и безотраднее. Наконец, сосредоточившись, я кратко изложил свои мысли на бумаге и, вернувшись в кабинет, положил свои записи на стол первого: «Жумеке, если вы поставите свою подпись под этим материалом, вы сразу потеряете авторитет и добрую славу в народе. Вспомните, как опозорился Багиров?..» — «Но что-то я должен сказать этим непрошеным гостям? Как выкрутиться? Ведь в Москву они с пустыми руками не возвратятся. Значит, меня кем-то надо заменить?.. — И наконец Жумеке нашелся: — У нас же есть историки, которые постоянно баламутили, поднимали пыль, затевали споры по этому восстанию. Пригласим одного из них, и пусть он подпишет. И делу конец!» — «Жумеке, если пригласим этих скандалистов, будет еще хуже! Самое правильное решение — спрятать вод сукно этот материал, не давать ему хода!» Секретарь покачал головой. И туг меня осенила спасительная мысль: «Помните, в самые тяжелые дни войны мы обратились ко всем казахским воинам с призывом проявить мужество и героизм, как наши славные батыры — Аблай, Кенесары, Наурызбай и другие? Под тем обращением стоит и ваша подпись. Расскажите об этом московским корреспондентам и сошлитесь на то, что спустя девять лет вам не пристало выступать против своего же обращения...» — «О, это прекрасная мысль! Молодец, Булебай!..» — лицо Жумеке просияло. «Позвоните секретарю ЦК товарищу Суслову, — продолжал я. — Скажите ему: «Вы хорошо знаете, как геройски сражались казахские воины на фронте, а вся Казахская республика была надежным тылом, все делала для победы над врагом. Республика с честью перенесла все тяготы и лишения войны, и

только теперь у нас стала налаживаться жизнь. Есть ли необходимость в этот созидательный период будоражить нашу республику по прихоти нескольких десятков ученых мужей?» И добавьте: «Допущенные по незнанию ошибки в «Казахской истории» исправим сами». Уверяю вас, Жумекс, Михаил Андреевич умный человек, приняв во внимание ваш авторитет в Центральном комитете, учитывая доброе отношение к вам Иосифа Виссарионовича, сразу согласится на это. А исправить нашу «Историю» совсем нетрудно. Вызовите в ЦК Бекмаханова и других ученых-зубров. Надерем им уши, объявим каждому по выговору; понизим в должности, сразу станут шелковыми. Ничего страшного не случится. Они еще скажут спасибо за то, что остались на свободе. Но секретарь прервал меня: «Советы давать всегда легче...» — и опять приуныл.

Булебай-аксакал, вспоминая события тех дней, порядком разволновался, вышел на балкон, чтобы передохнуть. Спустя несколько минут он вернулся в комнату и продолжил разговор.

— Позднее я узнал, что не только я, но и Ильяс Омаров, и Ислям Жарылгапов, и другие предупреждали его об опасности. Конечно, мы понимали, что Жумеке пальцем не тронет Храмкова, номенклатурного выдвиженца, присланного из Москвы. Наоборот, еще и нас сделает виноватыми... Вы меня сейчас упрекнули: что, у вас не хватило духу дать отпор Храмкову и его пособникам... Подумайте, можно ли остановить многотонную лавину снега, которая вдруг срывается с хребтов Апатау? Нет, это стихийное бедствие! Таким же бедствием для нас, казахской интеллигенции, был идеологический вал, накатившийся на нас, которому при тогдашнем раскладе сил мы не могли противостоять. Мы надувались, надували щеки, но, увы, не могли идти против печатного органа ЦК В КП(б) «Правды»...

Похоже, что первый секретарь КП(б) Казахстана все-таки послушался своих верных советников. Тому свидетельство — «Докладная записка ответственного секретаря «Правды» И. Ф. Ильичева секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову об обсуждении представленной к опубликованию статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана»: «Совместная статья тт. Шоинбасва, Айдаровой, Якунина трижды обсуждалась на заседании редакционной коллегии. Вопрос о движении Кенесары специально изучался т. Кузнецовым («Правда»), Морозовым и Лихолетом (аппарат ЦК ВКП(б)). Все они выступали с предложением опубликовать статью, осуждающую позицию Е. Бекмаханова. Статья была принята. После получения телеграммы от Е. Бекмаханова и в соответствии с Вашими указаниями проведена дополнительная работа. В Алма-Ату выезжал замредактора отдела критики и библиографии Озеров. Было выяснено, что большая часть казахских историков (?) выступает против позиции Е. Бекмаханова, считая ее буржуазно-националистической. Руководство АН КССР (т. Сатпаев) и работники ЦК (т. Омаров) резко отрицательно относятся к выступлениям, в которых движение Кенесары оценивается как реакционное. Со статьей ознакомился тов. Шаяхметов, заявивший, что он не считает движение реакционным и что, если все же вопрос созрел и «Правда» решит выступить, то в статью нужно внести некоторые изменения. Они внесены. Кроме того, в редакции «Правды» при отделе критики и библиографии было созвано совещание. Статья была поставлена на обсуждение представителей различных точек зрения. Против нее выступили тт. Бекмаханов и Вяткин (редактор книги). Они говорили в духе последнего письма Бекмаханова, хотя не в столь резких выражениях. Якунин и приехавшие из Казахстана Айдарова, Сулейменов опровергли те новые документы,

которые привел на совещании Бекмаханов. После этого статья четвертый раз была поставлена на обсуждение редколлегии и вновь направлена на просмотр тг. Морозову и Лихолету. Общее мнение — печатать ее». (12 декабря 1950 года)^[59].

2

Номер «Правды» за 26 декабря 1950 года в Алма-Ату пришел на следующий день. Тридцативосьмилетний секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии Ильяс Омаров каждый рабочий день начинал с чтения свежих газет, и в первую очередь главного печатного органа ВКП(б).

Он быстро пробежал первую полосу газеты, перевернул страницу и сразу уперся взглядом в броский заголовок статьи, занимавшей целый подвал на развороте второй и третьей полос. Заголовок гласил: «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». Не прочитав статьи, Ильяс Омаров воззрился на подписи ее авторов. Т. Шоинбаев, Х. Айдарова, А. Якунин — все трое были казахстанские историки. Ильяс Омарулы сразу догадался, о чем они могли написать, кого взяли на прицел. «Конечно, лягнули и меня», — подумал секретарь ЦК. Он знал, что «Правда» исподволь готовит критический материал по истории Казахстана, но никак не ожидал, что такая авторитетная, солидная газета привлечет к его подготовке историков с сомнительной репутацией...

«История казахского народа богата яркими страницами борьбы за свободу и независимость против внешних и внутренних врагов. К этим славным страницам относится, в частности, борьба против джунгарского хана в XVIII веке, против китайских

феодалов, кокандского и хивинского ханов — в XIX веке. Казахский народ упорно боролся также против гнета собственной феодальной верхушки, против колониальной политики русского царизма.

Наряду с народными национально-освободительными движениями в XIX веке происходили реакционные, феодально-монархические движения Саржана и Кенесары Касымовых, Каратая.

Советские историки призваны освещать историю национальных движений глубоко и правдиво. Это значит — подходить к историческим фактам с марксистско-ленинских позиций. К сожалению, еще не все научно-исследовательские работы отвечают этим требованиям. В частности, серьезными методологическими ошибками, которые ведут к извращению исторических фактов, страдают некоторые книги по истории Казахстана.

Еще в первом издании «Истории Казахской ССР» под редакцией А. Панкратовой и М. Абдикалыкова (1943 г.) идеализировались реакционные, феодально-ханские порядки, возвеличивалась деятельность ханов и султанов. ЦК КП(б) Казахстана, признав порочность этой книги, вынес решение о подготовке нового издания. Однако ошибки буржуазно-националистического характера были повторены в вышедшей в 1947 году книге Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века» под редакцией проф. М. П. Вяткина. В ней идеализировалось феодально-монархическое движение султана Кенесары Касимова.

...Неверная оценка движению Кенесары дана во втором издании «Истории Казахской ССР», вышедшем уже в 1949 году под редакцией И. О. Омарова и А. М. Панкратовой. Движение Кенесары здесь признается прогрессивным «по тем политическим требованиям, которые выставлял Кенесары...» (стр. 296). Между тем, политические требования Кенесары

сводились к возрождению средневековой ханской власти, к отторжению Казахстана от России.

Таким образом, извращения в оценке движения Кенесары Касымова повторяются и по-прежнему дезориентируют историков. Поэтому необходимо вернуться к «теоретическому» источнику всех этих извращений и ошибок — книге Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века» — и внести ясность в вопрос об оценке движения Кенесары, решив его в духе марксистско-ленинской исторической науки».

Ильяс Омарулы почувствовал себя бессильным что-либо изменить, остановить начавшийся камнепад. Даже выразить недовольство. Горькая досада, обида сковали его волю и ум.

Отрешенно глядя перед собой, долго сидел неподвижно. В груди что-то покалывало — это был сигнал. Открыв ящик стола, достал таблетку, положил под язык, потом снова взял в руки «Правду».

«Е. Бекмаханов по существу стирает классовые грани в патриархально-феодалном казахском обществе того времени. Не раскрывая глубоко прогрессивное значение присоединения Казахстана к России, он односторонне сводит дело к возникшему после присоединения колониальному гнету. Трудящиеся казахи были кровно заинтересованы в присоединении Казахстана к России, выступления же Касымовых, тормозя присоединение, шли вразрез с чаяниями передовой части казахского общества. Однако это движение в книге '«Казахстан в 20–40 годы XIX века» поднимается на щит. В ней читаем: ««Восстание Кенесары, носившее ярко выраженный антиколониальный массовый характер, сыграло прогрессивную роль в истории казахского народа». Больше того, характеризуя Кенесары как борца против

«русской экспансии», автор утверждает, что движение, возглавленное этим реакционным султаном, якобы «явилось великолепной школой политического воспитания масс» (стр. 360).

Эти и другие ошибки Бекмаханова привели его к идеализации реакционного движения, к извращению исторических фактов, к явным противоречиям... Идеализируя реакционных феодальных деятелей, автор книги всячески превозносит не только Кенесары, по и всю семью Касымовых. Он отводит многие страницы восторженным описаниям Кенесары, его деда и отца, брата, сестры, матери, племянника, всюду подчеркивая их особую душевную и физическую красоту, их превосходство над окружающими. Самого Кенесары Бекмаханов изображает как прогрессивного реформатора, он рассуждает о его «судебно-правовой реформе» «реформе государственного аппарата», о «дипломатии», называет даже барымту — грабеж и захват скота у казахов — «реквизициями».

Значительная часть статьи была посвящена разоблачению субъективизма автора книги, его самолюбования, приверженности к местничеству и национализму. В книге не чувствуется, отмечали критики, творческого применения марксистско-ленинской теории, отсутствует классовая точка зрения в описании приемов и методов, характера борьбы восставших — в этом заключаются политические ошибки.

«Взявшись за освещение одного из важных периодов истории Казахстана, Бекмаханов не разобрался в нем, не понял сущности феодально-монархического национализма и, неправильно используя архивные и литературные данные, фальсифицировал историю. Автор отошел от

марксистско-ленинских научных позиций, оценивает исторические события с буржуазно-националистической точки зрения.

Известно, что национальный вопрос в разные времена служит различным интересам и принимает различные оттенки в зависимости от того, какой класс и когда выдвигает его. Кенесары Касымов и окружавшая его феодальная верхушка, увидев, как невыгодно было им терять старые привилегии и могущество, начали борьбу за возрождение средневекового ханства. Все исторические данные говорят о том, что движение Кенесары не было ни революционным, ни прогрессивным. Это было реакционное движение, которое тянуло казахский народ назад, к укреплению патриархально-феодальных устоев, к реставрации средневековой ханской власти, к отрыву Казахстана от России и великого русского народа.

Марксистско-ленинская историческая наука должна раскрывать сущность жестокой политики колониального угнетения трудящихся масс русским царизмом. Вместе с тем она не может мириться, когда под видом антиколониального движения идеализируется деятельность реакционных феодалов.

Перед историками Казахстана стоит важная задача: на основе марксистско-ленинского учения создать подлинно научные исследования, глубоко и правдиво освещающие историю Казахстана».

Ильяс Омарулы, положив газету на край стола, посмотрел по сторонам. Перед ним были те же безмолвные стены, обстановка вокруг ничуть не изменилась. В окно по-прежнему были видны высокие пирамидальные тополя, росшие вдоль арыка, только под тяжестью снега их ветви склонились вниз. А дальше все так же величаво вздымались к небу

сверкающие и пламенеющие в высоко поднявшемся солнце гордые и неприступные вершины Алатау.

Когда он начал читать «Правду», ему показалось, что земля уходит из-под ног. И сердце стучало так, будто на него сапогом наступили. Все, во что верилось, было оболгано и осквернено и не на что было теперь опереться. Но, успокоившись, он еще раз осмотрелся — все оставалось на своих местах. Это в какой-то мере вселило уверенность и бодрость. Ильяс Омарулы твердо сказал себе: «Хватит паниковать, всякое бывает!..» — и странно: пришел-таки в равновесие. Поднял трубку телефона внутренней связи.

— Сансыз, — обратился он к помощнику первого секретаря Жиликбаеву; — Возьми из сегодняшней почты «Правду» и отнеси шефу!..

— Газета уже у него. У Жумеке уже с полчаса сидит Иван Петрович...

— Когда он выйдет, сообщи мне!..

Он понял; Храмков, увидев скандальную статью, как на крыльях помчался к первому секретарю. Что ж, этого и следовало ожидать.

И тут к нему в кабинет вошли заместитель заведующего отделом и завсектором с номером «Правды».

— Ну, что вы думаете? — хмуро кивнул на газету Омаров. — Выкладывайте!..

— Обидно за Ермухана. Бедняге опять досталось, бьют безжалостно.

— «Чтобы честного человека травить, у нас наготове держат злого пса». — Ислям Жарылгапов процитировал Абая, не раз испытывшего на себе злобу и черную людскую неблагодарность.

— Прекратите! Мне не до поэзии, давайте ближе к делу, джигиты. Надо думать, как нам держаться в начинающейся сваре, — сердито сказал Омаров.

— Я встревожен, Илеке, — проговорил Булебай. Репрессии 1937 года начинались именно с таких разгромных статей. Боюсь, что это выступление не закончится избиением Ермухана и вас тоже...

Ильяс Омарулы вздрогнул:

— Да бросьте вы эти меланхолические песни Асанкайгы-печальника, то время ушло безвозвратно.

— Рад бы ошибиться, И леке, — поддержал коллегу Ислям Жарылгапов. Похоже, он едва сдерживал волнение, клокотавшее внутри. Осевшим, сдавленным голосом он произнес: — Мы тянем эту волынку только ради того, чтобы не подставлять вас, Ильяс Омарович. Дело пахнет жареным. К Жумеке мы пойти не можем — нас он теперь не жалует. А вам надо на него нажать, вас он уважает и ценит... Если ничего не предпринять, эта статья, уверяю вас, многих за собой потянет, поголовно всех наших ученых-гуманитариев. Так и настройте Жумеке...

— Перестаньте стращать! — прервал подчиненного Омаров. — Лучше предложите что-нибудь дельное.

Оба джигита довольно перемигнулись, ведь они как раз и рассчитывали расшевелить секретаря, задеть его за живое, тогда он будет действовать решительно...

— По нашему мнению, статью «Правды» необходимо немедленно обсудить в Центральном комитете, принять соответствующее постановление, полностью признать допущенные ошибки, чтобы исправить их при переиздании «Истории Казахской ССР». Вызвать на ковер Бекмаханова и вкатить ему строгача!.. Таким образом, мы сразу же перекроем кислород злопыхателям, не дадим разрастись клеветнической кампании по республике, как раковой опухоли, чтобы не поразить другие отрасли науки...

— Разумеется, надо будет принять постановление...

— Думаю, следует освободить Ермухана от заведования кафедрой в университете. Пусть годика

два походит рядовым профессором, ничего с ним не случится...

— В этом есть резон. А что будет со мной? Ведь я, как ответственный редактор второго издания «Истории Казахской ССР», не увидел в ней никакой политической подоплеки... — Секретарь ЦК пристально посмотрел на своих коллег. — Не смущайтесь, говорите прямо: у палки — два конца, и одним она бьет по мне.

— Вы к идеологической работе привлечены недавно. Значит, ошиблись не умышленно, а по неопытности. Учитывая это, вам надо тоже вклеить выговор...

Ильяс Омарулы иронически усмехнулся, потом достал из ящика стола тоненькую папку, положил перед ними письмо в конверте. Автором его оказалась А. М. Панкратова, второй ответственный редактор злополучной «Истории», датировано 12 октября 1949 года и адресовано Ильясу Омарову: «Читали ли вы в «Вопросах истории» рецензию товарища Кима? На мой взгляд, она свидетельствует о том, что среди ряда историков существует неперемное стремление ухудшить историю казахского народа, вопреки исторической правде. Я совершенно не понимаю, почему грузинские цари или узбекские ханы могут считаться при аналогичных исторических условиях прогрессивными деятелями, а казахи должны чернить Аблая и Кенесары Касымова? Я ни в каком случае не могу стать на антиисторический путь оценки этих важнейших деятелей казахской истории, тем более что наши критики не подтверждают своих выводов решительно никакими документами и историческими фактами».

— Молодец Анна Михайловна! Истинный знаток нашей истории! — прочитав письмо, воскликнул Ислям Жарылгапулы. — Кто может сказать лучше? Эти слова я написал бы на большом щите крупными буквами и выставил бы на видном месте. Пусть люди читают. И

историкам, бессовестно искажающим наше прошлое, дал бы крепкий пинок под зад.

— Илеке, почему вы держали это письмо целый год в ящике стола? Его надо было сразу опубликовать в газетах. Выходит, вы пострадали от своей скромности... — произнес Булебай Исабеков.

— Публиковать это письмо неэтично, так как оно сугубо личное. Придет время — будет обнародовано... — ответил секретарь. — Джигиты, я понял вас. Вашими устами да мед бы нить. Если бы я отделался выговором, я сказал бы членам бюро «спасибо». Но, сомневаюсь, что принятые нами меры утихомирят критиканов.

— Илеке, вы сами усугубляете положение. С такими пораженческими мыслями вы не выиграете завтрашних баталий. Нельзя мириться со словоблудием завистников. В этом вопросе вы должны быть твердым, как скала. Тем более что в нем есть ваш личный интерес!.. А москвичам доложите, что меры приняты...

И туг зазвонил телефон внутренней связи. Ильяс Омарулы поднял трубку; сказал:

— Спасибо, Сансыз! Сейчас приду, — и поднялся с места.

3

Профессор Бекмаханов, закончив лекцию, зашел в кабинет истории Казахской ССР, чуть ослабил тугой узел галстука и привалился на диван, что стоял в углу. После чтения в течение четырех часов лекций на двух курсах появилась усталость. Обычно он читал каждую свою лекцию с таким увлечением, будто впервые поднимался на кафедру. Однако в конце сегодняшней лекции Ермухан вдруг почувствовал слабость и сухость в горле. Но все же, не показывая недомогания своим питомцам, продолжал вдохновенный рассказ о древнем

периоде истории родной степи. Только после звонка попросил у лаборантки кафедры горячего чая.

Когда он зашел в кабинет, коллеги, находившиеся здесь, показались ему чем-то взволнованными, но они тут же вышли. Ермухана удивило их поведение, на вопрос: «Что случилось?» — лаборантка не ответила, только пожала плечами.

Выпив две чашки крепкого чая, он почувствовал прилив сил и достал из папки тетрадь с тезисами очередной лекции. И вдруг распахнулась дверь, и в кабинет вошел помощник ректора. Он сообщил, что Ермухана приглашают в ректорат, который находился в здании на Советской улице, на приличном расстоянии от учебного корпуса. Впрочем, ректор предусмотрительно прислал за ним персональную «победу».

Ермухан хорошо знал, что вызов ректора университета, как правило, связан с поручением. Тулегену Тажибайулы в вежливости не откажешь. Тактичный и приветливый по своей натуре человек, он умел без нажима и использования данной ему власти добиваться от подчиненных того, что ему было нужно. Поднимаясь с дивана, Ермухан твердо решил: «На этот раз откажусь, ведь до Нового года надо сдать большую статью, обещанную редакции республиканской газеты...»

Тулеген Тажибайулы встретил его у порога своего кабинета. Обнял, дружелюбно похлопал по спине и сразу же повел в комнату отдыха. Он никогда не терял своей природной учтивости, даже когда занимая и более высокие должности, чем нынешняя. А сегодня он был — сама любезность.

— По твоему спокойному виду можно сказать, что ты совершенно беспечен...

— А что случилось, Тулеш?

— Ты что, ничего не знаешь?.. — Ректор университета с досадой и недоумением посмотрел на младшего друга. — Беда, Ермухаш. Сегодня наше безоблачное, чистое небо закрылось черными тучами! Дай бог, чтобы они с миром разошлись!.. Читай, только не упади в обморок! Но я думаю, ты не оранжерейная барышня, а сильный мужик, и тебя этим с ног не сбить...

Ермухан взял газету. Тревога ректора, которого он считал умным и благородным человеком, передалась и ему.

Увидев заголовок статьи, сразу бросил взгляд на фамилии авторов. Потом с кривой усмешкой посмотрел на Тулсгсна Тажибаева:

— Ясно, все тот же вздор и клевета, наверное, уже в сотый раз повторяют, что у меня нет классового, партийного подхода к истории... Я уже привык к их наскокам и болтовне... — Сказав это, он поудобнее устроился на диване, покрытом белым чехлом, и углубился в чтение статьи.

Тулеген Тажибайулы знал Ермухана как человека честного, правдивого, всем своим существом не выносившего подлости. В общем, одержимого идеей, как Дон Кихот. А сейчас ректор удивился тому, что в этот критический момент Ермухан остался невозмутимым, сдержал свой вспыльчивый характер, не стал поносить тех, кто подложил ему свинью.

«Молодец, Ермухан! Бесстрашный, как настоящий батыр! Сломать такого сильного человека — напрасная затея. Он не будет повержен, не налег бездыханным. Он живуч и яростен, как свирепый лев!..» — восхищался Тулеген, глядя на спокойно сидевшего профессора.

Ермухан так долго читал статью, что хозяин кабинета начал проявлять нетерпение. Он хотел услышать ответы на волновавшие его вопросы, посоветоваться, как быть дальше. Однако тут зашла секретарша и попросила его к телефону. Но ее

поднятому вверх пальцу ректор догадался, что звонит кто-то из «Большого дома»^[60].

«История казахского народа богата яркими страницами борьбы за свободу и независимость, против внешних и внутренних врагов...» — во второй раз прочитал профессор первые предложения статьи, где давалась непредвзятая характеристика пути, пройденного народом. Пропустив последующие общие слова, остановился на фразе, где авторы набрасываются, как ястребы, на его монографию, подчеркнул ее; «Неограниченно восхваляется феодально-монархическое восстание султана Кенесары Касымова». Про себя фыркнул: «А разве могли поступить иначе? Батыра я назвал батыром, не баба же он — настоящий герой!..»

Далее руководителя восстания критики обзывали по-всякому, в частности, эксплуататором, жадным кровопийцей и угнетателем всех бедняков, заявляя, что он стремился восстановить средневековые порядки своих дедов и прадедов, постоянно грезил о наследственном тропе... И под конец превратили отважного предводителя в налетчика, грабителя с большой дороги, идя на поводу у царских офицеров, которые навешивали на него этот ярлык в своих многочисленных рапортах в Военное министерство. Некоторые места статьи бы-, ли не клипу авторитетной партийной газете, иной раз в оборот пускались непристойные слова, которые уличные хулиганы пишут на заборах и на стенах туалетов. Разумеется, значительное место отводилось «раскрытию» националистического умысла автора монографии, отходу от «единственно верного учения» марксизма-ленинизма. По утверждению критиков, Е. Бекмаханов придумал новую «теорию» и желает распространить ее среди наивных читателей и таким путем заработать

дешевый авторитет. Он тянет народ назад, в патриархальное прошлое, когда казахи не знали оседлости, цивилизации. Этот «апологет хитрых алашордынцев», блуждая в потемках сам, создал неразбериху в истории Казахстана. Чем дальше Е. Бекмаханов читал этот набор дежурных, штампованных фраз, тем ему яснее становилось, что статья написана не только грубо, но еще и примитивно. Подчеркнув все повторения, он насчитал, что в восьми столбцах имя Кенесары повторяется 44 раза, близко к этой же цифре — имя Аблая, а его фамилия упоминается всего-навсего 18 раз...

Занятие арифметикой привело его в веселое расположение духа: «Тут они весьма справедливы! Имя Кенесары Касымова в истории казахов стоит на почетном месте! С ним может сравниться только Аблайхан? Десять лет он, как лев, защищал родную землю от многочисленных войск великой державы, вооруженных с ног до головы, наносил им тяжелый урон, но так и не попал в руки врага, даже оказавшись в окружении. И потому доблестного воина, талантливого полководца Кенесары Касымулы авторы статьи решили особо выделить. Правильно сделали! А я по сравнению с ханом Кене — никто, я простой писака, умеющий только марать бумагу, потому мне уделили внимания в три раза меньше...»

— Ну как, Ермухаш, — вернул его к действительности ректор, — земля на месте, она не разверзлась под тобой?

Вздвогнув от неожиданности, Ермухан бодро ответил:

— Куда же она денется? От того, что казах, татарка и русский сколотили интернациональную бригаду и вцепились в меня, мир не перевернется...

— По душе твои слова, ей-богу! Предаваться унынию тебе не присуще... Тем не менее учти — острие

этой статьи нацелено не только на тебя, но и на всю нашу национальную интеллигенцию.

— Дай бог, Тулеш, чтобы вы ошиблись в этом предположении. По-моему, главный злоумышленник — это я!.. Прежние их вылазки были лишь увертюрой к спектаклю, на этот раз отбить атаку будет не так-то просто. Ведь за их спиной стоят сильные мира сего, очень высокопоставленные чиновники. Это они науськали и вытащили этих выскочек на страницы «Правды».

— Не горячись, подождем, к чему это приведет...

— Самое скверное — это то, что теперь мне не смогут помочь известные историки Москвы. Они не пойдут против критики «Правды»...

— Да, ты прав. Удар нанесен продуманный... По-видимому, к этой акции уже подключился кое-кто из нашего «Большого дома». Нас обоих приглашает к себе прямо сейчас товарищ Омаров. Мне пришлось сказать, что у тебя лекция. Словом, оттянуть время, чтобы вместе подумать об аргументах в свое оправдание... Вот немного перекусим, выпьем чаю и поедем...

— Зачем я ему понадобился? Не-е-ет, Тулеш, я не поеду. В настоящий момент я не готов к беседам не только в Центральном комитете, но даже дома, нет желания вообще говорить. Сейчас бы мне напиться и куда-нибудь спрятаться от людских глаз!..

— Ермухан, ради бога, успокойся. Не забывай, что твоя судьба будет решаться там. Это первое. Второе, Ильяс Омаров тебе не враг. В этой скверной статье он тоже вместе с тобой фигурирует как причастный к «извращению» казахской истории, наверное, сидит, как на иголках. Ему намного труднее, чем тебе. В-третьих, я ему обещал, что обязательно привезу тебя... — Тулеген Тажибайулы не оставил Ермухану пути для отхода.

В это время в комнату отдыха вошла женщина, стала расстилать скатерть на низком журнальном

столике, затем принесла угощение и чай.

— Кстати, только что звонила твоя Красавина из лома, тоже искала тебя. Похоже, она уже читала «Правду». Я ей сказал, что ты не скоро домой придешь, что мы сидим и толкуем с тобой о делах...

— И успели, наверное, обговорить с моей женой, как меня утешить, чтобы я не наделал глупостей?.. — догадался Ермухан. — Я всегда удивляюсь вашей пронизательности, демократичности, открытости и особенно деловой хватке. По-моему, Жумеке зря сместил вас с поста заместителя председателя в правительстве. Было бы, наоборот, правильным назначить вас председателем Совмина. Жаль, что с нами он по таким делам не советуется... — И Ермухан, неожиданно расхохотавшись, похлопал ректора по руке. — Ладно, Тулеш, если в «Большом доме» меня ожидает взбучка, то я готов...

* * *

В приемную секретаря Центрального комитета они вошли примерно в семь часов вечера. Там находились и работники отдела пропаганды и агитации, еще несколько аппаратчиков. Обоим профессорам показалось, что они ждали их. Всех пригласили в кабинет секретаря.

Ильяс Омаров сразу начал нелюбезный разговор.

— Все мы члены ВКП(б), и вес безусловно признаем Устав партии, значит, мы обязаны беспрекословно выполнять ее требования и прислушиваться к голосу ее печатного органа. Поэтому, Ермухан Бекмаханович, вы должны с пониманием отнестись к статье газеты «Правда». Любая критика служит усовершенствованию — это диалектика. Так что, Ереке, правильно восприняв

критику партийного органа, вы не проиграете, наоборот, окажетесь на высоте, чего вам желает большинство почитателей вашего таланта... — Так Ильяс Омарулы по-деловому, умно подсказал, как ему себя вести впредь, чтобы не наломать дров.

Затем он заговорил о том, что статья главной газеты страны ставит новые задачи перед идеологами республики: статья должна быть обсуждена среди интеллигенции, в партийных организациях всех высших учебных заведений, и каждое собрание должно завершиться принятием соответствующих решений, постановлений... В связи с этим сразу же после Нового года будет изъято из употребления второе издание «Истории Казахской ССР», а главу книги, которая подверглась уничтожающей критике, напишут заново под новым углом зрения; выполнение этой работы поручено президиуму Академии наук республики. А руководство и контроль за выполнением всех этих мероприятий возлагаются на отдел ЦК по пропаганде и агитации...

Когда Ильяс Омарулы стал перечислять все эти скоропалительные меры, Ермухан Бекмаханулы заерзал на стуле. Его беспокойство первым заметил сидевший рядом с ним ректор университета, и нервная реакция историка была ему понятна. «Как же так, только из-за того, что всего-навсего трем историкам не понравилась эта книга, ее сразу же надо запрещать, ни с кем не посоветовавшись, не спросив мнения общественности. Уже два года ее изучают в учебных заведениях республики. Не глупо ли изымать весь тираж, бросать в топку, как ее первое издание?..» — такие мысли одолевали Тулегена Тажибаева. Но ему было известно, что в этом доме какое-либо несогласие не поощряется, поэтому он наступил на ногу коллеге — мол, подождем, чем это кончится.

Ермухан недовольно покосился на ректора университета, но смирился, решив дождаться завершения речи секретаря.

— Секретариат Центрального комитета обсудил эти меры и одобрил. Соответствующее постановление будет принято позже. До этого, товарищи, нам необходимо организовать обсуждение статьи в широких массах. Эта работа в первичных партийных организациях начнется в начале января, республиканские и все областные газеты перепечатают эту статью в завтрашних номерах и сразу же начнут публиковать отклики, всецело поддерживающие критику «Правды»... — подчеркнул Омаров и, помолчав, тяжелым взглядом окинул двух профессоров. Секретарь ЦК закончил свою речь неожиданным заявлением: — Обсуждение этой статьи первой проводит Южно-Казахстанская область, такое там изъявили желание. Оказывается, у них в субботу, то есть 30 декабря, собираются агитаторы со всей области. Уже приглашены 600 человек. Южноказахстанцы хотят пригласить на этот семинар профессора Бекмаханова. Секретариат ЦК уже дал добро...

Все присутствовавшие поняли, что это предложение возникло не у чимкентцев, а здесь, в «Большом доме», и, скорее всего, это идея первого секретаря ЦК. Что от Ермухана Бекмаханова ждут выступления с покаянием, самобичевания, отречения от всего, над чем он работал в течение десяти лет. Стоя на трибуне перед шестьюстами агитаторами, он должен склонить голову и признаться, что злонамеренно исказил целый период в истории республики... Кто-то очень коварный задумал этот спектакль. Такое саморазоблачение — неслыханное унижение и позор для ученого, от которых никогда не отмоешься...

Ермухан, нахмурившись, от ярости заскрежетал зубами, сжал кулаки. Сидевшие напротив него Исабеков

и Жарылгапов исподлобья взглянули на Храмкова, как бы говоря, что это наказание придумал именно он. Заметно было, что и Тулеген Тажибайулы вышел из себя, поняв, что стал соучастником этой провокации. Ведь когда секретарь ЦК предложил ему привезти Ермухана с собой, то ни словом не обмолвился о том, что им обоим предстоит ехать в Чимкент на такое позорите...

— Товарищ Омаров, разрешите к вам обратиться, — поднялся Ермухан. Ясно было, что терпение его лопнуло. Срывающимся голосом он спросил: — Что я должен сказать на этом семинаре агитаторов?..

Не скрывая недовольства, секретарь ЦК назидательно произнес:

— Ермухан Бекмаханович, не усугубляйте свое положение. Вам предстоит признать ошибочность своей научной концепции по трактовке восстания Кенесары Касымова. Имейте в виду, в Чимкент вместе с вами поедут ответственные работники Центрального комитета... Первый секретарь рекомендован не ограничивать по времени ваш доклад, так что готовьте его на полтора, даже на два часа...

— А я по этому поводу не собираюсь говорить даже одной минуты! Я надеюсь, первый секретарь ЦК поймет мой отказ, ведь всякому понятно, что я не в силах в один момент перечеркнуть то, чем занимался всю жизнь. Так что, Ильяс Омарович, избавьте меня от этой миссии!

— Ереке, речь идет о вашей судьбе.

— Уже подумал! Великий еретик Галилео Галилей в 3633 году, стоя на коленях у церковного алтаря перед инквизиторами всесильного Ватикана, признал свою «ошибку», говоря: «И Коперник, и я ошибались, заявляя, что Земля вращается вокруг своей оси и Солнца. Абсолютно правы священнослужители — в мире нет такого движения!..» С того времени прошло при века. А

наша планета ни на одну секунду не прерывает свой вечный бег вокруг Солнца!.. Так вот, товарищи, перед вами аналогичный случай: как я, получивший образование в советской школе, закончивший институт, защитивший докторскую диссертацию перед московскими научными светилами, ставший профессором, выйду перед агитаторами и заявлю: «Все написанные мною научные труды о Кенесары Касымове считайте с сегодняшнего дня сплошным враньем, не верьте больше им!..» Вы этого требуете от меня?

Тулеген Тажибаев понял, что его протезе стоит на краю пропасти.

— По-моему, товарищи, мы пытаемся решить вопрос кавалерийским наскоком. Дайте нам возможность подумать хотя бы до завтра, — дипломатично предложил он.

— Тулеген Тажибаевич, прошу вас, не говорите за меня! Ведь меня никто еще не лишил права голоса! — прервал его Ермухан. — Гениальные слова товарища Сталина: «Настоящая правда рождается во время научной дискуссии» я заучил со студенческой скамьи и с тех пор постоянно руководствуюсь ими в спорах. Здесь разговор должен идти о правильном освещении смутного времени в жизни казахского народа, о его правильном толковании. По этой проблеме за последние годы проведено несколько научных дискуссий. Ни на одной из них не говорилось о том, что Бекмаханов истолковывает этот период неправильно. Всем известно, что к моей концепции с одобрением отнеслись солидные историки Москвы и Ленинграда... А сегодня три безвестных историка взялись меня шельмовать в центральной печати. Та же газета могла опубликовать и мою точку зрения. Это был бы правильный партийный подход. Но, увы! Теперь я, подобно хамелеону, меняющему цвет от голода, жажды, испуга и падающего на него света, должен

перекраситься, развернуться на 180 градусов, чтобы поддержать заведомо нелепое выступление?! Не понимаю. Хоть и ученый, у меня на это не хватает ума...

И тут Храмков, до сего момента почему-то читавший «Правду» и не участвовавший в споре, нахмурился и поднял голову:

— Вот наконец до чего вы договорились. Выходит, товарищ Бекмаханов один во всем и всегда прав. Он уже сравнивает себя с Галилеем, любит себя: ах, какой я великий историк! Вы, товарищ Бекмаханов, хотя бы оглядывайтесь вокруг, когда выступаете с такими наглыми заявлениями. И не забывайте, где находитесь. Если у вас не хватает на это интеллекта, могу только сожалеть. Мы найдем на вас управу. Если не мы, то другие люди это сделают лучше нас, запомните это на всю жизнь...

Ермухан потемнел лицом и перешел в наступление.

— Удивляюсь, Иван Петрович, вашим словам, будто бы вы из аппарата Центрального комитета перешли в карательный орган, — отбрил он Храмкова. — Я ведь знаю, что вам принадлежит не вторая и не третья роль в подготовке этой статьи, вы и есть самый первый закоперщик и инициатор всей этой заварухи...

Ректор университета почувствовал неладное: перепалка уже стала походить на перестрелку. Всевышний одарил Ермухана исключительным умом, но не наделил его осторожностью; свой непокорный характер он, наверное, унаследовал от батыров прошлых времен, смело выходивших на поединок с противником, и сейчас он не хотел уступать заезжему чиновнику.

Тулеген Тажибаев быстро написал на клочке бумаги: «Ереке, опомнись! Ты уже навредил себе, прошу, не горячись, немедленно проси прощения!..» — и подвинул записку к Ермухану.

— Тулеген Тажибаевич, напрасно стараетесь, — ужалил Храмков, — теперь вы ничем не остановите своего зазнавшегося профессора. Он никого не признает и не уважает, даже признанную коммунистами всего мира газету «Правда». Но тут вы сами виноваты, прямо скажу: что посеяли, то и пожнете. Я помню, как вы превозносили товарища Бекмаханова как талантливое историка...

Совещание, созванное для раздачи конкретных заданий, явно срывалось. Это поняли все присутствовавшие в кабинете. Ильяс Омаров, сожалея о том, что оно превращается в грубую перебранку поднялся с места, постучал карандашом по столу:

— Иван Петрович, я вам не давал слова. И товарищ Бекмаханов, вы тоже сядьте! Если у вас есть желание поспорить, то такая возможность в скором времени вам обоим представится, обещаю!.. — Голос секретаря становился все жестче, было заметно, что он больше не потерпит ничьих возражений. — Значит так, кому, что было поручено, позаботьтесь об исполнении! Это, Ермухан Бекмаханович, в первую очередь касается вас: покажите, что бы всегда были истинным пропагандистом идей партии.

— Я от своего не отступлюсь, Ильяс Омарович, не давите на меня понапрасну...

— Совещание закончено! — оборвал его секретарь. — Тулеген Тажибаевич, прошу вас задержаться...

Оставшись вдвоем с Тажибаевым, секретарь ЦК поделился своими огорчениями:

— Зря мы пригласили Ермухана, как бы сами спровоцировали этот спор. Слишком он вспыльчивый. Сразу напоролся на нашего заведующего, прямо в глаза перечил тому. Теперь будет искать повод, чтобы не ехать в Чимкент... Публичное признание своих ошибок было бы для него ходом шахматного коня. Это было бы

учтено в предстоящих разборах. Теперь не знаю, как с ним поступить, не знаю. Туке...

— Намерены ли в ЦК защищать Ермухана?

— По-моему — надо защищать. В прошлые времена мы сдали временщикам своих лучших историков. Теперь этого нельзя допускать. Если мы и Ермухана на потеху публике посадим на лошадь залом наперед, как отщепенца и ярого националиста, то будем ли иметь моральное право руководить народом? Я так и сказал Жумеке: «Пока не выбьют из моих рук власть, буду, как могу, защищать его!..» Разумеется, у первого секретаря есть свое мнение...

— Илеке, я полностью солидарен с тобой. Мы оба рискуем лишиться своих должностей, но все-таки давай заступимся за него? В литературе — Мухтар, в науке — Камыш, в музыке — Ахмет, а в истории — Ермухан... Все четверо составляют славу нашей республики, они — наша национальная гордость!.. Короче говоря, я обещаю хоть связанным доставить Ермухана в Чимкент, и приложу все силы, чтобы он вышел на трибуну со своим покаянием... — заверил Тулеген. — По правде говоря, это мероприятие мне стоит поперек горла. Бекмаханов — безусловно, крупный ученый, но он очень горяч. Мы же обрекаем его на невероятные нравственные мучения, сравнимые с гражданской казнью Чернышевского^[61]. Однако Ермухан не зря вспомнил итальянского физика. И это вышло ему боком. Досадно, что он нас сравнил с инквизиторами церкви, что разозлило твоего заведующего отделом. Но как бы там ни было, он замечательный оратор!..

Ильяс Омарулы беспомощно развел руками:

— Туке, не я придумал ему это наказание. И изменить что-либо не в состоянии! Кроме меня, у первого много советчиков в этом доме...

Ермухан Бекмаханулы не заметил, как спустился вниз. Когда проходил мимо охраны ЦК, стоявший у дверей джигит небольшого роста спросил:

— Довезти вас до дома, ага?

Ермухан удивленно посмотрел на него и ответил:

— Нет-нет, не надо беспокоиться! — и открыл дверь.

У него было неистребимое желание как можно быстрее уйти подальше от этого проклятого здания. Только через десять шагов спохватился — ведь этот заботливый паренек не кто иной, как водитель ректора, который их обоих привез сюда вечером...

Ночь была темная, не видно ни звезд, ни луны. Небо Алма-Аты заволокли черные тучи, снег валил хлопьями. Еле-еле теплился свет, падавший из окон домов и от уличных фонарей, будто и он был скован пронизывающим до костей холодом.

Большая площадь перед зданием Центрального комитета с восточной стороны граничила с улицей Панфилова, на которой он жил. Его квартира находилась на третьем этаже огромного жилого корпуса^[62], построенного специально для ученых академии. На углу, где улица Панфилова пересекалась с улицей Кирова, возле своего дома Ермухан остановился и в раздумье почесал затылок: спуститься вниз по улице Маркса, а там на каждом шагу понатыканы забегаловки, можно зайти в одну из них и выпить 100–200 граммов водки... Забыться на время, отключиться от всего. Уже сейчас большие и малые газеты Казахстана перепечатывают статью «Правды»; завтра ее опубликуют не только на казахском, но и на русском, уйгурском, корейском, дунганском языках; вероятно, в эти минуты все телетайпы республики передают ее по всем областям... Пусть передают! Их

дробный перестук на мгновение возник в ушах Ермухана: «Суюнши^[63], страна Казахстан! Сегодня нет сенсации громче этой. Увидите, как одного доктора наук разделали трое недоучившихся кандидатов!.. — Но никто не сможет заткнуть мне рот...»

Он спустился еще на один квартал вниз по той же улице, зашел в чайхану, где работала веснушчатая Маша, сел в угол и залил свою печаль водкой...

Очувшись потом на улице, он не сел в трамвай, а побрел по правой стороне улицы. Ермухану вдруг вспомнился его уютный дом, он представил себе подернутые грустью карие глаза Халимы, которая с тревогой прислушивается к каждому шороху в коридоре, ожидая его прихода. Он тоскливо оглянулся. И с раздражением стал пинать камни на тротуаре, манерно ругая то ли себя, то ли неизвестно кого. Когда Тулеген в своем кабинете сказал, что звонила жена, он не придавал этому значения. Теперь ему стало стыдно: ведь она дома волнуется, не зная, где он, что с ним. За что же ее заставлять страдать? В чем она виновата? Да и маленький Ермухан-Ерик привык каждый вечер встречать его, с радостным визгом вешаясь на шею. Хороню, что Сермухан-Серик еще ничего не понимает — ему всего шесть месяцев. Как же он мог забыть о своих малышах?! Эта мысль обожгла его, как удар кнута...

Чуткая Халима сразу услышала его шаги на лестнице, приоткрыла наружную дверь, и он увидел ее встревоженное лицо. На ее руках был малыш, он спал, уткнувшись в грудь матери. Взглянув на осунувшегося мужа, Халима вздохнула и протянула руку к его папке. Потом позвала сына:

— Ермуша! Папа пришел!

Ерик, поджидавший отца, проворно соскользнул со своей кровати, босиком помчался к отцу. И маленький,

открыв глаза, тоже протянул свои ручонки. Дом в один миг наполнился радостным детским лепетом.

Халима пошла подогреть ужин. Ермухан снял верхнюю одежду и, подхватив под мышки обоих сыновей, понес их в комнату. На пороге замер, как вкопанный, увидев жену, давшую волю слезам. Хотел поцеловать ее в щечку и успокоить, но постыдился: шлся, о ней не думал, а теперь вдруг пожалел. Если бы кто-нибудь дал мне за это по физиономии, я бы ему сказал «спасибо».

В новом академическом доме семье Ермухана достались две комнаты с общей кухней (третью, более просторную, занимала другая семья). Одну комнату, где был кабинет Ермухана, пришлось уступить теще Айше, переехавшей к ним из Ташкента: Халиме трудно было одной управляться с двумя детьми-погодками, да и преподавательскую работу в Женском педагогическом институте она не хотела оставлять... Из общей комнаты доносились какие-то голоса, Ермухан приоткрыл плотно закрытую дверь и остолбенел: теща сидела за печатной машинкой; двое мужчин ей что-то диктовали по очереди, а третий сидел рядом, исправляя уже отпечатанные листы. Все четверо так были заняты, что даже не заметили его прихода.

— Добрый вечер, друзья! Что это значит? Почему моя квартира превратилась в машбюро?

— Ассалаумагалекум! — поздоровался Халил Адильгереев. Подойдя к Ермухану, он протянул ему руку.

Заведующего кафедрой истории СССР КазПИ, человека в годах, доцента, все коллеги почтительно звали Халеке. Он еще заведовал сектором Института истории Академии наук. Когда Халил Мухамеджанулы выступал на научных симпозиумах и конференциях, старшие и младшие рангом его коллеги, снизавшие себя зрелыми марксистами и крепкими историками, тем

не менее чувствовали себя неуютно, опасаясь, что он кого-нибудь из них зацепит острым словцом, а то и разнесет в пух и прах. Адильгерссы, не считаясь ни с должностями, ни с научными званиями, всегда говорил правду в глаза, критика его была беспристрастна и испепеляюща. Ермухан глубоко уважал его за знания и честность, говорил, что Халеке носит на голове шлем самого Исатая Тай. манулы, знаменитого батыра из Младшего жуза.

И сегодня Халеке очередной раз доказал, что в его жилах течет кровь рода Исатая-батыра. Вместе с ним пришли навестить опального Ермухана Елтоқ Дильмухамедов и Абиш Жиренчин. Елтоқ Дильмухамедов на научную стезю вступил в зрелом возрасте. Ермухан привлек его к подготовке второго издания «Истории Казахской ССР». Деловитость и природный ум Елтока Дильмухамедулы пришлись в исследовательской работе как нельзя кстати. Он внушал уважение еще и высоким ростом, благородной осанкой. Не усидел дома и Абиш Жиренчин. Когда над Ермуханом нависла беда, именно он предложил коллегам поехать к нему, морально поддержать джигита.

Ермухан оценил поступок поздних гостей. «Дорогие мои братья, вы, будто родичи, пришли приободрить меня, спасибо вам!..» — хотел он сказать, но от волнения не смог выговорить ни слова, расстроился и украдкой смахнул набежавшие слезы. Он умел молча переносить обиды, ни перед кем не показывать своего горя. Но неожиданное участие в его судьбе старших коллег тронуло до глубины души. Что ж, он ведь нормальный человек — из плоти и крови... Прошло семь лет после первого выпуска «Истории», в течение которых не прекращались враждебные нападки на него, и всегда он ощущал рядом плечо каждого из них.

Когда мужчины, умыв руки, усаживались за дастархан, вошла Халима с блюдом в руках. От ее недавнего отрешенного, понурого вида не осталось и следа. Карие глаза лучились теплотой и приветливостью. Пока мужчины беседовали, она успела прихорошиться: припудрить лицо, уложить косы, повязать на голову цветной платок. Вся она была нежная, хрупкая, гибкая, как весенняя лоза, взглядом ласкала гостей, как бы умиротворяла их. Все, что было в них жесткого, рационального, сурового, она сглаживала своей отзывчивостью, состраданием, всем своим видом показывая, что если сила мужчины — во властности, то ее — в изяществе. Войдя, она будто солнышко осветила все вокруг. Больше всех обрадовался такому ее преобразению сам Ермухан. «Моя Халимашка — просто блеск! — восхищался он ею. — Умница, не раскисла, не впала в истерику, не напрашивается на жалость, не показывает своей боли ни мне, ни другим. Словно горлица, защищает свое гнездо...» Гости тоже поразились ее самообладанию. Она двигалась, как пава, одухотворенность, женская мягкость делали ее олицетворением домашнего очага и семейного счастья. Мужчины, с восторгом глядя на нее, думали: «Супруга нашего Ермухана, оказывается, на самом деле хороша и воспитана в интеллигентной семье. У нее не только прекрасное лицо, но и чуткое сердце. Как Ермухану с ней повезло!..»

— Дорогие гости, милости прошу к столу, отведайте, что смогла приготовить, — пригласила Халима, внеся блюдо с пловом. — Жаль, что я не знала о вашем приходе. Сходила бы на базар. А сейчас поздно...

Гости стали дружно оправдываться, что заявили без предупреждения. Плов ели с аппетитом, нахваливая хозяйку: наверное, такой вкусный плов ты научилась готовить у братьев-узбеков; они специалисты в этом деле. Потом наслаждались чаем.

— Ты, Ермухан, задержался, а мы тут без тебя решили не сидеть сложа руки и от имени группы историков подготовили ответ «Правду», своего рода коллективное обращение, — перешел к делу Абиш Жиренчин, кивнув на лежавшие на подоконнике листы. — Вообще-то мы пришли не утешать тебя. Ты в этом не нуждаешься. Это о таких, как ты, писал В. Маяковский: «Гвозди бы делать из этих людей. Крепче бы не было в мире гвоздей». Твои сторонники верят: ты будешь достойно защищать свою позицию!..

— Спасибо, Абеке! Мне приятно это слышать! Однако сильнее всего задела мое самолюбие и личную гордость слова Тулегена Тажибаева, он умеет иной раз попасть в самое уязвимое место, — заметил Ермухан, хитровато поглядывая на своих гостей. — Он сказал, что не я один страдаю. Сегодня над всеми казахами, всей интеллигенцией нависли черные тучи. Пришла общая беда...

— Тулеген — ректор единственного университета в Казахстане, да еще министр иностранных дел Казахской ССР, значит, дипломат, он видит дальше нас и, конечно, он прав.

— Надо отдать ему должное: он поступает благородно, принимая удар на себя и предупреждая всех нас! Ермухан, тебе повезло, что у тебя такой умный начальник, ~ сказал Елток, самый старший по возрасту' гость. — Следовательно, не один и не два историка, а вся казахская общественность, вся передовая интеллигенция солидарны с тобой! А как известно — любая ноша легче, если взяться за нее сообща.

— Я не согласен с тобой, Елток, — нахмурившись, возразил Халил Адильгереев. — Среди наших историков немало и таких, которые будут злорадствовать. Например, Тлеукажы Шоинбаев сегодня в конце дня закупил несколько экземпляров «Правды» и с торжествующим видом раздал сотрудикам нашего

Института истории. В том числе и мне. А я уже знал содержание статьи и едва сдержался, чтобы не прибить этого Иуду. И я в бешенстве выпалил Шоинбаеву прямо в лицо: «Ты проныра и склочник, со своими кляузами дошел до Москвы, чтобы там третейские судьи поддержали вас, негодяев. Некому вас бить. На весь Союз себя показал как псевдоисторик...» — Халеке едва сдерживался в выражениях в присутствии женщин. — В общем, обматерил его на чем свет стоит и выгнал.

— Жаль, что ты все же не дал ему по морде, — вздохнул Абиш Мусылманкулулы.

— Я раньше вас несколько рубашек износил, словом, старше вас и хочу дать совет, — вмешался Елток Дильмухамедов. — Сейчас мы должны сдерживать себя от подобных выходок. чтобы не давать поводов враждебной стороне! Завтра нам надо дописать это письмо, собрать подписи и доставить письмо по адресу. Это главное! И завтра же мы соберемся и обсудим, как противостоять этим холуям. Ведь на долю народа, всей интеллигенции и нашу выпало серьезное испытание. Третье... Как бы там ни было, мы должны поступить по совести...

Хотя эти предложения пришлись хозяину очага по душе, его не покидало беспокойство.

— Дорогие мои, я благодарен вам за поддержку! Но не забывайте о «Большом доме»! Наши партийные деятели насмерть перепугались критики главной газеты страны. Чтобы выполнить любую команду сверху, они ни перед чем не остановятся. Короче говоря, друзья, не лезьте, как Александр Матросов, на амбразуру! Под огонь попала именно моя монография, и пусть жертвой буду я, мне это не впервой... — хриплым голосом произнес Ермухан.

— Так ты хочешь сказать, что мы должны наблюдать, как с тобой расправляется кучка подлецов?

Разве это достойно мужчин?! с возмущением прервал его Абиш Мусылманкулулы.

— Ермухан, мы составили письмо-протест. Прочитай его и добавь, что считаешь нужным, — сказал Халил Мухамеджанулы. — За нами — сбор подписей. Уверен, что к этому мы привлечем и студенчество...

— Один экземпляр мы пошлем главному редактору «Правды», второй — товарищу Шаяхметову. Мы надеемся, что нас услышит сам Иосиф Виссарионович, — говорили коллеги наперебой.

Ермухан понял, что они взбудоражены, не вполне понимают серьезность ситуации и решил более не скрывать от них содержание сегодняшнего разговора в «Большом доме». После того как был убран дастархан, он обо всем рассказал и спросил совета, стоит ехать в Чимкент или нет. И услышал в ответ:

— Кто бы ни придумал эту поездку, это гнусная провокация. Они хотят, чтобы ты сам себя бичевал.

— Ничего подлее не придумаешь!..

— И на этом, Ермухаш, избиение не закончится: все газеты ополчатся против тебя, а потом возьмутся за нас, как сочувствующих...

— Все равно тебе надо держаться. Ты — единственный среди нас доктор наук, профессор, ты известный человек, первопроходец в новом освещении истории казахов. И ты должен стоять до конца...

— Истина должна быть главным критерием исторической науки; мы не отречемся от своих взглядов, по мере возможности поднимем общественность на твою защиту...

Ермухан терпеливо слушал коллег. Потом смущенно посмотрел на жену и со сдавленным вздохом спросил:

— Халима, а ты что скажешь? Ведь нам с тобой вместе придется все это расхлебывать.

Халима покраснела от волнения. Кажется, она ждала этого вопроса.

— Ереке, не оглядывайся на меня, решай сам. Мне кажется, старшие агашки рассуждают правильно. Признать эту статью без сопротивления — значит безропотно снести плевки себе в лицо. Если ты так сделаешь, потом сам себе этого никогда не простишь... — произнесла она тихим голосом. — Подумай, впереди еще и завтрашний день...

— Халимаш сказала лучше всех нас!.. — произнес Халеке и, достав платок, стал вытирать глаза, не скрывая своей минутной слабости.

— Ладно, я учту ваши пожелания. Но и вы, друзья, подумайте о том, что я вам сказал, — завершил разговор Ермухан. — Я уже отказался от поездки в Чимкент, из-за чего с Храмковым повздорил. Я знаю, что с рук мне это не сойдет. Полагаюсь на волю Всевышнего: что предначертано, то и будет!..

* * *

Прежде с самого раннею утра не дававший им покоя телефон сегодня уже целый час молчал. И это наводило на мысль: «Неужели все знакомые отвернулись от нас?» И вдруг телефон ожил. Ермухан в этот момент перечитывал письмо-протест, сочиненное вчера вечером друзьями. Трубку подняла Халима. Быстро переговорив, положила ее на место и подошла к мужу:

— К нам едет Мухамеджан-ага. Просил, чтобы ты никуда не отлучался. Сними пижаму, переоденься. — И принесла его выходной костюм.

— Понятно, и Мухамеджан-ага едет надрать мне уши, чтобы я, как пионер-школьник, был всегда готов выполнить любые команды власть имущих... Наверное, это идея моего шустрого ректора или Ильяса Омарова... Ладно, Халима, как считаешь, чьей стороны я должен держаться?

— Ереке, свое мнение я вчера высказала.

Ермухан переоделся, только взял галстук в руки, как раздался звонок в дверь. Всегда аккуратный и собранный, Мухамеджан-ага вошел в комнату, сухо поздоровался со всеми, проходя через коридор, обронил Халиме:

— Не беспокойся о чае! — и направился к столу, за которым сидел Ермухан. Сам же плотно закрыл дверь.

Ермухан всегда сердцем чувствовал строгость Мухамеджана Абдикалыкулы, хотя тот никогда его не ругал и не обижал. Наоборот, он постоянно заботился о нем, опекая с молодых лет. И Ермухан старался ничем не огорчать старшего товарища, зная его щепетильность в вопросах долга и морали и исключительную требовательность, которую тот предъявлял даже к своим друзьям. Сослуживцы уважали его, ценили за знания и честность. Но все же Ермухан считал его суровость и старомодную принципиальность в партийных делах порой излишними, но никогда об этом не говорил. Да и Мухамеджан Абдикалыкулы не терпел таких разговоров. И поведение его нисколько не изменилось с переходом на научную работу. С чем же он пожаловал?.. Ермухан посмотрел в окно: горы окутал туман — признак того, что наступают холодные дни. И нагрянувший к Бекмахановым с раннего утра Мухамеджан-ага как бы занес с собой с улицы в их теплую квартиру пробирающий до костей мороз.

— Я считал тебя не только талантливым историком, но еще и очень цельным человеком с умом, — начал Мухамеджан-ага. — Я тебя оберегал от всяких напастей, пока у меня была власть. Это знают все. Благодаря моему расположению тебе многое сходило с рук, даже твоя вторичная женитьба... — Неожиданно Мухамеджан Абдикалыкулы стукнул кулаком по столу

так, что с него на иол слетели отпечатанные на машинке листы.

— Положение твое тяжелое! Дальше некуда!..

— Я это понимаю.

— А что ты вчера натворил в «Большом доме»? Вступил в спор с Иваном Петровичем, взялся его перевоспитывать. Он же неисправимый шовинист, а ты хочешь наставить его на праведный путь интернационалиста!

— А что вы мне предлагаете? Просить прощения у этих историков-баламутов, валяться у них в ногах? Где же справедливость?

Гнев душил Ермухана, на глаза навернулись слезы. В этот момент он был сам не свой. Если бы его сейчас спросили: «Кого ты из старших особенно уважаешь?» — он, не задумываясь, ответил бы: «В первую очередь — Каныша Сатпаева, а во вторую — Мухамеджана Абдикалыкова!» Но странно — именно особо почитаемый им Мухамеджан-ага пришел выкручивать ему руки...

Абдикалыков с осуждением посмотрел на него. Ермухан внезапно сник, и Мухамеджан-ага, видимо, решил немного смягчить разговор.

— Ермухаш, я пришел не бранить тебя, а дать тебе совет. Подумай о себе и о своих близких, ты давно не одинок, Ермухан. Ты — отец пятерых детей, старшая из них уже школьница, а младший еще грудной.

— Я рос без отца, он скончался, когда мне было всего шесть лет, — ответил Ермухан. — И я не потерялся, сам стал отцом... Мои пятеро детей вырастут так же, как и я. А я буду добиваться признания, уважения к себе, к нашему прошлому, к нашему народу. Что бы ни случилось, я буду отстаивать право на собственное мнение, право называться свободным человеком.

— А знаешь ли ты, что смело выступивший против первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана профессор Гусейнов, чей авторитет в науке гораздо выше твоего, защищавший доброе имя Шамиля, уже покоится в земле?

— Гейдар Гусейнов умер от сердечного приступа...

Мухамеджан-ага нервно вздернул голову:

— Профессор Гусейнов повесился, или ему в этом помогли... Багиров не только его уничтожил, не успела высохнуть земля над его могилой, как он лишил его всех титулов и почестей, включая лауреатское звание...

Ермухан опешил.

— И что мне делать? — хриплым голосом спросил он.

— Время сейчас, Ермухан, суровое. Защитить правду не в силах ни ты, ни я!.. Твою судьбу решат за пятнадцать минут и объявят тебя «врагом народа»... Поэтому сделай то, что скажет тебе Жумабай Шаяхметов. Только в этом твое спасение. Я знаю слишком хорошо, как легко ломают в том доме человека. Семь лет был секретарем ПК...

— Не знаю, Мухамеджан-ага, трудно мне переступить через себя...

— Понимаю, нелегко. Однако помни: через пять или десять лет все переменится. Как писал философ-материалист К. Гельвеций, к истине люди приходят после ряда заблуждений. Вот тогда ты свой труд опубликуешь заново. Твоя задача сейчас — благополучно дожить до того дня!

— Вчера мои друзья решили направить в «Правду» опровержение...

— Это мальчишество. Кто неосторожно размахивает палкой, рискует и своей головой. Жумеке через Омарова намекнул тебе, чтобы ты временно отступил, публично признал свою «вину», твой поступок станет примером и для других историков и литераторов, они

тоже покаются, признают, что неправильно возвеличивали Кенесары. Пойми, это временная уступка. В 1947 году во время обсуждения трудов литераторов и языковедов мне пришлось прибегнуть к этой тактике. Да, мы приняли суровое постановление, наказали нескольких ученых, иных освободили от должностей. Однако, как ты знаешь, ни одного из них не отдали НКВД. Как говорят казахи: сбрили волосы, но не сняли голов... Мне кажется, Жумеке хочет применить ту же тактику. Поэтому я прошу, тебя согласиться на его предложение.

— Значит, мне надо ехать в Чимкент? Это же как нож приставить к горлу..

— Поедешь, выступишь. Иного пути нет. Тулеген тоже поедет, чтобы облегчить твою участь. Вам надо ехать вместе... Говорят, что из ЦК поедут то ли Храмков, то ли Булебай Исабеков...

— Какой почет, как у важного государственного чиновника! Или они боятся, что я там сорву задуманное ими мероприятие? Ладно... Многие считают вас рядовым политиком, каких тысячи, но они глубоко ошибаются. Вы — настоящий мудрец и философ? Я преклоняюсь перед вами и все сделаю так, как вы говорите... Ваш любимчик, заурядный историк, считавшийся до сего времени гордым и непреклонным, с этой минуты превращается в верблюда или ишака, на которого насильно надели узду, и он послушно идет туда, куда его ведут...

Мухамеджан Абдикалыкулы с усилием поднялся и, не прощаясь, направился к двери...

Глава восьмая **«ЧТОБЫ ЧЕСТНОГО ЧЕЛОВЕКА** **ТРАВИТЬ,** **У НАС НАГОТОВЕ ДЕРЖАТ** **ЗЛОГО ПСА»** [\[64\]](#)

Не я первым объявил общественности о том, что движение, возглавленное Кенесары Касымовым, являлось массовым выступлением всего казахского народа, и потому его следует рассматривать как национально-освободительное. В обращении ЦК КП(б) Казахстана к воинам-фронтовикам был призыв: Пусть вдохновляют вас на героические, подвиги великий дух и отвага легендарных батыров казахского народа — Кенесары, Наурызбая и Амангельды!..» Следуя этому примеру, я стал усиленно изучать в архивах хронику восстания...

Е. БЕКМАХАНОВ, из выступления на совещании агитаторов Южно-Казахстанской области. 30 декабря 1950 г.

По общепринятой и порочной традиции тех лет любая разгромная статья, опубликованная в «Правде»,

в главном рупоре ЦК ВКП(б), принималась как руководство к действию. Ее нельзя было игнорировать, даже если материал был составлен с намерениями кому-то навредить. Попавшему под огонь критики газеты писателю, поэту¹, драматургу, композитору, певцу, кинорежиссеру, ученому уже не на что было надеяться: его знания теряли цену; труды нигде больше не публиковались, с работы его с треском выгоняли, кто оставался на свободе, был и этому рад, а некоторые попадали за решетку; их подводили под нужную статью УК, чаще всего под печально знаменитую 58-ю...

Казахская интеллигенция на своем веку, как известно, пережила множество подобных надругательств. И эта статья, опубликованная в «Правде», когда люди готовились встречать новый, 1951 год, лишила сна наших гуманитариев. «Что же будет. чем может завершиться все это?..» — недоумевали одни; «Так им, выскочкам, и надо, — говорили другие. — Мы победили!..» Таких торжествующих, надо признать, было немало. Теперь уже в республике никто, даже имеющий в руках власть, не мог поднять на них голос. Любая статья, подписанная Х. Айдаровой и Т. Шоинбаевым (так как А. Якунин жил в Москве, он не принимал активного участия в бурной кампании в Алма-Ате) шла в газетах и журналах с колес, печаталась на видном месте. Все стало с ног на голову... Издания, прежде в упор не замечавшие Тлеукажы Жанайулы Шоинбаева, стали просить у него хоть какую-то статью, а он, почувствовав обостренное внимание к своей персоне, заважничал, пренебрежительно здоровался с коллегами по Институту истории, а просившим выступить у них сотрудникам редакций высокомерно бросал:

— Ох, товарищи, нынче меня многие газеты беспокоят подобными просьбами, вас много, а я — один.

Позвоните на следующей неделе, может быть, что-нибудь напишу.

В общем, Шоинбаев пошел в гору 5 января 1951 года (спустя десять дней после опубликования той статьи в «Правде») он стал заведующим сектором XIX века Института истории — ведущего отдела в академическом институте; а 1 октября Т. Ж. Шоинбаев был назначен заместителем директора по научной работе — сбылась голубая мечта, которую он лелеял с 1944 года. Дальше начался головокружительный карьерный взлет — по причине тяжелой, продолжительной болезни директора института С. В. Юшкова. Т. Ж. Шоинбаев стал исполняющим его обязанности. Теперь он был в этом учреждении первым лицом, заодно и судьей (но, увы, тяжела оказалась шапка Мономаха, не по Шоинбаеву: по решению президиума АН Казахской ССР от 14 мая 1953 года № 282 за совершение аморального поступка, как сказано в том документе, «несовместимого с положением руководителя науки», он был освобожден от данной должности и вообще от работы в этом институте^[65]).

...Но вернемся к событиям 1951-1952 годов. Г. Шоинбаев по-прежнему предавал анафеме, аккуратно разоблачал «лживых» историков, превозносивших Кенесары Касымова. Его маниакальная активность была замечена: в 1951 году его избрали членом республиканского общества по распространению политических и научных знаний; по инициативе этого общества был издан немалым тиражом его обличительный труд под названием «Против националистического извращения феодально-монархического восстания К. Касымова» — пока в виде брошюры.

Из беседы с Мухамеджаном АБДИКАЛЫКОВЫМ:

ВОПРОС: *Мне известно, что вы почти двадцать лет работали в Институте истории партии вместе с Хадишой Айдаровой...*

ОТВЕТ: *Хадиша Галимовна младше меня на два года, я с ней был знаком со времени ее учебы в Москве в 1935-1938 годах. Более близко ее узнал, когда она защищала кандидатскую диссертацию по трудам Чокана Валиханова... А в последующие годы, после войны, мы оба работали старшими научными сотрудниками в Институте истории партии, до выхода на пенсию, я сидел с ней в одном кабинете, мы оба занимались переводами на казахский язык трудов классиков марксизма-ленинизма.*

ВОПРОС: *Я просмотрел личное дело Х. Г. Айдаровой в промежутке между 1945-1970 годами. Выяснил, что она тему своей докторской диссертации меняла три раза: в анкете, заполненной в 1948 году, Хадиша Галимкызы указывала, что готовит монографию «Национально-освободительные движения казахского народа в 1905-1920 годах»; вторая тема — «Формирование общественного мнения в Казахстане в начале XX века»; а в документе, датированном 1970 годом: «Распространение идеи марксизма-ленинизма в Казахстане до революции». Мне кажется, Хадиша Галимкызы до своего преклонного возраста не теряла надежды защитить докторскую диссертацию. Но не защитила. Почему?*

ОТВЕТ: *И во времена «оттепели», наступившей с приходом к власти Н. С. Хрущева, и после этого Хадишу и ее труды старались не замечать. Причина понятна, она из-за своей пресловутой статьи нажила много противников...*

ВОПРОС: *Как она сама выдержала эти притеснения?*

ОТВЕТ: *Хадиша Галимовна была человеком замкнутым, свои внутренние переживания ни перед кем*

не раскрывала, внешняя изысканность и прямота были свойственны ей в одинаковой степени. Знания у нее были основательные. Она училась в престижной школе Акмолы. Жаль, что свои природные способности не смогла направить на благое дело, и от этого, я думаю, она очень страдала. У нее было страстное желание блистать в обществе, быть ослепительной, неподражаемой...

ВОПРОС: Я бегло просмотрел некоторые ее труды. Все они написаны применительно к требованиям времени, часто даются ссылки на классиков марксизма-ленинизма, почти нет своих мыслей...

ОТВЕТ: Путь, который прошла Хадиша Галимовна, — это школа комсомола и партии. Она, как и мы, безгранично верила в коммунизм, все дела и свои действия, также и научную работу она направляла по этому пути и этим жила. Я тоже сталинист и уйду из жизни, не изменив своим идеалам и убеждениям... Однажды я спросил у нее: «Хадиша, почему ты серьезно не займешься докторской диссертацией? Наверное, у тебя в душе есть сомнение, что тебе не дадут защититься? Если боишься мести коллег, то поезжай к узбекам или кыргызам. Или в Москву, русские ученые не делятся на группировки, оценивают человека по труду. Смело поезжай туда, они оценят твой труд справедливо...» Хадиша Галимовна довольно долго сидела молча, а потом вдруг сказала: «Спасибо, Мухамеджан-абзи, за добрый совет! Мне не хватает решимости. Если я там споткнусь, то подняться мне будет очень тяжело... Я сама себе дорогу перешла. Иногда просыпаюсь среди ночи, сон уходит, меня одолевают неотступные думы: зачем мне нужна была эта тяжба, почему я ввязалась в эту глупую драку с коллегами, вместо того, чтобы тихо и молча продолжать свои исследования? И на всю жизнь

испортила себе репутацию, теперь пожинаю плоды, раскаиваться уже поздно!..»

ВОПРОС: В нескольких изданиях КСЭ и в других справочных книгах я не мог найти фамилий и биографических данных трех казахстанских историков, подписавшихся под этой разгромной статьей, как будто таких людей не существовало на свете. Создается впечатление, что у них не было никаких научных трудов и заслуг. Разве это справедливо?

ОТВЕТ: Это результат недоброжелательного отношения общества к ним, последствия их непорядочного поведения в прошлом. Тут уместно привести пословицу: «Не рой другому могилу — сам в нее попадешь...»

Третий автор злополучной статьи А. Ф. Якунин перед началом войны работал в Алма-Ате, в Казахском филиале АН СССР. Он исследовал жизненный путь комиссара 25-й Чапаевской дивизии, участника Гражданской войны в Казахстане Дмитрия Фурманова. Коллеги говорили о нем, что после успешной защиты кандидатской диссертации он вообразил себя знатоком истории Казахстана и сразу же взялся за солидную работу под названием «Восстание Кенесары Касымова», которую опубликовал в журнале «Большевик Казахстана» за 1939 год.

Редакция журнала его статью напечатала под рубрикой «В порядке обсуждения», то есть заранее подстраховалась, чтобы не стать мишенью для нападок и не давать повода для всяких кривотолков и рассуждений. Вывод А. Якунина о реакционности восстания, руководимого Кенесары Касымовым, якобы добивавшимся наследственного ханского трона, вызвал у многих республиканских историков веские возражения. Дискуссия по этому поводу в Казахском филиале АН СССР шла в течение года, а подведение

итогах было поручено отделу пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана. Заведующий этим отделом не осмелился взять на себя ответственность за одностороннее решение спорной проблемы (между прочим, это тоже было признаком здравомыслия и образованности!), перепоручил сделать экспертное заключение по ней ученому, занимавшемуся историей Казахстана XIX века, Е. Федорову. Тот привлек в помощь другого историка Е. Тимофеева. Совместно написанная ими статья, решительно опровергающая научную концепцию А. Якунина, была опубликована в журнале «Большевик Казахстана» в 1940 году подзаголовком «Восстание казахского народа в 1837-1847 годах за свою независимость».

Якунин в годы войны работал в ПК КП(б) Казахстана, принимал активное участие в подготовке раздела «Казахстан — колония», вошедшего в «Историю Казахской ССР». (Трудно понять, как он из автора превратился в беспощадного критика этой книги, будто бы сам себя высек этой статьей!) После войны А. Ф. Якунин переехал в Москву, работал доцентом в Высшей партийной школе при ЦК В КП(б) и готовил к защите докторскую диссертацию по истории Казахстана. Во время обсуждения монографии Е. Бекмаханова в Институте истории АН СССР А. Ф. Якунин изменил свое мнение об этом восстании, высказанное девять лет тому назад, признав его национально-освободительным. Мы не знаем истинной причины столь непонятной трансформации эквилибриста-историка, пусть это останется на его совести...

Что поделаешь, и в Казахстане нашлись приспособленцы, которые, почуяв, куда ветер дует, решили воспользоваться политической ситуацией, чтобы народно-освободительное движение, происходившее сто лет тому назад в казахской степи,

объявить монархическим. Возможно, они не предполагали, какая лавина грязи обрушится после осуждения в печати историка Бекмаханова на других людей, что все они подвергнутся унижениям и гонениям, будут надолго оторваны от нормальной человеческой жизни и науки. И вообще, предполагали ли они, что со временем им придется держать ответ за это перед судом истории? Думается, нет! Подписывая отредактированный московскими корреспондентами текст той статьи, они, вероятнее всего, рассчитывали заслужить Геростратову славу и награды. И напрашивается другой нелицеприятный вопрос: почему же именно на них остановила свой выбор главная газета страны? Ведь все трое были известны в республике как карьеристы, не брезговавшие анонимными поклепами и другими антинаучными приемами. А что думал главный зачинщик враждебной кампании И. П. Храмков, рекомендовавший их корреспондентам «Правды»? Те, в свою очередь, недолго думая, остановили свой выбор на первых попавшихся. Похоже, все они жаждали сенсации, которая бы взбудоражила общественность. Но последствия совместных их деяний оказались гораздо страшнее...

О том, что случилось с опальным историком, без прикрас и преувеличений рассказывает в своей докладной записке^[66] собственный корреспондент «Правды» в Казахстане Л. Черниченко, направленной из Алма-Аты в ЦК ВКП(б) 12 марта 1951 года (мы приводим из трехстраничного текста лишь половину, разумеется, наиболее характерную и страшную часть):

«Два дня длилось закрытое партийное собрание Института истории АН Казахской ССР, посвященное обсуждению статьи «Правды». На собрании присутствовало около 30 человек. В прениях выступили

11 коммунистов. Принято развернутое решение. Статья «Правды» признана совершенно правильной. Выступление газеты оценено как забота «Правды» о развитии исторической науки в Казахстане.

В констатирующей части постановления дана оценка движения Кенесары, оно названо феодально-монархическим, реакционным. Автор книги Бекмаханов признан буржуазным националистом, который снюхался с троцкистом Варшавским, вместе с ним вредит на идеологическом фронте.

В постановляющей части решения имеются пункты; обсудить вопрос о партийности Бекмаханова после возвращения его из Москвы; поставить вопрос о лишении его ученых степеней и званий; просить ЦК КП(б) Казахстана изъять книги Бекмаханова; поставить вопрос о переиздании второго выпуска «Истории Казахской ССР»; довести до сведения бюро ЦК КП(б) факты, свидетельствующие о непартийном поведении секретаря ЦК КП(б) Казахстана товарища Омарова, который, защищая националиста Бекмаханова, устроил гонения на его противников, насаждал аракчеевский режим в науке; также ставится вопрос о непартийном поведении и других покровителей и защитников Бекмаханова, в частности, ректора университета Тажибаева, бывшего заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Казахстана Жумагазина, а также Адильгереева, Жиренчина и других; поставить в известность Ленинградский горком партии о неправильном поведении члена партии, профессора Вяткина, который протаскивал антимарксистскую концепцию в освещении истории Казахстана...

В своих выступлениях на собрании коммунисты развернули критику ошибок Бекмаханова.

Кандидат исторических наук Турсунбасв:

— Всех контрреволюционных банд Казахстана Кенесары был знаменем. Он был знаменем алашордынцев, сузакского восстания баев в 1930 году, контрреволюционной группы, разоблаченной в 1937-1938 годах. Бекмаханов — не ученый, у него нет концепции, он националист и с помощью троцкиста Варшавского состряпал книгу. Его книга подрывает дружбу казахского и русского народов. Вес противники Бекмаханова подвергались травле и гонению со стороны товарища Омарова. Они отстранены от преподавания в вузах, выведены из научных советов и редколлегий разных изданий. Националистическими идейками Бекмаханова засорены многие учебники литературы. Этой идейкой отравляется идеология студентов. Ректор университета Тажибаев выгнал из университета всех противников Бекмаханова, отдал ему на откуп него единомышленникам преподавание истории Казахстана... Когда нашей партийной организации разрешили обсуждать статью «Правды», Бекмаханов удрал в Москву, причем он уехал в депутатском поезде, конечно, не без ведома некоторых руководящих товарищей.

Кандидат исторических наук Сулейменов:

— Сколько раз историки Казахстана поднимали вопрос о буржуазном националисте Бекмаханове. Но их не поддерживали. Наоборот, те, кто поднимал этот важный вопрос, подвергались травле и гонению. Когда товарищ Омаров узнал, что я поставил вопрос о вредной книге Бекмаханова в ЦК ВКП(б) и в АН СССР, он вызвал меня и грубо угрожал. И это повторялось несколько раз. Мое выступление на совещании историков республики при ЦК КП(б) Казахстана несколько раз прерывал товарищ Шаяхметов. Этим самым он дал понять всем присутствующим, чтобы не трогали Бекмаханова. Шарипов и Адильгереев несколько раз за государственный счет посылались в Москву ходатаями

за Бекмаханова. Эти ходатаи докладывали в Москве, что все историки Казахстана согласились с националистическими идейками Бекмаханова. На деле этою никогда не было. В свою очередь, Панкратова, Вяткин сообщали Абдикалыкову, а после Омарову все, что говорят в Москве о книге Бекмаханова. Для Бекмаханова в Казахстане созданы особые условия. Он ограждается от критики, безнаказанно делает все, что ему вздумается. Кроме Омарова, которого я считаю незрелым партийным работником, Бекмаханова защищают Сауранбаев, Тажибаев, Нусупбеков, Жиренчин. Удивляет поведение бывшего министра высшего образования СССР товарища Кафтanova, который одной рукой подписывает справедливый приказ о запрещении преподавания в университете вредных трудов Бекмаханова (кстати, и Казахстане эти приказы скрыли от общественности), а другой рукой Кафтанов за этот же труд поспешно делает Бекмаханова кандидатом и доктором наук. Это ли не вопиющая беспринципность?

Директор института Покровский, выступая на собрании, признал свои ошибки. Пороки второго издания «Истории Казахской ССР» объяснил аракчеевским режимом, который насаждали Омаров, Панкратова, Вяткин. Затем он критиковал все труды Бекмаханова, в которых автор последовательно протаскивает свои буржуазно-националистические взгляды, приводил много архивных документов, которые разоблачают Кенесары. Бекмаханов фальсифицировал, искажил эти документы, выхватывал оттуда фразы, которые были в пользу Кенесары.

Секретарь парткома АН Ефимов говорил, что ЦК долго не разрешал обсуждение статьи «Правды». Только недавно такое разрешение дал второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Круглов. Руководители АН: академики Сатпаев, Сауранбаев —

всячески препятствовали разоблачению Бекмаханова. Когда в 1949 году партийная организация хотела обсудить вопрос о Бекмаханове, раздались звонки. Секретарь Алма-Атинского обкома партии Жангозин никогда не интересовался и не интересуется жизнью и работой академии, в тот раз звонил и категорически запретил ставить вопрос о Бекмаханове. Такой же звонок был и при бывшем секретаре горкома партии, ныне исключенном из рядов ВКП(б) за скрывание своего байского происхождения Жусупбекове. Товарищ Омаров уговаривал меня не называть ошибки Бекмаханова националистическими, а лучше говорить о них, как о политических...

Выступивший с докладом, а затем с заключительным словом секретарь парторганизации, кандидат исторических наук Нусупбеков полностью признал свои ошибки, кандидат исторических наук Дильмухамедов признал ошибки, заявив, что он начитался всяких статей и поэтому решил, что Кенесары был вождем казахского народа.

Присутствовавший на этом собрании заведующий отделом пропаганды республиканской газеты «Казахстанская правда» тов. Рачков, во время перерыва в кабинете Покровского, в присутствии нескольких человек заявил:

— Сожалею, что на этом собрании не присутствует работник МГБ. Он бы многое почерпнул для себя...»^[67]

* * *

Приближение грозы историк почувствовал еще до наступления нового года: местные издания, срочно включившись в кампанию по поддержке статьи, опубликованной в «Правде», взяли под прицел «Историю Казахской ССР» и его книгу «Казахстан в 20-

40 годы XIX века»; писали всё, что приходило в голову, без разбора, иногда просто неприлично, обвиняя Е. Бекмаханова в верхоглядстве, национализме и омерзительных замыслах, которые нельзя прощать.

Направлял и контролировал нападки на историка заведующий идеологическим отделом Центрального комитета партии И. П. Храмков» что усугубляло положение. Он, оказывается, сразу же пригласил к себе в кабинет всех редакторов республиканских изданий и поручил им занести в «черный список» не только Бекмаханова, но и всех его единомышленников, в результате чего все сторонники историка были выведены из игры: их самих объявили неблагонадежными; и каждый из них был озабочен теперь своей судьбой...

Вынужденная поездка в конце прошлого года в Южно-Казахстанскую область нисколько не облегчила участь Ермухана Бекмаханулы. Доклад, сделанный им на совещании агитаторов, продолжавшийся около двух часов, по мнению И. П. Храмкова, был далек от настоящего покаяния. Действительно, большую часть времени Е. Бекмаханов посвятил объяснению того, как и где разыскивал документы и свидетельства о восстании, мимоходом коснулся причин своих ошибок, а в конце доклада перечислил всех, кто писал о Кенесары начиная с 1920 года, а также в XIX веке, назвал все исследовательские труды (авторами большинства из них были ученые старой России), не преминул подчеркнуть, как воспевался руководитель восстания в исторической драме, разнообразных очерках, поэмах и эпических произведениях в стихах. В конце выступления, достав из папки пожелтевшую листовку; прочитал ее содержание вслух. «Пусть вдохновляют вас на героические подвиги великий дух и отвага легендарных батыров казахского народа — Кенесары, Наурызбая и Амангельды!» — говорилось в обращении

ЦК КП(б) Казахстана к воинам-фронтовикам. Оно было подписано всеми секретарями ЦК и руководителями республики. «Следуя этому призыву, я стал усиленно и глубоко изучать в архивах хронику восстания...» — заключил свой доклад историк.

И тут зал разразился аплодисментами — долгими и бурными. Вместо осуждения агитаторы выразили историку свое признание и восхищение.

Разъяренный Храмков, передернув слова историка, информировал секретарей Центрального комитета: «Е. Бекмаханов не признал своего гнусного проступка, этот человек — неисправимый и опасный националист».

Положение историка и его сторонников стало еще тяжелее. В периодической печати и в радиоэфире под нажимом псковского идеолога туг же началось широкомасштабное шельмование его единомышленников. День за днем увеличивалось число пострадавших за хана Кене. Самые активные защитники его, подписавшие коллективное письмо в Москву, теперь оказались в положении гонимых. Ночи, доводившие разум до состояния истощения, слились в одну темную полосу. К работе в университете, превратившейся в тягостную повинность, все больше терялся интерес. Как утопающий хватается за соломинку, Ермухан уцепился за мысль — обратиться в ЦК.

Жумабай Шаяхметов принял опального историка в начале февраля. О том, как проходила встреча, конкретных сведений очень мало (про эту аудиенцию и сам Ереке не очень-то распространялся). Тем не менее...

В письме от 28 января 1992 года на семнадцати страницах, адресованном Халиме Аламбеккызы, житель населенного пункта Састубе Тюлькубасского района Южно-Казахстанской области Садыбай Исаев рассказал о встрече своего наставника Е. Б. Бекмаханова с первым

секретарем ЦК КП Казахстана, ссылаясь на слова самого ученого. Вроде бы Шаяхметов ему сказал: «Поберегись, ты нужен и исторической науке, и республике. Немедленно прекрати упрямяться. Напиши статью о том, что ты отрекаешься от первоначальных ложных суждений. Только тогда я смогу защитить тебя и приложу все свои силы и авторитет, чтобы не обострять проблему и не выносить сор за пределы республики. Не дам исключить из партии, сохраним и твое ученое звание, ну, получишь строгий выговор. А если в эту кампанию вмешается Москва, то я уже не смогу противостоять, тогда пеняй на себя...» «Но, увы, конфликт разрешился не так, как он обещал. Все получилось иначе. Причину трудно объяснить...» — поведал Ереке группе студентов, с которыми он вел практические занятия по истории в казахской школе в поселке Каскелен осенью 1956 года.

Эти воспоминания написаны спустя 36 лет, мы допускаем, что не все в них точно. Об этой же встрече спутница жизни ученого Халима Адамбеккызы рассказывала так: «Жумабай Шаяхмстулы, взглянув с негодованием на историка, взъярился: «Ты, джигит, перестань пороть ерунду, не пристегивай к нам этого сумасбродного хана Кене, не оправдывайся тем, что, мол, сами секретари ЦК постоянно высоко о нем отзывались. Изменение политики партии в зависимости от обстановки — законный процесс! Давно это говорилось и забылось. А ты вечно споришь со своими коллегами, доказываешь, что ты всегда прав и лучше их знаешь историю казахского народа. Ты много о себе возомнил и испортил со всеми историками отношения. Теперь вот пожинай плоды своего упрямства. Не только себя, но и всех тех, кто тебя поддерживал, кто подавал тебе руку помощи, ты потянешь за собой. Положение твое очень незавидное, как и твоих дружков-единомышленников, так что крепко подумай!..».

Позднее в заявлении, адресованном Н. С. Хрущеву в 1953 году из Петропавловской тюрьмы, сам историк писал: «Я в феврале 1951 года направил письмо в Центральный комитет ВКП(б) и ЦК КП(б) Казахстана, там указал, что считаю статью «Правды» от начала и до конца правильной и полностью признаю свою антимарксистскую ошибку в оценке восстания Кенесары Касымова...»

Дошло ли его письмо до Ж. Шаяхметова? Если он получил письменное признание вины, то почему не сдержал своего обещания — постоять за опального историка? Не хватило смелости? Или осторожный политик, оберегая себя, просто его обманул?..

Ответов на эти вопросы мы не знаем. Однако приведем высказывания одного из участников тех баталий, маститого писателя Габиден Мустафина. В своей статье «О состоянии казахской литературы и ее задачах», опубликованной в десятом номере журнала «Литература и искусство» за 1954 (од, он писал: «Товарищ Шаяхметов руководил нами, творческими кадрами, чисто административными методами. Тому наглядный пример — его отношение к Кенесары. В народных устах и среди нас, литераторов, в то время были различные мнения о нем. И вдруг в годы войны в своей статье, посвященной Амангельды Иманову, он объявил Кенесары национальным героем, поучая нас, призывал, чтобы мы всячески воспевали его ратные подвиги. Мы про себя решили, что это позиция партии. Поэтому стали писать о нем широко и свободно. Таким образом, кто больше, кто меньше погрязли в ошибках... А когда началось повсеместное избиение хана Кене, мы все оказались виноватыми, а он, Шаяхметов, спрятался в кусты, как трусливый заяц. Между прочим, такое же двуличное его поведение проявилось во время разбора сказаний о Едиге...»

Потеряв надежду на установление справедливости в Алма-Ате, историк выпросил у ректора отпуск и в середине февраля отправился в Москву. Он просился на прием к главному редактору «Правды», однако, прождав целую неделю, попал только к заместителю заведующего отделом В. М. Озерову «Письмо, в котором вы признаете свои заблуждения, лично меня полностью удовлетворило. Обязательно доложу членам редколлегии, если они дадут добро, может быть, опубликуем в газете...» — поспешил отделаться от него Озеров, один из организаторов злополучной статьи. После недолгого разговора с ним Ермухан понял, что редакция не откажется от своей кампании: наказывая строптивых казахских историков, она проучит и других исследователей местной истории, отбивающихся от рук и вообразивших себя самостоятельными...

Возможно, делу хотели придать еще большую огласку. Обсуждение статьи «Правды» было организовано на кафедре истории народов СССР в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) под председательством академика Б. Д. Грекова. Ермухан Бекмаханов на этом заседании еще раз «признал», что до выступления главной газеты партии допустил антимарксистские, националистические настроения, при этом он сослался на свое открытое письмо по этому вопросу, опубликованное во всесоюзном журнале «Коммунист» в десятом номере за 1949 год, где также раскаялся в своих заблуждениях (кстати, на том заседании, как писал в своих многочисленных заявлениях сам Е. Б. Бекмаханов, присутствовали инструкторы отдела науки ЦК ВКП(б), сотрудники журнала «Коммунист» и газеты «Правда»). Однако все его оправдания оказались бесполезными.

Ермухан Бекмаханулы побывал и в Институте истории, советовался с поддерживавшими его взгляды коллегами. Но они его охладили: «На этот раз от нас

помощи не будет, твою судьбу решат местные партийные органы». А. М. Панкратова прямо заявила:

— Эту кампанию повторно возбуждают мастера грязных дел из Управления пропаганды и агитации ЦК, они точат нижи больше на меня, чем на тебя. Хотят отомстить за мои письма, написанные в 1944 году секретарям ЦК ВКП(б), в которых я разоблачила их идейные шарахания из стороны в сторону... Ермухан, дорогой мой, я все сделаю, что в моих силах. Не отчаивайся. В конце концов, победит правда, а она на твоей стороне!

Чувствуя, что круг замкнулся, историк бесцельно бродил по улицам Москвы. Возвращаться на родину не солоно хлебавши не хотелось. Но вскоре пришла телеграмма ректората КазГУ с требованием срочно возвращаться в Алма-Ату: Оказывается, на университет надавили из «Большого дома». В день приезда Тулеген Тажибаев все объяснил:

— Храмову донесли, где ты находишься. Он почуял опасность. Ты же мог, используя свои связи, испортить ему всю обедню. Зря ты ездил в Москву... Словом, накажут тебя на всю катушку. И я, и другие уже не сможем этому помешать. Обстоятельства складываются так...

Вопрос, давно всем набивший оскомину, обсуждался в Центральном комитете КП(б) Казахстана 10 апреля. Кроме членов бюро были приглашены руководители Академии наук, директор Института истории, а из историков — Е. Б. Бекмаханов...

Из беседы с Мухамеджаном АБДИКАЛЫКОВЫМ, 13 апреля 2001 года:

«Как обсуждалось это дело в Центральном комитете, я узнал от самого Ермухана. Ему не давали рот раскрыть. Министр госбезопасности А. П. Бызов постоянно прерывая его попытки что-либо объяснить

грубыми окриками. Естественно, наш джигит вспылел: «Почему вы стремитесь из меня сделать врага? Оставшись в детстве сиротой, благодаря заботе советской власти я получил высшее образование, стал ученым. Как я могу вредить такой власти?!» Такая строптивость вывела Бызова из равновесия, он перебил Ермухана, запретил ему вообще говорить. Жумеке тоже шел у него на поводу, вел себя агрессивно. Вступился за Бекмаханова только второй секретарь С. И. Круглов, пожалевший молодого ученого, стоявшего на краю пропасти. «Товарищ Бекмаханов, — обратился он к нему, — вы поддались эмоциям, хватит упрямыться, вы губите себя...» Но тут снова вмешался министр безопасности: «Сергей Иванович, вы кого защищаете? Бекмаханов и сейчас своим поведением показывает, какой он отъявленный националист...»

Ермухан почти в слезах мне рассказывал: «Когда Бызов надо мной издевался и топал ногами, никто из наших деятелей-казахов, сидевших там, не замолвил за меня словечка — мол, знаем его с молодых лет, зачем его топить... может быть, дадим ему время исправиться. Нет, все отрешенно молчали, не издав ни звука». Так была поправа правда...»

Постановление Центрального комитета КП(б) Казахстана было опубликовано во всех республиканских изданиях. Приведем заключительные пункты этого обличительного документа:

«Центральный комитет КП(б) Казахстана признал правильной статью газеты «Правда» (...) и поставил перед историками республики задачу: на основе теории марксизма-ленинизма глубоко и правдиво излагать историю Казахстана, особое внимание обратить на создание истории советского периода, вести упорную борьбу против проявления какого бы то ни было

искажения истории, посягательств на вечную дружбу с великим русским народом;

...Президиуму АН Казахской ССР выполнить следующие работы: заново подготовить первый том «Истории Казахской ССР», выпустить его в 1952 году. Исправить все политические ошибки, допущенные во втором издании этой книги. Вопросы о движениях, происходивших в XVIII–XIX веках в Казахстане, должны быть решены с точки зрения размежевания народных, освободительных движений и реакционных, феодально-монархических;

...директорам Институты истории, археологии и этнографии и языка и литературы АН Казахской ССР, редакторам республиканских газет и журналов поручить подготовку и опубликование ряда статей, разоблачающих реакционное движение Кенесары Касымова;

...поручить областным, районным и городским комитетам КП(б) Казахстана провести обсуждение статьи «Правды» «За марксистско-ленинское освещение истории Казахстана» и постановления ЦК КП(б) Казахстана по этому вопросу на открытых партийных собраниях педагогических коллективов высших учебных заведений и во всех средних учебных заведениях;

...в апреле с. г. в Алма-Ате и во всех областных центрах провести собрания интеллигенции, где предусмотреть выступления с докладами о статье газеты «Правда»...

...Министерству просвещения Казахской ССР в соответствии с этим постановлением заново пересмотреть раздел по истории Казахстана, входящий в программу обучения в школах и высших учебных заведениях;

...поручить первичной партийной организации АН Казахской ССР(?) рассмотреть вопрос о партийности

товарища Бекмаханова».

«Весной того же года ученый совет Института истории Академии наук СССР обсудил опубликованную в «Правде» статью, признал правильной критику книги Е. Бекмаханова и указал ответственному редактору книги М. П. Вяткину «на его серьезную ошибку, которая выразилась в том, что он поддержал и разделял порочные взгляды Е. Бекмаханова», — писала историк Найля Бекмаханова в своих воспоминаниях об отце. Также ученый совет этого института в своем решении указывал, что ошибочная характеристика движения Кенесары дана в «Истории Казахской ССР» и в учебниках по истории СССР. За допущенные ошибки... несет ответственность также Институт истории АН СССР, не давший своевременно правильной оценки книге «Казахстан в 20-40 годы XIX века». Выступавшие на заседании А. М. Панкратова, Н. М. Дружинин, М. П. Вяткин признали свои ошибки...»

На том же заседании были пересмотрены ранее принятые постановления по защите Е. Б. Бекмахановым кандидатской — в 1943 году и докторской — в 1946 году диссертаций, совет принял решение о лишении его научных степеней.

Если так покорно и с позором без боя сдались московские ученые, то уж чего можно было ожидать от их трусливых подражателей в провинции? Только самого худшего, потому что на местах всегда старались перещеголять Центр в строгости.

Партком КазГУ, разумеется, тщательно подготовил рассмотрение персонального дела Е. Б. Бекмаханова. Доклад, раскрывающий пагубное влияние научной и воспитательной деятельности профессора-историка на студенчество, был поручен доценту М. Б. Акинжанову, который в последние годы как бы специализировался на критике нашушевшей книги в периодической печати

и дискуссиях. В парткоме не сомневались, что Мусатай Бекболатулы и на этот раз не подкачает. Но надо, чтобы и другие не спутали карты, иначе все пойдет насмарку. Поэтому первым должен выступить активист; уже проявивший себя в таких щекотливых делах, старший преподаватель А. Такежанов. Ясно, что все выступающие должны вскрывать националистические замашки разбираемого коммуниста...

Напрасно волновалось университетское начальство. Все прошло гладко, как было задумано. Донкихотов в этом коллективе не оказалось. Основной докладчик учинил сокрушительный разгром «вредной» монографии своего коллеги, уличив его в проповеди «буржуазного национализма и злом умысле разжечь вражду между русским и казахским народами». Всего в разоблачении «лживого историка» приняли участие 16(!) человек. Выступил также и Т. Т. Тажибаев, который откровенно признался, что он, как ректор, иной раз терял партийную бдительность, не замечал националистических поползновений Е. Бекмаханова. А проректор по научной работе М. Хусаинова заявила: «Е. Бекмаханов, редактируя университетский научный альманах, больше всего внимания уделял своим единомышленникам. Например, часто публиковал труды А. Жиренчина. А он к коллективу университета вообще не имеет никакого отношения... Под руководством Бекмаханова группа студентов исторического факультета писала дипломные работы. Он от всех требовал завышенной оценки движения Кенесары. А для наставника, имеющего профессорское звание, — это непростительно...»

В газете «Социалистик Казахстан» под рубрикой «Партийная жизнь» был помещен отчет об этом собрании (22 апреля 1951 года). В нем говорилось, что Е. Бекмаханов признал все свои ошибки. Словом, коммунисты университета всецело проявили

политическую зрелость и полную солидарность с вышестоящими партийными органами, исключили Е. Б. Бекмаханова из рядов коммунистической партии, в которой он состоял с 1939 года.

После этого по приказу ректора была закрыта кафедра истории Казахской ССР под предлогом усиления работы по воспитанию студентов исторического факультета в духе интернационализма. Вслед за закрытием кафедры был уволен из университета ее заведующий и основатель Е. Б. Бекмаханов.

Таким образом, в течение месяца несчастный историк за одни и те же «упущения» был наказан трижды: лишен ВАКом всех ученых званий, исключен из рядов партии, остался без работы... Ни одно высшее учебное заведение Алма-Аты (десять институтов и один университет), ни один техникум (их было 20), ни одна средняя школа не хотели взять на работу бывшего профессора и доктора наук.

В жернова этой кампании попали все ученые, защищавшие в научных диспутах Ермухана Бекмаханова. В первую очередь на мушку были взяты Абиш Жиренчин, Халил Адильгереев, Елтоқ Дильмухамедов, Акай Нусупбеков, Билял Аспандияров... Всего около тридцати историков. По их многолетним исследованиям, опубликованным трудам были проведены тщательные проверки, и, конечно, сразу нашли то, что искали: политическую неустойчивость, проявления националистических настроений, ностальгию по прошлому... Вскоре кампания по поиску националистов выплеснулась за пределы Алма-Аты. Летом 1951 года она перекинулась на всех историков, литераторов и языковедов, преподававших в пединститутах и техникумах областных центров. Оказывается, среди них было немало поклонников Кенесары, часто восторгавшихся батырами —

участниками движения, с любовью рассказывавших о них во время занятий студентам и учащимся.

Безусловно, такому размаху кампании в высшей степени способствовали все местные издания. А в нагнетании истерии отличалась газета «Социалисте Казахстан» — орган ЦК КП(б) Казахстана. Оно и понятно: потому что ответственный за выпуск этой газеты Касым Шарипов в статье, опубликованной в «Правде», также попал на острие критики. В частности, там говорилось: «В четвертом номере журнала «Вопросы истории» за 1949 год была опубликована статья К. Шарипова. В этой статье автор отметил ряд недостатков книги Бекмаханова. Автор правильно показал, что в книге не говорится о классовой борьбе в казахском обществе, идеализируется личность Кенесары, есть и другие ошибки. Однако, критикуя деятельность и личность Кенесары Касымова, Шарипов пытается обелить возглавляемое им реакционное движение. Таким образом, статья Шарипова не помогла решить главную проблему, обращающую на себя внимание казахских историков...»

Журналисту, получившему строгий нагоняй со страниц самой «Правды», для быстрого исправления своей пошатнувшейся репутации надо было подсуетиться. И Шарипов старался показать, что он не зря занимает должность руководителя республиканской партийной газеты. Например, в опубликованной 19 апреля 1951 года передовице под названием «Будем бороться за партийность исторической науки» эта газета писала: «Лживый историк Е. Бекмаханов исследовал историю нашего народа с буржуазно-националистической точки зрения. В научном исследовании он нарушил партийный принцип, не учел требований партии, предъявляемых к советским историкам...» Далее в той же статье говорилось: «Е. Бекмаханов в своих работах путем

подтасовки цитат и фактов и использования материалов алашордынцев и пантюркистов совершенно извратил историческую действительность, показал черное белым, стараясь представить реакционное движение Кенесары прогрессивным. Он, руководствуясь своими буржуазно-националистическими взглядами, показывает только одну сторону взаимоотношений России и Казахстана — выпячивает колониальную политику царского правительства. Недооценивает значение присоединения Казахстана к России, сыгравшего прогрессивную роль в судьбе казахского народа. Бывшие редакторы книги товарищи М. П. Вяткин, Т. Жумагазин оказались под влиянием Бекмаханова, забыли о партийной ответственности...»

Эти публикации показали, что пресловутая кампания уже поднялась на новую ступень. В последующем в число гонимых попали не только историки, но и литераторы, авторы песен и кюев, собиратели фольклора, лиро-эпосов и поэм-дзетанов про батыров, все они были объявлены ярыми сторонниками реставрации прошлого. Кампания развернулась вглубь и вширь. Все громче раздавались призывы: «С корнем вырвем развивающийся в республике национализм, тем самым духовно оздоровим нацию!» Газеты требовали строго наказать всех исследователей, «извращающих историю народа, занимающих чуждые народу позиции».

Чтобы не быть голословными, приведем отрывки из них...

«Кандидат исторических наук, делегат городской партийной конференции товарищ Шоинбаев в своем выступлении сказал, что Бекмаханов в течение нескольких лет в трудах, выпущенных в университете, пропагандировал националистические взгляды на

движение Кенесары. Эта позиция Бекмаханова ни в Академии наук, ни в университете не была осуждена».

«Научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук, делегат конференции товарищ Гумарова отметила: «ЦК КП(б) Казахстана в 1947 году указал на наличие в работе Института больших идейно-политических упущений. После постановления ЦК вышел первый том «Истории казахской литературы» под общей редакцией профессора Ауэзова. Однако и в этой книге повторяются характерные промахи не только в части, где идет речь о Кенесары Касымове, но и в других главах...» (Социалистік Қазақстан, 5 июня 1951 года).

«Е. Бекмаханов историю нашего народа исследовал с буржуазно-националистической точки зрения, — констатировал докладчик на партийном собрании в своем коллективе С. Толыбеков, руководитель Казахского педагогического института имени Абая. — Он в исследовании истории нарушил партийный принцип, преднамеренно исказил исторические факты. Бывшего заклятого врага трудового народа Кенесары Касымова, пожелавшего отделить казахский народ от великого русского народа и с помощью реакционных ханов Средней Азии отдать его под иго иностранных захватчиков, Е. Бекмаханов преподнес как «реформатора». Наряду с этим докладчик рассказал, что заведующие кафедрами этого института Адильтгереев и Х. Жумалиев пошли на поводу у лживого историка Е. Бекмаханова, а Х. Адильтгереев во время дискуссии по истории Казахстана поддержал вредную книгу Е. Бекмаханова, пел дифирамбы Кенесары в своих рецензиях и во время лекций...» (Социалистік Қазақстан, 21 апреля 1951 года).

«Опасные политические тенденции, получившие распространение в области истории, как зараза,

перекинулись на литературу; поэзию и музыку, — указал профессор товарищ Тимоско, — в литературных трудах профессора М. Ауэзова, в статьях профессора А. Жубанова о казахской музыке также непомерно прославляется враг народа Кенесары...» (там же, 21 апреля 1951 года).

И. П. Храмков в своей статье «Казахская литература должна быть высокоидейной», опубликованной на двух страницах газеты «Социалиспк Казахстан» за 19 сентября 1951 года, в дидактически-приказном тоне писал: «...Г. Сланов в очерке «Каныш Сатпаев» по неизвестной казахским читателям причине понятие «интеллигент» заменил словом «зиялы». Писатель С. Омаров вместо «январь» постоянно употребляет слово «кантар», вообще, казахские писатели склонны исказить прямой и всем понятный смысл многих русских слов по-своему». В этой статье заведующий пропагандистско-агитационным отделом Центрального комитета анализировал известные общественности художественные произведения популярных казахских поэтов и писателей под шовинистическим углом зрения. во всех находил националистические мотивы, в итоге сводил их на «нет». Известно, что И. П. Храмков, прожив в Казахстане 11 лет, не знал казахского языка, у него и не было вовсе желания его знать. Ясно, что эту статью подготовил один из холуев-казахов, тем самым он помог шовинисту-идеологу проехаться с метлой опричника по национальной литературе.

Напрашивается вопрос: на какой юридической основе разворачивалось преследование исследователей гуманитарной науки, многим из которых пришлось испить горькую чашу страданий: изгнание из родных мест, отлучение от привычной работы, аресты, допросы, суровые, несправедливые приговоры? Под лозунгом

строительства нового мира на основе бесчеловечных принципов классовых противоречий проводился непреодолимый водораздел между предками и новым поколением, среди людей разжигалась ненависть к тем, кто не исповедовал иезуитские марксистские догмы. Упоенные победой сталинисты всюду насаждали железную дисциплину, упрятывая за решетку непокорных. Под видом учреждения новых законов в стране творилось вопиющее беззаконие...

* * *

Горе, говорят, грянет — не спросится. Ермухан жил будто в чаду. Положение с каждым днем ухудшалось. Самое печальное — у него не было не только работы, но даже занятия, чтобы скоротать время. Случайно встречавшиеся на улице знакомые или отворачивались, или проходили мимо, сделав вид, что не замечают его. Зарплаты Халимы едва хватало. В их семье уже было пять ртов. Фактически их выручала теща, которая, чтобы быть поближе к внукам, оставила в Ташкенте свой дом и престижную работу и насовсем переехала в Алма-Ату. Ее пишущая машинка стала спасением для них. Аспиранты, дипломанты приносили к тете Айше свои работы, даже становились в очередь, чтобы она скорее перепечатала их рукописи.

Теща, печатавшая десятью пальцами, с пулеметной скоростью, на казахском и русском языках, стучала на своем «Континентале» с утра до вечера и зарабатывала кое-какие деньги... Сидеть сложа руки, ничего не делая, вообще невыносимо.

Было стыдно перед семьей и перед самим собой. Долго ломая голову над тем, как найти выход из безнадежного положения и уже не веря обещаниям знакомых, Ермухан, наконец, решился и однажды

вечером пошел на квартиру к первому секретарю Алма-Атинского обкома партии Амиру Канапину. С ним он был знаком с того времени, когда Амир Канапияулы работал заместителем наркома просвещения, а сам Ермухан — директором научно-исследовательского института в этой же системе...

— Амир, друг, я больше не могу так жить, помоги мне, устрой хотя бы учителем в какой-нибудь район!.. — взмолился Ермухан.

Амир — добрая душа, помог. Глубокой осенью Ермухан отправился учителем истории в казахскую среднюю школу; которая находилась в Нарынколском районе Алма-Атинской области, в 400 верстах от столицы.

В воспоминаниях Халимы Адамбеккызы говорится, что муж в том коллективе учительствовал всего одну четверть, а в середине зимы его перевели в Чуйский район Джамбулской области. Это произошло по требованию НКВД, наблюдавшего за его перемещениями. Чем было вызвано такое ограничение в выборе места пребывания? Оказывается, Нарынкол — рядом с границей с Китаем, поэтому, как человек политически ненадежный. Е. Бекмаханов находиться там не мог...

С системой НКВД, подмявшей под себя партийный и государственный аппараты, не поспоришь. Понимая свое шаткое положение, историк в январе 1952 года собрал свои жалкие пожитки и переехал в село Новотроицкое, устроился в русскую школу вести историю Древнего мира и Средних веков в 5—7-х классах. С этой школой ему повезло: коллектив педагогов и ее директор отнеслись к опальному ученому с пониманием и сочувствием.

По удивительному стечению обстоятельств Ермухан в первый же день встретил здесь Ахметжана Тлеубергенова, защищавшего дипломную работу под

его руководством в КазГУ. Оказывается, он был уже женат, имел ребенка. Ахметжан пригласил его к себе домой. Жена Хадиша тоже оказалась приветливой. После чаепития хозяева дома, показав гостю самую светлую комнату в своем скромном ломике, заявили: «Агатай, эту комнату полностью мы предоставляем вам. Оказать поддержку в вашем настоящем положении — наш долг!..»

Халима БЕКМУХАМЕДОВА «Вместе двадцать лет»;

«Зимой, во время зимней сессии (в это время я работала в Женском пединституте), я имела возможность съездить к Ермухану. Поездом от Алматы до станции Чу было примерно 7 часов езды. Вечером пришел поезд на станцию, а до Новотроицка надо было ехать еще 7-8 километров машиной. Было темно, когда я оказалась в селе, спросила, где улица Клубная, 4, где дом учителя Тлеубергенова, еле-еле добралась до его дома. В маленьком окошечке мерцал свет, Ермухан сидел за столом, готовился к урокам. Он был удивлен моему появлению, очень обрадовался. Ахметжан с Ермуханом в выходной день купили на базаре барана, и мы неделю ели бешбармак. Учителя один за другим стали нас приглашать в гости. Такой удивительный обычай у нашего народа — накрывать дастархан в честь приезжего.

Детство и юность Ермухана прошли в ауле, ему была привычна сельская жизнь. И в школе он работал после окончания института, поэтому быстро освоился и смирился со своим положением школьного учителя. Больше того, он полюбил своих учеников, рассказывал о пятиклассниках (он их называл пистолетами), которые вначале шумели на уроках, а потом увлеклись древней историей — Греции, Египта, Китая, внимательно слушали рассказ учителя и сами стали активно готовиться к урокам. Учителя школы поражались, как

Ермухан смог справиться с озорными пятиклассниками. Я сама видела, когда провожала Ермухана в школу, как ученики почтительно и приветливо здоровались с ним».

Как ни старались власти сжить Ермухана со света, каким бы злодеем ни представляли его со страниц газет и журналов, простой народ ему сочувствовал и не поддавался на провокации. Доказательство тому — теплый прием, оказанный ему в селе Новотроицком, где располагался административный центр района. В этом населенном пункте дружно жили и русские, и казахи.

(Новотроицкое я посетил в июле 2008 года. Село расположено у добротной асфальтовой дороги, проходящей через станцию Чу на север. В годы Столыпинской реформы из глубины России переселенцы тысячами переезжали в казахские степи. Большая группа их осела в долине речки Чу (разумеется, потеснив местных казахов), где воды было вдоволь, а земля плодородна, где можно было сеять пшеницу и разбивать сады. В Чуйской долине много солнца, лето длинное, а зима короткая, к тому же не очень суровая. Поэтому завладевшие этими землями переселенцы выращивали фрукты и овощи (в советское время, особенно в послевоенные годы, здешний колхоз специализировался на сахарной свекле, получая рекордные урожаи этой трудоемкой, но зато хорошо оплачиваемой культуры, отчего и селяне стали зажиточнее).

Во время пребывания Ермухана Бекмаханова в селе работали одна семилетняя и три средние школы. После провозглашения независимости Республики Казахстан это село переименовали в Толеби. В феврале 2000 года специальным постановлением правительства республики средней школе в селе Толеби присвоено имя Ермухана Бекмаханова.

Халима Адамбеккызы вспоминает: «На торжество, посвященное присвоению школе имени Ереке, где он трудился в тяжелые дни, я ездила с детьми, на том собрании присутствовал сын покойного Ахметжана Тлеубергенова — Ержан, на праздничный дастархан, накрытый коллективом учителей, пригласили и нас...»

Недавно школа преобразована в гимназию. У входа в здание установлен бюст Ермухана Бекмаханова из гипса. В одной из комнат открыт музей выдающегося историка. Таким образом, историк возвращен из забвения. Справедливость восторжествовала!..)

2

На страницах республиканской печати все настойчивее стала подчеркиваться мысль, что ореол героя, создаваемый некоторыми историками и литераторами вокруг имени Кенесары, пропаганда старых песен, легенд способствуют возрождению и росту национализма в республике. Его имя становится знаменем тех, кто увлекает народ в прошлое, когда казахи жили сами по себе и были независимы.

Организаторы кампании были недовольны мерами, предпринятыми против Е. Бекмаханова и его единомышленников, ограничивавшимися лишением научных степеней и изгнанием их из Алма-Аты. Газетные статьи призывали к принятию более действенных, по-настоящему революционных мер.

«Правда» в 1951 году по этому поводу дважды выступала с резкой критикой: в передовице за 28 августа и в редакционной статье от 29 сентября под названием «На противоположной позиции», где в крайнем попустительстве и потворстве неонационалистам снова был обвинен ответственный за выпуск газеты «Социалистік Қазақстан» К. Шарипов.

Под удар попали и другие «грешники», которых главная газета страны называла «скрытыми врагами социализма». Но это, как увидим дальше, были еще цветочки, ягодки ждали впереди.

Идеологи из ЦК ВКП(б) считали, что политическая кампания в Казахстане идет слишком медленно и без надлежащего большевистского напора... Раз так, нужно принимать меры. Секретариатом ЦК партии решено было направить в Казахстан комиссию с чрезвычайными полномочиями во главе с инспектором организационно-партийного отдела ЦК ВКП(б) Шикиным (его инициалы нам не удалось выяснить), который курировал нашу республику. Ему в помощь подключили еще инструктора отдела науки и высших учебных заведений Б. Н. Митрейкина. Мобильная группа была сколочена по инициативе главного идеолога ЦК ВКП(б) М. Л. Сулова, и, конечно, от нею она получила надлежащие инструкции...

Комиссия Шикина работала в Алма-Ате более месяца. От ЦК КП(б) Казахстана к ней был прикреплен И. П. Храмков. Иван Петрович, чувствуя, что пробил его звездный час, старался вовсю. Наиболее дальновидных и опытных в таких делах наших интеллектуалов особенно встревожило то, что в состав комиссии были включены от Института истории Тлеукажы Шоинбаев, старший преподаватель университета Амиржан Такежанов и проректор М. Хусаинова, научные сотрудники Института языка и литературы Сабит Нурышев, Малике Гумарова, также преподаватели КазПИ — Шахизада Юсупов, Абдирак Нилдибаев^[68], помимо них в группу вошли самые яростные большевики...

Из беседы с Булебаем ИСЛБЕКОВЫМ, апрель 1981 года:

«Мы считали Жумабая Шаяхметова человеком, пользующимся авторитетом в Политбюро, и были в душе спокойны за него и даже гордились им. Наил первый секретарь всегда решал сложные вопросы уверенно, без проволочек, а с приездом комиссии во главе с Шикиным все эти качества он вроде бы растерял. Жумабай Шаяхметулы не оказал никакого сопротивления московским функционерам, беспрекословно исполнял все их указания. Ильяс Омаров, ясно, не смог выйти из-под его влияния. Прежний секретарь по идеологии Мухамеджан Абдикалыкулы не всегда считался с мнением Жумеке в делах агитации и пропаганды, учебно-просветительской и культурно-воспитательной работы, проявлял самостоятельность. А у Ильяса тактики была другая: он открыто не выступал против первого секретаря, а к своему мнению старался склонить его исподволь, постепенно... Его причастность как ответственного редактора ко второму изданию «Истории Казахской ССР», попавшему под острую критику «Правды», сковывала действия Ильяса Омарулы. Про этот «грех» постоянно напоминали ему прямо в лицо заведующий отделом и другие недалекие люди. Короче говоря, все считали, что своего высокого поста он лишится уже в ближайшие дни. Поэтому его указания постоянно игнорировали...»

Центральный комитет ЦК К11(б) Казахстана после трех хлестких по смыслу выступлений «Правды» вообще утратил контроль над идеологической ситуацией в республике. В ЦК со всех регионов начали поступать «анонимные письма» и открытые доносы — десятками, сотнями. После ознакомления с ними нам с Ислямом Жарылгаповым становилось жутко, мы лишь угрюмо молчали: писали учителя школ, малограмотные аульные активисты, периодически — студенты, конечно, пи наущению своих наставников. В высших

учебных заведениях те, кто претендовал на дополнительные часы, надеялся попасть на вид и благодаря этому завладеть кафедрами, ведь они подсиживали друг друга. Все без исключения обливали грязью один другого, раскрывали вредные действия своих коллег: во время занятий такой-то учитель хвалил такого-то хана, с удовольствием, мол, говорил об его гордом характере. Словом, все жаждали расправы над врагами успешно строящегося социализма. Казалось, в один голос они взывали: «ГПУ, где же ты?».

Комиссия ЦК ВКП(б) повсюду выявила упущения и вопиющие безобразия. Какие бы институты или научно-исследовательские учреждения ни проверялись, повсеместно налицо были одни и те же недостатки: «... везде и всюду процветали родство и землячество, явные националисты как следует не наказывались, беззубость проявляла печать. Примиренческую позицию заняли и члены бюро ЦК КП(б) Казахстана, проявляя недопустимую терпимость к врагам социалистического общества!...»

Выводы комиссии, что в республике вообще отсутствует целенаправленная идеологическая работа, обсуждались на собрании республиканского актива, специально созванном осенью 1951 года, зачем на пленуме ЦК КП(б). Докладчиком на обоих собраниях был Ж. Ш. Шаяхметов. Текст его выступления «О состоянии идеологической работы в республиканской партийной организации и мерах по ее коренному улучшению» был опубликован 28 октября в газетах «Социалистік Қазақстан» и «Казахстанская правда».

Первый секретарь Компартии Казахстана подверг острой критике казахских писателей и литературоведов, историков и языковедов, называя их поименно. Произведения их впоследствии были конфискованы, а сами авторы строго наказаны. Вот

некоторые выбранные места из этого доклада, часть — в изложении, подлинные слова Ж. Шаяхметова взяты в кавычки...

В докладе в числе первых были названы имена «лживого историка» Е. Бекмаханова и его единомышленников, «извращавших» историю казахов. В течение нескольких лет, руководствуясь ими же выдуманной теорией о существовании якобы бесклассового общества в Степи, они изображали выразителем его интересов «заклятого врага казахского народа Кенесары Касымова». По утверждению секретаря ЦК, «движение Касымова задерживало, тормозило политическое и экономическое развитие Казахстана, наносило серьезный вред делу сближения и дружбы казахского народа с русским народом»...

Далее докладчик перечислил большую группу литераторов, злостных националистов: «Поэт Нысамбай произвел самого Кенесары, его брата Наурызбая и их нукеров в несравненных, непревзойденных героев. Литературовед Е. Исмаилов, вытащив из пыли архивов этого скандального сказителя, участника движения Касымова, отвел ему почетное место в своей монографии «О борьбе Кенесары Касымова за освобождение казахского народа», законченной им в конце 1940 года, эту же ошибку исследователь повторил в вышедшем в 1948 году первом томе «Истории казахской литературы», — заявил Ж. Шаяхметов. — ...Поэт К. Бекхожин, забыв, в какое время и в каком государстве он живет, воспел разбойника Наурызбая в поэме «Батыр Науав». М. Ауэзов еще в 1930-х годах в своей пагубно-националистической пьесе «Хан Кене» превозносил Кенесары Касымова и его движение. Не избежал некоторой идеализации личности Кенесары Касымова он и в романе «Акындар агасы», напечатанном в 1949

году в журнале «Литература и искусство». С. Муканов в 1923 году в поэме «На джайляу» назвал Кенесары и Наурызбая «героями минувших дней, любимыми и высокочтимыми батырами казахского народа». В 1943 году в статье «Герой Малик», помещенной в сборнике «Наш Малик», Х. Жумалиев увидел истоки мужества Героя Советского Союза Малика Габдуллина в кровавых деяниях эмира Белой Орды Едиге, реакционного хана Кенесары и др. В повести К. Абды Кадырова «Девушка из Келеса» и романе С. Муканова «Сырдарья» бросается тень на дружественные отношения между казахами и узбеками. Некоторые поэты изображают Казахстан лишенным конкретно-исторических черт, а казахский народ — в отрыве от других народов Советского Союза. В книге стихов «Буря» К. Аманжолов во всех красках ярко воспеваает некий вечно неизменный, патриархальный Казахстан, как «отчую землю». Для него Казахстан — «первозданный рай», а река Иртыш — «колыбель свободы». Серьезные националистические выпады допустил А. Тажибаев в стихотворении «Молодой казах». Не сумел донести до читателя правду о дружбе народов, объединяющей нас в одну семью, поэт Х. Бекхожин в поэме «Мария — дочь Егора». В рассказе «Приключение Коксегена» С. Бегалина советский колхоз изображен заброшенным, отсталым. В романе Л. Абишева «Степное зарево» искажен, утрирован облик руководящих партийных кадров. Первый секретарь райкома в романе изображен грубым и крикливым администратором».

Первый секретарь ЦК также подверг убийственной критике пользующиеся любовью в народе песни и мелодии, исполняемые казахскими певцами на концертах (управление по печати, в частности, его воинственные цензоры, ссылаясь на этот доклад, сразу же запретили исполнение более 400 из них, а малообразованные редакторы Казрадио с перепугу по-

своему «исправили» тексты некоторых песен). Не сходявшие много лет со сцены казахского театра оперы «Кыз Жибек» и «Ер Таргын», уже ставшие классикой, были запрещены из-за чрезмерно роскошно-богатых декораций, как бы приукрашивавших прошлую жизнь казахов, их было предложено заменить высокохудожественными произведениями из жизни колхозников. Под горячую руку свирепствующих идеологов попали и коллективы драматических театров, также не отображавшие героики дня...

В конце своего доклада, состоявшего из голой, злопыхательской критики и маразматических оргвыводов, Ж. Ш. Шаяхметов перешел к самобичеванию: «Бюро Центрального комитета и я, как первый секретарь ЦК, предали забвению указания товарища Сталина о сочетании политической и хозяйственной работы, не уделяли достаточного внимания идеологической работе, вовремя не вскрыли и не подвергли принципиальной партийной критике ошибки и извращения в работах некоторых историков, литературоведов, отдельных руководящих партийных и советских работников... В 1944 году я допустил в своей статье, посвященной 25-й годовщине со дня смерти Амангельды Иманова, опубликованной в газете «Социалистік Қазақстан», серьезный политический промах. Воодушевляя вой нов-казахов на борьбу против немецких оккупантов, я призывал их быть достойными своих славных предков, и, наряду с именами Срыма, Исатая, Махамбета, Амангельды, я назвал имена Аблая, Кенесары и Наурызбая... Слабо и неумело работал секретарь ЦК тов. Омаров, ведающий вопросами пропаганды и агитации, он не сумел вовремя вскрыть и пресечь буржуазно-националистические настроения в среде части интеллигенции и сделать их предметом обсуждения на бюро ЦК. Будучи одним из главных редакторов второго издания «Истории Казахской ССР»,

тов. Омаров не прислушался к сигналам об искривлении линии партии Бекмахановым и поручил ему же написать раздел «Истории Казахской ССР» о движении Кенесары Касымова...»

Не пощадив себя и ближайшее окружение, Жумабай Шаяхметулы зацепил также президента Академии наук Сатпаева, председателя Союза писателей Казахстана Мукапова, министра просвещения Сембаева, начальника Управления по делам искусств Ахметова и председателя Комитета кинематографии Якубова, обвинив их в том, что они не до конца порвали связи с прошлым, проявляют политическую слепоту и безыдейность в его оценке, о Все это происходит оттого, — отметил докладчик, — что мы пренебрегли предостережением товарища Сталина о том, что пока существует капиталистическое окружение, враги нашей Родины будут стремиться использовать в своих целях пережитки капитализма в сознании людей, в том числе и в первую очередь — пережитки прошлого».

Доклад, длившийся целых два часа, Жумабай Шаяхметулы завершил словами: «Мы полностью признаем политические ошибки, раскрытые в статье газеты «Правда» и указанные комиссией Центрального комитета ВКП(б), и в ближайшее время очистим республиканскую общественность от чуждых нам элементов...»

Первый секретарь НК КП(б) Казахстана вывел на чистую воду и себя, и других, тем самым показал пример самокритичности всем выступающим. Конечно, каждый выступающий старался доказать, что он свой в доску, ни в чем предосудительном не замешан, и в то же время не жалел заблудших овечек. Каждый приводил множество примеров проявлений крайнего национализма не только в Алма-Ате, но и по всей республике. Зачин сделал первый секретарь

Кустанайского обкома^[69] партии С. Жанбаев, его поддержал первый секретарь Семипалатинского обкома Г. Мельник. Камень в сторону ЦК под шумок бросил редактор республиканской газеты «Казахстанская правда» И. П. Никитин: «Редакция давно располагала материалами, разоблачающими националистические извращения в исторической науке Казахстана, и собиралась их напечатать, но товарищ Омаров запретил нам это делать... и мы оказались беспомощными...»

На этом пленуме выступили К. И. Сатпаев и Т. Т. Тажибаев. Они тоже признали справедливость замечаний докладчика и заверили, что постараются исправить положение в руководимых ими коллективах. Похоже, они были себе на уме: зачем лезть на рожон, со временем все само собой станет на свои места... А пока не только они, но и другие ораторы, избличавшие национальную интеллигенцию во всех смертных грехах, как будто бы еще не ведали, к чему все это приведет. Может быть, и догадывались. Но что им оставалось делать?..

Присутствовавший на пленуме ЦК КП(б) Казахстана корреспондент «Правды» А. Черниченко опубликовал отчет под названием «Повышать уровень идеологической работы». В этом отчете московский корреспондент отмечал: «Участников пленума не удовлетворило выступление президента АН Казахской ССР тов. Сатпаева. Коммунисты ожидали, что он расскажет, почему в научно-исследовательских институтах долгое время подвизались и подвизаются сейчас разоблаченные буржуазные националисты и случайные люди в науке. Сам тов. Сатпаев до последнего времени скрывал, что еще в 1927 году он издал антимарксистскую книжонку^[70], в которой

идеализируется известный палач народа золотоордынский хан Едиге...»

Как видим, используя сведения, скрытно предоставленные ему местными активистами. А. Черниченко как бы изобличает — мол, не зря защищает президент Академии наук националистов, ведь сам он нечист. В том же самом московский корреспондент обвинил ректора КазГУ Т. Тажибаева, представив его рьяным защитником уже разоблаченных буржуазных националистов. По его словам, он принимал их в университет в качестве преподавателей, а Бекмаханов своих идейных противников, истинных большевиков, с помощью ректора изгонял из университета, грубо зажимал критику. «На пленуме тов. Тажибаев, — писал Л. Черниченко, — меньше всего говорил о своих ошибках. Вместо этого он обрушился на коммунистов, которые помогли партийным органам вскрыть недостатки в работе университета...»

В общем, общественность республики осенью 1951 года была похожа на растревоженный улей. Между тем руководство Казахстана как бы не замечало всей сумятицы и того, что корыстные, нечистоплотные дельцы используют ее для того, чтобы отомстить и разделаться со своими учеными коллегами, занять их места. С благословения близорукого ЦК Компартии Казахстана и ничего не понимающих в науке, но зато воинственных чиновников из Кремля, малообразованные люди все больше пускали в ход ложь и клевету, приписывая лучшим представителям казахской нации политические преступления, прикрывая свои действия партийными лозунгами, за что получали награды, должности и пожинали временную славу...

Как видим, появившаяся за последние годы в Казахстане молодая талантливая ученая поросль

теперь безжалостно выкашивалась.

Воспоминания очевидцев тех событий спустя годы были опубликованы, и мы предлагаем читателям несколько отрывков из них. Авторы их находились в гуще пресловутой кампании, были свидетелями глумления бессовестных активистов над беспомощными учеными, которые морально и физически страдали от их злых, беспардонных деяний.

Ади Шарипов в своей книге «Увиденное и запомнившееся» приводит эпизод, как однажды на одном из совещаний А. Такежанов, наиболее злобный человек из шикинской комиссии, при всех людях, как говорится, взял за горло Ж. Шаяхметова, обратившись к нему с ехидным вопросом: «Давно и всем известны националистические взгляды Сатпаева, байского отпрыска. Почему он до сегодняшнего дня занимает кресло президента Академии наук? Товарищ Шаяхметов, где ваша хваленая чекистская бдительность, или она притупилась после того, как вы стали секретарем Центрального комитета?» «Бесцеремонное его заявление вызвало неприятное ощущение у людей, находившихся в просторном зале театра оперы и балета», — пишет автор воспоминаний.

Абдильда Тажибаев, пострадавший за свое стихотворение «Молодой казах», написанное в восторженном духе, в своей книге «Запечатленное в памяти» также рассказывает о том, что один из выступающих прямо-таки потребовал крови секретарей ЦК: «Почему должны оставаться безнаказанными секретари Центрального комитета? За волокиту, неразворотливость и преступное попустительство наказание должны понести не только И. Омаров, но и вы, товарищ Шаяхметов...» Войдя в раж, выступавший чуть не задохнулся от своего неистового крика, так закашлялся, что бедняге пришлось подать воду.

«Мне, молодому филологу, однажды пришлось присутствовать на собрании интеллигенции, где должны были проработать Мухтара Ауэзова, — писал известный литературовед Абдулхамит Нарымбетов в своей статье «Кто преследовал Ауэзова?», опубликованной в газете «Слово» 21 октября 2005 года. — Собрание проходило в конференц-зале горно-металлургического института. Председательствовал на нем заведующий отделом ЦК КПК(б) И. П. Храмков... Меня в тот день поразил наглый наскок Сабита Нурышева, маленького, неказистого человечка, научного сотрудника академического Института языка и литературы. Он с ходу атаковал Мухтара Омарханулы, не только гиганта по образованию, но и по телосложению богатыря по сравнению с ним. Мне это сражение напомнило известную басню И. Крылова «Слон и Моська». Но тогда было мне не до смеха, в пору было плакать... С. Нурышев, как собачонка, с трибуны просто лаял на известного писателя. «Мухтар Ауэзов в 1932 году обещал не бороться против советской власти, однако до сих пор остается ее противником. Почему он чувствует себя на улицах Алма-Аты, как щука в воде, ходит совершенно свободно?!.» — вопил зарвавшийся филолог. После него на трибуну поднялся Мухтар Ауэзов. В памяти остались презрительные слова Мухтара-ага об его обличителе: «Сабит Нурышев бездарный, бесплодный ученый...» В его речь тут же вклинился Храмков: «Товарищ Ауэзов, вы не имеете права оскорблять Сабита Нурышева!» Мухтар Омарханулы тут же повернулся в сторону члена ЦК, явно поддерживающего Нурышева, и четко парировал: «Разве он меня не оскорбил?»

Есть же пословица «Как аукнется, так и откликнется». На это И. П. Храмков возразил: «Товарищ Ауэзов, не все пословицы верны», и понесло его... Но

Мухтар Омарханулы не растерялся, хмуро взглянув на чиновника, одернул его: «Товарищ Храмков, эту пословицу создал великий русский народ, а он не только великий, но еще и мудрый». Храмков растерялся. Что-то буркнув под нос, замолчал. Сидящие в зале долго аплодировали замечательному писателю...»

Перелистав подшивку «Правды» за 1951 год, я выяснил: в течение десяти месяцев эта газета писала про развернутую в Казахстане политическую кампанию четырежды, каждый раз все сильнее нагнетая обстановку. Понятно, что и отчет с пленума ЦК КН(б) Казахстана был предвзятым. В нем делался акцент на то, что идеологическая работа в республике неуклонно ухудшается. И результаты давления сверху не замедлили сказаться: еще до пленума ЦК был рассмотрен организационный вопрос, секретарь ЦК И. О. Омаров, а также ответственный за выпуск газеты «Социалистік Казахстан» К. Шарипов были освобождены от своих должностей.

Освобожденный от высокой должности осенью 1951 года И. О. Омаров почти год сидел дома без работы. Прирожденный организатор, до мелочей знавший систему торговли, производственную сферу и экономику, в 49 лет оказался ненужным обществу.

К счастью, нашелся человек, исправивший эту несправедливость. М. Е. Бутин — незаурядный номенклатурный работник, обладал пытливым умом и пробивной энергией, в то время он возглавлял Министерство пищевой промышленности Казахской ССР. Он был верным другом Ильяса Омарулы. Мажикен Ержанулы в одну из служебных поездок в Москву специально встретился с известной примой-танцовщицей Большого театра Галиной Улановой и

главным режиссером Малого театра Юрием Завадским. Оба считали Ильяса Омарова «своим давним, еще с военной поры покровителем». Мажикен Ержанулы рассказал им, почему Ильяс Омарулы оказался на мели... Услышав печальный рассказ М. Бутина, народные артисты СССР разволновались: «Когда мы в тяжелые дни войны бедствовали в Алма-Ате, Ильяс Омаров подставил свое плечо и проявил безграничную заботу о нас». Поэтому, сказали они, пусть это будет нашим ответом на его внимание, как говорится, «умели брать — надо уметь и отдавать». Они вдвоем поехали к А. И. Микояну, члену Политбюро, питавшему к ним большое уважение, и с ходу выложили свою просьбу. Анастас Иванович сочувственно отнесся к их словам: «Я этого товарища немного знаю, биография у него хорошая, он человек дела. Есть только один у него недостаток — не хватает ему политической зрелости. Пусть подает заявление, я помогу ему поступить в Высшую партийную школу, и пусть он там набирается ума...»

Так И. Омаров стал слушателем Высшей партийной школы в Москве. После ее окончания Ильяс Омарулы был избран секретарем Северо-Казахстанского обкома КП Казахстана. Последующий жизненный путь этого просвещенного деятеля-гражданина известен всем казахстанцам...

Политическая кампания, в конце концов, вроде пошла на спад. Но и тут не обошлось без жертв.

«По требованию трудового народа» (как оно формировалось, мы вскользь говорили выше) экзекуции на этом этапе был подвергнут известный композитор, знаток казахского песенного и музыкального искусства, директор консерватории, академик А. К. Жубанов. Его вина заключалась в том, что он в своей сугубо научной книге сосредоточил внимание на обрядовых, свадебных

и праздничных темах, лишь слабо отразив классовое противостояние в репертуаре певцов и сказителей, повседневный, подневольный труд и страдания бедноты, находившейся под гнетом феодалов. Словом, «проштрафившийся» академик вместе с директорским креслом распрощался с должностью заведующего сектором искусства Института литературы и языка, вдобавок был исключен из рядов ВКП(б).

Вслед за ним бюро ЦК КП(б) Казахстана, состоявшееся 23 ноября 1951 года, рассмотрело персональное дело К. И. Сатпаева. За непризнание своей политической ошибки после публикации эпоса «Едиге богатырь», засорение Академии наук людьми, враждебными социалистическому обществу, за особое покровительство Институту истории, а также сокрытие при вступлении в ряды партии байского происхождения ему объявили строгий выговор, освободили от должностей президента Академии наук и директора Института геологии...

Из беседы с Мухамеджаном АБДИКАЛЫКУЛЫ:

ВОПРОС: Известно, что Жумабай Шаяхметулы не защищал Ереке. Скажем так, он испытывал панический страх перед редакцией главной газеты партии... Однако он не должен был отдавать на растерзание местным холоуям Сатпаева, Ауэзова, Жубанова и обязан был своим авторитетом и властью защитить их от нападков сверху. Неужели Жумеке, как честный коммунист, мое поверить всем надуманным и необоснованным обвинениям такежановых и храмковых?

ОТВЕТ: Жумеке — человек осторожный, настоящий чекист, он много лет работал в карательных органах. Газеты «Социалистик Казахстан», «Казахстанская правда» в одном из последних номеров 1937 года поместили портреты пятерых чекистов, наиболее отличившихся в разоблачении «врагов народа». Одним

из них был Ж. Шаяхметов, начальник республиканского ОГПУ. А перед назначением на должность секретаря ЦК, это было в 1938 году, он занимал должность заместителя председателя Алма-Атинского областного ГПУ. По-моему, он знал, с какой целью и кто санкционировал эти гонения 50-х годов. Вдобавок к этому, наши хваленые историки и литераторы слишком увлеклись персоной Кенесары, откровенно погрязли в утопии, рисуя казахское общество того времени как социальный рай. А это противоречило учению марксистов... Жумеке же суеверно относился к партийным догмам. У него было недостаточное общее образование, вся его учеба, верите, ограничивалась двухклассным русско-казахским училищем. К тому же Жумеке редко брал в руки книги по литературе или по истории. Однажды, когда мы ехали в Джамбул в вагоне-салоне, он пригласил меня сыграть в преферанс. Я отказался: «Жумеке, лучше посмотрите свое завтрашнее выступление или почитайте книгу, это полезнее, чем карты...» Он не на шутку обиделся и сказал: «Ладно, хочешь быть всезнайкой, тогда уж и за меня почитай!» Однако он обладал очень сильной памятью и острым, критически-аналитическим умом. Управлял республикой, как сметливый, проницательный практик, между прочим, справлялся с этим неплохо. К тому же он был честным человеком, не допускал при себе родственных связей и панибратства и ценил трудолюбивых, честных коммунистов. Я вам открою еще одну сторону его слабости: однажды Жумеке заявил мне: «Ты больше всего и постоянно мне нахваливаешь Мухтара Ауэзова, а его происхождение — ненадежное, он из белой кости, предки его аристократы — ходжа. А вот Сабит Муканов — настоящий батрак, этим он ближе мне...» — «Жумеке, ведь важно не то, из какого сословия они выходцы, а кто лучше из них пишет. Вы, вероятно, с Сабитом земляки, ваши родные аулы

расположены близко друг от друга, потому больше тянетесь к нему...» — усмехнулся я. Вот вам образчик его духовного развития.

ВОПРОС: Из ваших слов я уяснил, что в развертывании этой кампании первую скрипку играло Министерство госбезопасности...

ОТВЕТ: Это тоже горькая правда того времени. В самом начале инициатором всего был министр безопасности А. П. Бызов. Осенью 1951 года его место занял другой функционер Павел Михайлович Фитин. Для нашей интеллигенции эта замена стала роковой. Вы, очевидно, знаете, что у каждого вновь назначенного начальника бывают свои причуды, П. Фитин постоянно напоминал мне начальника из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина, нагонявшего страх на обывателей выкриками: «Разорю!», «Не потерплю!». С приходом Фитина разгул критики на страницах газет приобрел еще большую силу, усилились и притеснения тех, кто еще до этого ходил на свободе...

В декабре 1951 года был созван V съезд КП(б) Казахстана. С отчетным докладом Центрального комитета выступил Ж. ЛЛ Шаяхметов. В то время на таких форумах было заведено рапортовать о достижениях республиканских, областных, районных партийных органов, промышленных предприятий, организаций сферы транспорта, строительства, совхозов и колхозов, отмечать успехи и упущения в идейно-политическом воспитании трудящихся. И этот форум коммунистов Казахстана шел по давно наказанной колес. Все же на этот раз все выступления отличались одной особенностью — и докладчик, и выходившие на трибуну делегаты заканчивали свои победные реляции призывом покончить, наконец, с националистическими настроениями, охватившими

сплошь казахское общество и мешающими продвижению вперед, к светлому будущему. Если бы эти требования исходили от первых секретарей областных или городских, районных партийных комитетов, это можно было бы понять — их к этому обязывало служебное положение. Но когда такие лозунги повторяли передовые колхозники, простые рабочие, возникало недоумение: «Апыр-ай, как этот молотобоец успел так хорошо изучить казахскую историю или когда и где он видел на сцене драму «Хан Кене» Ауэзова?..» Ясно, бедный кузнец читал по бумажке заранее заготовленную для него речь и требовал от имени колхозников предать анафеме пасквилянтов-историков...

Мы не будем цитировать эти высокопафосные «выступления» простых тружеников, а приведем отрывок из выступления И. П. Храмкова, удивившего делегатов съезда, даже напугавшего их своей жестокостью.

«Солидная группа историков и литераторов Казахстана противопоставила себя партии, заняла воинствующую, националистическую позицию в истории, литературе, искусстве, стараясь обособить, оторвать казахскую культуру от многонациональной социалистической культуры всего Союза, протаскивая буржуазно-националистические идеи. Эта группа специально искажала исторические факты, стремясь к отделению Казахстана от России, восставшего против России Кенесары Касымова сделала одиозной фигурой. Свои враждебные планы буржуазные националисты вынашивают уже 12-15 лет, сигналы об этом давно поступали в Центральный комитет КП(б) Казахстана. Но в свое время на них не было обращено серьезное внимание.

...В середине 1948 года отдел пропаганды и агитации создал компетентную комиссию в целях установления истины о движении Кенесары. Комиссия, проделав основательную, кропотливую работу, подготовила материалы, раскрывающие неоднозначность движения Кенесары, дала ему оценку с марксистской точки зрения. Документ был вручен бывшему секретарю ЦК КП(б) Казахстана тов. Омарову, но он, как ни странно, случайно «потерял» тот материал, написание главы о движении Кенесары в готовившуюся книгу по истории Казахстана поручил снова Бекмаханову, националистические взгляды которого недавно разоблачены.

Для подготовки справки на бюро ЦК по статье, опубликованной в «Правде», была создана комиссия. Но товарищ Омаров пошел с ней на конфронтацию, отстаивал мнения, идущие вразрез со статьей. Например, на заседании комиссии он заявил, что построенное ханство Кенесары, то есть Казахское государство, сыграло прогрессивную роль. Стоит ли удивляться тому, что, используя свое положение, тов. Омаров продвигал в печать лживый труд националиста Бекмаханова...

Во время обсуждения статьи «Правды» секретарь Центрального комитета товарищ Круглов пытался объяснить экстравагантные выходки Бекмаханова его чрезмерным честолюбием, стремлением выделиться, показать свою независимость и смелость. Отсюда его спесь и высокомерие. Но правильно ли в данном случае вести речь только о его высокомерии, а не о бессовестной позиции буржуазного националиста? Конечно, неправильно! Не совсем верно сориентировался в этой ситуации и член бюро ЦК КП(б) Казахстана тов. Канапин... Если сказать честно, то в ЦК не прислушались к голосу многих коммунистов, проявивших подлинную большевистскую политическую

зрелость и бдительность, некоторые члены бюро оказались союзниками ярого националиста Бекмаханова. В этом заключается главная причина запоздалого принятия постановления по выступлению газеты «Правда»...»

* * *

После завершения VIII пленума и V съезда ЦК КП(б) Казахстана начался завершающий этап охоты за призраками. Скрытые националисты мерещились властям повсюду. У тех, кто в душе еще верил в бескорыстное служение науке, в справедливость компартии, пропала последняя надежда. Районные, городские, областные партийные комитеты, ЦК КП(б) Казахстана, не очень вникая в происходящее, основываясь на грязных, ничем не подтвержденных доносах, ополчились на ученых, педагогов, литераторов. В мгновение ока они превращались во вражеских агентов, наймитов мировой буржуазии, озлобленных противников советской власти. В разгромном постановлении ЦК КП(б) Казахстана, принятом в январе 1947 года, поименно назывались известные поэты и писатели, а также исследователи литературы: автор учебника «Казахская литература», член-корреспондент АН Казахской ССР Кажым Жумалиев, первый директор Института языка и литературы Есмаганбет Исмаилов, ученый-языковед Смет Кенесбаев, старший преподаватель Семипалатинского пединститута, ученый-абаевед Каюм Мухамедханов, знаток древней литературы Ауелбек Кобыратбаев, ученый-языковед Ахмедия Искаков и многие другие... Некоторые из них попали на крючок Министерства госбезопасности. Следователи этого учреждения знали, как выбивать из безвинного

арестанта чистосердечные признания. А «признание» вины уже означало, что преступление доказано. Эту изуверскую теорию узаконил и внедрил в советскую судебную практику еще в 1930-е годы известный юрист-теоретик А. Я. Вышинский, испытавший свое «открытие» на многих тысячах безвинных людей. Его теория и методы дознания оказались живучими и сохранились почти до 1960-х годов. Очевидно, за эту новаторскую теорию ее автор даже был избран академиком АН СССР..

Чистка в Академии наук и университете проводилась секретарями партийных организаций совместно с управлением кадров (обычно его руководителем назначался один из служащих, тесно связанных с карательной системой), в организациях составлялись «списки»: кого передать в органы, кого уволить (эти списки в народе называли «черными»), В своих воспоминаниях управляющий делами Академии наук Г. В. Нечитайло поименно называет осужденных в ходе этой кампании 12 академиков и членов-корреспондентов АН. В научном коллективе, существовавшем всего лишь пять лет, из 1,5 тысячи сотрудников 211 человек были занесены в список политически ненадежных (за «национализм», за попадание в плен в годы войны или за сокрытие именитых и богатых предков), и все они уволены с работы. В книге воспоминаний академика Ш. Ч. Чоки на «Четыре времени года» и его же документальной книге «История АИ Казахской ССР» отмечено, что в институтах и филиалах академии на местах без вины пострадали порядка четырехсот научных работников.

Кампания по выявлению политически ненадежных особенно бурно проходила в Союзе писателей: ведь в среде писателей было немало таких, кто считал себя

солью земли, думал и писал по-своему, все мерил на свой аршин, не оглядываясь на партийные установки. (Кстати, именно с такого своеволия начинается писательство, иначе как творить оригинальные произведения?) С них-то и начался отстрел неугодных. В первой шеренге их оказался талантливый поэт Калижан Бекхожин, автор поэмы «Науан батыр», признанной панегириком Наурызбаю Касымулы, родному брату Кенесары, одному из активных сподвижников предводителя восстания. В августе 1951 года Калижан Бекхожин был исключен из партии. Как участника Великой Отечественной войны его не отдали под суд, но из Союза писателей изгнали. На этот раз не избежал наказания даже Сабит Муканов, которого всегда спасало батрацкое происхождение. В конце того же года его отстранили от должности председателя правления Союза писателей Казахстана за ослабление руководства творческим союзом, притупление политической бдительности, вследствие чего был допущен выпуск в свет идейно незрелых произведений. Молодому поэту Буркуту Искакову приписали членство в националистической партии молодых «ЕСЕП» (название ее на казахском языке составляли первые буквы слов: «партия любящих родину героев»^[71]); по надуманным обвинениям были отправлены за колючую проволоку ГУЛАГа^[72] народные поэты Шакир Авенев, Танирберген Амренов, Нурлыбек Баймуратов — все трое уроженцы Семипалатинской области...

Казахстанцам неизвестен полный список пострадавших в 1951—1953 годы. Он до сих пор скрывается в архиве Комитета национальной безопасности республики. Непонятно, почему нельзя снять завесу с давно совершенных преступлений. Назвать имена стукачей и палачей, впоследствии самих заточенных в тюрьмы, попросить прощения перед

духами невинно убиенных — это сразу повысило бы авторитет страны, приобретшей ныне независимость. Но ни государственные мужи, ни казахское общество пока не отваживаются на это, отделяясь лишь отговорками: «Зачем углубляться в историю? Какая надобность ворошить давно забытые дела?..» По нашему же глубокому убеждению, надо создать книги памяти, также предать гласности все закрытые постановления бюро ЦК КП Казахстана, способствовавшие развертыванию этой дикой, позорной кампании, и поименно назвать всех без исключения ее активных организаторов и главных творцов. Хотя бы после смерти их должно постичь справедливое возмездие. Это послужило бы уроком для будущих иуд-доносчиков, они должны знать, что любой грех, совершенный ими, никогда не забудется и будет осужден судом следующих поколений. Ведь общество не гарантировано от повторения таких катаклизмов...

3

Ермухан в Новотроицком уже привык ко всяким ограничениям. Пережить их помогало душевное отношение окружающих к ученому, терпевшему притеснения от власти. В глазах сельчан он приобрел ореол мученика и страдальца...

Однажды в субботу к дому Ахметжана подъехал незнакомый пожилой казах из ближнего аула.

— Ермухан, дорогой! Бог услышал мою просьбу, моя сноха подарила мне внука, — сказал он. — Я приехал пригласить тебя в гости по этому случаю, дорогой. И еще хочу, чтобы ты подарил моему внуку свое славное имя! Потому что я желаю, чтобы мой внук стал ученым человеком, как ты!

Случай забавный. Ермухан растрогался:

— Апыр-ай, рад вашему приглашению, аксакал! Однако я...

Старец туг же прервал его колебания:

— Перестань, не надо мне никаких объяснений, ты же мужчина, чего только не бывает с нами в жизни?!..

Что делать, вдвоем с Ахметжаном они сели в его сани и поехали в соседний аул. Там, среди шумных гостей, Ермухан пришел в беззаботное настроение и с упоением пел замечательные, незнакомые в этих местах баянаульские песни, и все собравшиеся были довольны встрече с ним. А в разгар веселья к ученому поднесли виновника торжества — малыша. Приникнув к уху новорожденного, гость, по народной традиции, троекратно повторил:

— Твое имя, дитя мое, отныне будет Ерболат, Ерболат, Ерболат! — Затем обратился к хозяину дома: — Аксакал, я взял первый слог от своего имени, добавил к нему имя великого вождя в переводе на казахский язык (ер — герой, болат — сталь). Если ваш внук вырастет Ерболатом, он будет не хуже других. И еще дарю ему свою книгу, чтобы в будущем он стал историком, как я.

Когда они под утро вернулись домой, Ахметжан сгрузил с саней живого барана.

— А это что такое? — спросил вздремнувший в дороге и теперь очнувшийся Ермухан.

Ахметжан, улыбаясь, ответил:

— Сегодняшний ваш заработок, Ереке...

Когда его житье в Новотроицком наладилось, вошло в спокойное русло, Ермухан вновь открыл папку с рукописью и начал перечитывать ее с первой страницы. И странно — к нему сразу вернулось прежнее вдохновение. Некоторые главы он дополнил новыми сведениями, часть страниц переписал заново. Когда теща, жившая в Алма-Ате, перепечатала рукопись, получилось почти 800 страниц. Теперь он был глубоко убежден, что монография, названная «Присоединение

Казахстана к России», получит благожелательные отзывы и поможет ему возвратиться в историческую науку. Только бы успеть ее издать, это спасло бы его от всяких нападков и притеснений...

С помощью Ахметжана окольными путями два экземпляра рукописи удалось переправить в Москву. Теперь историк жил ожиданием доброй вести оттуда. Она пришла в середине лета. «Надо найти время и приехать...» — сообщали друзья. Но они не знали, что он так просто выбраться в Москву не может. Чтобы поехать туда, ему необходимо было разрешение, а он его вряд ли получит. Получалось, уехать можно только тайком. Но как? Ведь ни на одной железнодорожной станции ему не продадут билета...

Выручил сто и на этот раз Амир Канапин, к которому Ермухан обратился за помощью. Указав на страницу отрывного календаря, он сказал:

— Вот в этот день я еду в Москву в отдельном салон-вагоне. Состав с этим прицепным вагоном встречай на станции, только подальше от станции Чу, поедешь вместе со мной. В Москве я буду дней десять. Если успеешь, то увезу и обратно...

ЕРМУХАН, Москва, 5 июля 1952 года — Алма-Ата, ХАЛИМЕ:

«Дорогая Галочка! Соскучился по тебе. Почему стала писать редко? Как здоровье детей, о ша тоже думаю постоянно. Сообщи о своих делах, где собираешься работать? Было бы хорошо, если бы ты устроилась на работу в одну из школ Алма-Аты. (...) Здесь я нашел всех людей, которых искал. Рукопись читают, сделали разные замечания, говорят, что читали с интересом... Вероятно, и в этом году придется жить в Чу... Понятно, если Центральный комитет ВКП(б) положительно оценит мою работу, то исправится мое сегодняшнее положение. Раньше я не позволял другим

говорить лишнее, обижался на что попало, теперь считаю это глупостью. Галочка, ты пойми мое нынешнее положение, денег день ото дня становится меньше, а мне здесь надо быть до конца августа. Где я найду деньги, чтобы просуществовать как-то до этого срока, хотя бы заплатить за гостиницу? Не знаю, голова трещит. Обедаю у друзей... О моем трудном положении сообщи Серикбаю^[73], пусть как-нибудь поможет мне. Пиши почаще, это тоже для меня духовная помощь, вот уже неделю жду от вас вестей... Настроение хорошее, надеюсь на лучшее, убежден, что преодолею трудности...

Целую, твой Ермухан».

ЕРМУХАН, Москва, 24 июля 1952 года — Алма-Ата, ХАЛИМЕ:

«Дорогая Галочка! Консультировался с товарищами и сейчас сижу над рукописью. Готов продать последние штаны, но намерен ее довести до конца. После внесения отдельных поправок и изменений думаю представить в Центральный комитет. Пока с работниками ЦК не говорил, хочется идти к ним с более или менее готовой работой. У знакомых не остался жить, сама понимаешь: не хочется их стеснять. Устроился в гостинице «Гранд-отель», за сутки плачу 10 рублей. Приходится жить очень скромно, но, несмотря на это, деньги уплывают. Кроме того, вынужден часто ездить. Я просил бы, при малейшей возможности, прислать мне немного денег. Настроение хорошее, а это предвестник лучшего. Напиши, как здоровье детей и как живете. Когда думаешь устроиться на работу? Здесь говорил о твоей диссертации. Тему считают актуальной и интересной...

Передай привет Шешей и Хадише апай, крепко целую Сермушку и Ермушку. Как-нибудь думаю купить

*им игрушки и выслать с товарищами.
Вот пока все. Целую, твой Ермухан».*

Ермухан Бекмаханулы вернулся из Москвы в конце августа. Его новая монография понравилась московским историкам. С ней можно было вновь начать борьбу за соискание степени доктора исторических наук (рукопись читали академик А. Панкратова, профессора А. Кучкин, М. Рожкова и А. Доданов)...

— Однако, — предупредила Анна Михайловна, — надо дождаться решений XIX съезда партии, который созывается осенью. Обязательно во введении сослаться на его материалы. Это усилит политическую направленность монографии и покажет, что ты в своей новой работе строго придерживаешься марксистско-ленинской теории, сделал правильные выводы из критики, высказанной в твой адрес за упущения в первом труде. В начале следующего года снова вернешься в Москву, я напишу рецензию и представлю ее в ученый совет нашего института...

Ермухан горячо поблагодарил свою наставницу и по ее совету встретился с инспектором Центрального комитета партии Шикиным, отдал ему в руки экземпляр рукописи. Цековский функционер отнесся к нему с прохладцей, разговаривал с ним у входа в ЦК, наверное, хотел поскорее отделаться.

— Ладно, товарищ Бекмаханов, прочтем, покажем специалистам... — бесстрастно сказал он на прощание.

Кое-как Ермухан добрался до Алма-Аты. Встреча с семьей в какой-то мере успокоила, но ненадолго. 30 августа он решил возвратиться в Чу.

— Не знаю, почему-то не хочу ехать туда, тяжело покидать родной очаг, какая-то хандра съедает меня, — поделился с женой и тещей своей печалью Ермухан за завтраком. — Ночью я видел сумбурный сон, он тоже расстроил меня: будто бы брожу по склонам Улутау, а

навстречу мне выходит старец, в руках у него заточенное длинное копье, на поясе — кривая сабля. «Эй, дорогой, — кричит он мне, — не ходи в Кишитау, там, где раньше была ханская ставка, подстерегают тебя враги, их очень много?» И старец даже преграждает мне дорогу. А я говорю: «Уважаемый аксакал, кто вы? О каких врагах ведете речь?» Старец нахмурился и, поглаживая чисто выбритый подбородок, произнес: «Ты должен меня знать, джигит. Я главный полководец хана Кене, мы с ним ровесники, он дал мне прозвище Косе^[74], а зовут меня Агыбай. Я пришел к тебе по велению духа моего хана-владыки, хотя он пал под саблями кыргызов, дух его и сейчас витает в небесах, и он командует мной...» — «Ой, Агыбай-ага, напрасно вы пугаете меня трусливыми шакалами. Что они могут мне сделать?» — «Ты, дитя мое, оказывается, упрям, как все твои предки, — сказал старец. — Враги-то сегодняшнего казаха — не такие, какие были прежде, они не похожи на воинственных калмыков и на бородатых русских. Они никогда не будут тебя вызывать на поединок, не выйдут с тобой сражаться в открытом поле, нет. Те выродились, а эти будут стрелять тебе в спину; притом бумажными зарядами, отравленными клеветой. Так что берегись! Зачем тебе идти в Кишитау? Лучше держи направление к речке Кумоле, тогда попадешь к берегам Байконура. А там уж прямой путь в Акмечет!..» И Агыбай батыр ушел восвояси... Ну, что скажете о моем сне?..

— Сны называют в народе пометом — знаками, оставленными лисой, — отозвалась теща. — Неспроста тебе приснился главный батыр хана Кене. Значит, боевой дух их тебя берет под защиту. Однако оставаться тебе в Алма-Ате нельзя. Здесь начались аресты, кое-кого уже отправили в Сибирь... Так что поезжай зуда. Пусть утешаются твои враги тем, что

загнали непокорного Бекмаханова в глухой угол. Я считаю, ты должен отсидеться там хотя бы годика два! Мне виднее, я женщина, немало повидавшая разных горестей с малых лет...

— Ладно, Шешей, пусть будет по-вашему. Однако я волнуюсь по другому поводу... — Ермухан с тоской посмотрел по сторонам. — Среди моих книг есть много запрещенных. Не дай бог, если они попадутся на глаза чекистам. Поэтому я прошу вас, перенесите их в надежное место, подальше от дома...

— Перестань, Ереке. Такое говорить перед дорогой — не к добру... — со слезами на глазах проговорила Халима.

— Попусту не расстраивайся, дорогая, лучше сделай то, что я говорю! Заодно спрячь мои часы! — Ермухан снял с руки свои золотые часы. — Все это я делаю из предосторожности. Кто знает, что меня ждет...

Наскоро собравшись, он отправился на железнодорожную станцию. словно предчувствуя, что расставаться придется надолго, Халима взяла с собой малышей и проводила мужа до вагона. Прощание было тягостным, Ерик и Серик долго висели на шее отца. Старший без конца повторял:

— Папа, я буду скучать? Приезжай почаще!.. — От этого наивного детского лепета на душе становилось еще горше.

В тот же день Ермухан Бекмаханулы добрался до Новотроицка, остановился в доме Ахметжана Тлеубергенова. Беспокойство, охватившее его в Алма-Ате, почему-то не проходило, из-за чего он не захотел присутствовать на традиционной церемонии первого звонка. Хандра долго не отпускала и в последующие дни.

На третий день его вызвали в местное отделение госбезопасности. Как поднадзорный он был обязан ежемесячно отмечаться в городе Чу. Не так-то просто

было рядовому учителю средней школы добираться до населенного пункта, расположенного на значительном расстоянии. Надо было кланяться каждому незнакомому, просить, чтобы подвезли. Если не подворачивалось подводы, приходилось идти пешком. Но сегодня ему повезло: сосед Ахметжана дал свою лошадь...

Ермухан догадывался, что сегодняшней вызов означает не просто очередную проверку. Так и оказалось. Дежурный у двери учреждения сразу же провел его к начальнику С этим человеком, казахом средних лет в чине майора, уполномоченным Министерства безопасности по Чуйскому району, Ермухан познакомился сразу же по приезде сюда. Держался тогда он солидно, предложил присесть на стул, вежливо осведомился: «Как устроились, Ереке?» Ознакомил со здешними требованиями и порядками. И с первых дней между ними установилось взаимопонимание, которое не нарушалось до сегодняшней встречи. Попытки Ермухана оправдать свое долгое отсутствие в районе уполномоченный сразу пресек.

— Ты, Бекмаханов, оказывается, наивный человек! И брось рассказывать нам сказки о том, что ты в течение двух месяцев жил в Алма-Ате, в окружении семьи — мы не дети, чтобы играть с тобой в кошки-мышки... — взъерепенился майор.

У Ермухана ком подкатил к горлу: «Неужели я ошибся в нем...» Но решил промолчать. Нотации хозяина кабине та продолжались долго, излив свой гнев, он постучал по столу указательным пальцем и положил перед Ермуханом чистый лист бумаги.

— Где ты был, сукин сын, что делал в Москве? Пиши подробно обо всем! Каким путем доехал до Москвы, с кем встречался? Кто твои ходатаи? Конечно, ты там прикинулся казанской сиротой, которого все обижают и

притесняют. Получается, ты, сволочь, до сих пор не понял, под чье наблюдение попал?..

Ермухан с изумлением посмотрел на уполномоченного: «Ну и ловкий ты, начальник. Успел уже все разузнать, будто ходил за мной по пятам или посылал за мной своих ищеек. Если так, то почему меня не вернули с пол пути? Очевидно, они поздно спохватились и толком не знают, зачем я ездил в Москву. Потому предполагают, что ездил жаловаться. Скорее всего, так... Эх, зря я ходил в Центральный комитет партии. Я ведь наивно думал, что этот Шикин порядочный человек, даст моей работе объективную оценку. И тут я и Анна Михайловна допустили промах. После моего ухода этот чиновник, наверное, позвонил в Алма-Ату; здешним моим душегубам: «Бекмаханов опять в Москве... Он отъявленный националист, ему никак нельзя верить, он надеется опять вывернуться, уйти от наказания, доказав, что мы вес дураки, а он настоящий ученый, и таким образом во второй раз стать доктором исторических наук... И вы подумайте, надо ли ему давать возможность свободно гулять по всей стране?..».

Майор, закурив папиросу, подошел к окну и долго там стоял. Затем вышел в коридор, что-то сказал дежурному и вернулся в кабинет. Ермухан, искоса наблюдая за ним, подумал: «Сегодня он груб и непохож на себя, а вообще он человек совестливый, не лишен сочувствия ко мне...» Хотелось в это верить, но, если это не так?.. Ермухан долго и медленно подбирал выражения, чтобы писать объяснительную кратко и не давать лишний повод для претензий: «В Москву ездил зайцем с пересадками, нужно было согласовать свою новую научную работу. Рукопись мою читали ведущие специалисты Института истории. А затем встретился с ответработником Центрального комитета, ему же

вручил один экземпляр рукописи для прочтения...» — закончив, подал объяснение майору.

Майор нарочито долго читал его, а затем написал что-то на клочке бумаги и протянул ему. «Ереке, извините меня! Ваша поездка в Москву, мне кажется, осложнила ваше положение... Наши люди не знают сострадания и милосердия. Но вы никогда и ни при каких обстоятельствах не теряйте веры в справедливость. Дни, когда народ оценит ваш исторический труд, еще впереди! Не очень-то раскрывайтесь в наших стенах и крепитесь, скоро вам будет худо. Не теряйте мужества!..» — прочитал Ермухан^[75]. Ему стало не по себе, и уже другим, многозначительным, доверчивым взглядом, который был красноречивее любых слов, он посмотрел на майора. Хотел поблагодарить, но не нашел, что сказать. От неожиданности он не мог выдавить из себя ни звука... А хозяин кабинета, пальцем показав в потолок, молча предупредил: здесь надо держать рог на замке, — и забрал свою записку. Потом сказал:

— Ладно, идите!..

В гот день в Новотроицкое Ермухан вернулся поздно, когда в небе уже выпали звезды. К ужину его ждала семья Ахметжана.

— Ну как, Ереке, обошлось? — спросил Ахметжан как бы мимоходом. И тут гостя прорвало:

— Кому-то наверху мое учительство в этих местах стало поперек горла. Кажется, мне в скором времени придется менять местожительство...

— Что вы, учебный год только начался, откажитесь!

— Видимо, спрашивать об этом меня не будут... — Ермухан заставил себя силой улыбнуться. — Дорогие мои Ахметжан и милая Хадиша, обоим вам я очень благодарен за вашу доброту и участие. В тяжелые для меня дни вы приняли меня как родного брата. Этого я

никогда не забуду!.. Любите ваше дитя — маленькую Дану, пусть сопутствует ей счастье, пусть за нею у вас родятся и мальчики!

Ахметжан попытался было успокоить гостя, но тот дал ему знак — не перебивать.

— Я вам безгранично доверяю, и поэтому у меня к вам обоим настоятельная просьба... — Ермухан чуть помедлил. — В моей комнате на столе лежит толстый сверток, перевязанный бечевкой, — это последний экземпляр моей монографии. Прошу тебя, Ахметжан, сегодня же перенести ее из твоего дома в другое, надежное место! Имейте в виду, что с ней связана моя единственная надежда на возвращение в науку.

— Ереке, неужели дело дошло до этого?

— У меня нет ничего дороже этой рукописи... — Голос Ермухана задрожал. — Не мешкайте, действуйте!..

Через час Ахметжан, чуть приоткрыв дверь в комнату гостя, сообщил:

— Ереке, спите спокойно. Все шито-крыто.

Пятого сентября ранним утром к дому Ахметжана подъехала автомашина, получившая в народе зловещее название «черный ворон», из закрытого кузова вышли трое мужчин. Одним из них был тот майор — уполномоченный Министерства безопасности по городу Чу. Они показали Ермухану Бекмаханову ордер, подписанный прокурором республики А. Набаювым, на его арест. Пригласив хозяина дома и его соседа, произвели обыск, перерыли все вплоть до дровяного сарая. Однако ничего предосудительного не нашли. В конце концов молодой следователь, русский, руководивший обыском, подошел к сидевшему безучастно в своей комнате историку и, срываясь на крик, строго спросил:

— Где твоя рукопись?

— Осталась в Москве. Если у вас хватит власти, требуйте у инспектора Центрального комитета Шикина!.. — ответил историк.

— А где остальные экземпляры?

— Остальные сжег, чтобы они не достались моим противникам, чтобы они не использовали мой труд, так что вы с обыском опоздали...

Халима БЕКМУХАМЕДОВА. «Вместе двадцать лет»:

«5 сентября и у нас в доме был обыск, Я вернулась в 10 часов с вечерней работы, дверь открыта, какой-то незнакомый казах показал документ на обыск. Я догадалась, что-то случилось с Ермуханом. На мой вопрос, что с Ермуханом, они ничего не ответили. Двое мужчин и одна женщина тщательно перелистывали книги из библиотеки Ермухана, откладывали рукописный материал. Чувствую, что они тщательно ищут рукописные труды и письма^[76] коллег. А я рукописи спрятала в ящик, где лежало грязное белье. Сидя в растерянности, видимо, часто смотрела в ту сторону. Оказывается, женщина из группы обыска следила за мной. В один момент она подошла к этому ящику и вытащила оттуда большую стопку рукописей^[77]. Найдя их, почему-то очень обрадовалась. А я сидела и плакала, корила себя за свою оплошность. Мои малыши не спали, чувствуя какую-то тревогу, бегали из комнаты в комнату, передавая уже проверенные книги то мне, то бабушке. Дети тоже поняли, что случилось чрезвычайное происшествие. Под утро, где-то в 5 часов, незваные гости закончили обыск, опечатали кабинет Ермухана. Когда я подписывала протокол о проведенном обыске, только запомнила одну фамилию — Бунин. Позже я узнала, что он вел следствие по делу Ермухана'».

По нашему предположению, карательные органы в течение двух лет, начиная с осени 1950-го по сентябрь 1952-го, постоянно вели наблюдение за опальным историком и знали, где он бывает, с кем водит дружбу и что говорит окружающим его людям. Нам известно, что слежкой за Е. Бекмахановым и подслушиванием его разговоров занимались 14 человек, значит, их «уши» были повсюду^[78]. Меня в первую очередь удивило не количество соглядатаев КГБ, согласившихся следить за известным ученым, а их состав: в основном это были его коллеги по науке — ученые-историки, преподаватели исторического факультета КазГУ, аспиранты, студенты, даже государственные служащие... Их доносы настолько мелки и мерзки, что было тошно их читать, тем более вновь воспроизводить...

Допрос арестованного историка вели следователи по особо важным делам Министерства госбезопасности: старший лейтенант Бучин и Соловьев (звание последнего неизвестно). По свидетельству арестанта был еще и третий следователь, казах. «Это был настоящий садист, не человек, а зверь» — так позднее о нем отзывался сам Ермухан Бекмаханулы. (Известно, что карательные органы применяли разнообразные методы дознания: напри. мер, один следователь был мягок и участлив, он зачастую вел с арестантом доверительную беседу, постоянно подталкивая своего подопечного к компромиссу; другой был груб и жесток; а третий — садист, он выбивал признание кулаками, пытками... Обычно обвиняемый не выдерживал такой смены следователей и через месяц-другой ломался, подписывал любую липу, которую подсовывали следователи.)

Допрос Бекмаханова следователи начали с выяснения его происхождения.

— У тебя в имени и фамилии есть слова «хан» и «бек», что это значит? — спросил Бучин. — Значит, ты приходишь от казахской аристократии?

— Гражданин следователь, об этом надо спросить у моего отца, умершего, когда мне было всего шесть лет. Ясно, что я не мог сам себя так назвать... — ответил историк.

— Бекмаханов, запомни, ты от нас такими ответами не отделаешься. В 1915 году, когда ты появился на свет, у казахов вовсе не было свидетельств о рождении. А вот ты с малых лет, как говорят сведущие люди, любил слова «хан» и «бек», поэтому сам позднее приписал себе эти аристократические титулы, чтобы стоять над своими товарищами... — нес несурязицу следователь.

— Это не так, — возразил Ермухан. — Не возводите напраслину!

Неуступчивость историка рассердила следователя, и он ударил арестованного кулаком по лицу. У Ермухана из носа пошла кровь.

— Ты мне не указывай! Вопросы задаю только я, а твоя обязанность — отвечать на них! — кричал следователь.

— Вы же образованный человек, почему распускаете руки? Если вы таким путем будете добиваться у меня признания, я не буду отвечать на ваши вопросы... — заявил арестованный, вытирая кровь с лица.

— Это еще посмотрим, когда ты пару недель посидишь в нашем горячем карцере, сволочь!..

Ермухан покачал головой и примирительно ответил:

— Гражданин следователь, вы подумайте и сопоставьте факты: в школу я пошел в 1925 году, а выборы ханов в казахской степи были запрещены в 1822 году указом российского царя. Значит, слова «хан» и

«ханская власть» вышли из употребления казахов сто лет тому назад. Да и мог ли себя вообразить ханом ребенок, который из-за бедности своей до десяти лет не мог попасть в школу? Я уже понял, куда вы клоните. Вы хотите заставить меня признать, будто бы я мечтал о восстановлении ханской власти с детских лет. Нет, еще раз нет. Хоть сто раз твердите, но это обвинение ко мне не пристанет.

— Твое упрямство, Бекмаханов, погубит тебя, лучше признавайся сразу. Ты и твои аулчане считали ханскую власть ниспосланной казахам с неба, и ты не случайно со школьной скамьи заучивал поэмы-дастаны о ханах и их батырах! — не унимался следователь.

У Ермухана Бекмаханулы лопнуло терпение, и он выпалил:

— Если вы настаиваете на своем, приглашайте свидетелей, пусть они докажут мне, что я питал любовь к ханам. Учтите, я историк. Я привык любое событие рассматривать и обосновывать конкретными доказательствами...

У старшего лейтенанта были неглубокие познания не только по истории, но и вообще по основам общественных наук, но зато у него хватало упорства. Поэтому он с остервенением несколько дней подряд мучил ученого:

— Ты, негодяй, у меня еще заговоришь, когда я приглашу твоих дружков детства, они запросто припрут тебя к стенке!..

Историк не знал, что, ведя однообразные, ничего не значащие, глупые и изнурительные допросы, следователь стремился подорвать волю подследственного к сопротивлению. Это был обычный метод, выработанный карательной системой за долгие годы истязаний беззащитных узников и выбивания у них нужных признаний. Допросы историка начались 5 сентября и были закончены 15 ноября 1952 года. Два с

половиной месяца следователи, меняясь в течение суток по нескольку раз, выбивали у него признания в несовершенных преступлениях. (Мы не можем голословно утверждать, что каратели применяли пытки — так как их зверства не отражались в протоколах. Но зато мы знаем из рассказов очевидцев, в том числе Х. А. Бекмухамедовой, наблюдавших за Ермуханом в дни судебного заседания, что он выглядел осунувшимся, каким-то пришибленным, временами терялся в ответах, часто уточнял каверзные вопросы, задаваемые ему судом или прокурором, на лице видны были отеки, следы побоев... Словом, прежнего бойкого человека-трибуна, прекрасного оратора и задиристого честолюбца уже не было, будто бы его подменили смиренным, боязливым, трусливо озирающимся по сторонам двойником. Только временами он поглядывал в сторону зала, и тогда знакомые замечали прежнюю искорку в его помутневших глазах.)

Следствие по такому громкому политическому делу обычно шло пять-шесть месяцев, порой дольше, чтобы втянуть в группу обвиняемых как можно больше сообщников. Однако расследование «преступления» Ермухана Бекмаханова завершили быстро, менее чем за три месяца (!), а прокурор республики утвердил обвинительное заключение без промедления, буквально на следующий день, 16 ноября. Причин такой спешки несколько: во-первых, Е. Б. Бекмаханов был главной фигурой в политической кампании 1951-1953 годов; во-вторых, он признал свою вину, правда, отнеся ее к категории «научного заблуждения»; в-третьих, во время следствия возникло неожиданное препятствие, чего власть имущие никак не предполагали...

Дело в том, что несколько радиостанций Европы регулярно стали передавать сообщение о заключении в тюрьму известного казахского историка за выпуск в свет сугубо научной книги и предсказывали, что он

вскоре будет осужден на много лет и отправлен в Сибирь. Эти довольно правдивые сообщения породили в народе и за рубежом множество слухов и кривотолков и привели в замешательство главных организаторов этого процесса. Испугавшись, они торопили судебные органы закончить его...

Халима БЕКМУХАМЕДОВА, из воспоминаний «Вместе двадцать лет^[79]:

«2 декабря 1952 года состоялся суд. Я всегда была настороже и каким-то чудом узнала об этом. Стояли морозные дни. Я тепло оделась и рано утром отправилась к зданию Верховного суда Казахской ССР (оно тогда находилось на пересечении улиц Гоголя и 8-е Марта). Я сидела в коридоре, мимо меня проходили, не здороваясь, Мамутов, Жумин, Чижов, Шоинбаев, Кузнецов, Тулекеева и еще кто-то...

Ермухана привели под конвоем четверых солдат. Он хотел было приблизиться ко мне, и я бросилась к нему, но нас разняли.

Ермухан, вероятно, очень волновался, опасаясь, что я могу высказать какое-то недовольство, поэтому он позднее попросил охранника-казаха, чтобы он предложил мне молчать. Я передала через него Ермухану, что я сижу спокойно, молчу. Пусть он не беспокоится. Ермухан отказался от адвоката: «Я сам смогу себя защитить», — сказал он. Но все равно ему назначили адвоката Кожабергенова, явно человека КГБ».

В Алма-Атинском архиве Комитета национальной безопасности хранятся две папки под номером 699, в каждой подшито более трехсот страниц. В первой — доносы агентов, отчеты о скрытных наблюдениях за Бекмахановым. Во второй — судебные материалы^[79].

Мы воспроизводим здесь наиболее существенные отрывки из них.

Итак, 2 декабря 1952 года начался суд над историком Е. Б. Бекмахановым.

КУРАПОВ. государственный обвинитель:

...Своевременная, по-большевистски острая статья газеты «Правда» помогла выявить действовавшую у нас в течение долгих лет буржуазно-националистическую группу. Стало известно, что ей были чужды наш образ жизни, социалистическое государственное устройство, в котором организующей, руководящей и направляющей силой является коммунистическая партия. Своими действиями они подрывали морально-политическое единство советского народа, наносили непоправимый вред социалистическому строительству. Активные члены этой группы Сулейменов, Исмаилов, Мухамеджанов (ошибка, по-видимому, он имел в виду К. Мухамедханова — доцента, известного абаеоведа Семипалатинского пединститута. — М. С.) уже осуждены по статье 58-10 пункт 2 и лишены свободы на 25 лет. Подстрекателями и вдохновителями этой группы вредителей-националистов являлись их «вожди» М. Ауэзов, С. Муканов, К. Жумалиев и другие, в ближайшее время за свои тяжкие преступления, я думаю, они получают по заслугам.

Сегодня коллегия Верховного суда Казахской ССР рассматривает дело Ермухана Бекмаханулы Бекмаханова, особо опасные преступления которого доказаны многочисленными фактами и показаниями свидетелей, за что он исключен из рядов компартии, а также лишен ученых степеней... Бекмаханов в своих научных трудах в течение длительного времени преднамеренно широко пропагандировал потомка хана Аблая — Кенесары Касымова... представляя его борцом

за свободу и независимость казахского народа. Таким образом, Бекмаханов, грубо извратив исторические факты, придав им националистическую окраску, в течение десяти лет сбивал с толку научную интеллигенцию, специально создавая путаницу в истории Казахстана. По сути, это была провокация, направленная на разжигание розни между казахским и русским народами. Его неоднократно по-товарищески предупреждали устно и печатно, но он все благие пожелания упрямо отвергал. С целью переубедить его и заставить отказаться от ошибочных взглядов в свое время были организованы научные дискуссии, притом неоднократно, однако с помощью своих приверженцев-коллег он всегда ухитрялся отстоять свою открыто враждебную нашему обществу теорию. В настоящее время все его единомышленники разоблачены, все до единого строго наказаны, большинство из них исключены из рядов компартии, отстранены от научной работы. Против некоторых возбуждены уголовные дела.

Во время следствия Бекмаханов свои политические ошибки полностью признал...

Пользуясь предоставленными мне полномочиями государственного обвинителя, с целью пресечения в дальнейшем преступных действий Бекмаханова, направленных на разложение социалистического общества изнутри, я прошу коллегия Верховного суда Казахской ССР вынести ему приговор по статье 58-10, пункту 2 Уголовного кодекса.

БЕКМАХАНОВ, обвиняемый: Признаю себя виновным в том, что переоценил и представил в ложном аспекте реакционно-феодалное движение Кенесары Касымова... Если перечислять всех, кто считал Кенесары героем, то можно назвать десятки литераторов и историков, да еще добавить к ним всех деятелей государства и компартии, могу составить

список, уверяю членов коллегии, что в нем наберется более сотни имен...

МАМУТОВ: Обвиняемый Бекмаханов, не бросайте тень на весь народ, говорите о своих преступлениях!..

БЕКМАХАНОВ: Моя вина заключается в том, что, в отличие от других, я только более основательно исследовал движение, возглавленное Кенесары. И что странно, пока моя книга о нем не увидела свет, это было в 1947 году, никто мне не сказал, что мои выводы сомнительны, скороспелы, а труд мой направлен против политики государства... Следователь устроил мне очную ставку с историками Бекком Сулейменовым и Тлеукажы Шоинбаевым. Сулейменов при встрече утверждал: «Я предупреждал тебя, что ты на скользком пути, но ты проявил упрямство и не прислушался к моим словам...» Я возразил ему и сейчас заявляю: никогда не было такого разговора. Шоинбаев тоже говорил, что он по-товарищески предостерегал меня — это ложь. Тлеукажы Жанайулы в мой кабинет заходил только скандалить. Разве можно в такой обстановке обсуждать научные проблемы? А что касается свидетельского показания против меня историка Шахматова, то оно сделано с перепугу после выступления газеты «Правда». В действительности же, когда он читал мою книгу, то льстил мне, мол, я смелый исследователь, герой нашего времени. В кабинете же следователя он наговорил на меня всякую ерунду...

Осенью 1952 года доктор филологических наук Есмаганбет Исмаилов, обвиненный в национализме и осужденный на 25 лет, попал в Семей. Река Иртыш, протекая через город, на подступах к бывшему областному центру разделяется на два рукава, образуя остров длиной пять и шириной около двух верст. В глубине этого острова в 1930— 1960-х годах была размещена окруженная вышками специальная колония

ГУЛАГа дня инвалидов. Попавшие туда зэки шили кирзовые сапоги, тапочки, таким образом зарабатывали себе гроши на пропитание. Е. Исмаилов, инвалид второй группы, с рождения горбатый, изготавливал здесь стельки для обуви. Неожиданно бывший директор Института языка и литературы АН Казахской ССР был препровожден в Алма-Ату.

Инвалида-зэка под охраной ввели в зал суда.

ИСМАИЛОВ, свидетель: Я знаю Бекмаханова с 1941 года, несколько месяцев мы, сидя бок о бок за одним столом, писали «Историю Казахской ССР». Как единомышленники, мы понимали друг друга с полуслова... В феврале 1948 года я был в Москве в научной командировке. Однажды Ермухан и Бек Сулейменов, тоже находившийся там, пригласили меня в ресторан «Европа». За столом, возможно, от употребления спиртного, они повздорили между собой. Тогда Сулейменов сказал: «Ты скучаешь по бывшим ханам, потому что ты их отпрыск...» Бекмаханов вспылил: «Ты и сейчас показываешь свое рабское происхождение. Уступив написание истории народа русским, ты продал свою веру за дешевые удовольствия, за их вонючую водку.

МАМУТОВ: Обвиняемый, признаете свои слова?

БЕКМАХАНОВ: Посещение ресторана «Европы» было, все остальное — вранье. Есеке, возможно, устал с дороги. Наверное, ему за это обещали свидание с семьей... Я не мог говорить такую чушь. Потому что родословная Сулейменова гораздо знатнее моей, его предки были богатыми, а мои существовали, день и ночь работая на баев... А наш спор тогда возник совсем по другому поводу. Ес-ага, напомню вам: мы с Беком говорили об отношении к истории, спорили о том, что сюда не должна вмешиваться политика, потому что, как

говорят на Востоке, сам Аллах не может изменить прошлого!

ГУМАРОВА, свидетельница: Я в то время была младшим научным сотрудником Института языка и литературы. Во время сдачи кандидатского минимума зашел Бекмаханов, слушая мой ответ, он вмешался: «Ты считаешь движение Кенесары Касымова феодально-монархическим, а не народным. Это ошибочная позиция...» Через несколько дней, случайно встретив меня перед кинотеатром «Алатау», спросил: «Как сдала экзамен?» Я показала ему пять пальцев. «Вашему замечанию мои экзаменаторы не придали значения, наоборот, похвалили за то, что я крепко стою на своем... и потому поставили отличную оценку», — ответила я. Он посмотрел на меня неодобрительно.

КУРАПОВ: Обвиняемый, что скажете на это?

БЕКМАХАНОВ; Ее я вообще не знаю. Я не имел никакого отношения к экзамену литератора. Она путает меня с кем-то другим...

КУРАПОВ: В связи с разногласиями прошу пригласить в зал суда доцента КазГУ, литературоведа Бейсембая Кенжебаева.

КЕНЖЕБАЕВ, свидетель: Хорошо знаю и Бекмаханова, и Малике Гумарову. И отчетливо помню день сдачи ею экзамена по литературе. Однако присутствовал ли на нем историк Бекмаханов — запомнил, мне кажется, Малике ошибается...

ТОХТАРОВА, свидетельница: В 1949 году под руководством Бекмаханова я писала дипломную работу на тему «Движение Кенесары Касымова». Вначале мое мнение об этом движении было совершенно негативным, но он предупредил меня: «Если напишешь не так, как я требую, то не дам тебе вовсе защититься, и твоя пятилетняя учеба пойдет насмарку, даю три дня, подумай!..» — и выгнал меня из кабинета. Через три дня

пришла, сказала ему, что отказываюсь от своего прежнего убеждения. Иначе нельзя было поступить...

БЕКМАХАНОВ: Милая Зия, слова, которые ты сейчас произнесла, отвернувшись в сторону, прошу тебя повторить, прямо глядя мне в глаза. Потому что, вижу, ты говоришь то, чему тебя научили, с чужого голоса. А тебе в тот раз только сказал, что эта тема для тебя весьма трудная, не справишься. Потому что у тебя по истории были неглубокие знания...

МАМУТОВ: Обвиняемый, вы оскорбляете свидетеля!..

БЕКМАХАНОВ: Зия была моей воспитанницей, с моей помощью она кое-как защитила дипломную работу. На мое доброе отношение к ней, как девушке-казашке, она ответила черной неблагодарностью, чем меня очень расстроила, извините!..

НУРКАНОВ, свидетель: Этот человек не признавал никого, кроме Кенесары, героем считал его, лучшим казахским полководцем. На исследовании истории движения Кенесары он построил всю свою научную карьеру. Приведу наглядный пример: однажды, когда мы сидели в его кабинете в Институте истории, возник спор: «Кто, мол, настоящий батыр у нас? Амангельды или Кенесары?», — поспорили несколько человек... Тогда Бекмаханов с презрением заметил мне: «У твоего однородца Амангельды всего сарбазов-то было не больше, чем в одном лишь разведывательном отряде Кенесары. Зачем ты сравниваешь их? Они совершенно разные люди...» Мои слова о том, что Амангельды — не из ханского рода, а выходец из простого народа, вызвали у него раздражение, и он не стал даже меня слушать...

БЕКМАХАНОВ: Аяпа Нурканулы я уволил в 1947 году, открыто сказав ему, что в Институте истории ему нечего делать, потому что для исследовательской работы у него не хватало общего кругозора и знаний. Это видно и по сегодняшнему его выступлению. Как

можно сравнивать людей, живших в разные эпохи, разделенных семьюдесятью-восемьюдесятью годами? В тот день, когда он уходил из института, он пригрозил мне: «Я когда-нибудь отомщу тебе, запомни!» Как видите, он это сегодня исполнил с великим удовольствием...

МУХТАРОВ, свидетель: Под руководством Бекмаханова я защитил дипломную работу на тему «Казахское общество в XIX веке». В ней я утверждал, что присоединение Казахстана к России для нашего народа имело большое прогрессивное значение. Как раз это место в моей работе мой руководитель заставил переписать заново, и мне пришлось проблему присоединения объяснить более критически... Поэтому, Бекмаханов, как историк, в воспитание молодежи принес большой вред. По этой причине, уважая его как своего наставника, не могу оправдать его злостные действия по искажению нашей истории...

БЕКМАХАНОВ: Дипломная работа этого джигита хранится в библиотеке университета, я прошу коллегия суда запросить ее и провести научную экспертизу. Если на самом деле я настоял на такой негативной поправке, пусть свидетель Мухтаров Аян покажет это место в своей рукописи. А здесь он говорит неправду, потому что я не мог давать своим ученикам такие нелепые, возмутительные советы. Я ведь в этом году закончил новую монографию по этому же вопросу, где более чем на восьмистах страницах убедительными фактами доказывается прогрессивное значение присоединения Казахстана к России...

Когда Ермухан Бекмаханулы вернулся из Сибири, Аян Мухтаров пришел к нему домой и просил прощения за лжесвидетельство: «Я не должен был вас подставлять. Именно вы пробудили своими убеждениями у меня интерес к истории. Вместо того

чтобы сказать «спасибо» за ваше наставничество, я сделал подлость. Объясню, почему. Однажды ночью пришли ко мне два человека и предложили выйти на улицу. Оказалось, они из тайной службы. Продержали меня трое суток в темной каталажке, требовали выполнить то, что скажут. Это было примерно за неделю до начала суда над вами. Ради спасения своей шкуры пришлось выполнить их требования, поэтому и нес на суде нелепости...»

Ереке, как вспоминает Халима Адамбеккызы, сказал ему: «Ладно, браток, я прощаю тебя. Даже если бы ты и не свидетельствовал против меня, все равно меня бы осудили. Спасибо тебе за то, что ты хотя бы покаялся. Однако, кроме тебя, передо мной никто не извинился... А ведь каждое лжесвидетельство их — зарубка на моем сердце. Что поделаешь, такова натура этих людей. И это также прискорбная особенность нашего сурового времени...»

ШОИНБАЕВ. свидетель: *...После защиты Бекмахановым докторской диссертации на партийном собрании в Институте истории я подверг резкой критике научные выводы, положенные им в основу главного его труда, я тогда сказал, что они политически не выдержаны, потому не только ему, соискателю, но и всем его коллегам придется расплачиваться за его ошибки. Бекмаханов в тот раз возразил, что партийное собрание — не место для научных диспутов и такому злопыхательству не надо давать дорогу... После этого в один из дней, пригласив меня в кабинет, при Нурканове Ляпе он потребовал, чтобы я перестал спорить с ним, иначе в этом институте останется один из нас. Притом это было сделано в грубой форме... В 1946 году Елток Дильмухамедов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Восстание Кенесары Касымова...». Бекмаханов на его работу дал хвалебную рецензию, он считал эту тему*

своей собственностью, если кто-нибудь из его коллег отступая в сторону от его научной концепции, тех он постоянно преследовал и притеснял. Например, мою отрицательную рецензию на работу Дильмухамедов а он не вынес на рассмотрение коллег, а заставил спрятать.

БЕКМАХАНОВ: Все, что говорит этот свидетель, от начала и до конца — сплошные выдумки... Добавить к ранее сказанному мне нечего...

ШАХМАТОВ, свидетель: ...В 1947 году я готовил доклад о буржуазно-националистических движениях в Казахстане. После ознакомления с его текстом Бекмаханов, вызвав меня в свой кабинет, упрекнул: «Вы до сегодняшнего дня не отрешились от великорусского шовинизма. Ваш доклад напоминает выступления черносотенцев кадетской партии, серьезно утверждавших, что у вошедших в подчинение России инородцев нет ни культуры, ни истории. При чтении вашего доклада я понял, что вы не уважаете наш народ и не желаете, чтобы у него была своя история. С такими косными, допотопными взглядами вы не можете работать в нашем институте...» — заключил он... Одним словом, с того дня наши отношения испортились. Общественности известно о самонадеянности Бекмаханова, он считал себя лидером среди историков Казахстана. Самое скверное, свой национализм Бекмаханов проявляя не только в научных работах, но и в повседневной жизни.

БЕКМАХАНОВ: Признаю. Такая стычка имела место. Однако на содержании доклада это не отразилось. Доклад был прочитан в том виде, в каком был подготовлен. Во время дискуссии я о нем не обмолвился ни словом, свое мнение открыто высказал в кабинете. Там же сгоряча я назвал Шахматова шовинистом. Подумав, я попросил прощения у Виктора Федоровича. Он простыл, и мне непонятно, почему он снова

вспомнил свою старую обиду спустя пять лет на судебном заседании...

ТАКЕЖАНОВ, свидетель: Я недолго руководил отделом музея Института истории. Бекмаханова знаю с тех пор, этот человек отроду националист и страстный поклонник Кенесары. Если собирались два-три человека, то он постоянно говорил, что у казахов теперь нет равного Кенесары батыра, такой смельчак больше не родится, что мы все измельчали. Он наизусть читал стихи алашордынских поэтов о Кенесары. Продолжал читать их и когда перевелся в КазГУ. Под его влиянием некоторые студенты университета допускали националистические выходки, поведение таких, например, студентов, как Жакыпбеков, Асылбеков и Абишева, обсуждалось на партийном собрании...

ЕЛЕУОВ, свидетель: Друзья, с которыми Бекмаханов часто общался, ходил в обнимку, — это Варшавский, сосланный в Алма-Ату по политическим мотивам, и Дильмухамедов, недавно исключенный из рядов компартии за национализм и тоже лишенный своего научного звания... Не зря говорят: с кем поведешься — от того и наберешься; Ермухан Бекмаханов тоже недалеко ушел от своих нечистоплотных и аполитичных дружков.

В протоколе суда отмечено, что преподаватель КазПИ Чижов также подтвердил националистические взгляды обвиняемого, но его выступление не зафиксировано. Опять же не сказано, о чем говорила свидетельница Тулекеева. По словам очевидцев, ее выступление было очень дерзким. «Бекмаханов честно признал свою вину в том, что ошибся в научной трактовке восстания. Он известный историк, горячий патриот Родины, я не понимаю, за что же его судят?» — заявила она на суде. Ес неожиданная смелая выходка вызвала шок в зале, многие позднее восторгались ею:

«Она сделала то, что не могли сделать мужчины. Она не испугалась грубого окрика прокурора, проявила твердый характер. Словом, молодчина!..» Наверное, поэтому ее слова не внесены в протокол заседания.

КУРАПОВ, из заключительного слова обвинителя:
Преступление обвиняемого в ходе судебного заседания полностью доказано. Против Советского государства он действовал не один, вокруг себя организовал большую группу... Поэтому прошу коллегия суда вынести строгий приговор, применив к Бекмаханову наказание по статье 58-10, пункт 2 Уголовного кодекса, с конфискацией в пользу государства принадлежащего ему имущества.

(Между прочим, кощунственно-нелепые слова прокурора, например: «Если историк Бекмаханов будет осужден на 25 лет, то это станет наглядным уроком для всей казахской интеллигенции, и вся она без колебаний повернется лицом к интернационализму!..» — в протоколе отсутствуют. Также в протоколе нет сенсационного заявления обвинителя, с большим апломбом произнесенного 4 декабря, о том, что «Известная своей враждебностью к СССР радиоккомпания «BBC» Великобритании в сообщении из Лондона, переданном на русском языке, снова информировала своих слушателей о том, что в Алма-Ате идет суд над казахским историком, профессором Бекмахановым, смело бросившим вызов коммунистическим догматикам своей оригинальной книгой. Все приглашенные свидетели на это судебное заседание — коллеги историка, осужденные за политические преступления, или наемные агенты КГБ». «Спрашивается, — с недоумением вопрошал воинственный прокурор, — кто направил это сообщение в далекую Англию? Естественно, возникает законный

вопрос, чьи интересы защищает этот анонимный корреспондент-злопыхатель? Почему иностранная радиокompания так рьяно заступает за лживого историка и превозносит его гнусную по содержанию книгу, чрезмерно восхваляющую коварного отпрыска Аблай-хана, в лице Кенесары Касымова, заклятого врага казахского народа? Очевидно, историк Бекмаханов своим зловещим трудом, написанным в националистическом духе, играет на руку иностранным капиталистам, льет воду на их пропагандистскую мельницу. Поэтому я призываю коллегия суда строго наказать Бекмаханова...»)[80]

КОЖАБЕРГЕНОВ, адвокат: При вынесении приговора Е. Бекмаханову прошу учесть известность в народе моего подзащитного и его научные заслуги.

Последнее слово Е. Б. БЕКМАХАНОВА: ...В начале войны товарищ И. В. Сталин призвал в борьбе с вероломным врагом брать пример с легендарных народных героев. В то время я работал в группе агитаторов ЦК КП(б) Казахстана и принял участие в подготовке обращения к казахским воинам-фронтовикам, в котором в качестве примеров доблести и мужества были названы известные народные батыры, в их числе Кенесары и его брат Наурызбай. После этого я занялся углубленным исследованием движения Кенесары Касымова. И еще скажу: мне дали творческий отпуск на три месяца с сохранением зарплаты, чтобы я ускорил свои исследования движения Кенесары Касымова. В результате мой первый труд по этому восстанию вошел отдельной главой в «Историю Казахской ССР», затем я защитил кандидатскую, а за ней и докторскую диссертации, выпустил книгу. После окончания войны и победы над немецкими захватчиками патриотический порыв пошел на спад. И

народный герой Кенесары Касымов вдруг стал отъявленным врагом. Вот почему я сегодня нахожусь на скамье подсудимых как политический преступник... И должен нести суровое наказание за свои прежде одобренные и даже расхваленные научные труды. Разумеется, в оценке движения Кенесары Касымова с научной точки зрения я на самом деле допустил перегиб, признаю... Однако прошу коллегия суда учесть и то, что во время разбора на этом заседании мне приписали много лишнего, в частности, Шоинбаев, Шахматов, Елеуов, Исмаилов, Такежанов, Иурканов и некоторые мои бывшие ученики явно перестарались, доказывая мои «преступления», и приводили в пример поступки, которые я не совершал, и слова, которые я никогда не говорил, сочиняли небылицы, преподносили «жареные» факты с целью окончательно утопить меня в болоте национализма. Я никогда не вел разговоров антисоветского характера, как утверждали во время следствия свидетельница Х. Г. Айдарова и С. Е. Толыбеков. Пусть неверные измышления останутся на их совести. Я никогда не был врагом своему народу и, уверяю, никогда не буду. Мне предъявлено тяжелое обвинение... Я признал свои ошибки на собрании интеллигенции, на партийном собрании университета. Прошу коллегия суда принять это во внимание при вынесении мне приговора, а также учесть причины, породившие мои заблуждения. Ведь я еще не потерянный для общества человек. Еще могу принести пользу советскому народу. Я глубоко осмыслил бесперспективность моих прежних взглядов, их вред. Более десяти лет я состоял членом компартии, не имел ни одного взыскания. Прошу суд дать мне возможность работать на свободе. Я еще в состоянии оправдать ваше доверие на деле и принести пользу Родине честным трудом, искупить свою вину!..

«ПРИГОВОР

именем Казахской Советской
Социалистической Республики

4 декабря, 1952 г, город Алма-Ата

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР в составе: председательствующего, члена Верховного суда Казахской ССР А. Мамутова, народных заседателей Д. Джунусовой и Р. Жулина, с участием прокурора А. Курапова и адвоката Кожабергенова, при секретаре Н. Степановой, рассмотрев со 2 по 4 декабря в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению БЕКМАХАНОВА ЕРМУХАНА, 1915 года рождения, уроженца аула 10 Баянаульского района Павлодарской области, казаха, гражданина СССР, из семьи крестьянина-бедняка, бывшего члена ВКП(б), исключенного за националистические взгляды, имеющего высшее образование, работавшего до ареста преподавателем Новотроицкой средней школы Чуйского района Джамбулской области и обвиняемого по ст. 58-10 часть 11 УК РСФСР, установила:

материалами предварительного следствия, проверенного судебным разбирательством, доказано, что обвиняемый Бекмаханов, используя свое служебное положение научного работника в области исторической науки, в течение 1942-1951 годов, извращая и фальсифицируя исторические факты, в своих работах, выступлениях пропагандировал буржуазно-националистическую идеологию, восхвалял феодально-байский строй и его реакционных ханов и султанов, боровшихся против русского народа и стремившихся сохранить средневековые порядки в Казахстане. Для обоснования своих буржуазно-националистических взглядов использовал произведения реакционных поэтов, а также врагов народа — алашордынцев, боровшихся против советской власти. Эту же

националистическую идеологию насаждал и среди своих знакомых.

Предъявленное ему обвинение Бекмаханов полностью признал на судебном заседании. Кроме того, оно подтверждается показаниями допрошенных на суде свидетелей и заключениями экспертизы.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, коллегия ПРИГОВОРИЛА: Бекмаханова Ермухана по ст. 58-10^[81] часть 2^[82] УК с санкцией ст. 58-2^[83] подвергнуть 25 (двадцати пяти) годам заключения в исправительно-трудовом лагере, с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Считать его отбывающим наказание с 5/IX 1952 г., т. е. со дня заключения под стражу. Вещественные доказательства хранить при деле. Приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит».

Итак, произошло то, чего с первых дней преследования добивались недруги Бекмаханова. Звезда, только недавно взошедшая на небосклоне казахской исторической науки, закатилась. Судьба замечательного историка решилась всего-навсего за три дня. И он, под дулами винтовок тупых и равнодушных ко всему охранников, отправился в далекие края, откуда, как правило, из тысяч возвращались только единицы.

В ту пору ему исполнилось всего 37 лет. Его недоуменный вопрос: «За что, в чем моя вина?» — остался без ответа. И действительно, за что, за какое преступление он осужден на четверть века? Из речи прокурора, показаний десяти свидетелей, приглашенных на процесс, также из судебного приговора мы об этом толком так и не узнали. То, что

произошло на суде, не укладывается в голове, напоминает средневековый суд над человеком, впавшим в ересь по наущению дьявола. Тогда считалось, что он находится во власти богов прошлого, служит им, причиняя людям вред, насылая на них порчу, всякие беды и несчастья, и потому кара, постигавшая его, была беспощадной. Об этом исчерпывающе написано в классическом инквизиторском труде «Молот ведьм».

Вслед за Бекмахановым казахстанские инквизиторы взялись и за других ученых-гуманитариев, спешно изолируя их от общества. Эти меры, как ни странно, назывались, по признанию прокурора А. Курапова, «воспитанием советской интеллигенции в духе коммунистических идеалов».

Халима БЕКМУХАМЕДОВА «Вместе двадцать лет»:

«4 декабря мне разрешили присутствовать при оглашении приговора. Ермухан смотрел на меня со слезами на глазах. Услышав приговор, он совсем расплакался. Как тут сдержаться, когда вынесен жестокий, несправедливый приговор, не оставивший и проблеска надежды на будущее, лишивший всего, что было дорого. Конвойные, не дав нам возможности попрощаться, его сразу забрали...

Не помню, как я добралась до дома, всю дорогу плакала. Дома нельзя было показывать слезы, нельзя было расстраивать маму, тетю и детей. Хотелось бежать из Алма-Аты, спасти Ермухана, чем-то помочь ему, облегчить его участь. Не дождавшись увольнения, я сама подала заявление об уходе из Женского пединститута, но пока вела занятия в строительном техникуме и работала воспитателем в интернате № 72 Боялась, когда вызывая меня завуч, мне казалось, что он скажет: «Вы жена врага народа, мы должны уволить вас». Многие сторонились меня, остерегались

разговаривать, да и я сама не хотела причинять людям неприятности. Конечно, были и порядочные люди, которые сочувствовали. Директор интерната № 12 Анна Александровна Бурлова поддерживала меня, не показывала виду, что она все знает. Чувствовалось, что и у нее были сложности, похожие на мои. До конца, пока я сама не уволилась, она с уважением относилась ко мне, хвалила, ставила меня в пример другим воспитателям...»

* * *

В августе 1952 года был созван VI съезд Коммунистической партии Казахстана. В отчете об этом съезде газета «Правда» привела цитату из выступления министра госбезопасности Казахской ССР П. М. Фитина: «...острая и непримиримая борьба с буржуазными националистами является важной задачей коммунистов Казахстана. Национализм, как и проявление терпимости к нему, наносит большой вред делу партии, укреплению дружбы народов, воспитанию трудящихся в духе интернационализма. Между тем даже в аппарате ЦК КП(б) Казахстана нашлись люди, которые скрывали националистические настроения некоторых реакционеров. Заместитель заведующего идеологическим отделом Жарылгапов всячески препятствовал разоблачению буржуазно-националистических проявлений в коллективах, так же поступали директор издательства художественной литературы С. Сеитов, редактор журнала «Литература и искусство» К. Жармаганбетов». Судя по материалам главной газеты страны, борьба с национализмом не ослабевала — это отражено в постановлении съезда.

Той же осенью 1952 года состоялся XIX съезд КПСС. Миллионы заключенных, мучившихся в лагерях ГУЛАГа,

возлагали большие надежды на этот съезд, с нетерпением ждали всеобщей амнистии. Однако их надежды не оправдались. Очередной съезд коммунистов Советского Союза подвел итоги борьбы и побед советского народа, наметил программу дальнейшего движения вперед. Признал необходимым в условиях капиталистического окружения неуклонно повышать революционную бдительность коммунистов и всех трудящихся, давать решительный отпор проискам классовых врагов.

Резолюции XIX съезда для ЦК КП Казахстана стали законом, по которому надо было действовать, не давая пощады враждебным элементам. На заседании бюро ЦК КПК были намечены мероприятия по реализации установок ЦК КПСС, разумеется, не разглашавшиеся в открытой печати.

Контроль за исполнением их был поручен новому секретарю ЦК КП Казахстана, ответственному за идеологическую работу — Мухамедгали Аленулы Сужикову и члену бюро, министру безопасности П. М. Фитину.

М. А. Сужиков родился и воспитывался в семье потомственного астраханского рыбака Шужыка, как отмечено в его биографии. С двадцати лет активно участвовал в партийной и советской работе, проводимой среди населения Володарского района этого края. После окончания московской Высшей партийной школы в 1948 году его избрали секретарем Актюбинского обкома партии, через некоторое время Мухамедгали Аленулы дорос до первого руководителя этой области. По анкетным данным М. А. Сужиков был исполнителен и аккуратен, отличался деловитостью, настойчиво добивался исполнения партийных решений... И вот теперь, когда ему перевалило за 40 лет, на счастье или на беду, ему, как энергичному

партийному вожаку поручили «самый слабый участок в партийной организации в Казахстане», как отмечалось в частых выступлениях «Правды». И он должен был побольшевицки завершить политическую кампанию, развернутую здесь в последние два года...

Мухамедгали Аленулы отчетливо понимал важность и политическое значение этой задачи. Поэтому с осени 1952-го до первой половины следующего года, в период, когда особенно рьяно «искали и выявляли самых оголтелых националистов, очищали от них казахстанское общество», и он старался беспощадно разделываться с ними. В первую очередь новоизбранный секретарь удалил из отдела пропаганды и агитации ЦК и подведомственных учреждений «беспечных» и «нечестных» коммунистов, поименно названных министром безопасности с трибуны съезда (кроме И. П. Храмкова), Затем в ежовые рукавицы взяли самых отъявленных вредителей...

Николай АНАСТАСЬЕВ «Мухтар Ауэзов» (М.: Молодая гвардия, серия «ЖЗЛ»):

«В 1952 году в Москве вышел небольшой критико-биографический очерк, посвященный творчеству Ауэзова. (...) Книжка, надо признать, вполне средняя, и написана тускло, и мысль неглубока, и скучного пересказа куда больше, чем анализа. Но так тогда принято было писать. Сам факт появления монографии — признание общественного статуса и достоинства писателя. Как правило, такие сочинения проходили незаметно.

Но очерк З. Кедринной заметили, или, вернее сказать, он случайно пришелся ко времени в какой-то идеологической кампании, может, и политической игре, связанной с неизменно болезненными национальными отношениями. Нужен был отрицательный пример — вот

и подвернулась под руку эта скромная книжки. Откликнулась на нее сама «Правда», да не стострочной рецензией, а большой, установочной, как тогда говорили, статьей, суть которой была заключена уже в заголовке: «Величание вместо критики». «Героем» ее, помимо Мухтара Ауэзова, сделался Сабит Муканов, тоже, на беду свою, удостоившийся рецензии на недавно вышедшую в Алма-Ате монографию.

Статья в «Правде» напечатана 30 января. На следующий день ее воспроизводит «Казахстанская правда» Профессора, академика Мухтара Ауэзова увольняют «за буржуазно-националистические ошибки» из университета^[84], затем из Института литературы и языка, где он много лет руководил сектором фольклора, какие-то карательные меры принимаются и по линии АН. Ближайший выпуск ее «Вестника» открывается статьей некоего кандидата филологических наук С. Нурушева, в самом названии которой слышится барабанный грохот войны: «До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая».

Если внимательно вникнуть в творческую лабораторию и деятельность в разные периоды жизни Мухтара Ауэзова, то нетрудно будет заметить его националистические «грехи». С первых дней создания и до 1919 года он открыто поддерживал правительство Алашорды; он также был одним из двоих начинающих литераторов, редактировавших литературно-общественный журнала «Абай», который издавался в Семее (вторым был ныне реабилитированный, признанный классик казахской литературы Жусупбек Аймауытов, к сожалению, расстрелянный в 1930 году как националист). Во время очередной чистки Мухтар Омарханулы в 1920 году был исключен из рядов

компартии, после того случая он ни разу до конца жизни не изъявил желания вступить в партию, что представляло его в неблагоприятном свете. Мало того, по политическим мотивам в 1930 году больше года сидел в тюрьме, затем вышел на свободу, опубликовав покаянное письмо в печати, в котором признал ошибочность своих прежних националистических взглядов, безоговорочно принял большевистскую платформу и отказался от всех своих до этого опубликованных литературных произведений, клятвенно обещал, что впредь будет всецело придерживаться линии большевистской партии...

Партия и советское правительство гуманно отнеслись к его заверениям, учитывая его большой талант. Он был автором исторической драмы «Хан Кене», проникнутой национальным колоритом и патриотизмом, где по-своему воспевался героизм Кенесары Касымова. Кстати, еще в 1934 году краевой партийный комитет Казахстана, обсудив эту драму, не разрешил ее показ на сценах местных театров. В принятом постановлении было отмечено, что она пользы зрителям не принесет, наоборот, от нее будет больше вреда, так как драма призывает к сопротивлению иноземным захватчикам... Наверное, потому Мухтар Омарханулы более не возвращался к ней, ни разу не включал в свои собрания сочинений, что и спасало его от оголтелой критики...

Мухтар АУЭЗОВ «Хан Кене», историческая драма:

«КЕНЕСАРЫ: Эй, ты, сын казахов, обитающий в войлочной юрте предков! В самое трудное для тебя время, чтобы спастись, ты хватался за полы чапана своего предводителя — это был мой дед Аблай. Он не обманул тебя, полностью оправдал твое доверие, спасал свой народ не раз, не жалея своей жизни. Однако пошлет ли Аллах мне тот успех, что даровал

моему деду, неведомо мне! Если мой народ удостоит меня чести быть предводителем, то я, пока в моем теле течет хоть капля крови, буду стараться оправдать его доверие. Если погибну на этом пути, не дойдя до цели, то знаю — погибну за правое дело. Вот моя голова, вот и моя душа... Целиком отдаю без остатка! Другого желания и другой жизни у меня нет и не будет! Большого и лучшего я не желаю!»

Эти вдохновенные, берущие за сердце слова Кенесары произносит в начале драмы «Хан Кене», они звучат как клятва предводителя всенародного движения. Однако, как мы знаем, бескрайние степи Сары-Арки не стали защитой для восставших. После долгой борьбы Кенесары с небольшим числом своих верных воинов дошел до Кыргызского Алатау в надежде на то, что десятитысячный отряд казахов Старшего жуза будет ему подмогой. Но, увы! Под покровом ночи следовавшие за ним единокровные воины тайно оставили поле боя, а хан Кене со своими двумя сотнями туленгутов-телохранителей попал в засаду. Он уже понимал: скоро ему конец.

«...Все кончилось, некуда мне более идти. Степь родная моя сузилась до предела, нет более мне спасения... Что у меня осталось? На кого мне опереться? Кому верить?.. Погас наш боевой дух, когда он возгорится вновь?.. Почему так случилось? Ведь меня не сломил сильный враг на поле боя... Мне нанесли смертельный удар свои же, предатели, мои же продажные и лицемерные сородичи! Они посеяли в наших рядах смуту и раздоры, сбили нас с пути... Мое горе и смерть от них... Однако понимают ли эти коварные людишки, что, свалив меня, они поставят на колени и свой народ? Нет, им этого не понять. Если на склонах Алатауских гор падет Кенесары, то на другой

стороне гор пострадает и весь народ... Поймут ли это? Раскаются ли? Мое поражение — не такое уж горе. Я с болью думаю о том, что будет с казахским народом, который я хотел видеть независимым, свободным. Что будет с моей Родиной, которую я хотел видеть счастливой и изобильной? Все потеряно, я любил жизнь раздольную, с песнями и праздниками, яркую и свободную... Раз все потеряно, зачем мне дальше жить со стреноженными, как у скакуна, ногами и выкрученными назад руками? И я прошу Аллаха о смерти. Нет у меня другой просьбы...»

С тех пор прошло более двадцати лет. М. Ауэзов написал множество повестей, рассказов и очерков, прославляющих Советский Казахстан, стал первым, признанным драматургом, маститым ученым, доктором филологических наук, действительным членом Академии наук Казахской ССР и членом ее президиума. Выпустил в свет первые две книги четырехтомного цикла романов, наполненных свежим дыханием и красками казахской степи, главным персонажем которых явился великий поэт-демократ Абай Кунанбаев, родоначальник национальной письменной литературы. Книги его были переведены к тому времени на 22 языка мира и народов Советского Союза, нашли путь к умам и сердцам миллионов читателей. Диалогия писателя «Абай» (позже названная «Путь Абая») в 1948 году была удостоена Государственной премии 1-й степени. Это было бесспорным доказательством признания таланта и мастерства Мухтара Ауэзова, уже в те годы ставшего гордостью советской литературы. А в родном Казахстане с благословения «Правды» он вдруг превратился в отъявленного националиста, которому не место в советском обществе...

Мало кто догадывался, какие пружины приводят все в действие. А установки, разящие, как стрелы с ядом,

по-прежнему спускались из отдела пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана. «Националистические шатания» писателя были обсуждены на заседании секретариата ЦК, где пришли к парадоксальному выводу: «М. О. Ауэзов только на словах признает советскую власть и созданный волей народов СССР, на самом деле он на все смотрит под националистическим углом зрения». В результате чего первый том «Истории казахской литературы», увидевший свет под редакцией «зазнавшегося академика» М. О. Ауэзова, исчез с книжных полок. Оказывается, в этом труде без критического анализа охарактеризованы поэты «Эпохи печали», прошлая жизнь казахов приукрашена и представлена временем настоящей свободы, когда казахи спокойно кочевали на просторах степи, жили беззаботной жизнью, ничем и никем не притесненные^[85]... Между прочим, избиение знаменитого художника слова началось еще с момента нападков на труды Института языка и литературы (в частности, газета «Социалистический Казахстан» в 1947 году опубликовала тенденциозно — разгромную статью С. Баишева под названием «Профессор Ауэзов в оковах прошлого»). Эти нападки в последние два года все учащались, становились более напористыми. Обличители писателя дружно нападали на его исторические драмы «Хан Кене», «Кобланды». В них они узрели проявления махрового национализма. Под огонь критики попала вошедшая в золотой фонд казахской драматургии его трагедия «Енлик-Кебек», которая не сходила со сцены со дня открытия Казахского академического театра и шла во всех областных театрах республики. Участие в постановке пьесы являлось школой сценического мастерства для нескольких поколений казахских актеров. В 1953 году специальным приказом Министерства культуры она

была запрещена из-за того, что в пьесе вроде бы слишком выпячивался и превозносился родовой бий Кенгирбай, который являлся представителем феодального сословия...

Между тем тучи над М. Ауэзовым сгущались. Республиканские, областные газеты костерили его и в хвост, и в гриву, не особенно стесняясь в подборе выражений. Судьба его висела на волоске. Вдруг заново стали копаться в его ранних произведениях, увидевших свет еще в 1920-е годы, и находили в них крамолу..

Когда вакханалия вокруг него достигла пика, Мухтар Омарханулы понял, что дальше оставаться в Алма-Ате опасно, и верные люди помогли ему тайно перебраться в Москву. Это был единственно правильный выход из создавшегося положения: Союз писателей и Министерство культуры СССР сразу же взяли опального писателя под свою защиту. А главный университет страны — МГУ имени М. Ломоносова принял его на кафедру восточной литературы профессором...

* * *

Осенью 1952 года Ж. Ш. Шаяхметов да особые заслуги в развитии экономики Казахстана был награжден орденом Ленина (наверное, была учтена его особая активность в разоблачении местных националистов). Был также должным образом оценен энергичный труд И. П. Храмкова, застрельщика этой кампании, избранного делегатом XIX съезда КПСС (это было признанием его особых заслуг, ведь никогда ни в одной республике заведующий отделом республиканского ЦК КП не избирался делегатом с решающим голосом на союзный съезд). Вдобавок к этому в 1953 году он был удостоен ордена Ленина. А

через год осуществилась его давняя мечта: Иван Петрович был избран первым секретарем Кустанайского обкома партии. Однако руководить областью с крупным зерновым хозяйством, пищевой и горнодобывающей промышленностью оказалось намного труднее, чем заниматься пропагандой марксистских догм. Вскоре он попал под горячую руку не терпевшего пустозвонства и скорого на расправу Н. С. Хрущева и был лишен престижной должности. Опальный функционер, каких было много в ту пору, вынужден был довольствоваться должностью рядового чиновника Министерства культуры в Москве. Последним его пристанищем стало издательство «Колос», а в 1970 году он вышел на пенсию. По справедливости надо было строго спросить с него за гонения на казахскую национальную интеллигенцию, хотя бы исключить его из рядов партии. Но, увы, он закончил свою чиновничью карьеру пенсионером союзного значения.

Компартия своих верных холуев, как правило, никогда не обижала...

Глава девятая **«ВЕЗЛИ, ВЕЗЛИ И ЗАВЕЗЛИ, НА САМЫЙ КРАЙ ЗЕМЛИ»** [\[86\]](#)

На свою судьбу смотрю как на временное явление. Поэтому постоянно думаю и мечтаю о свободе, счастливой встрече с вами. Человек, настойчиво думающий о счастье и свободе, готов век ждать, и он непременно дождетя. А жить и жить хочется. В мои годы — в пору творческих исканий и мечтаний, как много полезного можно была бы дать своей Родине, так жестоко поступившей со мной...

*Из письма Е. БЕКМАХАНОВА жене,
Бодайбо, 8.XI. 1953 г.*

1

Жизнь заключенного Бекмаханова превратилась в бесконечный кошмарный сон, в котором его день и ночь окружали толстые решетки, слышались лязганье оружия, скрип железных дверей и ворот, грубые выкрики конвоиров и лай овчарок. Особую жуть нагонял этап, когда поезд долго вез обреченного на бесконечные муки зэка, как ему казалось, в никуда. А в конце концов он из одной камеры попадал в другую и снова оказывался отрезанным от всего мира.

Прошло три месяца после вынесения приговора. Ермухан не мог сообщить семье, что жив и еще ходит по земле... Ему было неизвестно, как чувствуют себя пятеро маленьких детей, оставшихся в двух его семьях (старшей Найле уже исполнилось 12 лет, Нурия осенью только пошла в школу, у остальных троих еще молоко на губах не обсохло, самому младшему Сермухану — два года). От Амины он не ждал никакой помощи, даже вести. Нутром чувствовал, что Халима непрерывно бегаёт по всем инстанциям, чтобы передать что-либо и узнать, куда его упрятали. Но, увы, связи с близкими, да и с обыденным миром, как ножом, обрезали...

Однако свет не без добрых людей. Халима однажды обнаружила в своем почтовом ящике письмецо. Оно было написано 26 февраля 1953 года, значит, через два с половиной месяца после суда, на конверте указан их домашний адрес (судя по письму, его писал не русский и не очень грамотный, но добрый человек): «Сдрасте, незнакомые. Во-первых, сообщаю о том, что я был вместе с вашим мужем в Петропавловске. Он пока жив и здоров. Конечно, не так здоров, но зносно. Он просит помощь деньгами, хоть руб. 100 на курево, остальное покамест так себе, а когда отправят в лагерь, на работу, тогда он сам сообщит. Пока все, Ваш незнакомый...» Халима поняла, что этот добрый гонец, выйдя на свободу, выполнил просьбу мужа. Слава Аллаху! Наконец-то она нашла Ермухана, которого искала по всем тюрьмам Алма-Аты, Джамбула и Талды-Кургана... Для женщины, измученной бесконечными поисками без вести пропавшего мужа, и эта весточка была подарком судьбы. Не мешкая, она отправила в пересыльную тюрьму Петропавловска письмо и немного денег.

В ожидании ответа прошел еще месяц.

«Милая Галочка! Очень скучаю и беспокоюсь о Вас. Если дойдет мое письмо, то постарайся ответить. Вот уже два месяца, как нахожусь в Петропавловской пересыльной тюрьме. Думаю, что в ближайшее время направят в один из лагерей. Полагаю, что по состоянию здоровья могу оказаться в одном из инвалидных лагерей. Разумеется, бездействовать не собираюсь и найду себе работу. Если будет возможность, то телеграфом переведите немного денег. Крепко поцелуйте за меня Ермушку и Сермушку. Своими делами займусь по прибытии в лагерь.

Целую и обнимаю вас. Ваш Ермухан. 25 февраля 1953 г.

Мой адрес: г. Петропавловск, лагерный пост, почтовый ящик — 48».

Письмо-открытка, отправленное из тюрьмы-пересылки, пришло к домочадцам Ермухана в конце марта. О том, что каждая весточка из тюрьмы проходит через цензуру, Ермухан и Халима были наслышаны. Поэтому, когда они писали друг другу письма^[87], всегда учитывали, что их будут внимательно читать чужие. Они старались как можно меньше говорить о посторонних вещах. О себе писали общими словами, что чувствуют себя неплохо, так как знали, если, скажем, упомянут о ценах на продукты или нехватке чего-то, то такое письмо контролеры сразу уничтожат. Приходилось соблюдать конспирацию, обходиться намеками... («Через год-два привыкнете и будете понимать друг друга с полуслова...» — учил Халиму знакомый писатель Хамза Есенжанов, человек, прошедший долгую тюремную науку.) А Ермухан старался не огорчать жену: «Настроение хорошее... если отправишь фото свое и детей, будет еще лучше. Получили ли мое письмо или нет, я не знаю.

Напоминаю^[88] тебе, что уже появляется возможность в последующем чаще обмениваться письмами... Переведенные мне деньги до сих пор не получил. Если надумаете послать посылку, то не забудьте положить в нее масло, сахар и немного денег...»

Однако эти перемены в местах заключения не означали, что установившийся в течение тридцати лет жестокий порядок в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа смягчился. Нет, конечно, узники темниц по-прежнему не могли рассчитывать на милость и сострадание, на простое человеческое обращение. Жизнь сидельцев камер всецело зависела от грубых и безжалостных надсмотрщиков. Они могли раздеть, обобрать находившегося в полной их власти заключенного, избить до потери сознания. Одним из самых изуверских способов подавления воли к сопротивлению особенно упрямых политических заключенных было помещение их в «пресс-хаты», вместе с отъявленными убийцами и неисправимыми рецидивистами. Как правило, они являлись настоящими «хозяевами» пересыльных тюрем и лагерей и могли с любым сокамерником сделать все, что угодно. А начальство тюремных учреждений смотрело на их вольности сквозь пальцы, позволяя кейфовать и учинять любые надругательства над ближними. Эти выродки фактически поддерживали внутренний порядок в тюрьмах. По их понятиям и неписаным законам жили заключенные всех тюрем Советского Союза. Наиболее строптивых ждали карцер с его сыростью, холодом и туберкулезом в перспективе, перевод на 100 граммов хлеба и кружку мутной воды в день, побои и унижения. Того, кто особенно досаждал вертухаям, могли втихаря придушить в каком-нибудь темном углу. Могли зарезать ночью прямо на нарах. Обычно такие преступления, совершенные в тюрьмах, никогда не раскрывались. Семье умершего

отправлялось лживое сообщение, что имярек умер от сердечного приступа или случайного отравления...

Поезд, к которому был подцеплен вагон-зак^[89], вышел из Алма-Аты в середине декабря. В него ночью, при свете прожекторов, под злобный лай собак загнали несколько десятков осужденных. Состав тащился еле-еле, подолгу останавливаясь на разъездах, а на больших станциях стоял неделями. В маленькое зарешеченное окошко трудно было определить, где находится поезд. Горячего питания не было. В сутки один или два раза конвоиры раздавали холодную мучную болтушку. Продрогшие арестанты могли только мечтать о кружке кипяточка. Располагались они кто на голых досках, а кто на обледенелом полу. Ермухан сразу же подхватил воспаление легких. Чтобы как-то согреться, он подолгу лежал, свернувшись калачиком, накрывшись всем, что имел при себе. Но все равно мерз. Когда становилось совсем неважно, он спрыгивал с верхних мар, где было его место, и начинал делать приседания, это помогало отогреть ноги и руки. Однако на многое не хватало сил. Да и откуда им было взяться при таком голодном пайке...

Как вспоминал позднее сам Ереке, суток через 20 их вагон наконец-то добрался до Петропавловска. Ермухан от недоедания и болезни до того ослаб, что не мог самостоятельно выйти из вагона, его вынесли оттуда на руках. Исхудавшего, потерявшего почти треть веса больного зэка сразу поместили в тюремный лазарет. Там он пролежал более трех недель, постепенно спала температура, уменьшился кашель, лечение помогло, да и питание там было получше. Словом, чуть поправившись, он сам стал проситься на выписку. Камера, по-тюремному хата, после всех дорожных мучений показалась теперь ему не такой страшной. Понемногу он стал привыкать к тюремному быту. На

присланные Халимой деньги он мог купить консервы, маргарин, чай, дешевые сигареты. Во время бессонных ночей, под стук железнодорожных колес и теперь в камере он размышлял: если ударно работать, то год будет засчитываться за два и он выйдет на свободу примерно в 50 лет. Для мужчины это еще не старость. Ведь великий Джамбул дожил почти до ста лет и не знал усталости. Сила его была в домбре, как говорил он, а сила домбры заключалась в песне, сила же песни — в правдивом слове, которое любит народ. Значит, главное — иметь высокую цель, и тогда годы не скоро согнут спину...

На следующий день после выписки из лазарета он вместе со всеми поднялся с нар в пять часов утра, получил положенную порцию каши и только принялся за завтрак, как услышал окрик:

— А ну-ка, интеллигентик, поднимись!

Интеллигентов в бараке было много, и Ермухан не принял этот окрик на свой счет. Подумал, что его это не касается, но вдруг чьи-то пальцы вцепились ему в шею, словно железные клещи. Из последних сил повернувшись назад, он прохрипел:

— Уберите руки, что я вам сделал?

— Оказывается, у этого паршивца есть язык! — проговорил кто-то за его спиной, сопроводив эти слова отборным матом.

— Эй ты! — проревел нападавший. — С этой минуты будешь служить мне. А эта каша — моя!..

И указал на его миску. Ермухан увидел перед собой чернявого верзилу, он уже догадался, что попал в лапы отпетого рецидивиста, судя по виду, из кавказцев. Все же Ермухан не хотел ему сдаваться. Он уже знал, если спасуешь один раз, будешь потом все время ползать перед ним на карачках. «Мне только этого не хватало?!..» — подумал он про себя и чуть отодвинулся от уголовника с миской в руке, но верзила со всего

размаха пнул по миске — она улетела в дальний угол и шлепнулась о каменный пол. Все зэки устремили взгляды на них. Ермухан с надеждой смотрел по сторонам. Ждал помощи, но вмешиваться в такие разборки было опасно. Среди зэков были и казахи, но все они до единого мигом опустили головы, быстрее заработав ложками. У Ермухана потемнело в глазах, ему показалось, что он теряет рассудок, он был готов зубами вцепиться в горло этого мордovorота и перегрызть сонную артерию. Но еще раз взглянув на него, понял, что не одолеет. Стиснув зубы, он подобрал с пола миску и ложку и направился к выходу. Слава богу; тот чернявый громила не стал его догонять...

Ермухан целый день ходил голодным. Он был записан в группу, которая работала за пределами тюрьмы, далеко от города. Арестантов ежедневно под конвоем водили туда на рытье траншеи для закладки кабеля. Орудиями труда были кайло да лопата. Промерзшая, твердая как камень земля звенела под ударами железа и поддавалась слабо. К вечеру землекопы от усталости не чувствовали ни рук, и ног, однако редко кому удавалось выполнить норму — вырубить три кубометра грунта. На обед их не водили. И, конечно, никому не было дела до болезненного арестанта, оставшегося без завтрака. Как и все, кто был сюда снаряжен, он должен был всю вкалывать. Хотелось есть, а еще больше нить. Во рту пересохло, Ермухан мечтал хотя бы о глотке воды. Никто вокруг, между тем, не замечал его мучений. А он двигался уже на последнем дыхании, едва ворочая лопатой, часто в изнеможении садился на дно траншеи, отдыхал, привалившись спиной к ее холодной стене. Наконец, видя, что с ним что-то неладно, копающий траншею позади него сказал тихо:

— Эй, джигит, если ты не выполнишь норму, то лишишься и ужина. Вон бригадир не сводит с тебя

глаз...

Ермухан вяло обернулся к нему, не в силах вымолвить даже слово.

— Ты, бедолага, хотя бы показывай бригадиру, что работаешь, а я помогу тебе рыть, и впереди нас идет парень — он тоже поможет... — сказал сосед.

И действительно, они вдвоем поднажали с обеих сторон, оба оказались крепкими, привычными к тяжелой работе людьми. Один из них, как ножом, срезал тяжелые пласты чернозема, а другой с уханьем выкидывал их на поверхность. Так за короткое время они помогли Ермухану немного подтянуться. Он тоже не сидел, как чучело, по мере сил ворочал лопатой куски земли.

— Ты, джигит, оказывается, на самом деле хилый интеллигентик, нет у тебя никакой сноровки в такой работе, напрасно ты записался в нашу группу, вижу, долго не протянешь, зря угробишь себя... — сказал вполголоса старший. — А тот не зря к тебе присосался. Если не будешь выполнять его требования, он может тебя искалечить, а то и прикончить. Во всех лагерях и тюрьмах-пересылках верховодят блатари, здесь действует лишь «закон — тайга»... Ты на нас не рассчитывай, каждому своя голова дороже, никто из-за тебя рисковать не будет, вот такое дело, браток!..

— Придется тебе быть его шестеркой. Мы ему скажем, что ты согласен... Если Бог так велит, что поделаешь... — добавил рядом стоящий.

— Это же позор — зад целовать какому-то подонку: не быть этому! Как вернусь, долежу обо всем надзирателю... — возмутился Ермухан.

— Эх, бедняга. Оказывается, ты совсем простак. Если заложишь его, тебе хана, — сказал второй напарник, и оба, многозначительно переглянувшись, мол, надо уйти от греха подальше, сразу отошли от него.

Их поспешный уход заставил Ермухана задуматься. Он понял, что зашел в тупик. Произошло невероятное: он — свободный человек, росший на просторах безбрежной степи, оказался в тюрьме один на один с дикой жестокостью! Он — ученый, бросивший вызов государственной системе, должен теперь подчиниться воле какого-то выродка-рецидивиста и исполнять все его прихоти. Видимо, его заказали сверху чтобы окончательно сломить и унижить. Подавить волю, дух, чтобы не осталось сил на сопротивление. Доктор наук должен был забыть, кто он, и превратиться в забитого, жалкого доходягу, готового пресмыкаться ради миски супа и пайки хлеба...

Тюремное начальство и блатари с особым презрением относились к интеллигентам и находили садистское удовольствие в глумлении над ними, демонстрируя этим свое превосходство и безраздельную власть. Как противостоять этому насилию — Ермухан не знал... Вернувшись с непосильной, изнурительной работы, он кое-как умылся, взял миску и ложку и направился в столовую. По пути перед ним неожиданно возник смуглый широкоплечий казах:

— Ассалаумагалейкум, агатай, я хотел бы узнать, кто вы? — спросил джигит.

— Уагалейкум, браток! Вряд ли ты знаешь меня, я — Ермухан, уроженец Баянаула...

— Значит, я верно угадал: вы историк Бекмаханов?..

— Ты не ошибся, браток, я тот самый... А теперь назови себя!..

— Меня вы не знаете, и пока в этом нет необходимости. Я человек, заблудившийся на жизненных путях-дорогах... А родом я из Учарала, райцентра Апакульского района Талдыкурганской области. Мой брат учился у вас на историка, он забывал даже про еду и чай, когда рассказывал о вас...

— Тогда назови имя своего брата! Свое тоже...

— Ой, агатай, давайте пока закончим на этом наш разговор! Ведь известно, сытый голодному — не товарищ. Пойдемте в столовую, я хочу вас вначале накормить. Тогда и узнаете, кто я такой.

Джигит из Учарала взял его под руку, и они вместе направились в столовую.

Незнакомый джигит, шагая вприпрыжку, провел его мимо окошка раздачи пищи, посадил за стол. Потом стал озираться по сторонам, словно кого-то искал. Наконец, увидев утреннего обидчика Ермухана, указательным пальцем поманил его к себе. Тот немедля подошел к нему вальяжной, развалистой походкой. Земляк Ермухана без лишних слов врезал ему то ли по носу, то ли в скулу, молниеносно взмахнув правой рукой, — и наводивший страх на Ермухана верзила растянулся неподвижной тушей на полу. Заключение испуганно загомонили:

— Смотрите, как Акула добил черномазого урку!

Наконец, тот кое-как оклемался, с оханьем поднялся с пола и поплелся к выходу.

— Эй, мерзавец, подойди-ка сюда! — приказал земляк Ермухана. И хотя он произнес это еле слышно, блатарь вернулся и приблизился к столу.

— Дурак, теперь ты понял, на кого наехал? Этот человек — мой кровный брат с родины... — Коренастый джигит, исподлобья оглядев сидящих за столом, поднял вверх крепко сжатый кулак. — Кто огорчит этого человека, запомните, будет иметь дело со мной. Акула два раза не повторяет одно и то же, вы знаете!..

— Я ошибся, Акула... — промямлил укрощенный амбал.

— Становись на колени и проси прощения у моего брата!

Все, кто находился в тот момент в столовой, стали свидетелями удивительного зрелища: будто лохматый

верблюдо-производитель, здоровяк опустился на колени перед Ереке и пробубнил, прижав руки к груди:

— Простите, я был не прав.

Ермухан, ходивший целый день потерянным, угнетенным, теперь уже не держал на него зла. Посмотрев на рецидивиста, он сжалился над несчастным:

— Ладно, вставай! Будем считать, что я простил, уже все забыл!..

— Ты, паршивец, возьми миску у этого человека и принеси ему еду! Вечернюю свою порцию тоже поставь перед ним. Теперь ты будешь у него шавкой.

У бодливого быка, говорят, рога сбивают. С этого дня чернявый стал ниже травы, тише воды, короче, превратился в тень Ермухана, во всем ему потакая. Через неделю-другую Ермухан посчитал его услужение постыдным для себя и решил от него отказаться.

— Руки, ноги у меня целы, так что обойдусь без лакеев, — объявил он своему покровителю. Но тот ответил:

— Уважаемый Ереке, если я допущу слабинку, то моему авторитету будет нанесен урон. Блатные своих решений не меняют... Поэтому молча принимайте его услуги. Ничего с ним не случится... Кстати, еще один совет: вам не надо напрашиваться на тяжелую работу, если продолжите выходить с бригадой еще десяток дней, то однажды останетесь в той траншее, которую копаете. Послушайте меня: проситесь на легкую работу, я вам помогу.

Через некоторое время тюремное начальство, учитывая образованность Ермухана Бекмаханова, назначило его библиотекарем. После этого его положение стало терпимым, в письмах домой появились бодрые нотки, уверенность в неизбежном возвращении к вольной жизни, науке. А нарушитель его спокойствия вскоре был отправлен этапом в лагерь...

(Этот случай не придумал. О нем поведали карагандинские профессора-историки Дуйсетай Шаймуханов и Абеке Жумасултанов. Они оба видели человека, избавившего Ереке от унижений. Когда они учились в КазГУ в аспирантуре, Е. Бекмаханов, бывший их научным руководителем, показывал им того человека, рассказывал про него.

Эту же историю я услышал во время встречи с Дуйсетаем-аксакалом в 1999 году в доме его детей. Жаль только, что за давностью лег он забыл имя благородного защитника. А. Жумасултанов в своих воспоминаниях о Е. Бекмаханове, напечатанных в карагандинской областной газете «Орталык Казахстан» 30 августа 1991 года, назвал только имя того джигита — Ерден. По рассказам других лиц, знакомых историка, Ереке через годы помог этому человеку обрести свободу и семейный очаг.)

2

Халима БЕКМУХАМЕДОВА «Вместе двадцать лет»:

«Больше я не могла жить в Алма-Ате, не могла работать под страхом увольнения. Собрав необходимые вещи, я поехала в Москву, чтобы выполнить свой долг — обратиться в Генеральную прокуратуру с просьбой о защите своего супруга и пересмотре его дела.

В Москве я встретила с другом Ермухана — Исааком Урэльевичем Будовницем. Он помог написать жалобу Генеральному прокурору, посоветовал встретиться с Анной Михайловной Панкратовой, чтобы она прочитала нашу жалобу, внесла нужные поправки.

Я позвонила Анне Михайловне, она назначила время встречи. Я пришла к ней домой, она приветливо встретила меня, выразила свое сочувствие, сказала, что

Ермухан незаслуженно пострадал, при первой же возможности она поможет ему реабилитироваться.

Анна Михайловна предложила мне деньги, сказав, что они пригодятся мне на поездки. Посоветовала поехать в Одессу, где живет ее сестра. Я отказалась от денег и от предложения поехать в Одессу.

Заявление о пересмотре дела Бекмаханова я сдала в секретариат Генеральной прокуратуры СССР и поехала в Тбилиси на поиски работы. Это были мартовские дни 1953 года. По радио ежечасно передавалась информация о состоянии здоровья И. В. Сталина. Я видела, как скорбел грузинский народ, когда умер вождь народов Советского Союза...

В Министерстве просвещения Грузии мне предложили работу в отдаленной сельской школе. Я отказалась и поехала в Баку, где также предложили работу в селе. Подумав, я решила вернуться в братский Узбекистан, где жили мои родственники и друзья по университету. Мои друзья сказали, что есть вакансия преподавателя русского языка в Ташкентском текстильном институте. Я быстро направилась к заведующему кафедрой, он согласился принять на работу, если получит согласие начальства. На следующий день завкафедрой изменил свое решение, объяснив тем, что я — жена врага народа. Звонок из МВД сработал, здесь уже знали, кто я, хотя наш брак не был зарегистрирован, так как первая жена Амина категорически заявляла, что пока она жива, Ермухан никогда не получит развода^[90]. Наши мальчики носили мою фамилию — Ермухан Бекмухамедов, Сермухан Бекмухамедов. До 1954 года я считалась матерью-одиночкой, но на это никто не хотел обращать внимания.

Ташкент — большой город, где много учебных заведений. Моя подруга, Ханбекян Рона, работала в

школе и женском педучилище. У нее была большая учебная нагрузка, ей трудно было совмещать две работы, поэтому она рекомендовала меня в женское педагогическое училище. Побеседовав со мной, дирекция взяла меня на работу. Вероятно, средние учебные заведения не так строго контролировались органами безопасности, как вузы. Я быстро включилась в учебный процесс, вела практический курс русского языка и методику его преподавания в двух отделениях: в национальных группах, где готовили учителей русского языка для начальной узбекской школы, и в русских группах, готовящих учителей русского языка для русской школы. Мне нравилась моя работа, с удовольствием вела свои занятия. А по воскресеньям отдыхала, почти молчала, оберегая голосовые связки. Жила вначале у моей тети Галии, а потом переехала к подруге Роне: моя работа была близко от ее дома...»

...Унылый звон рельса возвестил подъем. Пять часов утра. В состоянии полусна заключенные выстраиваются на развод. Наступил очередной из бесконечной вереницы тюремных дней. Продрогшие зэки вертят головами по сторонам. От остального мира их отделяет высокий забор, поверху его вьется колючая спираль, по которой пропущен ток высокого напряжения. На вышках — солдаты внутренних войск с автоматами наготове. Они не спускают глаз с заключенных, если кто-нибудь приблизится хоть на один шаг к запретной черте, будут стрелять без предупреждения. После переклички и завтрака заключенные распределяются по рабочим бригадам, а к вечеру возвращаются в опостылевшие, грязные и холодные, зловонные бараки. Бараки битком набиты сотнями осужденных. И в одном из них среди подневольной безликой массы по воле рока оказался Ермухан. Все это казалось сном, ведь, кажется, только вчера он был баловнем общества, им

восторгались, ему льстили: «О, Ереке, спасибо тебе, своими рассказами о прошлом, научными статьями ты производишь переворот в умах». Всюду он был желанным гостем, его щедро угощали лучшими блюдами и самыми изысканными винами, отвозили домой после обильных застолий на персональных автомашинах. Всего этого он лишился в один момент, теперь каждый шаг его ограничен ненавистным забором, строгим режимом дня, даже естественные надобности он вынужден справлять в парашу у порога. В ужасные, бессонные полуночные часы от горького чувства бессилия и обреченности он готов был завывать от тоски.

Но и там, в этих тесных бараках, где людей держали и охраняли, как диких зверей, протекала своя жизнь. И у каждого заключенного был свой мир, созданный внутри этого ограниченного, убогого пространства. Что касается нашего героя, то он жил ожиданием писем из дома. Это ожидание помогало ему коротать бесконечно долгие дни, недели и месяцы.

А его суженая Халима, долго помыкавшись без него, наконец пристроилась в Ташкенте, где прошли ее молодые годы. Ей было всего 27 лет, когда она лишилась единственной опоры и осталась с двумя детьми на руках. Позже, когда стал известен его адрес, она писала ему каждую неделю. Вдобавок к этому отправляла посылки с продуктами и деньгами. Она делала ради него все, что могла. Для него ее любовь была единственным лучиком света в том темном царстве, в которое он попал.

С 26 марта по 13 декабря 1953 года, то есть за восемь с половиной месяцев, Халима Адамбеккызы отправила мужу 25 писем, в этот же промежуток времени Ермухан Бекмаханулы послал ей 28 писем (очевидно, часть его посланий не дошла до адресата). У меня на руках — ксерокопии всех пятидесяти трех

писем (все они написаны на русском языке). Ниже с разрешения Х. А. Бекмухамедовой мы приводим некоторые из них полностью, иные — в отрывках.

«Дорогой, родной Ермухан!

Наконец, дождалась от Вас письма, вернее, получила телеграмму с адресом. Беспокоилась, что не спишемся. Теперь мы друг от друга не так далеко, можно будет съездить...

Да, на свете есть не только злые люди, но много порядочных, честных. И все же предостерегаю, мой дорогой, будьте разборчивы, не всегда доверяйтесь. Будьте выносливым, терпеливым, чистым, живите по совести. Не может быть, чтобы когда-нибудь, в конце концов, не разобрались. Докажите, что Вы настоящий советский человек. Наше правительство способно справедливо все оценить. Проверит Вас и вернет свободу. Ермухан, любимый, пишите, обращайтесь, расскажите о себе, пусть заинтересуются вашим делом. Нужно Вам самому писать и писать, не выжидайте.

На работу устроилась. Дети и старухи в Алма-Ате. С квартирой пока утряслось^[91]. Туда не пишите, письма шлите только мне. Дети здоровы. Ермушка мне пишет. Сермуша-конь всю катается на велосипеде, поправился, вырос.

С конца апреля аккуратно ежемесячно буду переводить 100 рублей, будет возможность — больше. Со временем и Анна^[92] вам поможет, сейчас ей трудно. О нас не беспокойтесь, Ермухан, старайтесь думать о себе, берегите здоровье. Пишите в Ташкент, Главпочтамт, до востребования. Целую. Ваша Халима. 26.03.1953 г.».

«Милая Галочка! Очень скучал и грустил и вот сегодня, наконец, получил от вас радостную весточку —

письмо и телеграмму из Москвы. Хорошо поступила, отправив жалобу в соответствующие органы по моему делу. Будем ждать, может быть, сделают какое-либо облегчение. Недавно переведен из пересылки в лагерь. В ближайшее время думаю написать обстоятельное письмо в ЦК... Днями напишу письмо в МВД КазССР и буду настоятельно просить о присылке моих рукописей. Здесь есть возможность окончательно их отредактировать. После долгой отлучки жадно бросаюсь на газеты и книжные новинки. Свободные часы целиком посвящаю чтению художественной литературы.

... Человек способен перенести любую трудность. Об этом сужу по себе. Я безмерно страдал и тяжело пережил свое несчастье, но если представится возможность заняться своим любимым делом, то готов снова отдаться ему без остатка. Трудности только закаляют человека. Я глубоко верю в твои способности и энергию, и мое временное отсутствие не должно отразиться на материальном положении семьи. Чувствую себя хорошо. Здесь стало легче в окружении людей, в работе. У каждого свои радости — тот получил письмо, другой посылку, третий свидание — все это помогает забыться, выстоять. Кроме того, люди на производстве проявляют себя и поощряются.

...Если не затруднит, то из Ташкента к весне пришли простую тюбетейку, ремень, эмалированную кружку. Галочка! Очень скучаю по моим крошкам-сыновьям — Ермушке и Сермушке, как их здоровье. Наверное, без отца и матери скучают. Не забудь прислать свои и их фотокарточки...

Целую и крепко обнимаю. Любящий тебя Ермухан.
22 марта 1953 года».

Петропавловск, п/я — 48, ЕРМУХАНУ. — Ташкент, от ХАЛИМЫ:

«Дорогой, родной мой! Молодец, настоящий коммунист! Сколько выдержки, оптимизма! Да, нужно до конца быть верным и последовательным коммунистом.

Дорогой, получила Ваше письмо. Конечно, без слез не могу его читать. Порой бывает такое состояние, что трудно передать. Только стали жить — так нелепо пришлось расстаться. Будем надеяться на светлое будущее, хотя пока еще и просвета не видно. Получила ответ на жалобу на имя Генерального прокурора, подтверждает, что решение правильное, из ЦК еще ничего не было. Теперь написала в Президиум Верховного Совета.

...Когда слушала указ об амнистии, сердце обливалось кровью — Вас он не коснулся. Успокаиваю себя тем, что нельзя терять надежды! Это нелегко, ведь и с работой у меня непрочно. Я, изливая пережитое, не хочу навевать на вас грусть. Из писем знаю, что дети здоровы, мама работает сдельно (дай Бог, ей долгие годы). Она стала нервной, издерганной. И поэтому прошу: не пишите им.

При первой возможности организую посылку /масло, галоши, тюбетейку/.

Крепитесь, мужайтесь! Всегда мысленно с вами. Ваша Халима. 2. 04. 1953 года».

«Жизнь — это миг между прошлым и будущим», — поется в песне. Течение времени необратимо. Оно идет только в одном направлении — вперед. И никто не может остановить это движение. «Все боится времени, даже египетские пирамиды», — говорили мудрецы древности. А Сталин и его i-розное олицетворение ГУЛАГ казались вечными. «Архипелаг ГУЛАГ», по словам писателя А. И. Солженицына, по занимаемой им территории был равен нескольким государствам Европы, скажем, Франции или Германии, может быть,

даже вместе взятым. Посудите сами: начиная с обширной казахской степи, лагеря раскинулись до краев вечной мерзлоты на севере, до берегов Тихого океана — на востоке, где и сейчас еще хрустят под ногами кости сгинувших там эков, бивших при 50-градусном колымском морозе золотые шурфы. Однако всему есть свой срок. 5 марта 1953 года умер казавшийся бессмертным И. В. Сталин. Об этом возвестили репродукторы по всем лагерям. Могучий голос Левитана всколыхнул выстроившиеся повсюду бесчисленные шеренги заключенных, и каждый из них проговорил про себя: «Слава богу!» Ээки воспряли духом. И политические, и закоренелые урки ждали освобождения.

Они не обманулись в своих надеждах: указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии не заставил себя долго ждать. Однако в первую очередь он коснулся тех, кто был осужден за опоздание на работу на полчаса, за хищение казенного имущества — мелких воров. Чуть позже вышли на свободу и те, кто совершил тяжкие преступления — убийства, грабежи, насилия. Все они были признаны искупившими свою вину и вставшими на путь исправления в трудовых лагерях; что примечательно, выйдя на свободу, они сразу же принялись за прежний свой промысел... А вот осужденные по пресловутой 58-й статье под весеннюю и летнюю амнистию 1953 года не попали.

«... Мне кажется, что я в этих местах буду еще некоторое время. Положение на самом деле несколько улучшилось. Сейчас стою на учете у врача. Вообще, по моему, особое внимание обращается на тех, у кого не в порядке легкие. Несмотря на это, с наступлением весны хочу проситься на работу. Деньги еще не получил. Возможно, чтобы поправить мое здоровье, вообще, нужны жиры, а с другими продуктами можно

подождать. По этой причине, Галочка, если у тебя есть средства, то попробуй послать небольшую посылку: свиное сало, если туда положишь деньги, то быстрее получу... Снова обратился в МВД с просьбой вернуть рукопись. Если не вернут, то решил написать в Москву жалобу... 3 апреля 1953 года».

Ташкент, от ХАЛИМЫ, 7 мая 1953 года — Петропавловск, ЕРМУХАНУ:

«...Праздники провела в кругу друзей. Передо мной всюду был Ваш образ и как мы были вместе в прошлогодний май. Вот Вы днем приехали из Чу, а вечером мы уже были у Махсуда. Утром Вы проводили меня на демонстрацию, а днем вместе принимали гостей, утром следующего дня мы с Ермушей и Сермушей пошли в парк, им. Горького, где встретились с Биашевым и вместе с ним пошли в гости к его знакомым, в домик на территории зоопарка. А вот май 53-го в разлуке, и в какой... Обидная судьба, остается только терпеливо ждать голоса справедливости.

Нужно, мне кажется, написать Юрию Андреевичу^[93] и рассказать о Вашей научной ошибке, вылившейся в большое политическое дело.

Ермухан, родной, верьте и не теряйте надежды. Сохраните себя, берегите здоровье. Целую и крепко обнимаю — Ваша Халима».

Петропавловск, п/я — 48, от ЕРМУХАНА — Ташкент, ХАЛИМЕ, 3 мая 1953 года:

«...Праздник прошел с обычными для этого края дождями и ветрами. Но зато располагал к чтению. С увлечением прочел Лермонтова....

Как идет дело с диссертацией? Я глубоко верю в твои творческие способности. Только побольше дерзаний, смелости и настойчивости в работе. На днях

отправил обстоятельное письмо на имя Маленкова и думаю, что меня должны реабилитировать. Ясно одно — долго сидеть не буду. Наконец, должны во всем разобраться, а я буду решительно отстаивать свое законное право на свобод}'... Рукопись еще не прислали, буду настойчиво добиваться. По-прежнему не перестаю скучать и любить тебя, за что ругать не станешь. Привет Роне.

Любящий тебя твой Ермухан».

«Дорогой Ермухан! Каждый раз Ваши письма наполняют мое сердце гордостью за Вас. Бесконечно рада, что Вы не нытик, а настоящий советский человек. Числа 15-16 апреля послала Вам посылочку: 2 кг свиного сала, 500 граммов топленого масла, 2 кг орехов и немного кураги. Следующую посылку пошлю 10 мая, опять жиры.

Дорогой, любимый мой, напишите: бросили курить или продолжаете? При Вашем здоровье курить — самоубийство! Деньги не смейте переводить: работаю, зарплаты хватит, чтобы помочь и Вам, и детям. Они сыты и здоровы, за них не беспокоитесь. Пока они в Алма-Ате, дальше — посмотрим. Сегодня послала им праздничную посылку: обувь, книжки, сухофрукты, рис.

Настроение у меня неплохое, в труде забываешь горе. Галия и друзья относятся заботливо, не дают почувствовать одиночество. Новостей никаких, пишу коротко. «Экономические проблемы социализма в СССР» вышлю на днях. С посылкой деньги отправлять не буду пропадут. Перешлю почтой.

Крепко обнимаю и целую. Любящая Вас Халима. 20 апреля 1953 года».

«Дорогая Галочка! Наконец, беспокойство и тревожные мысли сменились радостным ликованием. Получил долгожданное письмо. Рад твоему настроению.

Мой наказ — никогда не унывай. В труде и надежде на счастливое завтра — залог нашей встречи. Чем больше читаю и думаю над прожитым, тем больше у меня уверенности, что в будущем меня ждет большая полезная для Родины работа. Поэтому не думаю, что в пору творческих исканий я надолго останусь в изоляции. Жданову есть смысл написать, он же ведь в курсе всей этой заварухи. Пока ниоткуда не получил ответов на свои письма. Сама понимаешь, с моими делами спешить или торопить власти нельзя. Есть более серьезные дела на международной арене, от политической разрядки зависит многое. От сохранения обстановки мирного созидательного труда зависит благоприятный исход моего дела. Думаю, его пересмотрят, в этом я не сомневаюсь. Тем более, за Кенесары я не должен быть наказан. На моей стороне законы советского правосудия. В 6-м номере журнала «Коммунист» напечатана статья Анны Михайловны, в которой дана объективная оценка этому вопросу.

Галочка! Напиши подробно о детях, где живут, сыты, одеты ли? Быстро пролетит лето, серьезно надо думать о зиме и о работе. Не сумеешь ли на несколько дней съездить домой и повидать детей. Они были бы рады и счастливы.

Я здоров. Моя цель — до конца и решительно отстаивать свое право на свободу. Надолго я здесь не задержусь — это понятно. В конце концов, все должны конкретно разобраться, кто друг, а кто враг. Козлом отпущения не хочу быть.

Очень скучаю по детям и тебе. Не забудь фото детей и свое новое.

Горячо любящий твой Ермухан. 17 мая 1953 года».

«...В Ташкенте мне не нравится: пыльно, грязно. Скучаю по дому, детям. Они, как сообщают, здоровы и резвы, живут в прежней квартире, пока их не

беспокоят. Думаю, перевозить их сюда пока нет смысла, а там видно будет.

Диссертация моя на точке замерзания, пока о ней не думаю, сейчас главное — закрепиться на работе, а там можно ее и продолжить. Бываю в публичной библиотеке, в свободное время читаю и читаю. Домой прихожу только спать. Труд тов. Сталина обязательно вышлю, ждите.

Дорогой мой, родной, берегите себя, по возможности подольше и основательнее лечитесь, постарайтесь бросить курить. Старайтесь не изводить себя тоской по нас, никогда не теряйте надежды на нашу скорую встречу. Москва должна помочь разобраться.

Скоро пришлю новое фото, и Вы увидите меня с новой прической. Рона соблазнила меня остричь косы-хвостики, не ругайтесь.

Дорогой, родной Ермухан, мужайтесь, терпеливо ждите светлого дня.

Целую. Любящая Ваша Халима. 13 мая 1953 года».

«Милая Галочка! Большое спасибо за посылку. Дорожу твоим вниманием и заботой. Я несколько был озадачен, когда в посылке обнаружил бутылку с булькающей жидкостью. Неужели, думаю, это что-то из забытых напитков. Но когда попробовал на вкус, то сразу рассеялись мои иллюзии, как фата-моргана мираж перед жаждущим в пустыне. Как видишь, Галочка, масло, превращенное в жидкое состояние, благополучно добралось до меня. Теперь употреблю его по назначению. Восхищен чудной узбекской тюбетейкой. В этих краях на такие вещи смотрят как на восточную экзотику. На дворе май. Деревья за запреткой начали распускать почки, появились первые весенние побеги. Весеннее обновление природы

волнует кровь, придает оптимизм. Думаю, скоро я стану вольным, как птица.

Галочка! Пока с посылкой воздержись. Сала у меня на месяц и больше хватит. Я ведь экономный человек. К тому же у меня компаньонов нет. Казахи-старики от меня отвернулись, когда узнали, что неугомонная жена дважды прислала в посылке свиное сало. Бог с ними, но зато мне хорошо. Пускай живут старыми предрассудками. А для меня свиное сало — деликатес, бальзам, элексир здоровья. Когда у тебя будет возможность, вышли немного сухих фруктов и сахара...

Ради Бога, напиши подробно о себе. Как питаешься? Из-за помощи своим нахлебникам не отказываешь ли себе в самом необходимом. Прежде всего береги себя и нормально питайся. Хочу тебя видеть всегда такой, какой была раньше, молодой и жизнерадостной. Я почти не изменился. Только седина немного подводит. Но это не беда. Всегда перед глазами мелькают милые озорники — Ермуша и Сермуша. Мне представляются они теперь взрослыми людьми, понимающими и здраво рассуждающими гражданами. Ермуша уже совсем взрослый, скоро ему в школу.

Глубоко верю в свою беспредельную любовь к тебе, и это придает мне душевное спокойствие и моральную стойкость.

Вечно любящий тебя твой Ермухан. 23 мая № 53 года».

Закончилась весна, наступило жаркое лето. Но вестей об амнистии, которых политические осужденные так ждали, все не было. Ермухан находился в Петропавловской пересыльной тюрьме, по-прежнему маясь в переполненном бараке, задыхаясь от духоты и не находя спасения от назойливой мошкары. Он считал дни и недели, гадая, когда же отзовется на его жалобы Москва...

Из письма Халимы Адамбсккызы от 4 июня;

«Дорогой мой Ермухан! Дни проходят за днями, никаких изменений нет. А как бы хотелось получить от Вас телеграмму: «Еду, встречай!» Не может быть, чтобы этого не случилось, правда должна восторжествовать! Как бы мы стали жить! Никогда, ни при каких обстоятельствах не сердились бы, ни на что бы не жаловались, спокойно работали и воспитывали своих мальчиков. Мне бы хотелось, чтобы это было в небольшом городке, работали бы в школе, общались с небольшим кругом людей, любили бы друг друга, берегли и ценили. Неужели не удастся жить нормально? Не может, не должно быть!

Ермухан, родной, перевела телеграфом 100 рублей, следом вышлю посылку. Обо мне не беспокойтесь: я ни в чем себе не отказываю, питаюсь нормально. Галия относится ко мне заботливо. Правда, работать приходится много, но меня это устраивает, на работе легче. Дети здоровы, с квартирой пока нормально, мама работает.

Обязательно жду письма, где вы сообщите, что прислушались к моему совету и окончательно бросили курить. Еще сообщите, передали Вам труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»? И еще я ремень посылала.

Крепко обнимаю и целую. Ваша Халима».

Из письма Е. Бекмаханова от 13 июня 1953 года:

«...Галочка! Я до сих пор с перебоями курил. Отныне даю тебе твердое слово прекратить курение. Прощаться с волей было куда тяжелее, и то привыкаешь. А бросить курить у меня хватит смелости.

Очень рад за тебя и за детей. Надо стараться, чтобы дети не испытывали нужды. Когда я выйду на свободу, то, Галочка, тебе обязательно предоставлю годовой

отдых. Теперь сама жизнь научит всему. Любить и ценить близкого человека, а у меня их не так много — это ты одна. В наших краях наступают жаркие дни. Сандалии были бы кстати. Я хотел перешить свою душегрейку, если будет возможность, то вышли в следующий раз около 2 метров простого черного материала, а мне здесь его раскроют. Перевод 100 руб. поступил б/В, но пока не получил. Деньги и письмо можно было вложить в посылку, я скорее получил бы. Но ничего.

Очень и очень скучаю по Ермушке и Сермушке и по тебе. Но успокаиваю себя тем, что в ближайшем будущем опять буду с вами. Наша разлука позабудется, как кошмарный сон. Передай своим мой сердечный привет и пожелание наилучшей жизни. Люди умные должны понимать, что все это временное явление».

«Дорогой мой Ермухан! Не надо обо мне беспокоиться. Я здорова, тружусь не покладая рук, хочется подзаработать и сделать приобретения для зимы. Это даже хорошо, что начинаешь трудовое утро и не замечаешь, как кончается день. Пока мы здоровы, будем растить детей культурными, образованными, преданными Родине и своему народу. Вам не надо так тревожиться о них. Берегите себя и всячески добивайтесь законного права на свободу.

Ирина^[94] получила Ваше письмо и записку передала. Не теряйте надежды, верьте и терпеливо ждите положительного исхода. Никогда не думаю, чтобы Вас забыли и так оставили. Сообщите о получении денег телеграфом. Ждите посылку и подробно перечислите потом, что было в ней, дошли ли консервы (тушеное мясо), ремень и, главное, труд Сталина.

Крепко обнимаю, целую. Любящая Вас Халима.
10 июня 1953 года».

«Милая Галочка! Странная весна в этих краях. Вот уже июнь скоро на исходе, а дыхание весны не чувствуется. Дожди и ветры — вечные спутники здешней весенне-летней поры. Но зато климат, мне кажется, здесь здоровый. Втянулся в работу. Долголетний изнеженный образ жизни чуть ли не превратил меня в хилого человека. А теперь при физической нагрузке смотрю — мускулы налились, сделались упругими. Все это говорит о пользе физического труда для людей любой профессии. Чувствую себя хорошо. Перевод получил сегодня и благодарю за внимание и заботу. Деньги были нужны. Отдал пиджак на ремонт в мастерскую, и за это надо платить. Словам, на мне теперь будет новый пиджак.

Галочка! В предыдущем письме сообщал о прекращении курения. Вот уже вторая неделя идет, а не курю. Временами тяжело, хочется курить. В наших специфических условиях курение — душеспасительное средство. Я сдержу свое слово и начну курить, как переступлю порог тюрьмы и выйду на свободу. Галочка! Все, что послали в посылке, дошло до меня полностью: сухари, консервы (2 банки), ремень, тюбетейка и др. Пока ответа нет на мои письма. Днями отправлю письмо в ЦК КПСС и письма Ю. Жданову...

Очень рад за тебя. Ты ведь единственная кормилица семьи. Я глубоко верю, что эту миссию с честью будешь выполнять до моего освобождения. Скучаю по Ермушке и Сермушке и интересно — как они обходятся без тебя?

Крепко целую, любящий Ермухан. 23 июня 1953 года».

Из письма Х. А. Бекмухамедовой мужу в июне (дата не проставлена):

«Вот Вы говорите, что надо продолжать исследовательскую работу. А когда, если весь день

проходит в суете, в бегах с одного места работы на другое. К тому же, после всего случившегося я вообще разочаровалась в научной работе. Скромному педагогу жить спокойнее. Науку делают, как выясняется, не только гении, но и пройдохи. А вот быть хорошим педагогом — дело великое!..

Будет возможность, числа 25-го пошлю посылку, возможно, в первых числах июля. Дети здоровы, старушки тоже. Недавно им написала, чтобы тетя приехала с детьми ко мне. Еще не получила согласия, но, думаю, приедут.

Целую. Любящая Вас Халима».

Отрывки из летних писем Ермухана Бекмаханова 1953 года:

28 июня: «Сейчас переключился на более сложную работу. Думаю, что на здоровье не отразится. Дни летят удивительно быстро. Свободное время провожу за чтением литературы... В последнее время очень часто вижу тебя во сне. Иной раз в домашней обстановке, часто со знакомыми в ресторанах. Приподнятое настроение. Галочка, ты теперь моя спутница не только в жизни, но и даже во сне. Все, что нами пережито, быстро забудется, когда встретимся и заживем счастливо...»

5 июля: «...За работой время проходит быстро и незаметно. Если освоюсь, то можно немного заработать. Чувствую себя хорошо. Недавно второй раз просвечивали легкие на рентгене. Врачи находят меня совершенно здоровым (есть только старые очаги). Если врачи говорят правду, то это к лучшему во всех отношениях. Перевод получил, пока на мелкие расходы имею деньги, от предыдущей посылки около 1,5 кг сала осталось.

...Как только бросил курить, у меня развился сильный аппетит. Сейчас куда лучше выгляжу, чем в Чу. Можно надеяться, я больше к куреву не вернусь... Если будет возможность, бандеролью пришли хотя бы последние 2-3 номера журнала «Вопросы истории». В остальной литературе нет никакой нужды. Имею возможность читать любую литературу по своему выбору...»

7 июля: «...Письмо и фото детей доставили мне большую радость. Каждый день смотрю на них и никак не налюбуюсь. Милые личики и знакомые костюмы. Ермушка повзрослел и выглядит хорошо, а Сермуша стал красивым, и я полагаю, что он будет серьезным и вдумчивым мальчиком. Галочка, проявляй максимум внимания к детям. На твоих глазах они незаметно вырастут и будут твоими заботливыми помощниками. У нас больше никого нет».

13 июля: «...На днях сообщили об отправке нас в лагерь. Когда этап — станет известно 14-15 июля. Откровенно говоря, не хотелось бы сейчас трогаться, но куда не денешься, придется ехать в какой-то неведомый край. Во всяком случае, теперь не вижу в этом ничего страшного. По прибытии на место сообщу адрес. Посылку, наверное, не успею получить...

1953 год насыщен событиями. Порадовал меня факт разоблачения презренного врага Берия. Обильно пролитые слезы безвинных людей, их жен и матерей не пропали даром. Пусть он испытает на себе все, что творил над другими.

Рад, что скоро встретишься с детьми. Обязательно напиши о всех переменах, происшедших в их внешности, разговорах и детских увлечениях. Я глубоко верю, что мне удастся принять участие в их воспитании. И наша заветная мечта — отдать их на учебу в

столичные вузы — сбудется. И мы с тобой не раз их будем встречать и провожать. Очень тронут твоими заботами о семье, но только надо беречь здоровье. Пока воздержись от писем...»

16 июля: «Милая, любимая Галочка! Пишу перед отправкой на этап. Куда нас забросит судьба, неизвестно. Совершенно не беспокойся, лично меня это теперь не пугает. В конце концов, неплохо посмотреть на неведомые края. Может быть, месяц или два не сумею сообщить о новом местопребывании. Однако не надо беспокоиться. Если не будет писем, считай, что я в пути. Крепко-накрепко поцелуй наших детей. Надеюсь, что встреча с ними доставит тебе большую радость.

Крепко целую. Всегда неизменно любящий Ермухан».

«Дорогой мой Ермухан!

Сегодня нашему мальчику Сермухану 3 года. Вспомнила день его рождения. Мы отдыхали на даче Совета Министров, а Вы принимали экзамены (государственные) в КазГУ и жили в городе. Когда меня привезли в горбольницу, Абдираим сообщил Вам о моем состоянии. Помню, как Вы буквально прилетели ко мне и передали записку, много конфет, фруктов. Да, невозвратное время! Каждый раз задаю себе вопрос: неужели все кончено и нет правды? Ермухан, родной мой, видимо, честному человеку всегда приходится терпеть от ничтожеств, подхалимов-шкурников. Но вы молодец! Ничто вас не сломало. У вас безжалостно отняли партбилет, а Вы душой настоящий советский человек, коммунист!

Ничего, будем терпеливо ждать, разберутся! А пока берегите себя, трудитесь. В труде легче будет преодолеть этот крутой поворот в жизни. Думайте: где-то есть человек, который страдает вместе с Вами и

ждет. Вам будет легче и все не будет представляться таким безнадежным. Для меня единственное утешение — работа, тружусь с вдохновением.

Целую. Ваша Халима. 19 июня 1953 года».

Положение Ермухана в Петропавловской пересыльной тюрьме было сносным, самое главное, не прерывалась ниточка, связывавшая его с семьей. В заключении, как и на воле, хорошо тем, у кого есть деньги. У Ермухана благодаря Халиме они имелись, часто приходили и посылки. Здесь он неожиданно приобрел друга — Ердена, на крепкое плечо которого всегда мог опереться. И администрация тюрьмы, видимо, учла, как ему, известному ученому, придется тяжело переживать свое падение, и проявляла обычное человеческое сострадание. Шла ему навстречу, выполняя кое-какие его просьбы, особенно связанные с лечением. Спасибо, что нашлись добрые люди! В пересыльной тюрьме осужденные подолгу, как правило, не засиживались. Время от времени тысячи заключенных, которым был назначен длительный срок лишения свободы, грузили в вагон-заки и отправляли в разные лагеря. И вот Ермухан попал в очередной эшелон. На крышах вагонов — пулеметы, на тормозных площадках холодно блестят стволы автоматов охранников. «Куда нас везут?» — пытаются узнать эки у конвоиров. «Молчать, не положено говорить», — пресекают их. Поезд идет день и ночь, неделями...

«Дорогая Галочка! Благополучно добрался до нового места. По сравнению с прежним оно устраивает меня во всех отношениях. Пока не определили никуда, но обещали дать подходящую работу по состоянию здоровья. Думаю, кое-что удастся заработать на прожиточный минимум. А самое главное — срок пребывания здесь будет с каждым годом резко

сокращаться. Разумеется, только при хорошей работе... Чувствую себя хорошо. Впредь посылки не надо посылать. Если будут деньги, то здесь можно купить все, что захочется. На первых порах придется испытать некоторую нужду в деньгах, но ничего. Скоро и я обзаведусь кое-какими средствами. Письма можешь писать неограниченно, и от меня будешь получать регулярно. Очень скучаю по тебе и детям. Подробно напиши о Сермуше и Ермуше, как живете. Как с алма-тинской квартирой и работой? Подробности напишу в следующем письме, нетерпеливо жду весточку.

Горячо любящий твой Ермухан. 16 августа 1953 года.

Иркутская область, г. Бодайбо, почтовый ящик — 200/2».

«Дорогой, родной мой Ермухан!

Почти два месяца от Вас не было писем. Ежедневно ходила на почту, ждала их. Наконец-то пришло долгожданное письмо. Ничего, где бы ни находиться, главное — быть здоровым и трудоспособным. Меня успокаивает одна мысль, что Вы есть и где-то бьется Ваше честное сердце. Судьба! От нее никуда не уйдешь... Может, она еще готовит Вам счастливое будущее. Вспоминаю прекрасные слова Абая: «Унизилась душа моя. Что за жизнь без тебя?! Совсем иссякли силы. Что не испытает человек, если это предначертано Богом?»

Дорогой мой, мужайтесь, старайтесь подавить в себе чувство безысходности, которое сушит человека, терпеливо переносите все тяжести Вашей жизни. Как бы вы не подорвали свое здоровье, меня это беспокоит. Показывайтесь чаще врачам, обращайтесь к ним за советом и помощью, если есть такая возможность, просите посильную работу. Интересно, какие условия зачетов?..

15-20 сентября отправляю домой детей, которые все это время были со мной. Они хорошо отдохнули, поправились, загорели, вдоволь поели узбекских фруктов. Ермуша очень подвижный, озорной мальчик. Младший — весь в Вас. Когда смотрю на него, вспоминаю милые, родные черты: красиво очерченные губы, маленькие пухлые руки. Я представляю, как Вам нелегко читать эти строки, представляю Ваши глаза, полные слез. Я сама пишу и горько плачу. Не надо, не расстраивайтесь, нужно крепиться. Будем много переживать, сами сократим свою жизнь. Дорогой мой, берегите себя, читайте, трудитесь, так легче.

Я все думала к Вам съездить, но теперь вы забрались так далеко... Но ничего — и в Иркутск добраться можно. Пока живу в Ташкенте, с работой хорошо. Дети с мамой в Алма-Ате. Моя Рона собирается переезжать: вышла замуж за московского инженера-архитектора. Мне будет плохо без такой прекрасной подруги, сумевшей облегчить мою жизнь. Вот и все новости. Родной мой, надеюсь, вы окончательно бросили курение, чтобы сохранить для нас лишние десятилетия.

Целую, обнимаю, любящая Вас Халима. 5 сентября 1953 года (страшный день в нашей жизни — день Вашего ареста)».

Из письма Е. Бекмаханова от 25 августа:

«...Здесь лето как лето, но зато зима очень суровая. Сухой мороз очень полезен для моего здоровья, и поэтому он меня не очень беспокоит. Я долго испытывая физическую слабость. Оказывается, в наших условиях и эту трудность можно преодолеть. Сейчас работаю и начинаю приобретать навыки в самых непривычных для меня профессиях.

Пока ответа на свои письменные жалобы не получил. Независимо от этого я решил сокращать свой

астрономический срок честной работой (зачеты). Если не удастся доказать свою честность и добиться законного права на свободу, то рассчитываю на помилование. Этому всеми средствами буду добиваться, а ты посоветуйся с товарищами, не мешало бы еще раз обратиться в президиум с ходатайством. Остаюсь честным советским человеком, как бы некоторые шкурники ни радовались и ни наслаждались паразитической жизнью, я считаю себя намного честнее их. В Петропавловске регулярно читал казахстанские газеты и журналы и был в курсе событий. Если обзаведусь деньгами, думаю выписать «Казправду». Кажим^[95] был отправлен тяжело больным и, наверное, не выздоровеет, вдобавок ко всем несчастьям его красotka от него отказалась. Удивительная вещь: я за это время поумнел и набрался жизненного опыта; и некоторые не представляют, что значит быть вдали от родной семьи и как дорога для человека ее моральная поддержка; и не понять никому, что значит пережить свое несчастье в далеких, чужих краях...»

«Дорогой мой Ермухан!

Очень долго идут письма из Сибири. Ежедневно захожу на почту, но их нет. Вспоминаю, как мы первый год жили в разлуке, жили письмами. Вы тогда редко писали, а после моих просьб — чаще. От этого и крепнувших надежд было легче. Тогда мы и предположить не могли, как жестоко расправится с нами судьба. Но ведь если есть правда, когда-то же она заговорит! Поберегите себя, чтобы видеть своих детей, радоваться их радостям! Оба они умные мальчишки. Меня они очень любят, хоть и видят мало. Они проживут со мною до 1 октября, они сыты, одеты, ни в чем нужды не испытывают. После работы я с ними и от этого общения испытываю огромное удовольствие. Много времени

забирает подготовка к урокам, но зато сколько радости от результатов!..

Дорогой мой, трудитесь. Оберегайте себя! В свободную минуту не грустите о нас. Читайте, книги рассеют ваши печали.

Крепко обнимаю, целую. Любящая ваша Халима. 5 сентября 1953 года».

«...Дети еще при мне, но уже собираются в Алматы. Я задержала их здесь, чтобы дать маме время на ремонт квартиры. Она сейчас белит, красит. Сегодня с мальчиками была на Комсомольском озере, катались на детской железной дороге, были в комнате смеха. Получили колоссальное удовольствие. Смотрю на Сермушку и вижу Вас. Как будто бы Вас без конца его обнимаю, целую.

И а работе нагрузка большая, но тружусь с большим удовольствием. Возвращаюсь обычно поздно, и сразу, едва поев — спать. С утра все то же. Так идут дни за днями. Но все же изредка бываю в кино и театре... Надеюсь, мы это восполним, еще побываем и в театрах Союза. Надеждами только и живу!

Целую крепко, любящая Халима. 21 сентября 1953 года».

«Милая родная Галочка! Вчера только исполнился год моей скитальческой жизни. Год мне кажется вечностью. Но, когда перебираешь в памяти события минувших лет, то сразу все начинает оживать снова. Несмотря на то, что последние годы я чувствовал себя усталым и временами бывало тяжело, я всегда с нетерпением ждал твоего возвращения домой с вечерней работы. О моих многочисленных командировках уже говорить нечего. Каждая новая встреча после разлуки доставляла мне большую радость. Помнишь, я всегда говорил тебе, что я

переживаю вторую молодость и любовь. А ты, может быть, не всегда этому могла придавать значение... Сколько было у нас светлых дней и сколько с тобой было пережито неприятного. Я очень жалею, что последние 3-4 года совершенно зря пропали для меня в бесплодных и никому не нужных рассуждениях. Слишком я был безжалостным к себе, придавал значение бесконечно глупым затеям и шумихам. Пройдут годы, улягутся страсти, успокоятся горячие головы, и люди трезво оценят наше прошлое. Но я уверен, что все эти шумихи не стоят ломаного гроша. Все это можно было сделать без жертв. Недавно прочел книгу Уилсона «Жизнь во мгле», издания 1952 года, перевод с английского. Автор не наш человек и ярый защитник чужого строя, но есть там интересные моменты для нашего читателя. Мне понравились образы Сатина и Ерика. Если представится возможность, то прочти. Во мне никаких изменений не произошло. Выгляжу так же, как и года два-три назад. Седых волос стало больше, но это только украшает мужчину. Стараюсь питаться нормально, думаю, что буду в состоянии обеспечить себя нормальным питанием. Здесь суровая зима (60 градусов), пока устроился неплохо. Если сможешь, то по почте пришли кое-какие теплые вещи (в предыдущем письме сказано). Какие бы расстояния не отделяли нас, мы всегда будем вместе. Я просто удивляюсь живучести человека и его умению приспособливаться к любым невзгодам. Часто думаю над своей судьбой, прихожу к твердому убеждению, что долго сидеть не буду. Это не иллюзорные надежды, мои думы основаны на реальных фактах. Сама знаешь, сколько за этот только над наше правительство сделало для народа облегчений, имеющих важное значение на современном этапе. Ответа на мои жалобы не поступило. Теперь думаю направить просьбу о помиловании в Верховный Совет, и тебе не мешало бы

написать обстоятельное туда письмо. Если чистый срок сократили бы, то здесь с зачетами можно было бы скорее отделаться (это я рассчитываю, если на худой конец, не будет для нашего брата просвета)...

...Крепко целую и обнимаю. Любящий вас Ермухан. 3 сентября 1953 года».

«Дорогой мой Ермухан!

Наконец, получила письмо. Уже думала, что Вас двинули куда-нибудь дальше. Рада, что Вы здоровы и бодры, для меня это очень важно. Мне хочется жить и еще больше работать, когда я знаю, что вы здоровы и трудитесь. Дети хорошо отдохнули, посмотрели все достопримечательности Ташкента, были в оперном и кукольном театрах, цирке. А теперь уехали домой. Дети наши развитые, многим интересуются, не сразу и ответишь на их вопросы. Хотят знать, откуда появился человек, что такое метеориты? Старший хочет быть капитаном, младший — моряком. Потому и подарила им матросские бушлаты и бескозырки, купила им летние костюмы и ткань на рубашки. Были рады они и игрушкам. Тетя с мамой получили отрезы на платья. Постаралась я доставить им удовольствие в эти месяцы, когда они у меня гостили. Могли бы и еще оставаться, но мне надо ехать на хлопок...

Работа вполне меня удовлетворяет и бодрит, Галия исключительно заботлива, питаюсь нормально. И потому обо мне не беспокойтесь и не тоскуйте. Пока я здорова, Вас никогда не оставлю.

Интересно, дошел ли перевод на 100 рублей от 4 сентября? Пишите чаще. Жду писем. Целую.

Ваша любящая Халима. 12 октября 1953 года».

В письмах опального историка из мест заключения нет ни одного вопроса о житье-бытье друзей-товарищей, сослуживцев, руководителей республики. К

ним он не обращается с просьбами. Все жалобы направляет только в Москву. Понятно, что это не случайно. Он не мог забыть глубокой обиды, нанесенной ими и сидевшей, как заноза, в сердце. Вновь и вновь он прокручивал в памяти все, что предшествовало его заключению. Вспоминал о предательстве и клевете, о трусости и лицемерии. О том, как отдали его на заклатие МГБ люди, занимающие высокие посты, у которых и поныне в кармане — партийные билеты. Когда-то он принимал за чистую монету их напыщенные речи с трибун о любви к Родине, героизме, высокой морали, о чести и совести. Все на поверку оказалось декорацией к спектаклю, который с ним разыграли. Все, кто держал власть, думали только о сохранении своего положения. Они проявили трусость, что не к липу руководителям. Тот, кто взялся вести за собой народ, должен быть смелым и не прятаться в кусты в час испытания.

Назло беспринципным чиновникам Ермухан решил бороться до конца, чтобы вырваться на волю, ибо знал, что ему с его здоровьем долго не выдержать шестидесяти градусные морозы Восточной Сибири. К тому же он видел, что некоторые политические заключенные, в том числе крупные российские ученые, находили разные пути освобождения и уже покидали лагерь. Почему же и ему не попробовать? Ведь ему нечего терять, кроме своих цепей. Поразмыслив так, преодолев горечь нанесенной ему обиды, он решил напомнить ЦК Казахстана, что жив и надеется на его помощь. Тем более в его деле впервые появился просвет...

*«Секретарю ЦК КП Казахстана Ж. Шаяхметову,
Отбываю свой срок в далеких сибирских сугробах.
Остается еще 23 года с лишним до конца срока. Какие
бы тяжелые страдания я ни испытывал и как бы*

жестoko ни был наказан, я до конца остаюсь честным гражданином своего Отечества. Время — великая проверка всех моральных и духовных качеств человека, оно меняет его. Если когда-либо представится возможность вернуться к своей профессии, то честные люди убедятся в этом.

Весь следственный материал от начала до конца состоит из рецензий на мою книгу «Казахстан в 20-40 годы XIX века» и «Историю Казахской ССР» первого и второго издания. О методах следствия нельзя вспоминать без отвращения. Методы запугивания и обмана сопутствовали на протяжении всего следствия. Отдельных честных людей следователи не смогли склонить на свою сторону, хотя всеми средствами пытались этого добиться. Глубоко верю в справедливость советского правосудия и терпеливо жду положительного решения моего вопроса. За это время написал единственную жалобу на имя Маленкова. На днях получил ответ из Верховного Суда СССР, в котором сообщается, что затребовано мое дело для пересмотра. Обращаюсь к Вам с просьбой помочь в объективном решении моей судьбы. Я на ваших глазах вырос, и Вы хорошо знаете мое прошлое и настоящее. В чьих интересах из меня искусственно создавать врага? Я признал свои ошибки и на справедливую партийную критику ответил делом — написал монографию «Присоединение Казахстана к России в XIX веке» (объем 30 печ. листов), одобренную Панкратовой, Дружининым, Кучкиным и другими учеными АН СССР. Монография специально была просмотрена экспертной комиссией МГБ КазССР, которая не обнаружила никаких извращений и серьезных ошибок. (Заключение комиссии приобщено к моему делу.)

Суровое наказание научило меня многому. Поумнел. Думаю, что теперь из меня вышел бы неплохой историк.

Еще раз прошу помочь мне добиться свободы и на деле искупить свою вину перед партией и Родиной честным трудом.

Е. Бекмаханов, 4 октября 1953 года

Иркутская обл., г. Бодайбо, прииск «Артем», п/я — 200/6».

Это заявление было направлено в ЦК (обратите внимание на дату отправления!) в надежде на то, что курс, взятый в последнее время Центральным комитетом КПСС и Правительством СССР, изменил позицию руководителей Казахстана. Но, увы, историк опять ошибся в своих предположениях, его жалоба вновь осталась без ответа. Почему? Нам и сегодня непонятно молчание Жумабая Шаяхметулы. Читателям уже известно, что свою причастность к этой политической кампании, отстранению К. И. Сатпаева и других от научных обязанностей он оправдывал принуждением кремлевских чиновников. А теперь, после марта 1953 года, политическая ситуация в стране изменилась в лучшую сторону. Президиум и секретариат Центрального комитета КПСС постепенно отходили от жесткой линии руководства времен И. Сталина. Это только незрячие могли не видеть. А Ж. Шаяхметов, как зрелый политический деятель, всегда отдававший отчет своим поступкам и отлично ориентировавшийся в кремлевских тусовках, должен был сделать из этих послаблений соответствующие выводы, догадаться и понять, что настало другое время, и отозваться на крик души хорошо известного ему историка из глубины холодной Сибири. Он вполне мог, взяв за основу заявление Ермухана Бекмаханова, направить в ЦК КПСС официальное ходатайство бюро ЦК КП Казахстана о пересмотре дел не только опального историка, но и других ученых, несправедливо осужденных и отбывающих наказание в ГУЛАГе. Этим

поступком он развязал бы сложный узел, скоропалительно и опрометчиво завязанный два года тому назад. Наверняка вся казахская общественность горячо одобрила бы этот поистине мужественный и человечный шаг. И это вопреки всем слухам и разным толкам спасло бы его подмоченную репутацию, заодно и весь партийный аппарат ЦК от будущего суда истории. Но, увы! Этого не случилось.

Жумабай Шаяхметов и все его подручные предпочли не вмешиваться в судьбу осужденного «опасного преступника», сделали вид, что никакого заявления от Бекмаханова не было. Это еще раз доказывает, что партийное руководство Казахстана действительно оторвалось от жизни, было страшно далеко от народных чаяний. Проявило близорукость. Оценить по-другому его действия невозможно...

Что оставалось замордованному, метавшемуся как зверь в клетке, но все еще неистовому историку? Горя желанием скорее увидеть своих малышей, молодую жену, Ермухан искал всяческие пути, чтобы приблизить встречу с ними. Потому он напросился на разрядку на золотой прииск, где день засчитывался за два. Благо, охотников там работать было мало. Его послали на шахту «Артем», где добывалась золотоносная руда.

«На «золоте» рабочий день был четырнадцать часов. Летом не бывало никаких выходных дней, «списочный состав» каждой забойной бригады менялся в течение золотого сезона несколько раз. «Людские отходы» извергались — палками, прикладами, тычками, голодом, холодом — из забоя — в больницу, под сопку, в инвалидные лагеря. На смену им бросали новичков из-за моря, с «этапа» без всяких ограничений. Выполнение плана по золоту обеспечивалось любой ценой. Попасть на золото значило попасть в могилу, — писал русский

писатель Варлам Шаламов^[96] в своих документальных «Колымских рассказах» — самой правдивой и страшной книге о сталинских лагерях. — Полежать в больнице, даже умереть на чистой постели, а не в бараке, не в забое, не под сапогами бригадиров, конвоиров и нарядчиков, — мечта всякого зэка. Самым, пожалуй, страшным, беспощадным был холод. Ведь активировали (то есть освобождали от работы) только в мороз ниже 55 градусов. Ловили вот этот 56-й градус Цельсия, который определяли по плевку, стывшему на лету по шуму мороза, ибо мороз имеет язык, который называется по якутски «шепот звезд». Этот шепот звезд нами был усвоен быстро и жестоко. Первое же отморожение; пальцы, руки, нос, уши. лицо, все, что прихватит малейшим движением воздуха. И можно было отказаться работать...»

Ермухан Бекмаханов не смог выдержать и этот «шалящий» режим больше месяца и, как только почувствовал себя еще хуже, перешел на более легкую работу в самом лагере...

После перевода его в город Бодайбо Иркутской области переписка с Ташкентом затруднилась. Каждое письмо шло почти месяц. Посылки обходились теперь дороже. Например, за восьмикилограммовую посылку, отправляемую воздушным путем, необходимо было заплатить 130-140 рублей. Однажды у Халимы Адамбеккызы не хватило денег для отправки очередной посылки, и она вынуждена была вместо нее перевести в Бодайбо 100 рублей...

«Милая Галочка! После долгого ожидания и беспокойства получил сразу два письма. Весть о вашем благополучии сразу рассеяла грусть и волнение, и сердце наполнилось радостью. Я раньше как-то не замечал, как томительно ждать письма от родного,

близкого и любимого человека. И вот теперь в этом убедился, не получив от вас ни строчки за последние три месяца. Я живу ради вас и любимых детей, и для меня не существует другой жизни. Много раз перечитываю твое письмо и в каждой строке столько запоминающегося и столько теплоты, что невольно наворачиваются слезы на глаза. Будучи в тюрьме, читал произведения армянского поэта Додоханяна и мне запомнились строки:

«Расскажу, сколько бед
Я терплю много лет,
Потому я в слезах.
Что полжизни уж нет».

Я лично не жалуясь. К моему удивлению, я оказался намного практичнее, чем предполагал. Если бы не пошатнувшееся здоровье, то любую работу мог освоить и приносить посильную пользу. С моей болезнью здесь считаются. Теперешняя работа меня вполне устраивает. Работаю в кругу медиков. Со временем можно приобрести в этой области дополнительную специальность. Повседневная работа и в перерыве — чтение художественной литературы целиком поглощают время. Я перестаю думать о неволе...

Питаюсь хорошо, выгляжу совершенно молодым. А суровая зима дальнего Севера исключительно благоприятно сказывается на моих легких. На деньги можно купить все: масло, ветчину, сахар, белый хлеб и другое. Мой скромный заработок будет подспорьем для меня, а для вас ежемесячно 100 рублей переводить будет трудновато. Поэтому, Галочка, с переводами будьте осторожны...

Напиши через Ирину Анне Михайловне и пусть знает, что на мое заявление не последовало ответа...

*Крепко целую и обнимаю, горячо любящий Ермухан.
24 сентября 1953 года».*

«Дорогой Ермухан! Пишу с уборки хлопка, где работаю учетчицей. Подсчет собранного занимает так много времени, что нет ни минуты, чтобы написать Вам. На счастье сегодня день дождливый, сидим дома. Вот и села за письмо. Посмотрел бы на меня: в платке, телогрейке — типичная колхозница. Но зато колхоз в Чиназе — миллионер. У него огромная территория, а все окружающее и дом, где я живу, напоминают Чу. По вечерам звучит по радио татарская музыка. Помните, Вы ведь так любили ее, мы не пропускали ни одного концерта татарских артистов. Меня эти звуки волнуют, все вспоминаю, не могу уснуть, а усну, вижу кошмары.

Дорогой мой, на днях поеду в город и, получив зарплату, отправлю Вам посылкой ушанку и теплые носки. Из письма Галии, звонившей в Алма-Ату, знаю, что у детей все в порядке, они даже говорили с Галией по телефону. Я, хоть и спокойна за них, но очень скучаю, особенно после того, как они два месяца прожили со мной рядом. Только надо быть за них спокойными: мама в них души не чает, а тетя так опекает и бережет.

Завершаю письмо уже в городе, куда нас отпустили на две недели. Тороплюсь на почту, где, наверное, меня уже давно ждут Ваши письма. Дорогой мой, не горюйте: ведь дети наши не брошены на произвол, живут и воспитываются в нормальных условиях. Когда увидите, будете ими гордиться.

Крепко целую. Ваша любимая Халима. 1 ноября 1953 г.».

Отрывки из писем Е. Бекмаханова из Бодайбо в Ташкент, написанных осенью:

4 октября 1953 года: «...За истекшие два месяца имею зачеты. При благоприятных обстоятельствах зачеты будут идти своим чередом. Рассчитывать на одни зачеты трудно, однако польза от них будет. Завтра подаю на помилование, если благосклонно отнесутся к моим делам, можно надеяться на благополучный исход.

Галочка! Почему-то мало пишешь о Ермуше и Сермуше. Скоро Ермуша будет школьником. У него уже будут свои интересы, свои радости и печали. Надеюсь, что скоро будем вместе с детьми. А родительское внимание и ласка для них очень много значат...

Галочка! Если представится возможность, вышли небольшую посылку с сухими фруктами, тетради, марки и конверты. Я просил бы бандеролью выслать несколько свежих номеров журнала «Вопросы истории»... Любовь к тебе и скуку я не в состоянии передать в одном письме. Вдали от вас живу вашей жизнью и думами, и это вселяет в меня уверенность в нашу счастливую встречу...»

19 октября 1953 года: «Милая Галочка! Сегодня суббота. Чувствую себя немного свободнее от повседневной суеты. Услышал, наш долгожданный почтальон раздает почту. Сразу пошел к нему, но, увы, мне и моему товарищу Беку (речь идет об историке Бегежане Сулейменове. — М. С.) из ваших краев ничего нет. Обидно, но ничего не поделаешь, так чертовски долго стали идти письма. На днях отправил тебе письмо, не знаю, скоро ли дойдет. В тяжелые минуты вынужден браться за ручку и писать... Сегодня отправляю вторую по счету жалобу на имя Хрущева, последует ли ответ или нет, трудно сказать. К некоторым моим коллегам проявили большое снисхождение. Им сократили сроки до 70 %, а статья и сроки такие же, как у меня. Правда, у них жены боевые,

успели побывать на приеме у К. Е. Ворошилова, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Буду терпеливо ждать ответа на свои жалобы... Зима начала вступать в свои законные права...»

Наверное, это тоже ирония судьбы: Ермухан в Бодайбо встретил своего коллегу Бегежана Сулсйменова, который был старше его на три года. В прошлой жизни он был человеком волевым и самоуверенным. Но, по всему виду, голод и холод, тюремные камеры, арестантские вагоны, барачные неудобства окончательно сломали его. Худой, ко всему безразличный, он напоминал живого мертвеца. Ермухан даже не сразу узнал своего старшего коллегу, так он, Бек Сулейменов, изменился за 15 месяцев заключения. Его взяли в июле 1952 года. За это время он постарел по крайней мере лет на пятнадцать. Казалось, стал даже ниже ростом. Во всем облике Бека Сулейменулы прежними остались только густые брови и пронзительный, злой взгляд. При встрече его глаза на миг загорелись от радости, но тут же потухли, будто что-то его смутило.

— Апыр-ай, Беке, что с вами? — Ермухан бросился к старому знакомому, забыв прошлые ссоры, ютовый его обнять, но коллега отчужденно отстранился.

— Вижу, что ты прибыл с последним этапом, а давно сидишь?

— Из четвертной пока отсидел только один год, Беке. Срок мой начался с сентября.

— Значит, мы — вчерашние враги — теперь на равных... — усмехнулся Бек Сулейменулы, глубоко вздохнув и обнажив редкие зубы. — Получается, что я освобожусь лишь на два месяца раньше тебя... Ладно, рассказывай о своих домашних, получаешь какие-либо вести?..

— Младшая жена Халима шлет мне ежемесячно по четыре, иногда и по пять писем, аккуратно переводит деньги, вдобавок отправляет посылки. В этом я счастлив безмерно, чем и живу!.. — поделился Ермухан своими новостями. А что случилось с вами, почему вы так сильно изменились? Не болеете ли?

— Здоров, не жалуясь. А писем мне писать некому... Беда у меня, Ермухан, оттого я такой потерянный, день и ночь гложет меня червь бессилия. Из двадцати пяти лет мне, наверное, и пяти не отсидеть, скорее всего, я загнусь здесь... Рассказывать обо всем придется слишком долго, тяжело... — Так резко прервав мимолетную встречу, старший коллега отошел прочь.

Это тоже было непохоже на прежде словоохотливого Бека Сулейменова. Раньше он любил лясы точить. Не зря алма-атинские сплетники говорили, что он получил свой срок из-за того, что слишком много болтал, не очень-то оглядываясь по сторонам, короче, за свой длинный язык. Кое в чем они были нравы, но обвинение, предъявленное ему, было гораздо серьезнее^[97].

Между Ермуханом и Бекком кошка пробежала давно. Их конфликт, длившийся несколько лет, начался со времени защиты Ермуханом докторской диссертации и достиг кульминации в момент выхода его монографии в свет. Притом атаки начинал старший коллега. Кстати, оба историка, но мнению многих их сослуживцев, стоили один другого: оба были талантливы, обладали обширными знаниями, прекрасно владели казахским и русским языками и по своей образованности стояли на голову выше коллег. Разница была лишь в том, что Сулейменов не всегда был настойчив в достижении поставленной цели. Именно потому Ермухан, более собранный, опередил своего коллегу. И соперничество между ними только усилилось. Они постоянно

ссорились. Результат их упрямства оказался плачевным. Оба загремели в лагерь, по иронии судьбы ели кашу из одного котла, лежали рядом на деревянных досках двухэтажных нар сектора «А». Разумеется, перестали спорить, прекратили взаимные укоры. Выходит, поумнели...

Ермухан Бекмаханулы из рассказа самого Бека Сулеменова узнал, что его путь в Бодайбо оказался страшно тяжелым и мучительным: в пересыльной тюрьме Новосибирска он сидел довольно долго; жена его, Лидия, русская, музыковед, работавшая до ареста мужа в Алма-Атинской консерватории, преданная спутница по жизни, во всем потакавшая крутому по характеру суп руту, привезла ему передачу. Однако приехавшей из далекого Казахстана женщине безжалостное и тупое начальство тюрьмы не разрешило увидеться с мужем. Поводом для отказа, очевидно, служила ожидаемая отправка арестантов в дальний лагерь. Но упрямая женщина решила хоть издалека увидеть его. День и ночь просиживая в зале ожидания вокзала, стала караулить эшелон с арестантами. К несчастью, в конце концов, она дождалась своего. Она пошла по ряду вагон-заков, выстроившихся на железнодорожном пути, и нашла своего Бека. Он в тот момент, словно предчувствуя желанную встречу со своим близким человеком, стоял у окошка с железными прутьями. Они успели только помахать друг другу, а жена старалась приблизиться к нему... Но, увы, бдительный конвой арестантского эшелона, заметив ее, тут же отогнал несчастную от вагона. Горячие просьбы женщины, умолявшей разрешить ей постоять хотя бы несколько минут у окна и передать съестные припасы мужу, — не подействовали. И тогда она решилась на отчаянный шаг. Возможно, сказала усталость от всех пережитых ею несчастий (она была уволена с работы, бедствовала со дня ареста мужа), да и бесконечные

отказы карательных органов на ее просьбы, похоже, окончательно подорвали ее нервы. Она вдруг бросилась под встречный поезд, идущий с противоположной стороны, притом все случилось так быстро, что ни машинист паровоза, ни рядом стоящие охранники не смогли предотвратить ее гибель. Зато все они слышали ее последние слова о том, что она делает это сознательно, выкрикнув: «Все вы сволочи, будьте вы прокляты! Сама власть и вы — цепные ее собаки!..» И самое страшное, весь этот ужас произошел на глазах Бека Сулейменова, смотревшего на свою жену через оконную решетку вагон-зака. Потрясенный случившимся, бедный арестант в бессилии бился головой о деревянную стену вагона до беспамятства^[98]...

Кажется, все было кончено. Как ни велика была потеря любимой жены, с которой прожил много лет, все же он не смог совершить акт возмездия над собой, хотя в первые дни постояв но думал об этом. Надо было держаться, смотреть вперед. Горечь в груди, боль в сердце не отпускали ни днем ни ночью, но постепенно он стал приходить в себя, понемногу возвращаться к жизни.

Однако здесь, в Бодайбо, его подстерегала новая неприятность, совершенно неожиданная. Связана она была с продуктовой посылкой, которую он получил от близкого родственника из родного села Челкар, проявившего к нему сострадание и хотевшего хоть этим подарком утешить его горе. Как только Бек открыл ее, лагерные блатари, следившие за ним, окружили его и, угрожая ножами, потребовали отдать все содержимое подобру-поздорову. Снова столкнувшись с неприкрытой наглостью и беспределом, зэк послал их подальше. Произошла драка. Когда же блатари стали одолевать, он, то ли вовсе озверел, то ли решил стоять до конца, в

общем, во всю мочь закричал: «О, аруахи предков, поддержите меня! Аллах великодушный, есть ли здесь мусульмане, помогите?!..» — и впился зубами в горло одного из грабителей. А нападавшие повалили его и стали избивать. Но тут схватка приобрела непредвиденный оборот. Откуда-то нагрянули четверо чеченцев, которые и спасли беднягу; заодно и его добро...

— Я тех собак тебе покажу. Вообще, ты, Ермухан, остерегайся их. Познакомлю тебя и с чеченцами. Они из тех, которые были насильно переселены к нам в Казахстан в годы войны, по-казахски разговаривают свободно. В ту самую критическую минуту я ведь невольно закричал по-казахски, призывая сородичей на помощь, и они услышали меня. Если бы не они, я давно лежал бы с биркой на ноге под каким-нибудь бугорком, Ермухаш... Ты меня спрашиваешь, почему я тронутый и страшно худой. Худоба моя — от моих переживаний... За тобой издалека следит молодая жена, на нее ты можешь положиться, у тебя есть дети, семья, которая молится о твоём возвращении. А у меня кто есть? Один-единешенек я, Ермухаш, совсем осиротел!..

Узнав подробности всего случившегося с Беком, Ермухан постарался забыть про свои обиды и решил всячески помогать ему, чтобы он совсем не потерял голову в этом лагерном кошмаре. Как говорится в таких случаях, беда помирила обоих. Как-то в момент отдыха Бегежан представил Ермухана здоровенному мужчине, чеченцу:

— Эй, Рустам, это мой приятель! — И, чуть помедлив, добавил: — И для вас, кавказцев, он не чужой человек, Ермухан написал научную книгу о восстании Кенесары, который выступил, как и ваш имам Шамиль, против завоеваний русским царем родных земель, за что и осужден...

Пожилый чеченец был поражен:

— Это правда? Вы на самом деле за это сидите?

— Да, я писал о них обоих, — ответил Ермухан. — Они — ваш Шамиль и наш Кенесары — своими геройскими действиями очень похожи, хотя один родился в сакле в кавказских горах, а другой — в казахской степи. Оба остались в памяти народов как борцы за свободу.

Вечером того же дня Рустам пришел с целой группой чеченцев и накрыл дастархан на нарах Ермухана. По его словам, у него и еще у двух его соотечественников прапрадеды были мюридами самого имама Шамиля и завещали всем своим потомкам свято чтить его имя... Расчувствовавшись, чеченцы пообещали:

— Ереке, отныне мы будем опекать вас от всякой здешней мрази!..

— Апыр-ай, я не думал, не гадал, воссоздавая в книге героические образы Кенесары и Шамиля, что здесь, в Сибири, встречу внуков и правнуков храбрых мюридов великого имама! — воскликнул Ермухан. — Поистине непостижимо! Вы наши братья по духу и религии! Я благодарен вам за ваше покровительство, как истинные мусульмане мы должны поддерживать друг друга, жить здесь, в лагере, в согласии и дружбе! Я уже понял, что вы нас с Беке не дадите в обиду. Но вместе с нами отбывает наказание наш ученый по имени Кажим, он всех нас старше, значит, ага. Он пострадал за то, что прославлял подвиги наших народных батыров! Заодно уж заключите и его в ваши объятия. Пусть великодушный Аллах придаст вам еще больше сил и мужества!..

Судьбе угодно было, чтобы в одном лагере встретились три выдающихся деятеля казахской культуры, трое ученых с опа-лепными крыльями. Здесь были и другие казахи, осужденные на разные сроки. Все они каждый вечер, после тяжелой работы, особенно по

воскресеньям, когда объявлялся выходной, собирались вместе и в дружеских беседах отводили душу. Нередко в этом кругу Ермухан и Бек вспоминали интересные эпизоды из истории страны. Но чаще других вниманием завладевал Кажыгали (Кажым) Жумалиев, получивший известность как поэт. Кажым-ага знал наизусть множество песен и стихов, героических дастанов, в которых насчитывалось несколько тысяч строк. Своим характерным хриплым голосом он мог без устали читать их подряд несколько дней. Помимо шедевров казахского поэтического наследия, он знал на память зарубежную и русскую классику: «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Евгения Онегина» Александра Пушкина и другие произведения. Когда он их читал, его окружали русские интеллигенты, бывшие профессора и доценты. Иные плакали, тронутые чарующим искусством чтеца. Одним из любимых произведений Кажеке, бывшего профессора, члена-корреспондента Академии наук, было «Поэтическое состязание-айтыс Биржана и Сары», по его словам, способное заморозить птицу на небе. Когда он его читал, непрерывно раздавался возглас «браво!». Потом слушатели с изумлением спрашивали:

— Ой, Кажеке, когда же вы все это успели выучить, разве у профессора на это было время?

Кажеке громко смеялся:

— Ну, дорогие, спасибо за похвалу; А этот айтыс я знаю слишком хорошо, потому что именно я писал либретто для оперы «Биржан и Сара» Мухана Тулебаева. Увлеченный мастерством акынов-импровизаторов, их песенным даром, много раз перечитывая текст айтыса, я незаметно выучил его наизусть. Так я запомнил и многие другие поэтические вещи. Слава Аллаху за то, что он наградил меня такой крепкой памятью.

Нередко слушатели просили Кажеке почитать им стихи поэта-бунтаря Махамбета, которые поднимали их

настроение. Стихи эти настолько наэлектризовывали Кажеке, что порой он в крайнем возбуждении вскакивал с места и начинал размахивать рукой, как саблей, будто сражался с невидимым противником. Иногда он предлагал разыграть целые театральные сцены:

— Друзья, кто-нибудь возьмите на себя роль Баймаганбета султана. А я буду Махамбетом и покажу ему кузькину мать.

Если кто-нибудь, не знавший темперамента Кажеке, соглашался, то в ходе чтения монолога Махамбета ему порядочно доставалось по спине, а под коней — по мягкому месту...

Все это в какой-то мере взбадривало гонимых и обычно унылых бедняг, запертых в окруженной высоким бетонным забором зоне. Правда, иногда кто-нибудь тяжело вздыхал:

— И кому не угодил Кажеке, какая сволочь этого чародея слова упекла в лагерь, о, Аллах, настанет ли час расплаты с нашими мучителями?

Сам Кажым, несмотря на видимую неутомимость, заметно сдавал.

— Здоровье мое уже подорвано, — говорил он в минуты откровения. — Ступни ног обморожены и горят, как будто бы я хожу по горячей плите, колени ноют, руки дрожат. По всему видать, что до дома я не дотяну: Особенно сильно подкосило меня коварство моей красотки, это было большее, чем измывательства тюремщиков. А я тоже дурак, не внял предупреждению предков насчет того, что самый коварный враг — это жена. Да, они были правы, только понял я это слишком поздно...

— Кажеке, перестаньте горевать, и вы, и мы еще вернемся на родину, — успокаивали его коллеги. — Без пели живущий — огню без пламени подобен. Нс вечно вы будете изгнанником и страдальцем. Верьте в лучшее, и вам поможет аруах Исатая-батыра, о котором

вы даже написали драму, почаще повторяйте вслух стихи Махамбета, они не дадут вам окончательно пасть духом...

Кажеке в таких случаях ничего не отвечал, а потом целыми часами молча лежал на нарах.

3

«Милая Галочка! Пишу с небольшим перерывом, за что прошу извинить. Сколько можно ждать писем? Я начинаю терять самообладание, нервничаю и по-прежнему стал страдать бессонницей. Напиши, пожалуйста, здоровы ли дети и как себя чувствуешь. Ни днях получил ответ на свою жалобу на имя Маленкова. Мое дело затребовали для рассмотрения Верховным Судом СССР (датировано началом августа). На этот факт смотрю исключительно положительно. Могут реабилитировать, а в крайнем случае сделают серьезное облегчение. Решение Верховного Суда жду в ноябре-декабре. Я просил бы через Ирину поставить об этом в известность Анну Михайловну, Как уже писал, некоторые аналогичные дела пересмотрены и решены положительно. Лагерь вступил в полосу суровой зимы. Работаю на прежнем месте. Много дел и бесконечной суеты. Но при этом данная работа вполне устраивает. Зачеты идут своим чередом...

Целую, любящий тебя Ермухан. 28 октября 1953 года».

Бодайбо, 9 ноября 1953 года:

«...Иногда перебираю в памяти дни, проведенные под следствием, и смеюсь над моими доносчиками. Ведь меня обвиняли в том, что я попал под влияние Ауэзова и Муканова, потому, мол, стал отъявленным националистом. А их в своем недавнем выступлении

генеральный секретарь Союза писателей СССР А. Фадеев совершенно справедливо назвал настоящими патриотами Советской Родины. Думаю, что во всем этом должны разобраться в Москве, если ознакомятся с моими следственными материалами...

Галочка! Я горжусь тобой. Редкие люди могут так стойко переносить разлуку и огорчения. И ты не только не потеряла разум в вихре жизни, а смело и уверенно смотришь в наше счастливое завтра. Обильно пролитые наши слезы даром не пропадут, и думаю, что скоро наступит конец этому...»

Отрывки из писем Халимы Адамбеккызы, написанных осенью 1953 года:

4 ноября 1953 года: «...На днях говорила с детьми. Они здоровы, бегают, резвятся. Собрала им посылку: теплые зимние вещи, немного продуктов, игрушки. Ежемесячно высылаю им денег. Мама работает на прежнем месте, с квартирой нет проблем. Пока ни в чем не нуждаемся, а что будет дальше, не знаю. Было бы здоровье, а все остальное — преходяще.

Ермухан, дорогой, меня мучает мысль, что я бессильна, не властна помочь Вам, что я не «боевая жена». Правда и то, что я не напориста, не нахальна, а спокойна и чувствительна. Вот и в Москве была, а сделать что-либо не смогла. И трудно было, и советовали мне повременить. Письма остались безответными. А в тех, что были получены, написано: оснований для пересмотра нет. Теперь я возобновила заявления, снова жду ответов. Летом думаю съездить сама, понемногу откладываю гроши. Если карман позволит, то и к Вам доберусь. Я никогда не оставлю Вас, мой дорогой, не печальтесь. Не может быть, чтобы нас одолела судьба...

Дорогой, будьте терпеливы, не теряйте надежды. Целую — любящая Халима».

4 ноября, телеграмма: *«Вернулась с хлопка. Завтра вышлю посылку. Поздравляю с Великим Октябрем! Целую ваша Халима».*

25 ноября 1953 года: *«... Будем терпеливо ждать расследования и положительного решения. Но боюсь формализма, боюсь обмануться. На «Казправду» и «Вопросы истории» подпишусь на полгода, потом подписку продлим. Дорогой мой, берегите себя, мы мысленно с вами. Посылаю старый снимок, позже сделаю новый, Как с курением? Крепко обнимаю и целую — Ваша Халима».*

28 ноября 1953 года: *«...Вспоминаю первый год нашей с Вами жизни. Насколько она была неустроенна, но зато много было любви в наших отношениях... Постепенно мы заимели квартиру, стали приобретать необходимые вещи. С какой радостью я ходила «встречать» кровать, которую Вы послали из Москвы! Постепенно собрали хорошую библиотеку. А как радовались Вы, когда к вашему приезду я приготовила книжный шкаф. Да, все это было. А ведь мы тогда недооценивали все это, иногда обижали друг друга. Знать бы, что ждет, и голоса бы не повысили, правда? Если суждено вновь обрести счастье, будем жить душа в душу.*

Сегодня суббота. Мы с Роной пишем письма. Она собирается переезжать к мужу в Москву... Теперь все это предстоит пережить Роне: у них еще нет ни квартиры, ни работы. Я переживаю за ее неустроенность, так как очень ее люблю. Муж ее симпатичный парень, архитектор. Мы с ее мамой проводим Рону в декабре и останемся вдвоем...»

5 декабря: «...Как у Вас с маслом, сахаром и другими продуктами? Теперь придется аккуратно высылать только деньги, а посылки лишь с 7 мая по 1 сентября...

Любимый мой, у меня только слезы и никакой власти. Как часто я бессильна что-либо сделать. Вам надо, сохранив лицо честного человека, терпеливо ждать... Берегите силы, не увлекайтесь зачетами, не беритесь за непосильную работу. Покажитесь врачам. Для тяжелой физической работы надо себя закалять постепенно, тогда и она будет результативной. По почтовому штампу я догадалась, что вы работаете на прииске...»

Декабрь 1953 года, телеграмма:

«Любимый мой! Поздравляю Вас с Новым годом. Пусть он принесет Вам счастье. Только одного желаю — свободы! Целую и горячо обнимаю. Ваша Халима».

Из последних писем, посланных жене Ермуханом Бекмахановым из Бодайбо:

25 ноября 1953 года: «...Галочка! Живу хорошо, два раза получил по 100 рублей, о последней сотне ты ничего не писала, может быть, позабыла. Сибирскую зиму переношу нормально, хотя не часто бываю на морозе. Очень скучаю по Нас и моим чертуханам (сыновьям. — М. С.) — душа разрывается от нетерпения, когда придет долгожданная свобода! Слово «свобода» для меня всегда было священным. Жду свежую весточку об Ермушке и Сермуханчике, их фото...»

5 декабря: «Пока из Москвы ответа не получил. Но почему-то в последнее время у меня доброе предчувствие. Я этому всегда верю. Верховод положительно должен решить мой вопрос. Кроме того, к Новому году ожидается какой-то приятный сюрприз от нашего правительства. Думаю, что все это тебе

покажется какой-то фантазией. Я, как мыслящий человек, часто задумываюсь над своим положением и неизбежно прихожу к выводу, что должен быть на свободе. Галочка, не проходит дня, когда бы я не думал о вас, о милых Ермуше и Сермуше...

Недавно из Москвы по радио слушал выступление наших алма-атинских артистов. Среди них Байгали, Ануарбека, Шабала и других. Я на миг мысленно перенесся в минувшие годы и вспомнил последнюю нашу встречу. Как бы тяжело ни было. я всегда припоминаю слова незабвенного оптимиста, нашего соседа Степана Григорьева — «всегда за плохим последует хорошее...». На воле я от души над этим смеялся, но он был великим оптимистом. Я стал его последователем. Единственное желание — увидеть вас и милых детей и честно работать на благо Отечества...»

В личном архиве Е. Б. Бекмаханова хранится копия жалобы на шестнадцати страницах, отправленной из Петропавловской тюрьмы 15 июля 1953 года секретарю ЦК КПСС И. С. Хрущеву. 19 октября Ермухан направил вторую по счету жалобу на имя Никиты Сергеевича, теперь уже избранного первым секретарем.

Приводим небольшой отрывок из первой жалобы историка.

«...На суде прокурор Куранов доказывал необходимость наказания меня 25-летним сроком заключения за популяризацию реакционного движения Кенесары Касымова. Я с ним не спорил, а сказал: «Кому это надо и в чьих интересах создавать искусственного врага?» Тем более хорошо ему известно, что я ни в каких националистических организациях и группах не был, не вел враждебную антисоветскую работу, происхожу из батрацкой семьи, рано остался сиротой, воспитанник комсомола и партии. Следствие по моему

делу велось тенденциозно. Следственные органы не интересовались фактами, сообщаемыми в данном письме. Неслучайно ни один из положительных доводов, говоривших в мою пользу, не зафиксирован в протоколах допроса. Ни одна стенограмма моих выступлений по поводу статьи «Правды» не приобщена к делу. А также отсутствуют в делах копии моих писем в ЦК КПСС и ЦК КП Казахстана и редакции газет и журналов. Следственные органы не вникали в историю вопроса, связанного с движением Кенесары Касымова. На следствии не стремились выяснить, почему на протяжении более 30 лет восхвалялось движение Кенесары и на каком основании до появления статьи «Правды» руководство ЦК КП Казахстана и основные массы историков, литературоведов и писателей Казахстана стояли на позиции признания прогрессивности движения Кенесары Касымова. Если следственные органы всесторонне подошли бы к изучению данного вопроса, тогда они более-менее объективно подошли бы к определению доли моей вины. В данном случае следственные органы обвинили во всем Бекмаханова, если его не было бы на свете, то никаких разговоров о Кенесары не было бы. При этом они сознательно обходят тот бесспорный факт, что популяризация Кенесары началась с 20-х годов, когда Бекмаханов ходил на четвереньках под стол. На следствии и на суде члены экспертной комиссии не могли предъявить каких-либо существенных документов, кроме материалов статьи «Правды», по которым я будто сознательно фальсифицировал исторические документы.

На основании показаний моих свидетелей о том, что якобы в беседе с ними я отстаивал прогрессивность движения Кенесары, в заключении предварительного следствия МТБ Каз. ССР и в приговоре суда говорится, что я среди своих знакомых проводил

националистическую идеологию. Хотя нет никакого основания верить показаниям моих личных противников, тем не менее суд придал этому факту обобщающее значение...

Должен со всей ответственностью заявить, что люди, сколько-нибудь знающие меня по работе, а их немало, никогда и ни при каких обстоятельствах не поверят, что я враг народа. Даже руководство ЦК КП Казахстана, санкционировавшее мой арест, также знает, что я не враг. Можно пересмотреть весь следственный материал, и там не найдете факта, который давал бы основание считать меня врагом народа. Как бы ни преувеличивали мои ошибки, связанные с Кенесары, я за это ни при каких обстоятельствах не должен был получать пожизненное заключение.

Как бы мне тяжело ни было и какие бы безмерные страдания ни испытывал, я непоколебимо остаюсь честным советским человеком. Об этом заявляю с полным сознанием дела и внутренним убеждением».

На жалобу, написанную из Петропавловска в ЦК КПСС, и на второе заявление, отправленное из Бодайбо, историк никаких ответов не получил. Ко всем его обращениям высшие руководители партии и советского правительства относились с пренебрежением, попросту говоря, их вовсе не читали. Хотя по долгу службы обязаны были отвечать, так как они несли ответственность за судьбу всего советского народа. Но, увы! Они привыкли попираť правду и человеческое достоинство «темные годы культа личности Сталина, когда каждый, кто выступал против их указаний, оказывался клейменным и проклятым, оболганным и обесчещенным, репрессированным или расстрелянным. И вот кровожадный диктатор умер, но установленные им порядки остались, они не могли измениться в

течение одного месяца, даже года. Последователи Сталина, наученные беспрекословно исполнять каждый приказ, исходивший из Кремля, сидели на своих прежних местах и чувствовали себя пока вольготно и уверенно.

Полновластным хозяином страны вроде бы вначале стал Г. М. Маленков, заменивший И. В. Сталина на посту председателя Совета министров СССР. Именно поэтому Ермухан Бекмаханов, просматривая периодические издания, убежденный в том, что Г. М. Маленков может одним росчерком пера решить его судьбу, направил ему свою очередную жалобу.

Расчет историка оправдался: его уголовное дело, по требованию канцелярии председателя Совмина СССР, было направлено в Верховный суд СССР; значит, кто-то из службистов Георгия Максимилиановича внимательно отнесся к заявлению арестанта из далекого Бодайбо, чтобы поддержать имидж главы советского правительства. Но рассмотрение Верховным судом СССР его жалобы пока задерживалось...

К осени 1953 года в политической ситуации страны произошла еще одна перемена; до этого работавший первым секретарем Московского горкома партии, по своему положению одновременно исполнявший обязанности рядового секретаря ЦК, Н. С. Хрущев на сентябрьском пленуме партии был избран первым секретарем ЦК КПСС. Казахский историк, не мешкая, сразу же написал вторую жалобу новоиспеченному первому секретарю ЦК. Мало того, наказал жене, чтобы она дала знать об этом А. М. Панкратовой, у которой был прямой доступ к И. С. Хрущеву. Однако заявление бесправного политического преступника не дошло до адресата...

Как мы знаем, жалобы и заявления, поступавшие из всех регионов огромной Советской страны, аккуратно регистрировались в отделе писем трудящихся ПК КПСС.

И первыми с ними знакомились работники этого отдела. Думается, тот сотрудник, к которому попала жалоба бывшего казахстанского историка, бегло прочитав ее, мог поднять трубку телефона и связаться с инспектором Шикиным, фамилия которого упомянута в жалобе, чтобы проконсультироваться, как быть. И товарищ Шикин наверняка мог процедить сквозь зубы: «Этот нахал опять запел свою старую песню, какой же он неугомонный человек. Я его знаю, это настоящий националист! И правильно сделали, что его сослали в Сибирь. Видно, ему все еще нейдет. Пусть еще посидит, может быть, через десяток лет поумнеет... В то время аппаратчики не могли не опасаться за свою судьбу. Все менялось, и неизвестно было, что с ними будет завтра. Вдруг этот слишком грамотный Бекмаханов выйдет на свободу и пожалуется на черствость и халатность Шикина и Митрейкина. А нынешние государственные вожди могут лишиться за это не только высокооплачиваемой должности и всех привилегий, но и отобрать партийные билеты... Самый беспроницательный ход в этой ситуации — направить жалобу в органы правосудия для дополнительной проверки. А там знают, как доказать недоказуемое...

Об извращении коммунистической морали и его последствиях американский историк У. Таубман в биографической книге «Хрущев» (М.: Молодая гвардия, 2005. Серия «ЖЗЛ») писал: «К 1950 году коммунистическая идеология выродилась в великоросский шовинизм, а на элиту интеллигенции страны обрушилась новая волна репрессий...»

* * *

Наконец-то, почувствовав веяние времени, А. М. Панкратова взялась выручать своего ученика,

который ждал от нее конкретной помощи и уже напоминал несколько раз о себе из Сибири. По нашему предположению, вплотную к делу она приступила в начале нового, 1954 года. Об этом написано в книге воспоминаний о Е. Б. Бекмаханове. Например, его закадычный московский друг А. П. Кучкин писал: «Надо спасти!.. Так мы решили. Я просил Анну Михайловну, как члена ЦК КПСС, постараться увидеть первого секретаря Н. С. Хрущева и поговорить с ним о Ермухане. Если нужно, мы готовы взять его на поруки. Мы ручаемся за его честность. Мы уверены, что он жертва клеветников...»

Н. С. Хрущев в то время часто встречался с учеными, деятелями искусства и литературы, возможно, старался привлечь их на свою сторону для популяризации и пропаганды в широких массах своей кипучей партийной и государственной деятельности. Наверное, поэтому Никита Сергеевич не мог отказать в приеме А. М. Панкратовой, которая, как он знал, была ведущим историком СССР. Анна Михайловна протянула ему коллективное письмо, подписанное известными учеными Института истории, и сказала:

— Никита Сергеевич, вы — первый партийный деятель, который твердо придерживается ленинских принципов руководства, проводя огромную организаторскую, преобразовательную, практическую работу' в тесной связи с массами, в интересах народа. Как историк я горячо поддерживаю ваши начинания, потому что моя жизненная позиция полностью совпадает с вашей. Вы проявили себя как беспощадный борец с искривлениями линии партии, поэтому мы, группа российских историков, просим вас оказать содействие нам, только вы можете исправить вопиющую несправедливость, допущенную в Казахстане два года тому назад!.. Одаренный казахский историк Бекмаханов, 37-летний доктор наук, в

результате провокации, организованной завистливыми его коллегами, осужден на 25 лет и сослан в Сибирь. Мы, подписавшие это письмо, нас 12 человек, все русские историки-коммунисты, ручаемся за честность Бекмаханова и надеемся, что в будущем он внесет достойный вклад в науку!..

Н. С. Хрущев был эмоциональным, легковозбудимым, импульсивным человеком. Выслушав впечатляющий рассказ А. М. Панкратовой и бегло просмотрев письмо историков, он со свойственной ему порывистостью поднял трубку прямой связи с генеральным прокурором СССР Р. Руденко (до этого бывшим генеральным прокурором на Украине, его приятелем, недавно переведенным в Москву):

— Роман, сейчас у меня на приеме известный тебе историк, академик Панкратова, твои и мои дети учились по ее учебнику «История СССР». На письме московских историков по этому делу я наложил визу: «Проверить, результаты доложить!» Ты возьми это письмо под свой контроль! Ясно? Вообще, нам надо пересмотреть заново все дела политических заключенных. Этот вопрос, Роман, постоянно держи в поле зрения, если ты подашь конкретные предложения, то я их всецело поддержу в президиуме?..

Услышав последние слова первого секретаря ЦК, Анна Михайловна решила развить эту тему:

— Никита Сергеевич, это замечательная мысль. Если вы освободите миллионы безвинно наказанных, то заслужите великую благодарность не только от них, но и от их семей. Это будет эпохальное, историческое событие, можно сказать, вторая революция! Как историк и член ЦК я приветствую эту гуманную акцию и готова работать в составе любой общественной комиссии по пересмотру судебных дел этих горемык. Я очень прошу вас, Никита Сергеевич, начать пересмотр дел как можно скорее. Слова, которые вы сейчас

сказали товарищу Руденко, меня сильно взволновали, спасибо вам!.. [\[99\]](#)

* * *

В первые дни января 1954 года Ермухану приснился Агыбай-батыр из шубыртпалинского рода, которого он видел во сне два года тому назад, когда собирался ехать в Чу. И вот тот же легендарный полководец Кенесары навестил его в лагере. «Дитя мое, подними голову. Узнав, что ты находишься вдали от родины, чтобы поддержать тебя на чужбине, я привез тебе сердце барса, обитающего на вершинах Алатау», — произнес старец. Ермухан из архивных документов знал, что русский царь после смерти Кенесары даровал ему прощение. Но гордый воин не принял царской милости и долгие годы до глубокой старости проживал со своими домочадцами на острове Тасарал на озере Балхаш. И он, сумевший проникнуть на зону, успешно миновав бдительную охрану, как будто бы наяву протягивает ему сердце грозного барса величиной с гусиное яйцо. Ермухан покачал головой и сказал: «Батыр-ага, разве мясо барса едят, он же святой зверь для нас?» — «Сынок мой, — ответил Агыбай-батыр, — ты мерзнешь на холодной земле, а сердце властелина гор придаст тебе силу. Закрой глаза, скажи «бисмилла» и съешь! Ничего с тобой не случится, а все твои болезни как рукой снимет, и беды твои так же убегут от тебя!» «Раз так, Агыбай-ага, пусть будет по-вашему!..» — согласился Ермухан, взял подарок воина и сразу же его съел...

Проснулся он рано. За окном были еще сумерки. Но уже чувствовалось, что утро близко. В пять часов — подъем. На верхней полке заворочался Бек Сулейменов.

— Беке, вы не спите? Если проснулись, спуститесь вниз, я видел чудный сон... — проговорил возбужденный Ермухан.

— Вроде ты только что с кем-то говорил, даже отчетливо произнес: «Бисмилла». И меня разбудил... — ворчливо произнес старший коллега и все же спустился с полки, сел рядом. — Ну. что случилось, ты встревожен чем-то, что тебе привиделось?..

— Необыкновенно интересный сон!.. Безбородый сверстник Кенесары, его главный батыр Агыбай навестил меня во сне, привез сердце барса с Алатауских гор и заставил его съесть... Что бы это значило, Беке?

— И ты один съел целое сердце? А мог бы поделиться с братьями, которые рядом с тобой мучаются в неволе... — с иронией проговорил Бек Сулейменулы, но тут же стал серьезным и начал шептать молитву. — Сон добрый, пусть великодушный Аллах поддержит твои помыслы!.. — Затем прошептал: — Кроме меня, никому о нем не рассказывай, иначе твой сон никогда не сбудется... У покойного Агыбая-батыра, говорят, был «заговоренный щит», поэтому он, несколько раз попадая в смертельные переделки, неизменно выходил из них живым и невредимым. Хан Кене прозвал его «Акжолтай Агы-баем», то есть «везучим». Я считаю его настоящим батыром с сердцем барса. Он никогда ни при каких обстоятельствах не падал духом, сражался до преклонных лет за нашу независимость. Он и есть настоящий святой и легендарный Кыдыр-ата^[100]. Думаю, неспроста он тебе приснился и даже кормил тебя со своей ладони. Значит, он тебе предсказывает светлый путь, возможно, скоро ты получишь освобождение, дорогой мой!..

— Чувствую, что-то доброе должно произойти. Почему-то радостно стало на душе. Вы, Беке, тоже не

теряйте надежды, «преступление» ваше не тяжелее моего. Если оправдают меня, «главного виновника», то не оставят и вас без внимания... Время работает на нас, и газетные сообщения день ото дня все утешительнее... — настроился Ермухан на веселый лад.

— Ты признал свои «ошибки» и все равно пострадал. А я не признал себя виновным и тоже сел. Нам обоим дали одинаково по четвертаку... Что в лоб, что по лбу!..

— Беке, прекратите брюзжать! Мы здесь не одни...

— Молчи — не молчи, все равно нам один конец — могила Коркута^[101]. Иногда я лежу, долго не могу заснуть и прихожу к одному и тому же выводу: нынешние мои мучения и все несчастья свои я терплю из-за того, что по-идиотски оскорбил непокорный дух Кенесары... Вообразил себя крутым большевиком, болтал что попало, а какая польза от всего этого? Вот и сижу теперь на баланде и трясусь на шестидесяти градусном морозе в Сибири... Ладно, уже рассвело, пора подниматься...

В тот же день, на заказе солнца к Ермухану подошел дежурный по лазарету:

— Бекмаханов, иди в барак, собирай свои вещи, тебя от нас куда-то увозят.

Ермухан от этого неожиданного сообщения малость растерялся:

— Уже вечереет, куда же меня отправляют? Что худого я здесь сделал?

Никто не мог ему ответить. Едва переставляя ноги, он поплелся в барак, молча стал собирать свои пожитки в вещмешок. В это время его тронул за плечо Бек Сулейменулы:

— Эй, браток, не волнуйся. Что я тебе утром предсказывал?..

Ермухан боялся обмануться...

Через некоторое время пришел дежурный, на этот раз от самого начальника лагеря, и торопливо повел его в контору. Посыльный так спешил, что не дал Ермухану попрощаться с зэками, с которыми бок о бок жил несколько месяцев в одном бараке, в том числе и с уважаемым Кажым-ага. В конторе он сердито спросил пожилого майора:

— Гражданин начальник, скажите, куда вы меня опять хотите загнать?

Неразговорчивый чиновник только махнул рукой и распорядился о выдаче ему проездных и зарплаты. В сопровождении двух солдат-конвоиров и одного сержанта его повезли на железнодорожную станцию. Там все четверо устроились не в вагон-заке, а в настоящем купе пассажирского поезда «Сибиряк». У Ермухана постепенно отлегло от сердца, тем более что, посматривая в окно поезда, он заметил, что направляется не вглубь Сибири, а в обратную сторону. Ободренный этим, он даже стал про себя напевать родные песни...

«Дорогая Галбчка!

Благополучно добрался до Новосибирска. Днями жду отправки. Через неделю буду в Бутырской тюрьме МВД Москвы. Точно не знаю, но можно догадаться, что вызывают по моей жалобе. Нет ничего страшного. Если начнется переследствие, то оно непременно кончится в мою пользу. Мечтаю только о свободе. По прибытии постараюсь дать о себе знать. Здоров. Чувствую себя хорошо. Очень скучаю. Если представится какая-либо возможность, напиши о себе и детях.

Крепко обнимаю и целую, твой Ермухан. 25 января 1954 года».

После недолгого пребывания в тюрьме Новосибирска, когда нервы были уже на пределе от

неизвестного и утомительно долгого ожидания, Ермухана в сопровождении двух других конвоиров привезли в небольшой аэропорт, находившийся за городом, посадили в самолет, и он поднялся в небо. Через час-другой самолет приземлился на каком-то аэродроме, очевидно, для заправки. Конвоиры привели ээка в буфет, посадили в дальний угол, а сами сели за стол у входа. Заказали себе еду, Ермухан тоже. Официантка, добрая дородная женщина в годах, чем-то располагала к себе. Поняв, что к чему, она положила подконвойному в тарелку двойную порцию еды. Ермухан, воодушевившись ее вниманием, молча, знаком попросил водки. Официантка быстро принесла, смешав ее с большим стаканом чая. Огненный напиток приятно, быстро побежал по жилам. Настроение поднялось. Расплачиваясь с официанткой, Ермухан положил под тарелку вместе с деньгами записку, подготовленную на всякий случай заранее. В пей был указан адрес — Ташкент-27, Бекмухамедовой Халиме, текст для телеграммы: «Из Новосибирска отправился самолетом. Бек почему-то остался на прежнем месте. В город, о котором сообщал в письме, доберусь сегодня. Жди добрых вестей. Ер...»

Халима Адамбеккызы эту телеграмму получила в начале февраля и теперь с нетерпением ждала сообщения из Москвы.

Ермухан Бекмаханулы сидел в Бутырках более десяти дней. Он не знал, для чего его привезли в Москву, по чьей команде. Мысли разбегались в разные стороны: то ли он здесь в связи с жалобой, то ли привезен как свидетель?.. Никто ему ничего не объяснял, не вызывали на допросы. Кормили в Бутырках неплохо. В камерах было не так тесно. Если бы Ермухан ко всему относился хладнокровно, то спал бы беспробудно. Но что поделаешь, он был человеком не того склада. Беспокойство его не прошло с приездом в

Москву. Он не мог отрешиться от навязчивых мыслей, точивших, как червь. Только одно обнадеживало — ведь доставили его сюда с «почетом», часть пути даже летел на самолете...

(Бутырскую тюрьму я видел в июле 2003 года. Оказалось, она находится рядом с издательством «Молодая гвардия», в котором я часто бывал, недалеко от центра старой Москвы.

Первые казематы этой тюрьмы были заложены в XVII веке для временного содержания преступников. Славный предводитель крестьянского восстания Емельян Пугачев сидел именно здесь. Участники Польского восстания 1863 года тоже долго содержались в этой тюрьме, пока их не отправили в Сибирь. Толщина стен Бутырок целый метр, так что внутрь не проникает шум города. В каменных камерах месяцами томились видные большевики, такие как Н. Э. Бауман, Е. Д. Стасова. Побывали здесь в 1910–1917 годах и основатель карательной советской системы Ф. Э. Дзержинский и воинствующий атеист, впоследствии председатель Союза безбожников СССР, большевистский комиссар Ем. Ярославский. В 1930-е годы в Бутырках сидели видные представители казахской интеллигенции: вождь движения Алаш-Орды Алихан Букейханов, замиредсовнаркома РСФСР Турар Рыскулов и другие, отсюда они были увезены на смертную казнь. Вот теперь, по воле судьбы, в феврале 1954 года сюда же попал казахский историк Ермухан Бекмаханов...

Начальник тюрьмы не хотел меня пускать на внутреннюю территорию, требуя специального разрешения из Министерства внутренних дел. Я вытащил из портфеля свою книгу и подарил ему с дарственной надписью, тогда он смилоствовался. Только предупредил: «Покажу несколько камер на втором

этаже, а разговаривать там запрещаю». Дал двух офицеров в сопровождающие. Мы прошли по ярко освещенному коридору. Через окошки, оставленные в железных дверях, я осмотрел несколько камер, пока пустовавших. Когда спустились вниз, на первом этаже увидел женщин и детей с сумками: Бутырки и в XXI веке выполняли свои прежние функции...

Варлам Шаламов, проведенный в советских тюрьмах и лагерях четверть века (в Бутырки он попал в 1937 году), вспоминал: «В мои мучительные годы нахождение в Бутырке отношу к самому «блаженному» периоду, в ее камере мы свободно разговаривали, компаньоны меня избрали старостой, сидя там, я поднимал дух слабых товарищей, это я до сегодняшнего дня вспоминаю с удовольствием...»)

16 февраля, после обеда, через окошечко железной двери дежурный надзиратель громко прокричал:

— Заключение Бекмаханов, с вещами на выход!

Утомленный долгим ожиданием историк, наскоро собрав свои вещи, последовал за дежурным через железные двери и коридоры. Его привели в комнату на первом этаже. «Если бы отправляли в суд, то вызвали бы утром. А так как сказали выйти с вещами, значит, куда-нибудь хотят отправить», — мелькнула у него мысль. Перед измученным разными думами заключенным молоденький капитан положил листок бумаги и сказал:

— Вот здесь распишитесь!..

«СПРАВКА

Министерство Внутренних дел СССР, 16 февраля 1954 года, № 141, г. Москва. Выдана гражданину Бекмаханову Ермухану, 1915 года рождения, уроженцу Баян-Аульского района Павлодарской области, в том, что определением Судебной коллегии по уголовным

делам Верховного Суда СССР от 21 октября 1953 года приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР от 4 декабря 1952 года об осуждении его на 25 лет лишения свободы отменен и постановлением МВД СССР от 16 февраля 1954 года в соответствии со ст. 4 п. 5 УПК РСФСР следственное дело в отношении Бекмаханова Е. прекращено...»

Прочитав два раза эту справку, заключенный с удивлением посмотрел на капитана, как бы задавая вопрос: «Что за шутки?»

— Копия с печатью остается у вас, а на втором экземпляре напишите: «Справку об оправдании получил» и распишитесь. Вы освобождены!.. — сказал капитан.

— Верить или не верить? Верховный суд рассмотрел мое дело 21 октября и полностью меня оправдал. После этого прошло три с половиной месяца. Вы об этом ставите в известность только сегодня, ничего не понимаю...

— Гражданин Бекмаханов, скажите спасибо, что хотя бы через три месяца утвердили приговор о вашем оправдании. А бывает похуже... Наше руководство, учитывая ваше серьезное заболевание, предоставляет вам возможность полечиться в спецсанатории нашего ведомства. Расходы на лечение и дорогу МВД берет на себя...

— Товарищ капитан, я очень соскучился по семье. Если правда, что я свободен, то я хотел бы сразу ехать к своим близким!..

Капитан, покачав головой, посмотрел с улыбкой на Ермухана и сказал:

— Вы свободны. У входа вас ждет автомашина Института истории...

Ермухан уже понял, что сегодняшнее событие — это не Божья благодать, а результат действия земных

людей — московских друзей, помощи которых он ждал долгих 18 месяцев, с сентября 1952 года. Справку он торопливо положил во внутренний карман куртки, закинул на плечо вещмешок и вышел со двора тюрьмы.

Встречали его друзья из Института истории — А. Л. Кучкин и И. У. Будовниц. Обнялись молча, не скрывая наворачнувшихся на глаза скупых мужских слез. Исаак Уриэлсвич, которому уже перевалило за 60 лет, по праву старшего поздравил Ермухана со счастливым возвращением на свободу и протянул букет цветов.

— Мы оба хотели везти тебя к себе домой. Однако Анна Михайловна забирает тебя к себе... — сказал Андрей Павлович Кучкин.

Служебная машина Анны Михайловны покатила по узким улицам Москвы. Ереке начал приходить в себя, попросил водителя заехать в любое почтовое отделение. Оттуда он отправил телеграмму в Ташкент: «Полностью реабилитирован... Выезжай Москву Адрес: Будовниц. Крепко целую, обнимаю. Ермухан»...

(С той поры свой день рождения Ермухан Бекмаханулы стал отмечать 16 февраля и объяснял это так: «Как раз в этот день я добился справедливости, родился на белый свет во второй раз. Эту радость подарила Авиа Михайловна — она моя вторая мать!..»)

Халима БЕКМУХАМЕДОВА «Вместе двадцать лет»:

«В тюремном одеянии Ермухан явился в дом на Зубовском проспекте, где в бывшей квартире Анны Михайловны жила ее домработница Александра Ивановна с ее дочерью Тamarой. Они радушно его приняли. Ермухан сразу позвонил Анне Михайловне, она, поздравив с освобождением, пригласила его к себе.

Анна Михайловна дала ему пачку денег на приобретение необходимых вещей, прибавив при этом: «Ты должен возвратиться в Алма-Ату прекрасно одетым

во все новое и выглядеть, как английский денди, пусть твои недоброжелатели от зависти упадут на месте». Ермухан купил все новое, оделся с ног до головы. Но Анна Михайловна, внимательно осмотрев его, заметила, что на нем нет шарфа. Ермухан признался, что на шарф не хватило денег, тогда она еще добавила несколько крупных купюр, чтобы он купил себе шарф и еще жене и детям подарки...

Ермухан никогда не забывал материнскую ласку Анны Михайловны, до конца жизни был благодарен ей за все, что она сделала для него. Потом он так тяжело переживал ее внезапную смерть. «Я впервые почувствовал, как сжимается мое сердце, когда хоронил Анну Михайловну», — говорил он мне. Всегда посещал ее могилу на Новодевичьем кладбище, когда бывал в Москве. Когда не стало Ермухана, и я не забывала сходить и поклониться Анне Михайловне, которая, как мать, заботилась о Ермухане, помогла ему стать ученым».

На следующий день все подписавшие письмо в LLK КПСС историки собрались в ресторане «Арагви», чтобы поднять бокалы за здоровье Ермухана Бекмаханова.

После окончания этого празднества Ереке скорым поездом отправился в Ташкент.

Халима БЕКМУХАМЕДОВА «Вместе двадцать лет»:

«Радостную весть я поспешила сообщить моим родственникам — Кулмановым, подруге Роне. Пришла телеграмма о выезде из Москвы, но в спешке Ермухан забыл указать номер поезда. В то время между Ташкентом и Москвой в день ходили два поезда, поэтому нам пришлось встречать дважды. Ермухан вышел из вагона в новом пальто черного цвета, в меховой шапке, в кожаных сапогах. Только наголо стриженная голова выдавала бывшего заключенного...

Мне хотелось, чтобы он отвлекся, поэтому на второй день после приезда я повела его в театр имени Навои на балет «Лебединое озеро», где танцевала хорошо знакомая нам балерина Галия Измаилова, народная артистка СССР. Нас пригласил в гости Сарвир Азимов, известный писатель, впоследствии он стал министром иностранных дел, затем и председателем Совета министров Узбекистана. Его женой была моя подруга Ляйля Наджип, башкирка, родители которой жили в Семее и дружили с моей мамой.

Погостив несколько дней у тети Галии и дяди Кадыра, которые окружили Ермухана вниманием и заботой, чтобы он забыл тот страшный мир, где пребывал полтора года, он собрался домой в Алма-Ату. По дороге сделал остановку в Чимкенте, в котором в ссылке был Холея Адильгереев. В Чимкенте его коллеги устроили Ермухану теплый прием, обрадованные его освобождением. Я же осталась в Ташкенте, никак нельзя было бросать работу. не завершив учебного года...»

Ермухан Бекмаханов был в заключении 528 суток, то есть из двадцати пяти лет, назначенных судебной коллегией Верховного суда Казахской ССР, он находился в тюрьмах и лагере один год и пять с половиной месяцев. Историка, который четверть века своей жизни должен был пронести за решеткой, спасли разительные перемены, произошедшие в стране.

В предыдущей главе мы ознакомили читателей с приговором Верховного суда Казахской ССР. Ниже приводится постановление Верховного суда СССР, в котором сводятся на нет все прежние «преступления» Е. Бекмаханова.

Как произошла такая метаморфоза — вопрос на засыпку. Видимо, не зря Фемида — богиня правосудия изображается с завязанными глазами...

«Утверждаю

Замминистра внутренних дел Союза ССР,

генерал-полковник И. Серов

16 февраля 1954 года, г. Москва

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о прекращении уголовного дела

и освобождении из-под стражи)

Я, ст. следователь следчасти по особо важным делам МВД СССР капитан ЯКУНИН, рассмотрев материалы следственного дела № 291 по обвинению БЕКМАХАНОВА Ермухана, 1915 года рождения, уроженца Баян-Аульского района Павлодарской области, казаха, гр-на СССР, чл. КПСС с 1939 по 1951 гг., с высшим образованием, быв. профессора Казахского госуниверситета, доктора исторических наук, в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. II УК РСФСР, нашел:

БЕКМАХАНОВ Ермухан арестован МГБ Казахской ССР 5.IX.52 г. за националистическую деятельность. В процессе следствия было установлено, что БЕКМАХАНОВ, являясь научным работником в области истории, на протяжении 1942-1950 гг. в своих печатных работах, публичных выступлениях, в беседах со знакомыми, фальсифицируя в некоторых случаях исторические факты и используя произведения реакционных поэтов, а также врагов народа — алашордынцев, с буржуазно-националистических позиций освещал вопросы истории Казахстана, связанные с движением Кенесары Касымова, что объективно было направлено на подрыв дружбы между народами СССР и прежде всего между русским и казахским народом, отравляло известную часть казахской молодежи и интеллигенции ядом буржуазного национализма.

На основании изложенной Бекмаханов 4 декабря 1952 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР был приговорен по ст. 58-10 ч. II к лишению свободы сроком на 25 лет с поражением в правах на 5 лет.

Однако в связи с тем, что по делу не получил надлежащего разрешения вопрос субъективной стороны действий Бекмаханова, не было исследовано в достаточной степени, являлись ли вышесказанные действия Бекмаханова результатом сознательного извращения истории с контрреволюционной целью или же результатом ошибки в оценке движения Кенесары Касымова, а также не выяснены взаимоотношения Бекмаханова со свидетелями, которые давали показания о его антисоветских высказываниях, судебная коллегия Верховного суда своим определением от 21 октября 1953 г. отменила приговор по делу БЕКМАХАНОВА и направила его на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

В процессе дополнительного расследования подтвердилось то, что БЕКМАХАНОВ в своей научной деятельности действительно допускал буржуазно-националистические извращения в оценке ряда вопросов истории Казахстана, связанных с движением Кенесары Касымова, однако контрреволюционного умысла в его действиях не установлено.

По своему социальному происхождению БЕКМАХАНОВ является выходцем из крестьян-бедняков, его отец и мать всю трудовую жизнь батрачили у крупного богача Зынды Чорманова.

Националистическая концепция БЕКМАХАНОВА в оценке вопросов истории Казахстана, связанных с движением Кенесары Касымова, являлась отражением официально господствовавшей в исторической науке того периода точки зрения на это движение, как на прогрессивное, национально-освободительное,

массовое, о чем свидетельствует факт присвоения БЕКМАХАНОВУ ученых степеней кандидата (1943 г.) и доктора исторических наук (1946 г.) за диссертации, в которых он разрабатывал вопросы истории Казахстана, связанные с движением Кенесары Касымова.

В освещении других вопросов истории Казахстана БЕКМАХАНОВ националистических извращений не допускал, а после критики ошибочной буржуазно-националистической концепции в оценке движения Кенесары Касымова, в течение 1951–1952 гг. подготовил монографию «Присоединение Казахстана к России в XIX веке», свободную от националистических ошибок.

Таким образом, в результате дополнительного расследования устанавливается отсутствие в действиях БЕКМАХАНОВА состава преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 4 п. 5 УК РСФСР, постановил:

1. Уголовное дело в отношении БЕКМАХАНОВА Ермухана по ст. 58–10 ч. II производством прекратить.

2. Избранную меру пресечения в отношении БЕКМАХАНОВА Ермухана — содержание под стражей отменить, БЕКМАХАНОВА Ермухана из-под стражи освободить.

Ст. следователь следчасти по особо важным делам
МВД СССР

капитан ЯКУНИН.

Согласны: замнач. следчасти по особо важным
делам МВД СССР

полковник КОЗЛОВ.

И. О. начальника следчасти по особо важным делам
МВД СССР

полковник КОЗЫРЕВ».

Глава десятая

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

В настоящей работе поставлена задача воссоздать историю присоединения Казахстана к России, показать прогрессивные последствия этого присоединения для казахского народа. Научное освещение данной проблемы невозможно без глубокого анализа социально-экономических отношений в Казахстане XIX века...

Е. БЕКМАХАНОВ

Присоединение Казахстана к России

1

Начало февраля 1954 года для казахстанцев ознаменовалось весьма важными событиями, заставившими вздрогнуть всех тех, кто имел причастность к политике, скажем точнее, кто принадлежал к власти имущим: в Алма-Атинской области «прокатили» на партийной конференции первого секретаря обкома партии Л. К. Канапина, считавшегося перспективным деятелем в республике. Он вошел в состав областного комитета партии, но высокого поста лишился. Другим неожиданным событием для многих стало выдвижение от Кустанайской области кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР И. П. Храмкова. Такой высокой

чести и доверия до него не был удостоен ни один заведующий отделом ЦК КП Казахстана. Всем стало понятно, что он пойдет на повышение; и действительно, в том же месяце Иван Петрович был избран первым секретарем партийного комитета той же области... Узнав эту новость, местные интеллектуалы, особенно литераторы и ученые-гуманитарии, с облегчением вздохнули: «Наконец-то избавились от жандарма в области идеологии!»...

Однако главные сюрпризы были впереди: 11 февраля, когда до открытия очередного съезда Компартии Казахстана оставалась ровно неделя, внезапно был созван пленум ЦК, на котором были освобождены от своих должностей два ведущих секретаря Центрального комитета — Ж. Ш. Шаяхметов и И. И. Афонов. Вместо них секретарями ЦК были избраны П. К. Пономаренко и Л. И. Брежнев. Как сказано в отчете трех корреспондентов (!) «Правды», присутствовавших на этом внеочередном пленуме ЦК КПК, «Жумабай Шаяхметов не обеспечил должного развития сельского хозяйства республики, имеющей обширные земли и большие возможности для быстрого увеличения производства продуктов питания, противодействовал поднятию целинных земель, ссылаясь на то, что в Казахстане для этого не хватит ни сил, ни средств. Кроме того, находясь у руководства Компартией Казахстана в течение 16 лет, он, оказывается, грубо нарушал большевистские принципы подбора и воспитания кадров, попустительствовал проявлениям землячества и продвижениям друзей-приятелей. А второй секретарь И. И. Афонов не воспрепятствовал такому самоуправству первого руководителя...».

Жумабай Шаяхметулы в своем отчетном докладе, сделанном на VII съезде коммунистов Казахстана, безоговорочно признал суровую критику, сказанную в

его адрес. Заодно напомнив, что он начиная с далеких 1920-х годов честно и с усердием выполнял все указания и директивы партии, активно содействовал проведению ударной работы в области идеологии, в частности, «очищению казахского общества от националистических элементов», Шаяхметов подробно остановился на крупных мероприятиях по оздоровлению научной среды и искоренению в ней вредного буржуазного влияния. Далее он отметил, что «в положительном решении этого вопроса республиканской партийной организации особую помощь оказала газета «Правда». Например, абсолютно правильно в ней разоблачались перекосы, допущенные в монографиях об Ауэзове и Муканове». На том съезде выступили около тридцати делегатов. Все они, между прочим, дали удовлетворительную оценку работе прежнего ЦК, явно проявляя сочувствие к бывшему руководству. Ни у кого не поднялась рука на освобожденного первого секретаря, не повернулся язык, чтобы осудить его и запустить камень вдогонку: наверное, посчитали это ненужным и излишним.

Только И. П. Храмков, словно забыв, что лежачею не бьют, поднявшись на трибуну, припомнил все его прегрешения: «Заявления докладчика об успехах в идеологической работе далеки от истины. Мною в ней еще упущений. И здесь прямая его вина. Если сказать правду, то у товарища Шаяхметова низкая грамотность, он не знает основ марксизма-ленинизма, и что непростительно — не занимается повышением своего политического уровня, а в свободное время предпочитает предаваться азартным играм. Поэтому-то он не смог понять политического и исторического значения присоединения Казахстана к России, скатившись на буржуазную, националистическую точку зрения, не дал отпор враждебной группе ученых, пытавшихся вбить клин в дружбу между великим

русским и казахским народами, имеющую глубокие корни, наоборот, старался увести их от заслуженного сурового наказания...»

Непоколебимость курса партии в отношении к его противникам на съезде подчеркнул и секретарь ЦК КП Казахстана М. А. С ужиков: «Ведя последовательную, повседневную борьбу с буржуазными настроениями среди части интеллигенции, особенно среди историков и литераторов, мы добились морально-политического единства в обществе. Пусть запомнят те товарищи, которые в кулуарах упрекают нас за чрезмерную строгость, что и в дальнейшем мы не намерены миндальничать, не дадим ни малейшего спуска отщепенцам, раскольникам и националистам...»

Если внимательнее посмотреть на все эти выступления, а также на отчет в газете «Правда», нетрудно заметить, что политическая атмосфера в Казахстане еще была далека от разрядки. В речах ведущих идеологов республики М. Л. Сужикова и И. П. Храмкова слышался прежний призыв: сажать, травить и душить вольнолюбивую интеллигенцию и ученых. Не странно ли слышать эти громкие угрозы в 1954 году?

Однако тут же случился настоящий конфуз: когда делегаты съезда в Театре оперы и балета имени Абая безоглядно клеймили отъявленных националистов, один из главных «злодеев», отправленный их же усилиями в Сибирь на четверть века, казахский историк Е. Бекмаханов в тот же день, как бы наперекор их громким заявлениям, уже вышел на свободу. Впрочем, это сногшибательное сообщение дошло до делегатов партийного форума на второй день работы съезда, точнее, 17 февраля. Это была не сплетня, поступившая через степную почту — «Узун кулак», об этом свидетельствовала телеграмма, отправленная самим Ермуханом Бекмахановым в Институт истории АН

КазССР на имя директора института и секретаря партийной организации, где были такие слова: «Полностью оправдан, вышел на свободу. Прошу отправить мою зарплату на Главпочтамт Москвы...»

Это известие означало крах тех бесчисленных шумных акций, которые с огромным энтузиазмом проводил ЦК Компартии Казахстана в течение последних трех лет; преследуя, шельмуя, черня национальную интеллигенцию, о чем даже сейчас с гордостью говорилось с трибуны партийного съезда. Трудно поверить, однако и не верить не было причин. Прошло несколько дней. По данным тех же «длинных ушей» Ермухан благополучно встретился с женой, нашедшей приют у гостеприимных братьев-узбеков, и уже наслаждался свободой в Москве и Ташкенте, а теперь вроде бы собирался через неделю приехать в Алма-Ату.

Он приехал в конце февраля. Встречали его на вокзале Алма-Ата домочадцы и близкие друзья. Теща Айша обняла и поцеловала его в лоб, сразу же на его шее повисли двое сыновей, давно жаждавших встречи с отцом. С этого дня двери его скромной квартиры почти не закрывались: каждый день с утра до вечера поодиночке и группами приходили друзья, соседи, земляки; и все дружно приглашали к себе домой, на угощения, ссылаясь на тесноту теперешнего однокомнатного пристанища — ведь всем хотелось широко отпраздновать его счастливое возвращение на родину и услышать подробности о досрочном освобождении...

Один из гостей — уйгурский писатель Кадыр Хасанов, в первый же день после приезда сказал:

— Дружище Ермухан, я никогда ни на йоту не сомневался в том, что ты живым и здоровым в один прекрасный день переступишь порог своего дома. Поэтому вещи, которые мне передала Халима-ханум, я

хранил как зеницу ока. Вот они!.. — торжественно произнес он и положил перед ученым большую, увесистую сумку в которой находились редкие старинные книги и рукописи, затем вытащил из кармана завернутую в платочек маленькую коробку, развязал узел и протянул ее Ермухану. Это были золотые часы, которые Ермухан оставил дома перед отъездом в Чу.

Хозяин дома завел их, часы мелодично затикали, секундная стрелка побежала по своему извечному кругу, отсчитывая мгновение за мгновением новой жизни Ермухана.

— Вы, Кадеке, очень обрадовали меня. Халима об этом ничего мне не говорила. Вы добрый друг и сосед. Большое вам спасибо!

— Если Халима-ханум не сказала, значит, верила мне. Книг она отдала мне столько, сколько я мог увести за один раз, остальные хотела принести сама потом, но, увы, не успела...

— Оставшиеся более ста книг конфискованы. Там были и дореволюционные, раритетные издания, многотомные труды Ключевского и Соловьева. Душа болит — не знаю, вернут или не вернут... — вздохнул Ермухан и стал перебирать свои рукописи. Через некоторое время он с сожалением сказал, что среди них нет его нового исследовательского труда...

— Не огорчайся, дорогой, радуйся тому, что голова цела, напишешь заново. Что в руки НКВД попало — считай пропало, — подбодрил сосед.

На следующий день Ермухан пошел в учреждение госбезопасности. Напомнив там, что без ответа остались письма, отправленные им из Петропавловска и Бодайбо, написал заявление с требованием вернуть книги и последнюю свою работу. Предупредил чекистов, что если они не дадут ответа, то он подаст на них в суд.

Дни летели за днями. Ермухан то ходил в гости, то целыми днями играл с детьми, водил их в кино, в сад, катал на качелях. Радовала и пьянила весна, веселый щебет птиц, песни ручьев, запах распускающихся яблонь.

Как-то поздним вечером зазвенел звонок на входной двери. Ермухан открыл. Перед ним предстал джигит, открывший в улыбке ослепительно белые зубы, в руках он держал два объемистых хурджуна.

— Ассалаумагалеюк, агатай! — прокричал он и обнял Ермухана. — Поздравляю с благополучным возвращением! Это радость для всех нас. Наконец-то восторжествовала справедливость! Не зря говорят в аулах: вода проложит себе дорогу, честный докажет правду!

— Милый мой Ахметжан, заходи, — с радостью пригласил его к себе Ереке. — Здорова ли моя любимая сноха Хадиша, что нового у тебя в семье?

— Все мы здоровы, уважаемый ага. Прямиком еду из Новотроицка. В семье у нас прибыль — родился мальчик. Он еще маленький. Потому Хадиша не смогла приехать... Вот прислала гостинцы для вас!.. — частил скороговоркой Ахметжан, втаскивая объемистый хурджун на кухню. Развязав веревку, водрузил тушу барана на стол.

— Шешей, этот джигит — тот самый учитель из Новотроицка, который приютил меня в своем доме и вместе с женой ухаживал за мной, как за родным братом. Вы же знаете, что у меня нет ни младшего, ни старшего братьев, ими я был обделен с малых лет. А он, Ахметжан, заменил мне их в трудные дни! — представил Ермухан гостя своим старушкам и снова

обнял его. — Вот и сейчас, прослышав о моем возвращении, он сразу примчался из Чу!..

— А теперь, агатай, пройдемте в комнату, у меня есть еще новости для вас! — нетерпеливо проговорил Ахметжан.

Ермухан провел гостя в единственную комнату, служившую обителью для всех пяти домочадцев: самого Ермухана с сыновьями и двух женщин — тещи с сестрой. Халима пока оставалась в Ташкенте. В комнате возились с заводными игрушками Ерик и Сермухан. Ахметжан взял детей на руки и расцеловал в щеки.

— Милые мои, это ваши слезы помогли спешно возвратиться из Сибири папе!.. Какие вы счастливички! Ладно, идите к бабушке! — препроводив их на кухню, вернулся и плотно закрыл двери.

— Что у тебя еще, давай, не тяни!..

— Ереке, сейчас вам и мне надо быть осторожными как никогда! Береженого Бог бережет... — тихо произнес Ахметжан и, открыв вторую сумку, достал большой сверток. — Вот вам еще подарок!..

Ермухан от неожиданности опешил. Перед ним была рукопись последнего труда, которую он передал на сохранение Ахметжану ночью перед арестом. Полистав ее от начала до конца, убедился в ее целостности. В тот, ставший для него черным 1952 год он писал день и ночь напролет, полагая, что этот труд поможет ему снять с себя политические обвинения. И вот его детище снова у него. Рукопись монографии «Присоединение Казахстана к России» не сгинула в недрах НКВД благодаря рыцарскому поступку Ахметжана. Он уже не надеялся, что когда-нибудь получит обратно конфискованные органами два ее экземпляра, а про последний, оставшийся в Новотроицке, думал, что его ученик, может быть, побоявшись преследования, давно уничтожил его... И вот единственный экземпляр у него в руках. Как не радоваться такому дару небес!..

Так что Ахметжан спас его как минимум от трехлетней каторжной работы. Этот простой, бескорыстный человек ни на минуту не сомневался, что труд ученого рано или поздно будет востребован, когда-нибудь станет достоянием народа, и в обстановке всеобщего страха сумел-таки сохранить его.

Положив на стол рукопись, Ермухан еще раз обнял своего гостя:

— Ты, Ахметжан, герой, настоящий джигит!

Потом, взяв рукопись под мышку, направился на кухню.

— Шешей и тетя Хадиша, смотрите. Вот подарок Ахметжана! Узнаете, шешей, это тот самый последний экземпляр рукописи, которую вы печатали. Я его считал пропавшим, из-за этого потерял сон... Мои недруги меня уже списали, вычеркнули из исторической науки, но слухи о моей смерти, как писал Марк Твен, преждевременны. Труд, сохраненный моим братом Ахметжаном, поможет мне вернуться в науку. Надо отметить это событие, да и Ахметжан с дороги. Давайте, варите мясо. А я быстренько схожу в магазин... — засуетился Ермухан.

Две старушки лукаво посмотрели друг на друга:

— Воду мы уже вскипятили, а гость наш пусть разделает барашка.

— Ереке, не надо идти в магазин. Хадиша моя все угощения для сегодняшней встречи положила в сумку., — остановил хозяина Ахметжан и, засучив рукава, принялся за работу..

* * *

Со дня возвращения отца сыновья ни на шаг не отходили от него, словно боясь, что он опять от них уедет. Если же он выходил куда-нибудь, то они ждали

его у двери или у входа в дом на улице. Словом, не спускали с него глаз. Старшему Ерику уже исполнилось шесть лет, он должен был пойти в первый класс, а младшему — всего четыре годика. За два года отсутствия отца они стали самостоятельными, не по-детски серьезными. Ермухан видел, как неповторим и прекрасен волшебный детский мир, когда все ново, ярко, когда дети постоянно чувствуют тепло находящихся рядом отца и матери, когда в семье мир и спокойствие, которые ничем не омрачаются. Поэтому он старался делать все, чтобы продолжатели его рода росли крепкими, стойкими, жизнерадостными. Он позволял им шалить, бегать и прыгать, не особенно ограничивая, считая, что так они будут лучше развиваться. Сыновья очень скучали по матери, которая все еще задерживалась в Ташкенте, и Ермухан, сам испытавший в детстве сиротскую долю, старался, как мог, скрасить эту разлуку.

Не давала ему покоя и угнездившаяся где-то в сердце другая печаль — тревога о дочерях. И однажды, выйдя воскресным утром на прогулку, он по телефону-автомату позвонил Аминe, вежливо поздоровался, затем спросил разрешения прийти к ней, чтобы увидеться с дочерьми.

— Приходи, они дома и тоже скучают по тебе... — ответила она.

Старшей Найле было уже 14 лет, она училась в седьмом классе. Нурия и Надия в минувшую осень пошли в школу. Увидев их, он поразился, какими они стали — бойкими, задорными, радующими глаз, как первые весенние цветы в горах Алатау. Каждую поочередно он прижал к себе, поцелован в щечку. Ермухан сел на диван, и девочки завозились возле него. Старшая, ласкаясь, как в прежние годы, склонила голову ему на плечо.

Когда Ермухан неожиданно позвонил, Амина, застигнутая врасплох, не нашлась ничего сказать, кроме как приходи, ждем. Сейчас она сидела молча, словно набрав воды в рот, и совсем была не похожа на прежнюю говорливую женщину. При появлении мужа, кажется, в ее сердце вновь проснулась давняя затаенная обида, кто знает, а возможно, вернулась прежняя любовь.

Ермухан, заметив подавленное состояние первой жены, попытался как-то смягчить напряженную обстановку:

— Аминаш, я был от тебя за тридевять земель, много воды утекло с тех пор, как я из твоих рук пил чай. Может быть, угостишь чем-нибудь?

— Я сейчас, сейчас, мигом все будет... — И она побежала на кухню.

Ермухану показалось, что Амина заранее готовилась к его приезду. Дочери с матерью быстро накрыли щедрый дастархан. И вино отменное нашлось. Он наполнил два бокала легким, игристым напитком и один поставил перед Аминой.

— Аминаш, я хочу поблагодарить тебя — ты вырастила прекрасных дочерей. Я знаю, что не смог выполнить свой отцовский долг, но ты, вижу, не дала им почувствовать себя сиротами... — Отчего-то он неожиданно расстроился, бусинки слез покатались по лицу, и он не вытирал их. — Они еще маленькие, многое им еще не постичь. Я надеюсь, когда они вырастут, поймут и простят меня... А вот на тебя, Аминаш, я не держу никакой обиды, если что и имел там, в холодном краю, то, считай, забыл. Так что не огорчайся, я-то хорошо знаю, какими изощренными, подлыми методами пользовались палачи-следователи, ведь они умели заставить любого отречься даже от отца и матери, не то что от преступника-мужа. Известия о расторжении брака получали и другие заключенные, не только я. Это

нужно было извергам с голубыми петлицами для того, чтобы те, кто находился за колючей проволокой, почувствовали себя жалкими, отверженными, никому не нужными. От них по наущению органов отказывались не только жены, но и дети, которые нередко писали собственному отцу: «Ты — мне больше не отец, ты враг народа и Отечества. Я сменю фамилию и вступлю в комсомол...» Ладно, не будем больше говорить про это. Этот бокал я поднимаю, дорогая, за тебя. Счастье, которого я не смог подарить тебе, пусть выпадет на долю твоих дочерей! И ты будь счастлива!..

Жена не проронила ни звука. Может быть, ей припомнился ужасный день, когда ее вызвали в то проклятое учреждение и маленький человек в военном кителе убедил ее подписать отказ от мужа, с которым связь давно уж была прервана, и, поддавшись тлевшей в глубине сердца обиде, она решила отомстить ему и быстро подписала заявление о разводе...

Теперь она жалела о своей минутной слабости. Чувствуя себя виноватой, пригубила бокал и поставила на стол.

— Как твое здоровье? Ты очень похудел. Неужели опять обострилась твоя старая болезнь легких? Тебе надо ехать в санаторий и основательно подлечиться!.. — сказала она.

— Хочу восстановиться в партии, да и работу подыскать. Кроме того, намерен вернуть свои ученые степени. Пока все это не сделаю — лечение не пойдет впрок... — Ермухан выпил вино из бокала до дна. — Как определяюсь с работой, будешь ежемесячно получать, как и раньше, половину моей зарплаты... Можешь не обращаться в суд, для своих детей я ничего жалеть не буду. Это первое. Второе, в школе я поинтересовался успеваемостью Найли, все учителя говорят, что она постоянно впереди своих сверстников. Педагоги ею очень довольны. Мне кажется, она далеко пойдет.

Амина настороженно подняла голову:

— Ермухан, очень прошу тебя, только не пытайся убедить ее выбрать профессию историка! Я как мать и учительница — против. Она разносторонне талантлива и найдет себя в любой профессии. Я уже заметила: она втайне гордится тобой и очень увлекается историей, твою запрещенную книгу прочитала несколько раз, кажется, некоторые ее страницы знает наизусть... И характером она точно в тебя: за что-нибудь возьметса — не отступится. Я этого боюсь, ведь она девочка и слабая...

Ермухан, повеселев, всплеснул руками:

— Я тебя понял, Аминат. Думаешь, хватит мук и страданий, что достались старшему Бекмаханову, а дочери надо быть подальше от этой запуганной и слишком сложной, чреватой опасностями казахской истории... Давай не будем преждевременно спорить об этом. Вырастет, пусть сама решит... А перед тобой задача: выпустить своих ласточек из школы хорошо подготовленными по всем предметам, а всю их дальнейшую учебу я возьму на себя... И еще просьба: пусть они знают, что у них есть отец; и другие пусть видят, что я о них забочусь, словом, временами я буду приглашать их в кино, театр, домой. Ты уж, как прежде, не возражай. А кем они станут — покажет жизнь. Здоровье мое не очень хорошее, сама видишь. Поэтому я хочу успеть дать своим птенцам достойное образование, сделать все, чтобы они были счастливы — такая у меня мечта, Аминаш...

— Ермухан, ты растревожил мне сердце сегодняшним визитом. В свое время в моих поступках по отношению к тебе было и хорошее, и плохое. И сейчас этого уже не поправить, так уж случилось... И последний мой шаг ничем не оправдать. Но меня к этому принудили. Меня часто вызывали, предупреждали и угрожали, что если я не подам на

развод, то, как жену политического преступника, меня выгонят из школы, отберут квартиру. Я испугалась и подписала продиктованное мне заявление, а потом плакала целый месяц и сейчас плачу... Да и ты не написал нам ни одного письма, не узнал, как я, как дети. Мы же могли тебе отправить посылку, иногда переводить деньги...

— Давай, Аминат, не будем ворошить прошлое. Я вернулся живым, вот видишь, сижу у тебя в гостях... Я уже говорил тебе, что вину твою простил, и ты тоже прости мои ошибки...

— Ладно, Ермухан, я больше не буду тебе показывать свой прежний характер. Жизнь меня многому научила. Спасибо, что пришел к нам. Девочки соскучились по тебе, сами собирались тебя навестить...

— Ну, мне пора, Аминаш! Очень благодарен за угощение и внимание!

— Почему ты торопишься? Подожди, приготовлю твой любимый бешбармак, позовем старых друзей..

— Приду в другой раз. Сегодня меня на обед пригласил мой друг юности Салкен Суханбердин. Ты его хорошо знаешь, он баянаулец, провизор. Наверное, пришел ко мне домой и ждет. А пришел я потому, что ночью вы мне приснились. Я захотел увидеть вас, и вот видишь, все получилось как нельзя лучше. Не обессудь, до следующего свидания.

С того дня он стал спать спокойно.

2

Сразу же по приезде Ермухан Бекмаханулы намеревался пойти в Академию наук, но что-то удерживало его от этого. Вернувшись оттуда, откуда мало кто возвращался, он вправе был рассчитывать на то, что коллеги из Института истории первыми навестят

его, ведь никому из них он лично не сделал ничего плохого. Однако прошел почти месяц, а из этого научного учреждения не появился ни один человек. Не дождавшись, он надел все новое, подаренное доброй Анной Михайловной, и сам пошел туда.

Ермухан уже знал, что в институте теперь другой директор — Иван Степанович Горохвадацкий, прежде работавший там заместителем директора по науке, и что эту должность сейчас занимает молодая женщина — кандидат исторических наук Багдат Абишева. Она в 1950-х годах училась в КазГУ, на историческом факультете, была отличницей учебы и активной общественницей. Ермухан считал ее своей воспитанницей. Руководители научного учреждения приняли опального историка подчеркнуто вежливо, изобразив приличествующую случаю радость в связи с благополучным возвращением из далекой Сибири. Хотя было заметно, что, увидев его, они растерялись. Но тут в кабинет ворвался давний его приятель Акай Нусупбеков, который по-братски и с радостью обнял его, тем самым разрядив гнетущую обстановку.

— Для меня Институт истории был и остается родным домом, — произнес Ермухан Бекмаханулы, глядя на них. — Вот почему я здесь. Словом, друзья, соскучился я по своей науке, с вашей помощью хочу вернуться сюда...

— Телеграмму вашу мы получили. По закону мы обязаны вам выплатить двухмесячную зарплату. Сегодня-завтра наш бухгалтер привезет эти деньги вам домой, — ответил Горохвадацкий. — А вот насчет работы придется подождать... В настоящее время у нас нет ни одной вакансии. Не можем же мы вам, Ермухан Бекмаханович, известному историку предложить должность младшего сотрудника...

— В моем стесненном положении, Иван Степанович, я и этим был бы доволен, пока не верну свои ученые

звания... — вынужден был признаться Ермухан и замолчал. «Как же так? — вертелось у него на языке. — И здесь, в родном коллективе, нет мне места... В штате института до сих пор всего лишь один доктор исторических наук — Алькей Хакавулы Маргулан, и то он по специальности — археолог, и вряд ли новые доктора-историки появятся в ближайшие пять-шесть лет. А я был удостоен этого звания восемь лет тому назад, притом числился научным руководителем этого учреждения...»

Ермухан удержался от упрека. Понял, что новый директор (про него друзья-историки, изгнанные из Алма-Аты, говорили Ермухану в Чимкенте, что долго не удержится в таком академическом институте, что он всего лишь функционер-администратор и историю Казахстана знает слабо), как человек осторожный, предпочел держаться подальше от непутевого коллеги, исключенного из партии, а самое главное — неуживчивого и слишком прямолинейного. Но он очень надеялся на своего доброго приятеля Акая Нусупбекова: может тот заступится за него, попытается убедить Ивана Степановича в том, что институт остро нуждается в нем как историке с обширными познаниями. А. Нусупбеков когда-то считал его своим наставником, готовясь к защите кандидатской диссертации, множество раз обращался к нему за советами, а во время дискуссии 1948 года активно поддержал концепцию Ермухана в своем ярком, впечатляющем выступлении, доказав конкретными фактами народный характер движения Кенесары. Но, увы, Акай Нусупбекулы на сей раз в защиту своего бывшего покровителя ничего не сделал. Со времени их последней встречи, а это было летом 1952 года, он изменился, стал осмотрительнее, не желал лишней раз высываться.

Конечно, Ермухану было горько это сознавать, но что оставалось делать?

— Оставьте заявление, Ереке, у президента академии. Будем просить дополнительную вакансию для вас. Если вопрос решится положительно, мы сообщим вам... — сказал директор Инстилуга истории.

В общем, опальному историку дали понять, что его здесь не ждали. Идти на поклон выше ему не хотелось, тем более что с новым президентом Академии наук Д. А. Кунаевым был не знаком. Но ждать случая, что его позовут куда-то и предложат достойную работу, — он не мог, ведь у него четверо детей, которых нужно кормить, одевать, учить.

Ермухан решил пойти туда, откуда его выгнали с «волчьим билетом» три года тому назад.

Ректором КазГУ в то время был кандидат физико-математических наук А. З. Закарин. Ермухан хорошо знал его. Аскар Закарияулы так же, как он, пробился наверх через рабфак. Окончив Московский университет, возвратился на родину, стал преподавателем математики в КазПИ. Потом геройски сражался на фронтах Великой Отечественной войны, после победы снова устроился на прежнее место. Когда Ермухан отправился в места, не столь отдаленные, Аскар Закарияулы был директором КазНИ, а вот теперь он — первый руководитель единственного в республике университета...

Но, увы, у ректора КазГУ не нашлось ни минуты свободного времени. Чтобы попасть к нему на прием, историку пришлось ждать целых две недели. Ермухан догадывался, что и Аскар Закарияулы не расположен к встрече с ним. Однако безработному историку некуда было деваться, пришлось проявить настойчивость. Наконец, когда он позвонил в приемную ректора в десятый раз, ему сказали, чтобы он пришел к концу рабочего дня.

— Асскс, я в этом университете открывал новую кафедру, получил звание профессора. Гак что для коллектива я не чужой человек... Вы прямо скажите: возьмете меня преподавателем или нет? — без обиняков заявил Ермухан, вложив в свой вопрос всю злость, накопившуюся за долгие дни ожидания, и подал ему заявление и справку суда о реабилитации.

Ректор университета внимательно прочитал оба документа, затем пригласил начальника управления кадров. Тот, как будто ждал такого вызова, появился через минуту, но не поздоровался с Ермуханом. Встал с правой стороны от хозяина кабинета, подобострастно склонившись к нему в ожидании приказа. Закарин молча положил перед ним документы историка.

— Товарищ Закарин, — просмотрев их, многозначительно произнес кадровик, — в приговоре Верховного суда нет ни слова о восстановлении ученых званий уважаемого товарища Бекмаханова. Я не могу оформить на преподавательскую работу человека, не имеющего ученой степени, кроме того, исключенного из рядов компартии...

— Ереке заверяет, что в скором будущем ВАК вернет ему ученое звание. К тому же он уже ходатайствует о восстановлении в партии, я уверен, что его просьбу удовлетворят...

— Аскар Закариянович, вы меня не толкайте на нарушение установленного порядка. Пусть товарищ вначале решит положительно все эти вопросы...

Ермухан понял, что ректор КазГУ не хочет связываться с ним и кадровик отказывает ему с подачи ректора.

— Ну что ж, рано или поздно я вернусь в университет, и вы вынуждены будете меня принять!.. — сказал Ермухан.

Он был в отчаянии — куда бы ни ходил, везде двери перед ним закрывались. Он не знал, что делать, кому

пожаловаться, кому упасть в ноги. Старые знакомые, близкие друзья все до единого были лишены своих прежних престижных должностей, некоторые, как и он, сидели дома без работы. Многие бывшие руководители утратили свои высокие посты: Каныш Имантапулы после возвращения из Москвы стал директором Института геологических наук, теперь он — не член президиума Академии наук. Сведущие люди говорят, что его даже не приглашают на праздничные торжества в качестве простого слушателя. Тулеген Тажибаев после освобождения от ректорской должности теперь работал в КазГУ заведующим кафедрой психологии. Амир Канапин, прежний первый секретарь Алма-Атинского обкома партии, с февраля тоже не у дел. Единственная надежда на Жакупбека Жангозина, с которым Ермухан дружил со студенческих лет. Однако он теперь министр торговли и не имеет отношения к науке и учебным учреждениям. При встрече он спросил Ермухана: «Где хочешь отдохнуть? Путевка в любой санаторий — за мной», значит, кроме этого, он ничем помочь не может...

Ермухан сам понимал, что пока его не восстановят в партии, работы ему не найти. А это сложный вопрос, который не решить сегодня-завтра...

А. М. Панкратова еще в Москве предупредила его:

— Ермухан, с твоим оправдательным приговором я ознакомилась в кабинете генерального прокурора. Все обвинения в нем фактически опровергнуты. В выводе московского юриста еще сказано: научное заблуждение никогда нельзя относить к преступлению!.. Однако в этом приговоре есть один нюанс, там имеется ссылка на то, что ты признал ошибку. Думаю, буквоеды-чиновники ученого совета ВАК твое собственное признание используют как предлог, чтобы не возвращать тебе ученые звания — кандидатское и докторское. И наш институт однажды, не желая перечить «Правде»,

вынужден был признать, что тоже ошибся при оценке твоего труда и сейчас не сможет заступиться за тебя... По-моему, есть два выхода: первый — Центральный комитет КП Казахстана должен отменить свое первоначальное постановление о реакционности движения Кенесары Касымова, то есть безоговорочно признать историческую справедливость. Но это сделать весьма трудно, так как за ним стоит опять же газета «Правда». И все же не будем терять надежды. Неделю назад к политическому руководству республики пришли новые люди, с иным образом мыслей. Возможно, они, разобравшись в ситуации, пойдут на пересмотр постановления... А второй путь — легче первого и выигрышнее для тебя, Ермухан. Свою монографию «Присоединение Казахстана к России» ты должен быстро дописать и защитить как докторскую диссертацию заново. И на этом завершить свою реабилитацию!..

Теперь Ермухан убедился в правоте и прозорливости А. М. Панкратовой. Понимая, что из своего тупикового положения не сможет выйти без помощи «Большого дома», он записался на прием к секретарю, курирующему отдел науки и учебных заведений. Однако и там он наткнулся на безразличие. Помощник секретаря неизменно повторял одно и то же: «Пока у товарища Сужикова времени нет, позвоните на следующей неделе...» Е. Бекмаханов понял, что это не было проявлением только бюрократического каприза, подобное отношение полностью отвечало жестким требованиям постановления VII съезда о национальной интеллигенции.

Однако в душе Ермухана теплилась слабая надежда на успех, он уже подумывал: если не удастся попасть к Сужикову, дойду до первого секретаря, который, конечно, меня поймет. Эта надежда родилась не на пустом месте: до него дошли слухи о простоте и

открытости нового секретаря, человечности и непредвзятости его взглядов. Выступая с большой речью на апрельском пленуме Союза писателей Казахстана, 11. К. Пономаренко впервые завел разговор об уважении к деятелям национальной литературы и культуры. «Мы должны гордиться, что являемся современниками Мухтара Ауэзова, произведения которого на сегодня переведены на многие языки мира, а прежние руководители Казахстана не давали ему спокойно жить и творить на родной земле, лишили его научной и преподавательской работы, мало того, бойкие чиновники из ЦК в последние годы постоянно занимались его преследованием...» Когда Пантелеймон Кондратьевич с трибуны произнес глубоко прочувствованные слова покаяния, сидевшие в первом ряду М. А. Сужиков и другие работники отделов пропаганды и науки, конечно, вместе со всеми горячо ему аплодировали, невольно проявляя солидарность с первым руководителем республики. «Значит, эти товарищи поняли, что прежние порядки уходят в прошлое...» — подумал Ермухан.

В ожидании звонка из ЦК прошел апрель, потом май. Из «Большого дома» так и не было приглашений.

Для успокоения души историк принялся редактировать свою монографию, бережно сохраненную Ахметжаном.

«Работу с рукописью уже начал, — писал Ермухан Бекмаханулы жене в письме от 21 мая в Ташкент. — Первые три главы закончил полностью. Исправления на некоторых страницах были большими. Последние две главы, возможно, перепишу заново, потому что раньше второпях не учел некоторые моменты. Несмотря на это, через месяц постараюсь все закончить. В следующий понедельник пойду на прием к заведующему отделом науки ЦК, он уже согласился принять. А вот приема у

секретаря (речь идет о приеме у М. А. Сужикова. — М. С.) не могу никак добиться, все же надеюсь и с ним встретиться в ближайшее время... Алма-Ату посетил Никита Сергеевич (первый секретарь ЦК КПСС приезжал в Казахстан 10 мая. — М. С.). Алмаатинцы встретили его с ликованием. Секретарь в театре оперы слушал постановку «Дударай», после этого побывал на концерте казахских певцов. Я его видел близко, когда он поклонился народу, с удовольствием хлопал в ладоши вместе с остальными. Первое впечатление: Никита Сергеевич — настоящий народный деятель! Галочка, быстрее отправляй копии своих документов, так как об этом просит сам Малик (Малик Габдуллин, ученый друг Ермухана, в то время он работал директором КазПИ. — М. С.). Пока не завершу свою работу, в дом отдыха не пойду. Из-за тоски по тебе работа продвигается медленно. Одиночество — для меня опасная болезнь! Быстрее заканчивай свои дела, пока тебя не будет со мной рядом, у меня не будет покоя... Не забудь, что тебя с нетерпением ждут дети, твои матери и почитающий тебя муж! Любящий тебя Ермухан».

Наконец-то Е. Бекмаханов попал на прием к заведующему отделом науки и учебных заведений Нурумбеку Жандильдину, с которым был давно знаком: когда-то он преподавал в Алма-Атинской высшей партийной школе; позднее там же исполнял обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма и исторического материализма; в 1951 году его утвердили заведующим отделом ЦК. значит, и он тоже был причастен к проводившимся тогда политическим кампаниям... «Следовательно, Н. Ж. Жандильдин знал все печальные перипетии событий, которые пережила передовая казахская

интеллигенция, значит, мне легче с ним объясниться...»
— размышлял историк.

Заведующий отделом поздоровался с ним вежливо, расспросил о жите-быте. Однако, услышав, что положение хуже некуда, не сказал ни слова о том, намерен ли помочь Ермухану.

— Политическая ситуация еще изменится, Ереке, не теряйте надежды. Вот вы не через двадцать пять лет вышли на свободу, а всего лишь через полтора года. Это тоже признак перемен... — философствовал заведующий отделом. — Однако мы от имени ЦК не можем ходатайствовать перед ВАК о возвращении вам ученых степеней. Эти вопросы ставьте перед руководством Академии наук и университета...

Ермухан, не церемонясь, прервал пустую демагогию заведующего:

— Ну ереке, я знаю, что ваши полномочия ограничены. Возвращением ученых званий займусь сам... Но вы помогите мне дожить до этих дней, ведь мне и моим пятерым детям что-то кушать надо, как и нашим. В академию не прошусь, а вот в КазГУ, рядовым преподавателем, пошел бы.

— Ереке, напишите заявление в парткомиссию. Думаю, члены комиссии внимательно к нему отнесутся. Если восстановитесь в партии — то устроиться на работу будет легче, и мы поможем...

— Заявление о восстановлении в партии мной уже подано, но там таких просителей, как я, много. Сказали, что меня поставили на очередь... — ответил историк, — а время не терпит, Ну ереке, и я попросился к вам на прием, чтобы вы помогли мне в устройстве на работу. Этот вопрос можете решить только лично вы, потому что я в течение пяти лет был доктором наук, также имел звание профессора. Кроме научной, у меня нет другой профессии и не будет!.. Если вы откажете, то я

вынужден буду проситься на прием к первому секретарю.

Заведующий отделом взял цветной карандаш и стал методично в раздумье постукивать им по мраморному письменному прибору. Слова историка задели партийного функционера. Он замешкался, не мог даже скрыть своей растерянности.

— Ереке, дайте мне немного времени, я посоветуюсь со своим шефом. Зачем вам ходить к первому секретарю? Ваше возмущение справедливо. Подождите недельку, я сам сообщу вам о результате рассмотрения вашей просьбы... — примирительно сказал Нурумбек Жандилдаулы.

За три месяца после освобождения это были первые относительно благожелательные слова, услышанные от власть имущих...

От Ермухана БЕКМАХАНОВА — Халиме БЕКМУХАМЕДОВОЙ:

«Милая, родная Галочка!

Вот уже неделя, как я в доме отдыха «Просвещенец». Прекрасный дом отдыха, отлично кормят. Беда только в том, что целую неделю идет проливной дождь, очень холодно. Порою на весь день забираюсь в постель и читаю. Такая погода в Алма-Ате. Думаю, что к твоему приезду лето вступит в полную силу.

Сегодня меня срочно вызвали в ЦК — на парткомиссию. Очень волнуюсь, как решится мое партийное дело. Если закончится все благополучно, то обязательно дам телеграмму из дома отдыха.

Дети прекрасно растут, когда я зашел домой, тот и другой заявили, что они очень любят папу и хотят, чтобы я больше никуда не уезжал. Быстрее заканчивай учебный год и приезжай. Я без тебя с ума сойду. Бея

хандра связана с твоим отсутствием. Видно, наша любовь полностью органически вошла в кровь и плоть.

Фактически остались две последние главы. Осталось отредактировать и отпечатать. Думаю, что через пару недель закончу. В доме отдыха с утра до обеда сижу за писаниной, а затем в кино, в бильярдную или на прогулку в яблоневый сад... Здесь много моих учеников, и они заботливо относятся ко мне. За это я им благодарен, сама понимаешь, что в такой обстановке надо дорожить уважением товарищей...

*Твой любящий и нетерпеливый муж Ермухан.
6 июня 1954 года».*

*Е. БЕКМАХАНОВ. Алма-Ата — Ташкент,
Х. А. БЕКМУХАМЕДОВОЙ:*

«Дорогая Галочка!

Очень обеспокоен твоим молчанием. (...) Свою рукопись почти заканчиваю... Очень соскучился, быстро завершай свою работу. Все твои документы шешей уже передала Малику. Скоро должен попасть к секретарю^[102] и заодно, очевидно, решу свой основной вопрос.

Дома все здоровы, на следующий выходной решил забрать детей с Хадишой-апай в Дом отдыха. Пусть погуляют и отдохнут, здесь среди вечнозеленых елей такой чистый воздух. Напиши, когда точно приедешь, если тяжело будет с вещами, я могу сам смотаться в Ташкент. Очень и очень скучаю и не дождусь, когда будем опять вместе.

Любящий тебя твой Ермухан, 14 июня 1954 года».

С первым весенним светом и начавшейся в апреле 1954 года хрущевской «оттепелью» казахская интеллигенция, находившаяся еще в заточении за пределами республики, воспряла духом. Постепенно,

получив свободу, бывшие узники стали возвращаться в родные края. В первую очередь вернулись наказанные в ходе последней кампании: Бегежан Сулейменов и Кажым Жумалисв, а после них со своими семьями встретились и другие ученые. Осенью и зимой стали возвращаться осужденные как «враги народа» в 1937–1938 годах. Тех, кто был расстрелян, уже было не вернуть. По их семьи, пораженные в правах, также получили оправдательные приговоры реабилитационных комиссий Верховного суда СССР. В том же потоке были оправданы видные деятели казахской литературы, стоявшие у ее истоков: Сакен Сейфуллин, Беимбет Майлин, Ильяс Жансугуров (вместе с ними еще много одаренных поэтов, писателей, переводчиков и литературоведов), сразу же начали сниматься запреты на их труды, много лет сохранившиеся в закрытых фондах. Вслед за ними возвратились на родину представители второй волны репрессированных писателей: Утебай Турманжанов, Мухамеджан Каратаев, Зеин Шашкин и многие другие, — уже постаревшими, надломленными. Но, несмотря на это, за короткое время они написали множество новых повестей и романов, (Погибшие историки также были реабилитированы, однако груды их оставались недоступными для читателей почему-то еще десятки лет. Общественности стало известно о них лишь в конце прошлого века, когда Казахстан получил независимость.)

Бушевавшие прежде страсти о националистических шатаниях в среде интеллигенции вроде бы улеглись, настало другое время. К сожалению, новые веяния пока слабо ощущались в ЦК КП Казахстана, там еще не совсем понимали, что политическая ситуация изменилась в корне. Над казахстанским обществом все еще тяготели нерешительность и осторожность, страх: многие по-прежнему и шага не делали без согласования

с вышестоящим начальством, не смели высказывать свои суждения.

Пример тому — бесконечные хождения Ермухана Бекмаханова по всевозможным инстанциям: парткомиссия без особых измышательств восстановила его в партии, однако ее решение должна была утвердить партийная комиссия при ЦК КПСС, а этого надо было ждать не менее полугола. Решение квартирного вопроса тоже затягивалось из месяца в месяц...

Надо отдать должное терпению историка, он не унывал, не сидел сложа руки. Один экземпляр новой монографии принес в отдел науки ЦК КП Казахстана. Вручая его заведующему отделом, с присущей ему прямоотой сказал:

— Этот экземпляр, Нуреке, отдаю только вам. Историкам нашим прошу не показывать. Я давно в них разочаровался, как и в пустопорожних дискуссиях, поэтому решил последовать мудрой народной пословице: «Коли падать — падай с верблюда» и отправил для ознакомления свой труд московским ученым-знатокам нашей истории. Им можно доверять, все их замечания я учту. А как выпустить эту книгу в свет, тоже буду решать там же, в Москве. Вас же прошу дать отзыв от отдела научен Центрального комитета о моей монографии...

— Ну, что же, Ереке, ценю вашу работоспособность и настойчивость. А что касается письма, то лучше, если его напишет президиум Академии наук...

Историк невольно хмыкнул: у этого партийного бонзы на любую просьбу один ответ: «Не я, пусть кто-нибудь другой». Разочарованный Ермухан обратился к партийному функционеру с другой просьбой: помочь попасть на прием к первому секретарю ЦК, не скрыв, что хотел бы в беседе с ним обсудить злободневные проблемы казахской истории...

Заведующий отделом осуждающе посмотрел на Ермухана и сказал:

— Правильнее было бы с этой проблемой пойти к новому секретарю по идеологии, почему же вы постоянно рветесь только к первому?

— Ну реке, Курмана Оспанова, теперешнего вашего секретаря, я знаю достаточно хорошо. Он с большим рвением помогал Храмову упечь меня в тюрьму. Вряд ли он стал сейчас другим. Мне надо переговорить именно с Пантелеймоном Кондратьевичем, так как он не связан с нашим прошлым, мыслит смело, по-новому и не будет оглядываться по сторонам!..

— Что ж, Ереке, я не имею права препятствовать вам.

Поскольку заведующий отделом не одобрил его затею, Ермухан отдал свое заявление в отдел ЦК по приему жалоб и писем трудящихся.

Как только Халима переехала в Алма-Ату, Ермухан снял в аренду одну комнату в оздоровительном комплексе в урочище Медеу. Питались в столовой дома отдыха. И родителям, и детям, давно уже мечтавшим вот так собраться всей семьей, эти места показались райским уголком. Быстро летели дни и ночи, и погода, наконец, установилась надолго — днем тепло и солнечно, а вечером — приятный свежий ветерок приносил аромат горных трав, прохладу ледников и стремительных, говорливых речушек. Целительный воздух гор вернул им бодрость и силу. Днем Ермухан читал газеты и журналы, доставляемые из города, вечерами они с Халимой ходили в клуб на концерты приезжавших из города известных певцов. Его часто навещали друзья и ученики, некоторые приезжали издалека. Каждый из них по народной традиции приходил с полной сумкой гостинцев. Тогда на поляне на берегу Алмазники накрывали дастархан и пели народные песни. Но даже в такие, казалось бы,

счастливые минуты Ермухана не оставляли докучливые, прозаические житейские заботы. Он не спеша шел в контору дома отдыха, где был телефон, и звонил в «Большой дом», чиновнику, принявшему его заявление, но всегда наталкивался на недружелюбный и сухой ответ: «Ждите, товарищ Пономаренко пока очень занят...»

Ермухан уже понял, что поступил опрометчиво, заявив чиновникам из ЦК о своем намерении чистосердечно рассказать обо всем, что творилось в Казахстане в 1951-1953 годах. Ведь там все еще сидят люди, активно участвовавшие в разоблачении и преследованиях «буржуазных националистов». Вряд ли они заинтересованы в разглашении тайн их дьявольской кухни, где стряпались сотни липовых дел. И если первый секретарь спросит их о нем: кто такой, мол, этот Бекмаханов? Они наверняка скажут: «Да это известный скандалист. Вернулся из Сибири и теперь обозлен на весь белый свет. Используя вас, он хочет отомстить своим недругам...»

В середине августа Бекмахановы вернулись в город. Как-то, прогуливаясь в парке имени двадцати восьми панфиловцев, Ермухан случайно встретил писателя Бердибека Сокпакбаева, с которым познакомился, когда работал учителем в Парынокском районе, они оба квартировали в одном доме. Обрадованный Бердибек пригласил его в пивную. Долго сидели за пенистым напитком, и вдруг Бердибек предложил:

— Ереке, вы заслужили отдых, как вы смотрите на то, чтобы поехать со мной в Нарынкол? Вдоволь попьем чудесного кумыса, погуляем с неделю, ну как?

Ермухану нравились гостеприимный народ Нарынкола, дремучие леса, прозрачные ручьи в каждом ущелье, но в период его невольного пребывания там было не до любования красотами этого замечательного уголка казахской земли. Предложение Бердибека было

заманчивым, да и сам он располагал к себе своим открытым, простодушным характером, наверное, поэтому, не раздумывая, Ермухан ответил:

— Согласен. Поедем хоть сейчас!..

На следующий день после обеда за ним на автомашине заехал незнакомый джигит, которого Бердибек попросил отвезти его с Ермуханом в Нарынкол. Так по воле случая Ермухан оказался снова там, где три гола тому назад жил изгнанником. На этот раз он дышал здесь полной грудью, наслаждаясь всеми благами этого прекрасного края.

Бердибек был на девять лет моложе Ермухана. Он окончил КазПИ в 1949 году, холостяком приехал в родные места учительствовать, в средней школе в районном центре он вел уроки казахской литературы. Однако к учительской работе он не проявлял особого интереса, считая ее скучным занятием, а больше тяготел к литературному творчеству. Именно это сблизило молодого учителя и историка. Выяснилось, что еще два года тому назад у молодого друга вышел в свет первый сборник стихотворений под названием «Родник». В 1951 году он опубликовал повесть под названием «Шестнадцатилетний чемпион». Для аульного учителя это было редкой удачей! Бердибек не остановился на достигнутом, в свободные от занятий часы и дни он писал рассказы и стихи для детей. С завидным, как заметил Ермухан, трудолюбием. И однажды, после прочтения его первых двух книжек, сказал ему:

— Бердибек, как читатель, я тебе дам добрый совет, и ты это восприми как пожелание старшего брата, который желает тебе успеха на писательском поприще, при этом учти, что я знаком со многими шедеврами русской и зарубежной литературы... Я внимательно прочитал твои книжки. Вижу, что ты хочешь одновременно быть и поэтом, и прозаиком, как

некоторые наши маститые литераторы. Честно говоря, мне кажется, что ты гонишься сразу за двумя зайцами. Лучше тебе поэзию оставить другим, у кого это лучше получается, а самому заняться лишь прозой. Потому что я вижу: разница между этими двумя книжками, как между небом и землей...

— Почему же, Ереке? — обиженно спросил Бердибек.

— Вспомни стихи Абая: «Поэзия — властитель языка, / Из камня чудо высекает гений. / Теплеет сердце, если речь легка, / И слух ласкает красота сравнений». Обрати внимание, как много огня, страсти в песнях наших акынов, сказителей, как много вкладывают в них они надежд, горя и радости, своих дум и мечтаний, как легко и свободно взлетают ввысь на крыльях песни. Такого дарования у тебя нет, ты умеешь только рифмовать из четырех строк три...

— Вы безжалостны, Ереке, но отчасти правы, — вынужден был признать Бердибек. — А что вы скажете о моей прозе?

— В ней, брат Бердибек, ты больше преуспел. Ты пишешь емко, кратко, каждое слово и эпитет у тебя на своем месте. Ты уверенно строишь сюжет — от события к событию, от завязки до кульминации, что похвально для начинающего писателя. Я думаю, что лет через десять ты создашь солидные, серьезные вещи. Только в прозе!.. — ответил Ермухан.

Что поделаешь, превратности судьбы неисповедимы. В середине зимы историк вынужден был оставить эту школу, Ермухана перевели в Джамбулскую область. Так молодой писатель Бердибек Сокпакпаев потерял не только Ермухана Бекмаханова, но и его следы. Летом следующего года он сам покинул родные места, перевелся в Алма-Ату, перейдя на творческую работу. Как и советовал старший друг, стал писать рассказы и повести и добился в этих жанрах

определенных успехов, женился. Работал в Союзе писателей литературным консультантом. А в Нарынколском районе его помнили, гордились им. Наверное, поэтому он и организовал теперь эту поездку на родину, желая оказать уважение опальному историку:..

Они начали свои похождения с родного аула Бердибека — Костюбе, а потом посетили Нарынкол и Кеген, заехали на джайляу Каркара, где в давние времена кипели многолюдные, шумные ярмарки, куда со всех окрестных и дальних мест пригоняли тысячи лошадей, верблюдов, овец, где вели торговый обмен кыргызы, казахи, уйгуры и казахи из близкого китайского Синьцзяна.

В каждом ауле их щедро угощали вкуснейшим мясом шестимесячных барашков, ароматным, густым и жирным, как шубат^[103], кумысом, отчего они прибавили в весе.

В один из таких спокойных дней из районного центра прибыл неожиданный посыльный. Не простой гонец, а чиновный работник из райкома партии.

— Ереке, третий день вас ищем... Из Алма-Атинского обкома партии поступила телефонограмма: «Срочно разыскать Е. Бекмаханова и доставить в Алма-Ату!» Вот транспорт, выделенный вам, сегодня же я должен доставить вас в обком^[104]... — доложил райкомовский посланец прямо с порога.

Поужинав, отправились в путь. Бердибек тоже присоединился к Ермухану, решив, что надо возвращаться вместе со своим гостем. К утру они были в Алма-Ате.

Оказывается, срочный вызов поступил не из обкома, а из «Большого дома», к тому же искал его сам первый секретарь. Ермухан сразу же переговорил по телефону

с прежде недоступным ему помощником секретаря. Тот вежливо сказал ему:

— Раз с дороги, Ереке, идите домой, отсыпайтесь. Я сообщу вам, когда надо будет прибыть на прием к Пантелеймону Кондратьевичу.

— Ну, друзья, с вами мне везет. Вы оказались добрыми спутниками. Сегодня или завтра меня примет сам первый. Значит, все идет так, как я задумал. Подкиньте меня до дома. Мне надо поспать и подготовиться к приему, и вы тоже отдыхайте!.. — распорядился Ермухан, прощаясь со спутниками.

* * *

По словам Халимы Адамбеккызы, встреча в Центральном комитете состоялась в последние дни августа.

«Ереке. как приехал из Нарынкола, сразу же сходил в баню, вернувшись оттуда, лег спать. Я отпустила детей гулять, а сама с нетерпением ждала телефонного звонка, так как знала, какое важное значение для Ереке имела предстоящая аудиенция у первого секретаря. Советовался он по этому поводу с Мухамеджаном-ага Абдикалыковым и со своим родственником Серикбаем Бейсембаевым, тоже партийным работником и ученым-историком. Он говорил им: «Если Пономаренко не поддержит меня, что я теряю? Шуба моя не облезет, никто меня обратно в Сибирь не пошлет, Если все решится, как я задумал, то вся казахская интеллигенция, особенно опальные ученые-гуманитарии, скажут мне спасибо. И тогда для нас наступит благодатное время для свободного творческого поиска...» — он несколько раз повторял это и им и мне, настраиваясь на будущую беседу. И я всецело поддерживала его...»

Помощник секретаря позвонил историку домой ближе к вечеру и сообщил, что Пантелеймон Кондратьевич ждет его в восемь часов вечера.

И вот он в святая святых — в кабинете первого секретаря ЦК.

— Извините, что заставил вас долго ждать, Ермухан Бекмаханович, дел по горло, — сказал, крепко, мужски пожимая ему руку, Пономаренко. — Кстати, из-за вас я три дня тому назад получил нагоняй от члена Центрального комитета академика Панкратовой...

«Значит, опять меня выручает добрейшая Анна Михайловна, выходит, этой аудиенцией я обязан только ей!..» — промелькнуло в голове Ермухана.

П. К. Пономаренко, улыбаясь, продолжил:

— На ее участливые вопросы о том, какую работу мы вам дали, как обеспечили жильем, воссоединились ли вы с семьей, разбросанной по городам, я не мог дать исчерпывающих ответов. Откровенно говоря, мне стало неудобно. Я чистосердечно признался ей в своем неведении и пообещал, что на все эти вопросы отвечу дня через три-четыре, сам позвоню ей. А раз дал обещание женщине, тем более Анне Михайловне, то его надо выполнить. Вот и пришлось вас срочно разыскивать...

Ермухана Бекмаханулы взволновало доверительное, душевное расположение к нему первого секретаря ЦК. Он не готов был к такому повороту дел и растерялся.

— Ну, рассказывайте, как вы обустроились, — сказал Пономаренко.

— Вот уже шесть месяцев, как я на свободе, Пантелеймон Кондратьевич. Пока безработный. Жена по приезде из Ташкента два месяца тоже сидела дома, сегодня-завтра должна устроиться преподавателем в КазПИ, пока берут на полставки...

Секретарь, взглянув на записку, лежавшую перед ним, произнес:

— Как мне докладывают, позавчера ректор университета уже подписал приказ о назначении вас старшим преподавателем. Решение парткомиссии о восстановлении вас в партии давно отправлено в Москву. Я сказал председателю комиссии, чтобы подготовили письмо от моего имени с просьбой ускорить решение этого вопроса в Москве. О выделении вам благоустроенной квартиры также дано соответствующее указание горисполкому. Но квартиру вам придется ждать еще несколько месяцев, ведь список внесенных средников довольно длинный...

— Нас четверо взрослых и двое детей, всего шесть человек, нам никак не поместиться в одной комнате, поэтому мы с женой решили снять комнату у частных...

— Да, тяжело вам, тем более вы пока не имеете работы...

— Благодарю вас, Пантелеймон Кондратьевич, за сочувствие и понимание!.. Говорят, у народа тысячи ушей, и я уже слышан о ваших устных выступлениях, о вашем уважительном отношении к казахскому народу, его истории и национальной культуре. Именно поэтому я настойчиво просился к вам... — Сделав такое обязательное по тем временам вступление, Ермухан замолчал, желая узнать реакцию секретаря ЦК.

— Пожалуйста, говорите, что на душе наболело. Я вас слушаю.

Ермухан Бекмаханулы вкратце рассказал о самоубийственном для общественности республики постановлении ЦК КП(б) Казахстана, принятом в начале 1947 года, в результате которого было изъято из употребления все, что касалось казахской устной литературы и фольклорного наследия. С горечью назвал тех, кто это учинил и кто пострадал, попал в опалу, лишился работы. Через четыре года были запрещены и его книга «Казахстан в 20-40 годы XIX

века», и второе дополненное издание «Истории Казахской ССР», обе эти книги были признаны реакционными, антисоветскими. Объяснил потайные причины новой политической кампании, длившейся три года, как она превратилась в карательную, когда никчемные, случайные люди, далекие от науки, так называемые активисты-белсенды, стали главными организаторами гонений на истинных ученых, как кляузники и анонимщики получили полную поддержку у Центрального комитета и правоохранительных органов.

— Вы сами, Пантелеймон Кондратьевич, подтвердили это в недавнем своем выступлении в оперном театре перед интеллигенцией республики, признав, что в ту лихую годину, спасаясь от расправы, из республики были вынуждены уехать самые видные деятели казахского народа: Сатпаев, Ауэзов, Жубанов. Говорят, что будучи министром культуры [\[105\]](#), вы сразу же, в день приезда Мухтара Омархановича в Москву, подписали приказ о назначении его профессором МГУ. Значит, вы тогда уже осуждали тех, кто способствовал разгулу репрессий в Казахстане.

— Нет, дорогой, это было немного не так... — возразил хозяин кабинета. — В то время я еще не знал подробностей происходившей в Казахстане кампании. Но зато я знал Ауэзова. Прочитав его эпопею «Путь Абая», я понял, что он настоящий художник слова, обладает особым, бесценным даром. Он прямо из аэропорта приехал ко мне. От одного его вида можно было упасть в обморок — одет кое-как, небрежно, на лице — испуг. Я помог ему, чем мог... Ладно, мы немного отвлеклись, Ермухан Бекмаханович. Наложите свое дело, что и как случилось. Я слышал, что кампания началась из-за вас, вы вроде бы очень расхвалили этого хана, возглавившего восстание против русских. Я не историк, но историей всегда интересовался.

— Пантелеймон Кондратьевич, возвеличивание Кенесары, возглавившего восстание 1837-1847 годов, началось задолго до меня. В своем заявлении, отправленном из тюрьмы Н. С. Хрущеву, я писал, что «когда хан Кенесары уже восхвалялся по всей степи, я был еще дитём, лежавшим в люльке. Позднее я лишь отразил в книге широко распространенную народную молву и оказался виноватым...». А вот в письме в ЦК КПСС московских историков во главе с Л. М. Панкратовой из Института истории АН СССР утверждается, что я патриот Советской страны, настоящий коммунист, а то, что я стал политическим преступником, — это результат происков местных завистников, пытавшихся навсегда отлучить меня от науки, стереть в порошок. Но я не впал в отчаяние. За полтора года после увольнения с работы я написал новую монографию под названием «Присоединение Казахстана к России», ознакомил с ней историков Москвы и получил их полное одобрение. А недавно дополнил ее, получилось 900 страниц... Извините меня, может быть, я поступаю некорректно, говоря так, но поинтересуйтесь: мои коллеги, обвинившие меня в отступничестве от марксизма и интернационализма, что они сделали за последние три-четыре года и какие новые исследования подготовили к публикации?.. Уверен, ничего путного они вам не скажут. Потому что все силы их уходят на склоки, сутяжничество, а настоящих исследований как нет, так и не будет...

— Понятно. Анна Михайловна говорила мне о вашей непримиримости и принципиальности. Теперь я убедился в правоте ее слов. Какие у вас будут предложения по исправлению ситуации, сложившейся в исторической науке? — спросил первый секретарь.

— Процесс постепенного политического прозрения уже идет. Многие наши ученые-гуманитарии вернулись на родину, от них скоро будет хорошая отдача! Но,

Пантелеймон Кондратьевич, это одна сторона дела. А ведь есть и другая сторона медали. Под угрозой ареста и преследования многие оговорили себя, в том числе и я. В результате наши труды попали под запрет. И сами мы стали изгоями в своей стране. Кое-кто использовал ситуацию в своих низких, неблагоприятных целях, чтобы под шумок кампании изгнать из научной среды истинных корифеев науки и занять их места. По моему глубокому убеждению, надо обсудить эту проблему, чтобы восстановить правду, для этого надо принять новое постановление ЦК. В своем выступлении на республиканском активе вы коснулись судьбы отдельных личностей, а я прошу вас подойти к этой проблеме более широко...

— А если это превратится не в дискуссию, а во взаимную месть?

— Но ведь пока прежнее постановление не отменено, мы все, пострадавшие в той кампании, остаемся изгоями общества... Стоит ли тогда говорить о политическом потеплении. В Москве научная общественность уже требует отмены всех ограничивающих права и свободы партийных установок. И дело идет к этому. Пантелеймон Кондратьевич, именно такого духовного очищения от вас ждет весь народ, в первую очередь казахская интеллигенция. Мне кажется, никто из ваших советников не поставил вас в известность о том, что наши учебники по истории и казахской литературе неоднократно пересматривались, в результате оказались совершенно выхолощенными, в них многое замалчивается, вычеркнуто цензурой. У нас говорят: кривая арба портит колею. Нам надо уже сегодня подумать о том, чтобы дорога в завтра была прямой. Извините, я историк и на всё смотрю с исторической точки зрения...

— Ясно, Ермухан Бекмаханович. Вы говорите достаточно убедительно. Но согласитесь, не могу я все

эго сразу повернуть вспять. Московские товарищи могут меня одернуть: «Товарищ Пономаренко, мы вас послали в Казахстан не для того, чтобы вы там наводили ревизию на все ранее принятые постановления». По ряду вопросов вы действительно привели очень веские аргументы. Как быть? Посоветуюсь с членами бюро...

Халима Адамбеккызы вспоминала: «После возвращения с этой аудиенции Ереке долго не мог успокоиться, много дней ходил в какой-то эйфории. “Первый секретарь — настоящий коммунист, преданный делу партии, интеллигентный и весьма эрудированный во всех отношениях человек, при этом очень простой, держался со мной, как с равным. Самое главное — он искренен и уважительно относится к нашему народу. Вот увидишь, он еще покажет себя!.. — говорил Ермухан».

П. К. Пономаренко на самом деле остро реагировал на несправедливости, о которых ему говорили заслуживающие доверия сведущие люди. Он продемонстрировал это на активе интеллигенции в августе, а потом на съезде писателей Казахстана, созванном осенью 1954 года. Вместе с тем приходится только сожалеть, что он не пошел дальше своих довольно громких заявлений, сделанных с трибуны, не принял конкретных мер по отмене драконовских постановлений ЦК. Возможно, сказалось противостояние высокопоставленных лиц в Кремле, в частности, секретаря ЦК КПСС и главного идеолога страны М. А. Суслова. Кроме того, мнение редакции «Правды», способствовавшей гонениям ученых Казахстана, оставалось незыблемым и несокрушимым. На календаре все-таки был еще 1954 год!..

Несмотря на бедственное положение, супруги не падали духом, не поддавались унынию, не теряли надежды на лучшее. Теперь они были вместе, друзья,

даже прежде к ним охладевшие, снова повернулись к ним лицом... И однажды Ермухан предложил своим домочадцам:

— Надевайте все самое лучшее и следуйте за мной. Мы пойдем в ЗАГС и зарегистрируем наш брак. Мои сыновья должны носить мою фамилию...

В день, когда Ермухан и Халима получили свидетельство о браке, а Ерик и Сермухан, наконец, стали Бекмахановыми, в ломе накрыли дастархан...

Е. БЕКМАХАНОВ, Москва — Алма-Ата, Халиме БЕКМУХАМЕДОВОЙ^[106]:

«Дорогая Галочка!

Посылку получил, и я, и старушки, у которых я поселился, очень обрадованы. На днях был в ЦК, и через пару недель в моем присутствии должен решиться мой партийный вопрос. Товарищи читают мою работу и обещают в ближайшее время дать отзыв. Недавно виделся с Анной Михайловной, она меня пригласила на научную сессию.

Директор Института истории написал письмо в Алма-Ату с просьбой о продлении моей научной командировки, но ответа нет. Если увидишь моего родственника Серикбая Бейсембаева^[107], то напомни ему обо мне. Он должен понять, что в Москве без денег жить невозможно...»

Письмо историка из Москвы в Алма-Ату своим домочадцам свидетельствует о том, в каких стесненных обстоятельствах находились Бекмахановы. Командировку в Москву оплатил университет, однако этих денег хватило ненадолго. Когда командировку продлили, пришлось из гостиницы уйти к знакомым старушкам, чтобы сэкономить на расходах за проживание в столице.

В середине марта партком иссия ЦК КПСС вынесла решение о восстановлении Е. Бекмаханова в партии с сохранением партийного стажа, членский билет он должен был получить в горкоме партии Алма-Аты. И второй вопрос решался положительно — трое ученых института Истории — академик Н. Дружинин, А. Кучкин и А. Рожнова приступили к чтению его монографии. А после них за нее обещала взяться и А. М. Панкратова. Для чрезвычайно занятых людей науки, у которых на учете каждая минута, каждый час и день, прочесть, да еще написать отзыв, было непросто. Просить, чтобы они ускорили чтение, так как Бекмаханов не мог долго находиться в Москве, было неуместно...

Материальное положение Ермухана и в 1955 году оставалось все еще бедственным, оно целиком зависело от возвращения ему ученой степени, а этот вопрос пока никак не решался.

Политическая ситуация тоже оставалась неопределенной не только в Казахстане, но и в Москве. Вроде бы лед тронулся, люди вздохнули с облегчением, но партия не собиралась сдавать своих идеологических позиций. Думать и поступать можно было только в свете решений последнего, XIX съезда КПСС. Предложенная на рецензию коллегам новая монография Е. Бекмаханова была написана именно в этом ключе, чтобы снова не вызвать раздражения бдительных идеологов, вся она была испещрена цитатами классиков марксизма-ленинизма и верных ленинцев из Кремля, крепко державших в своих руках руль управления Советской страной...

Ермухан покинул Москву, как только получил отзывы историков. Ему предстояло сделать исправления в соответствии с замечаниями рецензентов и в этом же году вернуться обратно...

Снова сменилось политическое руководство в Казахстане. В начале августа 1955 года П. К. Пономаренко был назначен послом в Индию. (Необходимо отметить его заслуги в восстановлении справедливости в Казахстане: с К. И. Сатпаева были сняты надуманные обвинения, он был возвращен на прежнее место; М. О. Ауэзов и А. К. Жубанов вернулись на родину; Т. Тажибаев стал министром культуры, а через несколько месяцев приступил к исполнению обязанностей министра иностранных дел и заместителя председателя Совета министров республики, а на его место был назначен А. Канапин.) Первым секретарем ЦК КП Казахстана был избран Л. И. Брежнев.

Когда Ермухан Бекмаханулы узнал из газет о состоявшемся внеочередном пленуме ЦК КП Казахстана, то так расстроился, будто его сняли с высокого поста. Как вспоминала Халима Адамбеккызы, он говорил: «Опять нам не повезло, если бы Пантелеймон Кондратьегич побыл еще один год, сколько хорошего он еще сделал бы для казахской нации! Это рокировка Кремля. Возможно, его независимая политика в Казахстане там не понравилась...»

Поэтому ученый не стал больше ждать милостей от «Большого дома», а решил действовать в другом направлении. Но и в этом ему опять не повезло. Министр высшего образования СССР В. П. Елютин предложил, чтобы Е. Бекмаханов направил официальное заявление, а он постарается ему помочь. К его заявлению прилагалось ходатайство президиума Академии наук Казахской ССР. Однако из этого ничего не вышло, так как в новое положение ВАК в том же году был добавлен пункт о том, что до защиты диссертации

монография должна быть издана в виде книги... Итак, казахскому историку пришлось изыскивать возможности для публикации монографии. А эти в то время были проблемой. Тем более что автор хотел выпустить свой труд только в Москве. Пока он занимался поисками издательства, наступил 1956 год. В феврале состоялся XX съезд КПСС, который произвел эффект разорвавшейся бомбы. Все, что казалось незыблемым в течение десятилетий, рухнуло в считанные дни. Вождь народов И. В. Сталин был низведен до простого смертного. На весь Союз прозвучала горькая правда о сталинских преступлениях, и чтобы никогда это не повторилось, съезд принял постановление о преодолении культа личности и его последствий.

В связи с кардинальными переменами Е. Бекмаханову пришлось заново пересмотреть монографию в 900 страниц, снять и переписать многие листы. «Так мне и надо, — решил он, — нечего приспособлять историю к политике». И снова засел за исправление своего труда.

А потом он опять поехал в Москву где через Институт истории АН СССР добился включения монографии в 40 печатных листов в план издательства «Наука» на 1957 год.

* * *

Каждый человек неповторим, но у одного индивидуальность проявляется слабо и незаметно, а у другого — ярко и неординарно. И еще неординарные личности часто видят то, что другие в упор не замечают. Как я наблюдал в жизни, эти особенности характера и восприятия окружающего мира у таких людей остаются на протяжении жизни неизменными.

Если человек честен, взыскателен и не терпит лжи, сколько бы его ни мяли, ни кляли, он — каким родился, таким и останется до конца своих дней. Именно этим и объясняется поступок Ермухана Бекмаханулы, совершенный им в начале 1957 года.

В зале заседаний главного корпуса КазГУ, кроме членов ученого совета, собралось довольно много преподавателей и студентов. Ассистент кафедры истории СССР Р. С. (по этическим соображениям я не раскрываю ее фамилии, а ограничусь инициалами. — М. С.) защищала кандидатскую диссертацию. Научным руководителем соискателя был доктор исторических наук, профессор А. А. Алиев (по личному вызову Л. И. Брежнева он переехал из Днепропетровска в Алма-Ату).

После доклада Р. С. началось обсуждение. Вначале выступил ее научный руководитель. Он отметил в своей подопечной незаурядность, добросовестность, глубокое знание предмета, выбранного ею для исследования периода истории Казахстана. Официальные оппоненты также положительно оценили работу соискателя, за этим последовал дружный, согласный хор других местных историков: мол, профессор Апбас Алиев открыл настоящий талант. Когда восхваление перешло все границы, скромно сидевший в сторонке старший преподаватель кафедры истории СССР С. Бекмаханов поднял руку и попросил разрешения выступить.

— Товарищи, может быть, кому-то это не понравится, но я придерживаюсь несколько иного мнения о диссертации. В работе Р. С., которую я внимательно прочитал, очень много недостатков. Она вообще не соответствует требованиям, предъявляемым к такого рода исследованиям. Самое скандальное — это то, что товарищ Р. С. буква в букву переписала ряд опубликованных работ... — и Бекмаханов перечислил каких. В зале установилась зловещая тишина. — Это же

непорядочно использовать без ссылок чужие труды целыми страницами и абзацами! Я против присвоения ей звания кандидата наук. Считаю, что таких нечистоплотных людей нельзя близко подпускать к науке. Постыдный, жульнический поступок соискателя не должен остаться без последствий, его надо рассмотреть на партийном собрании и осудить!..

Члены ученого совета, сидевшие в президиуме, были обескуражены. Видя их растерянность, снова попросил слова А. А. Алиев.

— Товарищу Бекмаханову свойственно такое болезненное отношение к тем, кто пытается выйти вперед. Он норовит любым способом подставить им ногу и заставить споткнуться на ровном месте. Я об этом услышал, как только приехал в Алма-Ату. А сейчас сам в этом убеждаюсь. Он, как скорпион в пустыне: если не ужалит кого-нибудь, не выпустит яд, то дня прожить не может. Что за мелкие придирки и безответственные обвинения в плагиате?! Возможно, Р. С. забыла некоторые слова взять в кавычки или это произошло по невнимательности машинистки... В свое время Бекмаханов за свои более серьезные научные ошибки был привлечен к судебной ответственности, но это не пошло ему впрок, что он и продемонстрировал. Хотя Бекмаханов оправдан, но он не вернул до сих пор свои ученые звания, поэтому и ищет, на ком зло сорвать. Разве не так?.. Я считаю, что на его заявление не стоит обращать внимания, и предлагаю работу соискателя оценить положительно...

Ермухан Бекмаханов, выслушав коллегу, во второй раз попросил слова.

После некоторого замешательства в президиуме председатель ученого совета пригласил старшего преподавателя на трибуну.

В изложении этого скандала мы опираемся на воспоминания Садыбая Исаева, учившегося в том году

на пятом курсе исторического факультета КазГУ. Вместе с группой товарищей он присутствовал на этом заседании, так как Р. С. вела у них семинарские занятия.

Второе выступление своего преподавателя автор воспоминаний записал дословно, но мы приводим его в сокращенном виде...

Ереке снова поднялся на трибуну.

— Я тоже в свое время был доктором исторических наук и профессором, таковым снова стану в скором времени. А вы, товарищ Алиев, лжеученый, лжепрофессор. Что вы знаете из истории Казахстана? Судя по вашему сегодняшнему выступлению, вы никогда не открывали ни одной казахской исторической книги. Наука — не проходной двор, и тем, кто только прикрывается званием ученого, в ней не место. Я более не желаю участвовать в таком недемократическом разборе, прямо скажу, балагане, где наука используется в личных интересах...

«Ереке ушел, сердито хлопнув дверью», — пишет С. Исаев. Сразу же после его ухода был объявлен перерыв, а затем заседание продолжилось в кабинете ректора университета при закрытых дверях. Чтобы не уронить авторитет уважаемого профессора Алиева, члены ученого совета проголосовали за присвоение Р. С. звания кандидата наук.

В то, что произошло в дальнейшем, — трудно поверить. Члены парткома университета в тот же день срочно собрались для рассмотрения заявления Алиева о нанесенном ему оскорблении и решили проучить «недисциплинированного» старшего преподавателя Е. Б. Бекмаханова. Они во второй раз исключили его из партии, мало того, рекомендовали ректору освободить его от работы. Персональное дело коммуниста Е. Бекмаханова на той же неделе было вынесено на обсуждение общеуниверситетского собрания.

А он, как рассказывала мне Халима Адамбеккызы (об этом инциденте она вскользь упомянула и в интервью, напечатанном в пятом номере журнала «Жалын» за 1988 год), нисколько не горевал и, как истинный полемист, пошел на собрание коммунистов уверенно, чтобы еще раз дать бой всем холуям, поддерживавшим приезжего лжепрофессора.

Следует напомнить читателю, что обсуждение «недисциплинированного поведения» Е. Бекмаханова происходило в то время, когда были опубликованы материалы XX съезда КПСС, когда советский народ отбрасывал прочь тяжелое наследие Сталина — страх, привычку жить с оглядкой, когда у бывших лагерников и всего общества забрезжила надежда на то, что прежние идеологические оковы падут навсегда.

Итак, внеочередное собрание утвердило повестку дня. После оглашения решения парткома для объяснения проявленной «грубости» слово было предоставлено Е. Бекмаханову, Он обратился к секретарю парткома, инициатору этого разбора:

— Товарищ Зайкин, из вашего желания любым способом обвинить меня и удалить из университета ничего не выйдет. Сейчас время в корне изменилось. Компартия призывает всех нас к самоочищению... Я изобличил плагиатора, пытающегося нечестным путем пробраться в науку. Почему за это меня должны обсуждать коммунисты университета? Доказательства нечистоплотности соискателя ученой степени налицо, это подтвердит любая экспертная комиссия. Диссертация Р. С. не выдерживает никакой критики, написана она на низком уровне. Профессор Алиев не увидел факт воровства. По-видимому, на это у него не хватило знаний. Потому я назвал его лжеученым и не отказываюсь от своего заявления. Почему? Если бы он был знающим историком, то должен был указать на эти недостатки диссертации. Однако он не сделал этого.

Значит, он — не тот, за кого себя выдает... В научных работах нетерпимы искажения, верхоглядство, использование чужих трудов без ссылок. А вы, товарищ Зайкин, мои действия по разоблачению плагиатора и ее покровителя хотите выдать за мою недисциплинированность. В ваших действиях нет никакой логики! Вы противоречите линии партии, объявленной XX съездом КПСС. Надеюсь, что коммунисты университета во всем правильно разберутся...

Взволнованная, полная возмущения речь неистового историка взбудоражила аудиторию. Несколько человек выступили против предложения парткома. Конечно, нашлись и такие, которые считали, что Бекмаханова надо наказать за его грубость и оскорбление своего коллеги. В итоге мнения коммунистов разделились. Некоторые предложили:

— Чтобы мирно покончить с этим инцидентом, пусть Бекмаханов попросит прощения у товарища Алиева, этим и ограничимся.

Но тот уперся:

— Наказывайте, как хотите, но прощения просить у Алиева не буду. Я несколько раз слушал его лекции по истории СССР. У него нет элементарного понятия об истории Казахстана. Профессор А. А. Алиев читает свои лекции по учебнику. Я вообще удивлен тем, как он получил докторскую степень. Кто мне не верит, пусть сам послушает его лекции...

И Ермухан ушел с собрания. Сам он в письме от 14 февраля жене из Москвы писал об этом случае: «Оказывается, после моего ухода с партсобрания... меня склоняли по всем падежам, и кое-кто из Центра был в восторге от этого. Я лично не огорчен всем этим, настолько я привык к нападкам и кляузам».

А профессор Апбас Алиев пошел в ректорат и заявил:

— С таким хулиганом, как Бекмаханов, на одной кафедре работать не буду, кто-то из нас должен уйти: или я, или он...

Однако этот скандал вдруг получил совершенно другой оборот: группа студентов исторического факультета решила заступиться за своего любимого преподавателя, Ермухана Бекмаханова. Вначале их было только двое — участник Великой Отечественной войны Койшыгул Дартаев, до поступления в университет работавший в Актюбинском облисполкоме, и аспирант Рамазан Сулейменов. Они обратились к другим студентам — Баймурату Сарсенову, Ануарбеку Аминову, Асылбеку Садвакасову, Темиру Кишимову, Кенесу Даулетиярову и Садыбаю Исаеву:

— Джигиты, время в корне изменилось, нечего бояться. Надо направить коллективное письмо на имя Н. С. Хрущева, написать обо всех безобразиях, творящихся у нас. Никита Сергеевич накрутит хвост университетскому руководству и Зайкину заодно...

Из воспоминаний Садыбая ИСАЕВА (приводим с сокращениями):

«...Задумка двух старших товарищей пришла к нам по душе, мы дружно взялись за дело, в письме указали, что мы горячо поддерживаем решения XX съезда и начавшиеся демократические преобразования. Потом выразили возмущение в связи с тем, что пострадавший в годы сталинского беззакония доктор исторических наук, профессор Е. Б. Бекмаханов снова подвергается преследованиям, его хотят исключить из партии и изгнать из университета. Не забыли подчеркнуть, что Е. Бекмаханов талантливый ученый, прекрасный педагог и наставник молодежи. Защищая интересы науки, он открыто выступил против нечистоплотного соискателя ученой степени Р. С. и протаскивавшего ее в науку профессора А. Алиева, за что подвергнут

наказанию на партийном собрании. Несмотря на то, что многие коммунисты поддерживали правдолюбивого, бескомпромиссного ученого, ректор университета тов. Дарханбаев и секретарь парткома тов. Зайкин, мечтающие о возврате прежних порядков, настояли на своем, умолчав в протоколе собрания о недовольстве коммунистов высшего учебного заведения.

В конце письма мы выразили надежду, что Н. С. Хрущев, с именем которого народ связывает все добрые перемены, происходящие в стране, не даст в обиду нашего любимого учителя и поставит на место руководителей университета. Мы также попросили оказать содействие в возвращении Е. Бекмаханову ученых званий, заслуженно полученных им за многолетние, плодотворные исследования, получившие высокую оценку известных в стране русских историков...

Письмо написали за два вечера, скрытно напечатали на машинке, получилось около 10 страниц. Первоначальный вариант письма готовил Рамазан Сулейменов. Так как у меня был разборчивый и красивый почерк, я был у него писарем. В окончательном редактировании участвовали Койшыгул Дартаев и Жагыпар Аканов. Письмо подписали 117 студентов КазГУ, КазПИ, Казахского сельскохозяйственного и медицинского институтов. Мы все указали свои имена и отчества, на каком факультете и курсе учимся. Словом, это была — не анонимка, а открытый наш протест против произвола...»

Однако студенты не учли, что их затея может обнаружиться преждевременно. Жагыпара Аканова при сборе подписей в КазПИ, вероятно, засекли осведомители КГБ из числа учащих.

«Отправив готовый экземпляр послания в Москву, в ЦК КПСС, ранним утром, — вспоминает С. Исаев, я вернулся в общежитие, но в своей комнате никого не застал, всех джигитов уже срочно вызвали в ректорат... Часов в 11 утра и меня ввели в кабинет ректора. Здесь уже сидели и другие с нашего курса, в основном студенты-активисты, секретарь комсомольской организации Ибрашев (не было только Рамазана Сулейменова, о его участии в подготовке письма, возможно, не знали, и мы молчали об этом). Задержанный экземпляр нашего коллективного письма лежал на столе ректора. Руководители университета — ректор Т. Б. Дарханбаев, проректор А. И. Сембаев, заместитель секретаря парткома Шилов готовы были содрать с нас шкуру, ругали до посинения. Больше всего им хотелось узнать, кто натолкнул нас на это дело. «Наверное, сам Бекмаханов? — назойливо допытывались они. — Уж очень грамотно написано. Бекмаханов, да? Если признаетесь в этом — не исключим вас из университета, отделаетесь выговорами, не послушаетесь — не будет пощады». Мы не сдавались: «Писали сами, так кик не хотим допустить несправедливости». Тогда они стали напирать на сознательность студента-коммуниста Койшыгула Дартаева. Но он оказался крепким и упорно отпирался: «Я до сегодняшнего дня не знал, чем они занимаются, если бы знал, то остановил бы». Его слова вывели из себя ректора. «Как это не знал? Вместе ходите, вместе живете? — рассердился он и стукнул кулаком по столу. — Дартае. в, оказывается, у тебя нет ни капли совести». Койшы-еке тоже вспылал: «Товарищ Дарханбаев, я вас уважаю, как ректора, однако не позволю так со мной обращаться. Моя совесть чиста, я прошел проверку на войне. Когда я воевал на фронте, под огнем, каждую секунду рискуя жизнью, вы и подобные вам прятались в тылу, за нашей спиной...»

После его выпада ректор поостыл и опустил глаза. Вместо него снова одно и то же продолжал талдычить проректор: «Такое грамотное письмо вы сами написать не могли, лучше скажите правду». На что Асылбек Садвакасов съязвил: «Если мы не в состоянии написать без ошибок десять листов на русском языке, то получается, что мы зря просиживали пять лет в университете. И зачем тогда правительство за каждого из нас платит по 15 тысяч рублей? Если идти еще дальше, тогда выходит, что и ваш преподавательский труд ничего не стоит», — подлил он масла в огонь. После всех нудных нотаций Даулетияров Кенес предостерег их: «Подумайте, вы умные люди. Палка, ударившая по нам, вторым концом может ударить и по вам! Мы не отказываемся от заявления, уже отправленного в Москву, потому что мы правы. А если наше письмо дойдет до ЦК?..»

Наши пререкания длились часа три. Не только мы, но и старшие очень устали. Под конец Абдухамит Ибинейулы Сембаев перешел на казахский язык и сделал попытку пойти на примирение снами: «Ребята, вы излишне погорячились, хватит. — И повернулся к ректору: — Давайте этот вопрос не будем выносить за пределы этого кабинета». Но мы предупредили их: «Если вы не прекратите преследование Ермухана Бекмахановича, то мы не остановимся, поднимем на его защиту всех студентов университета, пошлем делегацию в Москву».

Разгоревшаяся свара скоро достигла и «Большого дома», к этому делу подключился секретарь Центрального комитета КП Казахстана Н. Ж. Жандильдин. Он вызвал к себе почему-то одного лишь Кенеса Даулетиярова, битый час мучил его допросом с угрозами, вплоть до исключения его из университета и осуждения судом. Но смысленый наш Кенес оказал стойкое сопротивление, не испугался

нажима секретаря ЦК, наоборот, сам нападая. Пришлось его отпустить.

В общем, весь коллектив университета гудел целую неделю. Все ожидали бури, разбора, но внезапно все затихло так, как будто ничего и не было...»

Халима Адамбеккызы рассказывала мне, как однажды вечером к ним в новый дом, находившийся в Хрущевке^[108], пришел родственник — Серикбай Бейсембаев.

Ермухан сердито спросил его;

— I Почему ты не подействуешь на ректора? Он не хочет отпускать меня в Москву, а там меня ждет редактор. Разве плохо будет университету; если у его преподавателя выйдет книга в Москве? Если ты это не объяснишь ректору и не поможешь мне, наши родственные отношения прекратятся навсегда...

— А зачем ты затеял скандал с этим заезжим прохиндеем Алиевым? — парировал Серикбай-ага. — Ректору это не нравится... Ладно, я пришел сообщить тебе, что письмо твоих студентов дошло до самого Никиты Сергеевича. Он дал указание Елютину: разобраться! Сегодня союзный министр звонил секретарю ЦК, требовал объяснений. Нурымбек сразу струсил и заявил ему, что не в курсе этого дела, разберется и доложит... Короче, наш секретарь вызвал Дарханбаева, долго ругал его при моем участии: зачем подняли такой шум?.. Словом, решили трубить отбой. Тебя трогать не будут. На днях ты поедешь в Москву. С голов твоих учеников не упадет ни один волос, будут продолжать учиться...

Услышав это, Ереке просиял:

— Галя! По такому случаю не угостишь ли нас чем-нибудь?

Но Серикбай его прервал:

— Темирболат Дарханбаев, твой ректор, просит тебя остановить бузотеров. Отнесись к его просьбе с пониманием. У него не хватает смелости выйти напрямую на тебя: у тебя же язык острый. Наверное, стыдится своего поступка. Ну, что скажешь на это?..

Ереке посидел некоторое время молча, потом махнул рукой:

— Согласен, молодым нужен не спор, а диплом...

А Садыбай Исаев свои воспоминания закончил таким признанием: «Ереке никогда не просил нас написать письмо в его защиту. Такая мысль возникла у нас самих. Впрочем, о подготовке нашего письма, кажется, он знал от своих приближенных — Баймурата и Рамазана... Когда конфликт был мирно исчерпан, наш наставник-учитель уехал в Москву и вернулся в начале апреля. Я это запомнил, потому что 16-го числа того месяца мы защищали дипломные работы, Ереке присутствовал при этом. После защиты он навестил нас в вашей комнате и от души поблагодарил. «Джигиты, большое вам спасибо! Заявление ваше мне здорово помогло. Никогда не уклоняйтесь и впредь от борьбы за правое дело, правда всегда победит!» — сказал он. Оказывается, в Москве его принял союзный министр, показал ему наше письмо, на которое наложил визу красными чернилами сам Н. С. Хрущев. При этом министр заметил: «Раз студенческая молодежь поднялась на вашу защиту — значит, как преподаватель, вы этого стоите, поэтому я приложу все силы, чтобы вам вернули ученые звания...» Мы про себя подумали, что не зря потрудились, и как-то в своих глазах морально выросли...»

* * *

Поездка в Москву Ермухана Бекмаханулы оказалась более-менее удачной. Ветер, поднятый XX съездом, был

попутным. Прежние запреты теперь несколько ослабли, что развязало руки казахскому историку.

«Дорогая Галочка!

21 января в час дня прибыл в Москву... Дирекция Института истории решила включить мою монографию в издательский план на 1957 год и назначила ответственным редактором доктора наук А. В. Пясковского. Сегодня в 16 часов еду к нему и передам рукопись. В издательстве обещают быстро издать книгу.

...Сегодня был в ВАК, они оставили у себя решение кафедры и характеристику на меня. Если удастся, то хочу продвинуть дело о восстановлении ученой степени. Просили зайти в ВАК в пятницу. Пока везде и всюду отношение доброжелательное. Теперь я на все это гляжу скептически, посмотрим, что будет дальше.

У Анны Михайловны буду на днях, она находится на даче, говорила, что очень устала и есть кое-какие неприятности в связи с журналом, Кучкин находится за городом, говорил с женой, он будет в субботу. Вот уже второй день все время на колесах. Когда закончу все эти организационные дела, то засяду за работу в библиотеках и архивах.

...Напиши, как живете, как с моей дочуркой^[109]. Передай привет Нурбеку, Рахимбаю и Егинбаю^[110]. Крепко целую, Ермухан. 23 января 1957 года».

От ЕРМУХАНА, Москва — Аتما-Ата, ХАЛИМЕ, 7 февраля 1957 года:

«Дорогая Галочка!

Жду от Вас весточки; как живете, как с топливом? Чувствую себя теперь хорошо. Каждый день работаю в публичной библиотеке имени Ленина. Пока решил воздержаться с моими делами в министерстве.

Редактор мой обещает к концу февраля закончить читку, пока ученый совет не состоялся. Думаю, что особых препятствий не будет. Хотя меня предупредили, что Шоин был в верхах и оттуда звонили в Институт истории. Насколько мне известно, вряд ли его напрасные потуги мне повредят.

Зутис находится в Москве и обещал зайти в субботу, так что отпадет поездка к нему. Встретился с Сембаевым, и мы готовим приветственный адрес Анне Михайловне от имени университета.

Пока живу своими запасами, ниоткуда ничего не получил. Если переведешь деньги, то за неделю до отъезда займусь хозяйственными делами и постараюсь выполнить все ваши заказы.

Напиши, пожалуйста, как со здоровьем Карлыгашки. Где живет Серик и как учится Ермуша? За меня поцелуй их, постараюсь выполнить все их поручения. Купил новый набор пластинок на разных языках. Среди них много хороших татарских песен. Теперь хочу купить по крайней мере 3-4 картины. Здесь они дешевы, но зато очень красивые. Крепко обнимаю и целую, Ермухан».

«Мой редактор медленно читает, торопить его не могу. Он человек очень капризный и самолюбивый. А командировка идет к концу. Говорил с Сембаевым, он обещал ее продлить еще на 15 дней. В Ленинград не смогу поехать. На это у меня ни времени, ни денег не хватит,» — сообщал Ермухан Бекмаханулы в письме от 14 февраля в Алма-Ату. По письму видно, что дело шло на лад. Несмотря на это, он был обеспокоен. «Шоин через верхи хочет опять мне помешать^[111], но товарищи советуют не обращать на это внимания, ждать. В конце концов, те липа, которые верят его небылицам, со временем поймут, что все, что исходит

от него — пустое вранье...» — делился историк с женой своими переживаниями.

О том, чем закончился спор двух казахстанских историков, писал в своих воспоминаниях тот же С. Исаев; «Однажды Ереке сказал с иронией: «Тлеш-ага ваш, прилетев в Москву самолетом, получил разрешение на выпуск небольшой брошюры, а я, приехав не спеша, на поезде, сдал в издательство книгу объемом 40 печатных листов. Сами посудите: кто выиграл..».

От ЕРМУХАНА, Москва — Алма-Ата, ХАЛИМЕ, 22 февраля 1957 года:

«Дорогая Галочка! Вчера присутствовал на юбилейном торжественном вечере, посвященном 60-летию Анны Михайловны. Я впервые видел такой юбилей, где все видные ученые, представители всех Академий и отдельных учреждений так искренне и взволнованно приветствовали^[112] юбиляра. Ничего не скажешь, она действительно популярна, и народ ее очень любит. От имени университета я ей преподнес адрес и сказал пару теплых слов, а затем поцеловал. Народу было очень много, и торжество продолжалось более 5 часов.

На чествовании встретил Вяткина, и вечером в гостинице «Москва» мы с ним долго сидели и вспоминали прошлое. Выглядит он прекрасно, и отношения остались прежние. Он передает тебе большой привет. Пригласил к себе в Ленинград, если останется время, то думаю на несколько дней к нему съездить.

Чувствую себя хорошо, все эти дни работаю в библиотеке и в историческом архиве. С редактором поддерживаю связь, он дал твердое обещание к 1 марта закончить чтение. До отъезда постараюсь оформить

договор. К сожалению, не все от меня зависит, после редактирования надо будет монографию еще пропустить черен ученый совет...

Крепко поцелуй за меня Карлыгашку, Ерика и Серика. Любящий тебя Ермухан».

От ЕРМУХАНА, Москва — Алма-Ата, ХАЛИМЕ, 9 марта 1957 года:

«Дорогая Галочка! Могу порадовать: 7 марта ученый совет единогласно одобрил мою работу и вынес решение через неделю передать ее в издательство в полном объеме. Сейчас очень занят, издательство предложило внести все необходимые изменения и уточнить источники. Думаю, что исправление работы за неделю удастся закончить. Только жаль, что на время придется прервать работу в архивах (масса интересных материалов).

Сегодня был у министра высшего образования тов. Елютина. Он чудесный человек, лично продлил мою командировку до 1 апреля. До меня через постпредство он связался с Казахстаном и снова поставил вопрос о восстановлении меня в звании профессора. По этому поводу он два раза говорил с тов. Шариповым^[113], и мнение нашего ЦК, говорит, положительное. Постпредство посылало телеграмму в университет, направлено также решение ученого совета в ВАК. Пока трудно сказать, как все решится, но сами эти факты меня очень обрадовали. Отношение министра ко мне очень благожелательное...

Май и все лето должен пробыть в Москве. Верстка без моего просмотра не будет двигаться. Попрошу годовой отпуск, надеюсь, дадут.

Говорил с Яном Яковлевичем и его супругой, он на все лето предоставил комнату на Рижском взморье, я думаю, есть полный смысл там отдохнуть. Если опять

кляузники не помешают, то к этому времени за книгу у нас будут деньги.

*Жду писем. Целую детей, передай привет ребятам.
Крепко целую и обнимаю, Ермухан».*

Таким образом, дела его дошли на поправку: семья уже была обеспечена добротным жильем; книга, занимавшая все его помыслы в последние восемь-девять лет, была сдана в набор; министр высшего образования В. П. Елютин, отнесшийся с должным пониманием к его мытарствам, лично заверил, что ученое звание ему вернут без защиты, как только выйдет в свет монография...

«Два дня был на похоронах Анны Михайловны, стоял много раз в почетном карауле. Смерть Анны Михайловны произвела на меня потрясающее впечатление своей неожиданностью. Она должна была 27 мая выписаться из больницы и выступить вечером с докладом. Врачи признали у нее паралич сердца. Я не жалею, что два дня находился у ее гроба, но затем с трудом настроил себя на работу...» — сообщал Ермухан Бекмаханулы в письме в Алма-Ату, отправленном 30 мая 1957 года.

Старость в землю глядит, молодость вверх тянет. Таков закон жизни. Постепенно Ереке отошел от тягостных переживаний и, крепясь, снова взялся за работу.

Чтобы далее не рисковать и не допустить срыва выхода своего труда в издательстве «Наука», Ермухан решил лето провести в Москве. Но душа болела о семье, детях. Поэтому пригласил своих домочадцев в столицу. Маленькую Карлыгаш Халима оставила у матери и теги Хадиши, а сама с двумя сыновьями приехала к нему. С неделю они погостили у подруги Роны, после чего отправились в Ригу...

«Ермухан сделал нам подарок — выделил из полученного гонорара за книгу деньги, чтобы я с сыновьями съездила в Москву-Ригу-Ленинград. Два месяца отдыхали, смотрели достопримечательности этих городов, видели знаменитые картины известных художников в Третьяковской галерее, Эрмитаже, Русском музее! — писала Х. А. Бекмухамедова о летней поездке 1957 года в своей книге воспоминаний. — Мальчики были в восторге от парада на Неве, посвященного Военно-морскому флоту, С каким удовольствием они бегали по золотому песку, строили различные укрепления, крепости из песка на Рижском взморье. С каким наслаждением они купались! Любовь к морю, к морскому купанию они сохранили на всю свою жизнь...»

Хлопоты по изданию книги, державшие его как на привязи все лето в Москве, увы, не закончились. Наступила глубокая осень. Ермухан вернулся в Алма-Ату. Он с нетерпением ждал вызова из издательства.

И вдруг все перевернулось с ног на голову. Часто, чего боишься, то и случается. Оказывается, его недруги не теряли времени даром. Действовали обдуманно, готовились тщательно и всесторонне, чтобы наверняка свалить его, во всяком случае, задержать выпуск его книги. При этом проявили исключительную изобретательность.

Той осенью 1957 года Ермухана Бекмаханулы пригласил к себе заведующий отделом науки, высших учебных заведений и школ ЦК КП Казахстана Ш. С. Сагындыков. Перед ним лежала отпечатанная на машинке стопка листов. Он молча пододвинул их к историку, явно выказывая свое пренебрежение к ним. Ермухан прочитал заголовок: «О грубом извращении национальной политики в Казахстане и его последствиях», бегло пробежал первый абзац этого

письма или научного трактата, адресованного первому секретарю ЦК КПСС, увидел подчеркнутые места и рядом поставленные жирные знаки вопросов. Когда дошел до последней страницы, натолкнулся на свою фамилию. В первую минуту от неожиданности онемел.

— Ваш очередной опус в Москву. Как вы могли написать такую чепуху? — обратился к нему заведующий отделом.

Бекмаханов как-то отрешенно еще раз просмотрел все страницы и сказал:

— Шаке, извините, к этому, как вы сказали, опусу я не имею никакого отношения, вижу в первый раз...

— Подпись-то ваша и домашний адрес ваш.

— Да, согласен, подпись моя, очень похожа. Наверное, подделали... Но отпечатано не на моей машинке, это точно. Экспертиза может подтвердить...

— Ереке, то, что здесь написано, бьет не в бровь, а в глаз и переполошило не только нас, но и Москву. Не знаю, как быть... Писали или не писали, все равно прочтите внимательно от начала до конца, подумайте. Если вас подставили, то убедительно опровергните!

— Понятно... — с дрожью в голосе произнес историк и, взяв ненавистные записи, пересел к дальнему краю длинного стола...

«...Казахстан по Конституции СССР считается Союзной республикой, но не имеет никаких прав на самостоятельность. Свидетельство тому — все богатства недр, вся продукция сельского хозяйства полностью идут в Россию. Первыми секретарями ЦК Компартии Казахстана постоянно назначаются русские, притом всегда направляются из Москвы. (Исключением было назначение Ж. Ш. Шаяхметова, исполнявшего эту роль с 1944 по 1953 год, но у него никогда не было никакой власти, на девятом году секретарства он был снят с этой театрально-декоративной должности из-за

его несогласия с волюнтаристским решением о поднятии целинных и залежных земель.) В северных и центральных областях Казахстана, на их необъятных просторах теперь из года в год засеивается до 27 миллионов гектаров. Эти земли заселяют инородцы из Центральной России, Украины, Белоруссии и Молдавии, тысячами приезжающие сюда по комсомольским путевкам, вследствие чего началось вытеснение коренного казахского народа, издавна живущего на этих землях, называемых Сары-Аркой. Его численность уменьшилась во много раз за 4-5 лет. Самое скверное, в этих областях за эти годы было закрыто более тысячи казахских школ, а сохранившиеся полностью перешли на обучение на русском языке, все учителя-казахи остались без работы, для выживания они вынуждены были стать трактористами или пастухами...

Освоение территории Казахстана приезжими из других республик началось еще в годы войны и продолжается сейчас. Вследствие чего численность казахов в республике сократилась до 40 процентов. В соответствии с этим во всех высших учебных заведениях идет систематическое вытеснение казахского языка. Например, в КазГУ, где я работаю много лет, лекции читаются почти на всех факультетах, кроме филологического и журналистики, только на русском языке. Будущие учителя казахской истории, которые должны работать в национальных школах, «Историю Казахстана» изучают только на этом языке. Вытеснение казахского языка из употребления особенно усилилось со времени избрания первыми секретарями ЦК КП Казахстана товарищей И. Д. Яковлева и И. И. Беляева. Именно по их распоряжению ранее выпускавшиеся на казахском языке республиканские и областные газеты теперь издаются в переводе с русского. Это означает, что казахские журналисты отныне обязаны смотреть в рот

русским редакторам, не знающим ни одного слова по-казахски, короче говоря, беспрекословно выполнять их указания, не имея права на самостоятельность и творческий поиск...

В последние годы в больших и малых городах, а также в районах республики, во всех областях на партийную работу, на руководящие должности в советских, административных органах и производственных отраслях в первую очередь назначаются представители русской, затем украинской и белорусской национальностей, только на оставшиеся после них вакансии, в большинстве случаев на вторые, третьи роли назначаются казахи. Это стало незыблемым правилом. В первые годы поднятия целины с Украины и Белоруссии были завезены в Казахстан сотни партийных работников, и все они назначены на руководящие должности областного уровня, большинство из них стали первыми руководителями обкомов и областных исполнительных комитетов, такая дискриминация тормозила политическое и культурное развитие местного населения. Большинство новых руководителей не знало местных особенностей природы и климата, вследствие чего колхозы и совхозы, ранее занимавшиеся животноводством, вынуждены были повсеместно сеять пшеницу на землях, не пригодных для этого, в полупустынных районах, в конечном счете казахскую привольную степь привели к экологической катастрофе. После чего резко снизились площади пастбищных земель, огромные массивы стали пустырями, где теперь гуляет лишь ветер. В свою очередь, это привело к уменьшению поголовья скота и ежегодному массовому его падежу.

Политика всеобщей русификации Казахстана predetermined отрыв от уникальных древних образцов устной литературы — богатого и разнообразного фольклора, сказаний, поэм-дастанов,

лиро-эпосов, песен и кюев, издревле служивших духовной пищей нашему народу. Это, кстати, началось в голы перевода нашей письменности с арабского на латинский алфавит, а затем усиленно насаждалось в годы насильственного ввода кириллицы. Принудительная русификация продолжалась особенно в 1947–1953 годы, когда было вообще запрещено использование литературно-культурного наследия, вследствие чего были конфискованы и уничтожены все прежние учебники, а ученые, занимавшиеся этой отраслью науки, подверглись политическому преследованию, все они были на долгие годы изгнаны из своей научной среды...

Великий вождь человечества В. И. Ленин объявил всему миру, что «все народы равноправны, в мире не было и не будет никакой великой нации’..». Но, увы, его прекрасные слова забыты, действуют иные принципы. В числе преследовавшихся первых казахских ученых был и я, автор этих строк...

Уважаемый Никита Сергеевич! Я считаю вас великим реформатором, верным заветам В. И. Ленина, к сожалению, извращенным в годы культа личности И. Сталина. Лично я в вечном долгу перед Вами за мое освобождение из лагерей ГУЛАГа. Поэтому надеюсь, что Вы обратите свое внимание на унижительно-бесправное положение коренного казахского народа, создавшееся в последнее время в родном Казахстане. Без Вашего срочного вмешательства положение вряд ли исправится, требуются действенные меры. Я очень надеюсь на Вашу прозорливость, неиссякаемую энергию и решительность. Питому с глубокой верой в Ваше содействие пишу это письмо.

Известный Вам казахский историк Ермухан БЕКМАХАНОВ»[\[114\]](#).

Прочитав письмо, Ермухан Бекмаханулы сказал заведующему отделом:

— Вы правы, товарищ Сагындыков, письмо скандальное... — Хотя он старался говорить спокойно, однако не смог скрыть своего волнения. — Но будьте, Шаке, справедливы ко мне. В принципе соглашаясь с некоторыми вопросами, поднятыми в этом письме-протесте, я все же после пережитого мной не мог такое сочинить и отправить в Москву..

Заведующий отделом позвонил секретарю ЦК и спросил, могут ли они подняться к нему.

Нурымбек Жандильдаулы явно был не в духе:

— Вечно с вами неприятности. У вас даже не хватило терпения дождаться хотя бы выхода своей книги... Понимаете, что вы натворили?..

Грубый упрек секретаря задел Ермухана Бекмаханулы за живое:

— Вы, Нуреке, кидаетесь на меня, не спросив даже, являюсь ли я автором этого странного письма. Я же не имею к нему никакого отношения. Разве я дурак и не понимаю, что петух, который не ко времени кукарекает, быстрее других в казан попадет. Сочинитель этого письма рассчитывает, что вы, партийные руководители, снова возьметесь за меня по старой привычке, как за известного бунтаря, и перекроете мне кислород, застопорите монографию на выходе из типографии. После чего я опять останусь с носом... Вот и весь расчет этого злодея. Его цель: навредить мне. Видя, что я опять вырываюсь вперед, этот сукин сын явно хочет осрамить меня на весь Союз. Понимаете, зачем это письмо направлено в Москву, самому Никите Сергеевичу от моего имени?.. А я, Нуреке, никогда не был жалобщиком, если я чем-то недоволен, то я прямо высказываю это в печати или с трибуны.

Секретарь ЦК, видимо, не хотел вступать в перебранку с историком или уже понял, что он в этом

деле ни при чем. Поэтому спросил:

— Но все же чья это рука, опять Шоинбаев?

— Нет, не его. Шоин всегда действует примитивно, а у этого железная аргументация и неотразимая логика, мысли отточены. Наши доносчики так содержательно написать не в состоянии, просто у них не хватит на это ни образования, ни ума. А этот сочинитель к тому же ловко подстроился под мой стиль, что меня весьма обескураживает:..

— Кто он? Кого вы имеете в виду? — спросил секретарь.

— Кто-то из преподавателей нашей кафедры или тот, с кем я был недавно на ножах...

— Может быть, та женщина, которую вы уличили в плагиате, решила вам отомстить? — предположил Сагындыков.

— Не уверен, Шаке, вряд ли она в состоянии сочинить письмо с таким политическим содержанием. Надо исходить из того, что главная задача у автора — окончательно скомпрометировать меня, навсегда удалить с кафедры истории!.. Потому что, если завтра мне вернут ученые звания, то я смогу стать заведующим кафедрой, ведущим профессором на историческом факультете университета, то есть смогу потеснить кое-кого с насиженных мест, а там много бездельников, которые привыкли без особого труда зарабатывать хорошие деньги. Есть у нас и мздоимцы, и все они знают, что ради науки я никого не пожалею... Поэтому они пошли на такую подлость.

— Да, ничего не скажешь, придумано классно. — оживившись, наконец проговорил Жандильдин. — Как бы нам выяснить, где отпечатано письмо? Потом будет легче найти и автора...

— Вы, Нуреке, подали верную мысль. Но учтите, такие письма не печатаются в госучреждениях. Дайте задание чекистам. Они мастера в таких делах, найдут

запросто, если захотят... Трудно ли выяснить, у кого есть пишущие машинки, ведь круг поисков ограничен — это университет и академия. Чтобы быть вне подозрений, я готов представить образец печати моей машинки. Пусть идентифицируют и мое факсимиле...

— Напишите объяснительную записку на мое имя о том, что вы к этому письму не причастны и категорически отказываетесь от своей подписи. И еще, добавьте несколько строк о том, что вы просите нас установить имя этого пасквилянта. В Москву мы отправим наше заключение по этому письму вместе с вашей объяснительной запиской... Кстати, когда вы собираетесь ехать в Москву? Советую вам поторопиться, так как в Центральном комитете есть люди, которые придадут этому письму весьма серьезное значение. Не скрою от вас, Ереке, они напуганы политической постановкой национального вопроса. Если они дадут указание остановить выпуск вашей книги, то потом трудно будет его возобновить. Поняли? И еще, как приедете в Москву, сразу же идите в отдел ЦК, где находится оригинал этого письма, и объясните там, что вы не виноваты. А мы здесь также не будем сидеть сложа руки, будем искать настоящего автора...

— Понял, Нуреке, спасибо за доверие. Постараюсь поскорее выехать в Москву.

— Провокации против вас, думаю, на этом не закончатся, Ереке. Не расслабляйтесь, — предупредил на прощание секретарь.

Волей-неволей Ермухану Бекмаханулы пришлось поторопиться. Отбросив всякие дела в Алма-Ате, он прилетел в Москву в конце октября, это уже был его третий приезд туда в течение года.

«На следующий день к 9 часам утра я был в издательстве, а затем в типографии. Книга полностью сверстана, окончательную сверку делают корректоры. Первого ноября два экземпляра сверстанной рукописи

передадут мне и редактору, мы обещали издательству в течение 10 дней прочесть их и подписать, а затем сдать в типографию. Издатели обещают к концу ноября выпустить мою книгу, — писал Е. Бекмаханов жене из Москвы 27 октября 1957 года. — Днями буду в ЦК, написал об этом тов. Сагындыкову. Сегодня выходной, весь день лежу заболел гриппом, в Москве он свирепствует...»

Как видим, и на этот раз он сохранил голову. В Казахстане и в Москве поверили его честному признанию, даже не стали искать истинного автора. Просто, без всяких проверок закрыли дело. Возможно, сыграло роль и то, что в письме поднимались весьма щепетильные вопросы и предавать его огласке было нежелательно. Но, увы, подлинный автор не унимался (возможно, их было несколько), в видоизмененном виде, опять же за подписью Е. Бекмаханова, разные варианты того же письма были посланы в редакции газеты «Правда» и журнала «Коммунист». Автор, видимо, рассуждал по пословице: «Если уж не свалит дерево, то хотя бы обломает ветки»... Эти провокации, как ни странно, продолжались до лета 1958 года, изматывали историка, не давая ему покоя.

(Как вспоминала Халима Адамбеккызы: «Письма-анонимки приходили и домой, в которых недруги писали, будто Ермухан изменяет мне. Дело дошло до того, что они организовали документ из районного суда Ферганской области Узбекистана, где сообщалось, что Ермухан должен платить алименты. Все это делалось для того, чтобы испортить наши семейные отношения. Когда получали подобные анонимки, мы удивлялись, на что способны люди.

Волна зависти захлестнула недругов Ермухана тогда, когда один за другим стали защищаться его аспиранты, когда участились его научные статьи в

журналах и газетах, когда под его редакцией появились «Библиография по истории Казахстана», «Хрестоматия по истории Казахской ССР» на русском и казахском языках.

Оглядываясь на прошлое, не могу не сказать: досадно, что много времени ушло у Ермухана на оправдания, что он не враг народа, не националист, Много времени потрачено на поездки в Москву, когда снимали с производства книгу «Присоединение Казахстана к России». За это время можно было бы написать еще одну монографию...»)

В конце концов, историк преодолел все препятствия и достиг намеченной цели. В конце 1957 года вышла в свет его долгожданная книга «Присоединение Казахстана к России».

А. М. Панкратова, «Отзыв о диссертации Е. Бекмаханова «Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России» (Личный архив московского академика. 1—227, 1-7 страницы):

«Ценность монографии тов. Е. Бекмаханова заключается прежде всего в детальной разработке малоизученных вопросов социально-экономической истории казахского народа на протяжении XIX века на основе богатого документального материала, из которого многие архивные источники впервые привлекаются к исследованию, автор вскрывает глубинные процессы, происходившие в недрах казахского общества в течение изучаемого периода. При этом исследование ведется все время в двух планах. С одной стороны, автор показывает внутреннюю историю казахского общества, а с другой — те сдвиги в его развитии, которые происходили под влиянием присоединения Казахстана к России и общения казахского народа с народом русским.

Автор мобилизовал большое количество фактов, свидетельствующих о решающей прогрессивной роли этого общения для развития хозяйственной и культурной жизни казахского народа. Под влиянием русского народа казахские кочевники стали переходить на оседлость и заниматься земледелием. У них начало развиваться сенокосение, причем явление это в первую очередь стало наблюдаться среди казахов Младшего жуза, первым присоединившегося к России. Далее, среди казахов стали развиваться товарные отношения, и в первую очередь — среди казахов, живших близ пограничной линии. Присоединение всех казахских земель к России способствовало втягиванию их в орбиту российского рынка. Этому содействовали устраивавшиеся русскими властями и русскими купцами постоянные ярмарки, которых казахи раньше не знали, а также ряд других мероприятий. Усилившийся спрос со стороны русского рынка на продукцию казахского животноводства способствовал развитию овцеводства и других отраслей сельского хозяйства. Большой толчок развитию производительных сил Казахстана дало сооружение на территории края железных дорог. Все это вызвало ломку старых патриархально-родовых отношений, развитие капитализма в сельском хозяйстве, усиление общественного разделения труда, рост городов и развитие отходничества — словом, вовлечение Казахстана в русло капиталистического развития, что в данных конкретных исторических условиях имело для казахского народа большое прогрессивное значение.

Менее интенсивно, чем в сельское хозяйство, проникали капиталистические отношения в крупную промышленность, которая, как убедительно показывает автор, возникла из недр казахского общества, а не была насаждена извне. Однако и в этой области происходили большие сдвиги в сторону развития производительных

сил, общественного разделения труда и формирования казахского национального пролетариата. Автор приводит составленные на основе архивных источников чрезвычайно интересные таблицы, дающие отчетливые представления о составе рабочих на промышленных предприятиях Казахстана в XIX веке, о многонациональном характере этих рабочих коллективов, предрешавшем благотворное влияние русского рабочего класса на формировавшийся рабочий класс Казахстана.

В то же время в ряде глав автор рисует положительное, прогрессивное влияние на культурное развитие казахского народа со стороны русской культуры, могучее воздействие которой испытали на себе лучшие сыны казахского народа — Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин. При этом на протяжении всей рукописи четко проводится ленинское положение о двух культурах в каждой нации и резко разграничивается Россия дворян и купцов от России рабочих и крестьян...

Исследуя социально-экономическое развитие казахского народа на протяжении XIX века, автор показывает, как под влиянием втягивания казахского сельского хозяйства в капиталистические отношения усиливаются применение наемного труда, эксплуатация казахских шару а и классовая дифференциация в ауле, что приводит к ожесточенной классовой борьбе... Вообще, с большим удовлетворением можно констатировать, что работа тов. Бекмаханова не только совершенно свободна от каких бы то ни было националистических извращений, но всем своим острием направлена против буржуазного национализма.

Таковы бесспорные достоинства работы Е. Бекмаханова, делающие ее трудом содержательным и полезным».

Дальше рецензент указывает на недостатки монографии. Мы перечислим лишь главные:

«1. Фактор присоединения Казахстана к России пронизывает всю рукопись, является лейтмотивом книги, однако автор недостаточно останавливается на другой стороне этого процесса, а именно, недостаточно рисует тот гнет, которому казахский народ подвергался со стороны царизма, например, он закрывает глаза на силовой захват плодородных земель, переселение местного населения в полупустынные земли. Описывая реформу 1867-1868 годов, мало говорит о ее отрицательных сторонах, хотя эта реформа значительно усилила налоговый гнет казахского трудового населения.

2. Читая рукопись, невольно думаешь: проникновение царской России в Среднюю Азию автор рассматривает как вынужденную меру защиты казахского народа, входящего в состав ее владения, от Хивинского, Бухарского и Кокандского ханств, находившихся в сговоре с английскими империалистами... Это совершенно неверно. Мало того, эту мысль автор всячески старается доказать отдельными фактами. А это было выдумкой русских дипломатов и губернаторов того времени, под этим вымыслом скрывались экспансионистские цели российского самодержавия — завоевание земель малых народов. Вместе с этим государство, «защищающее» казахов, несло с собой тяжелые виды угнетения и эксплуатации. Надо было глубже раскрыть эти факты, к сожалению, в книге об этом речь не идет...

3. Об образовании казахской национальной буржуазии, о ее численности и деятельности автор собрал большой материал. Если бы автор, используя этот богатый материал, шире показал бы национальную буржуазию, так как о ней до этого написано вскользь и с обязательным обвинением, то значительно

повысилось бы историческое значение книги. Однако автор, по понятным причинам, этой темы касается только в «заключении». Это, конечно, не удовлетворяет читателя. Причем вывод его о том, что до Октябрьской революции казахская национальная буржуазия не успела оформиться, остается неаргументированным, далеким от истины...

14 января 1955 года, Москва».

Причины недостатков, отмеченных академиком АН СССР А. М. Панкратовой, вполне объяснимы. В первой своей работе Е. Бекмаханов проявил чрезмерную смелость, из-за чего прослыл «Дон Кихотом XX века» и жестоко пострадал. Во второй работе, как говорят, «обжегшись на молоке, дул на воду», был намного осмотрительнее, остерегаясь критики рьяных большевиков. Поэтому кое-где писал расплывчато, не раскрывая сущности межнациональных отношений, не вдаваясь в глубокий анализ. Несомненно, академик А. М. Панкратова догадывалась обо всем, знала, что сдерживало Е. Бекмаханова, тем не менее в своей рецензии подолгу куратора указала на эти недостатки.

Нам известно, что в течение двух лет историк непрерывно дорабатывал свой труд, по мере возможности делая исправления. Однако, соблюдая осторожность, о некоторых вещах писал эзоповым языком, полным намеков и умолчаний, давая информацию к размышлению самому читателю. Ему хотелось сказать в этой книге о многом, но это было опасно, наконец, надо было подумать о своем благополучии — это тоже горькая правда тех лет...

Стоит ли в этом обвинять историка, испытавшего столько тягот и унижений?!

Е. БЕКМАХАНОВ, из введения к монографии «Присоединение Казахстана к России» (М., 1957):

«Анализ внутреннего и внешнеполитического положения Казахстана в изучаемый период приводит нас к выводу, что добровольное присоединение Казахстана к России было вызвано жизненной необходимостью. В этом были кровно заинтересованы народные массы, а также часть феодальной знати. В условиях патриархально-феодального строя, территориальной раздробленности, постоянной угрозы со стороны деспотических государств — Джунгарии, Коканда и Хивы — казахский народ был обречен на культурно-экономическую отсталость, так как дальнейший прогресс в экономике и культуре совершался чрезвычайно медленно... Передовые люди казахского общества тяжело переживали за судьбу своего народа. Путь к прогрессу экономики и культуры они видели в единении и дружбе с великим русским народом. Только присоединение Казахстана к России с ее более передовой экономикой и культурой, а также революционными традициями, могло вывести Казахстан из состояния векового застоя и отсталости.

...Наша монография хронологически в основном охватывает XIX век. Значение этого периода в истории Родины исключительно велико. К этому периоду относится появление на исторической арене самого революционного класса — русского пролетариата, — распространение революционного учения марксизма и зарождение зачатков первых марксистских групп в России. Важнейшие исторические события этого периода в Казахстане происходили в неразрывной связи с общероссийским революционным движением. Поэтому XIX век в истории нашей Родины является важнейшим переломным этапом, подготовившим величайшие исторические события в России начала XX В....»

Монография Е. Бекмаханова состоит из двух больших частей и десяти глав, общим объемом в 530 страниц. Приведенный выше небольшой отрывок из «Введения» показывает, какой важный период истории отражает книга. К написанию этого труда историк приступил осенью 1946 года, сразу же после успешной защиты докторской диссертации, так сказать, когда он был на коне, надеясь закрепить свой научный успех новой значительной работой. Но темные силы помешали ему это сделать. И только через 11 лет, пройдя по тернистым перевалам жизни, лишь в конце 1957 года он выпустил свой труд в свет.

Новый труд Ермухана Бекмаханова, впрочем, это сугубо наше мнение, нельзя ставить на один уровень с его монографией «Казахстан в 20-40 годы XIX века», служащей сейчас примером классического научного исследования. В ней, несмотря на красную цензуру и безжалостное политическое давление, он предпринял смелый шаг, рискнув нарисовать реальную картину жизни казахского общества, за что был объявлен «политическим преступником». Теперь же, пройдя все крути тюремного и лагерного ада, историк вынужден был проявлять благоразумие, подыгрывать власти, трактовать все исторические процессы, происходившие в жизни своего народа, с господствовавшей тогда классовой точки зрения, в свете марксистско-ленинской теории. Поэтому даже беспощадное колониальное угнетение его соотечественников в книге сглажено. Надо со всей откровенностью признать, что этот труд для Ермухана Бекмаханулы превратился в самоцель, он нужен был ему как воздух, необходим для возвращения в научную среду — это тоже горькая правда того времени! Будем снисходительны к тому, что опальный историк отступил в нем от исторической истины, заведомо зная о своем грехе перед будущим, все же пошел на поводу у господствовавшей в то время

идеологии. А что он мог сделать, когда руки его были связаны, на ногах оставались крепкие путы, а на голову надета уздечка? Поэтому Ереке, отказавшись от прежних, достаточно дерзких взглядов, вынужден был принять правила игры в одни ворота...

В целом, конечно, это не умаляет достоинства этой книги, ее научной ценности.

4

После выпуска этой книги опальный историк снова пошел в гору Весной 1958 года ученый совет Института истории АН СССР, всесторонне обсудив новую монографию Е. Бекмаханова «Присоединение Казахстана к России», принял единогласное постановление в его пользу. Все три оппонента и другие выступающие сошлись в одном: монография отвечает научным требованиям, соискатель второй раз доказал, что по уровню подготовки и образования он заслуживает присвоения звания доктора исторических наук.

«Пока не определилось направление моих дел, я не решался что-либо писать. Теперь могу тебя порадовать: 22 мая вынесено решение экспертной комиссии ВАК. В начале июня оно будет рассмотрено на пленуме ВАК. Это последняя инстанция... — сообщал жене Ермухан Бекмаханулы 22 мая 1958 года. — До этого был на приеме у министра. Его отношение ко мне и других работ — ников исключительно благожелательное. Министр дал соответствующие указания... Думаю, что теперь все закончится благополучно. Трудно описать все тревоги и волнения. Кое-кто в экспертной комиссии пытался все испортить, но историки, объективные товарищи крепко постами за меня. По приезде

расскажу все подробности. Мой приезд был кстати. К сожалению, рядовые работники не доложили начальникам, и мои дела были пущены на самотек. С моим приездом все приняло другой оборот. Настолько много дел, что я до сих пор по-настоящему не отдыхал и заметно похудел... Думаю остаться еще на месяц (может быть, раньше получится), словом, хочу вернуться с результатом, дипломом доктора наук...»

Ермухану Бекмаханулы в тот период было 43 года. Это еще не вечер. Ермухан мог мечтать о заоблачных высях, новых достижениях. Как человек практичный и деловой, он понимал, что для этого ему в первую очередь необходимо крепкое здоровье и везение. Здоровье можно было поправить, упорства ему не занимать, а на везение только надеяться. Словом, он готов был и дальше дерзать и творить, бороться и искать, найти и не сдаваться...

Глава одиннадцатая

ЕГО ДЕВИЗ:

«ПРАВДА ВСЕГДА ПОБЕДИТ»

— Бауке, что за возраст пятьдесят лет для мужчины?.. Ухожу, не осуществив множество планов и мечтаний. Простите меня!.. — сказал историк, прощаясь со мною. Это были последние слова, которые я услышал от Ермухана. Он с истинным сожалением просил у меня прощения за то, что не все свои труды по истории успел завершить...

Бауыржан МОМЫШУЛЫ,

6 мая 1966 года

1

— Наш новый дом был далековато от центра, а автобусы тогда ходили редко, поэтому на работу мы ушли в семь часов утра, Ереке — в КазГУ, а я — в КазПИ, — рассказывала Халима Адамбеккызы. — Целый день проводили на работе. Обедали там же., в столовой, каждый сам по себе. За детьми присматривала моя мать с тетей Хадишой. Ереке часто болел. Быстро уставал, потому после обеда ему хотелось часок подремать. Но он не мог себе этого позволить, не было условий... Вот так проходили дни, месяцы. Помню, это было весной 1958 года, он задержался до позднего вечера. Возвратился домой

возбужденный — я сразу поняла, случилось что-то необычное...

Всякий раз, приезжая в Алма-Ату, я заходил к Халиме Адамбеккызы домой. В процессе моей работы над этой книгой долгие беседы у нас с ней стали привычными. Однажды я поинтересовался, как писал Ереке свои учебники по истории Казахстана для школьников. Вдова ученого начала свой рассказ издалека. Я давно заметил, что когда она вспоминала свою молодость, проведенную с мужем, то забывала о своих восьмидесяти с лишним годах, карие глаза ее загорались, излучая мягкость, тепло. Передаю ее рассказ в своем изложении.

Однажды он пришел домой в приподнятом настроении. Повесив пальто на вешалку, Ереке зашел на кухню к жене:

— Халимаш, сегодня меня пригласил к себе министр просвещения Ади Шарипов. Ты его знаешь, мы с ним почти одноклассники. Он человек храбрый, в годы войны партизанил в Белоруссии. После войны он долго работал заместителем министра, а теперь, когда Аскар Закарин стал заместителем председателя Совмина, Адия Шарипулы назначили на его место. Кстати, он неплохо знает школьные дела, так как до войны сам работал учителем в отдаленном районе...

— Зачем он вызывал вас? Предложил пойти к нему заместителем?.. — спросила Халима.

— Если бы мне поступило такое предложение, то я вместо себя предложил бы твою кандидатуру. Ты ведь знаешь, что из меня никогда администратора не получится. Министр предложил мне взяться за создание учебника для школ. Притом на двух языках — казахском и русском. Вначале для седьмых — восьмых классов, а потом и для старшеклассников. «История Казахстана» уже в нынешнем году включается в программу обучения... А у нас до сих пор нет учебника по истории.

Министр поставил передо мной задачу подготовить учебник к лету следующего года. Ну, Халима, как ты на это смотришь? Ведь идея замечательная!..

— Вижу, что вы уже дали согласие, а ведь собирались после долгих встрясок отдохнуть, заняться своим здоровьем...

— Не отговаривай меня, Халимаш, о создании такого учебника я мечтаю давно. Еще в 1943 году, сразу после издания «Истории Казахской ССР», я с группой историков собирался подготовить учебник по истории для средней школы. Но кто-то из «Большого дома», опасаясь, как бы мы не скатились к национализму, не дал нам ходу. Что поделаешь, как писал поэт Некрасов, суждены нам были «благие порывы, да свершить ничего не дано»... Ади Шарипов знает эту историю. Когда я сказал ему, что за один год трудно создать добротный учебник, тем более одному, министр не захотел даже об этом слышать. «Во-первых, Ереке, — сказал он, — написать всего-навсего пять-шесть печатных листов учебника вы сумеете и один. Во-вторых, меня уже со всех сторон, сверху и снизу просят, донимают звонками. Желających получить этот заказ очень много, все при этом обещают написать за шесть месяцев... А мы на коллегии решили, учитывая ваши знания, поручить это дело только вам». И что мне оставалось делать, как не поднять руки вверх.

— Я поняла, вы уже загорелись этой идеей. Что ж, поздравляю! Значит, мне прямо сейчас надо готовить стол, бумагу, чернила и прочее? Труд — ваш, гонорар — наш!.. Короче говоря, весело заживем!.. — пошутила жена.

Но весной 1958 года он не смог приступить к учебнику. Ему пришлось снова ехать в Москву и добиваться там возвращения докторского звания. Весь май и июнь он провел там... Однако время не терял, ходил в архивы, собирал материалы для учебника. А

вплотную он им занялся во второй половине 1958 года. Сначала дело у него пошло хорошо. Он ведь всю жизнь мечтал об этом и мысленно был готов к написанию такого труда. «Вы обязаны знать историю своего народа, кто вы, откуда взялись, — говорил он своим питомцам. — Вы должны знать свое происхождение, язык, религию, с уважением относиться к предкам, ко всем духовным ценностям своего народа и гордиться ими — иначе вы станете космополитами, людьми без рода, без племени и, можно сказать, без родины». Так что энтузиазм Ереке вполне объясним. Но справедливости ради надо сказать, что директива о скорейшем создании учебников по истории национальных республик для средних школ поступила из Москвы. В тот год Верховный Совет СССР принял закон о Всеобуче... Поэтому на местах сразу зашевелились. Первый вариант рукописи он отнес в коллегии Министерства просвещения уже в первом квартале 1959 года. Потом начались обсуждения, внесения изменений, редактирование. А это очень мучительный процесс...

Материалов у Ереке хватало с лихвой, ведь он накапливал их со студенческой скамьи, более двадцати лет, как пчела, собирающая мед по капле. Начиная с 1946 года, с вычетом трехгодичного вынужденного перерыва, он более десяти лет вел курс казахской истории в университете и, следовательно, все даты и главные события отечественной летописи знал наизусть. А по материалам XIX века он написал не одну, а две монографии. И еще, на его столе лежали все три издания «Истории Казахской ССР», 1943–1955 годов...

Трудность заключалась не в недостатке сведений, а в том, как преподнести этот огромный материал в сжатом и доступном для школьников виде. Изложение должно было быть живым и кратким, поэтому историку пришлось менять свой стиль. Первую главу, состоявшую

всего из пяти страниц, он переписывал десять раз, пока не добился просто ты и ясности повествования. Закончив се, зачитывал Халиме. Так же корпел он и над второй и третьей главами. Потом все пошло легче...

Вот начало первой главы, озаглавленной «Первобытные люди на территории Казахстана»: «На территории Казахстана люди жили еще в глубокой древности. Жизнь их протекала в суровой борьбе с природой. При помощи примитивных орудий — камня, палки — человек выкапывал съедобные корни, охотился на зверей. Древние люди Казахстана так же, как и древние люди всей нашей страны, жили общиной. Шло время, люди накапливали трудовой опыт, улучшали орудия труда... О поселениях первобытного человека на территории Казахстана свидетельствуют археологические находки. Так, при раскопках около аула Канай, в верховьях р. Иртыш, обнаружены кремневые скребки, на стоянках в Центральном Казахстане — каменные топоры, наконечники стрел. Стоянки первобытного человека найдены в бассейне р. Иртыш, в окрестностях Семипалатинска, в горах Каратау (Джамбулская область) и в других местах Казахстана».

Поскольку по программе, утвержденной коллегией министерства, на изучение отечественной истории было отпущено всего 56 часов, автору первого учебника пришлось немало ужать свой текст, отведя каждой из двадцати глав всего от трех до пяти страниц. Последние десять глав учебника посвящены главнейшим событиям, произошедшим в Степи в XX веке: переходу кочевого казахского народа на оседлый образ жизни, возникновению промышленных городов; развитию железнодорожного и водного транспорта, зарождению мощною многоотраслевого сельского хозяйства. За этот период казахский народ испытал на себе множество глобальных потрясений — первую

русскую революцию, тяготы Первой мировой войны (восстание 1916 года, охватившее всю казахскую степь). Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года, лишения Гражданской войны (нашествие белой армии на степь), пережил экспроприацию и коллективизацию, голодные 1930-е годы и Великую Отечественную войну..

Что оградно, отмечал историк, казахский народ, пройдя в течение полувека через эти испытания, стал ровень с другими нациями. В республике были открыты тысячи школ, десятки техникумов и училищ, множество высших учебных заведений, где ежегодно готовятся тысячи специалистов разного профиля; работают театры, филармонии, есть своя Академия наук; казахский народ гордится своими учеными, литераторами, артистами, художниками. Иначе говоря, он уверенно стал на путь цивилизации...

Бекмаханов понимал, что слепое следование принятым тогда доктринам неизбежно приведет его к фальсификации истории. Не желая этого, как честный историк, он в ряде мест на свой страх и риск отступал от классовых канонов. Так, в четвертой главе он подчеркивал большое значение для законодательного урегулирования общественных отношений нововведений Тауке-хана (правившего в 1680-1718 годы), раз и навсегда решившего острую проблему межродовых раздоров и вообще всяких споров путем учреждения свода законов «Жети Жарты» («Семь установлений»), которые в дальнейшем применялись родовыми биями без изменений почти 200 лет. В этой же главе рассказывалось о ханском совете, состоявшем из шести биев-советников, представлявших шесть главных родов. Как известно, именно они улаживали все конфликты, время от времени возникавшие между родами, а также все важные государственные вопросы, притом от имени Таукс-хана. Таким образом,

демократия в Степи органически сочеталась с единовластием чингизидов. Власть ханов основывалась на генеалогическом праве, передавалась по наследству. Сам хан назначал преемника, который проходил утверждение на совете «Шести главных биев». После чего его сажали на белую кошму и на руках несли к трону — такова была древняя народная традиция провозглашения очередного правителя. В главе «Борьба казахского народа за свою независимость в XVII–XVIII вв. и начало присоединения Казахстана к России» историк подробно остановился на противостоянии казахского народа джунгарским завоевателям, в результате чего была в целостности сохранена территория, ныне принадлежащая Казахской республике.

В целом учебник, созданный Ермуханом Бекмахановым, широко и ярко отобразил насыщенную многими драматическими событиями многовековую историю казахского народа, убедительно показал, что и у кочевого народа была с глубокой древности своя собственная территория, а с XV века и государство, где жили, множились и умирали далекие предки, объединенные в три жуза, и десятки родов, говорившие на одном языке, имевшие общие традиции и религию, связанные одной судьбой.

«Историю Казахской ССР», написанную Е. Бекмахановым, коллегия Министерства просвещения республики рассматривала дважды. Автору было сделано немало замечаний по поводу чрезмерно возвышенных национальных и патриотических чувств, с чем автор согласился без спора, быстро внес необходимые поправки и сокращения, после чего первому учебнику истории дали добро, и он был выпущен издательством «Учпедгиз» многотысячным тиражом к осени 1959 года на казахском и русском языках. В следующем году его снова переиздали, притом и на уйгурском языке. Ради справедливости

скажем, что республиканская печать впервые за последние 10–15 лет благожелательно отозвалась о труде историка Е. Бекмаханова, отметив главные достоинства первого учебника по истории Казахстана.

В конце 1959 года Ермухана Бекмаханулы снова пригласил к себе министр просвещения.

— Коллегия пересмотрела программу школьного обучения и приняла решение ввести «Историю Казахской ССР» в девятый — десятый классы. В этой связи ваш учебник, Ереке, надо будет значительно расширить... — сказал он.

— Адеке, я не могу отказать вам. Учебник я могу подготовить за полгода, — ответил Бекмаханов. — Но не последует ли потом масса доносов в ЦК с жалобами на то, что я с вашей помощью монополизировал это дело...

Али Шарипулы громко расхохотался:

— Ереке, мы их перехитрим. На днях объявим конкурс. Пусть в нем участвуют все желающие, в том числе эти кляузники, набившие руку на доносах. Уверен, когда дойдет до дела — они спрячутся в кусты. Я не сомневаюсь если даже поступит десяток рукописей на этот конкурс, победителем все равно будете вы. Так что не теряйте времени, беритесь за дело...

М. Г. МАКШАНОВА, редактор издательства «Мектеп», 1967 год:

«Мои редакторские отношения с Ермуханом Бекмахановым длились несколько лет. Нам приходилось работать, как правило, до 9–10 часов вечера и в выходные дни. Кажется, все сделано, можно печатать. Прочитали вслух. На второй день приходит Ермухан Бекмаханович и говорит: «А здесь что-то не так». Я не знаю дня, чтобы он мне не звонил, чтобы не вносил поправки или вставки. Его главная черта — стремление к совершенствованию... Такие деловые длительные

связи, естественно, перерастали в дружеские отношения. Приходилось встречаться и у него дома, и он запросто заходил ко мне. Я помню, в НК поступали анонимки. Просто стыдно было за людей, которые их сочиняли. Когда я ему сообщала об этом, он говорил: «Пусть пишут». Я негодовала, потому что мне надо было писать справку, а писать справку — это поднимать архивный материал».

«История Казахской ССР» для 7—8-х и 9—11-х классов, увидевшая свет в 1958-1959 годах, сразу же стала одним из самых востребованных школьных учебников. Разумеется, всегда беспокойный и ответственно относившийся к своим трудам ученый в каждое переиздание вносил поправки, уточняя и улучшая текст (последняя поправка автором была сделана в 1965 году). Известно, что за 1959-1994 годы «История Казахской ССР», написанная Е. Бекмахановым (с 1969 года соавтором этого оригинального труда стала Найдя Ермуханкызы), выдержала более тридцати(!) переизданий, общий тираж учебника составил несколько миллионов экземпляров. Все эти годы она постоянно выходила на двух языках, иногда и на уйгурском языке.

Первый успех придал историку сил и уверенности. Он задумал подготовить «Историю Казахстана», уже более полную (от каменного века до наших дней), для студентов исторических факультетов. По замыслу автора учебник должен был стать их настольной книгой на первых двух курсах. А дальше они должны были расширять свои познания, изучая всеобщую историю человечества...

В архиве ученого сохранились многостраничные записи, а в четвертом томе собрания его сочинений опубликована «Программа» — план будущего учебника, где намечено 37 глав. Кстати, она была издана в виде

конспекта в 1959 году. На титульном листе этой книжки значится: «Для исторического факультета КазГУ им. С. М. Кирова и историко-филологических факультетов педагогических вузов». К сожалению, постоянная занятость наставнической работой, заведование аспирантурой, да и частые приступы усиливавшейся болезни легких и другие напасти не дали ему довести свой замысел до конца, он успел завершить только «Хрестоматию по истории Казахской ССР», да еще закончить рукопись, задуманную как один из разделов, дающих общее представление об истории Казахстана и предназначенных для учителей — «Очерки по истории Казахстана, XIX век».

Эти очерки увидели свет в 1967 году.

2

Если взглянуть с высоты сегодняшних дней, 1958 год для Ермухана Бекмаханова, испытавшего до этого немало невзгод и притеснений, был поистине звездным. Во-первых, ему вновь было присвоено ученое звание, отобранное в 1951 году (поэтому документальный фильм о Е. Б. Бекмаханове, созданный в 1990-е годы прошлого столетия, называется «Дважды доктор»). Во-вторых, он получил от Министерства просвещения заказ на создание учебника по истории. В-третьих, в университете вновь открылась кафедра истории Казахской ССР..

О заведовании этой кафедрой мечтали многие историки, но счастливый билет в конкурсе на замещение должности выпал на долю Ермухана Бекмаханова. Ему снова, как и в 1948 году, доверили этот важнейший участок работы. Обстановка на новой кафедре была намного благоприятнее, чем за десять лет до того. Разумеется, по инициативе заведующего

были набраны молодые историки, которые полностью разделяли его взгляды. Однако пришлось сохранить и прежних преподавателей, которые участвовали в его гонении в годы репрессий. Ермухан Бекмаханулы не держал на них зла.

Жизнь продолжалась. Ермухан Бекмаханулы, ясно видя цель перед собой, вновь горячо взялся за дело.

Кенес СТАМБЕКОВ «Мой научный руководитель»:

«...Вспоминается сентябрь 1955 года. Я на последнем курсе. Предстоит писать дипломную работу. Подхожу к стенду, где вывесили списки научных руководителей дипломников, и вижу: Е. Бекмаханов, старший преподаватель, — мой научный руководитель. Я очень обрадовался. Студенты знали, что Бекмаханов реабилитирован и начал работать в университете. Но я никак не предполагал, что такой крупный ученый по истории Казахстана будет руководить моей дипломной работой.

Я искал Е. Бекмаханова, волнуясь. Впервые его видел в 1951 году, когда поступал в университет. Он выделялся своей внешностью, природа его одарила особой красотой: правильный овал лица, умные карие глаза, красивой формы нос, четко очерченный рот. Стройный, с уверенной походкой, он производил впечатление надежности. Чувствовались аристократическая порода, благородство... Теперь его нашел изменившимся, поседевшим, задумчивым. В общении он был прост. Он сразу выделил основные вопросы, которые должны быть освещены, сформулировал название глав дипломной, указал, какую литературу надо прочитать, какие материалы необходимо найти в архиве, дал еще много-много советов на первой же консультации.

Мы часто встречались. Ермухан Бекмаханович просматривал то, что уже сделано, исправлял

написанное, высказывал замечания... Должен отметить, что он не кричал, не унижал, а требовал научного изложения исторических фактов. В результате получилось хорошее исследование, которое при защите было оценено на «отлично». И после завершения учебы в университете меня направили на педагогическую работу в Уральский пединститут им. А. С. Пушкина.

В июне 1957 года к нам в Уральск приехал Е. Б. Бекмаханов читать лекции по истории Казахстана... Слушая лекции Е. Бекмаханова, мы, молодые преподаватели, учились, как надо преподносить студентам исторические факты, заостряя внимание слушателей на сложных, спорных вопросах, раскрывая различные точки зрения историков, высказывая свое отношение к излагаемому историческому событию. Остепененных преподавателей в институте не было, кроме одного Квакина. Ермухан Бекмаханович обещал через министерство высшего образования добиться, чтобы Уральскому пединституту выделили места в очную аспирантуру. Он выполнил свое обещание: троих преподавателей — Букаткина П. С., Абаян А. Ф. и меня направили в аспирантуру в КазГУ. Позже все трое защитили диссертации и стали кандидатами исторических наук».

Еркеш МАМИЕВ, историк, «Уроки учителя», 18 декабря 1999 года:

«У нашего наставника, человека мужественного и последовательного, с 1958 года вновь появились возможности осуществить свои далекоидущие, обширные планы, о чем он мечтал всю свою сознательную жизнь. Ереке начал собирать вокруг себя талантливую молодежь, имевшую желание заниматься наукой. Он добился открытия аспирантуры при своей кафедре, качал издавать свои научные труды и труды учеников. Писал учебники. Не было случая, чтобы его

ученики не выступали на научных конференциях, проводимых АН Казахской ССР... Я помню, что в 1962–1963 учебном году он значительно расширил состав аспирантуры. Некоторые его ученики, получив известие об этом, вернулись в университет, а другие стали аспирантами-заочниками. Нас уже набралось около двадцати человек, одним из них был автор этих строк. Немало аспирантов уже преподавали в вузах, некоторые работали в партийно-советских учреждениях и учителями средних школ.

Наш наставник умел зажигать сердца молодых, увлекать их новыми идеями по созданию отечественной истории. Один день недели он целиком посвящал нам. Мы отчитывались о проделанной работе, если он видел какие-то затруднения в наших поисках, тут же вмешивался и решал. Он был пунктуален во всем. Его нельзя было обманывать, вранья он никому не прощал. Видя такие требования, мы подтягивались во всем, забывали свои вредные, ставшие обыденными, привычки. Так поступали, чтобы Ереке не имел к нам претензий. Строго соблюдали дисциплину. Благодаря этому мы защитились в срок».

Тотай ТУРЛУГУЛОВ, доктор исторических наук, «Жизнь, прошедшая в борьбе»:

«...Он был прирожденным педагогом, высокая требовательность у него сочеталась с душевной заботой о нас. Помогал нам с публикацией наших статей и трудов, при необходимости и в научную командировку отправлял. Однажды мне пришлось вместе с ним поехать в Москву. По приезде туда он позвонил ответственному работнику ЦК КПСС Б. А. Гулепбаеву: «Устрой моего аспиранта в такое удобное место, чтобы он в течение месяца мог спокойно заниматься в Ленинской библиотеке своей научной работой». Байдабек Ахметулы на следующий день

устроил меня в гостиницу узбекского постпредства, поблизости от Центральной библиотеки...

Я помню один пикантный случай, произошедший с нашим аспирантом. На партийном собрании обсуждалось его персональное дело: он разошелся с женой и не желал снова соединиться с ней, за что коммунисты исторического факультета при разборе его строго осудили, настаивая на исключении его из рядов партии, а также из аспирантуры, большинство коммунистов уже были склонны проголосовать за это предложение, и тогда поднялся Ереке и сказал: «Нельзя так легко подходить к судьбе молодого коммуниста, ведь так жестоко наказав его, мы фактически лишим его будущего. Я предлагаю ограничиться строгим выговором, и пусть он заканчивает аспирантуру. А с семейными раздорами он сам постепенно разберется...» На самом деле так и получилось, как предсказывал Ереке: этот человек успешно защитился, позднее стая доктором наук и профессором; видя его успехи в науке и в жизни, я с удовлетворением вспоминаю мудрые слова нашего покойного наставника, который спас его от неминуемой беды...»

С. СУНДЕТОВ «Глазами ученика и последователя»:

«Когда я в сентябре 1958 года поступил в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, в отдел дореволюционной истории Казахстана, встал вопрос о научном руководителе. И завотделом Б. С. Сулейменов отправил меня к Е. Б. Бекмаханову...

Он расспросил меня, где я работал, что кончал, а мне необходимо было определиться с темой кандидатской диссертации. Ермухан Бекмаханович подсказал ее. Позже я понял, как хорошо он знал решенные и нерешенные проблемы истории Казахстана, посоветовав мне поработать над проблемой «О

генезисе капитализма в сельском хозяйстве Казахстана» (впоследствии в структуре Института истории... был открыт отдел «Генезис капитализма»)...

...В отношениях его к ученикам было характерно то, что он не отделял воспитанников от себя, а, наоборот, приближал к себе. Он учил нас изучать науку не по мертвым схемам, а в динамике и взаимосвязи. Аспиранты часто посещали его лекции, по которым чувствовалось: Ермухан Бекмаханов всегда в курсе последних достижений науки; изложение лекций шло в свете этих достижений и на основе своего огромного педагогического опыта; его лекции, стройные по форме и сильные по содержанию, впечатляли, оттого и усвояемость была эффективной... Во многих странах мира изучают научное наследие Е. Б. Бекмаханова.

Он никогда не искал славы, она к нему пришла сама».

Абу Сактаганулы Такенов окончил исторический факультет КазГУ в 1953 году. Возвратившись в Актюбинскую область, около шести лет проработал там в кобдинской казахско-русской школе учителем, завучем, директором. А когда он в 1959 году получил письмо от своего наставника Ермухана Бекмаханова, в котором тот напомнил о его юношеской мечте стать ученым-историком и пригласил в Алма-Ату, Абу Сактаганулы, не раздумывая, переехал туда со всеми своими домочадцами и сразу же был принят аспирантом на кафедру истории Казахской ССР. Отметим, что для 29-летнего школьного учителя это был неординарный, решительный поступок. Вот как отозвался об этом с присущим ему юмором его земляк, писатель, доктор филологических наук Абдулхамит Мархабаев в своих воспоминаниях-эссе под названием «С любовью к брату»: «Кто из нынешних казахов мог решиться на такое, имея шесть ртов, будучи сам седьмым, надеясь

прожить на аспирантскую стипендию в Алма-Ате? Нет, нормально мыслящий человек не мог так поступить, а он был фанатиком, потому решился». И действительно, имея на иждивении престарелых родителей, троих малолетних детей, надеясь лишь на помощь жены и свои силы, он переехал в столицу, устроился на окраине города и кое-как сводил концы с концами, но от своей цели не отступился.

Мы не будем далее описывать, с какими трудностями он одолел аспирантуру, скажем лишь, что впоследствии он стал доктором наук и профессором. По словам историка Г. С. Нургалымовой, его ученицы: «Та искорка, которую заронил в его душу Ереке, возгорелась в пламя, и он передал ее своим питомцам...» Абу Сактаганулы в Казахском госуниверситете в дальнейшем по праву питомца принял эстафету от своего учителя, стал наставником-продолжателем школы историков, основанной Е. Б. Бекмахановым. Первые исследования Абу Такенова были посвящены историческим событиям, происходившим в 1917–1920 годах на западной окраине Казахстана, затем он увлеченно и плодотворно занимался краеведением. По инициативе А. С. Такенова в 1993 году в университете была организована новая кафедра «Архивы и источниковедение в Казахстане», это означало, что в исторической науке в республике появились новые отрасли и по уровню исследований она уже приближалась к российской.

В последнее десятилетие своей короткой жизни А. Такенов проделал громадную работу по возвращению имен народу, увековечению памяти выдающихся деятелей казахской интеллигенции, выдвинувшихся в первые ряды среди своих соотечественников в начале XX века. А это было не таким уж простым делом: историку пришлось вести кропотливый поиск в

закрытых архивах, иметь дело с материалами КГБ, служившими основанием для их уничтожения...

В результате широкой общественности стали известны труд М. Шокая «Туркестан в тисках советской власти», «Воспоминания Мустафы Шокая и Марии Шокай», «История казахского народа» Мухамеджана Тынышпасва, «Судьба земли — судьба страны» Телжана Шонанова и наряду с ними замечательное исследование «Восстание хана Кене» (скандальная глава, написанная Е. Б. Бекмахановым в 1943 году, которая была включена в первое издание «Истории Казахской ССР»), а также печально известная его монография «Казахстан в 20–40 годы XIX века» — оба произведения покойного ученого по инициативе А. С. Так снова были переизданы дважды — в 1992 и 1994 годах, через 45 лет после первого выхода в свет на казахском и русском языках. Кроме того, Абу Сактаганулы подготовил и напечатал в периодических изданиях добрый десяток статей об этих выдающихся людях, их жизни и деятельности. Благодаря этому наш народ фактически заново открыл их.

А. С. Такенов не был исключением в окружении Ермухана Бекмаханулы. За 14 лет заведования аспирантурой при своей кафедре Е. Бекмаханов подготовил более двадцати кандидатов наук. Впоследствии многие из них стали докторами исторических наук и профессорами, некоторые из них избраны членами-корреспондентами и академиками АН Казахской ССР.

* * *

После разрыва отношений с первой женой Ермухан Бекмаханулы, очевидно, не желая оставлять никаких иллюзий на воссоединение, прекратил всякую связь с

ней, ограничиваясь лишь уплатой алиментов. А когда отношения родителей переходят в такое холодное состояние, прежде всею страдают их дети...

Однако, несмотря на такое неблагополучие в семье, все три дочери — Наиля, Нурия и Надия — благодаря энергии и заботе их матери Амины Губеевой (она пережила мужа на 13 лет, скончалась в 1979 году) получили хорошее воспитание, учились только на «отлично», все они получили высшее образование. Ныне все трое достойно носят отцовскую фамилию: Нурия стала филологом, кандидатом наук; младшая Надия — доктор биологических наук; а о старшей, Найле Ермуханкызы (по документам Наиля, но во всех письмах отцу она подписывалась Нелля) — особый разговор...

Она появилась на свет в октябре 1940 года. С ее появлением у Ермухана проснулись родительские чувства. Едва придя с работы, он брал маленькую дочурку на руки, качал, носил по комнате. Когда садился за стол, она постоянно сидела у него на коленях. Словом, отец старался исполнять любое ее желание, постоянно баловал, отдавая ей все, чего сам был лишен в детстве. Чувства к Найле он сохранил до конца своих дней, и дочь отвечала ему взаимностью, гордилась его славой и старалась походить на него...

Наиля Ермуханкызы в 1958 году окончила с золотой медалью алма-атинскую школу № 40. Как медалистка она имела право без приемных экзаменов поступить в любой вуз страны. По настоянию матери, биолога по специальности, Найля готовилась отправить свои документы в МГУ, на биологический факультет. Но прежде чем это сделать, пришла посоветоваться к отцу. А он не настаивал на том, чтобы она продолжила семейную традицию, только сказал: «Называться историком почетнее, чем быть биологом. Они всегда на виду общества. Так что думай, дочурка, и выбирай то, что тебе по душе!..» Она ушла от отца в смятении

чувств. Ей конечно же хотелось взлететь повыше, тем более в школе ей дали основательные знания по всем предметам. Найля Бекмаханова, от природы наделенная великолепной памятью, трудолюбием и аккуратностью, была первой ученицей в классе в течение десяти лет. И вот, находясь на распутье, она неожиданно встретила учителя истории И. В. Дмитриева, фанатично влюбленного в свой предмет... Об этой встрече, определившей ее выбор будущей профессии, Найля Ермуханкызы поведала в 2003 году в беседе с корреспондентом казахстанского журнала «Парасат» Б. Сейдипулы: «Учитель мой настоятельно посоветовал заняться историей. Ты любишь этот предмет, у тебя есть прекрасные возможности добиться успеха, имея такого наставника, замечательного историка, как отец, так что нечего тебе раздумывать. А двум Бекмахановым в исторической науке будет не тесно!»

И она, наконец, решившись, снова обратилась к отцу. Убедившись, что дочь окончательно определилась в выборе профессии, он рекомендовал ей отправить документы в Московский историко-архивный институт, уверяя ее, что в этом специфическом институте работают самые классные преподаватели и они выпускают настоящих специалистов своего дела.

Перед нами ксерокопии семнадцати писем Найди Ермуханкызы, написанных с 18 октября 1958-го по 14 апреля 1966 года отцу из Москвы и Ленинграда (нам известно, что и отец изредка писал ей, но его письмами мы не располагаем). В них год за годом студентка, а затем аспирантка, делилась с отцом сокровенными мыслями, рассказывала, как училась и жила... Думаю, в них много поучительного для нынешнего молодого поколения (тем более что эпистолярный жанр почти умер).

Наиля ЕРМУХАНКЫЗЫ, Москва — Алма-Ата,
Е. Б. БЕКМАХАНОВУ;

«Здравствуй, папочка! Я узнала, что ты лежишь в больнице, и решила написать тебе письмо. Устроилась я очень хорошо, живу в общежитии при самом институте, который находится рядом с Красной площадью, а окнами выходит на площадь Свердлова, где находится Большой театр. В комнате нас шесть человек, живем мы очень дружно...

Мне нужно посоветоваться с тобой. У нас в институте при разных кафедрах существуют кружки. Я не знаю, в какой лучше мне вступить. Есть кружок при кафедре истории СССР, который делится на две группы. Одна включает историю СССР до революции, а другая — послереволюционный период. Есть кружки при кафедре истории Древнего мира и при кафедре истории КПСС. Кроме того, я хочу изучать латынь, что не обязательно, но желательно для студентов. Пригодится ли мне это, нужна ли мне будет она для работы с архивными материалами в Алма-Ате? Пока, кажется, все. Целую, Нелля.

Поправляйся скорее. Береги свое здоровье, так как всем нам еще очень нужен.

18 октября 1958 года».

Наиля ЕРМУХАНКЫЗЫ, Москва — Алма-Ата,
Е. Б. БЕКМАХАНОВУ:

«...И. В. Устюгов^[115] предложил мне две темы: «Буквевекая орда в XIX веке» и «Ликвидация ханской власти в Среднем жузе».

29-го числа я должна дать ответ. Что ты предложишь? По Младшему жузу уже работают другие. И еще, стоит ли браться за идеологические темы? Может, лучше браться за экономические? Жду срочного письма авиапочтой...

23 ноября 1959 года».

«Здравствуй, папа. Ты, пожалуйста, не сердись, что я так редко пишу. Сессия была страшно трудная. Сдала хорошо. На педделю, в период каникул, ходила в поход с лыжной секцией, в которой состою. Шли в сторону Ярославля, где у нас база. Жили несколько дней у одного рыбака на берегу водохранилища. Ежедневно часов по шесть — на лыжах. Лес без конца и края, кругом ни души. Русская природа удивительно хороша! Отдохнула. Оставшиеся дни была в Москве на интересных встречах, балах, спектаклях для студентов. Особенно запомнилась встречи в Центральном доме печати, где корреспонденты ТАСС говорили о своих впечатлениях о США, Нью-Йорке, Камбодже, Китае. Потом выступали ансамбли песни и пляски из Тбилиси и Института иностранных языков. Удивительно одаренные ребята и девушки. Многие были на фестивале в Вене.

...Интересно, читал ли ты исторические письма Лаврова? Его первое письмо «Естествознание и история». Кое в чем с ним можно и не согласиться. Время идет вперед, многое устарело. Но эволюция человечества и путь его к истинному прогрессу изложены очень убедительно.

До сессии пришлось целый месяц работать над докладом. Читала я его за неделю до начала сдачи зачетов. Висел он на мне почти весь семестр, каждый день приходилось копаться в основной работе Верви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». Пришлось много читать мемуарной литературы, а также для аналогии Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Тема увлекла по-настоящему. Мой профессор очень хвалил, хотя со многим он был не согласен, сказал, что надо доработать. Предложил по этой теме писать курсовую. Ио мне она надоела, показалась не

очень перспективной... Тем более что я собираюсь под руководством И. В. Устюгова основательно поработать над историей Казахстана. Как-то до этого руки не доходят. Но обещаю взяться. По этой проблеме я уже кое-что прочла. Хотела послать тебе в подарок на Новый год свою первую самостоятельную работу — доклад, о котором писала выше. Все откладывала. А потом решила не посылать. Дело в том, что сначала работа мне нравилась, а теперь вижу, что она несовершенна, все не так, как этого хотелось, как понимаю теперь. Когда ты приедешь в Москву или когда я буду дома, я дам тебе почитать. Но ты учитывай при чтении и оценке, что это пройденный этап.

Очень беспокоюсь о твоём здоровье. Мама писала, что ты чувствуешь себя довольно плохо. Больше отдыхай, бывай на воздухе. Если возможно, возьми отпуск без содержания. Над чем сейчас работаешь? Что пишешь? Береги здоровье. Так как я уже делаю значительные успехи в фотографии, обязательно пришлю тебе свои походные снимки. Посмотришь, какая я лыжница, на лес, на моих товарищей.

Целую, Нелля, 10 февраля 1960 года».

Найля Бекмаханова писала отцу нерегулярно. Она обращалась к нему, когда было необходимо посоветоваться, в обращениях ее уже чувствовалась деловитость. Впрочем, в ее письмах еще много было и романтики, максимализма — ей хотелось везде побывать, все увидеть. Судя по всему, разноликая Москва целиком ее захватила. Ведь в те годы в этот крупнейший политический, научный и культурный центр съезжались люди со всех концов Земли, Сюда стремились попасть и юноши, и девушки с окраин страны. Здесь они не только набирались знаний, но и проходили испытания на прочность. Многие не выдерживали соблазнов, новых впечатлений,

свалившихся на их голову, — спивались, скатывались вниз по социальной лестнице. А крепкие добивались успехов, поднимаясь на олимп знаний...

«...Сегодня разговаривала с Устюговым, через неделю обещала прочитать материалы по Уставу 1822 года. Ты был несколько недоволен моей темой. Но ты ведь знаешь, что Устюгов из всех вопросов истории отдает предпочтение социально-экономическим. Ругает тебя и Зимина за поверхностное отношение к этой стороне вопроса. Он настоятельно советует заняться Уставом, а потом идти дальше до принятия Положений 1861 и 1891 годов. Когда разговор зашел о работе над темой в сторону более раннего периода, возражений не было, но и особого желания тоже. Он согласен, что в правлении Аблая было много интересного и в архиве Министерства иностранных дел много заслуживающих внимания материалов, но там основательно поработала Апполова и скоро ее работа увидит свет.

Сейчас сама Аполлова на Кавказе, защита у нее будет в Институте этнографии в декабре или в январе. Да, у Зиманова Устав разработан наиболее полно, но он не пользовался материалами Омского архива, а там все наиболее ценное. Обязательно напиши о своем мнении и не тяни; а то я буду сердиться... Где книга Заманова? Ты уж лучше не обещай, или я тебе просто не буду верить...

Нелля, 9 октября 1961 г. Москва».

(С Найлей Ермуханкызы я встречался в 2003, 2007 и 2010 годах в Москве, в ее служебном кабинете в Институте российской истории, В основном мы разговаривали о ее отце. Из этих бесед, продолжавшихся по несколько часов, я вынес убеждение, что она много добрых качеств переняла от

своего отца и что, много лет живя в Москве, осталась преданной истории своего народа...)

На четвертом курсе Найлю Бекмаханову вместе с группой сокурсников направили на практику в Ленинград, где в течение нескольких месяцев она работала в архивах, являющихся настоящими кладями исторических фондов прошлых веков. Так как она уже владела английским языком, ей в ЦГИА^[116] поручили переводить архивные материалы, поступавшие из США. В одном из писем отцу, отправленном с берегов Балтики, она сообщала: «По выходным и субботам трудимся до 10 часов, в рукописном отделе Салтыковки^[117], в остальные вечера — в архиве. Загружена на весь день. По вечерам перевожу архивные тексты...» Она уже готовила дипломную работу, хотя защищать ее предстояло только осенью 1962 года (разве она не напоминает нам в этом своего отца-труженика, заранее подбиравшего материалы для своей следующей монографии?). Казахи в таких случаях издревле говорят, что жеребенок всегда идет по следам аргамака!..

«Здравствуй, папа! Большой привет всем вашим, как учатся мальчики, как у них прошли каникулы? Как Карлыгаш?

Вот уже месяц в Ленинграде. Сессию сдала в ноябре, до 15 декабря были каникулы, а работаем в ИГИЛ... Почти каждый вечер сижу в архиве, есть очень интересные материалы. Думаю прибегнуть к микрофильмированию. Устюгов дал нам задание побывать в трех хранилищах: ЛОИИ^[118], ЦГИА и рукописном отделе Салтыковки. Постараюсь не разбрасываться, все изучать последовательно.

Твою открытку получила. За поздравление и доверенность большое спасибо! Живу у сестры Исаака

Урэльевича (друга отца — Будовница. — М. С.)... Свободного времени у меня мало, только вечер субботы и воскресенья. В эти дни бегаю по музеям и театрам, но сейчас все отложила до февраля. С этого месяца нам дают свободный день на диплом. С четырех до шести по субботам в Эрмитаже будут знакомить с культурой России по периодам. Думаю записаться, чем просто так ходить. А тебя в читальном зале ЦГИА все знают и о тебе у меня спрашивают. Пиши. Целую. Нелля, 10 января 1962 г.».

«Сейчас в Ленинграде такая теплынь, самое время посмотреть пригороды, но некогда, давят нас с практикой. Видно, огорчу тебя, но из своей дипломной ничего для печати предложить не могу. Написана только первая глава, готовила ее в Москве, обсуждали на заседании кружка. Читал Устюгов. Но в ней ничего интересного для публикации нет. Все в этой главе построено на материалах сборника, который ты мне дал летом, плюс кое-что взято из архивных документов. Основные же материалы находятся в Омске, то, что нашла в Ленинграде, относится к периоду с 1868 по 1891 год.

Теперь о дипломной работе. Трудно сформулировать тему. Мы уже с тобой обсуждали «Положение о сибирских кыргызах» (1822 г.), условились, что надо заниматься всецело Средним жузом. Устюгов за эту тему, но в мои планы входит не голый анализ положения. Всю дипломную подчиняю одной задаче: показать на протяжении столетия все изменения в колониальной политике царизма; опираясь на положения 1822, 1868 и 1891 годов. Впервой главе — положительные стороны, а потом — нивелировка...

Целую, Нелля... января 1962 г. Ленинград».

Летом 1963 года Найдя Ермухановна Бекмаханова успешно завершила учебу, вернулась в Алма-Ату. Однако проработала там недолго. Ее тянуло продолжить исследования, которые она начала в Москве. Ее целеустремленность пришлась по душе и отцу Он устроил так, чтобы дочь по направлению Министерства высшего образования СССР училась в аспирантуре МГУ.

НАЙЛЯ ЕРМУХАНКЫЗЫ, Москва —.Алма-Ата,
Е. Б. БЕКМАХАНОВУ:

«...Очень прошу тебя, чтобы ты выслал выписку из решения ученого совета КазГУ о том, что Михаил Порфирьевич (Вяткин. — М. С.) — мой научный руководитель, это ему необходимо для отчета перед Академией наук. Я уже работаю, материал идет интересный. Сейчас вместе со мной посещает ЦГАДА^[119] Наталья Геннадьевна (Аполлова. — М. С.). Она необычайно горда тем, что у нее намечается докторантура... И сожалеет, что с твоей подачи моим руководителем будет М. П. Вяткин. Мы с ней дважды говорили о моей теме, и, конечно, не вдавалась в детали. В первый же день она покаялась, что не опубликовала главу об участии казахов в движении Е. Пугачева, как ей советовал Н. В. Устюгов. Видимо, теперь она все же опубликует. Это минус для меня. Ока, конечно, права, что мне придется туго с классовым подходом к разным явлениям и, прежде всего, к ханам, старшинам и рядовой массе, т. к. здесь материал часто обобщенный...

28 августа 1964 года».

Найля Ермуханкызы избрала темой кандидатской диссертации «Участие казахов в восстании Емельяна Пугачева (1773-1775)». Она уже знала, что эти

материалы хранятся в старых архивах Москвы, Ленинграда и Оренбурга. Надо было не просто найти, прочесть сотни листов, но и снять с них копии. Значит, просидеть много месяцев в хранилищах. Иного пути не было. При встрече отец наставлял: «Тема сложная, но, если сумеешь доказать участие казахов в этом крупнейшем восстании народных масс, которые чуть не свергли Екатерину II с царского престола, — гное имя золотыми буквами со временем будет вписано в нашу казахскую историю. Так что, кызым, постарайся! И вообще, учти, в исторической науке легких путей нет, их ищут только шустрые пройдохи, которым лишь бы остепениться, а ты не должна бояться трудностей!..»

Найля устроилась в отдельной комнате аспирантского общежития МГУ. Грех было жаловаться на житейские неурядицы, и она полностью сосредоточилась на диссертации, с утра до позднего вечера просиживала в архивах. Мама ей советовала не отказываться от жизненных удовольствий, искать и не упустить своего счастья. А папа считал, что это никуда не уйдет, в первую очередь надо получить кандидатскую степень, а потом уж думать о семейной жизни. Она понимала, что и мама, и папа по-своему правы... И не заметила, как пролетели два года.

Выполняя наказ отца, на третий год учебы она отправилась в Ленинград. Ей было уже 26 лет, наступил час икс — момент оценки ее знаний и старания. Об этом мы узнаём из ее обстоятельного письма, написанного после предварительного обсуждения ее работы в секции ЛОИИ...

НАИЛЯ ЕРМУХАНКЫЗЫ, Ленинград — Алма-Ата,
Е. БЕКМАХАНОВУ:

«Здравствуй, папа! Вчера было обсуждение. Накануне я очень нервничала, но все прошло благополучно. Мою работу хвалили все, подчеркивая,

что такой полной и блестящей источниковедческой работы у них давно не было, что это, в сущности, две диссертации. Даже вспоминали Устюгова и его школу. Михаил Порфирьевич радовался за меня. Существенных замечаний не было. Одобрил работу в своем выступлении и Георгий Иванович Семенюк^[120], но он принципиально не согласен с некоторыми оценками позиций казахских феодалов на разных этапах восстания. В твоей с ним статье эта точка зрения высказана, и он ее защищал. Это его право, точно так же, как и мое — отстаивать свою точку зрения. Мою точку зрения, кстати, ленинградские ученые считают более обоснованной и логичной.

Работу читали секретарь комиссии по подготовке трехтомника о крестьянских волнениях — Паниах, потом Мартынов, который давно занимается пугачевщиной, Ю. Г. Алексеев, профессор Шапиро. Да, вот о чем спорил Семенюк. Он считает, что я зря особое внимание уделяю династической борьбе в семье потомков Абулхаира. Обещание Пугачева поставить Досоли во главе жуза после свержения Нурали определило отношение этой семьи к восстанию. Георгий Иванович уверен, что эта семья только из антиколониальных соображений поддержала Пугачева, а корыстные цели тут ни при чем. Ведь и Пугачев хотел стать царем. Согласись, папа, что это малоубедительно и не вяжется с классовыми позициями султанов в восстании, что как раз мною четко и отражено в работе...

Теперь жду, когда типография напечатает автореферат. На внешний отзыв решили направить Шапиро, в Ленинградский университет. Думаю, что это к лучшему, быстрее будет двигаться дело. Ни к чему возить в Москву и обратно. Михаил Порфирьевич уже

написал заключение о работе. Защита будет или в конце апреля, или в начале мая.

Как твое здоровье? Большой тебе привет от Михаила Порфирьевича и Нины Юрьевны (жены М. П. Вяткина. — М. С.). Целую, 19 февраля 1966 г.».

Начало 1966 года оказалось для Ермухана Бекмаханулы симптоматичным: он стал быстро уставать от чтения лекций; участились вспышки болезни легких, при этом лечебные процедуры уже не помогали; да и ненормальная ситуация, сложившаяся в те годы на историческом факультете, не способствовала хорошему самочувствию. Здесь разгорелась нешуточная борьба за кресло декана факультета, и хотя должность была ни ахти какая высокая, некоторые историки готовы были костями лечь, но ее добиться. В воспоминаниях Халимы Адамбеккызы эта напряженная обстановка описывалась так: «Декан истфака Серик Жакулбеков критически относился к Ермухану, считал, что Бекмаханов симулирует, не работает. Что пора покончить с культом Бекмаханова. Ермухана это расстраивало. И он говорил: «Если поправлюсь, то не буду работать в университете, пойду в академию, буду заниматься только наукой, руководить аспирантами...».

У больного ученого уже не выдерживали нервы, мочи не было терпеть бесконечные нападки. Он устал от них настолько, что более ни с кем не спорил, молча выслушивал мелкие колкости, даже не отвечал на провокации, устраиваемые коллегами. Однако, несмотря на нездоровье, исправно холил на работу, благо, истфак находился невдалеке от его дома — на пересечении улиц Панфилова и Кирова, в старом здании, где долгие годы помещался ЦК КП Казахстана. К тому времени свой дом в «Хрущевке» он обменял на трехкомнатную квартиру рядом с оперным театром. После лекций он не задерживался на работе. С трудом,

страдая от одышки, возвращался домой и сразу ложился на кровать. В таком положении нередко консультировал аспирантов, зачастую лежа читал их готовые к защите диссертации. Когда боли не отпускали, несколько дней оставаясь дома, тогда к нему приходила лаборантка, докладывала о расписании занятий, распоряжениях ректората или деканата. и он молча подписывал принесенные бумаги. Домашние и он сам, да и сослуживцы из университета понимали, что дни его сочтены. А неистовые карьеристы из деканата, не считаясь с его беспомощным и безнадежным состоянием, делали все, чтобы его быстрее доконать...

Тающего на глазах историка больше всего волновали вести из Ленинграда, где должна была завершить свою научную работу его кровинка Найля. Будь он здоров, непременно поехал бы туда и все ее дела устроил бы сам. Он не сомневался в успешной защите дочери, но все же беспокоился — она слабая, еще не закаленная в научных баталиях. Да еще знал, что она была на сносях, скоро должна была родить. Ермухану очень хотелось, чтобы это случилось после ее защиты...

Он молча созерцал белоснежный потолок больничной палаты, вспоминая, как в прошлогодний проезд в Алма-Ату Найля пришла к нему домой, да не одна, а с молодым человеком по имени Батырбек, и представила его как будущего зятя. Оказалось, парень из села Чемолган, который находится под Алма-Атой, родители джигита проживали там. А сам Батырбек Мукатайулы Нарбаев после окончания Чемолганской казахской школы поступил в Московский архитектурный институт, окончил его, и ректорат вуза оставил его в аспирантуре как отличника. Ереке без расспросов понял, что перед ним сидит парень с головой, раз сумел добиться таких успехов. Ведь в те годы попасть из сельской школы в Москву было непросто. Значит, дочь

выбрала себе в спутники достойного джигита. Даже то, что они решили заключить союз после окончания учебы, говорило о том, что оба подошли к жизненно важному вопросу очень серьезно. И вот они замерли в ожидании отцовского благословения...

Их выбор одобрили родители и близкие с обеих сторон. Сам Ереке, особо волнуясь в тот день, произнес короткое отцовское напутствие, поставив перед молодыми условие, чтобы они в срок завершили свои научные планы. С тех пор прошел год. Найля уже близка к защите, только бы этому не помешало другое событие — рождение ребенка...

М. П. ВЯТКИН, Ленинград, 21 февраля 1966 года —
Алма-Ата, Е. Б. БЕКМАХАНОВУ:

«Дорогой Ермухан! Нелля мне говорила, что Вы волнуетесь в связи с ее работой. Оснований для волнений нет. Сейчас пройден наиболее острый этап — обсуждение на секции ЛОИИ. Обсуждение прошло очень хорошо, и работа Нелли рекомендована к защите. Думаю, что так будет и на ученом совете... Надо прямо сказать, что Нелля подает большие надежды: в 2,5 года написала стоящую работу...»

Между тем время шло, и 18 марта 1966 года Нелля Ермуханкызы в московском роддоме благополучно разрешилась мальчиком.

Найдя ЕРМУХАНКЫЗЫ, Москва — Алма-Ата,
Е. Б. БЕКМАХАНОВУ:

«Большое спасибо за телеграмму, мы с Батыром были очень рады. Вот теперь ты и дедушка! Мальчик родился очень хорошенький, беленький, с длинными черными волосиками. Все говорят, что с закрытыми глазами он — моя копия, а когда откроет их —

немножко похож на Батыра. Имя сынуле придумал папа — Назымчик...

Мама сообщила, что ты в больнице с астмой. Что-то в этом году неважно идут у тебя дела к выздоровлению. Может, с весной все улучшится и вообще наладится. Мама говорит, что авторефераты ты раздал, что в ближайшее время обещали дать отзыв... 25 марта 1966 года».

«Здравствуй, папочка! Большой привет тебе от внука Назымчыка и от Батыра! Живем мы пока без особых забот. Малыш кушает, спит и потихоньку растет... Уход за ним необременителен. Все делаем поровну с Батыром (он второй месяц не работает, готовится к защите проекта, он проектирует город Сургут на Оби).

Потихоньку пишу вступительное слово. Говорила по телефону с Ленинградом. Там дали объявление о защите в газету на 17 мая... Полагаем жить у Нины Юрьевны. (...) А Михаил Порфирьевич просил приехать за неделю, чтобы познакомиться с отзывами и написать заключительное слово. С ребенком будет Батыр. А в день защиты обратимся к соседям за помощью. Хочу, чтобы Батыр был рядом со мною. Волнуюсь, тревожусь из-за предстоящей критики Маврозина и Семенюка... Хотя их и двое, я буду защищаться. Паниах считает, что мои доводы убедительны и соглашаться с Семенюком ни в коем случае не стоит...

Как твоё здоровье? Не помешал ли тебе кашель прочесть мой автореферат? Отзывы из Алма-Аты пришли, все хорошие. Привет тете Гале, ребятишкам.

Целую, Нелля, 14 апреля 1966 г.».

Н. Е. Бекмаханова защитила свою диссертацию 17 мая. Напрасно она опасалась критики рецензентов — оппоненты и выступающие всецело поддержали ее,

даже похвалили за принципиальное, стойкое отношение к спорному вопросу. В общем, она получила стопроцентное одобрение при голосовании. А в ВАКе без задержки той же осенью утвердили ее кандидатскую степень.

Получив диплом кандидата исторических наук, Н. Е. Бекмаханова вернулась на родину; но в Институте истории АН Казахской ССР для молодого ученого научных ставок не было, поэтому ее взяли лаборантом в отдел дореволюционной истории Казахстана. Перспективы роста, а также возможностей всецело заниматься научными исследованиями почти не было — многие здесь ждали повышения по службе до десяти лет. И поэтому она через некоторое время воспользовалась приглашением заведующего кафедрой истории Казахстана КазГУ имени С. М. Кирова, друга и преемника отца К. Х. Хабиева. Получая ставку старшего преподавателя, она в университете вела два лекционных курса на кафедре, основателем которой был отец. И, конечно, Найля Ермуханкызы читала тот курс, что вел профессор Бекмаханов, руководила семинарами и курсовыми проектами студентов. Она, как могла, старалась заменить отца (о том, что она сразу подключилась к доработке и переизданию его учебников для старших классов, — мы уже писали).

В такой суете прошло несколько лет.

И однажды (по нашим предположениям, в начале 1970 года) ее пригласил на беседу вице-президент Академии наук, директор Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР А. Н. Нусупбеков.

— Дорогая Найля, — начат он, — хотя твой отец был моложе меня, я считал его своим наставником. Ермухан многое сделал, чтобы я стал историком, и я в большом долгу перед ним. Мы были с ним близкими людьми по духу. Вернувшись из Сибири, Ереке арендовал квартиру

рядом с моим домом. Мы часто встречались, чаевничали друг у друга. Но я должен признаться тебе, дорогая, что я не делал попыток привлечь его к исследованиям нашего института, к участию в академических изданиях тех лет. Не стану объяснять причин — это слишком долгий и неприятный для меня разговор. Со временем ты сама все поймешь. Тогда было много преград, которые я не мог одолеть при всем уважении к Ереке. Что теперь горевать, виноват я, просто проявил малодушие и слабость перед теми прохиндеями, которые занимали высокие посты в обществоведении... — Акай Нусупбскулы вдруг замолчал.

— Я знаю, почему это произошло, сам папа мне рассказывал... — сказала Найля, в упор глядя на директора института, будто бы освобождая аксакала от тяжелого для него признания... — Теперь, Акай-ага, уже поздно, и вам, и мне этого не поправить. Для чего вы рассказываете об этом?

— Когда я навестил Ереке последний раз в больнице, это было за неделю до его кончины, он сказал, что ты талантлива, прошла отличную подготовку в известных школах московских и ленинградских ученых и обладаешь всеми данными, необходимыми для настоящего историка, только нуждаешься в доброй опеке старших... Я обещал ему сделать все возможное, чтобы помочь тебе в научном росте, с тех пор внимательно слежу за твоими успехами. Вот на днях я с огромным удовлетворением прочитал твою книгу «Легенда о невидимке»^[121]. Замечательная вещь! Прочитав ее, понял, что ты, дорогая, многое унаследовала от отца! Я это усмотрел даже в том, что ты, как и Ереке, стремишься показать вековую борьбу нашего народа за свою независимость, прославить его героев, таких, как, например, Коктемир

или Сапара Невидимка^[122]. Это очень похвально!.. — Помолчав, Акай Нусупбскуллы добавил: — Именно под впечатлением твоего первого труда я решил, что тебе можно доверить серьезное дело, дорогая!..

— Папа наказывал мне никогда не заниматься административной деятельностью, ведь все распри и споры начинаются из-за карьеры...

— А я тебя не приглашаю к себе заместителем, дорогая. Я хочу предложить тебе серьезную научную работу, которая наверняка придется тебе по душе.

— Что за вакансия? Притом такая загадочная? — нетерпеливо спросила Найдя.

— В Москве, при Институте истории АН СССР решено открыть Научный центр, который будет заниматься историей народов СССР. Когда мне поручили подобрать туда молодого и перспективного историка, я сразу вспомнил о тебе, милая Наиля. Зарплату обещают приличную, на уровне академической, и еще, самое главное, обеспечат квартирой. Мало того, у тебя будет прекрасная возможность заниматься в российских архивах, продолжать научные поиски, чтобы завершить свою докторскую диссертацию, и еще — публиковаться в союзных изданиях... Ну как? Если согласна — я завтра же сообщу в президиум Академии наук, а он, рассмотрев, направит представление в ЦК для утверждения твоей кандидатуры...

— Ой, Акай-ага, это замечательно, ведь я давно мечтаю вернуться в Москву. Давно подала заявление с просьбой направить меня в докторантуру. Но почему-то никак до меня не доходит очередь... В общем, я согласна, только я ведь теперь не одна, надо посоветоваться с мужем, да и с мамой, она ведь тяжело болеет, уже немолода, и мои сестры и братишки тоже на моем попечении... Надо и им помогать^[123]...

Словом, осенью 1970 года Батырбек и Найля снова возвратились в Москву.

С тех пор прошло 40 лет Уже много лет, как великий град Москва перестал быть столицей СССР, и, конечно, канул в небытие и тот Научный центр, который должен был заниматься историей народов, населявших советскую империю. Но, надо отдать должное Н. Е. Бекмахановой, она не затерялась в сумятице перестройки. Еще в 1980 году она защитила докторскую диссертацию по теме «Образование многонационального населения в Казахстане и Северной Кыргызии (XVIII в. — XIX в. 60-е годы)», в последующие годы выпустила десять монографий, посвященных прошлому Казахстана и других государств Средней Азии. Вспомните, что ее отец, которого все считали выдающимся историком, между 1946–1960 годами с большими трудностями смог выпустить лишь две монографии. Горько об этом сейчас вспоминать, но что поделаешь, он жил в смутное время, когда таких, как он, старались обуздать, связать по рукам и ногам. Но зато, как видим, его родная дочь, работая за себя и за отца, сумела добиться феноменального успеха!.. А одна из ее работ была удостоена престижной премии Российской академии наук. Н. Е. Бекмаханова несколько лет в качестве профессора читала курс российской истории в МГУ. В настоящее время она — главный специалист Института истории РАН.

У меня на письменном столе лежат подарки Н. Е. Бекмахановой — две книги, изданные под эгидой Института российской истории: первая называется — «Россия и Евразия, проблемы государственности», выпущена в свет издательством «Наука» в 1997 году; вторая — «Россия и Казахстан: проблемы истории (XX — начало XXI в.)», издана в 2006 году. У нее 12 авторов,

все они москвичи, все бывшие казахстанцы (одна из них — Найля Ермухановна, в соавторстве с матерью выступает ее сын, тот самый Назымчик, первый внук Ереке — Назым Батырбекулы Нарбаев. Про него в «Сведениях об авторах» сказано: «Доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН»), Кстати, автором книги, которую мы назвали первой, является тот же Н. Б. Нарбаев. Значит, теперь можно говорить и о третьем поколении Бекмахановых, выбравших себе тернистый путь историков...

К сказанному добавим, что и первый зять Ереке, которого он благословил на добрые дела, тоже не подкачал, стал известным архитектором: по проекту Батырбека Мукатайулы в Москве построено немало зданий, за крупный строительный комплекс он в числе других архитекторов был удостоен российской госпремии. Среди его творений назовем лишь известное всем казахстанцам новое здание Казахского посольства на Чистопрудном бульваре. Послужной список его сына Назыма также солиден: будучи советником российской Министерства иностранных дел, он несколько лет работал в Испании и США, вел в этих странах историко-экономические исследования. В его семье в настоящее время растут трое правнуков Ереке — Батыр, Алина и Милана...

Когда-то, очевидно, в минуты отчаяния, вызванного бесконечными преследованиями и кознями завистливых коллег, Ереке сказал Найле: «Двое Бекмахановых, историков, будут для Казахстана наверняка излишни. И тебя, как и меня, постараются уничтожить, как только выдвинешься в первые ряды. Поэтому, Найляжан, заранее готовь себе место в Москве. Там материалов по нашей истории в хранилищах так много, что хватит на много поколений исследователей. Тебе и твоим будущим ученикам там работы будет вдоволь!..»

Отцовские слова оказались пророческими. Эти богатейшие фонды стали неисчерпаемым источником творческого вдохновения, помогли проникнуть в глубь веков трем поколениям Бекмахановых, за какие-то 50 лет ставших докторами наук. Похоже, они будут служить еще и последующим поколениям...

Пример Найли Бекмахановой оказался заразительным для всей молодой поросли: достижения ее родных сестер на ниве науки повторили дети Ереке из второй семьи. Вторым Ермухан, он же Ерик, закончив среднюю школу с серебряной медалью, поступил и окончил математический факультет КазГУ, но в дальнейшем занялся кинорежиссурой. Младший брат Ерика Сермухан, получив золотую медаль, подался в Москву, в знаменитый Менделеевский институт химических технологий, окончив его, позднее стал кандидатом технических наук. Самая младшая Карлыгаш окончила физико-математический факультет КазПИ, где ее мама проработала более сорока лет, и стала учителем-психологом.

Сегодня, когда я пишу эти строки, у всех Бекмахановых растут дети, некоторые из них уже создали свои семьи. Так что род Бекмахановых все большей больше разрастается...

3

С тех пор как осенью 1931 года трое парней из Баянаула пешком отправились в далекий Семей на учебу, прошло немало лет. Самым младшим из этих троих был Ермухан. Если бы какой-нибудь провидец предсказал шестнадцатилетнему джигиту, что его ожидает громкая слава, что он станет известным ученым, побывает почти во всех городах Советского Союза, голодный парень, устало бредущий за своими

спутниками, послал бы его куда подальше. Но все произошло именно так. Его пути пересекли множество параллелей и меридианов в Европе и Азии, с далеких берегов Балтийского моря на западе до Восточной Сибири. Подолгу он отдыхал в Карпатах, на Кавказе, стране гор, покрытых вечными снегами и ледниками, в красивейших местах Черноморского побережья. Частым гостем был он в Москве, Ленинграде, Оренбурге и Ташкенте. Выступал как докладчик на научных конференциях в Киеве, Харькове, Тбилиси, Баку, Казани, Фрунзе (Бишкек), Ашхабаде. С научными целями в составе экспедиций не раз обходил Среднюю Азию. Приходилось бывать и за рубежом, иногда ездил в некоторые страны туристом, иной раз в качестве научного представителя принимал участие в международных симпозиумах, проводившихся в странах народной демократии.

Но, вот что странно, объехав почти полсвета, он ни разу не съездил в родной Баянаул. Этот чудный край был обжит его предками с незапамятных времен. Он всегда представлял в его воображении и снах величавые горы, зеркальные озера, в которые смотрится лес, наполненный птичьими голосами, шепотом листвы, звоном стрекоз над высокими, по пояс, травами. Ему часто чудились токующие тетерева, чертящие снег распростертыми крыльями, на которых он когда-то охотился. Многие влюблены в этот прекрасный край...

Однако почему же он, рожденный здесь, все-таки не смог выбрать время, чтобы хоть раз посетить эти места? Сослаться на то, что не было возможности или что его не тянуло сюда, — ученый не мог. Причина заключалась в том, что он панически боялся возвращаться на родину. Его пронизывала дрожь, если он даже случайно слышал слово «Баянаул», перед его глазами сразу возникали плачущее лицо маленькой сестренки Камияш и строгий облик матери Бапиш. Они будто с укором спрашивали:

«За что нам такое наказание, чем мы прогневили Бога, окончив жизнь под снегом и оставшись непогребенными?..» А потом ему мерещились остервенелые, маскоподобные лица земляков-баянаульцев, тех, которые холили по дворам, насильно угнали единственную корову-кормилицу и козу с козлятами. Их было много, все это были белсенди-активисты, бессердечные большевики с пустыми и холодными взглядами, всегда приходившие в аулы с камчами и криками: «Быстрее выгоняй со двора, что осталось!..» Ермухан понимал, что теперешние баянаульцы тут ни при чем. Но не мог забыть навсегда врезавшиеся в память зверские физиономии красных экспроприаторов. И каждый раз, когда он подумывал посетить эти милые сердцу места, где он играл в кости, купался в Жасыбае, бродил в лесных дебрях Карагаша, в его ушах звучало предостережение матери: «Не смей сюда возвращаться! И с тобой они поступят так же, как с нами...»

Когда не было сна, лежа с закрытыми глазами, он все думал и думал. И эти думы уносили его все дальше и дальше. Как историк, он был обязан отразить в своих исследованиях все ужасы голодных 1931-1932 годов, приведших к гибели почти половины казахов, но, увы, он никак не мог этого сделать, ведь тема по-прежнему оставалась запретной. И это угнетало его. Переживая свою беспомощность, он и дальше скрывал свои крамольные мысли, не желая делиться ими даже с верной женой. Именно поэтому он постоянно откладывал поездку в родной Баянаул. Так прошли годы, десятилетия. Потом для него настали тяжелые времена. Ехать на родину, чтобы поплакаться, совсем не хотелось. Там жили его близкие родичи, закадычные друзья детства, да и все население Бгянаульского района, от старого до малого, знало его не только как выходил из аула Торе, но и как известного историка.

Земляки, естественно, гордились им, и зачем было им знать, в какой нужде он живет...

В 1958 году вроде бы полегчало: он снова стал доктором наук, профессором. Как говорили домашние, в ту пору он часто видел Баянаульские горы во сне...

Летом 1959 года, в середине благодатного июня, когда всюду: в горах, лесах и в степи — сладким медом переполнены цветы, он заявил своему семейству:

— Готовьтесь, на следующей неделе поедем в Баянаул. Целый месяц будем на родине!..

Оказалось, он все продумал, как и на чем туда ехать. И чтобы никаких срывов не было — заранее приобрел авиабилеты на рейс в Караганду для себя, Халимы и двоих сыновей, а Карлыгашку решил оставить с бабушкой...

Д. Шаймуханов, будущий доктор исторических наук, в своих воспоминаниях рассказывал: «Я уже работал в Карагандинском обкоме партии, занимал ответственную должность. Однажды меня пригласила секретарь обкома Ф. К. Даненова и спросила: «Дуйсетай, ты знаком с профессором Бекмахановым?» — «Знаком, Фатима Кусаиновна, в чем дело?» — поинтересовался я. «Он прибывает с семьей к нам. Надо встретить, свозить в Каркаралинский район, а йогом — в Баянаул. Словом, тебе поручается сопровождать его, чтобы все было достойно и прилично, он у нас — редкий гость. За тобой закрепим персональную машину..» Я встретил его с семьей в аэропорту; сразу же повез через Ульяновку, Жастилек, Алгабас, Семизбуги, Жусалы, Карбышевку в Каркаралинск... Там нас радушно встретил первый секретарь райкома партии Елемес Ергебеков. Оказалось, что он получил из обкома партии надлежащее указание и успел подготовиться. В дальнейшем он сам сопровождал ученого гостя, показал все достопримечательные места Каркаралинского заповедника. В общем,

ознакомительная поездка Ереке по району длилась целую неделю. А затем мы проехали через территорию колхоза «Первомайский», в урочище Коянлы, где до революции проходила знаменитая на всю Сары-Арку Кояндинская ярмарка, а оттуда уже — в Баянаул». (В воспоминаниях Х. А. Бекмухамедовой сказано, что они остановились у первого секретаря райкома, а на другой день Е. Ергебеков организовал встречу знатного ученого с районной интеллигенцией, где Ереке прочитал лекцию о насущных проблемах казахской истории.)

Х. А. БЕКМУХАМЕДОВА, «Вместе двадцать лет»:

«...Издали показался Баянаул (...) Окрестный пейзаж перенес нас в мир тишины, покоя. Ермухан задумчиво обозревал родной край, я выразила восторг от увиденного...

В Баянауле мы остановились в доме Баязитовых, жена Игенагая, Зару — родственница Ермухана (по линии его матери. — М. С.). Она показала нам зимовку Бекмахановых. Ермухан вспоминал, как мама его провожала по склонам Жасыбая-коля на занятия в станицу. Сохранилась еще школа, где учился Ермухан, он показал маленькие домики, в одном из которых он жил. Искали могилу брата Ермухана, Динче, умершего в 1930 году от воспаления легких. Трудно было признать среди заброшенных могил ту, где покоился прах Динче...

Затем мы поехали в Жана-Жол, где жили Конурбаевы, двоюродные братья Ермухана. Ездили и в Экибастуз к дяде Ермухана — Сержану Жармухамедову. Там же в это время на ТЭЦ отбывал свою ссылку Маленков с супругой.

Родственники и земляки Ермухана хорошо нас приняли. Ерик и Серик увидели родину отца, подружались с детьми родственников — Советом,

Канатом, Мысом, Булатом и другими. Егинбая и Рахимбая мы привезли в Алма-Ату, помогли поступить в КазПИ им. Абая. Они закончили институт и учительствовали в Жана-Жоле.

Впечатление от поездки в родные края было приятное, но и грустное.

Живописное джайляу, красивые перевалы гор, ступенчатые холмы, на которых растут одинокие извивающиеся деревья, тихие озера — все создано для отдыха, покоя. Но в душе Ермухана было беспокойно: это — не прежний Баянаул, где летом ставили белые богатые юрты на джайляу, по холмам паслось множество овец. Все пришло в упадок^[124]. Исчезли белые юрты, по склонам пасутся малочисленные отары. Старые домишки одряхлели, мало новых построек, в убогом клубе проводятся жалкие мероприятия...»

* * *

Ермухан Бекмаханулы всегда легко сходилась с людьми, как говорят сегодня, он был от природы коммуникабельным человеком, при любых обстоятельствах быстро находил общий язык со всеми, при этом оставаясь при своем мнении. Он никогда не кривил душой и не прощал, когда его обманывали. Такая была уж натура — открытая, прямая, честная во всем. «Ермухан вообще был человеком с сильным характером... — подчеркивает Халима Адамбеккызы в своей книге воспоминаний. — Однако жизненные трудности не могли не отразиться на нем, породив нетерпимость к возражениям, нервозность, раздражительность по мелочам. Он был самокритичен, но порой с трудом себя сдерживал. Мы в семье старались лишней раз не волновать его, создавали все условия для спокойной работы и отдыха. Я умела с ним

ладить. Это было непросто при его требовательности и любви к порядку во всем. Видя, что он не злой человек, напротив, бесхитростный, прямолинейный, я прощала его горячность... Бывало, вспылит, но быстро отходит, сам сокрушался, что у него трудный характер. Я его любила и принимала таким, какой он есть, со всеми его слабостями. Ценила в нем мужественность, искренность, надежность, преданность как в научной работе, так и в дружбе, он был отзывчив, не мстителен и не завистлив...»

Халима Адамбеккызы сберегла почти все письма и записки его друзей, соратников и коллег-историков, которые поступали к нему, можно сказать, со всех концов Советской страны. В основном это были просьбы оказать содействие в научных вопросах, чаще всего — прочесть их книги и авторефераты и дать о них отзывы. Некоторые настойчиво приглашали на защиту диссертаций. И на все просьбы он откликался, большинство получало необходимую помощь. К сожалению, в архиве ученого нет его ответов на письма. Дело в том, что он писан всем от руки, не снимая копий, — не предполагал, что когда-нибудь его письма станут реликвиями.

Х. А. БЕКМУХАМЕДОВА, «Вместе двадцать лет»:

«Наталья Геннадьевна Аполлова жила в Москве, но занималась вопросами истории Казахстана. Когда она защищала диссертацию по Абулхаиру, Ермухан случайно узнал об этом. Он сдал свой авиабилет и пришел на защиту. Конечно, он выступил в поддержку соискателя. С тех пор началась их дружба. Когда он бывал в Москве, обязательно навещал ее... Она жила одна и любила принимать гостей. Для Ермухана она готовила своеобразное блюдо, которое он шутливо называл «бешбармак по-московски», эти было отварное мясо с макаронами... Ермухан был научным редактором

ее книги «Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века».

Ермухан вел дружескую переписку, обменивался книгами с учеными-историками из разных республик: России — с А. В. Пясковским, П. В. Волобуевым, Якутии — с Ф. Софроновым и Г. Башариным, Белоруссии — с К. Бусловым, Башкирии — с Кузиевым, Узбекистана — с Турсыновым и Иноятовым, Кыргызии — с А. Хасановым, Б. Женгерчиновым, А. Сапелкиным и С. Жантуаровым, Азербайджана — с А. Гулиевым. Круг общения был широк, он дружил не только с историками (Х. Адильгереев, К. Хабиев, П. Г. Галузо и др.), но и экономистами — С. А. Нейштатом, Ц. Л. Фридманом, философами и юристами — М. Сапаргалиевым, С. Замановым, К. Бейсенбиевым, педагогами-психологами — Т. Тажибаевым, Р. Г. Лемберг, искусствоведом А. Жубановым, металлургом Л. Л. Цефтом...»

«...Учитывая возможность вызова Вас в Москву на широкое обсуждение III книги многотомника, прошу Вас срочно сообщить, приедете ли Вы и когда? Мне необходимо встретиться с Вами, обсудить некоторые дела... — спрашивала историк Н. Г. Аполлова у Е. Б. Бекмаханова в письме от 9 марта 1964 года из Москвы. — Повторяю: необходимо не допустить в многотомнике дальнейшего «вырубания» материалов по истории Казахстана, которым отведено всего 12,5 печ. листа. (...) Необходимо, чтобы здесь поняли: это не личное дело Аполловой...»

«...Тема моей работы «Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Победа Бухарской народной революции». Как вам известно, в Институте истории у нас три года подряд отказывались обсуждать эту тему под предлогом занятости подготовкой пятитомной истории таджикского народа... Работаешь ночами,

жертвуешь здоровьем, но работа тормозится, исследованию мешают. Я просто удивлен, что есть такие люди, консерваторы, завистники. Но ведь трудишься не для себя, а во имя науки, ее развития, стремишься внести свою скромную лепту. И кому от этого плохо?.. — жалуется Т. Тухтаметов в письме, отправленном из Москвы 22 апреля 1963 года. Судя по письму, он таджикский историк, притом добрый знакомый Ереке и его семьи. — Все это действует на меня удручающе, расхолаживает, подавляет. Как работать в обстановке травли и третирования?.. Но, в целом, дорогой Ермухан, я чувствую себя хорошо, ибо справедливость на моей стороне. Я глубоко верю в разум людей. Он всесилен. Большой привет всем членам вашей семьи во главе с Хадишой-апай».

«Глубокоуважаемый Ермухан Бекмаханович! Специально приехал в Москву для того, чтобы показать ученым мою монографию по истории Бухарского эмирата. Три специалиста познакомились с рукописью, дали ей вполне положительную оценку... Рекомендовали к защите и печати. Поскольку кашу маслом не испортишь, я прошу мою монографию обсудить и на кафедре, которую вы возглавляете, или на объединенном заседании с другими кафедрами. С глубоким уважением. Ваш Тухтаметов...» — писал этот же историк 19 сентября 1965 года.

Для дружбы нет границ и преград — это известная истина! Примером этого может служить многолетняя дружба двух историков, живших вдали друг от друга — ленинградского ученого М. П. Вяткина и казахстанского историка Е. Б. Бекмаханова. Разница в возрасте в 20 с лишним лет при этом не стала помехой. Эта дружба помогла Е. Бекмаханову выстоять в голы испытаний.

Михаил Порфирьевич Вяткин родился в 1895 голу в семье оренбургского учителя. Ему было 18 лет, когда

он, окончив Шалринское училище, поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского императорского университета. В этом знаменитом высшем учебном заведении в то время работали выдающиеся ученые-историки — А. А. Шахматов, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский и А. В. Пресняков. И что интересно, любознательного юношу Михаила Вяткина заметили корифеи науки, и он сделал первые попытки исследования российской истории. Однако увлечению юноши помешали бурные события 1917 года: Февральская, а затем и Октябрьская революции разрушили все привычные жизненные устои и вынудили молодого студента покинуть потрясенную переворотами столицу империи, уехать в Сибирь, чтобы не умереть с голоду и выжить в этой смуте. Ему удалось окончить историко-филологический факультет Томского университета в 1921 году, мало того, устроиться преподавателем на кафедре русской истории, а потом, когда жизнь более-менее наладилась, он вернулся в славный град Петра, теперь уже называвшийся Ленинградом. Отныне ему ничто не мешало всецело посвятить себя истории страны.

В 1930-х годах его внимание привлекли Казахстан и Средняя Азия. К тому времени были написаны многочисленные очерки, заметки путешественников и просто любителей приключений и экзотики, исследовавших этот еще почти неизвестный миру своеобразный край. В архивах, кроме них, хранилось немало официальных документов, циркуляров, отчетов колониальных властей об освоении новых территорий. М. П. Вяткин решил составить из этих материалов сборники. Это был благородный замысел, но осуществление его было под силу лишь коллективу большого научно-исследовательского института. Однако Михаил Порфирьевич не испугался, взялся в одиночку за труд «Материалы казахстанской истории»,

который намеревался выпустить в пяти томах, объемом в 40-50 печатных листов каждый... Через десять лет, к 1940 году, историк издал в Ленинграде первые четыре тома. Уже на подходе был пятый, но его выпуску помешала неожиданно грянувшая война. Последнюю книгу, охватывающую 1741-1751 годы, неутомимый ученый выпустил в свет лишь в 1948 году, наконец-то завершив свою титаническую работу. Все эти годы ему пришлось разыскивать необходимые материалы во многих архивах российских городов, снимать копии, перепечатывать их, да еще систематизировать их по времени и тематике. Какое это трудное и нудное занятие, представляют лишь те, кто испытал это на себе. Но великий труженик М. П. Вяткин не остановился на этом. Следом он выпустил «Очерки по истории Казахской ССР», охватывающие историю нашего народа с древних времен до 1870 года. Они увидели свет в начале 1941 года в Ленинграде и впоследствии послужили основой для создания «Истории Казахской ССР». Мало того, в 1951 году он издал прекрасный труд «Батыр Срым», признанный классическим. которому он посвятил более двадцати лет жизни.

В общем, в дальнейшем ни один из исследователей казахской истории не мог обойтись без ссылок на М. П. Вяткина. Все они считали его своим учителем, ездили в Ленинград, работая в архивах ЛОИ И, прислушивались к его советам. Михаил Порфирьевич, человек безотказный, помогал всем, кто обращался к нему.

Жаль только, что громадные заслуги этого замечательного историка, истинного труженика в свое время не были по достоинству оценены в Казахстане; наоборот, игнорировались... Почему? Говорят, что руководство республики вроде бы боялось его поощрять только потому, что Михаил Порфирьевич не скрывал своих братских отношений с опальным

Е. Б. Бекмахановым... Трудно в это поверить, но действительно именно это ставилось ему в вину недругами Ермухана Бекмаханулы, которых ленинградский ученый публично называл «прихлебателями». Самое досадное произошло с запоздалым переводом его монографии «Батыр Срым» на казахский язык (Михаил Порфирьевич скончался в конце 1967 года, в возрасте семидесяти трех лет)... В домашнем архиве Е. Б. Бекмаханова сохранилось письмо его вдовы М. Ф. Вяткиной, написанное 15 сентября 1973 года Х. А. Бекмухамедовой, где говорится: «Я все-таки надеюсь, что получу экземпляр «Батыра Срыма» на казахском языке, думаю, что Вы мне в этом поможете. Заранее благодарю Вас и жду». Очевидно, это сердитое письмо было отправлено после того, как она отчаялась получить ответ на свои неоднократные запросы от руководства Института истории АН Казахской ССР... Между прочим, руководители Кыргызской ССР оказались более порядочными и признательными: учитывая участие М. И. Вяткина в трехкратном переиздании «Истории Кыргызстана», они присвоили ему почетное звание заслуженного деятеля науки республики, избрали членом-корреспондентом АН Кыргызской ССР...

Первая встреча Ермухана Бекмаханулы с известным знатоком казахской истории М. П. Вяткиным произошла осенью 1941 года, когда он, эвакуированный вместе с группой русских историков, оказался в Алма-Ате и по решению республиканского руководства был привлечен к созданию «Истории Казахской ССР». С тех пор их пути, можно сказать, не расходились. Их дружба продолжалась четверть века и ни разу ничем не была омрачена. Такое взаимопонимание и согласие были следствием того, что их научные взгляды полностью совпадали.

«Михаил Порфирьевич Вяткин... был простым человеком, выше среднего роста, худощавым, с мелкими чертами лица, жидкими серовато-седыми волосами. В его добрых, все понимающих глазах светился глубокий ум. Ходил он легко, живо, одевался очень скромно. Сколько его помню, он всегда был в недорогом серо-черном костюме, в темном плаще или пальто... — так описывает Халима Адамбеккызы его в своей книге «Вместе двадцать лет», напомним, что первая встреча ее произошла с ним в ленинградской гостинице «Москва», осенью 1946 года. — Всегда серьезный Михаил Порфирьевич преображался за столом, после рюмочки вина он становился разговорчивым, легко включался в беседы на различные темы. Ермухан с большим уважением относился к своему учителю, высоко ценил его как ученого. М. П. Вяткин был его оппонентом на защите как кандидатской, так и в последующем и докторской диссертации. Михаил Порфирьевич по-отцовски опекал Ермухана, видя в нем талантливого историка. Позже, когда приезжали в Ленинград, мы не раз бывали в доме Вяткиных, где нас принимали как друзей...»

Они постоянно чувствовали локоть друг друга. К ним обоим часто обращались коллеги за помощью и советом, и они никогда не отказывали. Это было у них от природы. Потому у них было больше друзей, чем врагов. Ясно, у Михаила Порфирьевича не было отбоя от посетителей, но и Ермухан Бекмаханов не был обделен вниманием. К нему приезжали узбеки, кыргызы, таджики, каракалпаки, ему писали из Азербайджана, Белоруссии, Украины... К нему тянулись не только историки, но и писатели, люди искусства. Настоящих, добрых друзей он приобрел, между прочим, в Кыргызии и Узбекистане...

А. ХАСАНОВ, кыргызский историк, сентябрь 1967 года:

«...Студенты, аспиранты и профессорско-преподавательский коллектив исторического факультета Кыргызского госуниверситета изучают труды Е. Б. Бекмаханова в двух аспектах: а) по учебной программе, при изучении и преподавании истории СССР и истории Кыргызии; б) в ходе научно-исследовательских работ... Наши историки широко используют следующие его работы: «Казахстан в 20-40 годы XIX века», «Присоединение Казахстана к России» и «Очерки истории Казахстана XIX века». (...) В частности, в его монографии «Казахстан в 20-40 годы XIX века» приводятся редкие документальные данные о взаимоотношениях северных кыргызов с казахами, Кокандским ханством и Россией, о деятельности кыргызских манапов Боронбая Бекмуратова, Жантая Карабекова и Ормонхана. Эти труды историка включены в учебную программу нашего университета...»

«Многоуважаемый Е. Б.! Несколько месяцев тому назад из Улан-Удэ я послал свою книгу по вашему домашнему адресу. В письме, отправленном одновременно с книгой, я просил вас поделиться со мной вашими впечатлениями о книге... — напоминал о себе бурятский историк Асалханов в письме от 5 октября 1964 года. — В настоящее время я нахожусь в Ленинграде. В июне книга была обсуждена в ЛОИИ АН СССР и рекомендована к защите...» «Уважаемый Ереке! Высылаю Вам свой автореферат. Очень прошу прочитать и сделать свои замечания, дать совет, как улучшить. Это уже второй вариант... Е. Б., я очень рад, что в марте состоится обсуждение диссертации на вашей кафедре. Я обязательно приеду...» — писал А. Потапов из Усть-Каменогорска 16 февраля 1965 года. «Дорогой Ермухан! Вчера я был в Институте истории.

Защита назначается на 6 апреля т. г. Извещение в университет будет послано... Вчера я встретился с рядом ученых. У всех настроение в мою пользу... — слал привет из Москвы его коллега, казахстанский историк П. Г. Галузо 13 марта того же года. — Из этого я делаю заключение, что подготовленная Вами рецензия идет в ногу с теми настроениями, какие имеются здесь...» Петр Григорьевич Галузо, 1897 года рождения, несмотря на солидный возраст, той же весной успешно защитил в московском Институте истории докторскую диссертацию на тему «Аграрные отношения в южных районах Казахстана, 1867-1914 годы». Ермухан Бекмаханов был его оппонентом.

Письма, подобные этому, постоянно приходили со всех концов страны или домой, или на истфак КазГУ. Поток их особенно возрос с начала 1960-х годов. Из бесконечных обращений и просьб видно, что его знали, ценили, мало того, на него надеялись. В его глубоких знаниях и поддержке нуждались многие, да и само участие Е. Бекмаханова в их деле уже гарантировало успех — сказывался его огромный авторитет...

Но тут возникает деликатный вопрос: а получил ли признание историк на родине? Можно ответить положительно: он был уважаемым всеми профессором, заведовал кафедрой престижного университета, руководил аспирантами, являлся председателем ученого совета исторического факультета, автором учебника «История Казахской ССР», его статьи о проблемах исторической науки без задержек печатались во всех периодических изданиях республики. Да, это так. Однако... Почему он не был удостоен звания заслуженного деятеля науки Казахской ССР? На лацканах пиджаков у некоторых сверкали ордена и медали (а у Ермухана Бекмаханулы лишь единственный орден Красной Звезды, полученный за вклад в оборону страны в годы войны). Для любого

ученого самым престижным было бы избрание в члены республиканской Академии наук. Но он, имея неофициальную славу первого историка Казахстана, ни разу не баллотировался туда...

Руководство казахстанской Академии наук должен был обеспокоить этот факт, но никто там и ухом не повел. В преддверии выборов 1960 года верные друзья Ермухана Бекмаханулы уговаривали его подать документы и принять участие в очередных выборах АН. Но он отказался, заявив:

— Пока С. Н. Покровский сидит и верховодит в отделении общественных наук, мне там нечего делать, он не допустит, чтобы я стал членом Академии наук...

«Сложные отношения были у Ермухана с профессором Сергеем Николаевичем Покровским, человеком осторожным, малообщительным... — отмечала Халима Адамбеккызы. — Ермухан критически относился к нему, называя его кратко — «Покр». Сергей Николаевич не мог не считаться с Ермуханом, решительным, принципиальным. Он знал, как к Ермухану относятся московские ученые, особенно Анна Михайловна, поэтому открыто не воевал с ним, но исподтишка вредил. Мне известны случаи, когда Сергей Николаевич старался проваливать аспирантов Ермухана во время защиты, задавая им каверзные вопросы, при голосовании подбивал членов ученого совета на то, чтобы не отдавать за того или другого свои голоса. Ермухан, разозлившись, однажды заявил ему: «Сергей Николаевич, если вы еще раз проделаете эти штучки против моих подопечных, то же самое я повторю при защите ваших аспирантов. Учтите, я это проделаю лучше вас, будьте уверены. Может быть, не будем продолжать холодную войну?» И что вы думаете? Покровский, как говорил мне Ермухан, в ответ просто

бессовестно рассмеялся: «Ладно, принимаю твое условие!..»

Эта стычка отчетливо показывает истинную натуру Покровского, способного на всякие подлые выходки и гадости.

И странно, такой человек долго находился во главе целой отрасли науки, много лет был членом президиума АН Казахской ССР, как академик-секретарь курируя общественные науки. Понятными становятся и отстранение более талантливого Е. Бекмаханова от академических исследований, и недооценка замечательных заслуг историка М. П. Вяткина. Все это взаимосвязанные вещи, следствие нахождения наверху функционера от науки С. Н. Покровского, непомерно возвышавшего себя. Только чем, какими ценными научными трудами?..

Между прочим, Е. Бекмаханова не только не восстановили в институте, но и не посчитали нужным привлечь к научно-исследовательской работе... Таким образом, Ермухан Бекмаханов после возвращения из заключения в течение 12 лет жизни ни разу не был представлен в академических изданиях, подготовленных Институтом истории. Он не был автором и не состоял в составе редколлегии выпущенной в 1957 году и в последующие годы «Истории Казахской ССР»...

Только ли С. Н. Покровский, исполнявший обязанности академика-секретаря отделения общественных наук АН, виноват в заговоре молчания и отчуждения, возникшем вокруг имени Е. Бекмаханова? А вот с 1956 года директором Института истории, археологии и этнографии в течение 20 лет был А. Н. Нусупбеков. Акай Нусупбекулы в 1961 году защитил докторскую диссертацию, в 1962 году стал членом-корреспондентом Академии наук, а через пять лет был избран академиком. В 1968-1976 годах

исполнял обязанности вице-президента АН Казахской ССР..

Невольно напрашивается вопрос: кто выиграл оттого, что некоторые коллеги, руководствуясь корыстными, эгоистическими интересами, исподволь опирали одаренного историка от общего дела — создания истории родной страны?..»

Но жизнь тем и интересна, что полна неожиданностей, срывающих планы самых хитрых и коварных людей. Бывают такие чудеса. Одно из них произошло накануне выборов в Академии наук Казахской ССР 1962 года. Ее президент получил телеграмму из Института истории АН СССР, подписанную группой известных историков Москвы и Ленинграда, где первой стояла подпись академика Н. М. Дружинина, примерно такого содержания: «Мы, советские историки, высоко ценим научные заслуги известного казахского историка Ермухана Бекмаханова, знаем его как замечательного исследователя истории Казахстана и Средней Азии, который своими подвижническими, новаторскими трудами значительно обогатил историю родной республики. Нас удивляет и огорчает тот факт, что он до сих пор не член республиканской Академии наук. Мы просим Вас, уважаемый Каныш Имантаевич, исправить эту несправедливость по отношению к высоко ценимому Вами историку Бекмаханову. Просим нашу телеграмму считать официальным выдвижением его в члены руководимой Вами академии...»

В общем, конкретный призыв московских историков сдвинул дело с мертвой точки. По инициативе Каныша Имантайулы кандидатура Ермухана Бекмаханова была включена в список балотирующихся в члены-корреспонденты Академии наук. Официально выдвинул его кандидатуру на выборы ученый совет КазГУ.

Нашлись и другие ходоки, поддержали его и многие коллективы пединститутов областных центров.

Вспоминает Халима Адамбеккызы: «В день проведения выборов меня не было дома: я уехала на конференцию в Ташкент. Ермухан не удерживал меня, вероятно, не хотел лишний раз волновать... А сам Ермухан сильно переживал. На последней инстанции за него должны были голосовать четыре академика: Т. Тажибаев, Ж. Жубанов (Ермухан был уверен: они проголосуют «за»), С. Н. Покровский и С. Кенесбаев (в голосовании «за» последних Ермухан сомневался). Вечером я позвонила из Ташкента, интересуясь результатами выборов, и услышала радостный шум в доме. Я догадалась, что все прошло благополучно. Все решилось в пользу Ермухана: три голоса «за», один — «против». Таким образом, он стал членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.»

4

Со многими казахскими писателями и поэтами Бекмахаков был в дружеских отношениях, хотя и не льстил им, а иной раз даже критиковал за серьезные изъяны в подаренных ими же книгах. Открытость и непредвзятость известного историка импонировали им. Никто из них не обижался на безжалостные слова, довольствуясь тем, что удостоились его внимания... Между прочим, близкое знакома во с разносторонне образованным, эрудированным ученым значительно обогащало его приятелей из литераторов. Вот примеры: после недолгого общения с ним молодой литератор Бердибек Сокпакбаев бросил писать стихи и, по совету Бекмаханова переключившись в прозу, значительно преуспел; а своему земляку; много лет отсидевшему в лагерях ГУЛАГа Зеину Шашкину; он безвозвратно

уступил кипу ранее собранных для себя материалов об известном революционере Токаше Бокине, пользуясь которыми, талантливый писатель создал документальную повесть «Наступило утро».

Многое связывало Ермухана Бекмаханова с известным писателем Ильясом Есенберлиим. По письменному свидетельству поэта Жаппара Умирбекова, близко знавшего обоих и писателя, и историка, свел их вместе один случай. Во время войны им, ответственным работникам ЦК КП(б) Казахстана, было дано специальное поручение: представить документальные сведения о движении Кенесары Касымова, для чего они отправились в Оренбург, бывшую столицу Степного края, где хранились донесения лазутчиков и рапорты командиров русских военных отрядов. Проработав там более месяца, они вернулись и, основываясь на достоверных фактах, написали обширный отчет на имя первого секретаря Казахстанской партийной организации И. А. Скворцова, в котором утверждали, что Кенесары — истинный герой, смелый и мужественный борец с царским самодержавием. Как использовал этот бесценный материал в своих научных трудах и за что пострадал историк Е. Бекмаханов — читателю известно.

А Ильяс Есенберлин, человек осторожный. как стало известно позднее, сохранил свои оренбургские записи до лучших времен. Он их использовал, когда писал свой роман «Хан Кене», принесший ему заслуженную славу В дальнейшем писатель расширил роман, доведя свое творение до трилогии под общим названием «Кочевники», куда вошли книги «Заговоренный меч», «Отчаяние» и собственно «Хан Кене». С этого началось триумфальное шествие трилогии по всему миру, за два десятка лет она была переиздана 50(!) раз, общий ее тираж превысил три миллиона экземпляров, Ныне трилогию читают народы тридцати стран на всех

континентах. Следует отметить, что именно этим произведением писатель Ильяс Есенберлин способствовал пробуждению национального самосознания казахов, проявлению глубокого интереса к их истории у миллионов людей на Земле...

А запрещенная монография Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века» снова увидела свет лишь в 1991–1992 годах. Сегодняшний читатель может сравнить хронику военных сражений, приведенную в научной книге, с картинами, созданными писательским пером в романе «Хан Кеме». И обязательно найдет множество совпадений. Писатель, как художник, работающий кистью, создает зримые полотна, воссоздающие сражения и события, образы далеких предков, героев повествования... Мы здесь не будем сравнивать сюжетную канву с документальными данными, мастерски использованными И. Есенберлиным. Но скажем о том, что писатель использовал документально обоснованный материал книги историка, а также учел все его советы. Они были добрыми друзьями. Об их частых встречах упоминают в своих воспоминаниях Ж. Умирбеков и Халима Адамбеккызы. Таким образом, можно сказать, что научная монография Ермухана Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века» стала как бы предвестницей исторического романа И. Есенберлина...

А жизнь и история по-разному отнеслись к ним: историку Ермухану Бекмаханову не повезло, он так и не увидел изданным свой классический труд на родном языке; а писатель Ильяс Есенберлин, посвятив свой роман тому же Кенесары Касымулы в 1970-е годы, пожинал неслыханную славу!.. Не парадокс ли? Обидно за историка! Что поделаешь, таковы были дикие нравы его времени...

Напоследок расскажем о другом поучительном поступке и о помощи, оказанной Ереке ученому-

филологу, своему близкому другу еще с довоенных лет, Малику Габдуллину в установлении исторической личности легендарного народного героя, что также свидетельствует о бескорыстии и жертвенности Ермухана Бекмаханулы в отношениях научных и просто человеческих делах.

Малик ГАБДУЛЛИН «Бесценный друг и дорогой мой человек», 1972 год:

«...В своей кандидатской диссертации я исследовал историю создания сказания «Кобланды батыр», ознакомившись с пятью вариантами этого эпоса, находившимися в фонде Института языка и литературы, я решил установить: где произошли события, описываемые в героическом дастане, когда и с кем сражался Кобланды батыр, герой замечательного народного произведения... И вскоре выяснил, что в казахской литературе уже существовала версия о том, что все события происходили в известном граде Казане и Кобланды батыр вступал в свои бесконечные поединки с предводителем кзылбасов по имени Казан. А город Казан, как известно, находится на берегу Едиля, это нынешняя столица Татарской АССР, и в эпосе повествуется о взятии Казани Иваном Грозным в 1552 году... Автором этой версии был Мухтар Ауэзов, он ее высказал в статье, опубликованной еще в 1922 году в журнале «Шолпап», а затем повторил и в журнале «Тан» за 1925 год, в таком виде она вошла во все литературные учебники; эту же версию позднее поддержали Сабит Муканов и Кажым Жумалиев.

Несмотря на мнение этих авторитетных лиц, после неоднократного перечитывания всех вариантов эпоса, я засомневался, не видя никакого сходства между описанным в эпосе градом и ныне известной Казанью, а также между татарами и теми загадочными кзылбасами никаких признаков не находил. По моим

предположениям, Кобланды жил почти за сто лет раньше взятия русскими татарского Казана. Мои сомнения все росли, чувствовал, что здесь что-то не так, хотя понимал, что старинные сказители-жырши не могли выдумать этот загадочный город Казан, батыра Кобланды и народ кзылбасов...

И вдруг в нашей республиканской библиотеке я случайно встретил Ермухана. Тут же рассказал ему о своих мучениях. Он задумался и признался, что знаком с этим эпосом только по записи Аубакира Диваева, известного ученого-филолога. Он заставил меня пересказать содержание того варианта, с которого начались мои сомнения, это был вариант Биржана Толымбаева. Потом я ознакомил его с вариантами известных жырау-сказителей Мурына и Мергенбая.

— Значит, в них идет речь о городе Казан и Казан батыре, выходеце из народа кзылбасов? — переспросил Ермухан, загадочно улыбаясь.

— Не только в эпосе «Кобланды батыр», но и в других героических дастанах я часто встречал упоминания об этих кзылбасах наряду с калмыками, извечными нашими противниками. С калмыками все ясно, а кто эти кзылбасы — ума не приложу. Думается мне, что это какой-то воинственный народ...

— Ладно, дружище, открою тебе глаза, — прервал меня Ермухан. — Кзылбасы — это ильханы, то есть иранцы монгольского происхождения. Завтра я привезу тебе список исторической литературы по этой теме. Почитаешь, и тебе откроется тайна этих казанов — и города, и батыра, и народа...

— Таким образом, ты меня хочешь превратить в историка?

— А как ты думаешь, без истории ты никогда не станешь знатоком филологии. Не зная всей генеалогии Кобланды батыра и его врагов, ты не сможешь понять

народный эпос. Так что, будь готов к долгим сидениям над книгами...

На следующий день Ермухан передал мне обещанный список литературы, там был указан добрый десяток трудов востоковедов: В. Бартольда, А. Маргулана, Б. Грекова, А. Крымского, А. Орлова, А. Якубовского, И. Петрушевского, даже Марко Поло... Дополнительно назывались исторические сочинения ученых Азербайджана, Ирана, Турции, Грузии... Перечитывая их, я понял замысел Ермухана: он решил просветить меня по вопросам, касающимся периода расцвета Золотой Орды и взаимоотношений ильханов и кипчаков (откуда был родом Кобланды батыр); и, конечно же, вскоре я там же обнаружил этот загадочный город-крепость Казан, он находился на севере современного Ирана, ханом в нем во времена Кобланды был тот самый Казан батыр, который заставлял своих воинов надевать на голову красные борики (шапки), оттого противники стали именовать их кзылбасами (что дословно означает: красноголовые). И богатырь кипчаков Кобланды, человек недюжинной силы, защищая свою землю, много лет вел с ними сражения, сдерживая натиск этого воинственного народа во главе с вероломным Казан батыром. Подвиги Кобланды и воспели наши жырши-сказители XV века, и что важно, почти все варианты народного эпоса в сохранности дошли до нашего времени...

Я поделился с Ермуханом своим открытием. Он мило улыбнулся по своему обыкновению и сказал: «Ну что ж, поздравляю! Нашел-таки Казана иранского и спас наших братьев татар от ужасного обвинения в том, что они были нашими врагами...», после этого я догадался, что, вручая мне список литературы, он и тогда зная, где был этот город и кто такие кзылбасы... Однако он хотел, чтобы я сам разгадал эту загадку, и в этом был весь Ермухан — бескорыстный, честный, великий

труженик науки! Другой исследователь на его месте обязательно протрубил бы на весь свет о своем открытии, показывая свою осведомленность, знания... Еще он посоветовал мне поставить в известность о результатах поисков своего научного руководителя. Кстати, это был мудрый совет. Мухтар Омарханулы воспринял мой рассказ со свойственным ему великодушием, попросил принести все эти источники ему. А потом, лично проверив мою версию, объявил, что ошибся, первая статья его была написана поспешно, в молодые годы, а затем он просто бездумно повторял свою ошибочную концепцию. Заодно он похвалил меня за проявленную настойчивость в установлении истины. При этом я не смолчал и сообщил об участии Ермухана в разрешении этой проблемы. Мухтар-ага в ответ на мои откровения просиял: «Какой молодец этот джигит. Я читал его главный труд, несколько раз слушал выступления. Он парень с головой, у него большое будущее!».

Ермухан Бекмаханулы дружил со многими писателями и литературоведами. Назовем лишь тех, с кем он часто общался, имел постоянные добрые связи: это — Дихан Абилев, Иса Байзаков, Зейтин Акышев, Зеин Шашкин. Кайнекей Жармаганбетов, Лев Варшавский, Хамза Есснжанов, Кадыр Хасанов. А Баумржала Момышулы он просто обожал как истинного патриота и писателя-воина, питал к нему особую, нежную симпатию. Читатель уже имел возможность убедиться, с каким вниманием относился и сам Бауке к нему...

Задушевым другом Ереке был Иса Канайулы Ахунбаев, врач-кардиолог из Кыргызии. в 1950-е годы избравшийся президентом Академии наук Кыргызской ССВ «Когда мы навестили его дома, во Фрунзе гастролировал наш оперный театр. Иса Канаевич

надумал пригласить некоторых солистов в гости. Оказывается, со знаменитой Куляш Байсеитовой он в составе делегации СССР ездил в Индию. Жена Ахунбаева, казашка по национальности, присоединилась к мужу, и мы с ней начали готовиться к приему артистов, — рассказывала Халима Адамбеккызы. — Накрыли богатый стол, выставили разнообразные закуски, овощи, фрукты, кулчатай, куырдак и т. д. Пришли Куляш и Канабек Байсеитовы, Курманбек Жандарбеков, Ануарбек Умбетбаев. Хозяин дома, представительный, красивый кыргыз, был любезен и прост. Гости свободно общались, пели казахские, кыргызские, русские песни. Ермухан, хорошо знакомый с приглашенными, от души веселился...»

Раскрывая настежь свою душу перед друзьями, Ермухан ждал от них того же. И надо сказать, никогда не обманывался в своих чувствах. Так было и с популярным солистом, народным артистом Казахстана Байгали Досымжановым. Однажды они в составе какой-то делегации поехали вместе в Ташкент, жили в одном номере гостиницы, и этого оказалось достаточно, чтобы крепко подружиться. Стали общаться семьями. Его жена, известная драматическая актриса, женщина талантливая и обаятельная, Хадиша Букеева, прекрасно исполняла роль необузданной, своенравной девушки Катарины в пьесе У. Шекспира «Укрощение строптивой», а ее кавалера Нетручио, призванного укротить дикарку, чудно исполнял не менее знаменитый Ш. Айманов, земляк Ереке по Баянаулу. Ермухан никогда не пропускал этот спектакль, смотрел по многу раз, так как ему безумно нравился дуэт этих замечательных актеров. Их слова он знал наизусть. Мало того, когда бывал в гостях, в своем доме или у Досымжановых, в присутствии Хадиши Букеевой он иногда разыгрывал бурные сцены из комедии. Играл весело и заразительно, блестяще подражая голосам, в

точности повторяя манеры поведения актеров и каждый раз добавляя юмористические штучки от себя. Конечно, это забавляло всех. Бывало, что сама Хадиша так заводилась, что выскакивала из-за стола и тоже включалась в игру...

Это было отдохновением от тяжелой повседневной работы.

Ереке был настоящим театралом. Никогда не пропускал премьеры академического драматического театра, когда ставили классику, но чаще всего ходил на постановки Казахского театра оперы и балета имени Абая. Он был завсегдатаем и поклонником казахских опер «Кыз Жибек», «Ер Таргыв», где звучали замечательные народные песни — шедевры казахской музыки, с упоением слушал оперу Мукана Тулебаева «Биржан-Сара». Многие арии из этой оперы он знал наизусть, любил напевать в часы досуга. Мы уже говорили, что у него был тонкий музыкальный слух, он неплохо разбирался в оперном искусстве. Со временем его познания в этой области значительно расширились. Он знал ко именам и лично всех солистов оперного театра, не пропускал дебютов новых певцов. Халима Адамбеккызы в своих воспоминаниях отмечает, что он заранее доставал билеты на всех гастролирующих в Алма-Ате мировых звезд. Так, например, они вместе слушали и наслаждались чудным голосом Инны Сумах, пленительным выступлением ансамбля «Аргентинское танго», зажигательными танцами ансамбля Игоря Моисеева и многих других.

* * *

В последние годы жизни Ермухану не сиделось на одном месте, несвойственное ему беспокойство отмечала и жена ученого: «Самое большее он мог

пробыть дома 4-5 месяцев в году, а потом ему не терпелось поехать в командировку в Москву, Ленинград, читать лекции в периферийных вузах республики. Ездил то в плановые научные командировки, то на какие-нибудь конференции, то на оппонирование диссертаций...» Между прочим, всюду принимали его тепло и сердечно. Да и везде были у него добрые друзья. Встречи с ними зачастую оканчивались застольем у них на квартире. И он сам всегда принимал их у себя.

Со временем границы поездок ученого заметно расширились, он стал выезжать за пределы Советского Союза. «Благополучно прибыл в Албанию. Четыре дня провел на приморском курорте «Дурес», где отдыхают представители разных стран и континентов. Здесь удивительно живописно. Тирана — чистый и красивый город, мы совершили по нему небольшую экскурсию, ознакомились с северными районами страны. Сейчас трудно передать всю массу разнообразных впечатлений...» — писал он в августе 1960 года из Тираны, где побывал в качестве участника международного симпозиума историков. Чехословакию и Венгрию он посетил как руководитель казахстанской группы туристов. «Сегодня утром прибыли в Харьков. Этот город, пожалуй, самый красивый в нашей стране. До обеда осмотрели его достопримечательности, а в полдень отъезжаем в Ужгород, 15-го пересечем границу и вступим на территорию Венгрии, землю потомков Аттилы...» (14 июля 1962 года). «Вот уже третий день совершаем путешествие по городам Венгерской Народной Республики. Будапешт — сказочный город. Его прелесть трудно передать словами. Осмотрели вчера Национальную галерею, королевский дворец, здание парламента. Вечером побывали в парке. Здесь столько занимательного и интересного, что трудно расставаться, тем более что

венгры — очень приветливый и гостеприимный народ. Оказывается, их предки пришли сюда с Волги и Урала. Отдельные слова в их речи ничем не отличаются от наших, казахских: алма, балта, кишкенс...» (17 июля 1962 года). Неизгладимое впечатление на Ермухана Бекмаханулы произвела Греция, эта колыбель цивилизации, со знакомыми по учебникам храмами и скульптурами, родина Гомера и Гесиода, Аристотеля и Архимеда, подарившая человечеству множество мифов, в том числе миф о мужественном борце за свои убеждения титане Прометее — самом благородном святом и мученике в истории. Ермухан осмотрел все достопримечательности величайшего культурного центра античного мира, о котором сам постоянно рассказывал в своих лекциях. Теперь воочию увидел древнюю страну, с которой связано неповторимое и пленительное детство человечества.

После Афин он еще намеревался побывать в Париже, Берлине, Вене и Лондоне — увидеть города, где возникли первые университеты. Очень рвался в Италию, в вечный город Рим. Но, увы, материальные возможности были не беспредельны, да и всякие ограничения с визами и допусками не позволяли все увидеть своими глазами. А возвращаясь из дальних странствий, он говорил своим домашним:

— Апыр-ай, есть ли на белом свете люди беднее нас? Взять мою квартиру, доктора наук, членкора академии, что в ней есть, кроме книг? Ничего, хоть шаром покати. Живем от зарплаты до зарплаты, еле дотягивая до полочки. И так всю жизнь. А посмотрела бы ты на венгров, какое у них жилье, какое изобилие на столе. И в магазинах можно купить решительно все, нет разве только птичьего молока...

Но его стремлению к перемене мест зачастую мешали осложнения со здоровьем. С 1960-х годов он почти ежегодно по два месяца лечился в

противотуберкулезных санаториях: вначале в Бурабае, у подножия Кокчетавских гор, а потом в Сочи и под Одессой, но чаще всего в Крыму. «Дорогие мои Ерик и Серик! Очень рад, что отдыхаете в прославленном Артеке, а я сейчас в «Зеленом мысе», недалеко от Одессы, — писал он сыновьям 10 августа 1962 года. — ...Вы находитесь в интернациональном лагере, куда съезжаются лета из зарубежных стран, как представители Советского Казахстана вы должны вести себя образцово, поддерживать дружбу в коллективе. Плавайте, загорайте, но далеко заплывать не стоит...»

«Дорогая Галочка! Жизнь здесь начинает надоедать своим однообразием, видно, растет тоска по дому. Скоро в Ялте встречусь с бабушкой и детьми, это развеет мою скуку. Но надо отмстить, что в этом году отпуск мне пошел на пользу. Давление стало нормальным, усталость прошла. Теперь со свежими силами примусь за учебник для 11-х классов и вузовский учебник, — отчитывался Ермухан Бекмаханулы перед женой в письме от 14 августа того же года, находясь в доме отдыха «Зеленый мыс» на берегу Черного моря. — Очень рад, что у вас продвигается научная работа. Желаю удачи и успеха!» «Как здоровье Каныша Имантаевича?.. — спрашивал он в письме от 18 августа. — В Москве долго не задержусь. Меня беспокоит учебник для 11-летней школы, его я должен подготовить к концу октября... Я хорошо отдохнул. Готов приступить к работе. Остались считанные дни...»

Но он опять же не рассчитал своих сил. В тот же день, после отправления письма, слег с высокой температурой: «Я слишком злоупотреблял солнцем. Потом вспомнил отвоем совете и стал придерживаться режима, но было уже поздно». 20 августа 1962 года врач «Зеленого мыса», вызвав «скорую помощь», отправил его в больницу, а там поставили диагноз:

воспаление легких. Вечерами у больного температура поднималась до 39 градусов. Заранее купленный билет на рейс теплохода «Россия» в Ялту на 20 августа пропал. С сыновьями он не встретился. Даже авиабилет в Москву пришлось сдать... Лишь через две недели его состояние нормализовалось. Но он совсем ослаб. Так неблагополучно закончив свой отдых на берегу Черного моря, кое-как добрался до Москвы. И такие осложнения стали для него привычными... Через три года, приехав на отдых в Гудауту, в санаторий «Строитель», снова заболел: «К вечеру разболелась голова, ночью плохо спал. На второй день появилась одышка, с трудом вышел на берег моря, стал задыхаться. Меня без конца мучают кашель, мокрота с кровью...» (письмо от 30 июня 1965 года). Увидев, что сырой климат ему противопоказан, врач санатория порекомендовал немедленно перебраться в Ялту. Путевка сгорела. Прилетев в Ялту, больной Ермухан устроился в гостиницу. Ялта издавна считалась местом спасения астматиков (а у Ереке в последние годы к хроническим заболеваниям легких добавилась эта болезнь). «К ялтинскому климату начинаю привыкать. Веду себя осторожно, воздерживаюсь от морского купания... Если не сижу на берегу то катаюсь на катере, — сообщал историк своим домашним в письме от 7 июля 1965 года. — Был на приеме у местной знаменитости врача Петрушина. (...) Он сделал заключение, что прежде всего надо очистить бронхи от скопления мокрот, ибо именно от этой гадости у меня кашель и одышка...»

Как ни заверял Ермухан, что болезнь отступает, до поправки было далеко. Поэтому, беспокоясь за него, в Крым прилетела Халима с дочкой Карлыгаш. Здесь же неподалеку от Ялты, в «Артеке», отдыхали Ерик и Серик с бабушкой Айшой, Они тоже примчались сюда, чтобы хоть морально поддержать совсем слегшего главу семьи. Не только ему, но и всем им стало понятно, что

прежних прогулок по берегу, купаний в морс с заплывами — уже не будет... Наконец, кое-как собравшись с силами, Ермухан в сопровождении Халимы улетел на самолете в Алма-Ату, а бабушка с детьми на поезде уехала в Москву, откуда уже с пересадкой добралась домой. После этих мытарств у Ереке уже не было желания отлучаться из Алма-Аты...

За свою немочь он корил самого себя. Болезни особенно часто стали одолевать его после того, как во время посещения Венгрии летом 1964 года он, поддавшись настроению, купался в горном озере Балатон. Пренебрежение здоровьем, в конце концов, довело его до беды. Его постоянно мучил кашель, дыхание становилось все хуже. Как-то в газетах он прочитал статью о докторе Бутейко и новом методе лечения астмы с помощью физического прибора, изобретенного новосибирскими учеными. Надеясь на чудо, Ермухан Бекмаханулы начал интенсивную переписку со своими учеными коллегами из Новосибирского академгородка. К известному доктору была большая очередь, так как к нему ехали астматики со всего Советского Союза. Но друзья из Сибири постарались помочь Ермухану, по их приглашению он поехал туда вместе с Халимой. Пробыли в Новосибирске целый месяц. В первые дни прибор вроде бы помог. Но затем астма снова начала прогрессировать. Теперь уже ничто не могло избавить от нее больного: ни антибиотики, ни иглотерапия; и супруги вернулись на родину.

Работать в университете Ермухану стало труднее. Постоянный кашель и слабость изматывали до предела. После лекций он сильно уставал. Даже стал подумывать об оформлении пенсии...

Наступающий новый, 1966 год Бекмахановы встречали дома. «Ермухан, несмотря на болезнь, принарядился, надел белоснежную рубашку,

наглаженные брюки, но глаза у него были грустные, будто он предчувствовал, что это — последняя встреча Нового года в его жизни...» — писала Халима Адамбеккызы в книге «Вместе двадцать лет». Подняв бокал легкого вина, глава семьи поздравил своих близких с наступающим новым годом, старшего сына Ерика, уже выпускника школы, затем Сермухана и, наконец, любимицу всей семьи Карлыгаш, ходившую в третий класс. Поцеловав Халиму, свою верную спутницу, он пожелал ей нынешней же весной успешно защитить почти готовую диссертацию. А двум бабушкам, сросшимся с его семьей — теще Айше и Хадише-апай, — долгих лет жизни, подчеркнув: «Вы нужны этим трем птенцам, ибо без вашей помощи им трудно встать на ноги, так что держитесь!..» Фактически на этом закончился весь разговор за праздничным дастарханом. Повода, чтобы веселиться, как раньше, не было. Все домашние, даже дети, чувствовали, что глава семьи прощается с ними, они понимали, и он сам также знал, что дни его сочтены. «Пожелав друг другу здоровья, счастья, мы быстро разошлись. Ермухан лег в постель, дети, бабушки уснули, а я села писать свою диссертацию...» — пишет Халима Бекмухамедова.

С каждым днем ему становилось все хуже. Организм уже не принимал никаких лекарств, явно угасал, но Ермухан не хотел ложиться в больницу. Дома он каждый день видел свою суженую Халиму, своих детей, и это стало для него единственным утешением. Ни на какие уговоры домочадцев не поддавался. Но лечащему врачу Анне Павловне, работавшей в больнице Четвертого управления совминовского лечебного учреждения, все-таки удалось его убедить:

— Ермухан Бекмаханович, вы же умный человек, не отказывайтесь от нашей помощи, мы уже подготовили для вас отдельную палату, которая специально

оборудована всем необходимым для лечения. Там за вами закрепим персональную медсестру, которая знает, что делать в критических случаях. Короче говоря, за два-три месяца мы поставим вас на ноги. За вашу жизнь будут бороться лучшие медики Алма-Аты!..

«Неужели? А где были мои спасители, когда я мерз в арестантском вагоне в декабрьскую стужу 1952 года на этапе из Алма-Аты в Петропавловскую пересылку? Ведь эту болезнь я нажил в те дни, когда меня везли, как скотину, и когда я корчился от холода и голода...» — хотелось ему бросить в ответ на заботу и милосердие, но вместо этого он слабым голосом проговорил:

— Ладно, Анна Павловна, вы уговорили меня. Вверяю вам свою судьбу!..

И действительно, в совминовской больнице за ним специально закрепили врача и медсестру, провели множество консилиумов, пригласив на них светил медицины... Но все усилия врачей сводились на нет: он фактически выхаркивал свои легкие; врачи знали, что у него рак, притом уже в последней стадии; а приступы астмы еще сильнее укорачивали его дни... Он держался мужественно, как свидетельствует Халима Адамбеккызы; «Не ругался, не кричал, терпеливо сносил свой недуг». Хотя от больного тщательно скрывали действительный диагноз, он, по-видимому, о нем догадывался, так как доктору медицинских наук, своему земляку по Баянаулу Хамзе Жуматову, который однажды пришел к нему в палату, сказал определенно:

— Положение мое тяжелое, но умирать надо достойно.

А другому посетителю, знакомому из Баянаула Зейтину Акышову он говорил:

— Эх, Заке, в какое трудное время мы жили и уходим рановато, совсем недавно расстались с Мухтаром Ауззовым, следом за ним ушел и Каныш-ага

Сатпаев, истинный мудрец, А теперь настала и моя очередь... Вот лежу, думаю о напрасно растроченных своих годах. С 1943 года до 1946-го я быстро добежал до докторской защиты, мне тогда везло, и я воспользовался представленной возможностью, работал день и ночь. Но потом, когда отняли у меня докторский диплом, я целых восемь лет, считая годы гонений, добивался повторной защиты. А ведь эти годы я мог посвятить новым трудам. Какая получилась бы отдача! Мог же заново создать полноценную историю народа, во сто крат лучше моего учебника! О чем теперь жалеть? Не дали мне такой возможности. Сами не написали и мне не дали. Так в сражениях за правду и ушли мои зрелые, лучшие годы...

Лечащий врач, предчувствуя конец, уже не разрешал никому посещать его, кроме жены и детей. Но однажды по просьбе Халимы Адамбеккызы он все-таки сделал исключение для Бауыржана Момышулы, который в те дни находился на лечении в той же больнице. Это было, судя по воспоминаниям самого Бауке, в первых числах мая.

— Как твои дела, брат мой? — спросил он Ермухана.

— У меня только одна просьба к Всевышнему, Бауке.

— Какая же, можешь поделиться со мной?

— Я попросил своих врачей, чтобы они хотя бы до 10 мая сохранили мне жизнь. В этот день моя Халимашка должна защитить диссертацию. Если она успешно пройдет это испытание, то мои дети будут обеспечены всем необходимым для нормальной жизни. А дальше, Бауке, я готов отправиться в другой, более счастливый мир...

— Нет, дорогой мой брат! Так не годится, ты еще молод, тебе рано прощаться с нами... — проговорил старый воин, не находя нужных слов для утешения.

На это Ермухан ответил уже еле слышно:

— Бауке, что за возраст пятьдесят лет для мужчины?.. Ухожу, не осуществив множества своих планов и мечтаний. Простите меня!..

Это были последние слова, которые услышал писатель и отважный воин от Ермухана (в воспоминаниях Б. Момышулы далее следует: «Он с истинным сожалением просил у меня прощения за то, что не все свои труды по истории успел написать...»)

Безжалостная судьба не проявила никакого снисхождения к нему. Жизнь историка оборвалась 6 мая 1966 года. Примерно в 12 часов дня он нажатием кнопки, закрепленной у изголовья, позвал медсестру, знаком попросил ее приглушить репродуктор. Очевидно, хотел немного вздремнуть. И действительно уснул. Через полчаса принесшая обед сестричка не смогла его разбудить. Оказалось, он уснул навеки.

Похороны состоялись через день. В последний путь покойного провожали историки, литераторы, преподавательский коллектив университета, сотни студентов исторического факультета, знакомые и друзья, которые были оповещены, бывшие ученики и аспиранты, кому он отдавал все свои знания и жар души. И, конечно, все близкие. На траурном митинге с прощальными речами, наряду с представителями КазГУ и Академии наук Казахской ССР, выступили потомок Кенесары, известный в стране ученый-гидрогеолог Натай Азимханулы Кенесарин, специально прилетевший из Ташкента, а также его друг из Кыргызии, академик Иса Канайулы Ахунбаев. Все выступавшие в один голос подчеркивали большой, неоспоримый вклад Е. Бекмаханова в казахскую историческую науку, выражали скорбь и сожаление, что такой талантливый человек умер так рано, не совершив всего, на что был способен. Покойный Ермухан Бекмаханов был признанным лидером нашей национальной истории, его труды в этой области являются яркими образцами

служения науке и родному народу. Поэтому нам долго не будет хватать его. Можно твердо сказать, что его место фактически пусто, он оставил своих учеников и соратников сиротами. Хотя научная школа, созданная им, надеемся, будет процветать и в дальнейшем...

Таких возвышенных речей, прозвучавших на площадке перед университетом и над могилой, а потом — на поминальных вечерах, было немало, и во всех дружно превозносились праведная жизнь и деяния покойного. Однако о том, какой подорвал здоровье, почему безвременно покинул этот мир, по чьей вине попал в холодную Сибирь, никто даже не заикнулся... А ведь каждый выступавший да и все присутствующие были в курсе, чьими руками это делалось и как. Мало того, среди присутствующих тут и там мелькали надутые, наглые, чванливые, бесстыжие физиономии интриганов и доносчиков. Они никого не боялись, так как прекрасно знали, что никаких обвинений им никто не предъявит. Поэтому они продолжали свои черные дела до конца своих дней...

* * *

Через три дня после похорон мужа, в день, назначенный еще за месяц ученым советом КазПИ, 10 мая, Халима Адамбеккызы защищала диссертацию, хотя она могла попросить отсрочку до поминок на сороковой день по Ереке, имея на это полное право. Но она решительно отказалась:

— Нет! Я твердо обещала Ереке, что буду защищаться, и не могу нарушить свое слово, данное теперь уже покойному мужу...

И несгибаемая жена историка еще раз проявила свой твердый характер. 10 мая она уверенно поднялась

на трибуну конференц-зала Казахской педагогического института имени Абая...

«Я держалась мужественно: мне хотелось показать всем, что я сильная, как и Ермухан; сказала себе — крепись, хотя у меня внутри все очерствело... В зале в первых двух-трех рядах сидели аспиранты и друзья Ереке, всем ясно было, что они пришли поддержать меня, — рассказывала о своем тогдашнем настроении Халима Бекмухамедова в своих воспоминаниях-исповеди «Вместе двадцать лет». — Защита прошла нормально. За присуждение мне научной степени кандидата педагогических наук голосовали единогласно. После защиты друзья поехали на кладбище и возложили на могилу Ермухана цветы, подаренные мне по случаю защиты...»

Она осталась вдовой в 41 год. Старшему ее сыну — Ермухану (Ерику) было 18, Сермухану — 16, а младшенькой Карлыгаш всего 10 лет. Всех их она вывела на широкую дорогу жизни, все трое получили высшее образование. Халима Адамбеккызы проработала в КазПИ 41 год, за это время она дала путевку в большую жизнь более двадцати кандидатам наук. Вышла на пенсию, когда ей исполнилось 70 лет. В настоящее время Халима-апай, как самая старшая из всех Бекмахановых, опекает всех своих внуков и правнуков — их уже более десяти. Она бесконечно счастлива ими, считая, что лучшие свои качества они унаследовали от Ермухана. (Лично мне, автору этой книги, она неоднократно повторяла в беседах, что только благодаря настойчивости и влиянию Ереке она и сама стала ученым-педагогом.)

Вот уже более сорока лет она изо дня в день, из года в год аккуратно собирает все материалы о своем муже. Благодаря ее заботе уже изданы и переизданы воспоминания о нем на двух языках. Притом все личные записи и рукописи, письма, телеграммы самого

Ермухана Бекмаханулы и полученные им сохранены в целости. Должен отметить, это значительно облегчало и мою работу над этой книгой...

* * *

С тех пор как казахская историческая наука потеряла своего неистового, талантливое труженика в лице Ермухана Бекмаханова, прошло более полувека. Достаточно много времени, чтобы все расставить по своим местам: что оказалось легковесным, преходящим, забыто навсегда, а что было пенное — спали достоянием народа.

Главный труд ученого, за что бедного историка беспощадно били и, в конце концов, исковеркали его молодую жизнь, — «Казахстан в 20-40 годы XX века» издан и переиздан множество раз! Его изучают в школах, лицеях, колледжах — во всех учебных заведениях.

Семена знаний были брошены Е. Бекмахановым в благодатную почву: благодаря талантливым и преданным его продолжателям школа казахстанских историков и сегодня занимает лидирующее положение в науке.

Воплотилась в жизнь и другая мечта историка Бекмаханова: Казахская Республика стала независимым государством, в Алма-Ате установлен величественный памятник Аблай-хану, а в Астане — отважному предводителю восстания казахов, его потомку Кенесары Касымулы...

Заслуги покойного историка признали не сразу. Первая робкая попытка чествования ученого была сделана в 1967 году, когда в университете на основанной и руководимой им кафедре отмечалась годовщина его смерти...

А. С. ТАКЕНОВ, профессор, доктор исторических наук:

«Ермухан Бекмаханулы бессленно возглавлял ученый совет исторического факультета. Руководимый им совет обсуждал десятки диссертаций по истории СССР, по истории Казахстана, Кыргызии, по всеобщей истории. Благодаря заслугам в первую очередь Е. Бекмаханова в последние годы исторический факультет превратился в солидную кузницу научных кадров республики, вырос его научный авторитет. При этом главную роль сыграла организованная и руководимая им кафедра истории Казахской ССР. Под руководством Е. Бекмаханова здесь начали научную работу бывшие молодые преподаватели вузов и школ многих городов республики, аспиранты Института истории АН Казахстана. Он являлся редактором более десяти томов ученых трудов, в которых печатались в основном работы аспирантов университета и вузов всей республики.

...Ермухан Бекмаханулы всегда учил нас высокой научной добросовестности, радовался малейшим нашим успехам, поощрял смелые суждения и свежие мысли. Своей радостью в творческом труде каждый из нас делился прежде всего с Ермуханом Бекмаханулы. Строгий и принципиальный, он не терпел нерасторопности и недобросовестности в научной работе. Все его аспиранты с успехом защищали кандидатские диссертации, и в этом несомненная заслуга Ереке. Поэтому неслучайно Ермухан-ага пользовался искренней их любовью. И безвременную утрату своего учителя первыми ощутили они же, встретив много непредвиденных трудностей в научной и научно-организационной работе...

Ермухан Бекмаханулы всегда будет жить в наших сердцах как заслуженный деятель исторической науки

республики, много и честно потрудившийся для нее, взрастивший замечательные научные кадры. Лично мы, ученики, всегда будем помнить его наставления и советы и руководствоваться ими на благо науки».

После провозглашения независимости Казахстана в республике резко возрос интерес к истории. Благодаря самоотверженным усилиям Л. Такенова, М. Козыбаева, Т. Омарбекова, К. Нурпеис, С. Мажитова и других новое поколение казахстанцев смогло ознакомиться с главным трудом Ермухана Бекмаханова «Казахстан в 20–40 годы XIX века», фактически открыв его для себя. Это произошло через 47 лет после первого издания этой монографии. Таковы гримасы истории! За этим открытием последовали и другие. Одним из значительных событий на этом этапе явилась публикация стенограммы научной дискуссии по названной книге. Она по существу воссоздала гнетущую атмосферу гражданской казни, учиненной над книгой и ее автором. «Показала всем нам, — писал академик НАН РК Кенес Нурпеис в предисловии к стенограмме, — технологию процесса подготовки и осуществления расправы над книгой и ее автором, приемы и методы, использованные властями в те голы, с помощью которых талантливый историк превращался в «антисоветчика» и «врага народа».

В феврале 2005 года на кафедре казахской истории в КазГУ, носящем имя великого кипчакского ученого аль-Фараби, состоялось торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Е. Б. Бекмаханова. (Я был приглашен на это заседание Халимой Адамбеккызы.) Впоследствии в моем распоряжении оказалась стенограмма этого заседания.

«Наконец-то нынешняя власть осознала, скорее, сделала попытку в своих идеологических метаниях опереться на подлинную науку, на наследие

настоящего ученого. Труды Е. Б. Бекмаханова о национально-освободительном движении под руководством Кенесары Касымова, направленном на восстановление казахской государственности и независимости Казахстана, в современной политической ситуации оказались востребованными. Отсюда — подчеркнутое внимание к автору. Как определенно вырисовываются контуры и другого фактора — политического... — сказал доктор исторических наук, профессор Беимбет Ермуханов. — Решающим условием написания правдивой, достоверной истории является нравственный облик исследователя. Ведь цель и предназначение истории — поиск истины, правды. Вот почему у историка должны быть не только чистые руки, но и чистые помыслы. Во все времена власть предрержащие стремились приручить, подчинить, подкупить историков, сделать из них своих летописцев и апологетов, и, к сожалению, им это часто удавалось. Угодливость историков (и не только) ведет ко лжи, сокрытию или умолчанию правды, что пагубно сказывается на качестве отечественной историографии. К счастью, истинную историю создают такие ученые, как Бекмаханов... Таким должен быть историк, который из-за раболепия, угодливости не позволит себе унизиться до фальсификации истории. Писать правдивую историю — удел наших историков. Именно таким для меня был и остается мой учитель Е. Б. Бекмаханов».

У него был жизненный девиз: «Истина всегда победит!» Но, как мы знаем, самому Ермухану Бекмаханулы не всегда удавалось следовать этому извечному золотому правилу истории. По сути, историк работал лишь первые, 1942-1947 годы более-менее свободно, и он, отдавая любимому делу весь жар души и сердца, успел сказать свое слово в отечественной истории и создать труд, который сейчас, с опозданием

на полвека, признали классическим. А все остальное время для гонимого историка было лишь отработкой желанной свободы: его били, втоптывали в грязь, держали в особых зонах ГУЛАГа, не только научные труды, но и имя его было запретным. Что же оставалось замордованному ученому, кроме того, чтобы писать в угоду партийной идеологии?

Все же он в своей короткой и трудной жизни был счастлив семьей, талантливыми детьми, трудолюбивыми и прилежными учениками, которые безоговорочно признали его истинным наставником-устазом. И он, отдавая им все свои знания, которыми был чрезвычайно богат, трудясь во имя создания истории родного народа, — успел-таки совершить великое дело: создал свою школу историков!.. И это главное наследие его жизни, которое он мог оставить за тот короткий отрезок времени, что был ему отпущен судьбой. Гем самым он вошел вместе со своим народом в XXI век. Как патриот Родины и истинный историк ЕРМУХАН БЕКМАХАНОВ своим непокорным духом и сегодня служил независимому Казахстану!..

*1999-2009 годы, Республика Казахстан,
Семей — Москва*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕРМУХАНА БЕКМАХАНОВА

1915, 16 февраля — родился в ауле Торе, расположенном на берегу озера Жасыбай (Баянаульского района Семипалатинской области Павлодарского уезда).

1925-1931 — учеба в Барнаульской школе крестьянской молодежи.

1931-1933 — учеба на рабфаке г. Семей.

1933-1937 — студент исторического факультета Тамбовского и Воронежского педагогических институтов.

1937-1940 — младший сотрудник, затем и директор научно-исследовательского педагогического института.

1940-1941 — слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).

1941-1942 — начальник управления школ Наркомпроса Казахской ССР.

1943, 28 мая — защита кандидатской диссертации на ученом совете Института истории АН СССР на тему «Освободительная борьба казахов под предводительством Кенесары Касымова (1837-1847 гг.)».

1942-1945 — лектор Центрального комитета КП(б) Казахстана.

1946, 14 октября — защита докторской диссертации на ученом совете Института истории АН СССР на тему «Казахстан в 20-40 голь? XIX века».

1948 — ВАК утвердил докторскую степень и присвоил звание профессора.

1946-1947 — заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии имени Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР.

1947-1951 — заведующий кафедрой «История Казахской ССР» КазГУ, доцент, профессор, руководитель аспирантуры при историческом факультете.

1951-1952 — лишен ученых званий, исключен из рядов ВКП(б), также освобожден от преподавательской работы в университете в связи с критическим выступлением газеты «Правда». Вынужден был работать учителем в Нарынколской, а затем в Новотроицкой сельских школах.

1952, 5 сентября — арестован в селе Новотроицк Джамбулской области.

4 декабря — по приговору Верховного суда Казахской ССР осужден как политический преступник на 25 лет, сидел в Петропавловской пересыльной тюрьме, затем переведен в лагерь, находившийся в г. Бодайбо Восточной Сибири.

1954, 16 февраля — по приговору Верховного суда СССР полностью оправдан.

Август — старший преподаватель кафедры истории СССР КазГУ. *1958, апрель* — на ученом совете Института истории АН СССР вновь защитил докторскую диссертацию по новой монографии «Присоединение Казахстана к России»; ВАК через месяц утвердил ученую степень и возвратил профессорское звание.

1958-1966 — заведующий кафедрой истории Казахской ССР, руководитель аспирантуры, председатель ученого совета исторического факультета КазГУ.

1962 — избран членом-корреспондентом АН Казахской ССР.

1966, 6 мая — после тяжелой и продолжительной болезни скончался в возрасте пятидесяти лет,

похоронен в Алма-Ате.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ервонмаев

***Единственная сохранившаяся фотография погибшей семьи
Бекмахана. Во втором ряду: Динше Бекмаханов***

***Студенческий ансамбль пединститута. В середине с мандалиной:
Ермухан Бекмаханов.***

Воронеж. 1936 г.

***Ермухан с другом, кандидатом педагогических наук Султаном
Кажохметовым, который погиб в годы Великой Отечественной
войны.***

1938 г.

Казахстанцы — слушатели Высшей партийной школы. В первом ряду (слева направо): С. Жунусбеков, Ж. Жангозин, Т. Жумагазин и Е. Бекмаханов.

Осень 1941 г.

Амина и Ермухан. 1942 г.

Ермухан и Халима. 1947 г.

Ермухан со старшей дочерью Наилей

Сын Е. Бекмаханова — Ермухан

Младшая дочь Карлыгаш

Дочери Нурия (вверху) и Надия (внизу)

Сын Бекмаханова — Сермухан с дочерью Айшой

Ответственные редакторы первого издания «Истории Казахской ССР» — А. М. Панкратова и М. А. Абдикалыков

Историки на берегу реки Алматинки. Слева направо: С. Бахшилов, Х. Айдарова. Б. Аспандияров, Л. Турсунбаев, Е. Шоинбаева, А. Кузнецов, А. Панкратова. Сидят: Е. Бекмаханов, А. Жиренчин, Б. Сулейменов.

1943 г.

***Ермухан Бекмаханов и правнук хана Кенесары ученый-гидрогеолог
Натан Азимханулы Кенесарин.***

1947 г.

Группа казахской интеллигенции.

1960-е гг.

Во время защиты кандидатской диссертации Аккал Хасеновой.

***За столом: Л. Маргулан, Г. Мусабаев, С. Аманжолов, Н. Сауранбаев,
С. Башиев, М. Габауллин и Е. Бекмаханов.***

1948 г.

В кругу друзей. В центре: Ермухан Бекмаханов, второй слева от него: известный солист Казахского театра оперы и балета, народный артист Казахской ССР Байгали Досымжанов. Ташкент. 1960 г.

Профессор Михаил Порфирьевич Вяткин

Академик АН СССР Николай Михайлович Дружинин

***Ответственный редактор второго издания «Истории Казахской ССР»
Ильяс Омаров***

Генеральный консул СССР в Дели, профессор Т. Т. Тажибаев и премьер-министр Индии Индира Ганди

Группа московских, казахстанских и узбекских историков в Ленинграде. Слева направо: М. Ким, А. Пясковский, Е. Бекмаханов, И. Абдуллаев и Н. Дауылбаев. 1958 г.

Историк Дуйестай Шаймуханов со своим наставником

***Профессор Ермухан Бекмаханов в аудитории у историков-студентов
Уральского пединститута. 1963 г.***

***Профессор Е. Бекмаханов и доцент К. Хабиев со студентами
исторического факультета КазГУ***

Историк Кейес Нурпеис с Надией Ермуханкызы

Профессор Абу Такенов

В национальной библиотеке Республики Казахстан н 2005 году было отмечено 90-летие Е. Б. Бекмаханова.

Выступает его ученик, доктор исторических наук М. Беснаев

***Академики-москвичи из клана Бекмахановых: ученый-архитектор
Батыр Нарбаев. Наиля Ермуханкызы и первый внук Ермухана
Бекмаханулы ученый-экономист Назым Нарбаев***

Гимназия имени Е. Б. Бекмаханова в селе Тулеби (бывший Новотроицк) Шуйского района Джамбулской области

Группа бывших студентов-историков, окончивших КазГУ в печально известном 1951 году, через 50 лет они встретились в аудитории имени своего любимого наставника Е. Бекмаханова

В связи с 90 летнем со дня рождения Е. Б. Бекмаханова группа его учеников посетила родной очаг своего наставника. В первом ряду: К. Каражанов, М. Абдиров, Х. Бекмухамедова, К. Атабаев, Т. Тулебаев. Во втором ряду: Ж. Таймаганбетов, К. Бекмаханова. Т. Омарбеков.

5 мая 2005 г.

Ермухан Бекмаханов в своем домашнем кабинете

Профессор Японского университета Хоккайдо (г. Саппоро) Уимо Томохико выступает на международной научной конференции «Бекмахановские чтения», Алма-Ата, 2005 г.

***Научные труды Ермухана Бекмаханова сегодня служат
независимому Казахстану***

***Халима Адамбеккызы Бекмухамедова на открытии памятника
Е. Б. Бекмаханову в аллее ученых-земляков при Павлодарском
государственном университете имени С. Торангырова. Лето 2005 г.***

БИБЛИОГРАФИЯ

Научные труды Е. Б. Бекмаханова

Казахстан в 20–40 годы XIX века: Монография на русском языке / Под общ. ред. М. П. Вяткина. А.: КазОГИЗ, 1947; переиздана с послесл. докт. ист. наук, проф. А. С. Такенова. А.: Изд-во КазГУ, 1992; эта же книга впервые увидела свет на казахском языке (переводчики — А. Казтаев, Р. Сабитов, М. Неталиев и Ш. Амирбеков). А.: Санат, 1994.

Казахстан в 20–40 годы XIX века: Стенограмма дискуссии по книге, июль 1948 г. А.: Кенже-пресс, 2000.

Присоединение Казахстана к России: Монография / Под общ. ред. А. В. Пясковского. М.: Наука, 1957.

Собрание научных трудов. В 8 т. (большинство трудов — на русском языке, некоторые статьи — на казахском, сюда же вошли воспоминания о нем и письма историку). Издание осуществлено по программе «Культурное наследие» Министерства образования и науки РК Павлодарским госуниверситетом имени С. Торайгырова, 2005.

История Казахской ССР: Учебник для 7—8-х и 9—10-х классов средней школы. А.: Учпедгиз (Мектеп).

Очерки истории Казахстана, XIX век. А.: Учпедгиз, 1967, 1988.

Работы других авторов

Асфендияров С. Ж. История Казахстана с древнейших времен. Т. I. А., 1935, 1996.

Бекмаханова Н. Легенда о невидимке, на русском языке. А.: Казахстан, 1968.

Бекмухамедова Х. Вместе двадцать лет, на русском языке. А.: Кенже-пресс, 2000.

Воспоминания о Ермухане Бекмгханове (сост. Х. А. Бекмухамедова, часть воспоминаний издана на казахском языке). А.: Азимур, 2005.

Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР с древнейших времен по 1870 год. Л.: Огизгосполитиздат, 1941.

Досмухамедаев Х. Избранное (научные статьи по истории, казахскому языку и литературе, медицине, биологии, природоведению, а также отрывки из его учебников), на казахском языке. А.: Ана Тілі, 1998.

Из истории казахов (сборник статей, сост. С. Ешмухаметов, С. Жекеев). А.: Жалын, 1999.

История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней, на русском языке. А.: КазОГИЗ, 1943 (использованы также переиздания этой книги за 1949 (2-й т.), 1957–1963 гг. (в 2 т.).

Касымбаев Ж. О хане Кенесары, на казахском языке. А.: Казахстан, 1993.

Можитов С. Ф. Историк Ермухан Бекмаханов, на русском языке. Астана: Фолиант, 2005.

Нурпеис К., Кулкенов М., Хабижанов Б., Мектепов А. Жизнь и творчество Халела Досмухамедова, на казахском языке. А.: Санат, 1996.

Реабилитация, политические процессы 30—50-х годов. М.: Изд. — во политической литературы, 1991.

Шарипов А. Увиденное в зарубках памяти: воспоминания (сост. и отв. ред. Г. Кабышулы), на казахском языке. А.: Изд-во КазГУ, 1998.

В работе нал книгой автор использовал материалы архивов Института истории АН РАН, из алма-атинского фонда КН Б РК, где в 1951–1952 годах были собраны

агентурные и обвинительные дела на Е. Б. Бекмаханова и личный архив ученого. Кроме тою, использованы многие публикации из газет «Правда», «Социалистік Қазақстан», «Казахстанская правда», «Лениншіл жас» и общественно-политических журналов, издававшихся в Москве и Алма-Ате в 1948-1953 годах, статьи в основном огульно-обличительного характера...

INFO

С 20

Сареске М.

Бекмаханов / Медеу Сарсеке. — М.: Молодая гвардия; Астана: Фолиант, 2010. — 533[11] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1295).

ISBN 978-5-235-03414-3

УДК 94(47+57)(092)

БЕК 63.3(5Каз)

Сарсеке Медеу

БЕКМАХАНОВ

Редактор *И. И. Никифорова*

Художественный редактор *Е. В. Кошелева*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Мадярско. Г. В. Платова*

Лицензия ЛР № 640224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 19.10.2010. Подписано в печать 10.11.2010. Формат 84x108 1/32. Бумам офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 28.56+0.84 вкл. Авт. л. 32,0. Тираж 5000 экз. Заказ 10438

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва. Суцевская ул...

21.

ТОО «Издательство «Фолиант». Республика Казахстан, 010000, г. Астана, ул. Ш. Айманова, 13. Тел. (7172) 395459.396070.397249.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994. Москва, Сущевская ул., 21

**НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ
ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ:
*МАЛАЯ СЕРИЯ***

Уже изданы и готовятся к печати:

А Турков «ТВАРДОВСКИЙ»
В. Чайковская «ТЫШЛЕР»
С. Нечаев «ТОРКВЕМАДА»
М. Гейзер «ФАИНА РАНЕВСКАЯ,
В. Попов «ДОВЛАТОВ»

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- Б. Минаев «ЕЛЬЦИН»
- С. Кредов «ЩЁЛОКОВ»
- Р Грэм «МАРИЯ СТЮАРТ»
- В. Лопатинков «КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ»
- Е. Пчелов «РЮРИК»
- Л. Филюшкин «ВАСИЛИЙ III»
- М. Филин «ТОЛСТОЙ — АМЕРИКАНЕЦ»
- А. Варламов «АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ.
- М. Копшицер «ПОЛЕНОВ»
- Г. Чернявский «ЛЕВ ТРОЦКИЙ»
- С. Фирсов «НИКОЛАЙ II»
- В. Новиков «АЛЕКСАНДР БЛОК»
- М. Чертанов «ХЕМИНГУЭЙ»
- И. Пожарская «ЮРИЙ НИКУЛИН»

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукии, А. Булычев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

В. Бокова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

В. Наумов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

Ж. Эргон ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЭТРУСКОВ

П. Декс ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЮРРЕАЛИСТОВ,
1917-1932

О. Семенова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

Н. Борисов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ

Б. Григорьев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В XIX ВЕКЕ

Н. Будур ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИНКВИЗИЦИИ В
СРЕДНИЕ ВЕКА

Е. Глаголева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПИРАТОВ И КОРСАРОВ
АТЛАНТИКИ

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**М. И. Копшицер
ПОЛЕНОВ**

Творчество Василия Дмитриевича Поленова — одно из самых значительных явлений в русской живописи второй половины XIX века. Не только его искусство, но и сама личность художника были окружены самым настоящим поклонением художественной молодежи. Многогранность дарования художника поистине не знала границ: он живописец и театральный художник, архитектор, музыкант и композитор, театральный и общественный деятель, талантливый педагог — его учениками были И. И. Левитан, К. А. Коровин, И. С. Остроухов, А. Е. Архипов, А. Я. Головин, Е. М. Татевосян. Он оформлял спектакли в Московской частной опере Мамонтова, занимался организацией самодеятельного театрального творчества, устраивая народные спектакли и концерты. Как доброволец участвовал в двух войнах; одним из первых получил звание народного художника РСФСР. Книга о Поленове — это глубокое, умное, чуткое исследование жизни не только выдающегося художника, но и замечательного человека, дружбой с которым дорожили многие представители творческой интеллигенции России.

**А. И. Филюшкин
ВАСИЛИЙ III**

В памяти потомков великий князь Московский и всея Руси Василий III оказался в тени своего отца, Ивана III, и сына, Ивана Грозного. Между тем время его правления (1505–1533) занимает особое место в истории России. В эти годы были ликвидированы последние крупные уделы, окончательно присоединены к Москве Псковская земля и Рязанское княжество, отвоеван Смоленск; Россия постепенно превращалась в православное Московское царство. Автор книги, известный санкт-петербургский историк А. И. Филюшкин, раскрывает многие тайны в жизни России того времени и в биографии самого Василия III. Здесь и его отношения с первой женой Соломонией Сабуровой, и загадочная история мальчика-призрака, будто бы рожденного Соломонией в монастырской темнице после насильного пострижения в монахини, и история «открытия» России европейцами, которое современники уподобляли открытию в те же десятилетия Нового Света. На страницах книги предстают многие современники Василия III — ученый монах Максим Грек и игумен Иосиф Волоцкий, князь-авантюрист Михаил Глинский и крымский хан Мухаммед-Гирей, а также многие другие персонажи русской и европейской истории первой трети XVI века.

С. Л. Фирсов

НИКОЛАЙ II:

ПЛЕННИК САМОДЕРЖАВИЯ

Книга известного петербургского историка Сергея Фирсова — первый в XXI веке опыт жизнеописания Николая II, представляющий собой углубленное осмысление его личности, цельность которой придавала вера в самодержавие как в принцип. Называя последнего российского императора пленником самодержавия, автор дает ключ к пониманию его поступков, а также подробно рассматривает

политические, исторические и нравственные аспекты канонизации Николая II и членов его семьи.

М. Чертанов **ХЕМИНГУЭЙ**

Эрнест Хемингуэй (1899–1961) был и остается одним из самых популярных в России американских писателей. В 1960-е годы фотография бородатого «папы Хема» украшала стены многих советских квартир; вольномыслящая молодежь подражала его героям — мужественным, решительным, немногословным. Уже тогда личность Хемингуэя как у нас, так и на Западе окружал ореол загадочности. Что заставляло его без устали скитаться по миру, менять страны, дома и жен, охотиться, воевать, заводить друзей и тут же делать их врагами? Был ли он великим мастером слова, или его всемирная слава — следствие саморекламы и публичного образа жизни? Что вынудило его, как и многих его родственников, совершить самоубийство — наследственная болезнь, житейские неудачи или творческий кризис, обернувшийся разрушением личности? На все эти вопросы отвечает писатель Максим Чертанов в самой полной на сегодняшний день биографии Хемингуэя. Эта неожиданная, местами шокирующая книга откроет поклонникам писателя множество неизвестных подробностей из жизни их кумира.

---

notes

Примечания

1

Иначе говоря, новое поколение чингизидов, которые считали себя потомками монгольского правителя Чингисхана.

2

Термин, внедренный в обиход колониальными русскими правителями, чтобы стереть истинное название казахов, проживающих в степях Сары-Арки (по-научному: Центральный Казахстан).

3

Название одной из ветвей рода аргын Среднего жуза — суюндиковцы. Гортуыл дословно означает: потомки четырех сыновей родоначальника этого рода.

4

В целях более легкого овладения старым арабским письмом ученый-просветитель. Ахмет Байтурсынов в 1920-х годах ввел новый алфавит— «Облегченное учение».

5

Короткий перевал.

6

Свои рукописи М. Конеев хранил в кожаном курджуне, который назвал «Карамес» («кара» — черный, «мес» — кожаный бурдюк).

Название «Баянаул» происходит от калмыцкого слова «Боннола». «Боян» — красивый, «ода» — гора. Таким образом, подтверждается название — «Красивая гора», что и соответствует неопишуемой красоте этих мест. Тем не менее более художественно и поэтично звучит объяснение названия этих горных массивов, как «гора, где обитала красавица по имени Баян», что также не вызывает споров.

8

Национальный головной убор.

9

Круглая посуда, вырезанная из березы, с затейливыми узорами внутри, потому ее называли ханским сосудом.

10

Понижение между вершинами горного хребта.

11

Одногодки.

Читатели часто путают этого Аблая с его внуком, ханом Среднего жуза, перенявшим многие выдающиеся способности своего деда, потому в зрелом возрасте названном его именем.

13

Насильственный угон скота, прежде всего табунов коней.

14

Так раньше казахи называли маньчжуров, проживающих в Китае.

В послевоенные годы Кылыш Бабаев стал ученым агрономом, работал главным селекционером Министерства сельского хозяйства. Трагически погиб во время катастрофы пассажирского самолета над озером Балхаш в 1948 году. Его именем был назван совхоз в Карагандинской области.

Сам автор воспоминаний в те годы учился на факультете рабочей молодежи а Омске, по приезде на летние каникулы, на три месяца, по приглашению заведующего районным отделом народного образования Абдинасирй Искакова он устроился временно работать в канцелярии районе делопроизводителем. чтобы поправить свое материальное положение.

Рабочий факультет.

Постановлением 2-й сессии КазЦИКа 8-го созыва от 20 февраля 1932 года была создана Восточно-Казахстанская область. В ее составе был 21 район. В нее входила также и нынешняя Павлодарская область.

19

Почтительное обращение к старшему человеку по возрасту.

Бдительным органам ОГПУ было известно, что он, А. Ж. Сеитов, помимо своей врачебной деятельности на досуге увлекается так называемым международным языком «эсперанто», постоянно переписываясь даже с зарубежными корреспондентами, что и послужило поводом для обвинения его в шпионаже и расстрела как «агента зарубежных государств» в декабре 1937 года.

По этому поводу впоследствии сам историк, как вспоминают некоторые его ученики, высказывался примерно так: — Можно сказать, что этот городишко по своему культурно-духовному уровню намного отстал от цивилизованных центров России. Преподаватели, которые читали лекции в том пединституте, были собраны с бору во сосенке из разных мест, а знания их намного отставали даже от уровня знаний учителей, которые учили меня в Семее... Очевидно, только поэтому Ермухан Бекмаханов позднее во всех своих биографиях и анкетах, которые ему приходилось заполнять, не указывал время своей учебы в Тамбове, хотя свою студенческую жизнь он начал именно в этом институте.

Книга Я. Я. Зутиса под названием «Остзейская проблема в XVIII веке» в 1950 году была удостоена Государственной премии СССР. В 1946 году Ян Яковлевич занимал должность профессора Латвийского университета, а в 1951 году стал действительным членом АН Латвийской ССР, через два года был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Так в Воронеже однокурсники называли Ермухана, сократив его труднопроизносимую фамилию до трех первых букв. Это стало его прозвищем.

Воспоминания Сауле и Карлыгаш Досмухамедовых, инвалидов 1-й группы, ослепших в преклонные годы, были записаны из их уст в 1999 году по моей просьбе известной общественной деятельницей Республики Казахстан Диной Ергазиевной Абдрахимовой, старшей дочерью Рабиги, внучкой Х. Досмухамедова. Кстати, она очень много сделала для возвращения народу славного имени своего деда по материнской линии, в частности, в переиздании его научных трудов, а также в присвоении Атыраускому госуниверситету имени Халеда Досмухамедова.

Съезд.

Так называли нынешний Уральск все западные казахи.

27

Качели на шести столбах.

Оба певца в 1920-е годы были расстреляны органами ОГПУ.

Имена сосланных в Воронеж как политически неблагонадежных людей были перечислены в воспоминаниях Карашаш и Сауле Халелкызы Досмухамедовых. Как рассказывали сестры, Досмухамедовы жили вместе с детьми. Карашаш, Сауле, младший брат Толе учились в школе № 1 имени Л. С. Пушкина. Старший брат Адильхан поступил в Воронежский медицинский институт, а старшая сестра Рабига, вышедшая уже замуж, осталась в Алма-Ате. «В 1935 голу по окончании срока ссылки в Москву уехал Ж. Досмухамедов, в Чимкент Ж. Акбаев... Наш отец уезжать отказался, он с семьей остался жить в Воронеже... Его заработка не хватало на жизнь семьи из шести человек. Квартира, где мы жили, была не только маленькая, но и сырая. Двух его старших детей позднее исключили из институтов как детей врага народа: сына Алильхана — из медицинского, а меня — из университета. Отец часто болел, на лечение средств не было... — вспоминала Сауле Халелкызы. — Молодой Бекмаханов часто встречался с моим отцом, который мною беседовал с ним, давал ему читать свои книги. При беседе со мной Ермухан Бекмаханов подчеркнул, что называл моего отца не по имени, а «профессор». Сколько я себя помню, действительно, нашего папу все знакомые называли «профессор», редко по имени...»

Слово, означающее большое расстояние или важное событие. В данном случае — выступление большой массы людей против существующего режима.

Главные роды Младшего жуза.

Июль на арабском языке.

Ныне город Кызыл-Орда.

Средневековый среднеазиатско-тюркский
письменно-литературный язык.

Халел Досмухамедов был арестован 26 июля 1937 года в Воронеже и доставлен в алма-атинскую тюрьму. 23 апреля 1939 года там же его расстреляли. Кровавые расправы над политическими оппонентами тогда были нормой. Видно, он догадывался, что ему осталось жить недолго, поэтому, покидая свое пристанище в Воронеже, по воспоминаниям Карашаш Халелкызы, сказал домашним: «Меня не ждите, а сами возвращайтесь на родину...»

Н. М. Дружинин имя этого историка не назвал. И другие авторы воспоминаний о Ермухане Бекмаханове, также не раскрывая его имени, ограничиваются одними намеками: «один историк». Найля Бекмаханова касается этого вопроса также вскользь: «К сожалению, не помню, кто был первым автором четырнадцатой главы, она была отклонена редакторским коллективом». (Досадно, что в первом издании «Истории» не указаны авторы каждой главы.)

По нашему предположению, этим автором был кандидат исторических наук А. Ф. Якунин. Основанием для такого вывода послужил 8-й номер журнала «Большевик Казахстана» за 1939 год. В опубликованной в этом номере журнала статье под названием «Восстание Кенесары Касымова» А. Ф. Якунин с явным перекосом и с большевистским напором доказывает, что это восстание надо рассматривать только с классовых позиций...

Личная охрана-гвардия казахских ханов, от них впоследствии начался род туленгутов.

До 1925 года русские так официально называли наш народ, и это название «кыргызы» до конца XIX века входило в обиход. А настоящих кыргызов колонизаторы именовали «черными или лилокаменными киргизами». Очевидно, это делалось для того, чтобы уничтожить само понятие о казахском народе.

Шакарим Кудайбердиулы.

Этот антинародный, зловещий термин вошел в научное употребление после постановки в 1831 году комедии французских драматургов, братьев Коньяр «Трехцветные шляпы». Ее главным персонажем был Николя Шовен. В основу комедии легли антигуманные высказывания националиста Шовена, который считал высшей свою нацию, ведь не зря Наполеон Бонапарт силой оружия покорил Европу. Комедия Коньяров в настоящее время совершенно забыта. Но кощунственные по сути заявления Николя Шовена разошлись по всему миру. И французское слово *chauvinisme*, шовинизм, вошло в литературу и политику. Подругой версии. *Chauviniste* — производное от собственного имени *N. Chauvin'a*, фанатически преданного Наполеону солдата.

Мы располагаем копиями трех писем А. М. Панкратовой, датированных февралем 1944 года (в копии не указан день написания этого десятистраничного текста), 26 апреля (написано собственноручно две страницы) и 12 мая (20 страниц). Оригиналы их хранятся в Институте истории РАН.

Г. Ф. Александров — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

П. Н. Федосеев — академик-философ, главный редактор журнала «Большевик».

В. П. Потемкин — академик-историк, в те годы нарком просвещения РСФСР.

В первом же письме А. М. Панкратовой члену Политбюро Л. А. Жданову говорится о том, что указание исключить «Историю Казахской ССР» из списка соискателей на Сталинскую премию конкретно дал Г. Ф. Александров. Анна Михайловна с горечью сообщает, что он привел ей свой второй, по его мнению, убийственный аргумент: «Книга написана без учета того, что Казахстан стоял вне истории и что Россия поставила его в ряд исторических народов...» Повторив эти слова Александрова, она спрашивала секретаря ЦК: как это так — много веков кочевавший в Великой степи народ оказался без своей истории? Такое запелляционное заявление бездоказательно и безответственно.

На этой странице описывается штурм
вооруженными отрядами Кенесары военного
укрепления Акмола в 1838 году.

47

Название рода, поселившегося с давних времен на левобережье Иртыша.

48

Род, ответвление большого рода тобыкты.

49

Верблюдица в возрасте четырех лет.

Позднее стало известно, что в годы войны Е. Н. Азербает работал в так называемой «шарашке», находившейся в ведении Л. Берии, занимался разработкой отравляющих веществ для военных целей.

А. С. Пушкин

Оратор читал свой доклад три часа. Выступавший на следующий день младший научный сотрудник Института истории А. Н. Нусупбеков, невзирая на высокую должность почтенного оратора, бросил ему упрек в том, что его длинная речь — всего лишь одна из глав давно разрабатываемой им научной работы и никакой связи с книгой Е. Бекмаханова не имеет. Оратор-эрудит был посрамлен.

Абай Кунанбаев.

Отметим, что президент АН Казахской ССР высоко ценил научный талант своего подопечного и никогда не переставал помогать Е. Бекмаханову в самые трудные для него дни. Выручал в самых опасных ситуациях, пользуясь своим высоким авторитетом и служебными полномочиями, за что ему самому нередко попадало. И ему приходилось писать объяснительные в партийные органы, оправдываться в высоких кабинетах. Например, в своей записке, направленной Ж. Ш. Шаяхметову 1 марта 1951 года, К. И. Сатпаев сообщал, что клеветники и жалобщики обвиняют его в семейно-родственных, земляческих предпочтениях в подборе кадров для академии... По его настоянию это клеветническое заявление было проверено специальной комиссией АН с участием работников Алма-Атинского горкома партии. И вот что показала проверка: из восемнадцати научных сотрудников этого коллектива четырнадцать оказались уроженцами более десяти областей Казахстана, были даже люди из России и Узбекистана. К. И. Сатпаев также пояснил, что опекал Е. Б. Бекмаханова, как подающего большие надежды молодого ученого, единственного доктора наук среди всех историков Казахстана. И задавал вопрос: почему же не поддержать такой редкий талант?! Он с возмущением писал, что надо положить конец бесконечным спорам между четырнадцатью казахскими научными сотрудниками этого института (другие четыре сотрудника были выходцами из РСФСР, притом представителями разных наций), которые, разделившись на группы, постоянно враждуют между собой и тратят время на сочинение бесчисленных анонимных жалоб...

Мощная военная держава, образовавшаяся на территории нынешнего Ирака в конце III тысячелетия до н. э.

Между прочим, высказанная догадка молодого историка позднее полностью подтвердилась: в конце XX века российские и казахстанские археологи обнаружили в Южном Урале и на территориях северных областей Республики Казахстана 27 городов-крепостей — очагов мировой цивилизации, созданных прототюрками и тюркоязычными племенами. Одним из них является ныне широкоизвестный город Аркаим площадью более двадцати тысяч квадратных метров.

Абай Кунанбаев.

«Решением Комитета партийного контроля исключен из партии Багиров — бывший секретарь ЦК Компартии Азербайджана, который двурушнически вел себя перед партией, скрывал от ЦК КПСС известные ему данные о враждебной деятельности врага народа Берия, творил произвол и беззакония в республике, избивал партийные, советские и хозяйственные кадры, в личном поведении допускал большие злоупотребления. Как теперь выяснилось, Багиров скрывал от партии, что в 1921 году во время чистки был исключен из партии за некоммунистическое поведение, избиение арестованных и за взятки. В 1929 году Президиумом ЦК привлекался к ответственности за допущение расправы в органах ГНУ в бытность председателем ГПУ Азербайджана» (Политические процессы 30—50-х годов. С. 73. М.: Изд-во политической литературы, 1991. Из «Отчета о работе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС за период с октября 1952 года по 1 января 1956 года»).

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 342. Л. 86-88.

Алмаатинцы так называли между собой здание ЦК КП(б) Казахстана, подразумевая под этим словом и сам ЦК.

Так называемая «гражданская казнь П. Г. Чернышевского, известного русского демократа, была совершена в 1864 году. Его, арестанта, вывели на площадь, где стояла виселица, сломали нал ним шпагу, надели на голову мешок, затем и петлю. Громко ударили барабаны. А потом был зачитан царский указ о замене смертной казни вечной каторгой...

62

Это был дом 106, квартира 11 по улице Панфилова.

Подарок приносящему добрую весть, здесь употреблено в ироничном смысле.

Абай Кунанбаев.

Все же с помощью ЦК КП(б) Казахстана Т. Ж. Шоинбаев 13 августа того же года вернулся в Институт истории на должность старшего научного сотрудника, на которой находился, как указано в его личном деле, до 7 января 1964 года. Однако по решению президиума АН Казахской ССР от 24 декабря 1963 года он снова был отлучен от института, теперь уже навсегда. О причине столь строгого наказания мы прочитали в 3-м номере журнала «История СССР» за 1964 год: академик АН СССР Н. М. Дружинин и доктор исторических наук Н. Г. Аполлона в открытом письме, направленном в редакцию журнала, сообщали, что подготовленная Т. Ж. Шоинбаевым докторская диссертация на тему «Добровольное присоединение казахской земли к России» в значительной части состояла из переписанных без ссылок, ранее опубликованных ими трудов. Это было, по утверждению российских ученых, настоящим воровством и бросало тень на всех советских историков. Кроме того, ученый совет Института истории, получив их письменное предупреждение, не принял его во внимание, одобрил диссертацию Т. Ж. Шоинбаева, предложив ее к защите. Но сделанное впоследствии экспертной комиссией сличение текста докторской диссертации с прежде опубликованными трудами московских ученых подтвердило плагиат. И потому президиум АН Казахской ССР был вынужден вынести такое строгое наказание...

Тлеукажы Жанайулы защитил докторскую диссертацию в Душанбе, когда ему перевалило за 70 лет. Тема та же, а насколько он изменил ее содержание — нам неизвестно. Но мы знаем другое: до докторского

звания, превратившегося в самоцель, он добрался только тогда, когда ушли из жизни все те историки, против которых он развязывал на страницах газет и в научных дискуссиях политические кампании, организовывал травлю и добился того, что некоторые его коллеги были осуждены на много лет... Т. Ж. Шоинбаев смог защититься, когда полностью изменились составы ученых советов и ВАК. После этого напрашивается вопрос: кто же все-таки выиграл, а кто проиграл? Кто приспособлял историю к текущей политике компартии: воинствующие большевики или те, кто отстаивал интересы науки? И, в конце концов, кто кого наказал?..

Открытие и публикация этого позорного протокола, каждая строка которого отвергает в корне неверные заявления, сочиненные в угоду московским коллегам-правдистам, предаст анафеме своего же товарища, истинного патриота своего народа Е. Бекмаханова с целью уничтожить попавшего в опалу историка, — принадлежит известному правдолюбцу, казахскому журналисту Мадану Аккозину. Этот документ мы взяли из его книги «Вернуть из забвения», изданной на русском языке в 2008 году в Алма-Ате, где он освещает репрессии 1951-1953 годов в главе «Кампания по разоблачению национализма». Надо сказать, что оригинал упомянутого им протокола в Институте истории АН РК не сохранился. Думается, не случайно. Впрочем, нам не удалось также найти протокол аналогичного разбирательства по поводу «национализма» того же Е. Бекмаханова, состоявшегося через месяц в Институте истории АН СССР. Вернее, папка с номером и указанием содержания существует, но, увы, самого протокола в ней нет. Судя по всему, заинтересованные лица уничтожили его втихаря, чтобы через годы не попасть на суд истории...

67

РГАСПИ.Ф. 17. Он. 132. Д. 342. Л. 103-107.

Про некоторых членов комиссии ЦК известный государственный деятель, писатель Ади Шарипов в книге воспоминаний «Увиденное и запомнившееся» отзывался так: «Юсупов Шахизада — человек, ничего не понимающий в литературе, но зато всегда наводящий тень на ясный день. Обвинить человека для него ничего не стоило. А. Ниддибаев — вечный кляузник, на все глядящий своими мутными глазами, готовый истребить всех до единого. А Такежанов тоже всюду ищет врага, даже под бабским подолом, всегда готов заложить любого, даже близкого друга, очень склочный и вредный человек...» Ади Шарипулы всех троих знал как облупленных. Работая первым заместителем министра образования Казахской ССР, он часто проверял их доносы, написанные на авторов учебников К. Жумалиева, Ш. Карибаева, Е. Исмаилова, и по запросу отдела науки и школ ЦК КП(б) Казахстана вынужден был по нескольку раз в голу давать по ним объяснения. Автор воспоминаний также писал и о том, что позднее Ш. Юсупов и А. Нилдибаев за поступки, несовместимые с их научными занятиями, были исключены из партии и уволены с педагогической работы (при написании кандидатских диссертаций они воспользовались чужими трудами и без ссылки на источники выдали их за свои).

Город Костанай до 1997 года писался как Кустанай.

К. И. Сатпаев в годы студенчества нашел в фонде библиотеки Томского университета малоизвестный экземпляр эпоса «Едиге богатырь» и, написав предисловие, в 1927 году выпустил его в московском издательстве «Народы Востока». Эта книжка не была запрещена, следовательно, она имелась во многих библиотеках страны. Почему же корреспондент писал, что выпустивший скрывал ее от общественности? Непонятное обвинение, явно притянутое за уши. Значит, он метил уже в К. И. Сатпаева, в более крупную фигуру, чем Бекмаханов...

Как рассказывал поэт в преклонные годы, следователи КГБ не давали ему спать несколько суток. В ходе истязаний, потеряв ощущение реальности, он случайно произнес слово «есеп» (дословно; расчет). Этого и добивался его мучитель, удовлетворенно кивнувший: «Вот, наконец, признался, что ты — член подпольной партии «ЕСЕП». Его осудили по статье 58, пункт 11 Уголовного кодекса.

Главное управление лагерей.

Речь идет об академике С. Б. Бейсембаеве, с которым они вместе росли в ауле Торе.

Дословно — безбородый.

Этот редкий случай проявления лояльности со стороны службистов безопасности мы приводим по воспоминаниям профессора Карагандинского госуниверситета имени Е. А. Букетова — Дуйсетая Шаймуханова, ученика историка. Об этом он услышал из уст самого Ереке. Однако, по понятным причинам, имя майора он не называет... Выходит, не все работники карательных органов поголовно были злодеями, находились и среди них люди, не чуждые человечности. И они оказывали посильную помощь пострадавшим, чем-то старались облегчить их судьбу. Сам Ереке по этому поводу говорил своим преданным друзьям: «Когда мне было очень тяжело, когда я терял волю, попадал в состояние апатии и безразличия ко всему я вспоминал советы этого доброго человека, и они помогли мне выдержать все испытания...»

По рассказу Халимы Адамбеккызы, все письма друзей, присланные из Москвы. Ермухан в то лето отвез в горы и сжег там. Видимо, среди них были письма, содержавшие сведения, которые могли повредить его друзьям.

Судя по тому, как тщательно следователи искали новую монографию историка, они не хотели допустить выхода этого труда в свет. Потому что этот труд полностью реабилитировал бы Е. Б. Бекмаханова и тогда рассыпались бы все их обвинения. Именно поэтому следователи, конфисковав три экземпляра этого труда, не зафиксировали это в протоколе. Вот еще нелюбезный факт: инспектор ЦК ВКП(б), получив из рук самого историка один экземпляр рукописи, не счел нужным предъявить его соответствующим инстанциям. Если бы он это сделал, то вопиющий и несправедливый вывод о националистической направленности прежней монографии, сделанный шикинской комиссией, отпал бы сам собой и оказался бы обыкновенной клеветой... Как оказалось впоследствии, все экземпляры его монографии, изъятые из его алма-атинской квартиры, а также тот, что получил инспектор ЦК ВКП(б), пропали без следа. Думается, они были сразу же уничтожены...

Вообще-то органы никогда не оглашали имена своих агентов. Чтобы ознакомиться с уголовным, заодно и агентурным делом Е. Б. Бекмаханова, я получил официальное разрешение Комитета национальной безопасности республики за номером С/1258 от 14 апреля 2008 года. Но, несмотря на это, в специальном архиве этой системы, находящемся в Алма-Ате, мне не открыли все материалы, ссылаясь на закон РК от 28 декабря 1998 года, где говорится, что знакомиться «с материалами непроцессуального характера могут только сам обвиняемый или близкие его родственники...». В общем, пришлось довольствоваться тем, что показали...

Протокол трехдневного заседания суда уместился всего-навсего на пятнадцати листах, текст написан на русском языке, от руки. Мы приводим его без сокращений и исправлений. Но у нас имеются дополнительные сведения, которые не вошли в протокол судебного процесса. Например, в нем не полностью приведена последняя речь прокурора Курапова, произнесенная 4 декабря, отсутствует реплика, сопровождавшаяся окриками государственного обвинителя относительно сообщения английской радиостанции ВВС, которое слышали десятки людей, находившихся в тот день в зале суда. Именно через них это стало известно нам. Кстати, сам процесс был объявлен в прессе открытым, но на самом деле в зал заседаний были впущены только общественные представители, которых делегировали партийные организации ведущих вузов столицы. Кроме того, сверяя текст протокола со свидетельствами участников процесса, мы обнаружили ряд несоответствий. Наши извлечения из протокола суда даются курсивом, а дополнительные сведения — прямым шрифтом.

Эти сведения мы приводим по воспоминаниям А. Ержанова, бывшего ученика Ереке, в то время студента 5-го курса исторического факультета КазГУ, уроженца Кызылордынской области, участника Великой Отечественной войны, коммуниста, впоследствии ставшего доктором исторических наук. Высказывания обвинителя Ахмет Ержанулы слышал своими ушами. Между прочим, он был единственным студентом, допущенным на все заседания суда как представитель парткома университета. И он обо всем услышанном, а также и о факте заступничества радиокompании «BBC» сообщил своим друзьям. Одним из них был Мустафа Ильясов, который в 1947–1952 годах учился вместе с Ержановым на историческом факультете КазГУ, ныне — пенсионер, живет в Семее. По свидетельству Мусеке, покойный А. Ержанов в студенческие годы отличался от всех сокурсников серьезностью, как старший по возрасту пользовался уважением, постоянно избирался секретарем партийной организации факультета... «Кстати, всех студентов исторического факультета, кроме А. Ержанова, очевидно, опасаясь коллективных выступлений против несправедливого суда над любимым профессором, в декабре срочно отправили на целый месяц в военные лагеря для прохождения военных сборов, — рассказывал Мустафа Ильясулы автору этой книги. — Словом, карательная система придавала этому процессу особое значение, объявляя его открытым, в то же время делала все возможное, чтобы избежать случайной утечки информации». Но, увы, как видим, отчасти ей это не очень удалось...

Статья 58 Уголовного кодекса предусматривала пресечение действий, направленных на свержение советской власти контрреволюционным путем, и состояла из четырнадцати пунктов.

Пункт 10 имел в виду те же Действия, осуществлявшиеся путем пропаганды и агитации. Значит, научные труды Е. Бекмаханова, признанные реакционными, точно подпадали под этот пункт.

Пункт 2 статьи 58 предусматривал пресечение враждебных действий, ставивших целью отторжение союзной республики от Советского Союза. Обычно осужденные по этому пункту расстреливались, приговор исполнялся в течение трех дней. В 1950-х годах наказание в виде расстрела по этому пункту было временно отменено...

После обсуждения в КазГУ этой статьи из этого учебною заведения был уволен известный ученый-филолог Вейсенбай Кенжебаев, первый редактор романа М. Ауэзова «Абай», вышедшего в свет в голы войны. Высоко ценившего творчество и научные заслуги М. О. Ауэзова Б. Кенжебаева публично обвинили в национализме. Думается, его наказали также за то, что он вопреки требованию карательных органов отказался от шельмования Е. Бекмаханова. Такие поступки органы никогда не прощали...

Очевидно, не выдержав бешеного напора обличителей, М. О. Ауэзов написал письмо-жалобу в ЦК КПСС. На его письмо отозвался заведующий отделом пропаганды и агитации Поликарпов, отрывок из его ответа опубликован в книге Н. Анастасьева: «Товарища Ауэзова мы уважаем, однако после чтения его романа убеждаешься, что казахи в революции особо не нуждались, потому что они, не совершая революции, похоже, жили в коммунистическом раю...» «Вопрос о проживании казахов в условиях, не требующих никакой революции, — на самом деле заслуживает исследования...» Таким ироническим резюме заключил Н. Анастасьев выдержку из письма очередного чиновника ЦК.

Из песни заключенных ГУЛАГа.

В письмах из тюрьмы Е. Б. Бекмаханов, по понятным соображениям, не мог сообщить обо всех физических страданиях, унижениях, плохом питании и других лишениях, которые он с трудом переносил в сырой и промозглой камере. Между тем там уже дала знать о себе старая болезнь легких, и он часто попадал в лазарет, подолгу не мог выходить на работу...

Карательная система Советского Союза весной 1953 гола объявила некоторые облегчения, например, были сняты строгие ограничения на переписку с семьей, разрешены продуктовые посылки, денежные переводы, покупки продуктов в лагерных магазинах...

Специально укрепленный вагон для заключенных.

В один из ненастных дней Е. Бекмаханова вызвали в тюремную контору. Там перед ним положили решение Алма-Атинского суда о расторжении брака с Аминой Губсской, принятое по ее заявлению. «Как же так решили, не спросив моего согласия?» — удивился заключенный. Оперуполномоченный, по-тюремному кум, пояснил: «Если жена отказывается от осужденного мужа по политическим мотивам, то его согласие не обязательно, она имеет право переписать детей на свою фамилию, есть такой удобный пункт закона», — и ехидно добавил: «Так что поздравляю, ты теперь холостяк!..» «Ну, что ж, Амина поступила правильно, мое имя, как врага народа, отрицательно скажется в будущем на судьбе моих девочек...» — Подумав немного, Ермухан поставил свою подпись, означавшую, что он ознакомлен с решением суда. Это была последняя капля, которая должна была его доконать и показать, что карательная система была права, лишив его всего, что он имел, так как он теперь ничто, к нему не нуждаются не только общество, но и его семья, даже собственные дети...

После ареста Е. Бекмаханова его квартира была передана М. Штенгарду, штатному юристу в управлении делами АН Казахской ССР, Однако у него не хватило смелости выставить на улицу несчастную семью Е. Бекмаханова. в которой было пять душ — две старухи (Айша и Хадиша) и двое маленьких детей с Халимой. Он сказал им: «Одну комнату займу я с матерью, а во второй живите вы. Когда хозяин квартиры благополучно вернется, тогда уж подумаем, как быть дальше...» Так две семьи в тесноте и бытовых неудобствах прожили несколько лет, проявляя взаимную терпимость.

Тут Халима Адамбеккызы соблюдает конспирацию, полностью не называя имени своего московского покровителя А. М. Панкратовой.

Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), сын члена Политбюро А. А. Жданова, зять И. В. Сталина. Н. С. Хрущев с приходом в ЦК преобразовал бывшее Управление пропаганды в отдел, прежнего начальника управления, скрытого организатора громких политических преследований Г. Ф. Александрова перевел сначала на Украину, потом назначил послом за границу..

Жена историка И. У. Будовница, друга Е. Б. Бекмаханова. Очевидно, здесь речь идет о записке Е. Бекмаханова А. М. Панкратовой. В ней он напоминал о своей просьбе посодействовать в пересмотре судебного дела. Это своего рода конспирация, так как он не мог прямо обращаться к ней, учитывая ее членство в ЦК КПСС.

Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Казахской ССР Кажим Жумалиев. Когда политические преследования, начатые в 1951 году; достигли своего апогея, он был принудительно переведен в Караганду. В городе угольщиков замечательный литературовед в течение нескольких месяцев не мог найти себе работу по профессии, занимался разной поденщиной. Затем его взяли рядовым преподавателем в местный пединститут. Однако во время последней чистки, в марте 1953 года, его заключили в тюрьму, обвинив по пресловутой 58-й статье УК и осудив на 25 лет. В отделении Долинка Карлага работал скотником, а через некоторое время оттуда был отправлен в Петропавловскую пересылку, а затем — в Бодайбо.

В. Шаламов после ареста в 1937 году попал на колымский золотой прииск «Партизан». Лагерный режим на таком же прииске вблизи городка Бодайбо мало чем отличался от колымского. Но в 1953 году там заключенным делались некоторые послабления. Например, работали они уже по 12 часов в сутки и отдыхали каждое воскресенье...

Из постановления судебной коллегии Верховного суда Казахской ССР от 17 июля 1952 года: «Негативное отношение к Советской власти Б. Сулейменова выразилось его двурушническими действиями. Если в 1948 году он характеризовал феодально-монархическое восстание Кенесары Касымова как националистическое, то в 1951-1952 годах, я ходе научных обсуждений в АН Казахской ССР, он открыто занял противоположную сторону. Некоторые проблемы истории Казахстана он пропагандировал с националистической точки зрения, всячески поддерживал националистов. Свои враждебные СССР взгляды он доказывал в научных трудах и устно, постоянно выступал в буржуазно-националистическом духе. Занимался критикой национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства в период Великой Отечественной войны...»

Трагический случай, беспощадно уничтоживший семью опального историка, стал нам известен из письма мне в Семей Ибрагима Агытаева, Костанайского журналиста-пенсионера, бывшего партийно-работника, датированного 4 октября 2009 года. Как поведал мой добровольный информатор, в августе 1975 года он по поручению райкома партии целую неделю сопровождал известного историка Бека Сулейменулы, приехавшего в бывшую Тургайскую область с целью сбора материалов по истории этого края. О том печальном событии ему стало известно во время продолжительной поездки по аулам...

По инициативе Н. С. Хрущева в апреле 1954 года была создана комиссия, в состав которой вошли исключительно молодые юристы из Верховного суда СССР и военной прокуратуры, ничем не запятнавшие себя в годы культа личности. Комиссия сразу же приступила к повторному рассмотрению дел осужденных во времена И. Сталина по политическим мотивам. В результате были освобождены сотни тысяч заключенных, а умершие посмертно оправданы...

100

Святой покровитель.

101

Легендарная личность всех тюркоязычных народов, который искал лучшую землю для своего погребения.

М. А. Сужиков в июне 1954 года в связи с избранием его первым секретарем Кызылордынского обкома КП Казахстана не смог принять Е. Б. Бекмаханова. поэтому все заготовленные им вопросы были отложены на более поздний срок.

103

Перебродившее верблюжье молоко.

О том, что был такой срочный вызов, пишет в своих воспоминаниях профессор А. Жумасултанов: «Об этом я услышал из уст самого Е. Бекмаханова. Я в то время был его аспирантом. Видел и того нарынколского джигита, который выполнял поручение секретаря райкома партии».

В 1953 году П. К. Пономаренко был министром культуры СССР. Все высшие учебные заведения в то время были в ведении этого министерства.

106

В письме дата не проставлена, по-видимому, оно написано в феврале 1955 года.

С. Г. Бейсембаев в 1955-1957 годах исполнял обязанности заведующего отделом науки Центрального комитета КП Казахстана.

В начале 1957 года был построен поселок Хрущевка, где Бекмахановы получили трехкомнатный домик. Здесь же получили квартиры и многие другие, подвергшиеся ранее политическим преследованиям.

В мае 1956 года в семье Ереке появился третий ребенок, девочка, назвали ее Карлыгаш.

110

Студенты из Баянаула, родственники
Е. Бекмаханова по материнской линии.

Дороги Т. Ж. Шоинбаева и Е. Бекмаханова снова пересеклись, так как тема его докторской диссертации «Присоединение казахских земель к России» полностью повторяла новую монографию Е. Б. Бекмаханова. В случае выхода книги Е. Бекмаханова Т. Шоинбаев опять остался бы на бобах. Поэтому Тлеукажы Жанайулы всеми способами, не останавливаясь перед очернительством, старался воспрепятствовать коллеге...

Академик А. М. Панкратова выступила с трибуны XX съезда КПСС как представитель всех советских ученых, второй раз была избрана членом Центрального комитета. А это в то время было знаком особого отличия и почета.

Исагали Шарипов — партийный, советский деятель Казахстана, в то время полномочный представитель Казахстана при Совете министров СССР.

Содержание этого письма мы приводим лишь и общих чертах по устным воспоминаниям Х. А. Бекмухамедовой. По ее свидетельству, острота и смелость письма привела Ереке в изумление, он про себя восхищался его правдивостью. Потому запомнил почти весь текст, несколько раз делился впечатлениями с женой об этом своеобразном протесте...

Но это письмо, если бы от него не удалось отмежеваться, могло свести на нет все его попытки вернуть ученую степень...

Н. В. Устюгов — доктор исторических наук, профессор, заведующим кафедрой Историко-архивного института, был основателем московской историко-архивной школы. О нем Найдя Ермуханкызы в интервью журналу «Парасат» говорила: «Наставник мой по институту В. В. Устюгов еще до революции окончил истфак МГУ, он был настоящим интернационалистом по духу, много внимания уделял выходцам из малых народов, учил нас работать в архивах. К моему удивлению, в фондах Министерства иностранных дел и в Центральном архиве я увидела множество документов, касающихся Казахстана, лежащих в больших связках, притом нераскрытых».

116

Центральный государственный исторический архив
Министерства иностранных дел.

117

Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ленинградское отделение Института истории АН СССР, которым много лет руководил друг Е. Б. Бекмаханова, известный историк М. П. Вяткин.

119

Центральный государственный архив древних актов, находящийся в Москве.

Г. И. Семенюк — соавтор Е. Б. Бекмаханова в более поздних трудах по истории Казахстана, работавший вместе с ним в КазГУ, где Ермухан Бекмаханулы заведовал кафедрой истории Казахской ССР. «Георгий Иванович Семенюк не сработался с сотрудниками Института истории АН КазССР и попросился на кафедру к Ермухану. И, несмотря на то, что многие не советовали брать такого конфликтного человека с трудным характером, Ермухан взял его после предварительной беседы и изучения его научных трудов... — писала Х. А. Бекмухамсдова в книге «Вместе двадцать лет». — И он не ошибся: Семенюк развернул на кафедре кипучую научно-исследовательскую деятельность. Возглавил научный студенческий кружок по изучению истории Казахстана. На высоком теоретическом уровне вел спецкурсы, спецсеминары...»

Первая книга Н. Е. Бекмахановой была написана на основе ее кандидатской диссертации под названием «Участие казахов в восстании Е. Пугачева». Она была издана издательством «Казахстан» в 1968 году тиражом 45 тысяч экземпляров на русском языке. Буквально через год она стала библиографической редкостью. Ее сейчас трудно найти даже в библиотеках. В те же годы она была издана и на казахском языке.

Казахи, которые ратовали за участие казахов в восстании Пугачева.

Эта беседа не вымышлена. О ней упоминается в интервью, данном Найлей Ермухановой журналу «Парасат». Кроме того, нам известно, что ее кандидатуру поддержали в Министерстве иностранных дел Казахской ССР.

На баянаульской земле в основном преобладают солончаки. Она непригодна для посева яровых культур (хлебные пашни имеются лишь в окрестностях самой станицы, где раньше переселенное сюда русское казачество выращивало пшеницу). Когда-то в этом крае паслись и множились многотысячные отары овец, табуны лошадей и верблюдов. Однако руководители Павлодарской области, не очень вникая в вековые традиции, в годы повсеместного подъема целины, чтобы отчитаться перед вышестоящим начальством, приказали распахать в Баянаульском районе тысячи гектаров пастбищных угодий под посевы пшеницы. В результате хлеба не получили, а животноводческие хозяйства остались без пастбищ. Пришлось многотысячные стада животных отправить на мясокомбинаты. Дня того чтобы предотвратить наступавшую экологическую катастрофу потребовались десятилетия...

Приезд Бекмахановых на родину как раз совпал с периодом наибольшего упадка исконного ведения животноводства.